ЮРИСЛИНГВИСТИКА

X

Лингвоконфликтология и юриспруденция

Барнаул 2010

ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»
Лаборатория юрислингвистики и развития речи АлтГУ
Лаборатория юрислингвистики и документоведения КемГУ
Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов

ЮРИСЛИНГВИСТИКА-10

ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЯ И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Межвузовский сборник научных статей

Барнаул –Кемерово
Издательство Алтайского
государственного университета
2010

УДК 81:34
ББК 81.0012
Ю731

Ответственный за выпуск серии «Юрислингвистика»:
доктор филологических наук, профессор ***Н.Д. Голев***

Ответственный редактор:
доктор филологических наук, профессор ***Т.В. Чернышова***

Редакционная коллегия:
Н.Д. Голев, Т.В. Чернышова (отв. за выпуск),
К.И. Бринев, Т.И. Киркинская

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор,
Председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам (г. Москва)
М.В. Горбаневский
доктор юридических наук, профессор
Алтайского государственного университета
В.В. Невинский

Ю 731 Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов /под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 452с.

Сборник научных трудов «Юрислингвистика-10» посвящен десятилетнему юбилею со дня выхода в свет первого номера серии «Юрислингвистика». Данные материалы представляют собой своеобразный итог развития юридической лингвистики в ее научно-теоретическом и практическом проявлениях как на территории России, так и за ее пределами. Значительную часть сборника составляют материалы Международной научно-практической конференции «Юрислингвистика и лингвоконфликтология» (Кемерово, 1-3 июля 2009г.) и Круглого стола «Юрислингвистика: итоги и перспективы развития», организованного в рамках Второй Международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации» (Барнаул, 16 апреля 2009 г.).

Сборник адресован научным сотрудникам в области языкознания, юриспруденции, журналистики, рекламного дела, преподавателям филологических и юридических факультетах вузов, лингвистам-экспертам, работникам административных и правоохранительных органов.

ББК 81.0012

ISBN 978-5-7904-0836-6

© Оформление. Издательство Алтайского госуниверстета, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

Раздел 1. Язык и правовая коммуникация

Баишева З.В. Корректность судебного оратора (на материале обвинительных речей А.Ф. Кони)

Бушев А.Б. Терминообразование в юридическом дискурсе и способы перевода терминов

Дубровская Т.В. Интервью с судьями как гибридный тип дискурса

Зайцева И.Д. Дискурсивные особенности текстов юридических документов (общая характеристика)

Краснянская Т.И. К обоснованию понятия «напряженность слова» в судебной коммуникации

Красовская О.В. Судебная коммуникация: некоторые трудности взаимодействия

Ромашов Р.А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты

Сарамотина Л.Х. Понятие «преступник» в обыденном языковом сознании

Ширинкина М.А. О некоторых параметрах интерпретационного дискурса в сфере права

Шулепов Н.А; Василишин И.И. Лингвистические аспекты законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций

Раздел 2. Юрислингвистика и языковая политика

Голев Н.Д., Яковлева О.Е. Язык как собственность (к основаниям лингвомаркетологической концепции языка)

Кадоло Т.А. Языковая политика в Республике Хакасия в области наименования внутригородских объектов: итоги и перспективы

Катунин Д.А. Регламентация использования языков в работе федеральных и региональных парламентов Российской Федерации

Павлова О. Д. Языковая политика: территориальный и личностный принципы управление образования администрации города город Лангепас

Пыж А.М. Язык и право в свете юрислингвистики

Раздел 3. Лингвоконфликтология

Бикейкина Н.А. Имя собственное как фактор возникновения лингво-юридических конфликтов.

Кара-Мурза Е.С. Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии

Кишина Е. В. Функционирование концептов «МЫ», «ОНИ» в политических дискурсах разных исторических формаций

Прокуденко Н.А. Речевой конфликт как коммуникативное событие

Саржина О.В. О нейтрализация национально обусловленной конфликтогенности медийного текста при его переводе на иностранный язык.

Третьякова В.С. Конфликт в лингвистических категориях

Чабаненко М.Г. Конфликтный дискурс участника молодёжной коммуникации

Южанинова Л.А. Политические кампании как источник конфликтов в СМИ.

Раздел 4. Лингвистическая экспертология

Антонова С. М. Протокол как паспорт языкового сознания: опыт двух лингвистических экспертиз

Басай Н. М., Дырин Г.Л. Судебные лингвистические экспертизы письменных и устных текстов.

Бринев К.И. Лингвистические теории и лингвистические экспертные исследования: проблема взаимосвязи юридической и теоретической лингвистики.

Грачёв М.А. Некоторые проблемы российской лингвокриминалистики

Иваненко Г.С. Объективная и субъективная информация в контексте лингвистического исследования по процессам о защите чести и достоинства

Кара-Мурза Е.С. Коммуникативные парадигмы «Директивы» и «Эвалюативы» как признаки речевых преступлений и как обучающие единицы лингвоконфликтологии.

Мишланов В.А. К проблеме лингвистического обоснования правовых квалификаций речевых конфликтов

Морозов А.В. Денотативные и коннотативные компоненты семантики инвективного слова

Олзоева Я.В. Предвыборные дискредитирующие тексты как объект юрислингвистики: нравственно-правовой аспект.

Сидорова Т.А. Юридизация деривационных средств в публицистическом тексте.

Яковлева Е.А. Жанроведение, или генристическая лингвистика, как один из методов исследования конфликтных текстов

Раздел 5. Юрислингвистическое образование

5.1. Теоретические и методические проблемы лингвистического образования

Артыкуца Н. В.Об эффективной модели формирования лингвистической компетентности юристов

Бляхман Б.Я. Юридическое образование: правосознание и культура

Васильев А.Д. Язык российского права и некоторые вопросы юридического образования

Кыркунова Л.Г. Судебная речь: методика работы над композицией

Скорофатова А.А. Правосознание и языковая культура курсантов высших учебных заведений Министерства внутренних дел Украины

5.2. Учебные программы

Кузьмина С.Е. Языковая интерференция: рабочая программа курса для студентов, обучающихся по специальности «Филология», специализация – «Лингвокриминалистика»

Синеокова Т.Н. Лингвистика измененных состояний сознания: рабочая программа курса для студентов, обучающихся по специальности «Филология», специализация – «Лингвокриминалистика»

Чернов И.В. Язык как средство международного общения: программа учебной дисциплины.

Чернышова Т.В. Методы филологического исследования коммуникации: программа учебной дисциплины для студентов магистратуры.

Раздел 6. Лингвоэкспертная практика

Экспертизы по спорным речевым произведениям в связи с уголовными делами по обвинению в экстремистской деятельности, а также по обвинению в возбуждении расовой, религиозной, национальной и социальной ненависти и вражды

Морозов А.В. «Действительно виновные должны понести наказание»

Осколкова Н.В. Исследование песенной лирики в контексте Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»

Садыкова Г.В. «Чем опасен призыв убивать черных»

Экспертизы по спорным речевым произведениям в связи с гражданскими делами о защите чести, достоинства и деловой репутации и компенсации морального вреда

Бикейкина Н.А. «Выход – стать хозяевами»

Бринев К.И., М.И. Парасуцкая. «То явятся, то растворятся», или «Необъяснимые» метаморфозы документов в городской службе судебных приставов»

Экспертизы по спорным речевым произведениям в связи с уголовными делами по обвинению в оскорблении, неуважении к суду, оскорблении представителя власти и др.

Махмудов Ш.А. Из практики лингвистической экспертизы

Чернышова Т.В. *Хамло, трепло поганое, баба базарная* и пр.как публичная инвектива

Экспертизы по спорным речевым произведениям, связанным с нарушением авторских прав и законов, регулирующих рекламную и предвыборную деятельность

Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Является ли некорректным сравнение в слогане «TELE2 – ВСЕГДА ДЕШЕВЛЕ!»?

Экспертизы по спорным речевым произведениям, связанным с идентификацией личности по тексту

Голев Н.Д. Сравнительное лингвистическое и автороведческое исследование трех текстов

Экспертизы по спорным речевым произведениям в связи с преступлениями, в основной или квалифицированный состав которых входит угроза

Сыпченко С.В., Наумов. В.Г. «Из фонограмм разговоров следует…»

Экспертизы по спорным речевым произведениям в сфере официально-деловой коммуникации

Чернышова Т.В. Цена контракта

7. Юрислингвистические дебюты

7.1. Юрислингвистика

Воробьева М.Е. Функционирование юридических терминов в обыденном сознании (на материале семасиологического эксперимента)

Кузнецова Т.Ю. Коммуникативная неудача как проявление асимметрии формы и значения слова (на материале рассказов В. Шукшина)

Обелюнас Н.В. Конфликт интерпретаций в сфере массовой коммуникации

Петрова О. А. Сведения и мнения в оценочной метафоре

7.2. Лингвоюристика

Авдеев Р.С. Толкование Конституции РФ Конституционным Судом Российской Федерации

Иваненко П.Д. Защита чести, достоинства и деловой репутации в уголовном праве

Раздел 8. Рецензии

Голев Н.Д. Взаимоотношения языка, права и истины в монографии К.И. Бринева. Рец.: Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. Барнаул, 2009. – 252с.

Раздел 9. Хроника. Информация

Голев Н.Д. Информация о работе Международной научно-практической конференции «Юрислингвистика и лингвоконфликтология» (Кемерово, 1-3 июля 2009г.)

Чернышова Т.В. Информация о работе круглого стола «Юрислингвистика: итоги и перспективы развития» (Вторая Международная научно-практическая конференция «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации» (Барнаул, Алтайский государственный университет, 14-18 апреля 2009 г.)

Чернышова Т.В., Бринев К.И. Информация о Курсах ФПК на филфаке АлтГУ (2009г.)

Ким Л.Г. Специализация «Юридическая лингвистика» в КемГУ

Информация о защите диссертаций: А.В. Коряковцев, О.П. Сологуб, А.В. Евстафьева

От редколлегии:
«СБОРНИКУ ЮРИСЛИНГВИСТИКА – 10 ЛЕТ!»

Предлагаемый читателю выпуск ежегодного межвузовского сборника научных трудов «Юрислингвистика» является юбилейным – десятым. В 1999 году – дата выхода первого номера – никто в редколлегии и не предполагал, что у проекта будет такая долгая, интенсивная и интересная судьба. За десять лет в серии «Юрислингвистика» было опубликовано более 366 статей, написанных 197 авторами из вузов различных городов России. Публиковались в сборнике и коллеги из других стран – Австрии, Беларуси, Казахстана, Китая, Украины, Финляндии.

В определенном смысле сама жизнь подталкивала редколлегию к формированию все новых и новых выпусков. Востребованность в оформлении нового научного лингвистического направления, необходимость кумуляция изолированных усилий в едином центре ощущались и ощущаются редколлегией до сих пор. Несомненно, катализатором центростремительных тенденций в юрислингвистике была и остается потребность в выработке единых «правил» судебной лингвистической экспертизы. Этот новый выход прикладной лингвистики не оставил равнодушными многих специалистов, у которых, с одной стороны, накапливался опыт специфических исследований и требовал своего выхода, а с другой стороны, в самой лингвистике аккумулировалась усталость от бесплодных, оторванных от жизни исследований. Таким образом, юрислингвистика не только «питалась» энергетикой социальной жизни и интеллектуальной деятельности лингвистов, но и сама питала лингвистику новыми идеями и реально воздействовала на социальную жизнь. Все это было внове для лингвистов и тех специалистов по теории права, которые по роду своей деятельности участвовали в разработке языковых аспектов правовой коммуникации.

Проект «Юрислингвистика» развивался не только в количественном плане. Весьма заметна его трансформация в журнал-ежегодник, в котором присутствуют все жанры, характерные для журналов. Первый шаг раздвижения жанров произошел в третьем выпуске, когда было решено создать рубрику «Юрислингвистическая практика». В этом разделе публиковались оригинальные экспертизы, которые редколлегия называла «прецедентогенными». В исследования авторов этого раздела проходили испытания новые методики и решались дела, не имевшие прямых аналогов ранее. Затем появились рубрики «Библиография», «Хроника, рецензии, информация», «Юрислингвистические дебюты» (в этом разделе публиковали свои работы начинающие авторы), «Юрислингвистические диалоги» (разделе с дискуссионными материалами), «Юрислингвистика в вузе». О последнем скажем несколько подробнее. Начиная с выпуска 4, в сборнике регулярно печатаются программы и учебные планы различных дисциплин с юрислингвистическим содержанием. Можно сказать, что это второй скреп нашего ежегодника – потребность в объединении усилий многочисленных преподавателей-филологов, преподающих лингвистические дисциплины

юристам, экономистам, «международникам» и т.п., очень велика; большинство из таких преподавателей «варятся в собственном соку», и раздел «Юрислингвистика в вузе» становится для них естественной площадкой обмена опытом.

Сложной задачей представляется очерк содержательной стороны сборника. В совокупности публикаций по сути охвачен весь спектр взаимопроникновения язык и права – от частных методик, скажем, фоноскопической экспертизы до глубинных и глобальных вопросов взаимоотношения языка и права. Тем не менее за 10 лет формирования сборника у редколлегии накопился опыт систематизации материала, и рубрики (разделы), выделяемые в сборниках, говорят о зонах наибольшего притяжения.

Это «Лингвоюристика (лингвистические аспекты права)» – в данном разделе концентрируются наиболее актуальные вопросы законодательной техники и юридической герменевтики (толкования текстов закона), «Лингвоконфликтология» (здесь в первую очередь следует назвать исследования инвективной и манипулятивной функции языка, особенностей и типологии речевых конфликтов, понятия ненормативности), «Лингвоэкспертология» (теоретические основания экспертной деятельности лингвистов и разработка конкретных методик исследования различных видов спорных речевых произведений), «проблемы разработки государственного языка», «Лингвоэкология», «Юридическая риторика и правовая лингводидактика».

Редколлегия видит и те участки юридико-лингвистического поля, которые требуют особых усилий и которые можно квалифицировать как перспективы организационной работы редколлегии. Среди них такие, как освещение региональных проблем юрислингвистики: большой опыт работы муниципальных учреждений над правовыми документами, опыт средств массовой информации в профилактике и решении конфликтных ситуаций, работа судебных и следственных органов, связанных с речевой практикой – все эти аспекты «юрислингвистики на местах» нуждаются в обобщении и серьезном обсуждении. Есть немалая потребность в теоретическом освещении специальных вопросов юридико-лингвистической деятельности, в частности, связанных с юридическим сознанием рядовых носителей языка – законопослушных граждан, участников диалога государства и народа, который осуществляется на языке этого народа. Обыденное правовое сознание несомненно содержит в себе и мощный лингвистический компонент, поскольку функционирование права в обществе не может осуществляться вне его языкового бытия. Наконец, нуждаются в научном осмыслении лингвистические аспекты международного права, юридического перевода, конфликтологии полилингвального взаимодействия.

Среди традиционных рубрик сборника в юбилейном выпуске одно из ведущих мест по количеству представленных работ занимает **первый раздел**, посвященный истории и современному состоянию научных исследований на стыке языка и права. Так, изучению судебного ораторского

мастерства известных русских юристов второй половины XIX в. и выработке принципов эффективного речевого поведения в ситуации современного профессионального (юридического) общения посвящено исследование З.В. Баишевой; разностороннее рассмотрение судебной коммуникации, роли судьи и других участников в судебном процессе детально представлено в работах Т.В. Дубровской и О.В. Красовской; повышенный конфликтогенный потенциал судебной коммуникации рассмотрен в статье Т.И. Краснянской, а манипулятивное воздействие правовой коммуникации в целом – в исследовании Р.А. Ромашова. Дискурсивный подход к продуктам речевой деятельности судебно-правовой сферы разрабатывается М.А. Ширинкиной и И.Д. Зайцевой; Л.Х. Сарамотина рассматривает особенности формирования профессионального сознания в среде студентов-юристов. Завершают раздел статья Н.А. Шулепова и И.И. Василишина, посвященная содержательному наполнению терминов, функционирующих в правоприменительной практике, и исследование А.Б. Бушева, в котором рассматриваются проблемы перевода безэквивалентных терминов. Во **втором разделе** представлены статьи, посвященные различным проблемам юрислингвистики. Так, обоснованию и специфике предмета новой отрасли знания о языке, возникающей на пересечении таких объектов жизнедеятельности человека и общества, как язык, маркетинг и право, посвящена статья Н.Д. Голева и О.Е. Яковлевой; изучение языка в юрислингвистическом аспекте через систему монолексемных и составных терминов, терминоподобных устойчивых наименований и профессионализмов представлено в статье А.М. Пыж. Новый аспект юрислингвистики представлен в исследованиях Д.А. Катунина, О.Д. Павловой, Т.А. Кадоло, посвященных различным аспектам языковой политики государства в условиях многоязычия. В **третьем разделе** помещены статьи, описывающие различные виды языковых конфликтов. Спектр проблем, рассматриваемых авторами, достаточно широк: от исследования конфликтного потенциала имени собственного в статье Н.А. Бикейкиной до проблемы оскорбления чести и достоинства нации в СМИ в исследовании О.В. Саржиной; от изучения интерпретационных возможностей имеющихся классификаций речевых конфликтов в статье Е.С. Кара-Мурзы до исследования В.С. Третьяковой модели поведения индивида, включенной в широкую социальную и национально-культурную парадигму. Кроме того, в статьях Е.В. Кишиной, Н.А. Прокуденко, М.Г. Чабаненко, Л.А. Южаниновой исследуется конфликтный потенциал разных видов коммуникации – политической, агитационной, молодежной, художественной.

Четвертый раздел – традиционно наиболее крупный по количеству представленных публикаций – посвящен проблеме лингвоэкспертологии. К.И. Бринев анализирует два теоретических принципа современной юридической лингвистики – теорию истины, принимающуюся при производстве лингвистических экспертиз, и теорию точных определений терминов. В.А. Мишланов обращается к осмыслению сущности судебно-лингвистической экспертизы с учетом положений общей судебной экспертологии. Е.С. Кара-Мурза анализирует лингвистические параметры

речевых преступлений в аспекте производства экспертизы и в аспекте вузовского обучения основам и азам юрислингвистического анализа текстов. Возможности судебной лингвистической экспертизы устных текстов рассматриваются в статье Н.М. Басая и Г.Л. Дырина; текст как воплощение индивидуального личностного опыта проживания жизни в социуме на примере протокола характеризует С.М. Антонова. Статьи А.В. Морозова и М.А. Грачёва посвящены проблемам лингвистического исследования инвективной лексики. В ряде работ (Г.С. Иваненко, Я.В. Олзоевой, Т.А. Сидоровой, Е.А. Яковлевой) рассматриваются различные приемы и методы анализа спорных текстов в ходе лингвистической экспертизы. В **пятом разделе** (часть 1) теоретические и методические проблемы лингвистического образования студентов-юристов рассматривают Н.В. Артыкуца, Б.Я. Бляхман, Л.Г. Кыркунова, А.А. Скорофатова; соотношение феноменов языка и права применительно к проблемам образования обсуждается в статье А.Д. Васильева. Во второй части данного раздела авторские программы для студентов и слушателей магистратуры по различным курсам, в том числе и по специализации «лингвокриминалистика», представили С.Е. Кузьмина, Т.Н. Синеокова, И.В. Чернов, Т.В. Чернышова. В **шестом разделе** расположены материалы лингвоэкспертной практики; **седьмой** отдан в распоряжение начинающих исследователей – студентов и аспирантов.

Завершают сборник **восьмой раздел**, в котором представлена рецензия Н.Д. Голева на монографию К.И. Бринева «Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза» (Барнаул, 2009), и **раздел девятый**, в котором нашли отражение такие важные для развития юрислингвистики, лингвоконфликтологии и лингвоэкспертологии события, как Международная научно-практическая конференция «Юрислингвистика и лингвоконфликтология» (Кемерово, 1-3 июля 2009г.); Круглый стол «Юрислингвистика: итоги и перспективы развития», состоявшийся в ходе Второй Международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации» (Барнаул, Алтайский государственный университет, 14-18 апреля 2009 г.); Курсы ФПК на филфаке АлтГУ (Барнаул, 2009г.), Специализация «Юридическая лингвистика» в КемГУ; защита кандидатских и докторских диссертаций.

Раздел 1
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК И ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

З.В. Баишева

КОРРЕКТНОСТЬ СУДЕБНОГО ОРАТОРА
(на материале обвинительных речей А.Ф. Кони)

В условиях демократизации общества, возрождения суда присяжных исследование судебного ораторского мастерства известных русских юристов второй половины XIX в. представляет большую теоретическую и практическую значимость. Такая работа предполагает всесторонний лингвистический анализ судебных речей, выявление и описание их важнейших коммуникативных качеств, раскрытие индивидуальных особенностей судебных выступлений ораторов-юристов, нахождение особых приемов и средств, с помощью которых возможно не только достижение оптимального результата в судебной речи, но и выработка принципов эффективного речевого поведения в ситуации профессионального (юридического) общения.

В свете сказанного особое значение приобретает анализ судебного ораторского мастерства А.Ф. Кони – первоклассного оратора, непревзойденного художника слова, умелого аналитика, полемиста, психолога, знатока человеческих душ. Его выступления служат для судебных деятелей наших дней образцом эффективного речевого поведения и речевого произведения.

А.Ф. Кони справедливо считается основателем судебной этики. Взгляды его по этому вопросу изложены в статье «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)» [Кони, 2000, с. 78-107]. Знаменитый юрист подчеркивает тесную связь отправления прокурорских обязанностей с нравственными правилами отношения к человеку, характерными для русской культуры, для русского национального типа: «Забвение про живого человека, про брата во Христе, про товарища в общем мировом существовании, способного на чувство страдания, вменяет в ничто и ум, и талант судебного деятеля, и внешнюю, предполагаемую полезность его работы» [Кони, 2000, с. 92]. А.Ф. Кони призывает судебных деятелей не забывать, что объектом их действий является прежде всего человек, имеющий никем и ничем неотъемлемые права на уважение к своему человеческому достоинству; призывает относиться к преступнику (а значит, и к подсудимому) «с христианской любовью, с простотою и снисхождением и остерегаться всего, что унижает или оскорбляет: низко преступление, а человек достоин сожаления» (А.Ф. Кони приводит слова московского митрополита Филарета) [Кони, 2000, с. 111]; подчеркивает необходимость справедливого отношения к человеку, выражающегося в сознательном и беспристрастном поставлении себя на его место в каждом данном случае и в

воздержании от того, чтобы делать разумное существо не целью, а средством для достижения посторонних и своих личных целей [Кони, 2000, с. 111].

Тактичность, предельная осторожность и чувство меры как одно из важнейших нравственных требований, предъявляемых к русским судебным ораторам второй половины XIX в., наиболее последовательно реализуется в судебных выступлениях А.Ф. Кони.

Проявление корректности судебного оратора тесно связано с реализацией важного качества судебной речи – уместности. *Уместность* речи – это такой подбор, организация средств языка и речи, которые больше всего подходят для ситуации высказывания, отвечают задачам и целям общения, содействуют установлению и поддержанию психологического контакта между говорящим и слушающим [Васильева, 1990, с. 87]. Судебный оратор должен со вниманием относиться к используемым им в речи языковым средствам, отбирая наиболее уместные для данной обстановки общения. «Слово – одно из величайших орудий человека, – писал А.Ф. Кони. – Бессильное само по себе, оно становится могучим и неотразимым, сказанное умело, искренно и вовремя. Оно способно увлекать за собою самого говорящего и ослеплять его и окружающих своим блеском. Поэтому нравственный долг судебного оратора – обращаться осторожно и умеренно с этим оружием и делать свое слово лишь слугою глубокого убеждения, не поддаваясь соблазну красивой формы или видимой логичности своих построений и не заботясь о способах увлечь кого-либо своею речью» [Кони, 2000, с. 110].

Корректность оратора повышает убедительность судебной речи, поскольку усиливает доверие присяжных к выступающему, формирует у них представление о его нравственной добропорядочности, об опрятности, о гуманном, справедливом, объективном отношении к людям независимо от их положения. А это психологически предрасполагает присяжных внимательно прислушиваться к мнению оратора и доводам, на которых оно основано, или, иначе говоря, обеспечивает эффект внушающего убеждения, помогает склонять слушателей к своему мнению.

Уважительное отношение к подсудимому обусловлено также осознанием общественной значимости судебного процесса, пониманием его глубокого воспитательного воздействия. От того, насколько уважительно относится судебный оратор к присутствующим в зале судебного заседания, зависит в первую очередь уважение граждан к суду, усиление воспитательного воздействия судебных процессов: «Суд, в известном отношении, есть школа для народа, из которой, помимо уважения к закону, должны выноситься уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству» [Кони, 2000, с. 83].

Оратор на протяжении всей судебной речи должен иметь в виду, что и как (в частности, в каком стиле) уместно говорить в каждой ее части с учетом существа дела, особенностей лиц, говорящих в суде и воспринимающих сказанное. Об этом писал Цицерон: «Не для всякого общественного положения, не для всякой должности, не для всякого возраста, не для всякого

места и момента и слушателя подходит один и тот же стиль, но в каждой части речи, так же как и в жизни, надо всегда иметь в виду, что уместно: это зависит и от существа дела, о котором говорится, и от лиц, и говорящих, и слушающих» (цит. по: [Античные теории…, 1936, с. 196]).

По мнению Квинтилиана, в судебной речи уместен стиль, соответствующий принципу золотой середины: «Пусть красноречие будет великолепно без излишеств, возвышенно без риска… богато без роскошества, мило без развязности, величаво без напыщенности: здесь, как во всем, вернейший путь – средний, а все крайности – ошибки» (цит. по: [Кузнецова, 1976, с. 184]). Эти слова перекликаются с тем, что говорил еще Аристотель об ораторской речи вообще: «Стиль не должен быть ни низменным, ни слишком возвышенным, но соответствующим предмету речи» [Аристотель, 2000, с. 115]. И далее: «Соответствующий стиль и самому делу придает убедительность» [Аристотель, 2000, с. 123].

Такой умеренный стиль для обвинительной речи оптимален, потому что он в наибольшей степени соответствует её предмету, особенно когда говорится о таких обстоятельствах, разукрашивать которые «цветами красноречия» не просто неуместно, а неестественно, кощунственно. «Можно ли щеголять изяществом слога, – писал П.С. Пороховщиков, – говоря о результатах медицинского исследования мертвого тела, или блистать красивыми выражениями, передавая содержание гражданской сделки?» [Сергеич, 2000, с. 19].

Для обвинительных речей А.Ф. Кони характерно умеренное и уместное использование «цветов красноречия». Средства выразительности используются оратором с определенной целью – сгустить эмоциональную патетику в нужном месте, то есть в соответствии с ситуацией общения и темой речи. Образные языковые средства служат средством усиления, подчеркивания основной мысли. Организованные под определенным углом зрения, в соответствии с целевой установкой оратора, они приобретают аргументативный характер.

Построение речи в соответствии с обсуждаемой темой (уместность теме) проявляется, в частности, в применении А.Ф. Кони *иронии*. По мнению его современника, известного юриста К.К. Арсеньева, «ирония составляет, вообще говоря, одно из любимых оружий А.Ф. Кони» [Арсеньев, 1888, с. 795]. В 16-ти речах знаменитого оратора нами отмечено 439 случаев употребления иронии. Например: *«Но надо было сделать приданое. Ермолаева заняла для этого у Седкова 1 тыс. руб. Будущий зять, давая деньги, взял в обеспечение вексель Демидова в 5 тыс. руб. и попросил Ермолаеву «для верности» написать на нем свою фамилию. Когда приданое было получено в виде мебели, белья и платья, старушка принесла и занятую тысячу рублей. Но Седков поступил с нею* ***великодушно. Он не взял денег. Он предпочел оставить у себя вексель в 5 тыс. руб., на котором, к удивлению Ермолаевой, оказалась ее бланковая подпись.*** *Правда, это стоило ему предложения господ офицеров Измайловского полка* ***избавить их***

***от его присутствия**, но деньги по векселю он взыскал сполна и таким образом приобрел за женою 13 тыс. руб.»* (из речи «По делу … Седкова»).

О применении иронии в обвинительных речах А.Ф. Кони писал: «Там, где она имеет своим источником лживые объяснения подсудимого и свидетелей, направленные к тому, чтобы «втереть очки», ирония может служить хорошим средством для яркого и образного разоблачения обмана» [Кони, 2000, с. 112]. Например: *«Иными свойствами обладает большинство свидетелей, подтверждающих оправдания Протопопова.* ***Память или совершенно изменяет им на суде, так что они «ничего не помнят», или же, напротив, чрезвычайно просветляется, обратно пропорционально количеству времени, прошедшему от события и от следствия»*** (из речи «По делу … Протопопова …»).

Следует вместе с тем отметить, что А.Ф. Кони пользуется орудием иронии очень осторожно. Ирония практически не применяется там, где речь идет об убийстве, зато широко используется для изобличения обмана (лжесвидетельство, подлог, подделка акций и т.п.). Так, в речи «По делу об убийстве иеромонаха Иллариона» оратор прибегает к иронии лишь 1 раз, в речи «По делу об убийстве Филиппа Штрама» и «По делу об убийстве … Чихачева» ирония употреблена оратором лишь по 3 раза, а в речи «По делу об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче, обвиняемых в участии в подделке акций…» нами зафиксировано 55 случаев использования иронии.

Ирония в речах известного юриста обладает тем свойством, которое можно охарактеризовать словами А.Ф. Лосева, относящимися к иронии Сократа: она «всецело пронизана этикой и моралью», она «медленно, но верно перевоспитывала людей» [Лосев, 1969, с. 78]. Она позволяет обвинителю выразить свое отношение к данному явлению или лицу, оставаясь при этом очень тактичным. Тонкая, скрытая насмешка, выражаемая при помощи иронии, дает оратору возможность повлиять на мнение адресата, сохранив при этом видимость самостоятельности слушателей в оценке данного явления.

Следование принципу золотой середины проявляется в речах А.Ф. Кони и в том, что он всегда строил свою речь с учетом среднего уровня развития обыкновенного здравомыслящего присяжного заседателя (уместность лицу), что позволяло ему эффективно донести свою аргументацию до ума и сердца любого присяжного. Оратор говорит просто, используя выражения обыденной речи, в чем проявляется его уважительное отношение ко всем участникам судебного процесса.

Свойственным А.Ф. Кони чувством меры, умеренностью продиктована и его сдержанность в выборе слов и выражений, характеризующих подсудимого. Обвинитель не допускает в речи никакого выражения злобы, ожесточения. По этому поводу знаменитый юрист писал: «"Пройтись насчет подсудимого", без сомнения, иногда бывает соблазнительно…. Но этому соблазну не следует поддаваться… Исполняя свой тяжкий долг, он (то есть прокурор – обвинитель) служит обществу. Но это служение только тогда будет полезно, когда в него будет внесена строгая нравственная дисциплина

и когда интерес общества и человеческое достоинство личности будет ограждаться с одинаковым чувством и усердием». В обвинительных речах А.Ф. Кони проявляется его умение осторожно и осмотрительно обращаться со словами, умение произнести в нужное время нужное слово, чтобы не навредить ходу судебного процесса.

В каждой обвинительной речи А.Ф. Кони создает беспристрастные, объективные характеристики личности подсудимых, независимо от того, какое преступление совершено – подделка акций, подлог или кровавое убийство. При этом каждый раз, там, где это возможно, оратор указывает смягчающие вину обстоятельства. Например, в речи «По делу об убийстве иеромонаха Иллариона» обвинитель доказывает, что подсудимый совершил убийство с умыслом, с обдуманным заранее намерением, создает в речи кровавую, но беспристрастную картину преступления, называет это преступление весьма тяжким. Вместе с тем находит необходимым обратить внимание присяжных заседателей на возраст преступника (ему 18 лет), считает это смягчающим вину обстоятельством, призывает присяжных заседателей учесть его при вынесении приговора.

В речи «По делу об убийстве Филиппа Штрама» А.Ф. Кони, квалифицируя преступление Александра Штрама, отмечает кровавый характер этого дела, подчеркивает отсутствие в совершенном деянии (убийство) смягчающих вину обстоятельств, вместе с тем создает беспристрастную картину совершения преступления, дает объективную характеристику личности подсудимого: называет то хорошее, что было в этом человеке, показывает, как постепенно, под влиянием окружающей среды заглушались в нем хорошие, честные привычки: *«Мы видим его молодым юношей, находящимся в ученьи, добрым, отличным и способным работником, несколько робким, боящимся пройти мимо комнаты, где лежит покойница; он нежен и сострадателен, правдив и работящ. <…> В столкновении с <…> не особенно хорошей средой заглушаются, сглаживаются некоторые нравственные начала, некоторые хорошие, честные привычки…».*

Оратор не допускает насмешки над подсудимым, всегда корректен в употреблении относительно подсудимого эпитетов. Например, в речи «По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах…» А.Ф. Кони говорит об отношениях между Янсеном и Акар: *«между Янсеном и Акар существовала* ***большая дружба, старинная приязнь, переходящая почти в родственные отношения, которая допускает постоянное пребывание Янсена у Акар, допускает возможность обедать и завтракать у нее, заведовать ее кассою, вести расчеты, почти жить у нее...».*** Когда же защитник попытался назвать эти отношения интимными, со стороны А.Ф. Кони последовала суровая отповедь оппоненту: *«Нам указывают на то, что* ***интимных, как выразился господин защитник,*** *отношений между подсудимою и Станиславом Янсеном не существовало… На это я считаю нужным заметить, что обвинение…* ***имеет право ожидать, чтобы к словам его относились со вниманием, вытекающим из уважения к***

взаимному труду, который должен иметь одну общую цель. *Если так отнесется к обвинению защита, то она должна будет сознаться, что, кроме указаний на старинное знакомство и приязнь, никаких других заявлений обвинением делаемо не было <…>* ***Делать из слова дружба произвольные выводы, конечно, можно, но едва ли защита госпожи Акар оказывает ей хорошую услугу подобными выводами…»***.

Об умеренности оратора свидетельствует также употребление им *эвфемизмов,* которые помогают обвинителю оставаться тактичным на протяжении всей речи, избегать этикетно нежелательных или слишком интимных выражений. Так, вместо «умер» А.Ф. Кони говорит *«замолк навеки»*, вместо «умирает» − «*скоро предстанет пред другого судию»,* вместо «покончить жизнь самоубийством» − *«добровольно сойти с лица земли»*, *«прервать связь с окружающим миром»*, вместо «голый» − «*в наряде, более чем легком*» и т.п. Таким образом он демонстрирует уважительное отношение и к адресату, и к подсудимому, потерпевшему, свидетелям по делу: *«Те, которые хотят удовлетворить своему аппетиту, идут в общие комнаты. Но те, которые* ***приходят с другой целью****, переходят площадку, на которой встречаются с запертой дверью. Оно и понятно, что дверь заперта: нельзя, чтобы всякий ходил по коридору, в расположенных вдоль которого номерах* ***люди ищут уединения****»* (из речи «По делу о лжеприсяге …»).

А.Ф. Кони неукоснительно следует требованию соблюдать уважение к достоинству всех лиц, участвующих в процессе, − подсудимых, потерпевших, свидетелей и др. Отрицательные оценки обвинителя сдержанны и производятся преимущественно с использованием средств непрямого информирования – иронии, намека, умолчания.

Таким образом, в судебных выступлениях А.Ф. Кони выявляются важнейшие черты, характерные русскому типу обвинителя: высокая нравственность (тактичность, чувство меры); внимание и уважение к человеку; пристойность как широкое требование соблюдения чувства меры. Проявление этих качеств повышает убедительность обвинительной речи, так как усиливает доверие присяжных к оратору, убеждает слушателей в его нравственной порядочности, объективности, тем самым создает условия для принятия ораторской позиции. Зная, что речи А.Ф. Кони всегда были высоко эффективны и успешны, можно сделать вывод о возможной результативности подобного речевого поведения и для современных ораторов, произносящих судебные речи в русской аудитории.

Библиографический список

Античные теории языка и стиля. – М.-Л.: Наука, 1936.

Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель. – М.: Лабиринт, 2000.

Арсеньев К.К. Русское судебное красноречие/ К.К. Арсеньев // Вестник Европы. – 1888. – №4. – С. 768–811.

Васильева А.Н. Основы культуры речи / А.Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1990.

Кони А.Ф. Избранные труды и речи / А.Ф. Кони. – Тула: Автограф, 2000.

Кузнецова Т.М. Ораторское искусство в Древнем Риме / Т.М. Кузнецова, И.П. Стрельникова. – М.: Наука, 1976.

Лосев А.Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1969.

Сергеич П. (Пороховщиков П.С.) Искусство речи на суде / П. Сергеич. – Тула: Автограф, 2000.

Источники исследования

Кони А.Ф. По делу о лжеприсяге в бракоразводном деле супругов З-ных [Текст] / А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений. – В 8 т. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. – Т. 3. – С. 76–90.

Кони А.Ф. По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах, обвиняемых во ввозе в Россию фальшивых кредитных билетов, и Герминии Акар, обвиняемой в выпуске в обращение таких билетов / А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений. – В 8 т. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. – Т. 3. – С. 91–117.

Кони А.Ф. По делу об убийстве Филиппа Штрама / А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений. – В 8 т. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. – Т. 3. – С. 158–173.

Кони А.Ф. По делу об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче, обвиняемых в участии в подделке акций Тамбовско-Козловской железной дороги, а последний, кроме того, в приготовлении к отравлению / А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений. – В 8-ми тт. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. – Т. 3. – С. 232–268.

Кони А.Ф. По делу об убийстве иеромонаха Иллариона / А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений. – В 8 т. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. – Т. 3. – С. 269–278.

Кони А.Ф. По делу об убийстве коллежского асессора Чихачева / А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений. – В 8 т. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. – Т. 3. – С. 279–306.

Кони А.Ф. По делу о подлоге завещания капитана гвардии Седкова / А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений. – В 8 т. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. – Т. 3. – С. 307–334.

Кони А.Ф. По делу земского начальника Харьковского уезда кандидата прав Василия Протопопова, обвиняемого в преступлениях по должности [Текст] / А.Ф. Кони // Кони А.Ф. Собрание сочинений. – В 8 т. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967. – Т. 3. – С. 377–394.

А. Б. Бушев

ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ

Среди переводческих задач в области профессиональных юридических подъязыков особую важность приобретают проблемы перевода безэквивалентных терминов, поиск эквивалентности, понимание нюансов семантики в связи с предметом и т.д.

Существенная специфика перевода терминов в сфере юриспруденции и соответственно в сфере лексикографической работы обусловливается спецификой права и спецификой профессионального языка (большое количество латинизированных заимствований, восхождение к римскому праву, разность национального права, наличие дефиниций, оценочности и т.д.) На это же затруднение понимания работают неоднозначные термины, многозначные слова, термины из других отраслей знания, синонимы, просторечие, жаргонизмы, архаизмы и т.д. [Бушев, 2003, 2007, 2008].

При переводе привлекают внимание возможности поиска эквивалентности и перевода безэквивалентных слов (описательный перевод, транслитерации-транскрипции, калькирование).

Приведем примеры **описательности** при переводе. Так, *felon = фелон = лицо, совершившее фелонию.* Фелония – категория тяжких преступлений, по степени описанности находящаяся между государственной изменой и мисдиминором.

Embracer = лицо, виновное в попытке оказать преступное воздействие на судью или присяжных с целью понудить их к вынесению решения или вердикта в пользу стороны по делу.

Описательный перевод характерен также и для структурно сложных терминов, например, для цепочек существительных (noun clusters):

penetration test = испытание на возможность проникновения в систему; тест на защиту от несанкционированного доступа;

tamper sensor = датчик сигнализации о попытках несанкционированного вскрытия (например, прибора);

Транскрипции-транслитерации характерны для *латинизмов*. Как известно, латинизирована лексика частного права: *виндикационный иск, негаторный иск, бенефициар, деликт, диспозитивность, субсидиарная ответственность, солидарная ответственность, императивность, апатриды, индоссамент, коммандитист, юрисдикция, реквизиция, сервитут, казус, фидуциарный, цессия, фиск, шикана, тратта, трассат, трассант.* Транскрипции и транслитерации англицизмов часты в современном праве как результат распространения корпоративного права США: *факторинг, лизинг, брокер, коносамент.* Они есть свидетельства влияния права и экономики англоязычного мира: *патронаж, тендер, тайм-чартер, секвестр, фрахт, рента, ремитент, комиссия, инкассо,*

контрактант, лизинг, бербоут-чартер, аккредитив, домицилированный вексель.

Велика частотность **собственно англицизмов** в языке права*: абандон, аброгация, автаркия, автократический, авторитет, агент, агрессия, администрация, аккредитация, акцепт, альтернатива, амортизация, амнистия, аннулировать, анонимный, аннексировать, андеррайтер, апелляция, арест, аукцион, аудит, баланс, банкрот, бандит, бартер, бизнес, бойкотировать, бонус, бюджет, вакансия, ваучер, гарантия* и др.

Характерно и наличие **описательного перевода плюс транслитерации**: *defamation = диффамация*. Требуется и описательный перевод: «разглашение позорящих другое лицо правдивых сведений». Показательна **многозначность**: *delinquency* – это и *делинквентность,* и *акт делинквентного поведения,* и *невыполнение обязанностей, нарушение (договоры, закона), правонарушение, задолженность, просрочка*.

Реалии юриспруденции англоязычных стран тоже могут представить в виде **транслитераций**: *gerrymandering = джерримендеринг = перекройка избирательных округов с целью обеспечения результатов выборов, угодных данной партии.*

Goodwill= «гудвил», стоимость фирмы – репутация и деловые связи фирмы, нематериальные элементы фирмы, включающие наименование фирмы, товарные знаки, клиентуру.

Absenteeism – как *длительное отсутствие собственника недвижимости,* так и *невыход на работу,* так и *абсентеизм = уклонение от участия в выборах или от посещения собраний.*

Acclamation = аккламация – спонтанное одобрение единодушным общим голосованием без подсчета голосов.

Может учитываться «**латинская эквивалентность**»:

Assignor = латинский эквивалент *цедент*

Assignor = латинский эквивалент цедент

Среди других примеров отметим: *domicile = домициль, dominion = доминион, donor = донор, electorate = электорат, emancipation = эмансипация, endorse =индоссировать.*

Современные английские слова также могут подвергаться транслитерациям: *берглэри, маггинг, пассинг-оф* (прямая выдача своего за чужое, коммерция под чужим именем, маркировка товаров ли услуг знаком конкурента и тому подобные действия, имеющие целью вызвать впечатление, что данные товары или услуги исходят от фирмы-конкурента).

Для создания английских терминов может использоваться **терминологизация лексики**, что учитывается переводчиком: *declination* = (шотландское) отвод судьи со ссылкой на его заинтересованность в деле, *dedication* = отказ о патентных прав в пользу общества, *абандонирование* запатентованного изобретения во всеобщее пользование.

Переводчику необходимо учитывать, что при создании терминов возможны **метонимии**: *ermine* = горностай (в переносном смысле

употребляется применительно к должности судьи и отправлению судейских функций).

Эквивалентность при переводе в профессиональном языке во многом определяется микроконтекстом: *«возвращать» в значении «отдавать» = «to give back, to return», «…долг и т.п.» = «to redeem, to refund, to reimburse», «возвращать деньги» = «to pay back, to repay», «…имущество» = «to restore property», «…доверие, свободу» = «to regain confidence (freedom)», «…дело из вышестоящего в нижестоящий суд» = «to relegate (remand) a case to a lower court», «…дело к прежнему юридическому положению» = «to revert a case», «…дело на доследование (на повторное рассмотрение)» = «to remit (recommit) a case for further inquiry».* Вышеприведенный пример позволяет проиллюстрировать **проблему полисемии и полиэквивалентности слова в профессиональном языке.** Выбор варианта перевода контекстно обусловлен: *«соучастие»* в значении «*процессуальное соучастие»* переводим как «*joinder of the parties*»; «*соучастие в преступлении*» – как «*accompliceship»; «criminal complicity»,* «*complicity (implication) in a crime*» как «*подстрекательство*» – *«abetting in a crime»*. «*Санкция»* в значении «одобрение, разрешение» переводим как «*approval, assent, authorization, sanction»*, в то время как санкции в значении «неустойка, штраф» может быть дан один из следующих эквивалентов: «*penalty, penal measure, sanction»*.

Выбор эквивалента – задача переводчика*: «смягчить наказание» = «to commute= to mitigate = to reduce a penalty* (punishment)». Самые ходовые профессиональные глаголы тоже не моноэквивалентны: *«способствовать»* можно переводить как *conduce, to contribute to, to encourage, to facilitate, to further, to promote.*

Синонимы часто отличаются семантическими, стилистическими коннотациями, иногда возможны дуплеты: *«сутяга» = «claimant, complainant, litigant, litigator, litigious person, leguleian, pettifogger». «Соистец» = «co-claimant= co-litigant= co-plaintiff».*

«Брать под стражу» по-английски можно выразить следующими коллокациями: «*to detain in custody, place in (under) detention, to commit to prison, to imprison , (вновь брать под стражу) to remand in custody*».

«*Субъективное право»* по-английски имеет эквивалент «*subjective right*», *субъективная сторона преступления* – «*mental element of a crime*». *«Решение суда»* можно переводить «*decision award, court decision, judgement, ruling, arbitral award*», в значении «*приговор» – «sentence, verdict»*.

Для переводчика важна и **сочетаемость**: скажем, «*выносить решение»* можно перевести как «*to award= to deliver= to give= to hold= to pass= to pronounce = to render a judgment».*

В сфере юриспруденции хождение имеют книжные глаголы: «*совершать растрату имущества» = «to defalcate=to peculate= to embezzle».*

Соответственно, кроме группы общеправовых терминов, мы можем говорить о терминополях коммерческого (*абандон, аваль, авансирование, авизо, аважио, авуары, аккредитив, акцепт*), уголовного, международного *(агреман, агрессия, апатрид),* и т.п. права.

Определенную сложность представляет такой элемент профессионального языка, как ссылки, гиперссылки на дефиниции, очевидные для говорящего, но неясные переводчику рецептору. Скажем, при квалификации преступлений пользуются ст. 14 Общей части УК РФ, которая дает определение преступлению: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим кодексом под угрозой наказания».

Ст. 15 той же общей части УК РФ дает легальные дефиниции преступлений небольшой тяжести, средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений.

Статьи часто дефинируют термины. При этом дефиниции также являются особенностью профессиональной юридической речи. Ст. 11 НК РФ называется «Институты, понятия и термины, используемые в настоящем Кодексе» и дефинирует термины НК: *физлица, внебюджетные фонды, недоимки* и т.п. Ст. 3 закона о гражданстве РФ называется «Основные понятия», дефинирует основные понятия права гражданства. Кодифицированное законодательство так или иначе дефинирует основные понятия: В УПК это делается, например, в ст.5 (дано шестьдесят легальных дефиниций). Это не исключает того, что толкование и дефиниции возможны и доктринальные, судебные и пр. Все это также представляет источники затрудненного понимания, своего рода барьеры на пути понимания.

Общая, неюридическая, семантика также усложняет коммуникацию. Присутствуют **оценочные понятия**, неопределенность содержания и объема которых затрудняют понимание: *неблагоприятные условия* ст. 152 ГК РФ, действия, *позорящие* – ст.129 УК, *добросовестные* – ст.10 ГК РФ, результаты в *крупном размере* – ст. 174 УК РФ, *исключительность* обстоятельств – ст. 64 УК РФ), мотивы и побуждения (*корыстные* – ст. 126 УК РФ, *хулиганские* – ст. 105 УК РФ), причины – *уважительные, неуважительные*.

В профессиональном языке распространены **эвфемизации**: *схемы оптимизации от налогообложения, высшая мера социальной защиты, physically handicapped, mentally abnormal, with learning disabilities, senior citizen, optically challenged, African American, institution, asylum, deranged = страдающий психическим расстройством (mental derangement).*

Наряду с терминами регистрируются **клише и коллокации** типа «*to abide and satisfy» = « полностью выполнить судебное решение», «on account of whom it may concern» – «за счет тех, кого это может касаться (страховая формула)».* Трафаретные выражения отраслей права, клише демонстрирует оценочность в языке профессиональной коммуникации юриспруденции.

Все вышеизложенное заставляет внимательно соотносить переводческую практику с традицией и новацией в сфере терминографии и терминологии.

Библиографический список

Бушев А.Б. Информационные ресурсы Интернет и международное право // Российская академия юридических наук: Научные труды. – М.: Издательская группа «Юрист», 2003. – Вып. 3. – Т. 1. – С. 614–622.

Бушев А.Б. Личность и социум: русский язык и речь россиян в XXI веке// Личность, речь и юридическая практика: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. Е.И. Дулимова. – Ростов н/Д, 2007. – Вып. 10. – Часть 1. – С. 52–56.

Бушев А.Б. Узус русской речи и перевод на русский язык: актуальный аспект лингводидактики перевода// Индустрия перевода и информационное обеспечение внешнеэкономической деятельности предприятий: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. /под ред. Т. С. Серовой. – Пермь, 2008. – С. 346–357.

Т.В. Дубровская

ИНТЕРВЬЮ С СУДЬЯМИ КАК ГИБРИДНЫЙ ТИП ДИСКУРСА

Проведенный нами ранее анализ речевого поведения русских и английских судей в потоке судебного дискурса позволил нам выделить в структуре языковой личности судьи несколько граней: судья-рефери, судья-участник драматического действа, судья-лингвист, судья-обычный человек. (Более подробно об этом мы писали в [Дубровская, 2007; Дубровская, 2008 и др.].) Существует и еще одна сторона личности судьи – судья-публичная фигура. В этом амплуа судья проявляет себя в большей степени не в обстановке судебного процесса, а в других коммуникативных ситуациях, в частности, в ситуациях общения с представителями СМИ. В данной статье мы рассмотрим интервью в прессе и видео-интервью с русскими и английскими судьями в СМИ (2002-2007гг.) и охарактеризуем этот жанр с функциональной и формальной точки зрения. Мы покажем, что, выполняя не характерную для него роль публичной фигуры, судья сохраняет свою судейскую идентичность, с одной стороны, и адаптирует речевое поведение, чтобы выполнить поставленные задачи, с другой стороны.

Коммуникацию судей с журналистами в жанре интервью нельзя отнести к собственно судебному дискурсу, поскольку она занимает пограничное положение между судебным дискурсом, дискурсом СМИ, политическим дискурсом и объединяет их признаки. Мы считаем, что в таких случаях целесообразно говорить о формировании гибридного дискурса. Выделяя свойства институционального дискурса, В.И. Карасик отмечает градуальный характер институциональности [Карасик, 2002]. В институциональном дискурсе, по мнению ученого, можно выделить ядро (общение базовых участников) и периферию, «где находится контакт представителя института с человеком, не относящимся к этому институту» [Карасик, 2002: 292-293]. Мы полностью согласны с идеей о полярности институционального дискурса и считаем, что эта идея применима к судебному дискурсу. Жанр интервью с судьей, в котором представитель

судебной власти вступает в контакт с представителем СМИ, а через него – с широкой общественностью, представляется нам именно таким периферийным жанром.

Развивая идею полярности, мы утверждаем, что разнородный состав участников периферийного общения – не единственный признак гибридного дискурса. Гибридный дискурс характеризуется утратой одного или нескольких принципиальных признаков исходного дискурса и присвоением признаков другого типа дискурса. Такое изменение дискурса западные исследователи соотносят с понятием интердискурсивности. В.К. Бхатиа, известный исследователь жанров институциональной сферы, в том числе судебной, выделяет 4 уровня дискурсивной и профессиональной деятельности (текст, жанр, профессиональная практика, профессиональная культура) и определяет интердискурсивность как присвоение семиотических ресурсов, включая текстовые, семантические, социо-прагматические, жанровые и профессиональные, на двух или более уровнях из четырех перечисленных [Bhatia, 2008, с. 165].

Основатель школы критического анализа дискурса английский ученый Н. Фэрклоф отмечает социальную подоплеку интердискурсивности [Fairclough, 2004]. Называя одной из черт современного общества размытость границ между социальными практиками, ученый считает, что эта размытость проявляется в интердискурсивности. Анализ интердискурсивности для Н. Фэрклофа – это посредник между лингвистическим анализом текста и различными формами анализа общественно значимых событий и практик [Fairclough, 2004, с. 218].

Гибридность дискурса, в нашем понимании, это не стилевое смешение, а смешение на уровне способов осуществления социально значимых действий, обусловленное определенными социальными факторами.

И в российском, и в английском обществе в силу ряда исторических причин, обсуждать которые в данной работе нет возможности, назрела необходимость освещения деятельности системы правосудия. От представителей судебной власти ждут публичных заявлений и ответов на многочисленные вопросы. Судебная власть также осознает необходимость сотрудничества с СМИ и выстраивания таких отношений с ними, которые способствовали бы выполнению стратегической задачи – созданию в обществе образа независимой, прозрачной, беспристрастной судебной власти.

Интервью как жанр СМИ предоставляет интервьюируемому достаточно широкие возможности заявить о себе и своей позиции по тем проблемам, которые ему представляются актуальными. Поэтому вполне закономерно, что представители судебной власти прибегают к политтехнологиям и не отказываются от интервью, посредством которых можно сформировать желаемый образ судебной власти.

В традиционном для СМИ жанре интервью судья выступает в необычной для своего статуса роли. Если в зале суда он выполняет функцию организующего центра коммуникации и является носителем речевой

инициативы, то в интервью он оказывается, выражаясь судебным языком, в роли допрашиваемого. При этом судья остается носителем своего статуса и интересует интервьюера именно в этом качестве. **Судейский статус** интервьюируемого проявляется прежде всего в эксплицитной демонстрации своей связи с судейским сообществом и выражении коллективного мнения.

Очевидный способ выражения мнения от общего лица – использование инклюзивной формы «мы» в значении «мы, судьи»:

(1) ***Мы*** *рассматриваем сложнейшие уголовные и гражданские дела, а с 1991 года, на протяжении уже 11 лет,* ***суды*** *рассматривают жалобы на незаконность и необоснованность применения меры пресечения в виде заключения под стражу и продления срока ареста. Так что опыт* ***у судей*** *есть* (Лебедев, 2002).

Употребленное в начале высказывания «мы» соотносится с последующими номинациями «суды» и «у судей».

Английский судья использует многочисленные инклюзивные формы *«we»* (мы), *«us»* (нас), *«our»* (наш), констатируя принцип независимости судей:

(2) …Whatever the dispute, it is absolutely essential that the judge resolves it independently without any outside influence on the result. ***We*** *all take an oath to administer the law without fear or favour, affection or ill-will. It's very important that nobody's trying to influence* ***us*** *when* ***we*** *do* ***our*** *job and that* ***we****'re not subject to any personal bias when* ***we*** *do* ***our*** *job* (Lord Chief Justice, 2006).

Нами отмечены и некоторые другие проявления коллегиальности в речи судей. Например, эксплицитно выраженное нежелание обидеть коллег содержится в следующем комментарии:

(3) ***Я не хочу обидеть коллег*** *из других окружных судов, но, объективно говоря, концентрация в столице огромных капиталов, наличие высокой деловой активности, близость федеральных органов власти, Высшего Арбитражного Суда России и целый ряд других факторов, которые переплелись между собой, все же накладывают на споры, рассматриваемые в Москве, свой «фирменный» отпечаток* (Майкова, 2005).

Лорд Главный Судья называет подчиненный ему судейский корпус семьей *(judicial family)*, а также заявляет о готовности защищать его интересы и «бороться за свой угол» *(fight my own corner)*:

(4) I sympathise, of course, with hospitals, with schools, but ***I have to fight my own corner*** (Lord Chief Justice, 2007).

Сохранение интервьюируемым своего судейского статуса накладывает некоторые ограничения на его речь, что приводит в ряде случаев к отказам отвечать на вопросы в том виде, в котором они заданы. Так, судья избегает прямого ответа на вопрос, объясняет свой речевой ход и оставляет решение проблемных вопросов на будущее в следующей ситуации:

(5) В: Я правильно понял, что с рядом нововведений вы не согласны?

О: ***Судьи – правоприменители. Теперь, когда УПК стал законом, мы не можем говорить, согласны мы с ним или нет.*** *Однако в ходе применения нового УПК может возникнуть вопрос: соответствуют ли*

Конституции те или иные его положения? В этом случае суд любой инстанции вправе поставить такой вопрос перед Конституционным судом. Дискуссий по проекту УПК было немало, да и сегодня еще звучат вопросы в отношении некоторых его положений. Судебная практика покажет, насколько состоятельны имеющиеся опасения (Лебедев, 2002).

Во фрагменте из английского интервью мы можем наблюдать воплощение институциональной нормы, согласно которой судьи не могут обсуждать детали конкретных дел на публике. Журналист апеллирует к известному делу, которое когда-то рассматривал интервьюируемый, но судья отказывается обсуждать конкретное дело:

(6) Q: You were of course the judge in one of the most famous fraud cases of the Brothers Maxwell a few years ago. You think that that case would have been what quicker? And judged better if you would have been able to do it yourself?

A: My opinions are not based on any individual cases and ***I wouldn't want to speak about individual cases*** *...* (Lord Chief Justice, 2007).

Основной целью интервью с судьями, как мы отмечали ранее, является цель просветительская, **создание положительного образа судебной власти** в обществе, избавление от существующих в обществе отрицательных стереотипов. Для достижения этой цели судьи используют ряд речевых тактик. Рассмотрим их с точки зрения формальной и функциональной специфики. Список выделенных нами **тактик** включает:

1) **признание ошибок**. Публичные признания ошибок и недостатков в работе демонстрируют критический и аналитический подход говорящего к себе и своей деятельности, что свидетельствует о его сознательности и добросовестности. Кроме того, признание собственной ошибки может использоваться стратегически, так как оно лишает собеседника повода для критики и нападения. Именно таким образом поступает судья в следующем примере, высказывая критические замечания относительно системы назначения кадров, и немедленно подстраховывается сообщением о принимаемых мерах:

(7) ...Вообще, я полагаю, что система назначения кадров, которая на сегодняшний день существует, ***имеет много погрешностей, много неясного.*** *В настоящее время в Совете судей Российской Федерации* ***сформирована рабочая группа по совершенствованию*** *Закона «О статусе судей в Российской Федерации», касающейся именно подбора судейских кадров. Для нас это чрезвычайно важный вопрос* (Майкова, 2005).

Английский судья, признавая факт проволочек в судах магистратов, предлагает альтернативный способ назначения наказания – фиксированное наказание для ряда случаев:

(8) ***It's been taking longer and longer*** *to get summary trials on before magistrates, and so it's a natural reaction, well if we can't get trials on quickly, is there any alternative way of dealing with them? I think that there are some areas where diversions or fixed penalties are perfectly appropriate (Lord Chief Justice, 2007).*

Разновидностью тактики признания ошибок мы считаем тактику уступки, когда признание недостатка сопровождается указанием на положительные моменты, что несколько смягчает неблагоприятную картину. Эта тактика широко используется русскими судьями. Формальными маркерами этой тактики являются конструкции «безусловно, но...», «да, но...», «пожалуй, но...» и т.п.:

(9) ***Да****, возможны* ***ошибки****,* ***но*** *не «холодное лето 53-го»* (Лебедев, 2002).

(10) Были у нас и уголовные процессы по делам о взятках, полученных судьями. К примеру, в Москве трое судей по одному из уголовных дел были наказаны лишением свободы на длительные сроки - свыше 8 лет. Поэтому ***проблема, конечно****, есть,* ***но*** *она не носит такого глобального характера, о котором нам постоянно говорят* (Радченко 2007);

2) **непризнание вины и ошибок.** Эта тактика в определенном смысле противостоит выше названной и обычно представляет собой реакцию на выдвинутые журналистом обвинения:

(11) В: Население должно бы знать: «А судьи кто?». Раньше судей первого звена избирало население. Теперь только назначают. И перед народом судьи не отчитываются, даже не встречаются, кроме как в зале суда. Не создалась ли замкнутая и бесконтрольная корпорация? <…>

О: <…> Что касается "замкнутой и бесконтрольной корпорации", то ***вряд ли это справедливо****. Сама система рассмотрения дел очень прозрачна. Сторона участвует в процессе, сторона имеет право на принесение жалобы. Жалоба, принесенная на судебное решение, обязательно будет рассмотрена судом второй инстанции и тоже в гласной открытой процедуре. Сохраняется возможность надзорного обжалования. Поэтому говорить о замкнутости и бесконтрольности* ***совершенно неправильно*** (Радченко, 2007).

В приведенном фрагменте мы можем наблюдать переход от некатегоричного «вряд ли справедливо» через стадию аргументации к однозначному и категоричному «совершенно неправильно».

Очень прямолинейно звучит реплика английского судьи, в которой он отвергает обвинение в том, что судьи стали выносить более мягкие приговоры:

(12) Q: So you would refute the charge that judges are these days getting softer?

A: ***I would certainly refute it, it is simply not true.*** *Judges by and large can be shown to be getting rather* ***more severe*** *in their sentencing* (Lord Chief Justice, 2006).

В реплике судьи сразу несколько языковых средств использованы для придания ей категоричного звучания: *would certainly refute* (несомненно опроверг бы), *simply not true* (попросту неправда), *more severe* (более суровы);

3) **положительная оценка деятельности судей** и своей деятельности в частности. В рамках данной тактики широко используются лексические

средства с положительно-оценочным значением: *справились, высокое качество, позитивные сдвиги, стабильность решений, эталонное качество решений, полноценная судебная инстанция, working well enough (работает достаточно хорошо), worked very well (работали очень хорошо), judges of high integrity/ high ability (судьи с большими способностями), admirable state of affairs (положение дел, достойное восхищения)* и т.д.:

(13) Q: Do you think though, that the public at the moment, has cause to be proud, or perhaps, not very proud of the way justice is administered for them in this country?

A: I think overall the public should be ***proud*** *of the way justice is administered. We have in this country* ***judges of high integrity*** *and* ***high ability*** *and that is something* ***of great value****. I have been travelling around the world quite a lot and all I can say is it's not something you find everywhere* (Lord Chief Justice 2007);

(14) В: И как на сегодняшний день вы оцениваете компетентность судей Федерального арбитражного суда Московского округа?

О: Состав суда ***очень профессиональный****. Именно это я и имела в виду, когда говорила о* ***приобретениях*** (Майкова, 2005);

4) **обещания на будущее**, представляющие положительные перспективы развития и планируемые изменения:

(15) В: То есть с введением в действие президентского пакета законов по судебно-правовой реформе точка в ней поставлена не будет?

О: Конечно. Правосудие и дальше ***будет совершенствоваться****. Но нельзя сводить все только к изменениям УК и УПК. Требуется решать всю совокупность проблем, порождающих преступность. Это* ***целый комплекс мер****, включающих борьбу с наркоманией, с безработицей, беспризорностью, профилактику правонарушений...* (Лебедев, 2002).

О предстоящих положительных изменениях в сторону расширения контингента людей, из числа которых будут назначаться судьи, сообщает английский судья:

(16) Appointments will still be made on merit but it's hoped that we will have ***a wider pool*** *which will produce* ***a more diverse judiciary*** *as a result of attracting into the pool people who are at present not viewing the judiciary as one of their options* (Lord Chief Justice, 2007).

Обещание перемен к лучшему – типичная тактика политических деятелей в борьбе за власть и популярность;

5) **корректная критика в адрес других сил**, которые стоят на пути развития судебной системы. Отечественные судьи часто вступают в конфронтацию с законодательной властью и выражают негативное мнение о законопроектах, снимая таким образом с себя ответственность за последствия выполнения законов, которые им не нравятся:

(17) Мы полагаем, что в этой части УК ***требует корректировки*** *– не должен человек за повторное совершение незначительного преступления переводиться в разряд рецидивистов* (Лебедев, 2002).

В английской судебной системе более актуальной представляется другая проблема – вмешательство в судебную сферу министров, т.е. представителей исполнительной власти. В примере (18) тему вмешательства министров в деятельность судебной власти поднимает журналист, побуждая судью высказать свое мнение. Критическое замечание делается судьей в исключительно корректной форме. Ошибку министров судья объясняет не злым умыслом *(not out of malice)*, а недостаточным пониманием *(a failure to understand)* того, где проходит граница между судебной и исполнительной сферами:

(18) Q: But there have been what appeared to be – and I say appeared to be because you may think that this is an incorrect perception - of ministers of state and I suppose I might as well say in particular Home Secretaries who have appeared to be attempting to or purporting to say things which are really in the judicial province.

A: There have in the past been instances of that; there have in the last year been one or two instances of ministers making comments about sentences that judges have imposed which were not appropriate. I regard this as something that has happened in the past and has happened ***not out of malice*** *but* ***simply as a result of a failure to understand*** *where the line should be drawn as to what is, and what is not appropriate for a minister to comment on* (Lord Chief Justice, 2007).

Критические, но корректно сделанные замечания в адрес противостоящих сил создают образ судебной власти, способной к отстаиванию своих интересов, с одной стороны, и компромиссу и кооперации с другими ветвями власти, с другой стороны. Ни в русском, ни в английском материале нам не встретилось критики из уст судей, которую можно было бы назвать агрессивной или нарушающей нормы социального взаимодействия. Безусловно, такое речевое поведение характеризует судей и судебную власть с лучшей стороны;

6) неоднократные **ссылки на принципы функционирования судебной системы**. В ходе интервью судьи делают акцент на нескольких основных категориях, определяющих работу судей и судебной системы в целом: независимость, демократия, публичность, прозрачность, эффективность. Слова, обозначающие эти принципы, в силу их повторяемости можно назвать ключевыми в речи судей.

Независимость понимается судьями как свобода от какого-либо внешнего давления, личного или со стороны правительства. Так, английский судья последовательно отрицает правительственное влияние на судебную власть. Синтаксический параллелизм и лексические повторения придают высказыванию убедительное звучание:

(19) Q: Don't you sometimes get government pressure on you?

A: We ***don't get government pressure****, we* ***never have got government pressure*** *in this country and that's an admirable state of affairs and we* ***never must have government pressure*** *upon us. We have to be* ***independent of the government****. Very often the government is party to the dispute and a citizen is challenging the government, we have to decide that dispute fairly. It would be very*

undesirable if we were under any kind of pressure or influence from the government (LCJ, 2006).

Председатель Совета Судей РФ, отвечая на вопросы журнала «Судья», также подчеркивает необходимость создания условий, гарантирующих независимость судов и судей:

(20) Мы в своей деятельности прежде всего руководствуемся Постановлением пятого Всероссийского съезда судей, в котором были сформулированы задачи органов Судейского сообщества. Одна из главных таких задач – ***укрепление независимости и самостоятельности судов*** *при тесном взаимодействии органов Судейского сообщества с органами законодательной и исполнительной власти как в центре, так и на местах* (Сидоренко, 2005).

С понятием независимости тесно связаны понятия **демократии** и **публичности**. Устанавливая связь между ними, Лорд Филлипс объясняет, что закон управляет демократией, а без независимой судебной власти невозможно гарантировать правильное применение закона:

(21) The rule of law is what governs a democracy. The citizen needs to know that the law will be applied fairly in his case, that if he is in the right and the state is in the wrong his right will be respected, and unless you have an independent judiciary you can't be happy that the rule of law is going to be properly implemented (Lord Chief Justice 2006).

О публичности и гласности правосудия, обеспечиваемых посредством сотрудничества с СМИ, говорят отечественные судьи:

(22) Очень важным мы считаем обеспечение реализации принципов ***публичности и гласности правосудия****, в том числе путем взаимодействия судов со средствами массовой информации* (Сидоренко, 2005).

Озабоченность по поводу недостаточно открытой системы правосудия выражает в интервью другой судья, но связывает эту проблему главным образом с проблемами материального обеспечения и нехваткой мест в залах заседания:

(23) У нас иногда в суде, где работают 10-12 судей, от силы два зала судебных заседаний. Понятно, что и размеры залов небольшие, а гражданские и некоторые уголовные дела приходится рассматривать в судейских кабинетах. Это явно ***противоречит принципам открытости*** *судебного процесса, поскольку очень сложно разместить всех желающих посмотреть вызывающий общественный интерес судебный процесс в маленьком, тесном зале судебного заседания. А если дело рассматривается в кабинете судьи, то там есть место только для истца, ответчика и их адвокатов. Увы, это реальность, с которой мы постоянно сталкиваемся* (Радченко, 2007).

Делая акцент на проблемы материального характера, судья фактически избегает обсуждения распространенного среди российских судей нежелания работать публично, причем даже в тех случаях, когда техническая возможность для этого существует.

Эффективность – еще один принцип, определяющий функционирование судебной системы. Как эффективное руководство судебной системой определяет свою задачу Лорд Главный Судья. Интересно, что слово *«efficient»* (эффективный) подхватывается журналистом, который добавляет ему отрицательную коннотацию, саркастически называя его «*buzz-word»* (модное словечко). Однако судья игнорирует отрицательный оттенок слова, добавленный журналистом, и повторяет тезис об эффективности судебной системы, которая может быть достигнута путем сотрудничества с Лордом Канцлером и Отделом Конституционных дел:

(24) Q: Will these changes, these constitutional changes, actually have any effect in practice on the way justice is administered in the courts of England and Wales?

A: I rather hope not, what we're looking for is a seamless change. Justice is well administered I believe, and I hope it will continue to be well administered. The individual citizen who is resorting to the courts, I hope will not notice any difference.

Q: Except presumably that you hope to make the courts ***more efficient and all those new 'buzz-words'.***

A: Well, one's always trying to make the system function as ***efficiently*** *as possible. A large part of the job of making sure they operate* ***efficiently*** *remains with the Lord Chancellor and the Department of Constitutional Affairs* (Lord Chief Justice, 2006).

Эффективность работы системы правосудия предполагает высокую результативность и качество принятых решений. Российские судьи как положительный результат работы отмечают стабильность и высокое качество решений. Осознание того, что только соблюдение всех принципов правосудия в совокупности может дать положительный результат, просматривается в речи судей:

(25) В: Согласитесь, однако, Владимир Александрович, что далеко не только на «бытовом уровне» основана столь распространенная негативная оценка деятельности судов?

О: Разумеется, вы правы. Гораздо важнее такие критерии, как ***независимость и беспристрастность*** *судей,* ***справедливое*** *судебное разбирательство,* ***результативность*** *судебного решения и не в последнюю очередь* ***честность и неподкупность*** *судьи* (Туманов, 2004).

Неоднократные обращения судей к основополагающим принципам правосудия создают картину независимого, справедливого и эффективного правосудия и портрет судейства, борющегося за соблюдение этих принципов вопреки неблагоприятным условиям и тормозящим внешним силам;

7) **самоирония**. Эту тактику мы отметили только в английских материалах, что можно объяснить особенностями национального менталитета. Самоирония относится к характерным чертам английской речевой культуры и не чужда даже институциональному общению. В последней части интервью, посвященной менее серьезным вопросам, журналист поднимает тему ношения судейских париков и интересуется

точкой зрения Лорда Главного Судьи. В ответ судья не без юмора описывает ситуацию, когда судьи в длинных париках идут на открытие юридического года в Вестминстерское Аббатство и при этом выглядят, как престарелые бараны *(aged sheep)*. Представители СМИ потом злоупотребляют снимками судей в таком облачении, помещая их рядом с не очень умными высказываниями судей, что производит впечатление поголовной глупости судей. Отметим, что, даже описывая судей не в самых приятных ситуациях (*we don't say something silly very often but sometimes we do* – мы не очень часто говорим глупости, но иногда бывает), Лорд Главный Судья не отстраняется от судейского корпуса и использует инклюзивное *«we»* (мы):

(26) Q: And do judges wear these long full bottom wigs that come halfway down their backs?

A: They wear them once a year when they go to the service at Westminster Abbey for the opening of the legal year and after that if the weather's fine, and it usually is, they walk across the road to the Chancellor's, the Lord Chancellor's Reception in the Great Hall. And as they're walking across the road they have their photograph taken by the media. And when the judge says something silly – and we don't say something silly very often but sometimes we do – what they do, they fish out the photograph of the judge looking like a rather aged sheep and put that photograph over the story which is merely accentuates the impression that all judges are stupid. I'm not very enthusiastic about the full bottom wig (Lord Chief Justice 2006).

Умение судей с чувством юмора выходить из затруднительных ситуаций, не теряя при этом достоинства и поддерживая своих коллег, дополняет создаваемый судьями положительный образ судебной власти и придает этому образу «человеческое лицо».

Таким образом, жанр интервью предоставляет судьям трибуну для обсуждения проблем, актуальных для судебной системы, выражения позиции судебной власти по этим проблемам, воздействия на общественное мнение с целью укрепления авторитета судебной власти и доверия к ней. Строго говоря, такие задачи имеют политический характер, поскольку выполняются в рамках общей стратегии сохранения власти посредством преобразования коллективной картины мира. Ориентация на массового адресата также является свойством политической коммуникации, ретранслируемой через дискурс СМИ. Как и в политической речи, в речи судей обнаруживается ряд ключевых концептов, которые отражают общие ценности социума, реализуемые в рамках конкретного института власти. Тактические средства, применяемые судьями в интервью, типичны для политического дискурса. Критика оппонентов, стремление минимизировать негативную информацию и привлечь внимание к позитивной, предложение рецептов дальнейшей работы, наблюдаемые в интервью с судьями, отмечены как типичные речевые ходы политических деятелей [Чудинов, 2003, с. 57].

В то же время в ходе интервью судьи сохраняют свой статус представителя судебной власти. Профессиональный опыт позволяет им обсуждать вопросы функционирования института правосудия и высказывать

мнение от себя лично или от общего лица. Судьи осознают ограничения, накладываемые статусом на их речевое поведение даже вне зала суда, и соответствующим образом реагируют на вопросы журналистов.

Изучение гибридных типов дискурса представляется нам перспективным направлением дискурсивных исследований. В таких типах дискурса отражается взаимодействие различных общественных институтов, в действительности не изолированных друг от друга, и влияние этого взаимодействия на речевые практики. Исследование гибридных типов дискурса может способствовать пониманию процессов, происходящих в обществе.

Библиографический список

Дубровская Т.В. Структура языковой личности английского судьи// Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право. − Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007 / под ред. Н.Д. Голева. – С. 104–121.

Дубровская Т.В. Вежливость и невежливость в русском и английском судебном диалогическом дискурсе // Проблемы речевой коммуникации. – Вып.8. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – С. 351–361.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003.

Bhatia V.K. Genre analysis, ESP and professional practice// English for Specific Purposes, 2008. – №27. – P. 161–174.

Fairclough N. Analysing Discourse. Textual analysis for social research. – Routledge. London and New York, 2004.

Список материалов

Лебедев 2002 – Кодекс чести. Интервью председателя Верховного суда России Вячеслава Лебедева// Итоги, 2002. – №26.

Майкова 2005 – Интервью Л.Н. Майковой// Судья, 2005. – №8.

Радченко 2007 – Владимир Радченко: Мнение о низком рейтинге наших судов не вполне справедливо// РФ сегодня, 2007. – №11.

Сидоренко 2005 – Беседа главного редактора журнала «Судья» В. Вербицкого с председателем Совет Судей России Юрием Ивановичем Сидоренко об итогах VI Всероссийского съезда судей// Судья, 2005. – №1.

Туманов 2004 – Владимир Туманов: досрочно освобождать из заключения надо по-умному// Российская газета (федеральный выпуск). – № 3640 от 26 ноября 2004.

Lord Chief Justice 2006 – The Lord Chief Justice Interview (2006). – Электронный ресурс: http://clients.westminster-digital.co.uk/judiciary/

Lord Chief Justice 2007 – The Lord Chief Justice Interview (2007). – Электронный ресурс: http://clients.westminster-digital.co.uk/judiciary/2007/

И.Д. Зайцева

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

В современной лингвистике понятие дискурса является одним из самых неопределенных. Существуют различные взгляды и точки зрения на то, что же такое дискурс.

Наиболее отчетливо выделяются три основных направления употребления термина «дискурс»: 1) отождествление понятий дискурс и речь, дискурс воспринимается как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию, данная концепция получила свое развитие в основном в европейской науке (З. Харрис, Э. Бюиссанс, Э. Бенвенист); 2) дискурс понимается как способ говорения, причем основной интерес составляют его разновидности, имеющие определенный набор параметров (языковые черты, стилистика, тематика и пр.); данное направление получило свое развитие в трудах французских структуралистов и постструктуралистов (М. Фуко, А. Греймас, Ж. Дерида, Ю. Кристева и др.); 3) дискурс понимается как особый идеальный вид коммуникации, отстраненный от социальной действительности и имеющий целью критическое обсуждение взглядов и действий участников коммуникации (Ю. Хабермас) (А. Кибрик, П. Паршин). В современной лингвистике понятие дискурс близко понятию текста, но зачастую этот термин употребляется не только как родовое понятие, но и как конкретный вид речевой деятельности (медицинский дискурс, спортивный дискурс, политический дискурс и т.д.).

Профессиональный дискурс на сегодняшний день является одним из наиболее интересных и проблемных видов дискурса в целом. Интерес к нему обусловлен тем, что зачастую коммуникативный процесс происходит в определенной коммуникативной сфере и осуществляется носителями определенных профессиональных знаний. Профессия как система знаний представляет собой артефакт дискурсивных конвенций профессионального сообщества, а профессионализм определяется как приобщение к этим конвенциям. Отсутствие социального согласования означает в этом случае невозможность профессионального воспроизводства [Соколова, http://charko.narod.ru/tekst/cb7/sok.html].

Вероятны следующие классификации профессионального дискурса: по способу представления дискурса, по статусу коммуникантов, по типу поведения коммуникантов, по виду окружающей ситуации. Учет дополнительных характеристик (профессионалы и непрофессионалы, иерархия коммуникантов, культурно-национальный компонент, эмоциональный и культурный компонент, стандартность / нестандартность ситуации, невербальные компоненты) позволяет выделить более

специфичные типы дискурса. К ним можно отнести устный дискурс, письменный дискурс; дискурс, ведомый только профессионалами; дискурс, ведомый совместно профессионалами и непрофессионалами; дискурс, ведомый только непрофессионалами; дискурс с проявлением разного иерархического положения коммуникантов; дискурс без учета культурно-национального компонента (отрицательный); дискурс с учетом культурно-национального компонента (положительный); дискурс с учетом эмоционального и культурного (вежливого) компонента (положительный); дискурс без учета эмоционального и культурного (вежливого) компонента (отрицательный); дискурс стандартной ситуации и нестандартной ситуации; дискурс с проявлением невербальных компонентов. Для каждого типа дискурса характерен свой инвентарь (различные вариации терминов, номенов, прагмонимов, единиц профессионального просторечия и общенародных единиц), свои синтаксические типы высказываний (например, вопросительные предложения, императивы, эллипсы и другие) и свои коммуникативные цели.

В данной статье мы будем говорить о *юридическом*, или *правовом*, дискурсе. *Правовой дискурс* как любой вид дискурса устроен по определенным правилам, характерным для данной сферы языка. Текст юридических документов − главная составляющая юридического или правового дискурса. В данной статье он понимается как комплекс всех текстов права. Текст выполняет не только информационно-воздействующую функцию, но и раскрывает социально-прагматическую позицию автора текста. Участниками юридического дискурса являются, с одной стороны, автор (профессионал-юрист) и, с другой стороны, адресат. Первый создает информационное сообщение, выражая суть юриспруденции, второй воспринимает и интерпретирует сообщение. Источником юридических текстов являются профессионалы-юристы, которые порождают эти тексты с учетом особенностей устройства общества. Комплекс средств, характерный для юридического текста, обеспечивает полноценную передачу информации адресату.

Юридический текст представляет особую юридическую терминологическую систему. Когнитивно-деривационная и социальная сущность юридической лексики выражается в ее способности формировать понятийно-смысловые блоки, компоненты которых могут классифицироваться по определенным моделям [Буянова, 2003, с. 26]. Когнитивную информацию несут в первую очередь юридические термины, но некоторая доля их известна не только специалистам-юристам, но и всякому носителю языка, так как область их применения выходит за рамки юридического текста. Юридические термины обладают всеми характеристиками терминов − однозначностью, отсутствием эмоциональной окраски, независимостью от контекста, например: *приговор, защита, преступление, справедливость, подсудимый, оправдан* и др.

В юридической терминосистеме существует «особое распределение структурно-понятийных, деривационных, лексических единиц и

функциональных параметров, которые обладают особыми признаками и закономерностями, значимыми для сфер юридической деятельности, в которых они функционируют» [Буянова, 2003, с. 25].

В текстах используются также клише, характерные для юридического языка: *преступная группа, представитель защиты, совершить правонарушение, в материалах дела, собраны в судебном заседании, опровергается доказательствами* и др., что определяется специфической направленностью тематики.

Объективность подачи информации обеспечивается преобладанием абсолютного настоящего времени глагола и пассивными конструкциями, например: «*Основную свою задачу я вижу в том, чтобы акцентировать ваше внимание на тех смягчающих обстоятельствах,* ***которые имеются по делу*** *моего подзащитного*». Или: «*Захват власти или превышения властных полномочий* ***преследуются*** *по федеральному закону*».

Всеобщий характер информации передается преобладающей семантикой подлежащего, где наряду с существительными юридической тематики распространены существительные и местоимения с обобщающей семантикой (*каждый, никто, все граждане* и др.), например: «***Каждый,*** *кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства*».

Предписывающий характер информации передается с помощью глагольных структур со значением модальности необходимости и модальности возможности: *не могут, должен осуществляться, имеет право* и т.п.

Синтаксис юридического текста отличается полнотой структур, разнообразием средств, оформляющих логические связи. Частотны логические структуры со значением условия и причины, причем эти значения эксплицированы специальными языковыми средствами (*в случае, если, по причине* и т.п.), например: «*Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы,* ***если*** *иное не предусмотрено законом*».

Необходимость полно и однозначно выразить каждое положение, избегая двусмысленных толкований, приводит к обилию однородных членов предложения и однородных придаточных.

Компрессивность не свойственна юридическому тексту. Для него не характерны сокращения, скобки и цифровые обозначения. Числительные, как правило, передаются словами. Не используются указательные и личные местоимения и другие средства вторичной номинации.

Тематика текстов юридического дискурса охватывает широкий спектр концептов права, как-то: ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, ДОСТОИНСТВО, ИСТИНА, ИСТЕЦ, ВИНА, ЗАКОН, КЛЕВЕТА, НАРУШЕНИЕ, ПРАВО, ПРАВОСУДИЕ, РЕПУТАЦИЯ, СВИДЕТЕЛЬ, МОРАЛЬ, СУД, ЧЕСТЬ, ПРИГОВОР и др. Анализ содержания юридического текста позволяет

выделить следующие цели юридического дискурса: **информационную, аналитическую, оценочную, воздействующую** и **прогнозирующую**, которые выражаются как эксплицитными, так и имплицитными средствами. Таким образом, юридический дискурс требует внимательного серьезного исследования, так как его доминанта − текст юридических документов − является двигателем в социально-правовом развитии общества.

Изучение юридического дискурса в плане интерпретации юридических терминов имеет большое значение в настоящее время, поскольку понятийный объем некоторых лексических единиц структурируется неадекватным способом. Часто преобладает не научное, а обыденное (многозначное) понимание и толкование терминов, что недопустимо при разработке юридических документов, законов, статей кодексов и пр.

Проблема интерпретации в области права и юриспруденции, с одной стороны, сохраняет особенности, присущие образцам научного рассуждения, а, с другой стороны, приобретает специфику этой профессиональной сферы человеческой деятельности. Поэтому методику интерпретации юридического дискурса можно построить только с учетом этого обстоятельства. Анализ исследований в этой области убеждает в том, что достаточно трудно провести границу между юридическим сознанием и юридическим текстом, поскольку восприятие преобладает в профессиональной деятельности юриста. Поэтому для полного понимания и правильного толкования текста права необходимо рассмотреть проблему интерпретации юридического текста, главной составляющей юридического дискурса.

Текст представляет, прежде всего, множественность смыслов, поверхностных и глубинных, авторских и читательских. Множественность смыслов и значений вызвана действием интерпретативной функции, многозначностью элементов, из которых соткан текст. Юридический текст не является в этом смысле исключением, поскольку ему присущи многозначность и омонимия семантики, что порождает невозможность четкой и правильной интерпретации текста закона и, в свою очередь, вызывает трудность понимания юридического текста рядовым носителем языка. Например, обычному гражданину трудно понять такие юридические термины, как *юридическое лицо, оперативное управление, хозяйственное ведение* и др., и только правильное толкование термина, или интерпретация, способствует его пониманию.

Библиографический список

Акимова О.В. Типы профессионального дискурса // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева.– Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006.– Т.36–38.

Мясников И.Ю. Жанры речи в дискурсе периодического издания: специфика дискурса и описательная модель речевого жанра: специфика

дискурса и описательная модель речевого жанра: дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 212с.

Соколова М.В. Дискурсы профессионализма в современном психологическом образовании: сравнительный анализ. – Электронный ресурс: /http://charko.narod.ru/tekst/cb7/sok.html.

Т.И. Краснянская

К ОБОСНОВАНИЮ ПОНЯТИЯ *НАПРЯЖЕННОСТЬ СЛОВА* В СУДЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Особенностью судебной коммуникации является ее повышенная конфликтогенность. Когда посредством языка совершается правонарушение, то основным предметом юрислингвистического анализа становится конфликтогенный дискурс. Дела о защите чести, достоинства и деловой репутации предоставляют неограниченный материал для изучения конфликтогенных высказываний и ориентируют на то, что исследовать феномен унижения чести и достоинства необходимо в широком экстралингвистическом контексте.

В рамках теории дискурса большое внимание уделяется экстралингвистическим факторам, к которым относят субъекта дискурса, имплицитность речи, психологизм, историзм, идеологизацию [Кожина, 2004, с.12]. В данной статье речь пойдет о такой дискурсной характеристике, как напряженность слова.

Термин «напряженность» функционирует в таких областях знания, как физика (напряженность магнитного поля), социология (социальная напряженность), а также психология (эмоциональная напряженность). В лингвистике данный термин, на наш взгляд, означает чувствительность слова к изменившимся обстоятельствам ситуации.

Целью данной статьи является обоснование понятия *напряженность слова*, определение его природы и признаков, а также условий возникновения. Мы исходим из того, что напряженность слова в целом способна оказать окончательное влияние на определение смысла лексической единицы. Напряженность слова рассматривается нами как сущность, с помощью которой определяется также прагматическое содержание предложения.

На наш взгляд, напряженность слова – это особое состояние слова, при котором активизируется его потенциальная конфликтогенность.

Напряженность слова тесным образом связана с понятием ситуации, сопровождающей речевой акт. Ситуация понимается нами как широкий экстралингвистический фактор, включающий в себя все корреляты ситуации: обстановку и место коммуникативного акта, социальные, идейные, индивидуальные характеристики участников речевого общения, межличностные отношения коммуникантов.

Согласно теории речевых актов, ситуацию можно трактовать как пресуппозицию, или обозначение тех знаний о ситуации (событии), которые в тексте не выражены и лишь подразумеваются и говорящим (коммуникатором), и реципиентом сообщения.

С нашей точки зрения, понятие ситуации соотносится с понятием контекста. Контекст может пониматься узко (окружение слова слева-справа, абзац), широко (весь текст публикации, серия публикаций) и очень широко (ситуация). В судебном процессе контекст обычно рассматривается сторонами в первом и втором значении, то есть как основной фон формирования замысла автора и источник правильного определения значения слова. В статье мы будем опираться на третье значение, то есть широкое понимание контекста как ситуации.

Наблюдения над текстами судебных документов убедительно показывают, что толкование понятий «честь, достоинство, деловая репутация» с необходимостью предполагает обращение к ситуации, в которой происходит унижение личности. Как отмечает судья И.Ф. Селютина, «чаще всего защищают честь и достоинство лица, имеющие определенную известность (руководители, политические лидеры, обладающие высоким самомнением), и лица, страдающие психическими заболеваниями. Рассмотрение дел с участием таких лиц всегда осложняется, учитывая их высокую, по отношению к себе, оценку личности» [Цена слова, 2002, с. 266].

На наш взгляд, потенциальные возможности слова, обусловленные его способностью оказывать влияние на адресата, связаны с особенностями той ситуации, в которую данное слово погружено. В ситуации конфликта слово приобретает такое свойство, как *напряженность*.

Проиллюстрируем данное утверждение на примере двух судебных дел.

Ситуация 1. Гражданин М. обратился в Соликамский городской суд с иском к Д. о защите чести и достоинства. М. просил обязать ответчицу принести ему извинения, ссылаясь на то, что Д., работающая медсестрой в ОАО «НВЭС», в своих докладных, написанных на имя начальника организации Г., позволила себе необоснованные, оскорбительные высказывания в отношении М., такие как: *«Наверняка водитель М. был с похмелья, так как он относится к группе пьющих водителей», «Как всегда он был, наверное, или пьяным, или с похмелья, так как это пьющий водитель», «Я решила проверить его прибором «Алкотест 202» как особо пьющего водителя».*

Решением городского суда сведения, распространенные Д., были признаны порочащими честь и достоинство М. Однако Пермский областной суд отменил решение ввиду важного обстоятельства, которое не было учтено предыдущей судебной инстанцией: медсестра действовала согласно инструкции. Оставив правовые оценки данного судебного разбирательства, обратимся к самой ситуации, в которой происходило унижение.

Отметим социальный статус участников процесса: водитель и медсестра. Степень распространенности сведений ограничена рамками докладной, написанной на имя начальника СМиТ. Рабочая обстановка

связана с выполнением профессиональных обязанностей медсестры по осуществлению предрейсового медицинского контроля водителей. Из материалов дела следует, что межличностные отношения медсестры и водителя были отмечены более ранними конфликтами, ввиду того что водитель неоднократно уклонялся от медицинского осмотра. Индивидуальной характеристикой медсестры является ее требовательность, водителя – недисциплинированность, пьянство. Любопытно, что водитель отстаивает свои честь и достоинство, но не деловую репутацию. Примечательно, что дело дважды рассматривалось судом, в связи с тем что медсестра подавала заявление о пересмотре дела в апелляционной инстанции. Языковые средства выражения унижения чести и достоинства легко вычитываются и не требуют обращения к контексту: *был с похмелья, особо пьющий водитель, проверить прибором.* Функционально-стилистическая принадлежность текста: официально-деловой документ, хотя его автор употребляет и просторечную лексику: *с похмелья, наверняка.*

Ситуация 2. Лысьвенский городской суд удовлетворил исковые требования Председателя Лысьвенской городской Думы С. и депутатов городской Думы Ш., М. к редакции газеты «Искра» о признании не соответствующими действительности и порочащими их честь, достоинство и деловую репутацию сведений, содержащихся в статье, автором которой является В. Предметом судебного разбирательства стали опубликованные в статье сведения – *«Создавалось впечатление, что на самом деле их интересовало не истинное положение дел в детской больнице, а то, как будет воспринята и подана в СМИ их собственная значимость, как они будут выглядеть перед избирателями. А выглядели они на фоне давно не знавшей ремонта детской больницы довольно респектабельно. Депутаты жаждали только негатива, чувствовалось, что они горели желанием уличить исполнительную власть во всех грехах, которые переживает детская больница. Я думаю, это был пиар-выезд».*

Суд, удовлетворяя исковые требования по данному делу, отметил то, что оспариваемые фразы являются утверждениями о факте, представленными в завуалированной форме – в виде выражения журналистом собственного мнения. Судья аргументировал это тем, что ответчики (журналист, редакция) не представили доказательств соответствия опубликованных сведений действительности. Кроме того, суд усмотрел порочащий характер оспариваемых фраз в том, что у читателя статьи могло сформироваться негативное впечатление об истцах, о корыстности целей их визита в больницу, о самолюбовании, что подрывает авторитет истцов как депутатов в глазах избирателей.

Данное решение, на наш взгляд, представляется несколько спорным, поскольку не совсем корректно проведено различие между фактом и мнением о факте. Однако мы оставим судейское решение без комментариев и рассмотрим непосредственно ситуацию унижения. В отличие от первого случая, этой ситуации присущи следующие признаки.

Главным образом в ней выделяется высокий социальный статус участников коммуникации: в суде столкнулись позиции представителей законодательной власти города (Председатель городской Думы, депутаты) и средств массовой информации (журналист, редакция). Существенное отличие привносит степень распространенности информации. О поездке депутатов в детскую больницу узнали жители города, депутатский корпус. Тираж газеты «Искра» составляет 12600 экземпляров. Событие происходит в Лысьве – небольшом городе Пермского края, население которого составляет 75 тыс. человек. Особым признаком ситуации является окружающая ее обстановка – общественно-политическая сфера жизни города. Обстоятельствами ситуации являются сложные взаимоотношения между местными властями и прессой. Последняя в силу профессиональных задач имеет право освещать все значимые события в городе и, если необходимо, подвергать критике действия политиков за некорректное поведение в общественно-политической деятельности. Место ситуации – высший законодательный орган города. Фон ситуации – давно не знавшая ремонта детская больница, усиливающий недоверие населения к власти. Объект критики журналиста – лицемерие депутатов. В статье ставится проблема несоответствия морально-этической характеристики депутатов статусу политических деятелей. Данный судебный процесс можно охарактеризовать как «громкий», поскольку в нем сталкиваются интересы известных в городе политических деятелей и высоких должностных лиц.

Для передачи негативной информации автор публикации использует не прямые, а косвенные речевые средства. Так, в статье имеет место прием речевого контраста: депутатов интересует не истинное положение дел в детской больнице, а то, как они сами будут выглядеть перед избирателями; журналиста – давно не знавшая ремонта детская больница и респектабельные депутаты. Характерно также использование приема иронии, выраженной такими лексическими единицами как *их собственная значимость, жаждали негатива, горели желанием*. Употребленное в последней фразе заимствование «*Я думаю, это был **пиар**-выезд*» способствует созданию комического эффекта. Цель статьи – насмеяться над депутатами, выставить в неблаговидном свете в глазах избирателей.

Перечисленные факторы придают ситуации унижения особую коммуникативную напряженность.

Выведем общую формулу ситуации 1: **работники в организации + производственный конфликт + способ распространения сведений** (докладная). Для ситуации 2 формула другая: **высшие должностные лица города + общественно-политический конфликт + способ распространения сведений (пресса).**

Как указывалось ранее, в ситуации конфликта слово приобретает такое свойство как *напряженность*. Напряженность слова способна расти по мере увеличения количества свидетелей словесного конфликта (тираж газеты, число коллег, сослуживцев, подчиненных, знающих о споре, наконец, количество жителей в городе). Особый накал слову способен придать

скандал, предшествующий публикации и ставший достоянием общественности. Далее, напряженность слова возрастает, если ситуация унижения сопряжена с такими рисками как потеря доверия и авторитета в глазах окружающих (коллег по работе, начальства, избирателей).

В этой связи уместно привести определение понятий чести, достоинства и деловой репутации. Под честью понимается «отражение качеств лица в общественном сознании». Унижение чести как основание для предъявления иска предполагает, что истец ощущает изменение (или предполагает возможное изменение) общественного мнения о себе [Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации, 1997]. Понятие *достоинства* близко к понятию чести. По мнению А. Анисимова, это «самооценка личности, основанная на ее оценке обществом» [1994, с. 14]. Понятие *репутации* раскрывается в Комментарии к ГК РФ как «сложившееся о человеке мнение, основанное на оценке его общественно значимых качеств». Нетрудно заметить, что в данных определениях существенным является элемент «общественное сознание», «оценка обществом».

Вернемся к вышеописанным ситуациям. В ситуации 1 оценка качеств истца отразилась в сознании только двух участников конфликта – медсестры и начальника транспортной организации. В ситуации 2 оценка действий Председателя городской Думы и депутатов произошла в сознании значительно большего числа граждан, поскольку оценить поведение депутатов в больнице может каждый житель небольшого города.

Отсюда следует закономерность: чем выше социальный статус истца и шире охват свидетелей конфликта, тем сильнее напряженность слова, его конфликтность и, как следствие, воздействующий эффект на адресата. Публичность является фактором, «накализирующим» слово и активизирующим его скрытый конфликтный потенциал. К примеру, слово «пьющий», употребленное в докладной медсестрой в адрес того же водителя в ситуации производственного конфликта, обладает меньшей напряженностью, поскольку степень распространения сведений ограничена двумя свидетелями. Однако выражение «их собственная значимость», употребленное в отношении представителя высшей исполнительной власти города, способно повлечь разрушение имиджа политика. Ситуация большой политики придает слову дискредитирующее воздействие, так как депутаты предстают в глазах избирателей не серьезными политиками, а позерами. Иноязычное заимствование «пиар», погруженное в политическую обстановку становится непривычным, приобретает эффект комической новизны и нелепости.

Мы можем проследить, что напряженность слова в ситуации 1 возникает как следствие обострившихся взаимоотношений и производственного конфликта внутри коллектива, в ситуации 2 – как результат общей политической напряженности между властями и местной прессой.

Следовательно, текст получает свое реальное наполнение и адекватное осмысление через выход в экстралингвистическую реальность – ситуацию. Ситуация является условием возникновения *напряженности слова*. Спорный текст является основополагающим, но не единственным элементом в системе речевой коммуникации. Следует признать, что текст выражает содержание в большей степени, чем совокупность составляющих его единиц. Текст есть не только результат речи, но и процесс речи, включающий условия речепроизводства. Правильная интерпретация конфликтогенного высказывания предполагает изучение *ситуативно обусловленного* слова, что предполагает выход лингвистики в психологию, социальную конфликтологию и политологию.

Видовыми признаками *напряженности слова* являются такие характеристики, как социальный статус коммуникантов, конфликтная речевая ситуация, дискредитирующая направленность высказывания, измененное психическое состояние адресата, степень распространения сведений, публичность, роль прессы.

Рассмотренные выше ситуации позволяют заключить, что текст публикации имеет прочные связи с социальной стороной дискурса. В свою очередь, по природе *напряженность слова* является дискурсным понятием.

Ситуация является основой понимания и интерпретации текста, квалификации лексемы как унизительной/ неунизительной. Следовательно, текст необходимо рассматривать не только как языковое или речевое явление, а как *событие*, имеющее социальное назначение

Библиографический список

Анисимов А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: уч. пособие для студ. высш. уч. заведений. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. – 173с.

Кожина М.Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций// Текст – Дискурс – Стиль: сб. науч. ст.. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С.9–33.

Пермский областной суд. Справка от 27 августа 2004 г. По материалам обобщений судебной практики рассмотрения Федеральными судами Пермской области дел о защите чести, достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц за период 2002-2004 гг.// СПС «Консультант Плюс».

Пермский областной суд. Справка от 27 августа 2006 г. По материалам обобщений судебной практики рассмотрения Федеральными судами Пермской области дел о защите чести, достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц за период 2004-2006 гг.// СПС «Консультант Плюс».

Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средствах массовой информации. / под ред. А.Р. Ратинова. – М.: Фонд защиты гласности, 1997. – 128с.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации/ под ред. проф. М.В.Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерия, 2002. – 424с.

Чернявская В.Е. Текст как интердискурсивное событие// Текст – Дискурс – Стиль: сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – С. 33–41.

О.В. Красовская

СУДЕБНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ ТРУДНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Одним из направлений активно развивающейся юридической лингвистики, по нашему убеждению, должно стать многоаспектное изучение судебной коммуникации (СК) – общения, которое протекает в ходе судебного разбирательства. На важность изучения СК как в теоретическом, так и в практическом отношении я обращала внимание в ряде своих работ.

В данной статье во взаимодействии основных участников судопроизводства[1] будут выделены такие речеповеденческие формы, которые сообщают СК деструктивное начало [Куницына, Казаринова, Погольша, 2002, с. 398–410].

1. **Агрессия.** Она проявляется прежде всего в речевом поведении процессуальных оппонентов[2] – в обмене колкостями, использовании тактики дискредитации своего противника:

(Из иска о взыскании задолженности за коммунальные услуги)

С. (обращаясь к ПИ.) *Какие правила* [пользования водой] */ покажите //*[3]

ПИ. (молча ищет их в своих бумагах)

О. ***Не может даже найти их // Сплошные проблемы с ними у всего*** *[поселка] /*

ПИ. ***Это Вы для нас стали проблемой //***

О. *Ну* ***и поздравляю //***;

(Из иска пассажира к водителю маршрутного такси)

С. (обращаясь к О.*) Скажите / а на какое расстояние Вы отъехали* [от остановки]?

---

[1] С. – судья; И. – истец, О. – ответчик, ПИ. – представитель И., ПО. – представитель О.; П. – прокурор, А. – адвокат, З. - защитник; Св. – свидетель.

[2] Здесь необходимо отметить, что суд – это сфера конфликтной коммуникации. Причем обращение людей в суд означает расширение и укрупнение конфликта. Конфликтологи рассматривают правовой конфликт как наивысшую точку противоречий между конфликтантами, как коллизию с наиболее острым противоборством сторон [Мадіссон, 2003, с. 40]. Поэтому в большинстве случаев отношения между оппонентами являются враждебными , «взаимно-отрицательными» [Социальная конфликтология, 2003, с. 135].

[3] При передаче на письме устной речи используются обозначения, которые приняты в исследованиях русского разговорного языка: / - знак интонационного членения высказывания при его незаконченности; // - знак законченности утвердительного высказывания; ? и ! – знаки завершенности вопросительного и восклицательного высказывания; … - знак паузы хезитации, самоперебива или обрыва; в квадратных скобках даются внутритекстовые примечания.

О. *Метров на сто / сто пийсят //*

И. ***Ка… какое нахальство / сто сто пийсят!***

О. ***У Вас наверно / что-то с глазомером //***

И. *У меня ничего //*

О. *Оно и видно //*.

Ср. предъявление ответчиком суду дискредитирующих сведений об истице, нерелевантных для трудового спора об увольнении за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей: (произносится с опорой на письменный текст): *Согласно акта* [sic!] *от двац восьмого мая второго [2002] года / М. безответственно относилась к выполнению своих функциональных обязанностей / осуществляла неквалифицированное руководство коллективом / своими действиями привела его к сбою в трудовом ритме / внесла нер… нервозность и неразбериху / нанесла материальный и морально-психологический урон акционерному обществу // <…> Своими действиями М. также существенно усложнила упорядоченную работу бухгалтерии общества / что вызвало необходимость создать комиссию / комиссию для сверки наличия бухгалтерских документов / которой выявлено отсутствие пяти э-э… папок с необходимыми для работы документами / что подтверждается актом от двац шестого июня //*.

Инструментально-агрессивные действия являются специфической чертой речевого поведения судей (более подробно о речевом поведении судьи см.: [Красовская, 2006]): (реакция С. на предоставленную О. доверенность) ***Доверенность составлена отвратительно // Надо ее писать надлежащим образом // Ладно гражданин не знает / а Вы какая организация //;*** (обращение С. к О. – начальнику юридического отдела) ***Скажите / если Вы в состоянии дать ответ // Если нет / сразу скажите «нет» // С Вами как с юристом советовались / о правовых основаниях всех этих действий?;*** (С. прерывает объяснения И.) *Не спешите // Секретарь не успевает //* ***Потом будете замечания на протокол подавать / я их удостоверять не буду //;*** (реакция С. на объяснения И., не являющегося жителем областного центра, в котором слушается дело) *Б., остановился! Вы можете говорить конкретным / четким языком?* ***Я сейчас отложу дело // Будете кататься туда-сюда //.***

Ср. также распространенные в суде примеры речевого пренебрежения:

(В гражданском деле участвует сурдопереводчик (Сп.) О.)

ПИ. *Я прошу переводчика / чтобы она развернулась к нам // Потому что у нас есть подозрения / что она не только переводит / но и обсуждает все вопросы с ответчиком //*

Сп***. Я не хочу разворачиваться / потому что я ее [истицу] не уважаю //***

С. *Я Вас прошу повернуться // Давайте не будем обострять //*;

(О. заявляет ходатайство о замене его другим, надлежащим О.)

С. *Истица / слушаем Вас //*

И. (растерянно) *Я должна сказать / поддерживаю ли я ходатайство?*

С. **(молчит)**

И. *Я не понимаю / почему указанный в иске ответчик является ненадлежащим… И что это значит //*

С. ***Читайте ГПК*** *// Суд посовещавшись на месте / определил / удовлетворить ходатайство //*;

О. (реагирует на удовлетворение С. ходатайства И., против которого он возражал) *Ваша честь / почему? Объясните //*

С. ***Если я буду все объяснять / дело будем слушать еще пять лет // Если адвоката нет / берите закон изучайте //.***

2. **Манипулирование** собеседником, которое, как известно, «…заключается в том, чтобы ввести в сознание человека, в его представления о действительности некоторую информацию, которая не подвергается критическому анализу, не осознается им как нечто требующее обсуждения» [Баранов, 2007, с. 191]. На манипулятивном приеме навязывания пресуппозиции [там же, с. 191−200] часто основано речевое поведение судей и прокуроров. Ср., например, вопросы судей, обращенные к ответчикам на предварительных судебных заседаниях в спорах с коммунальными службами: *Почему не платите за воду?; В квартире живете, а не платите. Как это можно понимать?* Общеизвестно, что до вынесения судебного вердикта ответчик – лишь предположительный нарушитель прав или законных интересов обратившегося в суд лица.

Ср. примеры «правильного» речевого поведения судьи в аналогичных ситуациях: *Признаете долг или нет? Почему?*

Приведу примеры манипулятивного поведения судьи и прокурора в ходе допроса так называемого свидетеля обвинения, который своими показаниями «разрушает» систему обвинения:

П. *Вы знаете С.* [подсудимую]?

Св. *Да //*

П. *Ранее покупали у нее самогон?*

Св. (молчит)

П. *До этого раньше никогда не приобретали у нее самогон?*

Св. *Нет / нет /*

П. *Не в этот день / раньше /*

Св. *Да я не помню толком / в каком доме /*

З. *Вы Т.* [знакомой Св. и З.] *сказали / что не знаете С. и никогда не покупали у нее самогон // Когда Вы говорили правду?*

Св. *Когда она приходила на Кирова //*

З. *Только что возле суда Вы мне сказали / что Н. [участковый] заплатит штраф вместо С. //*

Св. *Да //*

З. *Правда / что Н. плакал и просил Вас сказать неправду?*

Св. *Да //*

П. *Правда / что Вы имеете в виду / что покупал самогон?*

Св. *Что Н. плакал / все правда //*

П. *Он изымал у Вас бутылку?*

Св. *Пустую //*

П. *Что значит «пустую»?*

Св. *Ну пустую //*

З. *Л. / Вы приобретали у С. когда-нибудь самогон? Вы видели ее когда-нибудь?*

Св. *Нет // Я ее не знаю //*

Пр. *Л. / так Вы все-таки зимой были у С.?*

С. (глядя в протокол осмотра места происшествия) ***Вы свою подпись знаете? Вот это / я так думаю / это Ваша подпись?***

Св. *Я никогда не расписывался //*

С. *А в объяснении?*

Св. *И в объяснении тоже //*

Пр. *Но это было? Было это изъятие самогона?*

Св. *Я не помню это //*

Пр. ***Но действительно у Вас самогон изымался в присутствии понятых? Правильно? Вы это помните?***

Св. *Не помню //*

С. *Уже не помню // То Вы помните / то Вы не помните //*

Св. *Та я пьяный был //*

С. *Теперь уже пьяный! <…>*

С. ***Ваша роспись / Л. / вот… Или Вы не помните / что Вы расписывались? Может Вы не помните просто?***

З. ***Я возражаю против действий председательствующего / который давит на свидетеля /***

С. (обрывая) *Я его допрашиваю как надо* //;

(Из повторного допроса Св.)

П. ***Скажите / Л. / Вы вспомнили, когда покупали самогон у С.?***

Св. *Никада я не покупал у нее //.*

З. **Ложь** с целью создания у суда ложных представлений о конфликте, жизненной ситуации для разрешения их в свою пользу. Ср. рассуждения юриста: «Поскольку судебное разбирательство обычно возникает после того, как всевозможные внесудебные варианты урегулирования конфликта оказываются исчерпанными, борющиеся стороны прибегают к использованию любых способов доказывания своей правоты. И хотя человек знает, что «не было фактов, на основе которых можно добиться благоприятного решения, и нет средств, при помощи которых можно добиться желанной цели, у него в запасе остается наиболее распространенный вариант поведения в суде – ложь в виде представления ложных объяснений» [Медведев, 2006, с. 46]. Таким образом, судебный диалог очень часто включает в себя информационные конфликты между «носителем истины», который прилагает усилия, чтобы ее скрыть, и «искателем истины», который заставляет первого тем или другим способом сообщить нужную информацию [Арутюнова, 1992, с. 29]. Вследствие этого судебный дискурс в значительной степени основан на недоверии.

Выделю типичные для СК реакции на ожидаемое/реальное отклонение от истины, это:

- запросы об истинности предъявляемых суду сведений и ее основаниях: (стереотипный вопрос судебных юристов к участникам процесса, изменившим свои показания) *Вы когда говорили правду / здесь и теперь / или ранее / во время досудебного следствия?;* (стереотипный вопрос отправителей правосудия к Св.) *Вы знаете это как свидетель или со слов третьих лиц?;*

- сомнения в истинности воспринимаемых объяснений, показаний и т.п. Ср. некоторые реплики отправителей правосудия: (реакция на показания Св.) *Что-то я сомневаюсь / что Вы там находились в это время //;* (С. в трудовом споре обращается к О.) *Когда она [И.] успела столько нарушений допустить / если у нее только закончился испытательный срок?;*

- подозрения во лжи: (И. в споре о возмещении материального и морального вреда) *Я подозреваю / что он [арендодатель] его [автомобиль] сам разбил / когда брал на два часа!;*

- истинностные оценки высказываний и/или этические оценки поведения процессуальных участников: *Показания ее свидетелей* ***недостоверные*** *//; Это* ***абсурд*** *какой-то // Не зная было ли совершено правонарушение… Ну так же? Шестого был составлен протокол / а восьмого была готова экспертиза // Не зная еще / было ли совершено правонарушение он [об участковом инспекторе] предлагает заплатить так называемый штраф //; О.* ***лукавит****, что не получала наших уведомлений //; Начальник ОК* ***заблуждается*** *в своих объяснениях //; Представитель Теплокоммунэнерго и сейчас* ***дезориентирует*** *суд / когда говорит что мне отвечали [на письменные обращения] //; Она* ***врет*** *все! Не* ***врите*** *пожалуйста!*

Ложные или недостаточно обоснованные высказывания участников судопроизводства «отводятся» судьей в судебном решении или прямо в ходе судебного диалога:

О. (объясняет причины увольнения И.) *После того как прошел испытательный срок / И. стала появляться на работе в нетрезвом состоянии //*

С. (перебивая) ***У Вас есть доказательства?***

О. *К сожалению нет //*

С. ***Ну так не говорите / если нет!***

Приведенные наблюдения красноречиво свидетельствуют о том, что СК представляет собой деструктивное взаимодействие людей. Негативное отношение процессуальных оппонентов друг к другу, авторитарный стиль общения судьи с остальными участниками процесса, информационные конфликты в структуре СК[4] требуют от ее участников высокого уровня

[4] Эти факторы часто приводят к замешательству людей, которое «…проявляется в утрате человеком столь необходимых для нормального общения самообладания, хладнокровия и апломба – качеств, свидетельствующих о способности поддерживать состояние целостности и собранности при контактах с другими людьми» [Куницына, Казаринова, Погольша, 2002, с. 127].

коммуникативной компетенции. Формирование ее содержания невозможно без специальных лингвистических исследований[5].

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т.В. Булыгина. – М., 1992.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М., 2007.

Завьялова О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородников, Е.Н. Ширяева и др. – М., 2003.

Конфликтология / под ред. С.А. Кармина. – М., 2001.

Красовская О.В. О речевой коммуникации в судебной практике. – М., 2008.

Красовская О.В. Следует ли бояться судью? (Заметки о речевом поведении служителей Фемиды) // Русская речь. – 2006. – №1.

Красовская О.В. Судебная коммуникация. – Киев, 2008.

Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. – СПб., 2002.

Мадіссон В. Правова конфліктологія та юридичний конфлікт у приватних правовідносинах // Право України. – 2003. – №9.

Медведев И.Р. Проблемы повышения достоверности объяснений сторон // Российская юстиция. – 2006. – №8.

Социальная конфликтология / под ред. А.В. Морозова. – М., 2003.

Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. – М., 2002.

Р.А. Ромашов

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАВА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

1. Интерпретация права как этап правовой коммуникации

Правовая коммуникация представляет собой процесс и результат манипулятивного воздействия правовых норм на поведение субъектов права. В контексте коммуникативного подхода (А.В. Поляков) право одновременно представляет собой идею и текст, норму и правоотношение, императивно-атрибутивные переживания и социализированные ценности. Ни одно из этих положений не истинно (т.е. не может быть сведено к праву в целом) в своей

[5] Совершенно очевидно, что СК – объект, который требует междисциплинарного исследования. Задачу изучения проблемы «коммуникативного самочувствия» человека в современном правовом пространстве четко формулируют психологи (см., например: [Социальная психология в современном мире, 2002, с. 272 - 273]).

отдельности и отвлеченности, только в рамках целостного восприятия права они приобретают эйдетический смысл. В свою очередь ***эйдос права*** выражается в его структуре, представляющей собой коррелятивную связь правомочий и правообязанностей, конституируемых общезначимой и общеобязательной правовой нормой в процессе межсубъектной коммуникации. Эйдетический центр права заключается в правомочии; именно правомочие является той точкой, из которой расходятся лучи *правового смысла*, образующего в конечном итоге *эйдос права* [Поляков, 2001, с. 125−127; Коммуникативная концепция права..., 2003, с. 6−19].

Таким образом, в качестве правовой норма может рассматриваться только в том случае, если имеет место коммуникация, заключающаяся в переводе полученной информации о том или ином правовом предписании в поведение субъекта, которому это предписание адресовано. Вместе с тем, далеко не всякая социальная коммуникация, осуществляемая при помощи юридических средств в рамках юридических процедур, является правовой. Таковой ее делает «присутствие» эйдоса права, представляющего собой правовую субстанцию юридической формы.

В процессе правовой коммуникации возникают ситуации, когда понимание смысла правовой нормы невозможно без ее дополнительного анализа. Толкование (интерпретация) правовых норм имеет своей целью приведение к соответствию фактического смысла и текстового содержания правовой нормы. Толкование (интерпретация) права является необходимым элементом коммуникативной деятельности субъекта, инициирующего возникновение правоприменительных отношений как в области публичного, так и частного права.

Толкование (интерпретация) норм права – это сложный волевой процесс, направленный на установление лингвистического и юридического смысла предписаний правовых норм и доведение необходимой информации до сведения заинтересованных лиц.

Процесс толкования включает две стадии: уяснение и разъяснение. Осуществляющий толкование субъект (интерпретатор) вначале *уясняет* содержание правовой нормы для себя, а затем *разъясняет* смысл и содержание правового предписания заинтересованным лицам.

Нас в контексте заявленной темы, прежде всего, интересует лингвистический аспект толкования права, наиболее ярко выраженный в грамматическом и синтаксическом анализе интерпретируемого текста.

Лингвистическое толкование связано с восприятием и осмыслением словесного выражения текста соответствующей нормы. Объектом толкования выступает текст интерпретируемой нормы, закрепленный в формально-юридическом источнике права.

Интерпретатор в процессе лексико-морфологического и синтаксического анализа текста выясняет значение отдельных слов, взятых изолированно, а также рассматривает словосочетания и предложения, в комплексе образующие законодательные дефиниции.

Законодательная дефиниция представляет собой определение понятия, получившее закрепление в том или ином нормативно-правовом акте и в силу этого воспринимаемое в качестве общезначимого. В подобном понимании законодательная дефиниция – понятие в юридическом смысле более значимое, нежели дефиниция лингвистическая, закрепленная в соответствующем словаре.

2. Соотношение лингвистической и законодательной дефиниций

Право есть текст, выражаемый посредством языка. Развитие права осуществляется в неразрывной связи с развитием языка. Язык является объектом юридического регулирования (русский язык − государственный язык Российской Федерации; язык как инструмент юридически значимой деятельности – оскорбление, клевета и др.; выраженный в языковой форме текст как предмет авторского права; язык как средство законовыражения) и вместе с тем средством юридической деятельности (язык судопроизводства, следствия, исполнительного производства и т.п.) [Голев, Матвеева, 2003].

В ментальности юристов язык понимается прежде всего как средство формализации мысли и воли законодателя, и на это понимание хорошо ложится концепция юридического языка как способа нормативного воплощения тех или иных ценностных приоритетов и целевых установок, получивших отражение на уровне субъективного правосознания, наделенного соответствующей функциональной компетенцией лица (группы лиц).

Проблема соотношения лингвистической и законодательной дефиниций представлена двумя типовыми конструкциями:

- Текст закона пишется на литературном русском языке, он должен быть понятен всем носителям русского языка; законопослушание предполагает законопонимание, что предъявляет особые требования к законодательной технике;
- Не только написание, но и толкование законов – дело специалистов – профессиональных юристов.

При помощи первой позиции обосновывается тезис о «прямом» воздействии права на общественные отношения. Широко известный тезис о том, что «незнание закона не освобождает от ответственности за его невыполнение/нарушение», предполагает, что, во-первых, закон должен в обязательном порядке носить публичный характер (неопубликованный/необнародованный закон не может рассматриваться в качестве общезначимого нормативного акта), а во-вторых, что его смысл должен быть доступен для понимания всеми теми, кому он адресован.

Вторая позиция предполагает рассмотрение правотворческой, интерпретационной и правоприменительной деятельности как вида профессиональной деятельности, осуществление которой требует специальной подготовки, доступной только лицам, обладающим соответствующей узкопрофильной квалификацией. При этом оказание услуг,

связанных с правовым регулированием и правовой охраной, приобретает статус «правового сервиса».

С позиций юрислингвистики тенденция к языковой специализации законодательных дефиниций является главенствующей и предполагает, что русский юридический язык не может быть переведен на обыденный русский язык элементарным способом − путем имеющихся в обыденном языковом сознании стихийно сформированных кодов. Так, к примеру, термин «закон» понимается в «юридическом языке» уголовного права только в узком смысле – как вид нормативно-правового акта – действующего Уголовного кодекса, обладающего наивысшей юридической силой по сравнению с другими юридическими формами права. Иначе понимается данное слово в обыденной речи, где в зависимости от обстоятельств в качестве закона может рассматриваться любая устойчивая повторяемость (законодательство, включающее наряду с собственно законами подзаконные акты и ратифицированные международные договоры, законы природы, жизни, воровского мира и т.п.). В подобном понимании юридический текст «переведенный с русского на русский» в определенном смысле неизбежно фальсифицируется неспециалистом, не ухватывающим его сути [Ромашов, 2007, с. 1−3−104]. Классическим примером фальсификации подобного рода является вульгарное понимание системы разделения государственной власти, как разделения управленческого труда: на законодательный, исполнительный и судебный. Именно в подобном понимании разделение властей закрепляется в действующей Конституции России. Вместе с тем, в западноевропейской юридической традиции разделение властей рассматривается как принцип ограничения стремления государственной бюрократии к абсолютизации властных полномочий и недопущения возможного властного произвола.

Приведенные примеры позволяют говорить о необоснованности высказываемого требования «применения в практике законодательного конструирования терминов, понятных каждому индивидууму». Это требование предполагает широкое использование в законодательной деятельности обиходных слов, ставших юридическими терминами. Однако совпадение термина с общенародным словом лишь усугубляет трудности практического понимания рядовыми носителями языка юридических текстов, так как оно может создавать лишь иллюзию понятности. По-видимому, в этом случае можно рассчитывать лишь на приблизительное понимание воли законодателя, выраженной в юридическом документе, рядовыми носителями языка [Ромашов, 2007, с. 1−3−104].

Вместе с тем, представляется целесообразным использовать обыденный язык в процессе разъяснительной интерпретации правовых текстов, ориентированной на правоприменителей, не обладающих специальными юридическими познаниями (представителей исполнительной власти, присяжных заседателей и т.п.). В частности п. 8 ст. 339 УПК РФ гласит, что вопросы должны ставиться в понятных присяжным заседателям формулировках. Это означает, что юридические термины, употребляемые в речах представителей обвинения, защиты и суда, должны быть доступными

для рядового гражданина, входящего в состав коллегии присяжных, в такой степени, чтобы обеспечить адекватное восприятие и осмысление им всего того, что происходит в судебном заседании и относится к деянию, в совершении которого обвиняется подсудимый.

Таким образом, рассмотрение проблемы соотношения лингвистической и законодательной дефиниций предполагает, прежде всего, определение принципов соотношения смысловых значений обыденного и юридического языка. Представляется, что на уровне законодательного акта не имеет смысла искусственное упрощение правового текста с тем, что бы он был понятен любому. Подобное упрощение «выхолащивает» юридический смысл закона, примитивизирует его конструкцию и, следовательно, снижает функциональную эффективность. Думается, что стремление к упрощению юридического языка для достижения некоей социальной гармонии профессионального и обыденного правового сознания имеет достаточно четко очерченные границы, обусловленные, прежде всего, средствами и приемами юридической техники законодательной деятельности, а также объемом «юридического словаря» законодательных дефиниций. Оптимизация процессов лингвоюридического взаимодействия предполагает повышение уровня общего правосознания и юридической образованности рядовых граждан, вовлеченных в процессы правового регулирования, а также расширение сферы правового сервиса, призванного облегчить доступ населения к разнообразным специализированным юридическим услугам.

3. Конкретизация законодательства как технико-юридический прием интерпретации права

Конкретизация законодательства является важнейшей составной частью как правотворческой, так и правореализационной деятельности. При этом следует учитывать, что правотворчество является перманентным (непрерывно продолжающимся) процессом, не сводимым только лишь к деятельности по разработке, принятию, изменению и отмене законов. Принятие закона − важнейший этап правотворчества. Однако факт принятия закона не означает окончания законотворческого процесса. «Законы издаются на более или менее длительное время, между тем как регулируемые ими общественные отношения развиваются и меняются непрерывно» [Иоффе, 2004, с. 75]. Изменения, происходящие в социально-правовой жизни, обусловливают изменение законодательного материала. При этом конкретизация законодательства происходит по принципу низшей критики, предполагающему «обнаружение законодательного текста в его последней действующей редакции» [Иоффе, 2004, с. 79].

Интерпретация законодательства может иметь место как в процессе правотворческой (законодательной), так и в ходе правореализационной деятельности. В процессе правотворчества прикладное значение

интерпретации особенно велико на стадии экспертизы законопроекта[6], а также на этапе парламентских чтений, в ходе которых осуществляется обсуждение закона в целом, а также происходит уточнение ранее предложенных положений, вносятся поправки и дополнения к обсуждаемому тексту.

В качестве элемента правореализационной деятельности интерпретация имеет значение как мотивационное основание принимаемого решения [Ромашов, 2008, с. 131-132]. В том случае, если решение принимается непосредственно заинтересованным в том или ином исходе дела субъектом (непосредственные формы реализации права), интерпретация законодательства ограничивается его уяснением. Уяснив для себя содержание интерпретируемой нормы, субъект принимает самостоятельное решение, в котором определяются вариант будущего поведения и его возможные последствия. В случае, когда решение по делу принимается в процессе правоприменительной деятельности, субъект правоприменения должен не только уяснить для себя содержание определенной нормы и на основании этой нормы осуществить юридическую квалификацию деяния, но и разъяснить лицам, в отношении которых принято решение, на каких основаниях их дело решено именно таким образом, а не иначе.

Библиографический список

Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Сибирский филологический журнал, 2003. – №1. – Новосибирск, 2003.

Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т.: Советское гражданское право. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – Т. II.

Коммуникативная концепция права: вопросы теории. – СПб., 2003.

Поляков А.В. Общая теория права. – СПб., 2001.

Ромашов Р.А. Законодательная дефиниция в условиях интеграции правовых систем: проблемы унификации //Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: мат-лы Междунар. Круглого стола (Черновцы 21-23 сентября 2006 года) / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Н/Новгород, 2007.

Ромашов Р.А. Проблема соотношения понятий конкретизация и конкретность законодательства //Конкретизация законодательства как

[6] В ряде государств научная экспертиза законопроекта является обязательной стадией законодательного процесса. В частности в Регламенте Верховной Рады Украины закреплено положение, в соответствие с которым «зарегистрированный и включенный в повестку дня сессии законопроект при подготовке к первому чтению ***в обязательном порядке*** (выделено авт. – Р.Р.) направляется для проведения научной экспертизы, а при подготовке ко всем другим чтениям – для проведения юридической экспертизы и редакционной обработки в ответственные структурные подразделения аппарата Верховной Рады». Регламент Верховной Рады Украины. Утвержден Постановлением Верховной Рады Украины от 16 марта 2006 г. № 3547-IV/ http: //zakon.rada.gov.ua. В России в настоящий период научная экспертиза законопроектов является факультативным элементом законодательной деятельности.

технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007 г.) /Под ред. В.М. Баранова. – Н/Новгород, 2008.

Л.Х. Сарамотина

ПОНЯТИЕ «ПРЕСТУПНИК» В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

По мнению ученых, изучающих типы сознания, человек опирается в своей жизни на определенный эталон или желательное для него мнение, разделяемые той профессиональной группой, к которой он относится. Это мнение выражено четко и неоднозначно, создавая непротиворечивую картину мира. Такая картина мира, включающая мнения профессиональной среды, частью которой является или будет являться индивид, полезна, так как позволяет успешно решать конкретные задачи. Являясь членом социальной группы, в нашем случае студенчества, человек уже ориентируется на свой будущий образ профессионала. Однако, его «профессиональное» сознание еще только начинает формироваться, а представления о профессиональных ориентирах остаются в поле обыденного сознания.

Выявление профессиональных и обыденных представлений о людях, нарушающих закон, является одной из задач нашего исследования. На первом курсе юридического факультета КемГУ был проведен эксперимент, в ходе которого информантам было предложено завершить фразу «If he is (если он) + английское слово-стимул» на английском или русском языках (письменные суждения). В группу стимульных слов вошли 8 незнакомых студентам композитов, представляющих тематическую группу «человек, нарушивший закон»: wrongdoer (правонарушитель), lawbreaker (правонарушитель), shoplifter (магазинный вор), housebreaker (взломщик), self-incriminator (человек, дающий невыгодные для себя показания), blackmailer (шантажист), peacebreaker (нарушитель порядка), pickpocket (карманный вор). Каждое из них содержит полностью или частично знакомые информантам компоненты. Осуществление процедуры дополнения фразы предполагало восприятие иноязычного слова, его семантизацию и речевое реагирование как результат смыслопорождающей функции семантизированной единицы. Возможность выбора языка обусловлена универсальным характером мыслительных и речевых механизмов.

Материал исследования – письменные и устные суждения информантов о значениях незнакомых иноязычных сложных слов. Устные суждения представляют собой пояснения информантов по собственной тактике восприятия слова. Исходной посылкой исследования стало следующее утверждение Т.К. Цветковой: «то, что являлось значением для носителей одного языка в пределах одной культуры, становится смыслом для представителей иных языков и культур» [Цветкова, 2001, с. 72].

Большое количество суждений содержит смысл «преступник», который не подразумевался ни одним из слов тематической группы: в английском языке ему соответствует слово criminal. В обыденном сознании людей, не связанных с юридической профессией, − студентов, начинающих изучать право, термин «преступник» имеет иное содержание, нежели у профессионалов-юристов.

В обыденном сознании преступником называют:

1) человека, допустившего нарушение нормы права независимо от ее отраслевой принадлежности (вора, нарушителя порядка, т. е. «преступившего закон» (синоним – правонарушитель), и, следовательно, не всегда в таком контексте присутствует оценочность (lawbreaker − «если он правонарушитель, он преступник, так как преступил закон»);

2) плохого человека, нарушившего закон (housebreaker – «если он залезает в дома, он преступник»; lawbreaker – «если он преступник, то рано или поздно он будет арестован, так как представляет опасность для людей»). Оценочность в этом случае всегда присутствует: он – плохой, т.е. преступник, так как нарушил закон.

Исходя из анализа норм Уголовного кодекса РФ, преступником можно назвать лицо, совершившее виновное, противоправное, общественно-опасное деяние, предусмотренное УК РФ, в отношении которого вступил в законную силу приговор суда. Это лицо, в отношении которого доказано наличие всех признаков состава конкретного преступления. «Правонарушение» − это по объему более широкое понятие, преступлениями можно назвать только те деяния, которые прямо закреплены в УК РФ.

Информантами указываются следующие характерные для смысла «преступник» признаки, отражающие действия и ожидаемые последствия:

1) нарушил, преступил закон;
2) совершил преступление (в том числе, против чужой собственности);
3) нарушил порядок;
4) нарушил мир, покой;
5) не уважает законы;
6) должен быть наказан;
7) должен сидеть в тюрьме.

Оценка явления, стоящего за этим словом, предположительно присутствует при обозначении второго, шестого и седьмого признаков. В других случаях понимание индивидуального смысла «преступник» не является однозначным с позиций оценочности. Исключение составляет слово «wrongdoer», где данный смысл наряду с «грешником, вандалом» несет ярко выраженную отрицательную оценку: буквальный перевод «делающий неправильно» как промежуточное звено не предполагает такого категорического продолжения (wrongdoer – «если он часто делает ошибки, он преступник»). Указанные признаки можно разделить на обязательные и факультативные. К обязательным относятся первый, второй и шестой признаки. К факультативным – третий, четвертый, пятый, седьмой признаки.

Количество смыслов «правонарушитель, нарушитель закона» и «преступник» примерно одинаково. Но первый смысл приводился информантами только при интерпретации слов wrongdoer и lawbreaker (wrongdoer – «если он правонарушитель, он преследуется законом, его будет искать полиция; его нужно наказать и т.д.»; lawbreaker – «если он правонарушитель, он не знает закона, опасен для окружающего мира, выбрал неправильный образ жизни и т.д.»).

Второй смысл образован в большей или меньшей степени при осознании всех слов тематической группы.

Wrongdoer – «he committed a crime/он совершил преступление» (в устном суждении – правонарушитель, преступник); «постоянно совершает злодеяния».

Shoplifter – «если он магазинный вор, он преступник»; «если он совершил преступление против собственности, он преступник».

Pickpocket – «если он карманный вор, он преступник»; «если он карманник, он преступник»; «если он карманный мошенник, он претендует на чужое добро».

Housebreaker – «если он залезает в дома, он преступник, квартирный вор»; если он грабитель домов, то он преступник».

Self-incriminator – «преступник против самого себя, самоубийца»; если он чрезвычайный инкриминатор, он преступник.

Lawbreaker – «если он законоломатель, он преступник»; «если он преступник, то рано или поздно он будет арестован, так как представляет опасность для людей»; «если он нарушил закон, он преступник»; «он преступник, так как преступает закон».

Peacebreaker – «если он нарушает порядок, он преступник; «преступник против порядка»; «если он нарушает мир, он преступник»; «если он преступник против мира, он должен быть убит»; «он разрушитель мира, преступник, террорист, который совершил преступление, потрясшее весь мир». Последнее суждение показывает, как «работает» языковое сознание в условиях взаимодействия двух языков: от буквального перевода через оценку к привлечению внутреннего контекста.

Blackmailer – «если он шантажист, он преступник»; «какой-то преступник; ночной преступник, тот, кто нападает ночью».

Показательно то, что многие информанты не завершили предложенную фразу. Одна из причин, по словам одного из студентов, в том, что «везде одно и то же: его нужно наказать». Так складывается в обыденном сознании отношение к людям, нарушившим закон. По данным эксперимента вырисовывается русский миф как «абсолютное знание» [Улыбина, 2001, с. 73], заключающийся в том, что нарушитель закона/права, нередко он же преступник/мошенник/обманщик/вор, должен быть/будет наказан/должен сидеть в тюрьме. Выражение необходимости наказания в контексте русского языка разнообразно. Наиболее распространенные варианты, предлагаемые информантами, − *понесет наказание, несет уголовную ответственность, должен понести справедливое наказание, заслуживает наказания,*

подлежит аресту, нужно предать справедливому суду, предстанет перед судом, будет осужден, будет задержан, подлежит аресту, должен сидеть в тюрьме и т.д. Отмечается однотипное осмысление особого рода, т.е. частое совпадение структуры толкования незнакомого слова у разных информантов, когда завершение первоначальной фразы связано с наказанием. Данный факт доказывает существование в группе испытуемых коллективного взгляда, выражающего их отношение, на самом деле являющееся отношением общества, к такому человеку.

В обыденном сознании происходит отождествление правонарушителя с преступником. Информанты называют преступником человека, обвиняющего себя/наговаривающего на себя/self-incriminator; человека, часто делающего ошибки/wrongdoer; нарушающего порядок/peacebreaker.

При восприятии незнакомой информации в форме слов другого языка имеет место в более или менее выраженном виде ситуация диалога языков-культур. В основе этого диалога лежит факт, осознаваемый или неосознаваемый испытуемым, заключающийся в том, что в неизвестном иностранном сложном слове, содержащем знакомые или кажущиеся знакомыми компоненты, можно найти «знаки», отсылающие к своему родному языку, родной культуре. Взаимодействие таких «знаков» с компонентами, ощущаемыми в качестве иноязычных, составляет этот диалог, выводя из микромира, в котором решалась узкая задача осознания незнакомого иноязычного композита, в более широкий контекст жизни и деятельности данной социальной группы, объединяющей в своем мировосприятии обыденные и профессиональные представления о явлении, стоящим за словом. Результаты эксперимента подтверждают мысль А.Н. Ростовой: «Обыденные знания о языке составляют часть живого знания, организующего речевую деятельность; это знания-события, включенные в опыт повседневной жизни и наполненные субъективно-прагматическими смыслами» [Ростова, 2003, с. 115].

Библиографический список

Ростова А.Н. Взгляд на язык: научная и обыденная модель // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2003. – № 3.

Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М., 2001.

Цветкова Т.К. Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе, 2001. – № 4.

М.А. Ширинкина

О НЕКОТОРЫХ ПАРАМЕТРАХ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ДИСКУРСА В СФЕРЕ ПРАВА

Дискурсивный анализ сегодня, пожалуй, самый популярный метод исследования, применяемый в общественных и гуманитарных науках. Однако практически никто не описывает полную процедуру дискурс-анализа, отмечая лишь отдельные факторы, которые важно учитывать при использовании этого метода. В частности, большинство исследователей утверждают, что при дискурсивном анализе необходимо описать участников коммуникации, их статусно-ролевые характеристики и коммуникативно-познавательные действия, ситуации и контексты производства дискурса, а также события и различные социальные практики, т.е. «**внешние** по отношению к тексту особенности коммуникативного процесса» [Чернявская, 2003, с. 54].

В статье представлена попытка описания феномена толкования права как особой дискурсивной формации и выделения его специфических – дискурсивных – параметров.

1. Прежде всего нужно заметить, что юридический дискурс – форма **институционального** общения юристов в их профессиональной деятельности. В праве как сфере духовной культуры правоведы (С.С. Алексеев, А.С. Пиголкин, Т.Я. Хабриева, А.Ф. Черданцев и др.) выделяют такие частные виды духовной деятельности: правотворческую (или законотворческую), интерпретационную, правоприменительную, консультативную, судебную и др. Все перечисленные виды деятельности можно квалифицировать как частные разновидности дискурса правовой сферы общения. В результате любого из названных видов деятельности образуется особая группа текстов, каждую из которых важно исследовать и описать.

Частной разновидностью юридического дискурса является деятельность по истолкованию правовых норм – правоинтерпретационный дискурс. Определение толкования права предлагается многими исследователями-правоведами, но наиболее приемлемым и точным нам представляется следующее: толкование права – «это деятельность по установлению содержания правового акта **для его практической реализации** /выделено нами. – *М.Ш.*/» [Алексеев, 1981, с. 290].

Непосредственным предметом интерпретационной деятельности в сфере права выступает правовая норма – правило целесообразного общественного поведения субъектов права при определенных обстоятельствах. Для того чтобы практически реализовать нормы права, необходимо раскрыть содержание нормативного предписания – «обеспечить полноту и точность выражения воли, содержащейся в актах, ее полное раскрытие» [Алексеев, 1981, с. 293].

2. Всем известно, что функция законодательных актов – регулятивная. Они направлены на то, чтобы предписать определенное действие, побудить адресата действовать определенным образом. Функция актов толкования закона – **интерпретировать** смысл законодательного текста.

3. Как уже было сказано, юридический дискурс является институциональным. Будучи частью юридического дискурса, интерпретационный дискурс в сфере права также институционален по своей природе. Это означает, что хотя бы одним из **коммуникантов** всегда выступает **общественный институт** – государственный орган, организация, учреждение и т.д. Так, В.Н.Каташов пишет: «Одна из отличительных черт юридической деятельности состоит в том, что ее осуществление составляет прерогативу государственных органов» [Карташов, 1989, с. 13].

Важно то, что, с точки зрения приверженцев дискурсивного анализа, «говорящий не является абсолютным хозяином высказывания, так как сам в процессе речевой деятельности зависит от целого ряда экстралингвистических факторов, условий протекания речи и предшествующего контекста как социально-исторического, так и лингвистического» [Кожина, 2004, с. 13–14]. И это особенно ярко проявляется в юридической сфере. Субъект речи выступает здесь не как индивидуальность во всем многообразии речевых проявлений, а как должностное лицо, служащий государственных органов и, следовательно, проводник и глашатай идей государства, а не своих личных амбиций. Лишь в некоторых ситуациях появляется возможность высказать свою точку зрения на ту или иную правовую ситуацию, использовать при этом нетрадиционные устойчивые обороты и фразы. Так, человек, создающий постатейный комментарий к закону, выражает свое мнение (а это нехарактерно для юридической сферы!) относительно значимости правовых установок, практикующий юрист дает совет гражданину о том, как лучше (а не как надо!) поступить в спорной ситуации.

В зависимости от того, кто является субъектом интерпретации, выделяют разные виды толкования права: официальное и неофициальное, доктринальное, компетентное и обыденное.

Официальное толкование осуществляется органами государственной власти, судебно-арбитражными органами или должностными лицами. В результате официального толкования издается специальный акт толкования, имеющий юридическую силу.

Неофициальное толкование осуществляется государственными органами или отдельными гражданами, не обладающими полномочиями толковать правовые акты. Субъекты неофициального толкования законов: адвокаты, ученые-правоведы и научные организации – стремятся помочь тому или иному человеку, выступающему в роли участника различных правовых отношений. Субъекты неофициального толкования создают постатейные комментарии к законодательным актам, консультируют граждан по тем или иным правовым вопросам, участвуют в различных дискуссиях на правовые темы. Тексты, созданные в результате неофициального толкования,

отличаются ярко выраженной субъективностью и чаще всего имеют форму рекомендации, совета.

При этом значимой особенностью речевого поведения интерпретатора оказывается **модальность** создаваемого текста, выражаемая в «степени близости или вовлеченности (или, наоборот, отстраненности) говорящего по отношению к своему высказыванию» [Филипс, 2004, с. 134–135]. Речевые формулы могут отражать стремление автора текста акцентировать /или преуменьшить обязательность выполнения предписаний и тем самым предложить адресату альтернативные варианты поведения. Например, высказывание «Если налогоплательщик обратится в арбитражный суд за защитой своих прав, то **ему необходимо** ...» представляет категоричное предписание правил поведения другому человеку, в то время как высказывание «В случае если налогоплательщик **все-таки решится** обратиться в арбитражный суд за защитой своих прав, то **можно порекомендовать** ...» выражает меньшую категоричность, формулируется как совет, рекомендация.

Различно отношение говорящего к своему высказыванию и в следующих двух примерах: «**Этот случай регулируется** конституционной нормой» и «**Думается, что имеются все основания** для применения конституционной правовой нормы». В первом предложении категорично определяется единственно правильное решение, во втором – предполагается, что существуют иные точки зрения на то, какая правовая норма регулирует сложившуюся правовую ситуацию.

Особенно разительные отличия можно наблюдать при сравнении текстов компетентного (1) и обыденного (2) толкования норм права: (1) *«Пересечение сплошной линии разметки – это уже несоблюдение требований разметки, а не несоблюдение запрета о выезде на полосу встречного движения. Значит, такое правонарушение должно квалифицироваться по ст. 12.16 КоАП РФ, которая так и называется: «Несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги. Таким образом, ст. 12.16 КоАП распространяет свое действие на случаи несоблюдения предписаний знаков и разметки, а ч. 3 ст.12.15 – на случаи несоблюдения предписаний (в виде прямых запретов) Правил дорожного движения относительно выезда на полосу встречного движения»* и (2) *«Если был разворот или движение через встречную перпендикулярно в переулок, например, тогда нафиг гайцов!!! В суде объясняешь, что нарушение было, НО пункт уже не выезд на встречную, а нарушение дорожной разметки, т.к. при пересечении двух сплошных ты поехал в ту же сторону, что и движение, а значит, нарушил только дорожную разметку... штраф, кстати, 50-100 рублей на месте, если грамотно развести гайца и то же самое, когда поехал в переулок... когда ты двигаешься перпендикулярно движению, правила встречной полосы не действуют, то есть опять просто нарушение дорожной разметки. Удачи в суде!* /Сохранены орфография и пунктуация автора. – *М.Ш.*/».

Примечательно, что багаж знаний в этом вопросе и того, и другого субъекта речи больше знаний адресата. Отличительным признаком субъекта речи второго фрагмента является практический опыт (а не специальные знания юриста): человек (обыватель), дающий ответ на вопрос, сам пережил аналогичную ситуацию, вынес из нее определенный опыт и делится им. Отсюда появляется некоторая фамильярность речи, сниженная лексика и т.д. Текст имеет концентрированную форму совета – *сделай так, у меня получилось!* Общий настрой фрагмента таков: *попытка – не пытка; авось, повезет!* (Ср.: о различиях в интерпретации понятия «унижение чести, достоинства и деловой репутации» в диссертации Т.И. Краснянской [Краснянская, 2008]).

Действия субъекта речи в коммуникативной ситуации толкования закона заключаются в понимании исходного текста, его интерпретации и создании на его основе нового текста. Здесь необходимо акцентировать внимание на двух очень важных моментах: 1) понимание исходного текста и его уяснение (толкование для себя) является необходимым этапом, предшествующим созданию всех текстов-интерпретаций, и 2) в одних текстах-интерпретациях процесс уяснения эксплицируется (автор приобщает читателя к движению мысли), в других – отражаются только результаты процесса понимания правовой нормы автором.

4. **Адресатами** текстов толкования закона могут выступать нижестоящие подразделения органов государственной власти, общественные организации, отдельные граждане с различным уровнем правовых знаний. Адресат является полноправным участником коммуникативной ситуации толкования. Он предъявляет к тексту определенные требования, которые субъект толкования должен учитывать, если стремится к эффективной коммуникации. При этом говорящий должен всегда учитывать степень осведомленности слушателя о предмете высказывания.

Более того, любая юридическая деятельность «относится к такому типу социально-преобразующей деятельности, который означает обработку "людей людьми"» [Карташов, 1989, с. 13]. Однако если законодательные тексты имеют целью **воз**действовать на адресата (его поведение), то тексты толкования законодательных актов предполагают **взаимо**действие интерпретатора с адресатом. Интерпретатор предлагает адресату последовательно (постепенно) подойти к смыслу правовой нормы, вывести этот смысл посредством определенных шагов. Иными словами, фактор адресата влияет на определенный тип содержания текста, способы его раскрытия, соответствующий отбор языковых средств.

5. По мнению Лакло и Муфф, дискурс всегда формируется вокруг некоторых **узловых точек**. Узловая точка – это «привилегированный знак, вокруг которого упорядочиваются и приобретают свое значение другие знаки» [Филлипс, 2004, с. 50]. Причем «эти знаки отдельно от значений других понятий пусты» [Там же, с. 53]. Такими узловыми точками для правоинтерпретационного дискурса (да и юридического в целом) являются *закон, право, обязанность, субъект права, нарушение закона (преступление),*

наказание (санкция). В рамках дискурса эти точки «обрастают» различными знаками и их значениями: *субъект права – работодатель, работник, налогоплательщик, представитель, физическое лицо* и т.п.; *санкция – штраф, лишение свободы, исправительные работы* и т.д. Но в правоинтерпретационном дискурсе есть своя особая узловая точка, которая отличает его от права в целом, – *правила понимания правовой нормы.* Вокруг нее группируются слова и устойчивые сочетания: *понимание, интерпретация, толкование права, трактовка, юридическая квалификация, применение нормы права* и мн.др.

Однако более локальным стержнем, центром всех вопросов, волнующих граждан, оказываются права и обязанности: *должна ли организация..., имеем ли мы право….*

6. Интерпретация как вид деятельности обусловливает особую природу создаваемых текстов – вторичность и, как отражение ее в речевой ткани текста, категорию **интертекстуальности**, так как всегда строится на предыдущих текстах и событиях, опирается на них. По нашему мнению, интертекстуальность текстов толкования обусловлена системностью правовой базы, и поэтому действительное содержание нормы права чаще всего выводится только на основе анализа других, логически связанных с нею норм, которые могут сужать или расширять это содержание. Самыми распространенными показателями интертекстуальности являются метатекстовые ссылки: *Согласно статье…, В Уголовном Кодексе РФ … понимается как…* и т.д.

7. Как известно, в профессиональном общении важную роль играют нормы, а также конкретные формы и методы взаимодействия людей, **стереотипы речевого поведения**. Иначе говоря, описывая дискурс, говорят о типичных, образцовых, стереотипных формах речевого поведения в той или иной профессиональной сфере общения.

Некоторые специфические разновидности поведения (в нашем случае – речевого) становятся естественными в интерпретационном дискурсе, другие – неприемлемыми. К примеру, доктринальное (научное) толкование норм права не является официальным. Поэтому интерпретатор-ученый не может позволить себе категорически предписывать адресату те или иные действия. Он только высказывает определенную точку зрения, в связи с чем в текстах-интерпретациях мы находим: «**На наш взгляд**, определять дату совершения оборота необходимо с учетом следующего положения»; «Особо укажем, что **по нашему мнению**, нельзя считать договором подряда покупку». В то время как тексты официального толкования изобилуют конструкциями типа *… следует понимать как…*

8. Толкование права осуществляется, как правило, **в письменной форме.** Хотя часто общение происходит устно: практикующий юрист консультирует гражданина по какому-либо правовому вопросу. Однако нужно учитывать тот факт, что такая консультация не является в полном смысле спонтанной (а именно спонтанность и непосредственность общения – один из основных признаков устной формы коммуникации!), ей всегда

предшествует специальная предметная подготовка – изучение документов и правовых норм, касающихся обсуждаемой проблемы.

***

Таким образом, правоинтерпретационный дискурс – сложное коммуникативное явление: акт понимания субъектом исходного текста (закона, правовой нормы) и коммуникативный акт субъекта по отношению к другому субъекту (адресату, в интересах которого создается текст толкования).

Перспективным и интересным представляется рассмотреть все типы дискурса юридической профессиональной сферы (законотворчество, правоприменение, правотолкование и т.д.) с выявлением их специфического инвентаря, синтаксических типов, особенностей тематической направленности и коммуникативных целей.

Библиографический список

Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т.− М., 1981. – Т. 2.

Дискурс. – Электронный ресурс: Энциклопедия «Кругосвет». Режим доступа: www.krugosvet.ru, свободный.

Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Часть 4: Интерпретационная юридическая практика. – Ярославль, 1998.

Карташов В.Н. Понятие и структура юридической деятельности // Юридическая деятельность: сущность, структура, виды. – Ярославль, 1989.

Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. – Воронеж, 2000.

Кожина М.Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стиль. – Санкт-Петербург, 2004.

Краснянская Т.И. Интерпретация понятия «унижение чести, достоинства, деловой репутации» участниками судебного процесса: дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2008.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М., 2003.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.

Филлипс Л, Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2004.

Чернявская В.Е. Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели и направления // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2002.

Чернявская В.Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь. – М., 2003.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. – М., 2006.

Н.А. Шулепов, И.И. Василишин

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И ТЕРРИТОРИЙ

ОТ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

В современном законотворческом процессе и правоприменительной практике активно используется термин «чрезвычайная ситуация» (далее – ЧС), который, на первый взгляд, представляется достаточно изученным и устоявшимся. Однако при более глубоком погружении в суть вопроса оказывается, что проблем, которые необходимо будет решить в перспективе, еще достаточно много.

Необходимость законодательного регулирования защиты населения и территорий от ЧС очевидна. Человечество в своей истории не раз сталкивалось с различного рода бедствиями, негативное проявление которых приводило и продолжает приводить к огромным материальным потерям, всегда влекло большие человеческие жертвы.

Катастрофа на Чернобыльской АЭС (1986г.), землетрясение в Армении (1988 г.), ряд других трагедий того периода показали, что страна оказалась не готовой к решению масштабных проблем в сфере природно-техногенной безопасности. Это явилось своеобразным толчком и побуждающим импульсом к активизации соответствующей деятельности на государственном уровне в СССР, а затем и в России. В частности, встал вопрос о терминологии в этой области.

В этот период в отечественном законодательстве и научных изданиях обстановку, складывающуюся в результате различного рода бедствий (прежде всего природно-техногенного характера), стали определять через понятие «чрезвычайная ситуация». В середине 1989г. Верховным Советом СССР принято решение о создании в структуре Правительства СССР специального органа – Государственной комиссии Совета Министров СССР по чрезвычайным ситуациям; 15 декабря 1990г. Постановлением Совета Министров СССР создается Государственная общесоюзная система по предупреждению и действиям в чрезвычайных ситуациях; к исследованию различных аспектов чрезвычайных ситуаций обратились И.Л. Бачило, М.М. Бринчук, В.А. Владимиров, Ю.Л. Воробьев, О.Л. Дубовик, А.И. Иойрыш, В.Н. Кудрявцев, А.Ф. Майдыков, В.А. Мальцев, А.К. Микеев, Б.Н. Порфирьев, С.А. Старостин, С.К. Шойгу, Ю.Г. Шпаковский и целый ряд других авторов.

В толковом словаре русского языка «чрезвычайный» толкуется как «исключительный, превосходящий все, очень большой, не предусмотренный обычным ходом дел…» [Ожегов, Шведов, 1996, с. 875]. «Ситуация» же рассматривается как «совокупность обстоятельств, положение, обстановка ...» [там же, с.709]. Следовательно, в самом общем виде ЧС можно определить как исключительную обстановку. Однако подобное толкование является слишком общим и, по этой причине под такое определение может подпадать практически любое экстраординарное событие (происшествие, случай и т. п.). Действительно, спектр применения словосочетания «чрезвычайная ситуация» довольно широк: в прессе под рубрикой «Чрезвычайная ситуация» можно встретить сообщения о сложной

демографической ситуации, заблудившихся детях, «утечке умов», как чрезвычайную ситуацию рассматривают наркоманию и т.д.

Целый ряд законов того периода либо использовал рассматриваемое понятие, но не определял его (например, Закон РФ от 05.03.1992 №2446-1 «О безопасности»), либо применял термины, через которые понятие «чрезвычайная ситуация» ранее определялось, но не фиксировал его нормативно. Например, авторы текста Конституции РФ, определяя блок вопросов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, включили в него «осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий»; в тексте основного закона дефиниция «чрезвычайная ситуация» не упоминается.

В 1994г. при уже существовавших двух определениях ЧС Госстандарт закрепил еще одно: это «состояние, при котором в результате возникновения источника чрезвычайной ситуации на объекте, определенной территории или акватории нарушаются нормальные условия жизни и деятельности людей, возникает угроза их жизни и здоровью, наносится ущерб имуществу населения, народному хозяйству и окружающей природной среде» [ГОСТ Р22.0.02-94 Безопасность в чрезвычайных ситуациях Термины и определения].

В этом же году принимается Федеральный закон от 24 декабря 1994г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – закон о защите от ЧС). В статью 1 закона включено следующее определение: *«чрезвычайная ситуация - это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей».*

При анализе определения необходимо обратить внимание на название закона, а также на его преамбулу, в которой закреплено, что *«настоящий Федеральный закон определяет общие ... организационно-правовые нормы в области защиты ... от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (далее - чрезвычайные ситуации)».* С учетом особенностей законодательной техники в нормотворчестве это означает, что под употребляющимся в тексте закона словосочетанием «чрезвычайная ситуация» следует иметь в виду лишь «чрезвычайную ситуацию природного и техногенного характера».

Таким образом, при действовавшем с 1992г. законе «О безопасности» и ряде других законов, которые использовали категорию «чрезвычайная ситуация», а также ГОСТе Р22.0.02-94 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Термины и определения», который определил ее, появляется закон, использующий новую категорию – «чрезвычайная ситуация природного и техногенного характера», в связи с чем «чрезвычайная ситуация» и «чрезвычайная ситуация природного и техногенного характера» стали соотноситься между собой как общее и частное.

В дальнейшем законодатель не оставлял сферу противодействия ЧС без внимания, и в статье 3 Федерального закона от 21 июля 1997г. № 117 – ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» можно увидеть очередное определение: чрезвычайная ситуация − обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии гидротехнического сооружения, которая может повлечь или повлекла за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или ущерб окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. Следует заметить, что в части 1 статьи 3 данного закона указано, что *«в настоящем Федеральном законе используются следующие основные понятия»,* среди которых присутствует понятие *«чрезвычайной ситуации».* Это означает, что закон предусматривает использование его исключительно применительно к безопасности гидротехнических сооружений. В этой связи мы солидарны с мнением В.Б. Исакова, который отмечает, что «вряд ли можно признать обоснованным, когда закон использует общеизвестные понятия «для целей настоящего закона» в каком-то особенном, специфическом смысле» [http://lexis-asu.narod.ru/other-works/index.htm].

Зачастую понятия «чрезвычайная ситуация» и «чрезвычайная ситуация природного и техногенного характера» отождествляются, что, с точки зрения как права, так и лингвистики, неверно. Не ставят ведь знак равенства между гражданско-правовыми понятиями «договор» и, например, «договор аренды», т.к. существуют и другие договоры − «договор проката», «договор поставки» и т.п. Также являются не тождественными понятия «информация» и «информация конфиденциального характера», т.к. общепринято выделять целый ряд других видов информации соответствующего характера − «информация рекламного характера», «информация экономического характера», «информация развлекательного характера» и т.п. Поэтому довольно частые случаи, когда рассматриваемые понятия «соседствуют» друг с другом в нормативных правовых актах, причем, что парадоксально, в рамках одной статьи, − неприемлемы. Например, название ст. 20.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ содержит понятие «чрезвычайная ситуация», в пункте 1 данной статьи предусматривается административная ответственность за невыполнение обязанностей по защите от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а в пункте 2 – «за непринятие мер по обеспечению готовности сил и средств, предназначенных для ликвидации чрезвычайных ситуаций, а равно несвоевременное направление в зону чрезвычайной ситуации сил и средств, предусмотренных утвержденным в установленном порядке планом ликвидации чрезвычайных ситуаций».

В приведенной статье одним из используемых понятий является «зона чрезвычайной ситуации». Есть ли где-то в законодательстве его определение? Нет. В законе о защите от ЧС есть определение понятия «зона чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера». Понятия похожи, но не равнозначны. Если допускать подобные «вольности» в

отождествлении понятий, то почему бы не сравнить понятия «зона чрезвычайной ситуации» и «зона чрезвычайной экологической ситуации»?

Последнему из понятий тоже стоит уделить внимание. В п.1.1. Временного порядка объявления территории зоной чрезвычайной экологической ситуации, утвержденного приказом Минприроды РФ от 6 февраля 1995г. №45 (заметим, определение понятия в очередной раз фиксируется в подзаконном акте, а не в законе – *авт.*) она определена как *«участок территории Российской Федерации, где в результате хозяйственной и иной деятельности происходят устойчивые отрицательные изменения в окружающей природной среде, угрожающие здоровью населения, состоянию естественных экологических систем, генетических фондов растений и животных, приостановка и предотвращение которых невозможны только за счет организационно-управленческого потенциала и материально-финансовых ресурсов данной территории».*

Если есть понятие «зона чрезвычайной экологической ситуации», то, по всей видимости, должно быть понятие «чрезвычайная экологическая ситуация». Попытка найти его определение не приведет к положительному результату – такого определения законодательство не содержит.

Возможно, «чрезвычайная экологическая ситуация» есть разновидность «чрезвычайной ситуации природного характера»? Одни авторы считают именно так [Восьмирко, 2000, с. 10–11]. Другие утверждают, что следует разграничивать «чрезвычайные экологические ситуации» и иные чрезвычайные ситуации, характеризующиеся неблагоприятными экологическими последствиями [Черепанцева, 2000, с. 25].

Законодатель, судя по содержанию рассмотренного ниже закона, эту проблему уже разрешил. В статье 3 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. №3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», среди прочих обстоятельств введения чрезвычайного положения, указаны *«чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий…».* В таком изложении нормы права чрезвычайные экологические ситуации «выведены за рамки» чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, т.е. они рассматриваются как самостоятельная разновидность чрезвычайных ситуаций. Этот термин, кроме того, использует Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (статьи 247, 250, 254 и др.), целый ряд других законов.

В последнее время в правоприменительной практике МЧС России наметилось «дрейфование» от понятия «чрезвычайная ситуация» к понятию «кризисная ситуация»: «… понятие «кризисная ситуация» получает все большее распространение. Оно хотя и не нашло пока отражения в нормативно-законодательных актах, но все больше и больше входит в наш обиход» [Основы защиты населения и территорий в кризисных ситуациях, 2006, с. 9]. Действительно, ни приказ МЧС России от 9 ноября 1999 г. № 590

«О дальнейшем совершенствовании деятельности органов управления силами и средствами Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и МЧС России», которым в тот период времени было утверждено Положение о Центре управления в кризисных ситуациях (ЦУКС), ни Положение о созданном на его основе (в соответствии с Указом Президента РФ от 23 октября 2008 г. №1515) Национальном центре управления в кризисных ситуациях, ни какой-либо иной нормативный правовой акт определение понятия «кризисная ситуация» не содержат.

Вряд ли можно положительно оценить ситуацию, когда понятие активно используется в правоприменительной практике, но при этом оно даже не определено. Это приводит, например, к тому, что подразделение с практически идентичным названием и аналогичной аббревиатурой (Центр управления кризисными ситуациями − ЦУКС) создано в структуре «Аэрофлота» (Аргументы и факты //Рейс завершится благополучно. №15, апрель 2002 г.), и на него возложены задачи по предотвращению угонов самолетов, захвата заложников и т.д. Получаем ситуацию, когда разные ведомства в одинаковые понятия вкладывают разный смысл.

Пока достаточно неясным остается и еще одно понятие − «гражданская защита». Оно тоже прочно закрепилось в законотворческой и правоприменительной практике: одним из структурных подразделений МЧС России является Департамент гражданской защиты, ведущим учебным заведением министерства является Академия гражданской защиты и т.д. Определяет ли его какой-либо нормативный правовой акт? Ответ, как и в предыдущих случаях, – нет.

Таким образом, с одной стороны, в рассматриваемом законодательстве наблюдается противоречивость в терминологии, когда в разных нормативных правовых актах один и тот же термин имеет существенные отличия в содержании. Тем самым, нарушается целый ряд требований, предъявляемых к идеальному термину − однозначность, точность, системность и др. С другой стороны, зачастую общее понятие «чрезвычайная ситуация» неправомерно, и в нарушение лингвистических правил, отождествляется с частным понятием «чрезвычайная ситуация природного и техногенного характера». Наконец, многие термины активно применяются в законодательстве, но не определяются им. «С понятия начинается логическое бытие любой правовой нормы» [Законодательная техника, 2000, с.79], поэтому необходим критический анализ существующего и используемого в нормативных документах понятийно-категориального аппарата, наполнение его содержанием, выработка (с учетом накопленного опыта) однозначных по смыслу терминов, используемых в практической деятельности МЧС России, других министерств и ведомств. И приступить к этой работе, по нашему мнению, необходимо с уточнения названия Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Во-первых, если это *Министерство по …чрезвычайным ситуациям…* − то каким? Например, обстановка, складывающаяся в результате

межнационального конфликта, − это тоже чрезвычайная ситуация, но ее предупреждение, устранение причин возникновения и т.д. − задача других государственных органов.

Во-вторых, из названия министерства вытекает, что это *Министерство по ... чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.* Авторам статьи данный подход представляется не вполне обоснованным. Из уже упоминавшегося определения чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера усматривается, что она складывается в результате не только стихийного бедствия, но и аварии, опасного природного явления, катастрофы. То есть, стихийное бедствие − это только одна из предпосылок возникновения чрезвычайной ситуации. Тогда почему в названии Министерства предусматривается ликвидация последствий только стихийных бедствий?

В-третьих, ст. 3 Закона о защите от ЧС указывает, что его целями являются: предупреждение возникновения и развития чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; снижение размеров ущерба и потерь от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; ликвидация чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Во многих источниках указывается, что предупредить чрезвычайную ситуацию в десятки, сотни раз проще и дешевле, чем ликвидировать ее последствия. Кроме того, деятельность по предупреждению чрезвычайных ситуаций в последние годы рассматривается как приоритетная. Тогда почему в названии Министерства предусматривается только ликвидация последствий стихийных бедствий? А как быть с предупреждением, со снижением размера ущерба и потерь? Естественно, что всю палитру задач и функций государственного органа в его названии отразить невозможно, да и не нужно, но одно несомненно – необходима точность в содержании.

Законодательство в области защиты населения и территорий от ЧС имеет непродолжительную историю. Важно отметить, что становление рассматриваемого законодательства происходило в непростых условиях. «Столкнувшись с необходимостью планировать эту деятельность, − пишет Ю.Л.Воробьев, − мы не обнаружили фундамента, опираясь на который можно было бы с большей уверенностью развивать эту деятельность в нашей стране» [Воробьев, 2000, с. 50]. Законодательство развивалось «в известной мере ощупью, методом проб и ошибок, довольно часто переходили на работу в «режиме штурма», что не позволяло глубоко осмыслить проблему, проработать проект с участием ученых и специалистов» [Законодательное обеспечение деятельности Министерства Российской Федерации …, 2000, с. 5]. Думаем, что пришло время качественного совершенствования правового регулирования благородной деятельности спасателей, по достоинству высоко ценимой у нас в стране.

Библиографический список

Воробьев Ю.Л. Основы формирования и реализации государственной политики в области снижения рисков чрезвычайных ситуаций: монография. – М.: ФИД «Деловой экспресс», 2000.

Восьмирко Е.О. Проблемы статистического изучения чрезвычайных экологических ситуаций техногенного характера: дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2000.

Законодательная техника: научно-практическое пособие. – М.: Городец, 2000.

Законодательное обеспечение деятельности Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Семинар с руководящим составом МЧС России. Доклады и выступления. – М.: ВНИИ ГОЧС, 2000.

Исаков В.Б. Язык права Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: сб. ст./ под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000.

Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: «АЗЪ», 1996.

Основы защиты населения и территорий в кризисных ситуациях / под общ. ред. Ю.Л. Воробьева; МЧС России. – М.: Деловой экспресс, 2006.

Черепанцева Ю.С. Правовая защита территорий и граждан при чрезвычайных экологических ситуациях: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Оренбург, 2000.

Раздел 2
ЮРИСЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Н.Д. Голев, О.Е. Яковлева

ЯЗЫК КАК СОБСТВЕННОСТЬ (К ОСНОВАНИЯМ ЛИНГВОМАРКЕТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКА)[7]

В статье делается попытка обосновать и очертить специфику предмета новой отрасли знания о языке, возникающей на пересечении таких объектов жизнедеятельности человека и общества, как язык, маркетинг и право. Возникающая дисциплина с условным названием «лингвомаркетология» является подразделением функциональной (социо)лингвистики, и ее предмет – маркетинговое функционирование языка. Одновременно в ней заложены признаки особого подхода к языку, проистекающего из данного предмета: язык, рассматриваемый как товар, являет, демонстрирует лингвисту новые свойства, которые в других рассмотрениях остаются незамеченными. В лингвомаркетологии выстраивается модель языка как участника товарно-денежных отношений, выступающего как в статусе самого **товара**, так и в статусе инструмента осуществления таких отношений. При осуществлении данной функции происходит своеобразная «коммерциализация языка»; это понятие встает в ряд других подобных понятий: сакрализации языка в фидеистической лингвистике, юридизации языка – в юрислингвистике и т.п. Известна формула товарно-денежных отношений в рыночном обществе: «Деньги-1 – Товар – Деньги-2» (где 2 – прибыль). Язык и его отдельные единицы в статусе товарных знаков, брендов, слоганов, доменов, никнеймов и т.п. очевидным и эффективным способом участвуют в создании прибыли. Вопросы о том, какие свойства языка и его элементов создают им стоимость, позволяют им быть продаваемым и покупаемым, становиться собственностью и объектом правового регулирования, являются центральными вопросами лингвомаркетологии.

Социальные предпосылки формирования лингвомаркетологического взгляда на язык. Такие предпосылки хорошо видны на фоне исторических изменений в номинации товаров и различных социальных объектов. Идеологическая устремленность советского ономастикона сменяется прагматическими установками современных имядателей; стихийное (по сути) и интуитивное имятворчество трансформируется в технологическое, основанное на рекламе как науке, искусстве, высокотехнологичном ремесле. В таком развитии ономастикона

---

[7] Данное исследование является развитием идей материала, опубликованного в Вестнике Новосибирского госуниверситета [Голев, 2007], и статьи [Голев, Яковлева, 2008].

данной номинативной сферы проявляются когнитивные особенности современной российской языковой картины мира. Система товарных знаков и слоганов, в которую они включены, с одной стороны, сама вытекает из ментально-языкового состояния социума, отражает те ценности, которые он исповедует (в противном случае, будучи чуждой духу социума, она не была бы эффективной), с другой стороны, она их формирует, категоризует, организует специфическое видение мира и его оценку. Это влияние социума на язык имеет глобальный характер, касается общей ментальности и мировоззрения всех членов социума. Например, на наших глазах меняется прецедентика русского языкового сообщества как канала передачи ментального опыта от одного поколения другому: в речи нового поколения не используются пословицы, поговорки, крылатые выражения из классики и т.п., их место занимают слоганы, цитаты из современных поп-текстов и модных телепрограмм, интернет-слэнг и т.п. Товарные знаки и бренды из коммуникативной периферии перемещаются в настоящее время в ее центр, вторгаясь в глубинные презумпции современного дискурса, а вслед за ним и сознания. Коммерциализация общественных отношений между людьми не может не повлиять на коммерциализацию отношений человека с языком. Язык всегда был отражением социальных и ментальных процессов, неотъемлемым и необходимым атрибутом человека, единственной формой существования человеческого сознания; язык эволюционирует вместе с человеком, своевременно отражая все явления, формирующие современную обществу реальность. Язык является не только орудием общения, средством выражения мысли, накопления и передачи информации, но «служит “продолжением” человеческого мозга, подобно тому как материальные орудия являются “продолжением” человеческих рук, ног, органов чувств» [Гак 1998: 163]. Развитие рыночных отношений в современной России повлекло за собой экономические трансформации, которые обусловили существенные изменения как в ментальности человека, так и в его отношениях с родным языком. В свою очередь, будучи осознаваемыми, данные процессы влияют и на взгляды лингвистов, которые стремятся своевременно отразить все происходящие изменения.

Общая формула, отражающая их (взгляды), по нашему мнению, такова: «отношения между референтом и товарным знаком являются подчиненными отношениям между наименованием товара и его потенциальным покупателем» ([Praninskas ,1968, с. 77], цит. по: [Комолова, 1973, с. 137]). Из этой формулы вытекают следующие производные тезисы.

1) В лингвомаркетологии происходит переключение фокуса исследовательского внимания с классического предмета структурной лингвистики – семантики (отношение знака к означаемому и наоборот) и синтактики (отношения между знаками) – на прагматику (взаимоотношения знака и человека как создателя знака и его адресата). И статус знака, и статус человека определяются в лингвомаркетологической концепции языка тем обстоятельством, что они являются «элементами» товарно-денежных отношений.

2) Прагматический предмет знака как «элемента» товарно-денежных отношений детерминирует по принципу обратной связи семантику. В частности, радикально меняются взаимоотношения таких компонентов содержания слова, как информативный и суггестивный компонент. Традиционное представление о первичности информативного компонента в лингвомаркетологии явно уступают представлению о том, что именно информативный компонент подчинен суггестивному. Там, где знак – товар (элемент товара), там информация обслуживает потребности коммерции. К примеру, в рекламе, имитирующей научный дискурс, нередко приводятся факты, цифры, называются конкретные имена и рисуется история (или якобы история) создания товара, эксплуатируется сложная малопонятная терминология, но суть такой рекламы не в информации, а именно – в имитации научного стиля и эксплуатации чувства доверия к науке. Особенно значимым в этой эволюции нам представляется смещение фокуса прагматики в маркетинговой стратегии: от ориентации на сбыт к ориентации на реальный запрос потребителя, то есть вопрос не в том, чтобы показать, что товар хорош или даже лучше всех по качеству, а в том, чтобы выбранный продукт удовлетворял социальные значимости потребителя: престиж, чувство собственного достоинства и т.п., «от информации реклама перешла к внушению, затем к незаметному внушению, ныне же ее целью является цель управлять потреблением» [Бодрийяр, 2001, с. 178].

Очерченные социальные процессы стали главным фактором ментальной революции: философия рынка, поглотившая не только сферы, традиционно работающие на идею купли-продажи, оказала мощное влияние и на общество как таковое, и на язык, который его обслуживает. В соответствии с этой новой философией важнейший атрибут человека – его язык (или его отдельные элементы) – в определенных рыночных ситуациях может оцениваться в денежном эквиваленте. Данная тенденция придания стоимости неким абстрактным понятиям имеет вполне закономерное объяснение: согласно мнению Р. Йенсена, ученого из Копенгагенского института футурологии, логика развития современного рынка такова, что существующее информационное общество постепенно сменит общество мечты. Общество мечты – это новый тип социального устройства, при котором компании, сообщества и отдельные люди будут преуспевать на основе своих историй, а не вследствие обладания информацией; общество, в котором коммуникация, построенная на эмоциях, победит интеллект [Йенсен, 2002, с. 14–48]. Таким образом, истории, которые в современном контексте понимаются как некоторые *ценностные декларации*, не требующие верификации посредством критериев истинности, уже сейчас должны лежать в основе долгосрочного бизнес-планирования и открывают возможности для новых рынков: рынка приключений, рынка духовной заботы, близости и любви, рынка душевного покоя и др. [Там же, с. 70–71]. Таким образом, принципы организации рыночного общества и его ценности определяют те свойства языка, наличие и актуализация которых позволяют осуществить трансформацию языка и его единиц в товар. Данные процессы более

подробно рассматриваются во второй части настоящей статьи на примере трансформации имени в товарный знак и бренд.

Язык как собственность. Казалось бы, трудный логико-философский вопрос о равнозначности выражений «принадлежать всем» и «не принадлежать никому» в социальной практике давно уже решается в пользу их неравнозначности: принадлежащее всем постепенно становится объектом чьей-то собственности. На разных этапах истории человечества товарный статус получали такие фундаментальные феномены бытия человека, как природа, культура, искусство, история, мораль, красота, здоровье (ср. в связи с последним сложившиеся в последние годы индустрии здорового образа жизни, ухода за собой, услуги по обретению личного счастья). Языковые ценности здесь не исключение. Причем это касается всех аспектов языка: речевой деятельности, речевого материала и языковой системы (по Л.В. Щербе). Очевидно стоимостное измерение речевой деятельности в разных формах (писательской, ораторской, переводческой, лингводидактической, лингвоэкспертной, лингвомаркетологической (реклама, брендинг), – процессуальный характер данного объекта купли / продажи самой речевой деятельности подчеркивает то обстоятельство, что он может быть измерен в единицах трудозатраты и времени. Речевой материал (речевая продукция[8]) в форме письменных и устных текстов давно продукт рынка, даже в области литературы и искусства, не говоря уже о рекламе и предвыборных слоганах. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» – лингвомаркетологическая формула этого аспекта языка. Более сложен вопрос о собственности на различные проявления языка как системы. Пока кажется невероятным, чтобы кто-то предъявил права на владение, скажем, дательным падежом русского языка, тем не менее можно предположить наличие ситуаций, когда право пользованием какой-то языковой системой как абстрактным кодом и ее элементами может принадлежать определенному кругу лиц, а значит, и приобретено кем-то за деньги (наверное, специалисты по социолингвистике знают немало примеров такого типа, имевших место в истории человечества). Подобным образом может быть поставлен вопрос и применительно к нашему времени. Право пользованием словами *Россия*, *Отечество* в сферах, приносящих выгоду (материальную или нематериальную), принадлежит не всем, оно ограничивается российским законом. Можно зарегистрировать свою фамилию как товарный знак и тем самым ограничить право ее использования в данной сфере другими лицами. Разумеется, товарным знаком или брендом по закону может стать не любое наименование естественного языка. Здесь немало тонкостей, некоторые из них проистекают из свойств языка как естественной системы. Выражение типа *Чай черный байховый* не может быть присвоено в качестве товарного знака каким-то конкретным юридическим лицом – таким правом обладают все. Право всеобщего пользования таким неиндивидуализирующим

[8] Данный термин (речевая продукция) используется в официальных документах, регламентирующих судебную лингвистическую экспертизу

обозначением не может быть оспорено по закону. А вот название чая *«Викторианский»* в этом смысле уже не столь очевидно[9]. Таким образом, в сфере маркетингового функционирования языка мы можем наблюдать, как бесплатный по своей природе язык постепенно утрачивает свойство одинаково принадлежать всем его носителям. Стоит заметить, что данную тенденцию можно проследить и в отношении других, казалось бы, бесплатных, точнее, принадлежащих всем, объектов, например, природных: ср., ситуацию взимания платы за посещение водопадов, естественных смотровых площадок, островов и т.д., которой спекулируют местные жители курортных и туристических зон.

Говоря о собственности В.Г. Гак, анализируя книгу лингвиста Ф. Росси-Ланди «Язык как труд и как рынок» (1968), приводит положение ученого о том, что слова, как единицы языка-системы, являются продуктами языкового труда и, поскольку призваны удовлетворить определенную потребность людей, обладают потребительской стоимостью. Эта языковая производственная деятельность осознается говорящими лишь в особых случаях: при переводе или изучении чужого языка; когда обработка речи становится самоцелью (в поэтической речи) и т.д. [Гак, 1998, с. 164–166]. Сегодня к перечню сфер производства «языкового товара» можно добавить исследуемую нами сферу производства слов, слоганов и рекламных текстов, где языковая производственная деятельность не просто осознается по обе стороны языкотворческого процесса, но и высоко оплачивается. Близки представленной концепции критикуемые Росси-Ланди теории «лингвистического меркантилизма», авторы которых в использовании языка усматривают только обмен сообщениями, который сравнивают с обменом товарами – торговлей (цит. по: [Там же, с. 165]). Однако в эпоху современных рыночных отношений данное наблюдение актуально как никогда: меркантилизм заключается не в том, что мы используем язык как товар для обмена сообщениями, а в том, что слова, языковой материал, сами становятся товаром. При этом уже упомянутая «потребительская стоимость» в применении к предмету нашего исследования – коммерческим номинациям – определяется не объемом затраченного для их производства лингвистического труда, а положением имени бренда в сознании потребителя в сравнении с другими именами той же товарной категории, которое обусловливает определенное покупательское поведение в отношении именуемого товара.

Юридизация языка (речевого материала). Важным условием современного маркетингового функционирования любых предметов рыночных отношений является их правовое регулирование, приходящее на смену стихийному рынку. Коммерциализация языка, как правило, сопровождается его юридизацией. В данном процессе определенные

---

[9] Это пример из нашей лингвоэкспертной практики, возникший в ситуации когда одна из сторон стремилась доказать, что название «Викториан бленд» принадлежит к таким же общенародным (общеупотребительным) выражениям, как и «Чай черный байховый». Суть конфликта читатель при необходимости легко найдет в Интернете.

отношения человека с языком обретают статус юридических. Разумеется, далеко не все типы социальных отношений регулируются действующим законодательством, а лишь те из них, которые несут в себе потенциал серьезных конфликтов и тем самым могут подорвать устои стабильной жизнедеятельности общества. По этой причине правовой защитой в первую очередь обеспечиваются отношения людей, касающиеся общественной субординации и имущественных и неимущественных благ (собственности). Что касается первых, то их могут проиллюстрировать законы о государственном языке, хартия языковых прав национальных меньшинств и т.п. Неимущественные блага иллюстрируют право на имя[10], статья Уголовного Кодекса РФ «Оскорбление». Имущественные права, связанные с языком, защищаются многими законами, в том числе авторским правом, законом о товарных знаках и другими.

Имя бренда берет на себя большинство функций по юридической защите бизнеса и тем самым обеспечивает товару / услуге справедливое участие в конкурентной борьбе. При создании новой марки значительные усилия специалистов по маркетингу и рекламе сконцентрированы на поиске удачного названия, однако не менее важно учитывать его охраноспособность. Помимо требований соответствующего российского закона [ФЗ, 2003, с. 5–7]: не допускать к регистрации описательные названия; названия, сходные до степени смешения с уже зарегистрированными для однородных товаров и др., – профессионалы рекламного дела советуют избегать названий по фамилии основателя марки и аббревиатур [Чармэссон, 1999, с. 45–61]. Однако, несмотря на все ограничения и рекомендации, продолжают появляться марки-подражатели (ср. печенье «Три чуда», созвучное с появившейся ранее и хорошо разрекламированной маркой той же категории «Причуда»; зубная паста *«Aquarelle»* не только названием, но внешним видом товара и упаковки имитирует известный бренд *«Aquafresh»*) – и успешно зарабатывают на чужом марочном капитале. Еще одним, специфическим для России и стран постсоветского пространства, видом бизнеса является так называемое марочное пиратство, когда недобросовестные дельцы играют на юридической слабости чужих торговых марок, чему в немалой степени способствуют пробелы в российском законодательстве. Так, в России вполне легально можно зарегистрировать на свое имя бренд, известный во всем мире, если его владельцы своевременно не позаботились о юридической защите последнего в нашей стране, а потом предложить эти права компании-владельцу в обмен на сумму, которая может исчисляться миллионами долларов.

Гносеологические предпосылки лингвомаркетологии. Появление лингвомаркетологии связано и с глобальными сдвигами в самой лингвистической парадигме, характеризующейся переходом от структурно-

---

[10] Известно, например, какие нравственные и психологические мучения претерпел поэт А. Фет, у которого было отнято право носить его изначальную дворянскую фамилию.

семантического подхода к языку к подходу функциональному. В триаде «семантика – прагматика – синтактика» акцент все более делается на втором члене, определяемом попыткой ответить на вопрос: с какой целью создается то или иное речевое произведение, каким образом осуществляется цель (намерение, интенция), к каким результатам это приводит. Акцент на последнем нередко выводит лингвистическую прагматику в социальный прагматизм, который стимулирует появление и развитие разнообразных лингвистических дисциплин, способных эффективно обслуживать жизнедеятельность общества. Такие дисциплины вытекают из социальной практики и возвращаются в нее. Одновременно они содержат мощный лингвогносеологический потенциал, поскольку дают новый ракурс исследователям языка, позволяющий увидеть в нем новые стороны (функции, свойства, элементы). К их числу относятся наряду с лингвомаркетологией также юрислингвистика, инженерная лингвистика, коммуникативистика (связанная с информационными технологиями), политическая лингвистика (из большого списка работ выделим статью А.А. Романова, посвященную политическим функциям имени собственного [Романов, 2000]) и др. Отдельно отметим отрасль, наиболее близкую лингвомаркетологии, которую условно можно назвать лингвоэкономикой. Ее основания заложены в работах Ю.Н. Караулова (см., например: [Караулов, 2002].

Согласно Ю.Н. Караулову, в функциональном отношении языки характеризуются неодинаковыми возможностями, которые находятся в зависимости от коммуникативных ресурсов каждого конкретного языка. При этом само понятие коммуникативных ресурсов такой биосоциальной системы, как язык, соответствует общенаучной философской категории «базовых потребностей» и связано с изучением эффективности существования данной системы. В этой связи Ю.Н. Караулов рассматривает следующий состав базовых потребностей: энергетическая (коммуникативный потенциал данного языка); транспортная (возможности и условия передачи и распространения информации на нем); потребность в безопасности (средства защиты и сохранения языка); производственная (объем и значимость текстов данном языке); информационная (приспособление, готовность языка к восприятию и созданию нового знания) [Караулов, 2002]. Очевидно, что современный русский язык позволяет в полной мере удовлетворить все названные потребности, чем обусловлен его статус как государственного языка РФ и языка межгосударственного общения. Реализуемые языком общественные функции являются одним из компонентов важнейшей базовой потребности – энергетической. Следовательно, любое, даже незначительное расширение функциональной сферы языка свидетельствует о его мощном коммуникативном потенциале. Этот вывод тем более очевиден, когда речь идет не просто о проникновении языка в новые сферы общения, а о формировании этих сфер; при этом наряду с базовой энергетической потребностью в обязательном порядке оказываются задействованы транспортная и информационная (когнитивная).

Таким образом, в настоящее время мы становимся свидетелями естественной эволюции языковой онтологии, которая реализуется не только в изменении состава единиц языка: появлении новых слов, словообразовательных моделей, но и в приобретении языком новых, не присущих ему ранее функций и свойств. Эти изменения фиксирует языковая гносеология – лингвистика. Есть все основания (социальные, научные) говорить о новой сфере функционирования языка, в которой он, помимо традиционно реализуемых функций: номинативной, коммуникативной, суггестивной и др., – выполняет, выступая как товар, **маркетинговую** функцию (ее сопровождают и такие функции, как рекламная и юридическая). Эта новая прикладная сфера в лингвистике получает название **лингвомаркетологии** [Белоусов и др., 2005; Голев, 2007], которое, как нам кажется, вполне адекватно отражает исследуемые процессы не только в практическом, но и теоретическом аспекте. Если лингвомаркетологическая практика отвечает на вопрос, как, пользуясь различными лингвистическими методами, создать оптимальное имя для продукта конкретной товарной категории, то лингвомаркетологическая наука должна не только осмыслить уже существующие названия, модели их образования и тенденции пополнения состава коммерческих номинаций, но и встроить эту формирующуюся науку в существующие знания о человеке, обществе и языке.

Библиографический список

Бодрийяр Ж. Система вещей: монография. – М.: Рудомино, 2001. – 218с.

Введенская Л.А., Колесникова, Н.П. От названий к именам: колл. моногр. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 1995. – 535с.

Гак В.Г. Языковые преобразования: моногр. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768с.

Голев Н.Д. О возможностях Интернета в количественном описании лексической семантики // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: материалы I Международной научной конференции (23-24 марта 2006 г.) / под ред. чл.-корр. СО МАН ВШ, д.ф.н. проф. Н.Б. Лебедевой. – Вып. 1. – Кемерово: РА «Меркурий», 2006а. – С. 41–49.

Голев Н.Д. О лингвомаркетологии: некоторые размышления по поводу кандидатской диссертации О.Е. Яковлевой «Семиотические типы прагматонимов современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания)» // Вестник Новосибирского государственного университета / Серия «История. филология» – 2007. – Том 6. – Вып. 2. – С. 62–68.

Голев, Н.Д. О новых источниках квантитативного речевого материала и их семасиологических возможностях (постановка проблемы) // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: Материалы I Международной конференции (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.): В 4-х частях. – Часть 4. – Кемерово: Юнити, 2006б. – С. 9–15.

Голев Н.Д. Опыты ассоциативного измерения содержательного расстояния между словами и словоформами на концептном уровне. Статья 1 // Картина мира: язык, литература, культура: Сб. научн. ст. – Вып. 2. / отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006в. – С. 286–292.

Голев Н.Д., Яковлева О.Е. Имя собственное как товар. К основаниям лингвомаркетологической концепции языка // Концепт и культура: материалы III Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Н.В. Феоктистовой (Кемерово, 27-28 марта 2008 года). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С.760–769.

Йенсен Р. Общество мечты: моногр. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2002. – 269с.

Караулов Ю.Н. Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический и культурный плюрализм // Мир русского слова. – 2002. – №3.

Комолова З.П. Рец. на кн.: Praninskas J. Trade name creation. Prosseses and patteras. The Hague-Paris, Mouton and Co. 1968. – 115с. // Вопросы языкознания. – 1973. – № 3. – С. 136–138.

Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Москва-Донецк: ООО «А Темп», 2006. – 436с.

Романов А.А. Имя собственное в политике: язык власти и власть языка: колл. моногр. – М.: Лилия, 2000. – 111с.

Федеральный закон: Вып. 19 (94). О товарных знаках, знаках обслуживания и наименования мест происхождения товаров. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 32с.

Чармэссон Г. Торговая марка: как создать имя, которое принесет миллионы. – СПб.: Изд-во «Питер», 1999. – 224с.

Т.А. Кадоло

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ В ОБЛАСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ[11]

Вопросам языковой политики в Республике Хакасия уделяется значительное внимание, все мероприятия в сфере функционирования языка разрабатываются с опорой на федеральные и республиканские законы: на Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации», Конституцию Республики Хакасия, Закон Республики Хакасия «О языках народов Республики Хакасия» и др. Данные документы гарантируют право на сохранение родного языка, запрещают

[11] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 07-04-63802а/Т («Описание г. Абакана как поликультурного лингвосемиотического пространства»), а также при информационной поддержке Администрации города Абакана.

пропаганду языкового превосходства, определяют статус языков на территории Республики, особенности их функционирования.

Особый интерес для нашей работы представляет языковая политика в отношении наименований внутригородских объектов, одним из проявлений которой является деятельность Комиссии по наименованию и переименованию внутригородских объектов в г. Абакане (далее – Комиссия). В состав Комиссии (на момент написания статьи) входят два заместителя мэра г. Абакана (первый заместитель, заместитель по социальным вопросам; заместитель по вопросам жилищно-коммунального хозяйства), начальник общего отдела, управляющий делами Администрации г. Абакана, четыре депутата Абаканского городского Совета депутатов, председатель Абаканского городского Совета ветеранов, два преподавателя ХГУ им. Н.Ф. Катанова – доктор исторических наук и кандидат филологических наук, главный архитектор города, начальник РГУП (УТИ), юрисконсульт МУ ГПС «Кодекс».

Члены Комиссии в своей деятельности опираются на утвержденное Абаканским городским Советом депутатов Положение о наименованиях и переименованиях внутригородских объектов в г. Абакане № 378 от 17 февраля 2003 г. (далее – Положение). Положение определяет порядок внесения и рассмотрения предложений о наименовании внутригородских объектов в городе Абакане; изменения существующих названий внутригородских объектов в городе Абакане; реализацию принятых решений о наименовании или переименовании внутригородских объектов в городе Абакане.

В соответствии с п. 1 Положения к внутригородским объектам относятся линейные объекты («улицы, переулки, проспекты, бульвары, набережные, проезды и т.п.»), топографические («районы, микрорайоны, кварталы, площади, скверы, парки» и др.), природно-ландшафтные («острова, водоемы и другие природные объекты на территории города»). Под наименованиями внутригородских объектов понимаются «названия, которые присваиваются внутригородским объектам и служат для их отличия и распознавания» [Положение, п. 1.2].

В п. 3.2 Положения формулируются требования, предъявляемые к наименованиям внутригородских объектов: отказ от пропаганды любой идеологии через название; смысловое удобство наименования; грамматическое удобство наименования: наименование должно состоять не более чем из двух слов (предпочтительны однословные имена); удобство в произношении наименования: название улицы не должно включать труднопроизносимые иноязычные фамилии, термины и другую подобную лексику во избежание искажения имени в устной речи горожан; эстетичность наименования, его благозвучие, вызывающие положительные ассоциации горожан; при выборе названий в честь выдающихся государственных и общественных деятелей необходимо руководствоваться требованием максимальной связи имени с историей и культурой города.

К наименованиям нелинейных внутригородских объектов предъявляются сходные требования: отказ от пропаганды любой идеологии, в том числе через даты идеологических событий и праздников, через название; смысловое удобство наименования: имя должно отличать именуемый объект от других; название должно быть понятно современному горожанину; необходимо, чтобы наименование содержало какую-либо ориентирующую или историческую информацию об объекте; удобство в написании и произношении названия: наименование должно состоять не более чем из трех слов (предпочтительны однословные или двухсловные имена, имеющие форму прилагательного или существительного в именительном падеже); название объекта не должно включать исторические юбилеи, годовщины и памятные даты, труднопроизносимые фамилии, термины и другую подобную лексику; учет уникальности и историчности названия, его максимальной связи с историей и культурой города; историческая преемственность имени в социокультурной памяти горожан; учет эстетичности наименования, его благозвучия, вызывающих положительные ассоциации горожан [Положение, п. 4.2].

Все перечисленные требования к наименованиям внутригородских объектов были реализованы в работе Комиссии за период 2003-2007 гг.

При вынесении решения Комиссии учитывается мнение горожан, например, причиной переименования частей улицы Коммунальной в Заповедную и Утренние зори стало предложение, закрепленное Протоколом № 3 общего собрания застройщиков жилмассива по ул. Парковая от 14 мая 2003 г., члены которого отметили, что старое название вызывает ассоциации с городской канализацией и коммунистической идеологией, и отметили необходимость выбора более благозвучного названия. Несмотря на то, что у многих жителей не возникают подобные реакции на это наименование, данные пожелания были учтены членами Комиссии в Решении № 423 от 01 октября 2003 г., в котором также вместо названий ул. Угольная и ул. Оптимистов были предложены наименования Дачная и Кленовая как менее идеологические и более благозвучные.

Подобный выбор в пользу более приятного названия зафиксирован в Решении Комиссии № 394 от 29 апреля 2003 г., в котором часть ул. Толстого было предложено назвать ул. Сиреневой, хотя на утверждение предлагалось название ул. Инженерная. Также Решением № 436 от 04 декабря 2003 г. части улицы Розы Люксембург переименованы в ул. Рябиновую и проезд Таежный.

В силу ряда причин (например, необходимости компенсации затрат, связанных с переименованием внутригородского объекта из бюджетных средств), объектом наименования чаще выступают новые улицы, что позволяет избежать финансовых последствий, связанных с перерегистрацией граждан, заменой табличек и др. Так, Решениями Комиссии № 445 от 03 февраля 2004 г, № 57 от 16 июня 2004 г., № 119 от 28 декабря 2004 г. были утверждены следующие названия улиц в строящемся районе, предложенные сотрудниками РГУП (УТИ): среди них наименования, отражающие культуру

и историю России – ул. Ивана Бунина, Марины Цветаевой, Владимира Высоцкого, Николая Карамзина, Константина Станиславского, Академика Лихачева, Академика Сахарова, Анны Ахматовой; отражающие историю Республики Хакасия – Анатолия Кыштымова, Василия Архиповича Угужакова, Игоря Николаевича Ахпашева; религиозную специфику – Петровская, Троицкая, Покровская, Никольская; вызывающие приятные эмоции – Дружная, Ореховая, Вербная, Лазурная, Радостная, Вольная, Удачная, Снежная, Уютная.

Членами Комиссии строго соблюдается и п. 3.3 Положения, в соответствии с которым наименования в честь лиц, имеющих заслуги перед государством, республикой, городом, присваиваются, «как правило, не ранее десяти лет с момента смерти указанных лиц с согласия их родственников» [Положение, п. 3.3], в связи с чем Решением Комиссии № 196 от 26 октября 2005 г. было отклонено переименование одной из улиц в поселке Красный Абакан в улицу имени Братьев Барахтаевых, так как один из них в настоящее время проживает в г. Абакане. Данное требование отличает направление работы Комиссии по наименованию и переименованию внутригородских объектов в г. Абакане от деятельности подобных органов в других регионах (например, в г. Барнауле имеется пл. Баварина).

Важно отметить, что решение Комиссии не является окончательным: оно публикуется в газете «Абакан» для информирования жителей города, которые имеют право в течение месяца со дня публикации сообщить Комиссии свое мнение о наименовании / переименовании объекты. Окончательное же мнение Комиссии принимается не ранее месяца со дня обнародования решения.

Таким образом, в деятельности Комиссии по наименованию и переименованию внутригородских объектов в г. Абакане ее членами соблюдаются все требования и правила в области наименования внутригородских объектов в городе Абакане. Анализ деятельности Комиссии за период 2003-2007 гг. продемонстрировал продуктивную работу данного органа власти в области номинации внутригородских линейных объектов.

Полагаем, что в число объектов рассмотрения членами Комиссии можно включить также эмпоронимы (названия торговых предприятий) и эргонимы (названия учреждений и предприятий), так как проведенный нами анализ данных наименований показал, что деятельность по их созданию нуждается в регламентации.

По результатам анализа эмпоронимов Абакана были выявлены случаи неблагозвучия (к ним респонденты отнесли наименования *«Акмейз», «Хакдезсервис», «Абаканкоммунпроект», «ПМиК Манжула»* и др.); немотивированности: такие названия как *«Стендера»* (мыловаренная фабрика), *«Оидис»* (аптека), *«Аверса»* (магазин канцтоваров) – информанты сочли немотивированными и поэтому неудачными; большей ориентации на западную культуру, чем на культуру и историю страны, города. Рассмотрим для примера 50 наименований парикмахерских и салонов красоты: *«Alta Marine», «Belle», «Creative», «MEGARON», «Naturel», «RIVIERA», «City*

Studio», «А.Вика», «Акцент», «Ассоль», «Афродита», «Версаль», «Виола», «Вираж», «Восьмое желание», «Вуаля», «Галатея», «Дашенька», «Дуэт», «ЕвроШарм», «Завиток», «Искушение», «Леди», «Марсель», «Мастер Класс», «Николя», «Новая волна», «Новый стиль», «Парадиз», «Профи-лайн», «Радость», «Рандеву», «Руслан и Людмила», «Себастьян», «Сисиль», «Тасхыл», «Фаина», «Фея», «Чиркеен», «Эстель», «Эстетика», «Этуаль». В этом списке преобладают номинации, созданные на основе элементов, присущих европейским языкам, причем 7 названий выполнены на латинице. Количество собственно русских слов в этом списке невелико, отметим, что наименования «*Новая волна», «Новый стиль»* представляют собой кальки словосочетаний «new wave» и «new style» соответственно. Обращает на себя внимания факт присутствия в списке наименований торговых объектов города Абакана – столицы Республики Хакасия – всего двух эмпоронимов на хакасском языке: *«Тасхыл»* и *«Чиркеен».*

Обилие латиницы на городских вывесках вызывает неоднозначную реакцию у населения разных возрастных групп: значительное число респондентов среднего и пожилого возраста выражает негативное отношение к номинациям на западноевропейских языках, а некоторые исследователи интерпретируют их обилие как лингвистическую дискриминацию. Любопытным представляется следующий пример: многие приезжие в город Кемерово отмечают меньшее количество иноязычной графики на вывесках, по сравнению с другими городами, и выражают позитивное отношение к этому явлению (обеспеченному, кстати, нормативными актами городской администрации).

В Абакане имеется относительно небольшое количество хакасских номинаций: торговый центр *«Палалар»* (‘дети’), *«Агбан»* (хакасское название г. Абакан), баня *«Мылча»* (‘баня’), парикмахерские *«Чиркеен»* (‘модница’) и *«Тасхыл»* (‘цепь гор, вершина горы, скала’), фотокерамический цех (ритуальные услуги) *«Сагыс»* (‘мысль’). Следует отметить, что это связано в большей степени с низкой активностью в области создания эмпоронимов со стороны предпринимателей – носителей хакасского языка, хотя появление таких номинаций могло бы способствовать его дальнейшему продвижению.

Наименования торговых объектов, с одной стороны, отражают закрепленные в языковом сознании ценности социума, воспринимающего западную культуру как исключительную, с другой стороны, могут играть роль трансляторов национальной культуры, закрепляя культурные знания коренного этноса и обеспечивая поддержку хакасского языка. Ср. цитату: «Исчезновение любого языка, как и любой культуры, какому бы малочисленному народу они ни принадлежали, есть утрата частицы духовного опыта человечества, то есть общечеловеческая трагедия, хотя бы иногда и не замечаемая, как не замечается порой исчезновение биологических видов. Экология языка – в этом смысле – должна существовать, поддержка малых языков заслуживает всяческого одобрения» [Осипов, 1999, с. 67]. Именно на поддержку малых языков направлены такие законы о языках, как Федеральный закон «О языках народов Российской

Федерации», Закон Республики Хакасия «О языках народов Республики Хакасия» и другие нормативные акты, реализацией положений которых могла бы стать деятельность администрации г. Абакана в области регламентации наименований городских торговых объектов.

Именно названия, отражающие национальную культуру, определяют своеобразие города, делают его уникальным. Полагаем, что одним из направлений языковой политики РХ могло бы стать поощрение создания эмпоронимов, ориентированных на национальную культуру. Билингвизм Республики Хакасия, обозначенный в законе «О языках народов Республики Хакасия» и присутствующий преимущественно на официальном уровне в виде идентичных вывесок (на русском и хакасском языках) на зданиях министерств, учебных и культурных заведений и др., мог бы найти проявление в таких же двойных вывесках на магазинах продуктов и одежды, салонах красоты, развлекательных заведениях и др.

Опираясь на результаты проведенного исследования, мы считаем необходимым либо расширить сферу деятельности Комиссии, либо сформировать отдельную комиссию, регламентирующую создание новых и переименование уже используемых эмпоронимов, рассматривающую предложения граждан о переименовании номинаций по каким-либо причинам.

В качестве требований к наименованиям торговых объектов можно предъявлять следующие (сформированные на основе п. 3.2 Положения):

- отказ от пропаганды любой идеологии через название;
- смысловое удобство наименования: имя должно отличать именуемый объект от других (недопустимы сходные, слабо различимые названия); наименование должно быть ассоциативным и, желательно, отражать связь с называемым объектом;
- грамматическое удобство наименования: наименование должно состоять не более чем из двух слов (предпочтительны однословные имена);
- наименование торгового объекта не должно противоречить нормам литературного языка;
- благозвучность, эстетичность; для отражения связи с объектом допустимо использование терминов, за исключением неблагозвучных и малоизвестных;
- название не должно вызывать ассоциации, не соответствующие моральным нормам, принятым в обществе;
- учет уникальности и историчности названия, его максимальной связи с историей и культурой города, региона, страны;
- названия на хакасском языке рекомендуется дублировать русскоязычными, наиболее подходящими по смыслу.

Эффективная деятельность комиссии по наименованию торговых объектов позволит реализовать следующие цели и задачи Республиканской целевой программы защиты и развития языков народов Республики Хакасия:

сохранение и развитие языков народов Республики Хакасия, обеспечение функционирования и развития русского и хакасского языков как государственных; обеспечение сохранения и функционирования хакасского языка как языка титульной нации.

Регулирование создания эмпоронимов может стать одной из мер по повышению культурно-речевого уровня носителей различных языков, улучшению условий для реализации конституционных прав личности в языковой сфере, укреплению межъязыковых контактов; увеличению процента носителей двух государственных языков, повышению интереса к изучению родных языков разными категориями населения.

Библиографический список

Осипов Б.И. Языковые проблемы права и правовые проблемы языка // Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 1999.

Положение о наименованиях и переименованиях внутригородских объектов в г. Абакане № 378 от 17 февраля 2003г.

Шарифуллин Б.Я. Языковая политика в городе: право языка vs. языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000.

Д.А. Катунин

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВ В РАБОТЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время (2009 г.) Россия состоит из 83 субъектов Федерации: 21 республики, 9 краёв, 46 областей, 2 городов федерального значения, 1 автономной области и 4 автономных округов (3 из них входят в состав других субъектов Федерации). Основными законами всех этих административных единиц являются конституции (в республиках) и уставы.

Каждый из указанных субъектов имеет свой парламент – законодательный орган власти региона. Наименования таких парламентов отличаются крайним разнообразием: используются как собственно русские обозначения (Собрание, Дума, Совет), так и иноязычные (Парламент, Хурал, Курултай, Ил Тумен и т.д.) – всего около трёх десятков оригинальных комбинаций, что само по себе может стать объектом лингвистического исследования. Однако основные документы, регулирующие внутреннюю организацию и формы деятельности парламентов, а также правовое положение депутатов, имеют одинаковое название – регламент.

В настоящей работе приводится результат мониторинга текстов регламентов законодательных органов всех субъектов Федерации (за

исключением недоступных автору регламентов Народного Собрания Республики Ингушетия и Парламента Чеченской Республики), который был проведён с целью выявления и типологизации положений о языке, содержащихся в примерно половине указанных документов.

Язык упоминается в текстах регламентов обеих палат федерального парламента и 38 региональных законодательных органов и в трёх законах о республиканских парламентах. Обращения к языку (языкам) характеризуют несколько моментов деятельности законодательных органов. Один из них – это язык работы парламентов и выступлений на заседаниях. Такие положения прописаны в соответствующих статьях регламентов обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации, а также в регламентах большинства республиканских парламентов (за исключением Адыгеи, Алтая, Башкирии и Якутии).

Русский язык заявлен как единственный или основной в качестве языка ведения заседаний в регламентах законодательных органов федерального уровня, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Карелии, Тюменской области, города Москва, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Чукотского и упразднённого к настоящему времени Агинского Бурятского автономных округов.

По два языка наделяются таким статусом в регламентах одиннадцати исключительно республиканских парламентов: Бурятии, Калмыкии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Северной Осетии, Татарии, Тувы, Удмуртии, Хакасии и Чувашии, а также в Законе о Государственном Собрании – Эл Курултай Республики Алтай.

Представляется возможным дополнительно дифференцировать тексты рассматриваемых документов по следующим основаниям: возможность выступления на ином языке; указание на такой язык; условия такого выступления; организация перевода.

Не оговаривается возможность выступления на каком-либо ином языке, кроме прописанных, в Законе о Государственном Собрании – Эл Курултае Республики Алтай (ст. 20: *Заседания Государственного Собрания – Эл Курултай ведутся* ***на государственных языках Республики Алтай***.)[12], а также в регламентах следующих законодательных органов: Бурятии (ст. 48. регламента Народного Хурала Республики Бурятия: *Работа в Народном Хурале осуществляется* ***на государственных языках*** *Республики Бурятия. Обслуживание* ***на государственных языках*** *Республики Бурятия обеспечивает Аппарат Народного Хурала*)[13]; Коми (ст. 40 регламента Государственного Совета Республики Коми: *Заседания Государственного Совета проводятся* ***на государственных языках Республики Коми*** *и обеспечиваются синхронным переводом*)[14]; Марий Эл (ст. 49 регламента

[12] Конституция Республики Алтай: Статья 13. Государственными языками в Республике Алтай являются алтайский и русский языки.

[13] Конституция Республики Бурятия: Статья 67. 1. Государственными языками Республики Бурятия являются бурятский и русский языки.

[14] Конституция Республики Коми: Статья 67. Государственными языками Республики Коми являются коми и русский языки.

Государственного Собрания Республики Марий Эл: *В Государственном Собрании работа ведется* ***на русском и марийском языках****. Выступления* ***на марийском языке*** *обеспечиваются переводом* ***на русский язык***); Татарии (ст. 40 регламента Государственного Совета Республики Татарстан: *На заседаниях Государственного Совета работа ведется* ***на государственных языках Республики Татарстан****, при этом обеспечивается синхронный перевод* ***с татарского на русский и с русского на татарский языки***); Тувы (ст. 42 регламента Законодательной палаты Великого Хурала Республики Тува: *Заседания Законодательной палаты проводятся* ***на тувинском или на русском языке****, выступления обеспечиваются переводом* ***на тувинский и русский языки***); Удмуртии (ст. 9 регламента Государственного Совета Удмуртской Республики: *Депутат Государственного Совета вправе выступать на сессии* ***на русском или удмуртском языке****. Для обеспечения перевода выступления* ***с удмуртского языка на русский*** *депутат Государственного Совета сообщает о своем намерении выступить* ***на удмуртском языке*** *в секретариат сессии одновременно с заявлением о предоставлении слова. Перевод выступления депутата Государственного Совета* ***с удмуртского языка на русский и с русского на удмуртский*** *обеспечивается секретариатом сессии*); Чувашии (ст. 38 регламента Государственного Совета Чувашской Республики: *В Государственном Совете работа ведется* ***на чувашском и русском языках****. Выступления при необходимости обеспечиваются синхронным переводом* ***на государственные языки***)[15]; города Москва (ст. 2 регламента Московской городской Думы: *Работа в Думе ведется* ***на русском языке***); Ямало-Ненецкого АО (ст. 30 регламента Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа: *Работа в Государственной Думе автономного округа осуществляется* ***на русском языке***) и упразднённого Агинского Бурятского АО (ст. 21 регламента Агинской Бурятской окружной Думы: *Заседание окружной Думы ведется* ***на русском языке***).

Следует отметить, что языки проведения заседаний парламентов нередко указываются опосредованно через определение *государственные языки* той или иной республики, что требует обращения к Конституции или закону о языках данной республики.

В регламентах ряда парламентов оговаривается возможность выступления на каком-либо ином языке, кроме обозначенных. Такие положения могут сопровождаться ограничениями в выборе языков. Например, в регламентах законодательных органов федерального уровня возможно выступление только на языках народов Российской Федерации (ст. 54 регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: *Работа в Государственной Думе осуществляется* ***на русском языке****. Депутат Государственной Думы, желающий выступить* ***на ином языке*** *народов Российской Федерации, заблаговременно уведомляет об этом*

---

[15] Конституция Удмуртской Республики: Статья 8. Государственными языками Удмуртской Республики являются русский и удмуртский языки.

Совет Государственной Думы. Такое выступление обеспечивается переводом ***на русский язык***; ст. 48 регламента Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: *Заседание Совета Федерации ведется* ***на русском языке****. Член Совета Федерации, желающий выступить* ***на ином языке*** *народов Российской Федерации, не менее чем за сутки уведомляет об этом Председателя Совета Федерации. Такое выступление обеспечивается переводом* ***на русский язык***).

Такого же рода ограничения содержатся и в регламентах нескольких региональных парламентов: Калмыкии (ст. 28 регламента Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия: *Общий порядок проведения сессии Народного Хурала. 12. Работа в Народном Хурале ведется* ***на калмыцком или русском языках****. На сессии Народного Хурала, на заседаниях комитетов, комиссий Народного Хурала депутатам Народного Хурала предоставляется право выступать* ***на одном из государственных языков*** *и в случае необходимости, по их желанию,* ***на любом другом языке народов Российской Федерации****. Такое выступление обеспечивается переводом. Депутат Народного Хурала о своем намерении выступать* ***на ином языке*** *заблаговременно сообщает Председателю Народного Хурала либо его заместителю*); Мордовии (ст. 16 регламента Государственного Собрания Республики Мордовия: *Работа в Государственном Собрании осуществляется* ***на русском или мордовском (мокшанском и эрзянском) языках****. Депутат Государственного Собрания, желающий выступить* ***на ином языке народов Российской Федерации****, заблаговременно уведомляет об этом Председателя Государственного Собрания. Такое выступление обеспечивается переводом* ***на русский язык***); Тюменской области (ст. 69 регламента Тюменской областной Думы: *Заседания в областной Думе ведутся* ***на русском языке****. Лицо, желающее выступить* ***на одном из языков народов*** *Российской Федерации, заблаговременно уведомляет об этом председателя областной Думы. Такое выступление обеспечивается переводом* ***на русский язык***); Ханты-Мансийского АО (ст. 45 регламента Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: *Работа на заседании Думы осуществляется* ***на русском языке****. Депутат Думы, желающий выступить* ***на ином языке*** *народов Российской Федерации, уведомляет об этом председательствующего не позднее трех дней до дня заседания. Такое выступление обеспечивается переводом* ***на русский язык***); Чукотского АО (ст. 52 регламента Думы Чукотского автономного округа: *Работа в Думе автономного округа осуществляется* ***на русском языке****. Депутат Думы, желающий выступить* ***на ином языке*** *народов Российской Федерации, не менее чем за сутки уведомляет об этом председательствующего. Такое выступление обеспечивается переводом* ***на русский язык***).

Более жёсткие ограничения на выбор языка выступления содержат регламенты ещё трёх республиканских парламентов, согласно которым выступать в местном парламенте можно только на языках народов этих республик: Дагестана (ст. 42 Регламента Народного Собрания Республики

Дагестан: *Во время проведения заседаний сессии Народного Собрания депутаты размещаются в зале заседаний в установленном порядке. На сессии Народного Собрания работа ведется* ***на русском языке****. В случае если депутат не владеет* ***русским языком****, он имеет право пользоваться услугами переводчика, а также выступать* ***на ином языке народов Дагестана****. Такое выступление обеспечивается переводом* ***на русский язык****. Депутат о своем намерении выступить* ***на ином языке народов Дагестана*** *заблаговременно сообщает в Секретариат сессии*); Хакасии (ст. 25 регламента Верховного Совета Республики Хакасия: *Работа Верховного Совета ведется* ***на государственных языках*** *Республики Хакасия. На сессиях Верховного Совета, заседаниях Президиума и комитетов (комиссий) Верховного Совета депутатам и иным лицам предоставляется право по их усмотрению выступать на любом* ***государственном языке*** *Республики Хакасия, а в случае необходимости – на ином* ***языке*** *народов Республики Хакасия. Их выступление обеспечивается соответствующим переводом*)[16] и Кабардино-Балкарии (ст. 52 регламента Парламента Кабардино-Балкарской Республики: *Заседания Парламента ведутся* ***на русском языке****. На заседаниях Парламента предоставляется право выступать* ***на любом из государственных языков*** *Кабардино-Балкарской Республики с обеспечением синхронного перевода*)[17].

В регламенте Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики отмечается, что, кроме как на русском, допустимо выступление только на родном языке (ст. 41: *Работа в Народном Собрании (Парламента) ведется* ***на русском языке – языке межнационального общения****. Депутаты Народного Собрания (Парламента) вправе выступать* ***на родном языке****. Такое выступление обеспечивается переводом* ***на русский язык***)

В регламентах парламентов ещё двух республик указывается, что возможно выступление не только на обозначенных в них языках, но исключительно в случае невладения этими языками: Северной Осетии (ст. 51 регламента Парламента Республики Северная Осетия-Алания: *В Парламенте работа ведется* ***на русском или осетинском языках****. В случае, когда депутат Парламента* ***не владеет русским или осетинским языками****, он имеет право выступать* ***на ином языке****. Такое выступление обеспечивается переводом* ***на русский или осетинский язык****. Депутат Парламента о своем намерении выступить* ***на ином языке*** *заблаговременно сообщает в Секретариат Парламента*); Карелии (ст. 36 регламента Законодательного Собрания Республики Карелия: *Заседания Законодательного Собрания ведутся* ***на русском языке****. Участники заседания, не владеющие* ***русским языком****, могут выступать* ***на родном либо ином другом языке****, которым они владеют, о чем обязаны сообщить Председателю Законодательного*

---

[16] Конституция Республики Хакасия: Статья 69. Государственными языками Республики Хакасия являются русский и хакасский языки.

[17] Конституция Кабардино-Балкарской Республики: Статья 76. 1. Государственными языками Кабардино-Балкарской Республики на всей ее территории являются кабардинский, балкарский и русский.

Собрания за неделю до выступления для обеспечения перевода их выступлений ***на русский язык***).

Отметим, что нередко право выступления на иных языках распространяется только на депутатов данного парламента. Это относится к работе законодательных органов федерального уровня и парламентов следующих регионов: Дагестана, Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Мордовии, Северной Осетии, Ханты-Мансийского и Чукотского АО.

Если в регламенте какого-либо парламента содержится положение о возможности выступления на двух и более языках, то практически всегда (исключение – регламент Народного Хурала Бурятии) оговаривается необходимость обеспечения таких выступлений переводом. Положения о переводе могут косвенно указывать на неравноправное положение государственных языков республик, используемых в работе парламентов. Это относится к регламентам республиканских парламентов Дагестана (*В случае, если депутат не владеет* ***русским языком****, он имеет право пользоваться услугами переводчика, а также выступать* ***на ином языке народов Дагестана****. Такое выступление обеспечивается переводом* ***на русский язык****. Депутат о своем намерении выступить* ***на ином языке народов Дагестана*** *заблаговременно сообщает в Секретариат сессии*); Кабардино-Балкарии (*На заседаниях Парламента предоставляется право выступать* ***на любом из государственных языков*** *Кабардино-Балкарской Республики с обеспечением синхронного перевода*); Карачаево-Черкесии (*Депутаты Народного Собрания (Парламента) вправе выступать* ***на родном языке****. Такое выступление обеспечивается переводом* ***на русский язык***); Марий Эл (*Выступления* ***на марийском языке*** *обеспечиваются переводом* ***на русский язык***) и Удмуртии (*Для обеспечения перевода выступления* ***с удмуртского языка на русский*** *депутат Государственного Совета сообщает о своем намерении выступить* ***на удмуртском языке*** *в секретариат сессии одновременно с заявлением о предоставлении слова*).

Положения о языках содержатся в разделах о принесении присяги президентом республики в регламентах парламентов Коми (ст. 83: *Глава Республики Коми произносит текст присяги* ***на государственных языках Республики Коми*** *стоя, положив руку на текст Конституции Республики Коми*) и Марий Эл (ст. 128: *В соответствии со статьей 78 Конституции Республики Марий Эл Президент Республики Марий Эл вступает в должность с момента принятия присяги. Присяга приносится* ***на марийском и (или) русском языках*** *на заседании Государственного Собрания*). Это же касается и процедуры принесения присяги уполномоченным по правам человека в Коми (ст. 104: *Присяга приносится на заседании Государственного Совета* ***на государственных языках Республики Коми***) и Якутии (ст. 94 регламента Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия): *При вступлении в должность*

Уполномоченный по правам человека приносит ***на обоих государственных языках*** *присягу*)[18].

В регламентах Государственных Советов Татарии (ст. 46) и Чувашии (ст. 31) также содержится положение, что открытие и завершение работы сессий должно осуществляться на двух языках.

Наиболее частотны упоминания о языке в разделах регламентов, посвященных законотворческой деятельности. В таких случаях практически всегда речь идёт исключительно о русском языке. Только в регламенте Госсовета Татарии максимально подробно прописывается соблюдение языкового паритета при подготовке законов (ст. 82, 101, 102, 103). Причём особо оговаривается необходимость направления текста законопроекта в том числе и «*в Комиссию Государственного Совета по установлению идентичности текстов законов Республики Татарстан* ***на татарском и русском языках***» (ст. 101).

Сходные положения присутствуют и в ст. 79 регламента Великого Хурала Тувы (*При внесении законопроекта в Законодательную палату субъектом права законодательной инициативы должны быть представлены: ... б) текст законопроекта* ***на тувинском и русском языках*** *с указанием на титульном листе субъекта права законодательной инициативы, внесшего законопроект*). Однако в ст. 98 главы этого документа, посвящённой порядку рассмотрения законопроектов упоминается только русский язык (*Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста* ***нормам современного русского литературного языка*** *с учетом функционально-стилистических особенностей текстов законов*).

Положения о необходимости проведения лингвистической экспертизы законопроектов и (или) необходимости их соответствия нормам и правилами современного русского литературного языка содержатся в регламенте Государственной Думы РФ (ст. 121) и регламентах 23 региональных парламентов: Адыгеи (ст. 102 регламента Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея), Башкирии (ст. 96), Бурятии (ст. 89, 97), Карелии (ст. 55), Якутии (ст. 61), Приморского (ст. 43 регламента Законодательного Собрания Приморского края) и Хабаровского краёв (ст. 77 и 79 регламента Законодательной Думы Хабаровского края), Еврейской автономной области (ст. 47 регламента Законодательного Собрания Еврейской автономной области), Ямало-Ненецкого АО (ст. 64), Амурской (ст. 65, 70 регламента Законодательного Собрания Амурской области), Архангельской (ст. 11.5 регламента Архангельского областного Собрания депутатов), Астраханской (ст. 76 регламента Государственной Думы Астраханской области), Вологодской (ст. 100 регламента Законодательного Собрания Вологодской области), Иркутской (ст. 53 и 69 регламента Законодательного Собрания Иркутской области), Калужской (ст. 37 регламента Законодательного

---

[18] Конституция Республики Якутия: Статья 46. Государственными языками Республики Саха (Якутия) являются язык саха и русский язык.

Собрания Калужской области), Мурманской (ст. 93 регламента Мурманской областной Думы), Нижегородской (ст. 61 регламента Законодательного Собрания Нижегородской области), Новгородской (ст. 44 регламента Новгородской областной Думы), Ростовской (ст. 65 регламента Законодательного Собрания Ростовской области), Саратовской (ст. 67 регламента Саратовской областной Думы), Смоленской (ст. 37 регламента Смоленской областной Думы), Тюменской (ст. 122 регламента Тюменской областной Думы) и Челябинской областей (ст. 104 Регламент Законодательного Собрания Челябинской области).

В регламентах трёх региональных парламентов содержится указание на необходимость изложения законопроектов простым, ясным и доступным для понимания языком: Костромской (ст. 61 регламента Костромской областной Думы) и Тюменской областей (ст. 119 регламента Тюменской областной Думы), а также Ямало-Ненецкого АО (ст. 61).

Кроме того, в регламентах может содержаться указание на язык бюллетеней для голосования. В регламенте Госсовета Татарии говорится, что «*бюллетени для тайного голосования изготавливаются* ***на обоих государственных языках*** *Республики Татарстан*» (ст. 72) и что «*каждому депутату Государственного Совета выдается* ***на одном из государственных языков*** *Республики Татарстан один бюллетень*» (ст. 73). В регламентах Законодательных Собраний Оренбургской (ст. 12) и Свердловской областей (ст. 14) сказано, что «*бюллетени изготавливаются на русском языке*».

В регламенте Мурманской областной Думы (ст. 159) оговаривается необходимость перевода на русский язык всех документов и иных материалов, изложенных на другом языке, которые прилагаются к обращению в Конституционный Суд Российской Федерации.

Также в документах, регламентирующих деятельность законодательных органов, могут быть положения о языке, не касающиеся его использования в работе парламента. Например, в регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации указывается, что «*к ведению Комиссии Совета Федерации по культуре относятся вопросы законодательного обеспечения сохранения и развития* ***русского языка и языков народов*** *Российской Федерации*» (ст. 30). В законах «О Парламенте Кабардино-Балкарской Республики» (ст. 4) и «О Парламенте Чеченской Республики» (ст. 4) содержатся положения о том, что «*деятельность Парламента осуществляется в соответствии с принципами учета национальных,* ***языковых****, религиозных и иных общественно значимых интересов*».

В целом в регламентах 26 парламентов федерального и регионального уровня утверждаются требования к языку принимаемых законов и (или) процедура их лингвистической экспертизы. В 20 регламенте законодательных органов (преимущественно республиканских) указываются язык или языки проведения заседаний парламентов.

Регламенты более половины региональных парламентов (45 из 83) не содержат каких-либо упоминаний о языке, что в принципе позволяет задаться вопросом: избыточно наличие таких положений в регламентах первой группы или же недостаточно проработаны документы второй группы?

О.Д. Павлова

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ И ЛИЧНОСТНЫЙ ПРИНЦИПЫ

Язык выполняет несколько функций в жизни людей. Современные философы – политики, с одной стороны, осознают важность положения языка и культуры, которое они занимают в жизни общества. С другой стороны, они дают однобокую оценку языковым интересам граждан. Странно, но они же пренебрегают очевидной фундаментальной особенностью языка, например, его инструментальной природой, в том числе его способностью осуществлять коммуникацию. Вместе с тем, особое внимание уделяется индивидуальной идентификации и построению нации.

Территориальный принцип предполагает принятие языка территории гражданами, проживающими в данном регионе. Согласно личностному принципу, языковое регулирование осуществляется с учетом предпочтений граждан. Денис Роуми, профессор университета Торонто, останавливается на концептуальных характеристиках территориального и личностного измерения языковой политики, а так же рассматривает альтернативные подходы к изучению данного вопроса[Kymlicka, Patten, 2003, с. 271].

В соответствии с территориальным принципом может быть обозначено стремление к установлению политики использования одного языка или, по крайней мере, более благоприятного положения одного из языков определенной территории. Личностный подход предполагает реализацию политики защиты носителей разных языков.

Связь между личностным принципом и политикой двуязычия, строго говоря, лишена логического основания, но использование двух или более языков можно рассматривать как естественный результат осуществления языковой политики, реализуемой в соответствии с личностным принципом на любых территориях, имеющих две или более языковых группы. Сосуществование двух противоположных подходов можно объяснить различным пониманием роли языка для его носителя. Согласно одной точке зрения, язык понимается как некое внешнее, чуждое природе человека, средство, с точки зрения человека − некий общий знаменатель (целевые установки: экономическая эффективность, административная функциональность, национальная идентичность, по крайней мере, социальное спокойствие). По мнению Роуми, большинство авторов в области изучения языковой политики придерживаются данной точки зрения[Kymlicka, Patten, 2003, с. 274].

Аргументы в пользу территориального одноязычия лежат в основе предположения об отсутствии каких-либо правовых требований в данной политике, поскольку прежде всего должны быть удовлетворены все требования граждан. Таким образом, можно сделать вывод о том, что политика территориального одноязычия жизнеспособна лишь в случае не предъявления гражданами языковых прав. Массовая поддержка территориальной модели искажает понимание интереса к использованию родного языка.

Социальное измерение языковой политики указывает на то, что защита языка не должна иметь полностью индивидуализированную основу. Напротив, защита может быть обеспечена только тогда, когда достаточное количество носителей языка находятся близко, что позволяет говорить о географическом измерении языковой политики. Могут ли эти права быть максимально унифицированными и распространенными на всех носителей языка данной территории? Отрицательный ответ объясняет рациональное зерно территориальной модели. Языковые права имеют отношение не к территории или личности, что предполагается в территориальной модели и личностном подходе, но к жизнеспособности общества. Так, в создании языковой политики в многоязычном государстве необходимо учитывать особенности территории и личности, концептуального и нормативного багажа знаний, которые традиционно характеризуют территориальную и личностную модели.

Кеннет Макрэй обращает внимание на то, что территориальная основа суверенитета государства принята с XVI века [Kymlicka, Patten, 2003, с. 275]. Любое государство руководствуется ограничениями в условиях своей юрисдикции, следовательно, обладают суверенитетом на собственной территории. Но данная ситуация не всегда разъясняет, принимается на территории один язык или разрешается использование второго. Поскольку законодательная власть может осуществлять регулирование языковой политики, может возникнуть путаница в государствах с федеральной системой. Предложение о передаче полномочий в области языковой политики провинциям или региональным органам власти иногда расценивается как подтверждение территориального принципа. Так как юрисдикция любого характера определена географически, любая языковая политика содержит территориальный след. Вопрос об уровне принятия той или иной языковой политики существенно отличается от вопроса ее установления. Территория как основа языковой политики лучше понимается как ограничение использования определенного языка его носителями на определенном географическом пространстве. Согласно точке зрения Мэя, с учетом личностного подхода каждый человек наделяется правом выбора языка, независимо от географического положения[Kymlicka, Patten, 2003, с. 275].

Личностный подход предполагает доступность предоставляемых государством услуг на определенном языке, без учета количественного состава носителей этого языка на определенной территории;

территориальный принцип, напротив, основывается на географически обоснованном количестве нуждающихся в данных услугах. По сути, личностный подход отрицает географическую зависимость, отстаиваемую территориальной моделью. Личностный принцип предполагает существование более двух языковых групп на определенной территории и предоставление услуг на родном языке, т. е. допускает использование двух языков. Несмотря на связь между личностным подходом и двуязычием, связь между территориальным принципом и одноязычием слабее, но все же признается естественной. Достижение определенного уровня географической концентрации носителей одного языка, позволяющего осуществлять обеспечение услугами на данном языке, совершенно не означает предоставление услуг только на одном языке. В зависимости от количества языковых групп на определенной территории (например, более одной языковой группы) идея территориальности будет совместима с политикой двуязычия, которая, как правило, предполагает признание единственного языка на определенной территории. Приводимые аргументы являются решающими по отношению к определению территориальных границ. Политика одноязычия, поддерживающая политику использования одного языка в условиях определенной территории, подразумевает необходимость существования так называемого «своего» языка на каждой территории.

Любой желающий построить собственный дом на определенной территории должен принять язык данной территории. Лапонс утверждает, что языки должны быть максимально разделены с помощью установленных границ. Даже сторонники менее сильной формы территориальности в условиях юрисдикции признают, что принцип территориальности и политика использования одного языка практически неразрывны. Данный подход основан на идее территориальности: носители одного языка стремятся к географическому объединению. Отсюда следует, что в идеальной модели государства государственные границы будут совпадать или следовать лингвистическим, поэтому каждый на данной территории является носителем одного языка. К вновь прибывшим гражданам предъявляется требование к изучению данного языка.

Несмотря на возможную географическую концентрацию носителей одного языка, не всегда происходит их четкое объединение. В условиях реального мира в случае установления границ вокруг носителей определенного языка могут появиться странные территориальные объединения. Таким образом, практически невозможно применить лингвистические границы с целью определения государственных границ, но данная модель, вместе с тем, менее утопична по сравнению с идеей создания всесторонней границы, позволяющей создать государства в соответствии с концентрацией населения.

Модель использования одного языка на определенной территории позволяет принять решение о дальнейшем развитии языковой политики государств, на территории которых существуют различные языковые группы. Роуми предлагает два возможных сценария: разделение государств на

различные лингвистические регионы (где это возможно); определение языка для жителей всей территории.

Первая стратегия стремится к максимальному совпадению лингвистических и политических границ. В качестве примера могут выступать такие государства как Канада, Швейцария, Бельгия; федеральная структура применяется для разделения большой территории на лингвистические субрегионы, устанавливаются границы провинций, границы законодательной власти совпадают с лингвистическими линиями разделения. Однако разграничение территории на лингвистические общества несовершенно в любых контекстах, в том числе в федеральном государстве, так как способствует возникновению угрозы появления причудливых объединений, разделяющих людей с одинаковым кругом интересов, но говорящих на разных языках. Данная ситуация приводит к реализации второй стратегии: поглощение одним языком всех других, что способствует появлению предпочитаемого языка на определенной территории. Если невозможно установить государственные границы на существующих лингвистических обществах, возможно осуществлять манипуляции над использованием языка на определенной территории, что позволяет достичь языковой однородности. Естественный выбор предпочитаемого языка предполагает выбор языка большинства на заданной территории.

Увеличение интереса к территориальной модели снизило интерес к языку и к его заменяемости; личностная модель, трактуемая позитивно и индивидуалистски, способствует возникновению интереса к языку с точки зрения индивидуального выбора, что усиливает важность данного аспекта и способствует распространению конфликтов на почве правового контекста, включая взаимодействие разных языковых групп. Языковой интерес не стоит подчинять интересам большинства.

По мнению Денис Роуми, наиболее важным является основание правовой стороны языковой политики, поскольку языковые права базируются на интересах лингвистической безопасности жизнеспособных сообществ. Необходимость в жизнеспособности языкового сообщества с целью формирования концептуальной основы для защиты языка предоставляет права для лингвистической безопасности. Поскольку многие носители языка склонны к географическому объединению, территориальный аспект в некоторой степени решает вопрос о распространении языковой защиты. Сообщества существуют в географическом аспекте, но нет оснований считать, что определенная территория принимает только одно языковое общество. Более того, не стоит забывать о роли языка как средства коммуникации[Kymlicka, 2003, с. 293].

Библиографический список

Kymlicka W. and Patten A. Language Rights and Political Theory. – New York: Oxford University Press, 2003. – 348с.

А.М. Пыж

ЯЗЫК И ПРАВО В СВЕТЕ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

Всякая область профессиональной деятельности имеет вербальное обеспечение; ее коммуникативные нужды обслуживаются соответствующей подсистемой национального языка, которая включает лексико-фразеологический фонд, состоящий из монолексемных и составных терминов, терминоподобных устойчивых наименований и профессионализмов, а также комплекс структурно-семантических моделей уровня словосочетаний и уровня высказываний. Помимо системно-языковых средств существует ряд речевых способов лингвистического обеспечения профессиональной отрасли, обусловливающих нормативно- и функционально-стилистические, дискурсивные, жанровые, этикетные и композиционные особенности осуществления речевой деятельности в русле заданной тематики. В этом отношении юридическая отрасль не является исключением. Изучению специфики юридического языка, соотношения интернационального и национального компонентов его лексикона, его культурно-исторических истоков, внеязыковых обстоятельств и условий его формирования и развития, его собственно языковых особенностей посвящен ряд трудов отечественных и зарубежных исследователей. В их числе следует назвать в первую очередь следующие работы: [Морщакова, 1992], [Хижняк, 1997], [Тимофеева, 1996], [Макшанцева, 2001], [Михайловская, 1995], [Bhatia, 1983] и ряд других. В них осуществлен разносторонний подход к объекту исследований, ведущийся с позиций когнитивистики, терминоведения, социолингвистики, теории номинации, теории дискурса, теории языковой личности, теории языковых жанров, стилистики, сравнительной типологии, лингвострановедения, лингвокультурологии, теории перевода и иных научных дисциплин. В настоящее время набирает силу такая отрасль лингвистических изысканий, как юрислингвистика, в рамках которой концентрируются усилия ученых, занимающихся анализом и комплексным описанием языка права и юридического дискурса в социальном, культурном и психологическом контексте, в тесной связи с экстралингвистической сферой функционирования языка права.

В сферу компетенции юрислингвистики входит в первую очередь следующий круг проблем:

- определение статуса юридического языка в кругу терминосистем;
- выявление общего и особенного в структуре и функциональном назначении юридического языка;
- описание специфики юридического языкового мышления;
- установление структурно-семантических особенностей текстов юридической документации;
- характеризация межъязыковой эквивалентности и способов перевода юридической терминологии;
- анализ юридического дискурса;

- изучение профессиональной языковой юридической личности;
- исследование использования юридической терминологии в других видах дискурса;
- описание системы культурных концептов юридического дискурса;
- сопоставление структурно-функциональных свойств юридических терминов и профессиональных жаргонизмов;
- изучение зависимости между спецификой предметной области юридического языка и особенностями семантики его единиц и др.

На основе теоретических выводов, получаемых в рамках этой лингвистической дисциплины, возможна разработка практических рекомендаций по совершенствованию и дальнейшему развитию юридического языка и в целом повышению эффективности вербальной коммуникации на данном участке цивилизационного и культурного пространства, а именно юридического пространства.

Юрислингвистика призвана выяснить, какие стороны и черты естественного языка в наибольшей степени задействуются в упомянутом пространстве, какие его грани наиболее ярко высвечиваются, во-первых, в сфере законотворчества, во-вторых, в области надзора за соблюдением законов, в-третьих, в области обеспечения гражданских прав и свобод, в-четвертых, в сфере практики судопроизводства, в-пятых, в других (неюридических) сферах. Это должно способствовать решению не только юридических задач (в прикладном плане), но и собственно лингвистических проблем (в теоретическом – а именно терминоведческом, лингвокультурологическом и т.д. – планах). Формирование правовых положений, судебно-лингвистическая экспертиза, толкование текстов гражданского и уголовного кодексов, решение юридических казусов, установление авторского права и т.п. – все это когнитивная, правовая и коммуникативная деятельность, имеющая, помимо прочих, лингвистический аспект, и в связи с этим она должна служить материалом для языковедческих изысканий, проводимых не в последнюю очередь в собственно лингвистических целях.

Кроме того, в ведение юрислингвистики должно войти функционирование элементов юридического дискурса в пространствах политической, экономической, публицистической, художественной и бытовой коммуникации.

Исследования в перечисленных направлениях должны внести вклад в урегулирование ряда вопросов, находящихся на грани областей права и языка: проблемы национально-языковой политики; законодательная защита «экологии» языка; правовые вопросы, связанные с функционированием этнических языков; проблемы статуса литературного языка; охрана прав граждан на лингвистическую свободу; юридические аспекты выбора языка обучения в образовательной сфере и т.д.

Таким образом, юрислингвистика может быть разделена на теоретическую (с преобладанием собственно лингвистической проблематики, в рамках которой язык права служит материалом

исследования) и прикладную (с преобладанием правовой проблематики, ориентированной на оперирование юридическим языком и воздействие на него в экстралингвистических – социальных и культурных – целях).

Следует отметить, что область права распространяется, прежде всего, на разрешение с позиций существующего законодательства постоянно возникающих между людьми многообразных разногласий и конфликтов, обусловленных социальными и психологическими причинами. Упомянутые конфликты протекают главным образом в вербальной форме с использованием естественного языка в качестве орудия манипулирования индивидуальным и массовым сознанием (применением казуистических приемов и демагогических методов). Кроме того, языковые манипуляции осуществляются в неконфликтных областях: в идеологической пропаганде, политической агитации и пиаре, коммерческой рекламе, сектантском зомбировании и т.п. Почва для них заложена отчасти в самой структуре языка и обусловлена семантической размытостью и амбивалентностью многих его единиц; полисемией и омонимией, которые создают возможность игры слов; идиоматичностью, приводящей к несоответствию между значением знака и его внутренней формой; контекстуальной зависимостью речевых смыслов слов, приводящей к «текучести» значений и т.д. Эти и им подобные свойства языка дают возможность демагогам, в частности, действовать по принципу, отраженному в русской пословице «Закон – что дышло: куда повернешь, туда и вышло». В порядке иллюстрации можно привести известный шекспировский сюжет, в котором кредитор, казуистически трактуя текст договора, в уплату долга потребовал «кусок мяса» из тела должника. Судья умело разрешил конфликт, указав, что в договоре ничего не сказано о крови должника, и на этом основании под страхом кары запретил истцу проливать хоть каплю крови ответчика. Поскольку в данных обстоятельствах получить такого рода «долг» невозможно, обвиняемый был спасен. Языковое манипулирование велось здесь на основе некоторой размытости значения слова *мясо*: неясно, входит ли в него сема [кровь] как неотъемлемый компонент. В качестве реального (не литературного) примера приведем сталинскую формулировку «ликвидация кулачества как класса», носящую амбивалентный характер: ее можно трактовать в смысле «упразднение социального института» и в смысле «физическое уничтожение людей». Эта амбивалентность позволила создать видимость законности террора.

В приведенных и многих других примерах орудиями ведения конфликта, подлежащего юрисдикции закона, послужили не правовые термины, а слова обыденного языка. Тем не менее, эти случаи тоже находятся в компетенции юрислингвистики: ведь они связаны, с одной стороны, с использованием языка, а с другой, с применением закона. Таким образом, в ведение юрислингвистики входит широкий круг проблем, имеющих отношение к системе языка, речевой деятельности, тексту, дискурсу.

В рамках юрислингвистики возможны терминоведческий, социолингвистический, дискурсивный, лингвокультурологический и иные подходы. Каждый из них освещает определенную грань отношений между юриспруденцией и языкознанием. Так, с позиций терминоведческого подхода изучается специфика лексических значений юридических терминов, особенности выполнения ими номинативной функции, характер связи между экстралингвистическими реалиями соответствующей предметной области и их языковыми десигнаторами, принадлежащими к лексико-фразеологическому фонду юридического языка.

С социолингвистических позиций исследуется комплекс проблем, связанных с языковой политикой в ее правовом аспекте, с юридическими проблемами статуса этнических языков, а также государственных языков и литературного языка.

С позиций лингвокультурологии анализируются юридически-ориентированные культурные концепты (такие как «закон», «справедливость», «милосердие» и т.п.) во взаимодействии их логических и «наивных» трактовок.

В неюридических областях использования термины, десигнирующие строгие логические понятия, превращаются в знаки культурных концептов, обладающие не свойственными терминам коннотациями и отражающие «наивное юридическое сознание» массы носителей языка, не искушенной в профессиональном юридическом языковом мышлении.

В этой связи представляется необходимым вкратце остановиться на понятии «наивное юридическое языковое мышление». Оно составляет часть обыденного (обывательского) языкового мышления, в рамках которого термины юридической науки трактуются в категориях бытовых представлений о справедливости и правосудии. При этом важную роль играет внутренняя форма юридических наименований, которая наивно принимается за их значение. Так, члены суда присяжных не являются профессиональными юристами и, не искушенные в языке права, нередко понимают английский термин murder in cold blood буквально, как «хладнокровное (безэмоциональное) убийство», тогда как на самом деле этот термин означает «преднамеренное (совершенное с заранее обдуманным намерением) убийство». Такого рода девиантное понимание может сказаться на вынесении вердикта: если убийца в момент совершения преступления испытывал волнение (was in hot blood), это служит в глазах присяжных смягчающим обстоятельством независимо от наличия заранее обдуманного намерения. Рассматриваемое явление обусловлено неверным истолкованием идиоматичного термина, которое, в свою очередь, вызвано расхождением между его значением и внутренней формой.

Наивное правовое сознание склонно приписывать юридическим терминам коннотации, присущие их общеупотребительным (нетерминологическим) прототипам. Кроме того, многие бытовые слова и обороты, употребляемые в юридическом дискурсе, влияют на принятие правовых решений своими коннотациями. Так, наименования расовых,

этнических, социальных и конфессиональных групп населения (*Negro, black/ dark/ coloured/ yellow person, Slav, Pole, Russian, Asian, Arab, Moslem, Jew, Communist*) обладают в коллективном языковом сознании многих англосаксов негативными эмотивно-оценочными коннотациями, способными повлиять на вынесение присяжными юридических решений в ходе судебного разбирательства, что продиктовано обострением ксенофобии в условиях активизации терроризма, но противоречит демократическим принципам социального равноправия и презумпции невиновности. Изучению этих лингвокультурных проблем также уделяется внимание в рамках юрислингвистики.

В английском паремиологическом фонде существует пословица «Give a dog a bad name and hang him». Она означает: «Чтобы оправдать репрессии, достаточно навесить на жертву словесный “ярлык” злодея». Эта пословица предостерегает от опрометчивого самосуда, от «суда Линча», инспирированного демагогами. Демагогический прием в данном случае состоит в том, чтобы, в нарушение презумпции невиновности, заранее квалифицировать обвиняемого как негативного персонажа разыгрываемой «драмы» и тем самым предопределить обвинительный приговор без достаточных фактических оснований. Например, чтобы вызвать у толпы предубеждение в виновности подозреваемого, достаточно с самого начала именовать его словами *murderer, ravisher, thief, etc*. вместо *suspect*, невзирая на нехватку доказательств его вины. Манипуляторы при этом пользуются склонностью обыденного сознания принимать поспешные решения на основании оценочных суждений, базирующихся на лексических коннотациях, вместо того чтобы основываться на фактах и логике. Подобного рода манипулятивная практика также должна подвергаться юрислингвистическому анализу в целях борьбы с ней.

Библиографический список

Макшанцева Е.А. Специфика оценочного компонента в структуре значения юридического термина: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Саратов, 2001. – 23с.

Михайловская И.Б. Права человека в массовом сознании. – М.: Юрист, 1995. – 53с.

Морщакова Т.В. Семантические характеристики терминов уголовного закона: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 1992. – 17с.

Тимофеева Л.Н. Политическая конфликтология. – М., 1996.

Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. – 134с.

Bhatia B.K. Simplification v. Easification: The Case of Legal Texts// Applied Linguistics 4/1, 1983. – P. 42–54.

Раздел 3
ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЯ

Н.А. Бикейкина

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛИНГВО-ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКОВ

В настоящее время весьма актуальными являются проблемы взаимодействия языка и права в сфере лингвоконфликтологии. Согласно тезису, выдвигаемому Н.Д. Голевым, область языковых (речевых) конфликтов является сферой социальной жизни, где взаимопроникновение языка и права носит фундаментальный характер [Голев, 2007, с. 21]. Имена собственные, с нашей точки зрения, обладают повышенным потенциалом конфликтности, который обусловлен, во-первых, их особой значимостью – имя собственное, антропоним, идентифицирует человека, выделяет его из ряда других людей, указывает на человека как на носителя определенных общественных отношений. Во-вторых, конфликтный потенциал ИС обусловлен тем, что имена собственные представляют собой особый пласт языка, обладающий только ему присущими свойствами: особой связью с понятием и объектом именования, особым набором парадигм и др., «антропоцентричность языка предопределяет особое положение имен лиц… они всегда находятся в центре языка и внимания говорящих» [Ермакова, 2000, с. 36].

Таким образом, имена собственные зачастую оказываются фактором, приводящим к возникновению разного рода конфликтов – от внутриязыковых до социальных. Заложенный в именах конфликтный потенциал определяется их лингвистическими свойствами, принадлежностью к естественному языку и одновременным вхождением в различные внеязыковые сферы. Антиномичность как одно из основных свойств естественного языка и имен собственных как особых языковых единиц обусловливают их конфликтный потенциал. Внутренняя противоречивость языка, способность языковых единиц вступать в отношения омонимии, синонимии, антонимии приводят к возникновению конфликтов в функционировании имен собственных. Зачастую конфликты подобного рода разрешаются при помощи внутриязыковых механизмов регулирования, однако нередко возникают ситуации, когда указанные конфликты не могут быть разрешены с помощью внутренних средств языка. В этом случае конфликты выходят за рамки языка и попадают в социальную сферу, приводят к возникновению разного рода внеязыковых конфликтов. При невозможности разрешения конфликтов подобного рода ни в сфере языка, ни в сфере обыденной коммуникации, конфликты переходят в иную сферу – в сферу права, обеспечивающую их регулирование на уровне законодательства. Н.Д. Голев называет такие конфликты лингво-юридическими [Голев, 2007, с. 22]. Необходимость правового регулирования

сферы функционирования имен собственных и важность лигво-юридических конфликтов с их участием подтверждается правовым закреплением норм, регулирующих указанную сферу, в нормативно-правовых актах разного уровня: в Конституции Российской Федерации, Гражданском кодексе РФ, Семейном кодексе РФ, в федеральных законах; нормы, касающиеся имен собственных, содержатся в международном праве, в частности, в Конвенции о правах ребенка.

В данной статье осуществляется попытка описания лингво-юридических конфликтов на основании выделения имеющихся преимущественно в российском законодательстве нормативно-правовых актов, регулирующих конфликты, возникающие в сфере функционирования имен собственных, а также вычленение лингвистических предпосылок юридизации конфликтов, их перехода из языковой сферы и иных коммуникативных сфер в сферу права.

Право человека на имя коррелирует с **правом дать имя ребенку** (правом выбора имени). Пункт 1 ст. 7 Конвенции о правах ребенка провозглашает право ребенка на имя с момента его рождения;

согласно п. 1 ст. 58 Гражданского кодекса РФ, ребенок имеет право на имя, отчество и фамилию. В Семейном кодексе Российской Федерации содержатся статьи, регулирующие запись фамилии, имени и отчества ребенка при государственной регистрации рождения (например, ст. 18 «Запись фамилии, имени и отчества ребенка при государственной регистрации рождения»), ст. 22, 23 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» содержат сведения о том, что фамилия, имя, отчество при рождении вносятся в акт о рождении и свидетельство о рождении. Выбор имени ребенку оговаривается в ст. 58 Семейного кодекса РФ:

«2. Имя ребенку дается по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации или не основано на национальном обычае.

3. Фамилия ребенка определяется фамилией родителей. При разных фамилиях родителей ребенку присваивается фамилия отца или фамилия матери по соглашению родителей, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации.

4. При отсутствии соглашения между родителями относительно имени и (или) фамилии ребенка возникшие разногласия разрешаются органом опеки и попечительства»[19].

Таким образом, фамилия ребенка определяется фамилией родителей, отчество дается ребенку по имени отца, в выборе имени родители свободны – они вправе дать ребенку любое имя, какое они пожелают. Но в должностных инструкциях работников органов загса говорится, что имя не должно позорить ребенка, вызывать неприятные ассоциации. Это связано с тем, что

[19] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223 – ФЗ (принят ГД РФ 08.12.1995) (ред. от 30.06.2008) (с изм. и доп., вступающими в силу с 09.2008).

необычное имя, не являющееся общепризнанным, может стать причиной возникновения множества проблем. Например, имя БОЧ рВФ 260602, которое расшифровывается как «биологический объект человек рода Ворониных - Фроловых, родившийся 26 июня 2002г.», которое планировали дать ребенку родители Вячеслав Воронин и Марина Фролова. По мнению отца ребенка, имя должно характеризовать предмет, о котором идет речь, а традиционные имена являются устаревшими. Органы загса, районный и городской суд, в которые обращались родители, выступили против указанной номинации, отказались зарегистрировать ее как имя, опираясь на то, что делопроизводство в судах ведется на русском языке, по правилам которого имя человека не может содержать цифры или быть индексом (набором букв и цифр, обоснованным классификацией), а также на то, что указанное имя может принести ребенку нравственные страдания [Сизов, http://supernew.ej.ru/074/life/law/01/index.html].

Действительно, подобное имя не может рассчитывать на включенность в систему имен, существующую в русском языке, следовательно, оно будет осознаваться как чужеродный элемент, и в связи с этим будут возникать трудности при его употреблении. Здесь представляется возможным реализация внутреннего языкового противоречия, трактуемого Б.Я. Шарифуллиным как «столкновение норм языка (естественных законов номинации), т.е. его права и права языковой личности на реализацию номинативной функции языка» [Шарифуллин, 2000, с. 204]. Данное имя может стать причиной возникновения разного рода конфликтов. Во-первых, оно вступает в конфликт с естественными законами языка, которые реализуются в общепринятой, сложившейся в данном обществе системе имен: традиционное русское имя триедино, оно включает в себя непосредственно имя, наименование по отцу – отчество и семейно-родовое наименование – фамилию. Называние – это отождествление человека с определенным именем, «человек после этого начинает восприниматься в совокупности с именем» [Суперанская, 1973, с. 174−175]. Во-вторых, возникает конфликт между родителями как обладателями правом назвать ребенка и представителями органов, регистрирующих имя: их деятельность должна соответствовать инструкциям, и они могут не регистрировать имя, которое является оскорбляющим, которое может принести ребенку нравственные страдания, «родители не могут, используя принадлежащие им права в противоречии с интересом ребенка, присвоить ребенку позорящее его имя, либо имя, способное вызвать у него или окружающих неприятные ассоциации» [Фадеева, 1989, с. 40], но вопрос о том, является ли это имя таковым, не может быть решен без помощи лингвистической экспертизы.

Исправление имени также оговаривается в Гражданском кодексе РФ – данному вопросу посвящен п. 3 ст. 47: «Исправление и изменение записей актов гражданского состояния производятся органом записи актов гражданского состояния при наличии достаточных оснований и отсутствии спора между заинтересованными лицами». Необходимость внесения исправлений имени в документы зачастую связывается с наличием в них

ошибок, описок, которые, как правило, обусловлены разными причинами: наличием в языке вариантов написания (Наталья / Наталия, Данил / Даниил); написанием в документах, являющимся ошибочным с точки зрения русского языка (Чернышова / Чернышева, Коровин / Каровин) – в силу того, что имена подлежат регистрации, закрепляются за лицом юридически, при регистрации может быть «узаконено» написание, являющееся ошибочным с точки зрения русского языка; наличием в фамилии буквы «ё»; отсутствием прозрачной мотивации у фамилии – в подобных фамилиях, особенно при записи фамилии на слух, ошибки делаются гораздо чаще, чем в фамилиях с прозрачной мотивацией (ср. Бикейкина / Зайцева) и др. Все указанные причины имеют языковую сущность. Разное написание компонентов имени в документах – например, в паспорте и дипломе, свидетельстве о рождении и паспорте приводит к возникновению необходимости установления их принадлежности одному и тому же лицу, данная процедура зачастую осуществляется лингвистами.

Право на перемену имени описывается в п. 2 – 3 ст. 19 Гражданского кодекса РФ, посвященной имени гражданина: «2. Гражданин вправе переменить свое имя в порядке, установленном законом. Перемена гражданином имени не является основанием для прекращения или изменения его прав и обязанностей, приобретенных под прежним именем. <…> Гражданин, переменивший имя, вправе требовать внесения за свой счет соответствующих изменений в документы, оформленные на его прежнее имя»[20]. В п. 1 ст. 47 Гражданского кодекса говорится о том, что перемена имени подлежит государственной регистрации. Статья 59 Семейного кодекса РФ посвящена изменению имени и фамилии ребенка: «по совместной просьбе родителей до достижения ребенком возраста четырнадцати лет орган опеки и попечительства, исходя из интересов ребенка, вправе разрешить изменить имя ребенку, а также изменить присвоенную ему фамилию на фамилию другого родителя»; федеральный закон «Об актах гражданского состояния» устанавливает порядок записи фамилий супругов при государственной регистрации заключения брака.

Таким образом, имя, фамилию и отчество, согласно действующему законодательству, можно изменить. Перемена имени может осуществляться по внеязыковым причинам, в частности, при вступлении в брак. Но одной из самых распространенных причин перемены имени, указываемых в заявлениях, является так называемая неблагозвучность имени. Согласно ст. 58 закона «Об актах гражданского состояния», лицо, достигшее возраста четырнадцати лет, имеет право переменить свое имя, включающее в себя фамилию, собственно имя и отчество, присвоенные ему родителями или лицами, их заменяющими, с их согласия или по решению суда. В подаваемом в органы загса заявлении необходимо указать причины, побудившие принять решение о перемене имени. Указанные причины должны являться

[20] Здесь и далее: Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года №51-ФЗ (принят ГД РФ 21.10.2004.) ред. от 17.07.2009, с изм. от 18.07.2009.

уважительными, но критериев, позволяющих судить об уважительности причин перемены имени, не существует, поэтому работникам органов записи актов гражданского состояния приходится опираться на собственную языковую интуицию: что имеется в виду под термином «неблагозвучное», в законе не поясняется. Очевидным является то, что причины перемены имени, способность быть «неблагозвучным» чаще всего связаны именно с его языковой сущностью. Под неблагозвучностью могут подразумеваться явления разного порядка: трудности произношения, связанные с фонетическим составом имени; экзотичность, необычность имени; несочетаемость компонентов имени по причине принадлежности этих компонентов системам имен разных языков (например, Альберт Васильевич– иноязычное имя противопоставляется русским фамилии и отчеству); несочетаемость компонентов имени, обусловленная их семантикой (Лев Зайцев, Бронислав Пупков; стилистическая сниженность одного из компонентов имени, обусловленная его первичной семантикой (например, фамилии Отрыжко, Чайник, Заика), наличие негативных ассоциаций, наличие обидных прозвищ или кличек, преобразованных из имени. Таким образом, неблагозвучность как одна из основных причин перемены имени, как правило, обусловлена его языковой природой, основывается на языковых свойствах имен собственных – на их звучании, семантике, сочетаемости, связях с другими единицами и т.д.

Право на доброе имя провозглашается Конституцией РФ – п. 1 ст. 23 гласит: «Каждый имеет право на <…> защиту своей чести и доброго имени…». Гражданский кодекс также содержит статьи, посвященные праву на доброе имя: ст. 150 причисляет право на доброе имя к нематериальным благам наряду с такими благами и неимущественными правами, как жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь, деловая репутация**,** право на имя, право авторства и др. Пункт 2 указанной статьи гласит: «Нематериальные блага защищаются в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и тех пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 12) вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения». Доброе имя «выступает средством индивидуализации репутации гражданина как внешнего проявления общественной оценки личности и ее внутренней самооценки», оно определяется как «совокупность положительных качеств личности, отраженных в общественном сознании» [Черников, http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0803/6.html]. Идентификация, индивидуализация личности, отождествление ее с определенными качествами, характеристиками осуществляется посредством имени. Существуют точки зрения, что имя не характеризует человека, оно только называет его [Лотман, Успенский, 1992], однако выбор того или иного варианта имени, обыгрывание имени может влиять на то, как будет восприниматься его носитель (ср.: Людка / Люда / Людмила

Петровна / Людмилочка Петровночка; Владимир Вольфович / Владимир Волкович, Деев / Украдеев).

Право на защиту имени оговаривается в п. 5 **с**т. 19 Гражданского кодекса РФ: «вред, причиненный гражданину в результате неправомерного использования его имени, подлежит возмещению в соответствии с настоящим Кодексом». Здесь же говорится, что «при искажении либо использовании имени гражданина способами или в форме, которые затрагивают его честь, достоинство или деловую репутацию, применяются правила, предусмотренные статьей 152 настоящего Кодекса». Ярким примером подобного использования имени является присвоение имени академика А.Д. Сахарова Союзом Правых Сил. С точки зрения вдовы Сахарова, Союз Правых Сил не имел никакого отношения к ее мужу, ему были чужды его идеи, а присвоение имени носило спекулятивный и безнравственный характер [Малеина, 1998]. Имена собственные могут фигурировать в делах по ст. 130 Уголовного кодекса РФ «Оскорбление», в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Еще одна область конфликтного функционирования имен собственных описана в главе 76 Гражданского кодекса РФ. Имена собственные зачастую перестают быть средством индивидуализации гражданина, физического лица и переходят в разряд средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий – **имя** начинает выступать **как товарный знак, знак обслуживания, фирменное наименование**. При этом имя переходит из области неимущественных прав в область имущественных, оно включается в товарно-денежные отношения, приобретает стоимость, и в этой связи возможно возникновение множества конфликтов, подлежащих юридизации. «Коммерческое название приобретает важную роль в маркетинге товаров и услуг, и в том, как эти товары и услуги будут выглядеть в глазах публики. Имя наделяет товары характером, индивидуальностью и различиями, делает их привлекательными и даже желанными для покупателей. … Хорошо подобранные торговые марки могут сами по себе представлять значительную цену и приносить прибыль» [Чармэссон, 1999, с. 19]. Весьма проблематичным представляется и выбор имени для обозначения: «имена нужно кропотливо, часть за частью, составлять в соответствии с законами языка и принимая во внимание все факторы, связанные с маркетингом и юридической защитой» [там же]. Примерами использования имени в качестве товарного знака являются следующие названия продукции: «Сосо», «Анжелика Варум», «Алла» (духи), «Калашников», «Немиров», «Кузьмич» (водка), «Дарья» (пельмени), «Аленка» (шоколад). В качестве бренда, товарного знака используются как имена реальных людей, так и имена вымышленных персонажей, определяющим фактором при выборе имени является наличие у имени определенных, как правило, положительных, коннотаций. На данное свойство имен собственных указывает А.В. Суперанская: «собственное имя, будучи индивидуальным обозначением отдельного предмета, не связано с понятием (не имеет основной коннотации), но может иметь побочные, дополнительные коннотации (если

именуемый объект достаточно хорошо известен)» [Суперанская, 1973, с. 113]. Имя в таких случаях приобретает непосредственную связь с предметом, с которым оно не было связано до этого, происходит расширение значения имени. Помимо этого, в сознании окружающих искажается связь имени собственного с определенным человеком. Связь имени и человека может практически полностью исчезнуть, и может подчеркиваться, акцентироваться – например, в том случае, когда успешному распространению товара способствуют какие-либо качества, свойства носителя данного имени, которые необходимо через это имя актуализировать. При этом можно говорить о тенденции перехода имен собственных в нарицательное, имя перестает определять, идентифицировать конкретный объект. Чаще всего наблюдается не полный, а частичный переход имен собственных в нарицательные, при котором имя переносится с одного объекта на конкретное множество объектов. Тем не менее, имя как товарный знак сохраняет многие черты ИС. Оно продолжает индивидуализировать, выделять объект среди других ему подобных, но количество объектов, на которые распространяется данное имя, увеличивается. Весьма интересным представляется и противоположный процесс – переход имен нарицательных в имена собственные, который осуществляется при регистрации имен нарицательных в качестве средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

Помимо описанных выше, можно выделить конфликты, возникающие в связи с реализацией правомочий, вытекающих из права на имя, по владению, распоряжению и пользованию именем, а также конфликты, связанные с авторским правом и с функционированием имен собственных в сети Интернет в качестве доменных имен. С нашей точки зрения, значительная часть указанных конфликтов имеет языковые предпосылки.

Библиографический список

Голев Н.Д. Юрислингвистика и лингвоконфликтология (к типологии языковых конфликтов) // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. мат-ов II межд. науч.конф., 10–12 сентября 2007 г. / гл. ред. К. В. Анисимов. – Красноярск: Изд-во СтбФУ, 2007. – С. 20–30.

Ермакова О.П. Новые семантические оппозиции старых названий лиц / О.П.Ермакова // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.– С. 36–42.

Лотман, Ю.М., Успенский, Б.А. Миф – имя – культура/ Ю.М. Лотман, Б.А Успенский // Избранные статьи: В 3 т. – Т.3. – Таллинн,1992. – С. 58–80.

Малеина М.Н. Право на имя // Государство и право. – 1998. – №5.– С. 17–28.

Сизов В. Мальчик по имени БОЧ рВФ 260602. – Электронный ресурс: http://supernew.ej.ru/074/life/law/01/index.html

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного . – М.: Наука, 1973. – 367с.

Фаддеева Т.А. Право на имя // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – ЛГУ, 1989. – №6. – С. 39–45.

Чармэссон Г. Торговая марка: как создать имя, которое принесет миллионы // С.-Пб.: Питер, 1999.– 224с.

Черников О.Ю. Защита доброго имени: проблемы терминологии. – Электронный ресурс: http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0803/6.html

Шарифуллин Б.Я. Языковая политика в городе: право языка vs. языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000.– С. 195–206.

Е.С. Кара-Мурза

ЛИНГВОПРАВОВОЙ КОНФЛИКТ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИИ

Среди направлений коммуникативной лингвистики, где изучаются проблемы **некооперативного, конфликтного общения**, новейшее, «титульное» – **лингвистическая конфликтология** [Голев, Матвеева, 2006, с. 172].

Вызванная к жизни кризисными проявлениями русской речи в самых разных сферах: от повседневного до производственного общения, от педагогической до массовой коммуникации, лингвоконфликтология, с ее психологической предысторией, имеет отчетливое «человеческое измерение» и явную прикладную направленность: она изучает не только механизмы возникновения коммуникативных конфликтов, но и алгоритмы их предупреждения в конкретных речедеятельностных ситуациях, в зависимости от типов речевого поведения и словесного творчества и от конфигурации коммуникантов (особенно – с контрастными психическими особенностями и социальными характеристиками). Поэтому она активно развивается как теоретическая база лингвистической экспертизы [Третьякова, 2000, с. 143–158; 2007, с. 286–292] и как вузовская дисциплина при подготовке экспертов-речеведов [Галяшина, 2007] и профессиональных коммуникаторов-журналистов [Кара-Мурза, 2009а]. Ее понятийная система и инструментарий анализа только складывается, однако понятно, что в центре ее понятие КОНФЛИКТ.

Будучи хорошо разработанным в психологии и в ее отраслевых и междисциплинарных изводах, оно пока отсутствует в словарях лингвистических терминов и, в исследовательских и преподавательских интересах, нуждается в дальнейшем уточнении с точки зрения коммуникативной лингвистики.

В частности, представляется полезным дополнить имеющиеся классификации речевых конфликтов [Муравьева, 2002] такой, где основанием классификации служит СИСТЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Рабочая схема, предлагаемая в данном сообщении, разработана мною и используется в рамках пилотного курса лингвоконфликтологии, который по приглашению проф. Е.И. Галяшиной и с опорой на ее программу я начала читать в Институте судебных экспертиз МГЮА. Там этот курс считается основным лингвистическим для будущих экспертов-речеведов, но фактически является курсом пропедевтическим − своеобразным «переходником» продолжительностью в один семестр (7-й) − между собственно юридическими дисциплинами экспертной специализации и собственно филологическим блоком, которые и «сочленяются» через лингвоконфликтологию. А она, в свою очередь, выводит в следующих семестрах на основы судебной лингвистической экспертизы как на дисциплину специализации (в ИСЭ ее ведет сама Е.И. Галяшина).

Как междисциплинарный предмет и как пропедевтический курс лингвоконфликтология формируется несколькими блоками. Это вводный конфликтологический блок, где раскрываются наиболее общие закономерности речевого общения и воздействия в конструктивном и деструктивном модусе; обзорный юридический блок, где на основании общего и профильного законодательства, зафиксировавшего правонарушения и преступления, которые совершаются преимущественно в слове и в тексте; предлагается типология речевых преступлений. И, наконец, это юрислингвистические знания. У студентов, которым придется в будущем участвовать в речевых конфликтах и информационных спорах в той или иной роли (судей, экспертов, журналистов-ответчиков), надо прицельно формировать профессионально ориентированное в**И**дение речевых преступлений, способность к обнаружению их **собственно лингвистических показателей**, соотнесенных с **признаками состава преступлений**, какими они предстают в статьях законов, к избеганию конфликтогенов в своем творчестве или к доказательному предъявлению в экспертных заключениях [Кара-Мурза, 2009б].

В посредническом характере данного (т.е. для будущих экспертов-речеведов) варианта лингвоконфликтологии кроется, на мой взгляд, глубокий методологический смысл. Как известно, при сборе доказательств и при вынесении судебного решения последовательно и четко различаются сферы компетенции и ответственности судей, с одной стороны, и экспертов – с другой. Это основа основ судебной экспертизы, полностью релевантная и для экспертиз, имеющих объектом лингвистические феномены, и в том числе для той, которая получила название смысловой или просто лингвистической экспертизы [Баранов, 2007]. Она не только сложилась как направление прикладной лингвистики [Баранов, 2000], но и получила в 2006г. официальный статус судебной экспертизы [Россинская, 2008, с. 683].

Перед экспертным сообществом России стоит задача самовоспроизводства, в том числе и через переподготовку и вузовское образование. И роль лингвоконфликтологии мне кажется важной именно в формировании профессионального лингвоэкспертного менталитета (разница между юридическим, лингвистическим и лингвоэкспертным образом мысли

неоднократно была предметом обсуждения [Лебедева, 2000, с. 56−71; Смирнов, 2005).

В одной из первых и очень содержательной статье о коммуникативных неудачах (КН) ее авторы утверждали, что «само понятие коммуникативной неудачи, покоящееся на некоторых общих особенностях социальной и индивидуальной природы человека, имеет универсальные черты» (цит. по: [Земская, 2004, с. 646]) и что причины неудач коренятся и в устройстве кода – естественного языка с его асимметричностью, и в человеческом факторе (в психологических типах коммуникантов и в их ситуативных установках), и в экстра-коммуникативных, деятельностных обстоятельствах: «Основная часть КН порождена сдвигом в сторону «ухудшения» понимания коммуникативных намерений говорящего» [там же, с. 645]. При этом в ряде случаев собеседник желает создать видимость, впечатление непонимания; такого рода коммуникативную неудачу авторы характеризуют как манипуляцию [там же, с. 630]. Эти свойства КН допустимо экстраполировать – по нарастающей − и на феномен коммуникативного конфликта, и на речевое преступление.

В работе [Третьякова, 2000, с. 143−158] была предложена модель коммуникативного конфликта с опорой на понятие **агрессии** (я охарактеризовала бы его как инициальный тип конфликта) и психолингвистическая типология конфликтных личностей: конфликтный, конформный и гармонический тип. Автор подчеркнул, что, поскольку конфликт – парный поведенческий акт, постольку в трудностях понимания и истолкования виноваты оба субъекта, как автор, так и адресат, реципиент [там же, с. 147].

Но, признавая активную, провокационную роль автора при зарождении конфликта, нельзя не видеть, что основной его двигатель – именно воспринимающая сторона, реципиент. Точнее будет сказать, что так формируется второй тип коммуникативного конфликта − **конфликт непонимания,** который я бы назвала ответным или респонсивным. Ср. также: «опознание того, что в общении произошел сбой, КН, дает ответная реакция партнера» [Формановская, 2007, с. 354].

Одна из разновидностей конфликта непонимания зиждется на особой перцептивной установке реципиента – на **подозрении своего партнера** в заведомо некооперативном поведении, в том, что тот намерен своими речевыми поступками, своими текстами оказать неблагоприятное речевое воздействие на этого реципиента или на объемлющую аудиторию, нанести ему **ущерб**. Такой ущерб мыслится направленным против разных объектов: интеллектуальных возможностей адресата (*«он меня считает за дурака»*), против картины мира и/или против интересов адресата (*«они меня хотят обмануть, заставить покупать, голосовать, как им, а не мне нужно»*), против эмоционально-психологической сферы адресата (*«он хочет меня обидеть, оскорбить!»*) и/или против его репутации в глазах окружающих *(«меня хотят опозорить, намекают, что я взяточник и вор!»*). Ситуация обостряется в публичном или медиатизированном общении, потому что здесь

возрастает сложность субъектной конфигурации, появляются новые возможности для планирования и прогноза, а также и для неадекватного восприятия.

Эта установка – своего рода «Анти-Грайс» и «Анти-Лич»; и в реальном общении она едва ли не более распространена, нежели доверие к собеседнику и ожидание конструктивного общения. И такие подозрения оправданны: одной из важнейших задач в журналистике и в политике (отечественной и зарубежной) является дискредитация влиятельного лица в глазах электората, бизнес-партнеров или начальства с последующими негативными результатами – перлокутивными эффектами (от финансовых потерь до проигрыша на выборах); такие стратегии получили название «черного пиара».

(1) Газета «Коммерсантъ» опубликовала заметку с названием *«Сергея Миронова обвиняют в клевете»*. Ее содержание: кандидат в президенты И. Хакамада обратилась в Генпрокуратуру с заявлением о возбуждении уголовного дела по статье «Клевета» в отношении другого кандидата в президенты – спикера Совета Федерации С. Миронова. Поводом послужило высказывание С. Миронова на теледебатах канала «Россия» о том, что г-жу Хакамаду *«спонсируют люди, совершившие преступления» и «не граждане России»*. Истица отметила, что среди пожертвовавших в ее избирательный фонд *«нет ни одного лица, осужденного по приговору суда за совершение преступления»*. Газета пишет: *«По убеждению кандидата в президенты, господин Миронов своими словами «внушает избирателям мысль о нарушении ею моральных принципов и утверждает, что она нарушает законодательство РФ»*. Обратившись в Калининский федеральный суд Санкт-Петербурга с гражданским иском о защите чести, достоинства и деловой репутации, г-жа Хакамада не потребовала от спикера С. Миронова компенсации морального вреда, *«считая, что высказывания, порочащие честь и достоинство других людей, должны компенсироваться только публичным опровержением»*. Спикер С. Миронов объявил о подготовке встречного иска к И. Хакамаде, *«поскольку она заявила о том, что я являюсь не только следователем и прокурором, но и палачом в одном лице»*. *«За слово «палач, по мнению спикера СФ, госпожа Хакамада должна отвечать в суде»* («Ъ», 02.03.04).

Одним из основных инициаторов медиаконфликта является такой специфический член аудитории, как **персонаж** журналистского текста, а именно – отрицательный герой критического или разоблачительного произведения. Познакомившись с текстом, он заподозривает автора и/ или медиаорган в злостных намерениях относительно себя. Он уверен, что разоблачительная статья публикуется ради того, чтобы его дискредитировать в глазах массовой аудитории, а не для того, чтобы, например, информировать аудиторию относительно социально важных процессов и событий, в которые вовлечен этот персонаж, или чтобы охарактеризовать и оценить его как политика или чиновника, в том числе в его неудачах или неприглядных деяниях. В своем протесте он прокламирует также защиту коммуникативно-

познавательных интересов аудитории, не хочет, чтобы ею манипулировали (*«зрителей / читателей обманывают на мой счет…»*).

В последнее время в медиаконфликтах выдвинулась такая фигура, как «интерпретатор-активист». Это чиновник или политик, вовлеченный в правящие структуры, с подозрением относящийся ко всякой критике и обвиняющий за нее редакцию и / или журналиста в оппозиционных устремлениях и нечистоплотности.

(2) «В томской газете хотят поставить точку

Оппозиционное издание предложено закрыть за «огульную пропаганду» − так в заголовочном комплексе статьи в газете «Коммерсантъ» от 30 марта 2009г. обозначена ситуация, сложившаяся вокруг газеты «Томская неделя», главный редактор которой А. Деев был основным конкурентом мэра города Н. Николайчука, члена «Единой России», на недавно прошедших выборах главы Томска. А. Деев в ходе избирательной кампании выступал с резкой критикой действующей власти, чем возмутился С. Руденко − депутат Томской облдумы от ЛДПР. *«Это была не гражданская позиция, а целенаправленная, кем-то профинансированная и купленная позиция с целью опорочить все положительные начинания в городе. «Томская неделя» – такая газета, которую уже пора закрывать», – сделал господин Руденко вывод из прочитанного. Руководству области он посоветовал черпать опыт решения подобных проблем у КПСС. «Даже коммунисты до последнего дня существования своей партии выгоняли диссидентов, сажали их в психушки, высылали за границу. Партия власти пять лет относительно у власти, и уже так расслабиться!» − сказал он»*, − процитировала депутата журналистка Е. Литвинова. Негативной интерпретации («выводу из прочитанного») здесь подверглась социальная функция газеты и ее политическая позиция: <u>критика</u> действующей власти (как это обозначено журналисткой «Ъ») истолковывается депутатом как **опорочение** положительных начинаний (подразумевается – действующего и потенциального мэра). Депутат – во всяком случае, в изложении его позиции журналисткой − готов пойти на цензурирование и внесудебное прекращение работы редакции, что противоречит Конституции России.

Интерпретация – важнейший этап работы когнитивно-коммуникативного механизма: «Значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме» (Демьянков 1995:251). Интерпретацию я понимаю здесь как особый этап в осмыслении текста, а именно – как вербализованный согласовательный механизм понимания текста в речедеятельностной ситуации между порождающей и воспринимающей сторонами. Ведь речевой конфликт – это конфликт интерпретаций par excellence. Коммуникативную неудачу переводит на уровень конфликта именно неспособность обеих сторон согласовать, примирить конкурирующие интерпретации, и прежде всего боязнь негативных перлокутивных эффектов (*«Ах, боже мой, что станет говорить княгиня Марья Алексевна!»*).

Истолкованию подвергается многомерная смысловая система речевого произведения, которая содержит, если воспользоваться терминологией

[Гальперин, 1981], СФИ − содержательно-фактуальную информацию (в терминологии теории речевых актов (ТРА) это пропозитивная составляющая); СКИ − содержательно-концептуальную информацию (в юрислингвистических терминах это, видимо, мнение) и СПИ – подтекстовую информацию, глубинное проблемное содержание. А то, что традиционно описывается как стилистическая форма, может быть описано через локуцию как аспект РА /речевого акта. – *прим. редактора*/ [Кобозева 2009].

В содержание входит и подвергается интерпретации адресата и жанровая целеустановка, корреспондирующая с коммуникативным замыслом автора (его намерением и целеполаганием в РА) [Демьянков, 1989]. И наконец, важнейшим объектом интерпретации является эффект воздействия, результат, планируемый автором и соотносимый с жанровой целеустановкой; в ТРА − перлокутивный эффект. В свою очередь, он тоже имеет сложный «состав»: во-первых, это (минимум) троякая реакция адресата: интеллектуальная, эмоциональная и поведенческая. Во-вторых, это реакция на комплексную семантику высказывания / текста: 1) на пропозицию (осознание того, какое событие произошло; какое явление, лицо описано в тексте), 2) на иллокуцию (осознание, зачем это было сообщено), 3) на истинность информации, 4) на оценочный модус («а это событие, явление, лицо хорошее? а как автор к нему относится?») и 5) на локуцию («а почему об этом было сказано в таком стиле? Какая дополнительная информация скрыта в стилистическом выборе?»).

Регулярная неадекватность работы интерпретирующей системы адресата проявляется соответственно:

1) в неправильном понимании адресатом а) фактуального и концептуального содержания текста, его темы и проблемы, б) замыслов автора относительно целей воздействия;

2) в неверном прогнозировании реакции а) массовой аудитории, что существенно для медиакоммуникации, и б) в манипулятивном описании психологических результатов своего восприятия;

3) в неверной оценке манеры выражения автора (подозрения в дисфемизации, в оскорблении).

Неадекватность понимания имеет двоякую природу: может быть добросовестным заблуждением, вызванным недопониманием сложных закономерностей массовой коммуникации, в которой осуществляются важные социальные задачи и существуют свои творческие законы, своя поэтика; незнанием функций журналистики или политического дискурса, жанровой целеустановки конфликтного текста, особенностей медиаформатов межличностного общения. Такое непонимание я предложила бы называть **мизинтерпретацией**. Бывает и недоброкачественная, фальшивая интерпретация: политики или чиновники приписывают себе неиспытанные моральные страдания, защищают от критики отсутствующую репутацию – таким манером они пытаются расправиться с конкурентами или с обличителями. При этом часто рассчитывая на коррумпированность суда. Манипулятивное, намеренное непонимание ведет к эскалации конфликта – к

попытке возбуждения дела о речевом преступлении против законосообразного, деонтологически выверенного текста. Такую недобросовестную интерпретацию, частую в информационных спорах, по аналогии с дезинформацией я называю **дезинтерпретацией.** А механизмом КОРРЕКЦИИ ПОНИМАНИЯ, противодействия некорректному толкованию смысла конфликтогенного текста на стадии судебного процесса выступает именно лингвистическая экспертиза (ЛЭ), основная функция которой – добывание доказательств в делах по речевым правонарушениям.

Интерпретация, система понятий, в которых происходит **осознание коммуникативного тупика**, является, на мой взгляд, важнейшим **критерием типологизации речевых конфликтов**. Именно она показывает направление развития конфликта – «внутрь», в ту же ценностно-понятийную ситуацию, или «вовне», в новую аксиологическую область, адресуясь (апеллируя) к новому адресату – суду и выходя на новый уровень социальности – на уровень законодательной регуляции.

Стандартно, в повседневном конфликте, интерпретирующая система – это понятия **«наивной этики», «наивного речевого этикета»** (конечно, лингвоспецифического), которые служат стихийным (естественноречевым) аналогом постулатов, сформулированных «философами языка» и коммуникатологами (ср.: [Орлова, 2005]): *«его слова меня обидели», «эта характеристика показалась мне оскорбительной», «эта статья дискредитировала политика в глазах избирателей»*.

В то же время с древних времен словесные конфликты (оскорбления, ссоры, обиды) регулировались уже не только речевыми конвенциями, а правовыми установлениями, которые были санкционированы государственной юриспруденцией и реализовались государственной судебной машиной. Речевая деятельность подчиняется не только постулатам и принципам кооперативного общения как речевым нормам, но и законодательным нормам – от законодательства общего (Уголовного и Гражданского кодексов) до профильного. Создание же и распространение медиапродукции регулируется Федеральными законами «О СМИ», «О рекламе» и др.

Специфику обсуждаемого типа речевого конфликта я вижу в использовании **правовой интерпретативной системы. Э**то отличает его от **повседневного «наивно-этического»** конфликта. Я предлагаю называть его **лингвоправовым**. Типологически важно, что воспринимающая сторона **оценивает свое недовольство** текстом **в правовых понятиях**, почерпнутых из кодексов или законов, **обвиняя** автора/ издание в **правонарушении** и характеризуя содержание текста и/или факт его распространения как один из **речевых деликтов**. Причем применять это понятие можно шире, нежели только к диффамационным делам: лингвоправовую интерпретацию имеют и конфликты по поводу авторских прав, и пр. Этот термин задает одну из возможных точек отсчета для классификации речевых конфликтов именно в лингвоконфликтологии, которая комплементарна разом к «общей» коммуникативной лингвистике и к юрислингвистике (другое основание

деления − это градация интенсивности: от недоразумения и коммуникативной неудачи через конфликт к речевому преступлению).

Правовую интерпретацию недовольный реципиент адресует на следующем этапе конфликта **судье** как новой стороне, за которой стоит все законодательство как государственная правовая интерпретативная система и вся мощь правоприменительной и репрессивной системы, каковую недовольный собирается обрушить на голову незадачливого журналиста. Так происходит **эскалация речевого конфликта:** он переходит в острую фазу − возбуждение дела по соответствующей статье. Подается **исковое заявление**, где правовая интерпретация конфликта фиксируется в стандартной форме судебного документа. Происходит и трансформация ролей: на этой фазе реципиент из воспринимающей и пострадавшей (в его изложении) стороны коммуникации становится стороной инициативной и обвиняющей − как **истец**; а автор и/или издатель превращается в **ответчика** − сторону коммуникативно слабую, потому что оправдывающуюся.

Рассмотренный с собственно правовых позиций, лингвоправовой конфликт – это **речевое (языковое) преступление,** как принято сейчас говорить, хоть это и неюридизированное понятие**.** Это, с одной стороны, самая острая форма словесного конфликта, т.е. явление коммуникативной природы, с другой – правонарушение, т.е. феномен правовой природы. В речевых преступлениях нарушаются фундаментальные, конституционные права личности – на честь, достоинство и деловую репутацию, на доброе имя и личную тайну (так называемая диффамация); социума − на эффективное и законосообразное функционирование его институтов, в том числе института массовой коммуникации; и государства − на соблюдение законности, конституционного строя и безопасности населения. Особенность их «состоит в том, что совершаются они посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, т.е. текстов, распространяемых в средствах массовой информации. В самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем самом) заключен сам Corpus delicti, все объективные признаки судимого деяния. Никаких других источников доказательства правонарушений по делам этой категории не существует, и только текст является главным предметом исследования и юридической оценки. В информационном споре должны быть выявлены словесные конструкции и смысловые единицы текста, подпадающие под признаки конкретного правонарушения, предусмотренного соответствующей правовой нормой» [Ратинов, 1996/2004, с. 104].

Отметим специально, что есть еще одна ценностная система интерпретации коммуникативного конфликта – **деонтологическая.** Это правила медиакоммуникации, сформулированные в международных и/или национальных кодексах профессиональной этики (таковые есть у российских журналистов, рекламистов, пиарщиков). Органом применения деонтологической системы были Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ (1993–2000); Большое жюри Союза Журналистов

России, а теперь еще и Общественная коллегия по жалобам на прессу. Такая разновидность медиаконфликта, как **информационный спор,** сформировалась тоже в постсоветское время [Информационные споры: как в них победить?, 2002]. Ее возникновение обусловили новации постсоветской журналистской практики: конституционный запрет цензуры и защита свобод и прав человека, включая информационные права, и неимущественных благ, включая честь, достоинство и деловую репутацию, а главное − принятие Федерального Закона «О СМИ», специальные статьи которого запрещали как цензурирование, так и злоупотребление свободой слова, в том числе в плане нарушения прав и благ человека. **Информационный спор** − это тоже конфликт между журналистом и изданием, с одной стороны, и недовольной журналистским выступлением стороной: отрицательным персонажем журналистского текста, политизированным читателем или институтом, включая прокуратуру. В нем ставятся под сомнение добросовестность намерений автора публикации и безопасность воздейственных (перлокутивных) эффектов на аудиторию и адресата-персонажа; преобладает профессионально-этическая аргументация, а юридическая – сопутствует. Решения экспертной коллегии имеют рекомендательный этический характер; по результатам слушаний может быть вынесено решение об обращении в суд за возбуждением дела по соответствующей статье.

В тупиковых ситуациях оказывается востребованной фигура «третейского судьи», **коммуникативного арбитра** (по Демьянкову) − нового участника конфликта, приглашаемого на роль независимого интерпретатора. Его статус и реноме (например, мудрого старца) дают надежду на разрешение конфликта посредством новой интерпретации, предложенной этим арбитром, которая, как ожидается, удовлетворит все стороны. Судя по всему, коммуникативные арбитры в лингвоправовом конфликте – это мы с вами, коллеги-эксперты ☺.

Таким образом, лингвоправовой конфликт (ЛПК) я рассматриваю как одно из основных понятий лингвоконфликтологии – как один из типов конфликта непонимания. В основу данной классификации положен параметр интерпретирующей системы: я противопоставляю лингвоправовой конфликт наивно-этическому и сопоставляю с речевым преступлением как квазиправовым понятием. В этом я вижу дополнительную возможность демонстрировать в студенческой аудитории принципиальные различия экспертного и судейского (правового) подхода, а также отличие от тех направлений изучения некооперативного общения, в которых отсутствует лингвоэкспертная прикладная направленность.

Библиографический список

Баранов А.Н. Прикладная лингвистика: учебник для вузов. – М., 2000.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2007.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. – М., 2003.

Галяшина Е.И. Сборник методических материалов по курсу «Лингвистическая конфликтология». – М., 2007.

Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Лингвистическая эспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2006. – С. 168–185.

Демьянков В.З. Намерение в интерпретации и интерпретация намерений // Текст. Структура и анализ. – М., 1989. – С.41–46.

Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX в. // Язык и наука конца XX в. – М., 1995. – С. 339–320.

Ермакова О.П., Земская Е.А. К типологии коммуникативных неудач в естественном диалоге // Земская Е.А. Слово. Язык. Деятельность. – М., 2004. – С. 604–647.

Информационные споры: как в них победить? Решения, рекомендации, экспертные заключения Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ. – М., 2002.

Кара-Мурза Е.С. Предупреждение речевых преступлений в СМИ – Общественная повестка дня и коммуникативные практики: мат-лы Всеросс. науч.-пр. конф. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – С. 409–411.

Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как направление политической лингвистики // Политическая лингвистика. – 2009. – № 27.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник для вузов. – М., 2009.

Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 56–71.

Муравьева Н.В.Язык конфликта. – М., 2002.

Орлова Н.В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). – Омск, 2005.

Ратинов А.Р. Послесловие юриста. «Когда не стесняются в выражениях...» // Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами. – Изд. 2, переруб. И доп. / под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М., 2004. – С.101–116.

Рождественский Ю.В.Теория риторики. – М., 1997.

Коссинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М., 2008. – С. 384–406.

Смирнов А.А. Заметки о лингвистической экспертизе (менталитет). – Электронный ресурс: www.textology.ru.public/lawyer.http//tis 2004

Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2000. – С. 143–158.

Третьякова В.С. Конфликтное функционирование языка // Юрислингвистика-7: русский язык и современное российское право /под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2007. – С. 286–300.

Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М., 2007.

Е. В. Кишина

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ «МЫ», «ОНИ» В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Политическая лингвистика является одним из новых направлений современного языкознания. Эта область исследования носит ярко выраженный междисциплинарный характер: в ней интегрируются достижения социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, стилистики и риторики. Политические тексты как сфера реализации манипулятивного воздействия привлекают внимание лингвистов с позиции когнитологии, лингвопсихологии, прагмалингвистики, теории речевых актов, функционально − стилистической организации средств массовой информации (Водак, ван Дейк, Блакар, Болинджер, Беркнер, Муравьёва, Кара-Мурза, Шарифуллин, Купина и др.). Основная задача лингвистического анализа политического дискурса – раскрыть характер, механизм сложных взаимоотношений между властью, познанием, речью и поведением.

Одним из продуктивных направлений исследования политического дискурса в современной лингвистике является описание концептуальной составляющей политических текстов. Ядерными концептами политического дискурса признаются концепты «власть», «политик», «демократия», «народ» и др. Как представляется, системообразующие ментальные единицы базируют единую концептуальную сеть политических дискурсов.

Данная работа посвящена определению особенностей функционирования концептов МЫ, ОНИ в политических дискурсах разных исторических формаций.

Концепты МЫ, ОНИ в средствах массовой информации предстают сложным образованием, состоящим из разнокомпонентных элементов [Чернышова, 2005; Чудинов, 2001]. Рассмотрение функционирования данных взаимосвязанных концептуальных образований в политической коммуникации разных исторических формаций позволяет выявить динамические процессы как в языке средств массовой информации, так и в социально-политической ситуации в целом. Так, одним из значений, приобретённым в результате функционирования в советских политических дискурсах концептов МЫ, ОНИ, является выражение национального единства.

В средствах массовой информации 60-х-нач. 80-х гг. МЫ (= советский народ) предстаёт как сплочённая, монолитная нация. МЫ в данных текстах наполняется двумя основными смыслами:

1. **МЫ** как социально-политическая общность: *мы – советский народ; граждане СССР; новая историческая общность; представители рабоче-крестьянского государства; люди коммунистического общества; советские работники и т.д.*

2. **МЫ** как представители определённых групп и слоёв общества: *мы – коммунисты; партийные люди; комсомольцы, рабочий класс; люди труда; советские, рабочие интеллигенты; люди умственного, физического труда; труженики полей и т.д.*

Функционирование двух выделенных компонентов значения в доперестроечных дискурсах выполняет интегративную функцию: МЫ подчёркивает социально-политическую сплоченность и монолитность советского народа. Индивидуальному Я, ассимилированному в совокупном МЫ, отводится значительная роль в общественно-политической жизни страны. Каждый член советского государства как представитель единой нации обязан вносить свой вклад в общее дело: *каждый член ВЛКСМ; каждый молодой человек; роль и место всех участников; личный вклад / героизм* и т. д.

МЫ в значении «представители определённых групп и слоёв общества» лишено коннотации отчуждения и разобщённости советских людей. Парадигматические и синтагматические контексты использования подобной семантики актуализируют признаки единства и равенства всех социальных слоёв: *общность коренных интересов всех социальных групп и слоёв; стирание различий между умственным и физическим трудом; незыблемый союз рабочего класса и крестьянства; монолитность блока коммунистов и беспартийных; социалистическая интеграция* и т.д.

Образ государства как единой сплочённой семьи неразрывно связан с осмыслением субъектов политической коммуникации в роли разных членов одной семьи. Подобная интерпретация, концептуализирующая отношения в семье, позволяет метафорически выразить не столько социальную иерархию, сколько подчеркнуть близость и единение всех представителей советского социума. Субъектами подобного осмысления являются и представители власти.

Политический лидер страны получает устойчивое именование главного члена семьи – отца, дедушки: *Сталин – отец народов; Ленин – дедушка всех пионеров.* Представление первого политического лица в образе отца подчёркивает его близость, духовное родство с каждым членом большой семьи. В политическом контексте данная метафора имплицирует выражение стиля правления именуемого субъекта: «отец»-правитель может быть только мудрым руководителем, справедливо относящимся к каждому «домочадцу».

Единение правителя с народом подчёркивается функционированием метафорических образований, именующих главного политического деятеля *сыном советского народа*: *Л.И.Брежнев – верный* ***сын*** *Коммунистической партии и советского народа.* Амбивалентное метафорическое представление (отец – сын) создаёт образ патриархальной семьи, верной идеям своего

основоположника. Правящий *«отец народов»* является продолжателям идей «праотца» *(верный продолжатель бессмертного ленинского дела; бессмертных идей Ленина)*, а члены *«единой семьи»* несут в себе лучшие черты «семейного сходства» *(верный, стойкий ленинец; юный, маленький, молодой ленинец; потомственный пролетарий).*

Представители социалистического социума традиционно именуются советскими детьми (сыновья – дочери) и кровными родственниками (братья – сёстры): *сыны и дочери советского народа; замечательные сыны и дочери нашей страны; славные сыны рабочего класса; сыны советской страны; братья и сёстры нашей страны; младшие братья коммунистов; дети партии, советского комсомола; братья по классу; братья по оружию и т.д.*

Образное изображение социальных субъектов как группы кровных родственников (детей одной *«матери-Родины»*) акцентуализирует идею близости и сплочённости советских людей, проецирует характер взаимоотношений между членами семьи*: Безграничны любовь и уважение, которые питают дети партии к Л.И.Брежневу, то огромное доверие, которым он пользуется у трудящихся нашей Родины, у всех прогрессивных людей земли* (Комсомольская правда, №45 (16751), 23 февраля 1980г.). Примечательно при этом, что утрата советским гражданином прежнего мировоззрения под воздействием чуждой среды, идеологии трактуется как «перерождение», то есть измена родовым началам, отчуждение от единой семьи *(буржуазный, классовый перерожденец): Нам понятна злоба и беспринципность этих на всё готовых* ***буржуазных перерожденцев,*** *ненавидящих нашу партию.*

Детищем в доперестроечных дискурсах именуется и само советское государство. Подобное уподобление подчёркивает родительскую любовь советских людей к своей стране, их духовную привязанность к родному государству: *Тридцать пять лет тому назад потерпела невиданную катастрофу снаряжённая в антисоветский поход армия фашистской Германии, пытавшаяся в угоду международному империализму ликвидировать* ***детище Октября*** *– Союз Советских Социалистических Республик* (Кузбасс, №108 (17039), 9 мая 1980г.).

Таким образом, в тоталитарных дискурсах группа, объединенная понятием МЫ, репрезентирует основное значение: «МЫ − советский народ, объединённый идейно-политическими принципами». Границы между понятием народ и власть размыты, все едины, все члены единой большой семьи.

Меньшая частотность употребления МЫ в значении «национальное единство» в современных политических дискурсах позволяет сделать вывод о снижении эмоционально-когнитивного процесса объединения себя с другими представителями одной этнической группы. Под влиянием идеологических факторов смысловое поле «национальное единство» модифицировалось, наполнялось новыми смысловыми компонентами.

Современное российское общество в политической коммуникации последних лет наделяется такими чертами, как гетерогенность и

расчленённость. Доминирующее место в многоступенчатой социальной конфигурации занимает противопоставление двух классов: «народ – власть». При этом МЫ в преобладающем большинстве является базовым коррелятом класса «народ», ОНИ − «власть». Смысловое пространство событийных концептов «МЫ (= народ)», «ОНИ (= власть)» образуют номинации представителей разных социальных группировок:

МЫ *(«народ»):* *люди труда, общественность, крестьяне, рабочие, учителя, пенсионеры;*

ОНИ *(«власть»):* *политики, избранники, депутаты, чиновники, власть держащие***.**

Смена прагматической направленности политических дискурсов мотивирует видоизменение функциональной значимости репрезентантов, означающих субъектов современного российского социума. Представление россиян в образе близких родственников всё чаще приобретает коннотацию отчуждения, семантика родственных отношений становится индикатором разобщенности нации. Так, советский образ *правитель – отец* в современный период получает дискретный характер: *отцом* сегодня именуется не только первое лицо государства, но и большая группа крупных политических деятелей − губернаторы, министры, партийные руководители: *отец – президент; отцы − основатели партии; отцы − основатели всего и всех; отцы побед; отец «оранжевой» революции; отец перестройки; «большой» папа*; *отец «родной»; президент − батюшка* и т.д.

Одновременное сосуществование нескольких *отцов* является свидетельством распада единой *семьи* во главе с одним *отцом народа*. В идеальной семье, образ которой моделировался в советскую эпоху, статус *отца* носил единоличный и непререкаемый характер. Широкая вариативность рассматриваемой лексемы в современной речевой практике является индикатором гетерогенности общества: *По словам ещё одного* ***отца-основателя партии****, «десять лет назад ситуация была очень опасной для страны, и мы объединились, чтобы создать настоящую гражданскую партию»* (Аргументы и факты, №7 (211), 2003г.).

Родственные отношения всё чаще становятся вербализаторами криминогенного характера обозначаемых субъектов. Так, в примере: *Нынешняя власть и криминальный бизнес – не то чтобы* ***родственные души*** *или* ***близнецы-братья****, а скорее,* ***близнецы сиамские*** (Правда, №78 (28839), 21 июля 2005г.) − путём родственного отождествления властвующей группировки с криминальными структурами подчёркивается преступный характер действующей власти.

Вопреки провозглашаемым в демократическом обществе этическим императивам «равенство» и «равноправие» характер отношений между социальными классами обладает обратным знаком: разделённость, конфронтация, авторитарность. Конфликтность отношений «власти» и «народа» актуализируется рядом смысловых компонентов, содержательная часть которых раскрывается с помощью лексических единиц, находящихся в отношениях контекстуальной антонимии.

1. Отдалённость власти от народа:

МЫ ***(«народ»):*** *волеизъявления народа; нужды и чаяния народа; проблемы народа.*

ОНИ ***(«власть»):*** *власть не приемлет; власть нас не слышит; власть нас игнорирует.*

Власть предстаёт как чуждое изолированное сообщество, абстрагированное от реальных нужд и проблем народа. Бразды правления становятся орудием для достижения своих целей и интересов *(выражать только свои собственные интересы; следовало бы подумать и о сокращении льгот для себя; делать на этом свой политический бизнес и т.д.): Рассматривая современную государственную власть, нельзя не отметить, что она приватизирована и субъективизирована, что никаких обсуждений, научного анализа и советов с общественностью она не приемлет, что её отдалённость от народа становится всё большей* (Край, 28 февраля, 2003г.).

2. Оценка представителей разных социальных общностей:

МЫ ***(«народ»):*** *прежние, забитые, простые, бедные, доверчивые, обездоленные.*

ОНИ ***(«власть»):*** *чужие, тёмные, прожорливые, зажравшиеся, обнаглевшие, холёные.*

Народное сознание наделяет представителей власти такими негативными чертами, как чуждость, скрытность, нарушение социальных и этических норм. В свою очередь сообщество «народ» приобретает ряд противоположных черт: «простота», «открытость», «угнетённость». Общественные стереотипы восприятия «себя» и «другого» подчёркивает отчуждённо-враждебное отношение между противостоящими группировками «МЫ» − «ОНИ»: *Избирать надо лучших из лучших, вернувшись к действительной демократии, когда не самые ловкие, а самые достойные правят народом* (Край, 28 февраля, 2003г.).

3. Материальное неравноправие:

МЫ ***(«народ»):*** *перебиваемся с хлеба на воду; получаем гроши; стали беднее; кормимся крошками с их стола.*

ОНИ ***(«власть»):*** *купаются в роскоши; покупают иномарки; жируют; бесятся с жира.*

Выделенные общественные группировки противопоставлены друг другу как класс имущих и неимущих. При этом материальное благополучие одних достигается за счёт обделённости других *(деньги, отнятые у народа, объедают детей и стариков, лишили народ последних сбережений, деньги изымаются из карманов населения, разбогатели за счёт нас и т.д.): Положение у рабочего класса нашей «оборонки» какое-то рабское. Кто вкалывает – получает гроши, а кто примазывается к нашей продукции – купается в роскоши* (Комсомольская правда, 21 января 2001г.).

Приведённый неполный ряд смысловых компонентов, раскрывающих характер противопоставления смысловых полей МЫ, ОНИ позволяет сделать вывод о конфликтности отношений между властью и народом.

Отрицательно-оценочные реакции, раскрывающие сложный характер взаимоотношения между народом и властью, могут быть представлены несколькими блоками [Шейгал,1999; 2000]:

1) общеоценочные реакции: *плохая, подлая, так себе, портит человека, надоели, ругают*;
2) общеоценочные реакции эксплетивного типа: *козлы, психи, тупые, на мыло, не хочу, к чёрту такую власть*;
3) частно-оценочные реакции, выражающие негативную морально-этическую оценку. Эти реакции показывают, что в массовом сознании осуждение вызывают:

- злоупотребление властью *(тирания, вседозволенность),* коррупция *(продажная, мафия);*
- недееспособность *(бездействие, марионетки, колебание, слабая);*
- негуманность *(жестокость, беспощадная);*
- лживость *(врут, обманули, хитрость, интриги).*

Субъектно-объектная организация предполагает и выражение характера отношений между объектами и субъектами власти. Так, объект властных отношений (тот, на кого направлена власть, объект подчинения) может *мириться, считаться с властью, подчиняться ей, поддерживать её, быть преданным, лояльным, быть приверженцем, сторонником власти.* Или, напротив, может *выступать, бороться против власти, быть противником, врагом, находиться в оппозиции к власти.*

В политических дискурсах отражаются некоторые стратегии действий по отношению к противоположной стороне, предопределяющие разные способы разрешения конфликтности:

1) активная позиция − непримиримость и неприятие чужого мира, выражающиеся во враждебности, агрессивности и насилии: *народ готов начать раскулачивание, репрессии, ссылки; хватается за булыжники;*

2) пассивная позиция − смирение с действительностью, безразличное и равнодушное отношение к представителям чужого мира: *народ уже давно не ждёт многого от власти, утратил свой оптимизм, смирился со своим положением, безмолвствует;*

3) приспособленческая позиция −нарушение пространства сообществ с целью публичной демонстрации своей отнесённости к другому классу.

Такая установка, продиктованная прагматическими интересами политиков, оценивается народом как лицедейство: *косят под народ, предвыборныые уловки с демонстрацией «заботы» об обездоленных, показное стремление быть на одной ноге с военными.*

Социально-исторические факторы способствуют модификации смысловых компонентов концептов МЫ и ОНИ. Словоформа МЫ в данном употреблении приобретает ряд новых значений, основное из которых − потеря народной самобытности и своеобразия народа как национальной общности, отдалённость власти от народа. В качестве языковых репрезентантов подобного процесса выступают словоформы с яркой пейоративной коннотацией*: нация поглупела, превратилась в помойку; мы –*

дойная корова, пешки в чужих руках и т.д. Таким образом, средства массовой информации разных лет отражают своеобразную эволюцию понятий «МЫ» и «ОНИ», обусловленную прежде всего идеологическими факторами.

Библиографический список

Чернышова Т. В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 293с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001. – 238с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 386с.

Шейгал Е. И. Язык и власть // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 132–149.

Н.А. Прокуденко

РЕЧЕВОЙ КОНФЛИКТ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ

Конфликт как жизненная реальность является объектом исследования многих наук: юриспруденции [Дмитриев, Кудрявцев, Кудрявцев, 1993], социологии [Петровская, 1977], психологии [Гришина, 1998], педагогики [Будина, Третьякова, 2000]. Для лингвиста интерес представляет речевая специфика конфликта [Третьякова, 2000], ибо конфликт возникает между людьми, выражающими несогласие в разрешении какого-либо вопроса или ситуации вербальными или невербальными средствами коммуникации. Но несмотря на активизацию исследований в области лингвоконфликтологии, остаются открытыми многие вопросы природы и типологии конфликтов.

Изучение речевых конфликтов в структуре художественного произведения [Дмитриев, Кудрявцев, Кудрявцев, 1993] выдвигает задачу осмысления процесса взаимодействия их с текстовыми категориями, и прежде всего с категорией события [Третьякова, 2000].

Чрезвычайно богатый материал в этом аспекте содержит повесть В.П. Астафьева «Кража», название которой именует центральное событие в Краесветском детдоме, определившее судьбы многих жителей этого далекого заполярного городка, в том числе и главного персонажа повести Вениамина Ивановича Репнина, «жизнь получилась длинной, доверху наполненной событиями, и такими событиями, которые, как гранитная осыпь, завалили все».

Образное выражение «как гранитная осыпь» дает основание видеть в череде жизненных событий только мрачные, жесткие, что подтверждается рядом событий в небольшой промежуток жизненного пути главного героя.

Анализ текста дал возможность обнаружить в повести «Кража» 39 событий, по-разному соотносящихся с речевым конфликтом: все речевые и неречевые события в художественном произведении оказываются неразрывно связанными, взаимно проникающими и определяющими одна другую частями.

События, не связанные с речевым общением, мы квалифицируем как события ситуативные. Таких событий в повести «Кража» мы обнаружили 10. Они могут быть конфликтогенными (тревожная, напряженная тишина после похорон Гошки Воробьева и история появления в детдоме Зины Кондаковой). Таких событий только 2. Неконфликтогенные ситуативные события без речевого общения количественно преобладают – их 8 (например: открытие буфета в детдоме или поездка детдомовцев за дровами).

Остальные 29 событий связаны с речевой коммуникацией, неконфликтной и конфликтной. Примером ситуативного события с неконфликтной речевой коммуникацией может служить визит Валериана Ивановича Репнина «на чашку чая» к Ступинскому и их разговор по душам, результатом которого было установление дружеских отношений между ними. Подобных событий мы насчитали в тексте повести 11. Далеко не все из них оказывались результативными (письмо Светозара Семеновича Мазова, отца Толи, Репнину осталось безответным и разговор Маньки с Толей о письме Зины к нему).

Конфликтная речевая коммуникация в отношении к событию может быть трёх видов:

1) речевой конфликт, вызванный ситуативным событием;
2) речевой конфликт, вызывающий ситуативное событие;
3) речевой конфликт как самостоятельное коммуникативное событие.

Содержанием текста, его сюжетом предопределено большее количество конфликтных ситуаций, провоцирующих речевой конфликт. Сама история появления осиротевших детей в детдоме носит трагический характер. Обитатели детдома, с точки зрения жителей Краесветска, являются инвекторами, то есть обидчиками.

«*Особым, вышколенным в беспризорничестве чутьем, каким-то редкостным, почти птичьим наитьем детдомовцы всегда и заранее чувствуют надвигающуюся беду, как покалеченные люди чувствуют перемену погоды*» и им приходится защищаться*, в том числе и вербально.*

Так, конфликтное ситуативное событие – обыск в детдоме – вызывает негативную защитную реакцию его обитателей, укравших деньги из кассы городской бани.

На вопрос Репнина, директора детдома, кто взял деньги, веселым голосом Попик, *«сын артистов и сам артист немалый, произнес: Сообразил кто-то. А я рядом с грошами был и недотумкал! Фартит же людям! – Корсары, хранители тайны! – грустно съязвил Валериан Иванович. Сейчас*

здесь будет произведен обыск… Разумеется, с вашего разрешения, - опять язвительно заговорил он.

- Всё вали на нас! Вали! Вали! – с гневом и обидой завел Борька Клин-голова. Мы люди брошенные! Мы люди безродные! Жаловаться нам некому…Нигде нам ходу нет! Воры! Шпана! Такое наше званье!

- А какое званье ты бы хотел? – рыкнул на него сдерживающийся изо всех сил начальник милиции.

Как раз этого и нужно было: начался спектакль…Борька Клин-голова, поворачиваясь то задом, то передом к очумелому начальнику милиции, истерически кричал: - На, ищи! На, щупай! Милиционер обезоружено озирался и, не зная, какие принять меры, только погрозил пальцем и поспешно скрылся». Речевой конфликт оказался незавершенным.

Но и речевой конфликт нередко провоцирует конфликтное же ситуативное событие. Зину Кондакову незнакомые парни оскорбили грязными намеками. –«*Который? – сразу взъерошился Женька Шорников. – Вон тот, у него отец грузчик городского обозу. Си-и-ильный, телегу с конем подымат. – Положили мы на этого грузчика вместе с конем. Женька подошел к лобастому парню и сквозь зубы процедил: - Отойдем, потолковать надо. Парнишка пошел в папу-грузчика, мордаст был, рукаст и росл. Он смерил Женьку уничижительным взглядом и вразвалку пошагал, напевая: - Ну что ж, потолкуем, коли надо! Женька не выдержал и смазал парню по морде. Тот сгреб Женьку за рубаху, но отквитаться не успел. Сыпанула детдомовская братва со всех сторон. Затолкали парня под лестницу».*

Речевой конфликт и конфликтные ситуативные события могут составлять даже причинно-следственную цепочку. Прекрасной иллюстрацией такой зависимости является описание противостояния в столовой детдомовцев заведующей детдомом Нениле Романовне Хлобыст.

*«Рыба-омуль была причиной тому. Ребят стали кормить прокисшим омулем с картошкой (*ситуативное событие*). Поначалу картошку и омуля в «сиговом засоле» ребята ели, переделав «сиговый» в «фиговый»* (зарождение конфликта), *потом начали оставлять по полпорции, после и по всей порции…В конце концов нарисовали ребята черную метку – череп с костями – и сунули в карман заведующей. На метке красным карандашом было написано: «Омуля долой!». На этот ультиматум Ненила Романовна ответила со всей решимостью. Во время обеда она потребовала тишины. – Что дают, то и есть будете!* (Краткий речевой конфликт).

Утром снова омуля дали (Второе ситуативное событие). *В столовой накалились страсти, возбужденно ожидали события. Ненила Романовна как ни в чем не бывало произнесла: - Здравствуйте, дети! Ей никто не ответил. Она не удивилась и не обиделась. Голос её сделался ещё ласковей и мягче: - Как вам понравился завтрак? – Лови! Правое очко Ненилы Романовны залепила горячая картошка* (неслыханное ситуативное событие) – *Во, блин! Вляпал кто-то! – восхищенно прошептал Попик. – Ворошиловский стрелок!*

Ненила Романовна схватила очки и кричала:- Шпана! Вас не в советский детдом надо, вас всех в капэзэ надо…(развитие речевого конфликта).

Все затихли, ожидая ответа на коварный вопрос. Ненила Романовна ничего не понимала со злости, дуром лезла в ловушку.

- Ты, балаганный клоун, со временем обязательно узнаешь, что такое капэзэ!

- Я и сейчас знаю! – обиделся Борька Клин-голова. – капэзэ – это Красноярский пивной завод. – Га-а-а-а!» (пик речевого конфликта).

В это время с возгласом «Прекратить!» ворвался в столовую Валериан Иванович…Он не дал развернуться дальнейшим событиям и увёл Ненилу Романовну Хлобыст.

Текст содержит 2 ситуативных события, последовательно порождающих в цепи и 2 речевых конфликта.

Собственно конфликтным коммуникативным событием является эпизод совещания в гороно. Зарождение конфликта началось во время заведывания Ненилы Романовны детдомом. Ненила Романовна, став инспектором гороно, искала случая выразить своё недовольство «мэтодами» воспитания новоиспеченного заведующего детдомом Репнина и даже предложила новую кандидатуру. Речевой конфликт носит однонаправленный характер, так как Валериан Иванович занял позицию стороннего наблюдателя, понимая, что «*его участь давно решена. Валериан Иванович сидел один, на отлете, как бы заранее и добровольно определив себе месть подсудимого». Докладывала Ненила Романовна: «Неформальная обстановка в детдоме создалась из-за панибратского какого-то, извиняюсь за выражение, бабьего отношения к воспитанникам со стороны заведующего». – Он отхлестал штанами одного воспитанника по морде. Паясничал тот…– вставил Ступинский». – Разве? Я этого не знала! – удивилась Ненила Романовна. – Когда это было? – Во время обыска! – Обыск был без меня, я инспектировала школы, – пояснила Ненила Романовна. – А ребятня – кассу! – хмыкнул Ступинский* (зарождение речевого конфликта).

- Я заканчиваю, товарищи, - дрогнувшим от обиды голосом заключила Хлобыст. – Надо оздоровить обстановку в детдоме решительным образом, или там откроется резня.

- Если этим дамочкам власть да волю, – подумал Ступинский, – они устроят смех и горе»…Он попросил слова…, прямо и твердо пресёк попытку заменить Репнина человеком, только-только закончившим училище (пик конфликта).

- Пусть новенькая преподавательница посмотрит, попрактикуется, приобретет опыт и, глядишь, со временем заменит Репнина…

- Ах ты, борец за справедливость! Хитер, однако, весьма хитер! – удивился Валериан Иванович. Ишь как ловко вокруг пальца обвёл начальшу-то! Чисто сделал, что хотел, и не обидел как будто никого при этом…» (Разрешение конфликта).

Ступинский сыграл роль «третейского судьи», существенно повлияв на ход речевого конфликта. На его пике в словесной игре Ступинский меняет ход будто бы предопределенного события в пользу Репнина.

Коммуникативное событие завершилось, речевой конфликт погашен, но утверждать, что конфликт между Хлобыст и Репниным со Ступинским разрешен, нельзя, так как каждый из участников педагогического конфликта остался при своем мнении.

В итоге анализа можно сказать, что речевой конфликт в большинстве случаев связан с конфликтным ситуативным событием причинно-следственной связью. Коммуникативным событием он является в специфических ситуациях: совещаниях, беседах.

По средствам выражения, вербальным и невербальным, эти разновидности соотношений речевого конфликта с событием полностью идентичны.

Библиографический список

Будина Е.В., Третьякова В.С. Речевое поведение учителя с установкой на конфликт// Проблемы лингвистического образования школьников. – Екатеринбург, 2000.

Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В.М.Шукшина)// Юрислингвистика – 2. русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000.

Гришина Н.В. Конфликтология. – М., 1998.

Дмитриев А.В., Кудрявцев В.П., Кудрявцев С.В. Юридическая конфликтология. Ч.1. Введение в общую теорию конфликтов. – М., 1993.

Петровская А.Д. О понятийной схеме социально-психологического конфликта. – М., 1977.

Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи. – М., 2000.

Третьякова В.С. Речевой конфликт и аспекты его изучения. – М., 2000.

О.В. Саржина

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА ПРИ ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК

Сегодня, когда российское общество движется по пути построения правового государства, юридизации подвергаются все новые и новые сферы жизни, медийная в том числе. Все это приводит к необходимости выработки определенных стандартов, которые позволили бы СМИ избежать конфликтных ситуаций, решение которых регулируется установленными правовыми нормами государства. Если проблемам оскорбления чести и достоинства личности в медийном дискурсе сегодня уделяется достаточно

пристальное внимание, проблема оскорбления чести и достоинства нации в СМИ еще не получила должного освещения. Вместе с тем, сфера межнациональных отношений является одной из наиболее конфликтогенных в человеческих взаимоотношениях, как в рамках одного государства, так и на межгосударственном уровне.

Для разработки законодательных основ, регулирующих ответственность СМИ за формирование негативных национальных стереотипов и разжигание межнациональной розни, необходима надежная теоретическая лингвистическая база, основанная на фактическом материале. Исследования в данной области в основном ведутся на отрицательном материале, т.е. потенциально конфликтных оценочных дискурсах, в которых создается негативный образ другого этноса. Однако, поскольку «сами субъекты создают конфликты в общении и, следовательно, сами могут их избегать или устранять» [Муравьева, 2002, с. 16], с нашей точки зрения, для разработки теории межнационального конфликта и способов его юридического регулирования продуктивным также является учет положительного материала, т.е. уже имеющегося опыта тех СМИ, которые успешно реализуют толерантную межнациональную стратегию, позволяющую им избегать конфликтов. В настоящей статье представлен опыт реализации данной исследовательской установки при анализе материалов английских политических статей и их русскоязычных переводов, опубликованных на Интернет-сайте Британской компании БиБиСи и посвященных США.

Не секрет, что сфера современных международных отношений между Британией и Россией может быть охарактеризована как негласная оппозиция: ни одна из сторон не заявляет открыто о другой как о противнике, но четко осознает, что стороны баррикады у них чаще всего разные. В политической триаде Россия – Британия – США официальная Британия обычно делит свою сторону баррикады с США. Тем не менее, на уровне национальных стереотипов британцы продолжают свысока относиться к американцам, не обращая внимания на попытки последних обвинить их в замшелости и снобизме.

Электронный ресурс БиБиСи представлен не только на английском языке, но и других языках, русском в том числе, поэтому при освещении политических событий компании необходимо учитывать политический расклад сил, а также сложившиеся национальные стереотипы и предпочтения своей потенциальной аудитории. Сравнение политических статей о США на англоязычной и русскоязычной версиях сайта БиБиСи позволяет выделить две основные тактики, реализуемые компанией в настоящее время при русскоязычном освещении событий, связанных с США: 1) нейтрализация негативного (т.е. конфликтогенного) потенциала англоязычной статьи и 2) преувеличение ее позитивного потенциала.

Нейтрализация потенциальной конфликтогенности англоязычной статьи в русском варианте осуществляется на языковом и информативном уровнях. На уровне языка **подвергаются редукции оценочные единицы**, например, ***thorny (острый / щекотливый)*** *issue of human rights* – вопрос о правах

человека, ***hard-line communist*** *country's rulers* **(*бескомпромиссные коммунистические*** *руководители страны***)** – северокорейское руководство (Clinton urges stronger China ties / Клинтон хочет углубления отношений с Китаем. БиБиСи. 2009, 21 февр.); ***throwing (выбросить)*** *Russia out of the G8 –* ***исключить*** *Россию из состава «Большой восьмерки»* (Russians reject McCain cash plea / Штаб Маккейна по ошибке попросил денег у Москвы. – БиБиСи. 2009, 21 февр.). Однако данный прием используется крайне редко, главным образом потому, что при освещении политических событий британская компания избегает прямых языковых оценок.

Снятие конфликтогенности в русскоязычном тексте осуществляется преимущественно на информативном уровне, прежде всего, за счет **редукции информации,** которая в силу сложившихся стереотипов и политических установок может вызвать у потенциального адресата неодобрение, раздражение по отношению к США. Так, конфликтогенные для российской аудитории высказывания американских политиков опускаются. Например, при освещении визита госсекретаря США Х. Клинтон в Японию ее высказывание о роли США как создателя баланса и гармонии в мире не только входит в основную часть публикации, но и вынесено в подзаголовок английской статьи, в русскоязычном же варианте подзаголовок *«Mrs Clinton says balance and harmony infuse America's role in the world – Миссис Клинтон говорит о том, что в основе той роли, которую Америка играет в мире, лежит идея стабильности и гармонии*» заменен на нейтральный *«Свое азиатское турне госсекретарь США начала с визита в Токио»,* и какое-либо упоминание о мировой роли США полностью отсутствует (Clinton issues warning on N Korea / Хиллари Клинтон вынесла Пхеньяну предупреждение. – БиБиСи. 2009, 17 февр.).

Ср.:

Англоязычный сайт:

She began her trip to Japan with a visit to the Meiji shrine and a meeting with US embassy staff.

She took part in a ceremony at the shrine, dedicated to the father of modern Japan Emperor Meiji, ***where the priest stressed balance and harmony.***

"It's not only a good concept for religious shrines, it's a good concept for America's role in the world," − Mrs Clinton said.

She had earlier described America's relations with Asia as indispensable.

"We need to be looking to create more balance, more harmony," she said.

Перевод англоязычного текста:

Свой визит в Японию она начала с посещения храма Мэйдзи и встречи с сотрудниками американского посольства.

В храме она приняла участие в церемонии, посвященной памяти основателя современной Японии, Императора Мэйдзи, ***во время которой священник уделил особое внимание идеям стабильности и гармонии.***

«Это не только хорошая концепция святых мест, это также хорошая концепция американской роли в мире», – сказала Миссис Клинтон.

Ранее она описала взаимоотношения с Азией <…>

«Нам нужно стремиться создавать больше стабильности и гармонии», – сказала она.

Русскоязычный сайт:

Свой визит в Японию она начала с посещения храма Мэйдзи, где приняла участие в церемонии, посвященной памяти основателя современной Японии, а затем провела встречу с сотрудниками американского посольства.

Кроме этого, для снятия конфликтогенности в политических статьях БиБиСи на разных языках используется **манипулирование контекстом,** когда одна и та же информация представляется в соответствии с оценочными установками адресата.

Например, трактовка проблемы нарушений прав человека в англоязычной статье о предложении Португалии предоставить убежище некоторым заключенным американской тюрьмы на Кубе отличается от трактовки данной проблемы в русскоязычной статье (US hails Lisbon Guantanamo offer / США благодарят Лиссабон за предложение по Гуантанамо. – БиБиСи. 2008, 13 дек.). В первом случае актуализировано нарушение прав человека в Китае, а также нежелание Евросоюза помочь США решить проблему с получением узниками кубинской тюрьмы европейского гражданства для того, чтобы они смогли избежать репатриации и преследования на родине. В русскоязычной статье акцент смещен на США как нарушителя прав человека. Данная оценочная установка реализуется уже на уровне подзаголовков: нейтральный, расширяющий информацию основного заголовка статьи английской подзаголовок *«Mr Bellinger said it would be extremely difficult to resettle detainees in the US – Мистер Беллинджер сказал, что будет очень трудно разместить узников на территории США»* в русской статье заменен на имплицитно негативный по отношению к США «Тюрьма в Гуантанамо стала причиной многочисленных обвинений в нарушении прав человека». При этом эквивалент русского подзаголовка в англоязычной статье полностью отсутствует.

В дальнейшем в статье на русском языке американский акцент развивается за счет введения дополнительных оценочных суждений, отсутствующих в английском варианте. Например, о лагере – *«в котором без суда содержатся подозреваемые в причастности к терроризму и который в течение последних лет постоянно является причиной обвинений в нарушении прав человека»*. Китайский же акцент размывается за счет редукции оценочных суждений – *«Beijing has frequently cracked down on Uighur dissidents, who it accuses of seeking an independent homeland in the western Chinese province of Xinjiang – Пекин постоянно принимает жесткие меры по отношению к уйгурским диссидентам, которых он обвиняет в попытке установить независимость в западной провинции Китая»*.

В политических статьях, освещающих оппозицию «США – Россия», манипулирование контекстом реализуется при помощи изменения

субъектно-объектных отношений, когда негативные действия стереотипно приписываются оппоненту потенциальной аудитории, а также при помощи расширения контекста за счет введения информации, размывающей имплицитную конфликтную основу данной оппозиции, как, например, в статьях об ошибочном электроном письме от избирательного штаба республиканцев с просьбой о пожертвованиях на избирательную кампанию, которое было адресовано Представителю России при ООН Виталию Чуркину (Russians reject McCain cash plea) / Штаб Маккейна по ошибке попросил денег у Москвы. – БиБиСи, 2008, 22 окт.). В данном случае в английском заголовке *«Russians reject McCain cash plea – Русские отклонили просьбу Маккейна о выделении денег»* русские акцентируются как субъект действия, «виновники» произошедшего, американская же сторона – объект действия, «пострадавшие». Далее данная мысль имплицитно развивается в конце статьи, где упоминается о жестких высказываниях Маккейна в адрес России по вопросам Грузии, прав человека и членства в «Большой восьмерке». В таком контексте Россия выглядит мстительным провокатором. Смена субъектно-объектных отношений в русском заголовке *«Штаб Маккейна по ошибке попросил денег у Москвы»* позволяет изначально представить тот же факт в ином свете – ошибка наоборот была допущена американской стороной как активным действующим лицом. В тексте русской статьи, наряду с информацией о противоречиях между Россией и республиканцем Маккейном, также вводится информация о противоречиях с демократом Обамой: «Впрочем, в ходе нынешней президентской кампании в США официальной Москве доставалось и от претендента от демократов Барака Обамы, который тоже выказывал недовольство позицией российских властей по целому ряду вопросов – от блокады санкций в отношении правящего режима Зимбабве до военных действий на Кавказе». Это позволяет размыть оппозицию «Россия – Маккейн» и нивелировать имплицитное обвинение Российской стороны в мстительности.

В политических русскоязычных статьях компании БиБиСи нейтрализуется не только межнационально и политически обусловленная конфликтогенность, но и конфликтогенность, основанная на недостатке фоновой информации, которой обладает потенциальный читатель. Например, при освещении президентской предвыборной кампании в США в статьях опускается информация о передвижениях депутатов по разным штатам, о политических предпочтениях данных штатов, о предварительных выборах и т.п. Это обусловлено тем, что данная информация является для потенциального читателя нерелевантной, избыточной, и может явиться потенциальным раздражителем, поскольку он не обладает фоновыми знаниями об устройстве политической системы страны.

В русскоязычный текст политических статей на БиБиСи также может вводиться дополнительная информация, заполняющая информационные лакуны, что обусловливает адекватное понимание адресатом определенных значимых моментов. Например, для понимания того, почему демократы во время предвыборной кампании постоянно связывают республиканца

Маккейна и президента от республиканцев Джорджа Буша, добавляется следующий комментарий: *«Администрация президента США Джорджа Буша остается крайне непопулярной, и республиканцы, добивающиеся победы Маккейна, стараются от нее всячески дистанцироваться»* (US rivals in final dash for votes / Обама и Маккейн сражаются за ключевые штаты. – БиБиСи, 2008, 3 нояб.).

В последнее время наиболее распространенной тактикой, используемой в русскоязычных политических статьях БиБиСи, является вторая из отмеченных выше тактик – преувеличение позитивного потенциала англоязычной статьи. Объективно это связано со сменой главного политического лидера США – выборами в качестве президента демократа Барака Обамы. Как в англоязычных статьях, так и их русских вариантах освещение событий строится на основе оценочно окрашенной оппозиции «новое – старое». При этом «новое» ассоциируется с Бараком Обамой и оценивается положительно, а Джордж Буш, Джон Маккейн как его бывший соратник и вся республиканская партия символизируют «старое» и плохое.

Для преувеличения позитивного потенциала в русскоязычных статьях данная оппозиция обостряется за счет ее актуализации в заголовке, подзаголовке или тексте статьи, усечения или введения дополнительной информации.

Так, английские статьи о противостоянии республиканцев экономическому плану Обамы на русскоязычном сайте БиБиСи даются в полном семантическом переводе, т.е. почти слово в слово, однако некоторые изменения, не влияющие на семантическую составляющую статьи, но модифицирующие ее прагматический заряд, концентрируют внимание на оппозиции «новое – старое», представляя Обаму как «супер-героя», борющегося с «темными силами прошлого»: экономическим наследием Джорджа Буша и его сторонниками в лице республиканцев, а также их лидера Джона Маккейна.

Ярким примером такой тактики является статья «Republicans cool on economy plan – Республиканцы без восторга отнеслись к экономическому плану» и ее русскоязычный вариант: «Республиканцы осудили экономический план Обамы (БиБиСи, 2009, 26 янв.). В русской статье оппозиция «новое – старое» представлена рядом частных вариантов: «Обама – республиканцы», «Обама – Джон Маккейн», «Обама – экономический кризис как наследие из прошлого». Вариант «Обама – республиканцы» актуализируется уже на уровне заголовка за счет введения еще одного актанта – Обамы, при этом конфликт в данной оппозиции усилен за счет глагола «осудили» вместо английского «cool – отнестись без восторга, недружелюбно». Конфликт оппозиции «Обама – Джон Маккейн» усилен в тексте статьи за счет прямого указания на данную оппозицию, ср.: *Senator John McCain – Сенатор Джон Маккейн* / ***Бывший соперник Обамы по президентской гонке*** *сенатор Джон Маккейн*. Кроме этого, оппозиция «старое – новое» в русской статье расширена за счет частного варианта «Обама – экономический кризис как наследие прошлого», отсутствующего в

англоязычной статье. Расширение осуществляется при помощи введения дополнительной информации: *«Глобальный кризис начался именно с США, банковская система которой понесла рекордные убытки на рынке ипотечных займов для людей с низкой платежеспособностью. Хаос в финансовой сфере перекинулся на другие сферы экономики, в том числе важнейшую для страны автомобильную промышленность».*

В политических статьях о США оппозиция «новое – старое» также представлена вариантом «Обама – Буш», например, в статьях о снятии в США запрета на исследование стволовых клеток (Obama is to reverse stem cell ban / Обама снимет запрет на изучение стволовых клеток. – БиБиСи, 2009, 9 март.). В русской статье данное противопоставление усиливается за счет усечения информации о том, что частичный запрет был введен еще до президента Буша, что позволило бы частично «обелить» Джорджа Буша: «The practice of creating embryos is routine in private clinics, but the ban put constraints on federal researchers even before the restrictions imposed by former President Bush, forcing them to use embryos left over from fertility treatments. – Создание эмбрионов является обычной практикой в частных клиниках, однако запрет повлиял на государственных исследователей еще до того, как Президентом Бушем были введены ограничения, и вынудил их использовать остатки от фертильного лечения».

Итак, анализ Интернет-статей о политических событиях на английском и русском языках показывает, что учет культурологических особенностей и политических стереотипов адресата позволяет компании придерживаться толерантной стратегии в сфере межнациональной коммуникации. Данная стратегия реализуется при помощи тактик нейтрализации негативного потенциала англоязычной статьи и преувеличения ее позитивного потенциала. Не случайно, одна из ценностных установок компании звучит следующим образом: «Audiences are at the heart of everything we do – Наша аудитория – в основе всего, что мы делаем».

Однако данные тактики используются весьма завуалировано. Доминантой коммуникативного поведения компании, прежде всего, является референт, а основной коммуникативной целью – собственно информирование. Все это обусловливает то, что за более чем 80 лет своего существования компания БиБиСи зарекомендовала себя как заслуживающий доверия источник информации.

Библиографический список

Муравьева Н.В. Язык конфликта. – М., 2002.

В.С. Третьякова

КОНФЛИКТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ

Невозможно описать гармоничное общение без выявления таких его качеств и свойств, которые вносят дисгармонию в речевые действия коммуникантов, разрушают понимание, вызывают негативные эмоциональные и психологические состояния партнеров коммуникации. В поле внимания исследователей в этом случае включаются такие явления, как коммуникативный сбой (Е.В. Падучева), коммуникативный провал (Т.В. Шмелева), коммуникативная неудача (Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова, Е.А. Земская, О.П. Ермакова), коммуникативная помеха (Т.А. Ладыженская), языковой конфликт (С.Г. Ильенко), речевой конфликт и др. Эти явления маркируют отрицательное поле коммуникативного взаимодействия. Для обозначения различного рода сбоев и недоразумений в ходе речевого общения чаще всего в специальных исследованиях используется термин **«коммуникативная неудача»**, под которым понимается полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего [Городецкий, Кобозева, Сабурова, 1985, с. 64–66]. К коммуникативной неудаче, согласно концепции Е.А. Земской и О.П. Ермаковой, относится также и «возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [Ермакова, Земская, 1993, с. 31], в котором, по мнению авторов, и выражается взаимное непонимание партнеров коммуникации.

Не всякая коммуникативная неудача вырастает в коммуникативный конфликт. Коммуникативные неудачи, сбои, недоразумения могут быть нейтрализованы в процессе коммуникации с помощью дополнительных речевых шагов: переспросов, уточнений, пояснений, наводящих вопросов, переформулирования, – в результате чего может быть осуществлено коммуникативное намерение говорящего. Конфликт подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе коммуникации по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения. Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими – негативными – средствами языка и речи. Такие речевые действия говорящего – субъекта речи, адресанта – определяют речевое поведение другой стороны – адресата: он, осознавая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые действия против своего собеседника, выражая отношение к предмету речи или собеседнику. Эта противонаправленная интеракция и есть ***речевой конфликт***.

Конфликт как реальность жизни является объектом исследования многих наук. Для лингвиста важнейшей задачей является установление отрицательного денотативного пространства речевого общения и факторов, обусловливающих зарождение, развитие и разрешение речевого конфликта. Решение такой задачи возможно при выявлении средств и способов, используемых коммуникантами для обеспечения или разрушения гармоничного общения.

Актуальность предлагаемой к обсуждению проблемы определяется необходимостью разработки теоретических основ и практических методик исследования данных типов коммуникативного поведения. В центре внимания лингвистов оказывается «человек говорящий», который погружен в широкий социокультурный контекст и речевая деятельность которого кумулирует в себе определенные состояния этого контекста.

Изменение в парадигме языкознания закономерно выводит лингвистические исследования на ширококонтекстное изучение общих закономерностей функционирования диалогических текстов, жанров повседневной речевой коммуникации, обращение к тексту как воплощению интенций адресанта и адресата, на выявление факторов, обусловливающих конфликтный или гармоничный тип речевого взаимодействия. В свою очередь, это позволяет выявить предпочтения коммуникантов в межличностном общении, мотивы выбора средств и способов достижения интенций говорящих, принятые в данном социуме нормы поведения, пути достижения эстетического эффекта взаимодействия и в связи с этим определить причины возникновения коммуникативных неудач и речевых конфликтов, а также определить пути гармонизации потенциально и реально конфликтного общения.

Как указывалось ранее, речевой конфликт – это состояние противоборства участников конфликта, в результате которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами. Поскольку экспликация существующих между двумя сторонами противоречий происходит чаще всего на вербальном и речедеятельностном уровнях, то актуальным становится изучение речевого поведения участников данного типа взаимодействия с точки зрения средств и способов выражения данных противоречий. Однако материальное выражение конфликтных отношений субъектов речи в акте коммуникации в виде конкретных языковых и речевых структур является отражением определенного их докоммуникативного состояния (интересов, позиций, взглядов, ценностей, установок, целей и т.п.). Вместе с тем предполагается, что речевой конфликт закреплен за типовыми сценариями речевой коммуникации, существование которых обусловлено социальным опытом и правилами речевого поведения, установленными в данном лингвокультурном сообществе.

В сознании носителя языка речевой конфликт существует как некая типовая структура – фрейм. **Фрейм «конфликт»** представляет особую стереотипную ситуацию и включает в себя обязательные компоненты

отражающего объекта (верхний уровень фрейма «конфликт»): участники конфликтной ситуации, чьи интересы находятся в противоречии; столкновение (целей, взглядов, позиций, точек зрения), выявляющее их противоречие или несоответствие – речевые действия одного из участников конфликтной ситуации, направленные на изменение поведения или состояния собеседника и сопротивление речевым действиям другого участника посредством собственных речевых действий; ущерб (последствия), который наносится речевыми действиями участника и который испытывает другой в результате указанных речевых действий. Необязательные компоненты фрейма «конфликт» (нижний уровень) могут быть представлены следующими слотами: временная протяженность, отражающая нарушения временной последовательности, характерной для стандартного описания ситуации; пространственная протяженность, связанная с нарушением пространственного представления о речевой ситуации и вносящая обман в коммуникативные ожидания одного из участников ситуации общения; третье лицо, которое может не быть непосредственным участником конфликта, но быть его виновником, пособником, подстрекателем или «третейским судьей» и существенно влиять на исход коммуникативной ситуации. Фрейм «конфликт» закрепляет стандартные способы действий, регулируя речевое поведение его участников через структуру знаний о данном фрейме.

Конфликт как протекающее во времени коммуникативное событие может быть представлено в динамике. Единицами для такого представления являются, во-первых, **сценарий**, отражающий развитие в рамках стереотипной ситуации «основных сюжетов» взаимодействия, и, во-вторых, **речевой жанр** с прописанными лингвистическими структурами. Сценарная технология дает возможность проследить стадии развития конфликта: его зарождение, созревание, пик, спад и разрешение. Анализ конфликтного речевого жанра показывает, какие языковые средства выбрали конфликтующие стороны в зависимости от своих интенций, замыслов, намерений и целей. Сценарий закрепляет стандартный набор способов действий и их последовательность в развитии коммуникативного события, а речевой жанр строится по известным тематическим, композиционным и стилистическим канонам, закрепленным в лингвокультуре. Знание сценариев конфликтного типа взаимодействия и соответствующих речевых жанров обеспечивает предсказуемость речевого поведения в ситуациях общения и имеет объяснительную силу для распознавания конфликта, а также прогноза и моделирования коммуникантами как самой ситуации, так и своего поведения в ней. Поскольку фрейм, сценарий и речевой жанр закрепляют стереотипный набор обязательных компонентов, способов действий и их последовательность, то это дает возможность выявить структуру коммуникативных ожиданий участников речевого события, избежать неожиданностей, непредсказуемости в общении, а это, в свою очередь, исключает возможность конфликтного развития взаимодействия.

Однако, несмотря на стереотипность и предсказуемость развития коммуникативного события, заданные сценарием в рамках того или иного

речевого жанра, конкретные речевые действия говорящего не оказываются однотипными. Носитель языка – языковая личность – обладает собственным репертуаром средств и способов достижения коммуникативных целей, применение которых ограничено рамками заданного жанра, но свобода выбора у говорящего, тем не менее, существует. В связи с этим развитие коммуникативно обусловленных сценариев (даже в рамках заданного жанра) разнообразно: от гармоничного, кооперативного до дисгармоничного, конфликтного. Выбор того или иного варианта сценария зависит от типа личности участников конфликта, их коммуникативного опыта, коммуникативной компетентности, коммуникативных установок, коммуникативных предпочтений.

Обмен речевыми действиями участников общения имеет свое название в коммуникативной лингвистике – коммуникативный акт. Он имеет свою структуру и содержание. В **конфликтном коммуникативном акте** (ККА) структура и содержание речевых действий определяется рядом несоответствий и противоречий, которые имеются между участниками. В докоммуникативной фазе ККА – назревание конфликта – происходит осознание его участниками имеющихся противоречий между их интересами (взглядами, мотивами, установками, целями, кодексом взаимоотношений, знаниями), оба субъекта начинают ощущать конфликтность ситуации и готовы предпринять речевые действия друг против друга. В коммуникативной фазе – созревание, пик и спад конфликта – происходит реализация всех докоммуникативных состояний субъектов: обе стороны начинают действовать в своих интересах в ущерб другой стороне путем применения конфликтных языковых (лексических, грамматических) и речевых (конфронтационных речевых тактик, соответствующей невербалики) средств. Посткоммуникативная фаза – разрешение конфликта – характеризуется последствиями, вытекающими из предыдущих стадий: нежелательные или неожиданные речевые реакции или эмоциональные состояния конфликтующих сторон, качество которых характеризуется степенью «вредоносности» применяемых конфликтных средств участниками ККА.

В основе речевого поведения участников конфликта лежат речевые стратегии. Типология стратегий может быть построена на разных основаниях. Мы предлагаем типологию, в основе которой лежит тип диалогического взаимодействия по результату (исходу, последствиям) коммуникативного акта – гармония или конфликт. Если собеседники осуществили свои коммуникативные намерения и при этом сохранили «баланс отношений», – значит, общение строилось на основе **стратегий кооперации**. Взаимодействие партнеров коммуникации в этом случае представляет собой нарастающее подтверждение взаимных ролевых ожиданий, быстрое формирование у них общей картины ситуации и возникновение эмпатической связи друг с другом. Напротив, если коммуникативная цель не достигается, а общение не способствует проявлению положительных личностных качеств субъектов речи, то акт

коммуникации регулируется **стратегиями конфронтации**. При осуществлении такого варианта взаимодействия происходит одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий, расхождение партнеров в понимании или оценке ситуации и возникновение антипатии друг к другу. К стратегиям кооперации относятся стратегии вежливости, искренности и доверия, близости, сотрудничества, компромисса и др. Они способствуют эффективному поведению участников коммуникации и полноценной организации речевого взаимодействия. К конфронтационным стратегиям относятся инвективная стратегия, агрессии, насилия, дискредитации, подчинения, принуждения, разоблачения и др., реализация которых, в свою очередь, вносит дискомфорт в ситуацию общения и создает речевые конфликты.

Стратегический замысел участника конфликтного взаимодействия определяет выбор тактических приемов для его реализации – речевых тактик. Между речевыми стратегиями и речевыми тактиками существует жесткая соотнесенность. Для реализации кооперативных стратегий используются соответственно **тактики кооперации**: предложения, согласия, уступки, одобрения, похвалы, комплимента и др. Стратегии конфронтации связаны с **конфронтационными тактиками**: угрозы, запугивания, упрека, обвинения, издевки, колкости, оскорбления, провокации и др.

Существуют **двузначные тактики**, которые могут быть как кооперативными, так и конфликтными в зависимости от того, в рамках какой стратегии используется данная тактика. К таким тактикам относится, например, тактика лжи. Она выполняет кооперативную функцию при реализации стратегии вежливости, цель которой «не навредить» партнеру, «поднять» своего собеседника. В то же время данная тактика может быть конфликтным средством при использовании ее в рамках стратегий конфронтации, например стратегии дискредитации. К двузначным тактикам относятся также тактики иронии, лести, подкупа и др.

Речевая стратегия связана с планированием речевого поведения. Большую роль в этом процессе играют личностные качества субъектов речи. **Личностные структуры** не изолированы от более широкого социокультурного контекста, они тесно взаимодействуют. Поэтому коммуникативный акт определяется тем, насколько участники взаимодействия соотносят его с социальными характеристиками ситуации в целом. Исследование закономерностей человеческого общения предполагает включение каждого конкретного высказывания, фрагмента текста в более широкий контекст, в более глобальную систему, которую мы называем национально-культурным контекст. Говоря о национально-культурном контексте, мы имеем в виду **русское национально-культурное пространство**.

С одной стороны, национально-культурное пространство, выступая в сознании человека формой существования национальной культуры, является регулятивом, определяющим восприятие действительности, частью которой является человеческое общение. С другой стороны, каждый человек –

представитель национально-культурного сообщества – имеет собственное пространство, которое он заполняет значимыми для него сущностями. Среди этих сущностей есть такие, которые являются достоянием практически всех членов национально-культурного сообщества, а есть специфичные, значимые только для данного индивида. Таким образом, существует индивидуальное национально-культурное пространство и общечеловеческое. Какую функцию они выполняют в регулировании общения? Всякое общество вырабатывает свою систему социальных кодов в той или иной ситуации общения. Этот набор типовых программ речевого поведения регламентируется нормами, конвенциями и правилами, выработанными в русской лингвокультуре. Общество заинтересовано в соблюдении и сохранении стандартов и образцов. Однако социально одобренные программы поведения никогда не покрывают всей сферы поведения человека в обществе. И тогда мы говорим об индивидуальных особенностях речевого поведения, его разнообразии и вариативности. Эта область речевого поведения обычно становится предметом исследования лингвиста, когда он пытается ответить на вопросы: «Какие значимые закономерности речевого общения были нарушены?», «Есть ли противоречия между установленными обществом нормами и индивидуальными реализациями общения?». Таким образом, исследуется **модель поведения индивида**, включенная в широкую социальную и национально-культурную парадигму.

Модели речевого поведения могут существовать на различных уровнях обобщения. Это индивидуальные (личные) модели. Они могут стать значимыми для других людей, оказавшихся в незнакомой коммуникативной ситуации, поскольку «могут быть оторваны от контекста конкретной ситуации и стать более абстрактными, т.е. превратиться в социально значимые сценарии стереотипного знания» [Дейк ван, 1989, с. 276]. Каждый человек участвует в коммуникативных событиях и создании текстов, а значит, и различных моделей речевого поведения, ориентируясь на значимые для него и данного социума идеалы, ценности, нормы поведения. Каждая из моделей несет информацию для пользователей языка, осуществляющих оценку и выбор этих моделей. Задача же общества (в лице отдельных его представителей – субъектов коммуникации, чье влияние на формирование образцовых моделей значимо) заключается в том, чтобы предложить конкретным индивидам такие модели, которые необходимо включить в систему их речевой деятельности, в их «базу данных». Данные модели могли бы быть обогащены «посредством индивидуальных вкладов» [Леонтьев, 1979, с. 135] и впоследствии послужить образцами для практического осуществления речевого поведения. Это должны быть позитивные модели, отражающие способы цивилизованного поведения в различных ситуациях, особенно опасных, угрожающих гармоничным отношениям между участниками коммуникации. Знание вариантов речевого поведения проявляется прежде всего в осознании альтернативных речевых действий, оно необходимо для осуществления практического выбора адекватного варианта и способствует выработке навыков эффективного их использования

в каждый специфический момент общения. Отсутствие таких знаний неизбежно приведет к неуместности и нецелесообразности тех или иных речевых действий, к неумению согласовывать свои практические речевые действия с действиями партнера, адаптироваться к ситуации общения.

Существует несколько типов диалогического взаимодействия в конфликте. Одним из типов такого взаимодействия является **обоюдный конфликт**, когда коммуникант ведет себя агрессивно, нападает на другого, и тот отвечает ему тем же. Второй тип диалогического взаимодействия – это **однонаправленный конфликт**, когда один из коммуникантов, на которого направлены конфликтные действия, устраняется от конфликтного воздействия, не предпринимая никаких ответных шагов. Третий тип диалогического взаимодействия в конфликте – **гармонизирующий**. Он характеризуется тем, что один из участников ККА невыдержан, агрессивно активен в противодействии, а другой доброжелателен и не менее активен в стремлении снять напряжение, погасить конфликт.

В зависимости от типа конфликтной ситуации используются различные модели гармонизирующего речевого поведения: модель предупреждения конфликта, модель нейтрализации конфликта и модель гармонизации конфликта. Эти модели имеют различную степень клишированности в силу множественности параметров и компонентов ККА, отражающих объективную сложность планирования речевого поведения в нем. В большей степени моделированию подлежит речевое поведение в **потенциально конфликтных ситуациях**. Данный тип ситуаций содержит провоцирующие конфликт факторы, которые не обнаруживаются явно: нет нарушений культурно-коммуникативного сценария, нет маркеров, сигнализирующих об эмоциогенности ситуации, а лишь известные собеседникам импликатуры свидетельствуют о наличии или угрозе возникновения напряженности. Владеть ситуацией, не давая ей переходить в зону конфликта, – значит знать эти факторы, знать способы и средства их нейтрализации и уметь их применять. Данная модель была выявлена на основе анализа побудительных речевых жанров просьбы, замечания, вопроса, а также оценочных ситуаций, потенциально угрожающих партнеру по коммуникации. Она может быть представлена в виде когнитивных и семантических клише: собственно побуждение (просьба, замечание и т.п.) + причина побуждения + обоснование важности побуждения + этикетные формулы. Семантическая модель: *Пожалуйста, сделай (не делай) это, потому что*…. Мы назвали ее **моделью предупреждения конфликта.**

Второй тип ситуаций – **ситуации конфликтного риска** – характеризуются тем, что в них налицо отклонение от общекультурного сценарного развития ситуации. Это отклонение сигнализирует об опасности приближающегося конфликта. Обычно ситуации риска возникают в случае, если в потенциально конфликтных ситуациях партнер по коммуникации не использовал в общении модели предупреждения конфликта. Следовательно, в ситуации риска, по крайней мере, один из коммуникантов должен осознать опасность возможного конфликта и найти способ адаптации. Модель

речевого поведения в ситуациях риска назовем **моделью нейтрализации конфликта.** Данная модель включает целую серию последовательных мыслительных и коммуникативных действий и не может быть представлена единой формулой, поскольку ситуации риска требуют дополнительных усилий по сравнению с потенциально конфликтными ситуациями и более разнообразных речевых действий от коммуниканта, стремящегося гармонизировать общение. Его поведение – это ответ на действия конфликтующей стороны, и то, ***как*** он будет реагировать, зависит от способов и средств, которые применяет конфликтующий. А поскольку действия конфликтанта могут быть трудно предсказуемыми и разнообразными, то и поведение второй стороны, гармонизирующей общение, более вариативно и более творческое. Тем не менее, типизация речевого поведения в ситуациях этого типа возможна на уровне выявления типовых, гармонизирующих общение речевых тактик: тактики говорящий знает, а их комбинации составляет сам. Такое речевое поведение можно сравнить с шахматной игрой, когда игрок, зная, как ходят шахматные фигуры, комбинирует игру, делая ход за ходом в зависимости от того, как складывается ситуация на шахматном поле. Поведение коммуникантов в ситуациях данного типа требует от них владения богатым репертуаром конструктивных тактик и умения творчески их использовать. Это высший уровень коммуникативной компетентности человека говорящего

Третий тип ситуаций – **собственно конфликтные**, в которых эксплицируются различия в позициях, ценностях, правилах поведения и т.п., образующие потенциал противостояния. Конфликт определяется неречевыми структурами, в связи с чем трудно ограничиться рекомендациями только речевого плана. Необходимо учитывать коммуникативный контекст ситуации. Как показал анализ различных конфликтных ситуаций, люди, столкнувшись со стремлениями и целями других людей, которые оказались несовместимыми с их собственными стремлениями и целями, могут воспользоваться одной из трех моделей поведения. Первая модель – **«Подыгрывание партнеру»**, цель которой – не обострять отношения с партнером, не выносить имеющиеся разногласия или противоречия на открытое обсуждение, не выяснять отношения. Уступчивость и сосредоточенность на себе и на собеседнике – главные качества говорящего, необходимые для общения по данной модели. Применяются тактики согласия, уступки, одобрения, похвалы, обещаний и т.п. Вторая модель – **«Игнорирование проблемы»**, суть которой заключается в том, что говорящий, неудовлетворенный ходом развития общения, «конструирует» ситуацию, более благоприятную для себя и своего партнера. Речевое поведение коммуниканта, выбравшего данную модель, характеризует применение тактик умолчания (молчаливое разрешение партнеру самостоятельно принять решение), ухода от темы или смены сценария. Использование данной модели наиболее целесообразно в ситуации открытого конфликта. Третья модель одна из самых конструктивных в конфликте – **«Интересы дела прежде всего»**. Она предполагает выработку

взаимоприемлемого решения, предусматривает понимание и компромисс. Стратегии компромисса и сотрудничества – основные в поведении участника коммуникации, использующего эту модель, – реализуются с помощью кооперативных тактик переговоров, уступок, советов, согласий, предположений, убеждений, просьб и т. п.

Модели речевого поведения абстрагированы от конкретных ситуаций и личного опыта и за счет «деконтекстуализации» позволяют охватить широкий спектр однотипных ситуаций общения, имеющих ряд первостепенных параметров (все учесть невозможно). Любая модель является более простым конструктом по сравнению с отражаемым объектом. Это в полной мере касается спонтанной речевой коммуникации. Вместе с тем предложенные нами модели речевого поведения фиксируют такой тип обобщения, который позволяет, на наш взгляд, использовать их в практике речевого поведения, а также в методике обучения бесконфликтному общению.

Вот так мы себе представляем основные лингвистические категории такого многогранного и сложного феномена, как конфликт.

Библиографический список

Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск, 1985.

Дейк Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.

Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.

Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. – М., 1979.

М.Г. Чабаненко

КОНФЛИКТНЫЙ ДИСКУРС УЧАСТНИКА МОЛОДЁЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Наиболее яркой чертой современной лингвистики является ориентация на антропоцентрическую составляющую речевой деятельности. Деятельностный подход к языку предопределяет интерес учёных к внутреннему состоянию говорящего, репрезентируемому через внешнее проявление языка. Для современных дискурсивных исследований характерно обращение к «ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или других условиях»

[Арутюнова, 1990, с. 137]. При этом роль интенции при развёртывании дискурса признаётся ведущей.

Изучение языка как деятельности приводит и к новому пониманию текста. Рассматривая текст как процесс, учёные отмечают, что на современном этапе осуществляется переход к коммуникативной модели текста, учитывающей обстоятельства общения и характеристики коммуникантов.

В статье анализируется индивидуальный дискурс одного из участников молодёжного общения, представленного в газете «Бродвей с тобой» − приложении областной газеты «С тобой». Важнейшим компонентом коммуникативного пространства «Бродвея» является дискурсивная личность, присваивающая себе имя (никнейм). Как правило, избранные никнеймы функционируют только в дискурсе «Бродвея», где действует принцип сохранения «тайны» его носителя. Случаи раскрытия полного подлинного имени в дискурсе «Бродвея» не отмечены, хотя большинство его участников в реальной жизни знают друг друга. Строгое употребление бродвейского имени является одним из устойчивых правил исследуемого дискурса.

Избранный языковой личностью никнейм Гот Морган (Морган) выполняет выраженную характеризующе-идентифицирующую функцию, раскрывая мировоззренческие установки, круг интересов, психологический настрой его носителя. Первая часть никнейма указывает на принадлежность автора к типу молодежной субкультуры, вторая, вызывая ассоциации со смертью, постулирует жизненные ценности, проповедуемые готической субкультурой и языковой личностью. Никнейм построен по модели нетипичного, непривычного для русского языкового сознания имени, отличается широкой вариативностью: *Морган-Ариец; Сатанист Морган (Hide); Dark Morgan; Gotic Morgan; Готический парень Морган; «Пропавший без вести» Морган; Морган (не человек); Страшный Морган; Готический Морган; Вампир Морган; Мрачный МОРГан; Страшный МОРГан* и др.

Конфликтный дискурс Гота Моргана, основываясь на классификации К.Ф. Седова, можно квалифицировать как конфликтно-агрессивный. Конфликтный агрессор «явно демонстрирует в отношении коммуникативного партнера негативную иллокуцию (прямую агрессию), которая вызвана стремлением видеть в его поведении враждебную или конкурирующую интенцию. В повседневном общении личностей такого типа конфликтность проявляется прежде всего в выборе тактик: инвектива, угроза, злопожелание, табуированный посыл, проклятье и т.п.» [Седов, 2006, с. 157]. Спецификой коммуникативного поведения Гота Моргана является проявление агрессии не относительно конкретной личности партнера по коммуникации, а относительно некой аморфной обобщенной личности, типичному идеологическому противнику. Коммуникативный сценарий конфликтного дискурса Гота Моргана может быть определен, по терминологии Н.Д. Голева, как идейный конфликт, провоцируемый инвектором, когда люди «сталкиваются не столько как разные психологические типы, сколько как носители определенных идей,

жизненных ценностей» [Голев, 2004, с. 358]. При этом в позиции Моргана практически отсутствует аргументация неприятия образа жизни своих противников. Его конфликтное речевое поведение воплощается в тактиках прямого выражения инвективы и формулирования лозунга-призыва.

В отношении к самому себе (позиция «Я») выявляется поверхностный и глубинный уровни, каждый из которых обнаруживает явно выраженную отрицательную доминанту. Самохарактеристика Гота Моргана, с одной стороны, соответствует его представлениям о типичном (подобающем) образе носителя готической культуры. Провозгласив лозунг *«Готика – это моя жизнь»,* Морган подчеркивает свою индивидуальность, интеллект, высокий уровень образования, что, с его точки зрения, дает ему право судить о поступках других людей исходя из собственных представлений о должном. С другой стороны, самопрезентация Моргана в значительной степени отражает восприятие его бродвейцами. Собственный образ Морган рисует в самых мрачных красках, повторяя и тиражируя обращенные к нему отрицательные номинации бродвейцев: *подонок, даун, изгой, мразь, урод, сволочь.* Он сознательно подчеркивает свою жестокость, мрачность, депрессию, стремление уйти от несовершенного мира. Свой «внутренний мир» Морган представляет как арену борьбы двух начал – темных и светлых сил, − обращаясь при этом к известным художественным образам.

А народ мне благодарен теперь за то, что я их в готическую тусовку позвал… Гот Морган. P.S. А когда они расходятся, я остаюсь один на один со своей безысходностью и отчаянностью. Мой странный внешний вид – всего лишь маска, за которой прячется «взрослый мальчик», вечно юный и вечно древний, хлебнувший страданий на десять жизней. Да, я такой…P.P.S. Я – доктор Генри Джекил и мистер Эдвард Хайд одновременно. Я очень разный. Джекил, зацикленный на своих страданиях (каким его сделали хумансы), - тихий, сумасшедший с незаживающими душевными ранами. Неисправимый романтик, страдающий от осознания неидеальности этого мира, готовый верить всему, открывающий душу для всех, плюющих в неё, и отчаянно ищущий друга… Gothic Morgan (Hide). А Хайд – полная противоположность мне как Джекилу. Хайд злой как чёрт, обожает лицезреть страдания и ненавидеть хумансов. Получает от своих душевных ран удовольствие. В отличие от Джекила. И когда его (меня) ненавидят, тоже. Так что старайтесь, ребята… Хайд ненавидит романтические сопли (ему вообще надо кого-нибудь ненавидеть. Рэп, хумансов, цивилов, Земфиру…), злобный выродок, несущий негатив в мир, не верящий никому, даже самому себе, ненавидящий всех, даже самого себя и Джекила, циник, плюющий в душу…Джекил прыгает с крыши сам, Хайд сталкивает с неё других. Джекил подавлен Хайдом как более сильной и жёсткой личностью. На самом деле Джекил во мне просто прячется за Хайда, боясь этого ужасного мира…Dark Morgan.

Мотив раздвоения личности используется Морганом для демонстрации противоречивой сущности своего характера. «Примеривая» на себя образ героя повести Роберта Луиса Стивенсона «Странная история доктора

Джекила и мистера Хайда», Гот Морган пытается понять причины своих душевных страданий и видит их в несовершенстве мира.

На глубинном уровне выявляется трагическое одиночество личности, его отчаянное стремление отыскать родственную душу, быть понятым и принятым кем-либо. *На кладбище я очень часто бываю, когда тепло. У меня измученные, грустные глаза, но я не люблю показывать это. Я устал от этого гадкого мира. Да на меня всегда оглядывались. Но я хочу, чтобы смотрели глубже. В сердце. С незаживающими ранами. Чёрный Морган.*

Предметом бытового дискурса Гота Моргана являются различного рода личные взаимоотношения. В оппозиции «Я» – «ВЫ» полюс «ВЫ» занимают бродвейцы. Эти взаимоотношения антагонистичны. Морган – изгой на «Бродвее», объект постоянных нападок и издевательств, при этом критике подвергается не проповедуемая им готическая идеология, а сама личность. Показательно одно из посланий, в котором Морган излагает обращения к нему бродвейцев и дает ответы на них. *Переходим к объявам, посвящённым мне, главному тутошнему уроду.*

В оппозиции «Я – ВЫ» Гот Морган – жертва, занимающая позицию обороны. Дискурс Моргана содержит различные тактики защиты:

а) ответная агрессия *Фримэн: «Я, конечно, понимаю, что тебе хочется казаться чуточку умнее (с такой-то внешностью). Но тебе никогда не сравниться с моей Стау». Да не дай Махал! Покуда у меня мозгов нет, я и в мыслях не захочу сравниться с твоей б. Заметь, я не скрываю, что у меня отвратительная внешность и нет мозгов, в отличие от некоторых. Вроде тебя… Тварь Морган;*

б) демонстрация неправоты противника и оправдание:

Айолли: «Не изображай из себя королеву!» Что-то не помню, когда изображал. Я знаю, что я тварь и мразь. В отличие от компашки Стау, я никогда за собой мании величия не замечал.

Призрак: «Ты пришла на «Б», засрав его, научись сама отвечать за свои наезды». А западло указать конкретные факты, когда я не отвечал за свой базар? В отличие от тебя, трусиха, я никогда не прячусь. Если я на кого наехал, я спокойно прихожу туда, где меня могут избить за это. Я никогда ни от кого не прятался. И не пропустил ни одной стрелки, в отличие от тебя. И кто из нас не отвечает за базар? Так что всем, кто считает меня уродом, предлагается сходить в музей восковых фигур. Посмотрите на красавцев со свиным рылом, двумя лицами, тремя глазами или чем похуже и поймёте, что я ещё далеко не самый страшный и не самый уродливый. А что? Лицо у меня одно, глаз двое и они на месте, нос нормальный, рожа не перекошена, даже губы в порядке, руки-ноги на месте, горба нет или чего подобного. Какие у меня отклонения от нормы, что вы, Айолли, Сумрак и т.д., меня уродом-то все зовёте? Нет, конечно, я нормальной внешностью обделён, ничего не скажу. Из-за этого рядом со мной никогда не будет любящей девушки… Но я хотя бы на улицу могу выйти, в отличие от тех, из музея! И потом, не всем же быть фотомоделями, как Морвен. Если урод, то ненавидеть надо? Гот Морган;

в) демонстрация собственной неуязвимости:

Айолли: «Костёр готов! Поджарим Хипу!?» Так и не дождался, когда поджарит. Сумрак: «Наконец-то «Б» свободен от хипы!» Не дождёшься, параша. Сумрак: «Куча дерьма о семи пучках! Какого ты, тварь, лезешь к нормальным людям в универе, в клубе? Или жить надоело. Смотри у меня, тварь! Сдохнешь ведь?!» Как ни странно, дерьмо сумрачное, я ещё не сдох. Тебе меня напугать – кишка тонка. Так я жду ответа на твой базар. Хорошо петь алябьева, ты докажи, что я сдохну! Ты прежде сдохнешь!! Бьорн: «Давай убьём Кучу-Хипу-Моргану!» Ну как, убили?;

г) увещевание: *А ещё я тут понял, что Пилот – классный чувак. Представитель того, почти вымершего вида «б»-цев (занесённого в Красную книгу), который не плюёт в меня, не кричит «урод, урод» и т.д. Да, я ему ничего не сделал. Так, а вам я что сделал? Но вы меня ненавидите. Ну и наплевать. Чёрный Морган. P.S. «Undead…» Зачем? Мне не для кого жить. А может быть, и правда – незачем. Морган в чёрном плаще. Надо один раз не превращать БФТ в « Разборки и наезды». Smoken, давай хоть на день забудем наши разногласия. МОЖЕШЬ ХОТЬ РАЗ НЕ СРАВНИВАТЬ МЕНЯ С ЖЕНЩИНОЙ?! Лично я не буду никаго задевать, даже если Призрак придёт! В прошлый раз ты испортил, когда назвал меня « девушкой». Морган-парень. Фримэн Стау: «Ты дотыкалась, мразь. Ты заслуживаешь самой мучительной смерти. Сдохни, гнида! Таких давить надо. Я уничтожу тебя, тварь. Сдохни». Будь это лет пять назад, я стал бы кричать: «Что я тебе сделал?!» А правда, что? Вроде как не за что меня убивать медленной и мучительной смертью! «Б», за что меня убивать? Все «б»-цы хором: «Потому что ты урод!» Ну тогда подождите на БФТ. Я теперь не буду маскироваться под нормального, увидите, что урод, убьёте меня? Мне незачем жить, я хочу умереть!!!;*

д) недоумение:

Rotter: «Я тебя уважаю!» Не понял! Вот это у меня галюники в глазах! На минуту показалось, что кто-то меня уважает. Но таких сумасшедших здесь нет, чтобы вдруг начать меня уважать за что-то. Ведь не за что же!? Бяка: «Морган, вернись немедленно, с тобой весело». Стоп, что-то я не понял. Кто-то хотел моего возвращения на «Б»?! Ни хрена тебе, у народа галюники! А уж весело – это не со мной. Да я вообще поражён, что кто-то хотел моего возвращения. Видимо, это шутка;

е) самоуничижение:

Кошка: «Ты не можешь быть лишним в мире». Ошибаешься. Есть отбросы общества, которым лучше бы не рождаться на свет. И я из их числа… Морган. Кошка: «Нельзя ли уже перестать опускать этого человека ниже половой рейки. Морган – это всего лишь маска. Вы знаете, что за человек скрывается за ней. Но вы не пытаетесь заглянуть в душу этого человека, найти в ней что-то светлое и хорошее». Светлое и хорошее – это не ко мне. Я же дерьмо. А в моём сердце только боль и смерть. И ненависть. А за маской скрывается ублюдок. Вот. Шизанутый Морган;

ж) согласие:

Frell: «Ты что, обнаглела совсем?» Верно мыслишь, пёс. Я обнаглел реально. А тебе что-то не нравится. Freeman: «Она же тварь!» И не отрицаю это. Я тварь, ты прав;

з) упрек:

Вспоминаю, была такая девушка на «Б» по имени Никто. Которая писала о том, как ей больно. Естественно, ни одна цивильная мразь на «Б» на её объявы внимания не обратила. Хотя она не я, я-то подонок и не человек, ей-то помочь можно было. Только хрен тут от кого помощи дождёшься. Перед вами тут самоубийство соверши – вы и то не отреагирует! Вам наплевать на чужую боль. Про себя не говорю – мне тут нет места, а для вас ничто, второго сорта. За других обидно. Сколько таких «Никто» писало в «Б», рассчитывая найти здесь понимание и поддержку?! А вы? Вы только других опускать можете! На что вы способны, кроме очередного плевка мне в лицо? А вот я, который изгой, мразь, сволочь и т.д. (нужно подчеркнуть) помог бы Никто, если бы вовремя узнал о её существовании. Вы все писали, что я мразь. И пишите дальше. Бывший панк Морган;

и) смирение:

Что же, радуйтесь. Вы добились своего. Морган, которого вы мечтали сгноить, умер. Сбылась ваша мечта. Теперь вместо него стал Танатофил. Которому всё равно, хоть бабой называйте, хоть Пучком, хоть импотентом. Мне теперь наплевать на всё, что не имеет отношения к смерти. Ну разве что ещё «Брэмми» и БФТ. Я больше не буду переводить бумагу, доказывая, что я не женского рода и никогда не был, а Призрак и Тьма умеют только брать «на понял», а сами…и сволота несчастная. Ведь они от этого другими не станут. А у меня пол женским всё равно не станет от их писанины. Так смысл оправдываться? И перед кем? Это написал Танатофил, бывший Морган. P.S. Да кем вы считать меня хотите, тем и считайте. Хоть псевдоготом! Я не буду больше переводить бумагу, доказывая, что я тру. А на ваше мнение наплевать. Морган (1983-2006) умер.

Сфера «ВЫ» для Могана – это не просто личности-маски, но, судя по текстам, реальные люди, между которыми складываются сложные взаимоотношения в реальной жизни и в коммуникативном пространстве «Бродвея». Поэтому позиция «Я» против «ВСЕХ» дополняется другими видами отношений с конкретными личностями. *Лучший бродвеец – Гамаюн (что-то не видно его). Лучший поэт – Кровавый (а никак не Пушистая – я и то лучше написать могу. «Птица-шифоньер жарит на керосинке аптекарские резинки…» Гений, тоже мне!) Лучший разборщик – я (без ложной скромности). Самый загадочный – Leni Angst. Самый часто сменяющий имена Пират Кит (она же – Последняя Мелодия, она же – Desenchantee и Great). Самый неординарный – Подсознательный Малыш (это что-то). Самый лучший спорщик – Smoken (вынужден признать). Самый компанейский – Taki Kurai (не уверен, что правильно написал). Всё.*

Морган. Царь Волков. P.S. «Lestat» - мужское имя, дура! Нашла, как подписаться! Морган.

Однако в целом сфера «Я – ВЫ» наполнена эмоциями неприязни, недоброжелательства.

Позитивные отношения характерны для сферы «Я – МЫ». «МЫ» для Моргана – это близкие по духу носители готической культуры. Сущность их взаимоотношений выражает идея братства. Братство открыто для каждого, кто желает в него вступить. *«Есть одна хорошая песня у соловушки – песня панихидная по моей головушке…» Дьяволёнок, Братство нормально поживает. Кстати, у тебя потрясающее имя. А ты к нам не хочешь? Заявки на вступление принимаются (это не только для тебя, вообще для всех желающих вступить в клуб) через мою герлу на n/n 365263. Буду очень рад каждой заяве, тем более от тебя, Дьяволёнок… Морган в черном плаще.*

Сфера МЫ слабо индивидуализирована. Это, скорее, воплощение мечты, идеала. Однако Морган не склонен идеализировать реальное положение дел. В его посланиях все чаще слышатся ноты недовольства и разочарования. *И вновь я в этой рубрике. Мы – сила! Кто мы? Готы! Равных готам нет. К нам перешло и продолжает переходить множество людей. Эх, как я люблю чёрные губы… Жаль, что в этой деревне народ с чёрными губами разве что на Самхейн увидишь. Хотя уж девушки-то… Гот Морган. p.s. Считается – имидж готов таков, что обычно нереально принять цивила за гота. Но ведь в этой деревне же всё не так. Да, здесь цивилы, бывает, выглядят готичнее самих готов!!! Вот и подходишь к каждому похожему на гота и спрашиваешь, не тот ли он… А вообще, здесь только я к готом подхожу. Ни разу ни один гот не подошёл ни к одному члену Братства, даже когда меня рядом нет. Чего они боятся? Гот Морган.*

Область «Я – ТЫ» реализует любовные отношения. Образ любимой именован «ОНА» и лишен конкретных признаков, «ОНА» мыслится и представляется как источник страданий личности-маски. Взаимоотношения «Я – ОНА» однолинейны, они лишь подчеркивают трагическое одиночество личности. По признанию самого Моргана, это *любовь весьма готическая.* В теме любви звучат мотивы непонятости, агрессии и суицида. *Что же ОНА не берёт-то трубку и не звонит сама?! Разве ОНА не знает, что я живу только ради неё и для неё? Если ОНА не позвонит, я сдохну. Или убью сначала её, а потом себя. ОНА – смысл моей жизни! Почему тогда ОНА не скажет, чтобы я отвалил от неё? Я бы сделал это! А вообще, ничего мне уже не надо. Единственное, что я от жизни хочу – Смерти. Готический Морган. P.S. Я парень без счастья в жизни. Одиночество – вот моя жизнь. Забыл про поиски счастья, которого всё равно нет в этой жизни. Я люблю мрачные цвета, в частности это чёрный цвет. Я вас уже задолбал своими дебильными объявами, как и своим ненужным существованием. Надо вспомнить мне телефон моего друга с героином. В такой депрессии замаячил перед глазами шприц. Пусть прихода не будет, зато забудусь хоть. Истинный гот Морган.*

Таким образом, Морган находится в трагическом одиночестве, в разладе с миром, с ближайшим и дальнейшим окружением, с самим собой. Его дискурс характеризуется высокой степенью конфликтности, прямолинейности суждений. Его убеждения основаны на вере и не нуждаются в доказательстве.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

Голев Н.Д. Текст как воплощение энергии конфликта: опыт одной типологии антропотекстов и языковых личностей (на материале рассказов В.М. Шукшина) / Н.Д. Голев // Научно-методический семинар «Textus»: Сб. ст. – Вып. 10. – СПб., Ставрополь, 2004. – С. 356–359.

Седов К.Ф. Типология и портретирование наших современников / К.Ф. Седов //Лингвоперсонология: Типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. – Барнаул-Кемерово, 2006. – С. 149–204.

Л.А. Южанинова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОВ В СМИ

В период предвыборных кампаний резко увеличивается число конфликтов в информационной сфере. Закономерным следствием выборных кампаний последних лет в российской провинции становятся судебные разбирательства. С исковыми заявлениями в суд обращаются по поводу нарушения равных прав кандидатов при проведении агитационных кампаний, а также о защите чести и достоинства.

Выборные кампании 1998-1999 года в Омской области (выборы в областной парламент, затем – выборы мэра Омска, губернатора Омской области, депутатов Госдумы РФ) сопровождались несколькими подобными разбирательствами. Чаще всего истцами или ответчиками в судебных разбирательствах выступали участники выборных кампаний и СМИ, в которых были опубликованы или не опубликованы материалы. В Омской области в период 1998-2000 гг. – это, прежде всего, депутат Законодательного собрания, руководитель фракции КПРФ в областном парламенте, предприниматель В.Д. Во время проведения кампании по выборам в Законодательное Собрание Омской области его соперником был поддерживаемый областной исполнительной властью главный врач медсанчати № 10 Ю.С. Критические статьи в адрес В.Д.в период выборных кампаний публиковали две областные газеты – «Омская правда» и «Омский вестник», соучредителями которых является администрация области, а «разоблачительные» статьи о Ю.С. – газета «Красный Путь» (орган Омского обкома КПРФ). Журналисты всех трех упомянутых изданий позволяли себе

некорректные высказывания, сравнения, эпитеты, что и стало основанием для последующих судебных разбирательств.

Так, в газете «Красный Путь» от 22 января 1999 года в статье «Атакуют Д. со всех сторон» говорится о намерении В.Д. передать в прокуратуру и суд материалы для привлечения СМИ к ответственности за клевету. В свою очередь областная газета «Омская правда» в статье от 15 января 1999 года «Зря стараетесь, господа-товарищи!» сообщает о судебном иске по защите чести и достоинства Ю.С. и коллектива медсанчасти № 10, который они выиграли у В.Д. Еще раз к иску Ю.С. возвращается еженедельник «Намедни» (приложение к областной газете «Омская правда») в номере от 28.04.1999 г. в статье «Полный абзац».

Помимо публичной демонстрации борьбы за свои права, судебные иски о защите чести и достоинства, полагаем, имеют вторую цель: привлечение дополнительного внимания аудитории к событию или персоне. Как минимум в течение года после завершения выборной кампании судебные разбирательства в Омской области с участием В.Д. продолжаются, и стороны информируют о своих победах. Так, газета «Красный Путь» в номере от 31.03.2000 г. в статье «Омский вестник приплачивает коммунисту» сообщает, что В.Д. выиграл иск о защите чести и достоинства против еще одной областной газеты – «Омский вестник». Затянувшаяся судебная тяжба и ее освещение в омских СМИ объясняется не только желанием сторон доказать свою правоту, но и возможностью использовать материалы судебных разбирательств в последующей выборной кампании, поскольку 1999 г. – год выборов депутатов Государственной Думы, в которой упомянутый представитель КПРФ В.Д. также принимал участие как кандидат по 128 округу.

Несмотря на то, что количество судебных процессов по защите чести и достоинства в Омской области с конца 90-ых растет, крайне редко в них принимают участие эксперты-лингвисты. Одним из таких судебных процессов стал процесс «Радул против Новикова», в котором принимал участие в качестве эксперта профессор-лингвист Омского государственного педагогического университета. Именно его экспертиза и активное включение в судебный процесс позволили выиграть иск поддерживаемому КПРФ политологу С.Н., против которого выдвинул иск заместитель губернатора Омской области. В эфире омской телестудии СВТ-3 политолог анализировал омскую прессу. Ряд его высказываний заместитель губернатора области (в сфере интересов которого тогда значилась работа омских СМИ) посчитал для себя оскорбительными. Иск дважды рассматривался в суде. Первое решение было вынесено в пользу вице-губернатора. С.Н., и телекомпании СТВ должны были выплатить компенсацию истцу в общей сумме сорок пять тысяч рублей. На протяжении нескольких месяцев эта история также была в центре внимания оппозиционных к местной власти СМИ. Так, газета «Красный Путь» Омского обкома КПРФ трижды обращалась к этой теме. Ответчик за это время более серьезно подготовился ко второму процессу, привлек эксперта-лингвиста и с его помощью сумел доказать, что

высказывания, которые прозвучали в передаче СТВ-3, – не утверждение, а всего лишь вопрос, предположение. Суд счел доказательство убедительными и в иске заместителю губернатора отказал.

Стоит отметить тот факт, что неоднократное привлечение к суду в качестве ответчиков СМИ, принадлежащих исполнительной власти региона и оппозиции, никак не отразилось на судьбе изданий. В 1998 г. некий депутат Законодательного Собрания Омской области обратился с письмом в министерство по печати, телевидению, радиовещанию и массовой информации РФ, приведя статистику, связанную с судебными исками к региональным СМИ, поставив вопрос об ответственности омских изданий за распространение заведомой лжи, дезинформации и антиобщественную деятельность [Диспут, 2002]. Однако никакой реакции не последовало. В анализируемый период ни одно СМИ в Омской области из неоднократно привлекавшихся к суду по искам о защите чести и достоинства не лишилось, к примеру, регистрации и не было объявлено персоной «нон грата» в журналистском сообществе. Подобное равнодушие к ситуации отчасти можно объяснить молчаливым согласием с тем положением, в котором находятся региональные СМИ. Областные газеты, не являющиеся экономическими рентабельными и получающие финансирование из областного бюджета, во время проведения выборной кампании становятся частью административного ресурса. То же самое вполне относится и к СМИ, принадлежащим лево-патриотической оппозиции.

Как правило, судебные иски против СМИ инициируют либо представители исполнительной власти, либо ее оппоненты, между которыми в сущности и развивается политическая борьба. По данным Центра экстремальной журналистики, в 1999-2000 гг. в Западной Сибири было инициировано несколько судебных процессов, связанных с выступлениями в СМИ в период избирательных компаний:

Регион	**Период**	**Истец - ответчик**	**Суть претензии**
Омская область	1998 год	Иск к редакции газеты «Намедни» [приложение к Омской правде]	Истец потребовал опровержения сведений, распространенных газетой, порочащих его часть и достоинство. Исковые требования удовлетворены.
Омская область	1999 год	Иск к редакции газеты «Омская правда»	О защите чести и достоинства и компенсации морального вреда. Исковые требования удовлетворены частично.
Омская область	1999 год	Иск к редакции газеты «Омская правда»	Требование опровержения сведений, распространенных газетой, порочащих его часть и достоинство. Исковые требования удовлетворены

Омская область	1999 год	Иск к редакции газеты «Омский вестник»	Требование опровержения сведений, распространенных газетой, порочащих его часть и достоинство. Исковые требования удовлетворены, в части взыскания компенсации – удовлетворены частично.

Эти данные несколько расходятся с данными исследователя С.В. Новикова, по информации которого в Омской области только в 1998 г. было рассмотрено судами разной юрисдикции 23 гражданских дела по иску к средствам массовой информации (печатных и электронных), в 1999 – 44 гражданских дела [ЦДНИОО, опись № 3, фонд 9618]. К сожалению, собрать полную информацию о поданных исках против СМИ в период избирательных кампаний в Западной Сибири не представляется возможным.

Анализируя участие СМИ в судебных процессах, следует отметить слабость юридических служб региональных СМИ. Об этом в частности говорит алтайский исследователь Б. Устюгов: «Газеты не способны иметь собственных адвокатов в штате. Многие даже не могут позволить себе консультацию в местных юридических фирмах. Кроме того, большинство адвокатов знает немного о российском Законе о средствах массовой информации. Чтобы получать компетентную юридическую консультацию по определенному вопросу, каждый обычно должен обращаться в Комитет по делам прессы краевой администрации. Фактически, даже сам комитет устранил положение штатного адвоката в 1996 г. По всем этим причинам, когда конфликты возникают, вовлеченные стороны предпочитают решать их без обращения в суды» [Summary, WWW.gdf.ru].

С середины 90-х гг. Фонд защиты гласности проводит постоянный мониторинг конфликтов, связанных со СМИ, в том числе разбирательство которых происходит в суде. Так, по данным Фонда, за период октябрь-декабрь 1995 г. (накануне выборов в Госдуму РФ) был зарегистрирован 71 конфликт. Причем, по мнению сотрудников Фонда, эта цифра значительно занижена, поскольку «пострадавшие зачастую предпочитают улаживать свои дела сами, пользуясь окольными путями, не прибегая к правовым средствам защиты» [Аналитический обзор…, 1996]. Из 71-го зарегистрированного конфликта в 49 были вовлечены печатные СМИ. Среди нарушений, которые допустили СМИ в период проведения агитационных кампаний, выделены следующие три основных вида:

- ведение агитации в запрещенный период;
- лишение кандидатов равных возможностей;
- распространение ложных сведений о кандидатах.

По мнению сотрудников Фонда защиты гласности, причиной возникновения судебных исков в СМИ становится не только зависимость изданий от своих учредителей, владельцев, но и неосторожное, небрежное обращение с языком самих журналистов; низкий профессиональный уровень

журналистов; неспособность найти юридически безупречную форму.

Попытки решить эту проблему привели к созданию в регионах организаций, специализирующихся на производстве лингвистической экспертизе. Так, в 2001 г. в Москве была создана Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам [ГЛЭДИС]. Это российская региональная общественная организация, целью которой является забота профессиональных специалистов-языковедов о сохранении и развитии русского языка в отечественных СМИ. В Алтайском крае в 2002 г. начала работу Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис», одной из задач которой является соединение лингвоэкспертной практики с научными разработками новой области лингвистического исследования – юрислингвистики.

Ситуации, в которых СМИ оказываются вовлеченными в судебные процессы, заметно снижает уровень доверия к региональной прессе и ее авторитет. Все большое количество людей отказывают прессе в каком-либо доверии, о чем свидетельствует опрос, представленный Российской академией госслужбы по вопросу доверия общества к СМИ в «Российской газете» (8 мая 2000 г.), в ходе которого были опрошены три категории граждан: госслужащие, представители региональной политэлиты и население. Результаты исследования оказались удручающими. Число тех, кто не вполне или совсем не доверяет СМИ, составило среди госслужащих 90,8%, представителей политэлиты − 92,5%, жителей России − 68,4%. А тех, кто вполне доверяет центральной прессе, оказалось всего 3 процента.

Ухудшается и отношение к журналистам. По данным агентства ФОМ, в общественном мнении россиян позитивный образ журналиста пока еще преобладает над негативным (соотношение оценок – 62% и 45% соответственно), но тенденция негативного восприятия журналистов увеличивается. По мнению респондентов, российские журналисты – это чаще всего (ответы в процентном отношении от числа опрошенных):

- выразители общественных интересов – 37;
- наблюдатели жизни, информирующие общество – 33;
- ловцы сенсаций и «жареных фактов» – 28;
- прислужники властей, богатых и влиятельных людей – 15;
- манипуляторы общественным мнением – 14;
- воспитатели, наставники, просветители – 11;
- стражи демократии, поборники справедливости – 11;
- продажные борзописцы, лжецы – 7. [http://www.fom.ru/reports/frames/of19974802.html].

Активное вовлечение СМИ в судебные процессы порождает потребность как в поправках к ранее принятым законам (Закон о СМИ), так и предложения по созданию новых. Необходим, например, закон о регулировании доступа журналистов к источникам информации, о деятельности пресс-служб, служб по связям с общественностью и др. Нормативная база деятельности журналистики нуждается, однако, не только в законодательных актах, жестко фиксирующих дозволения, запреты,

обязывания − нормы, за соблюдением которых следит государство и в случае нарушения их принимает административные и даже уголовные меры воздействия на нарушителей.

По мере развития журналистской практики постепенно обнаруживалось все больше областей, нуждающихся не в законодательном, а в этическом регулировании, не в государственном контроле, а в самоконтроле журналистского сообщества. Обычно эти документы называют этическими кодексами. В них фиксируется большая совокупность принципов, норм и правил поведения, составляющая **этическую базу** деятельности в сфере СМИ.

Этические нормы действуют не столь строго, как законодательные, не только потому, что не подкреплены угрозой судебного преследования, но также и потому, что возможны неидентичные интерпретации одних и тех же или сходных ситуаций морально-этического порядка, подлежащих этическому «разбирательству». Однако этот вовсе не значит, что этическими нормами позволительно пренебрегать. По мере развития журналистики и в силу все большего влияния, которое она оказывает на массовое сознание, настроение и поведение, роль этического саморегулирования в журналистике будет возрастать, а этические кодексы становиться все более развернутыми. И условием вступления в журналистский корпус окажется согласие следовать этическим требованиям.

Библиографический список

Аналитический обзор результатов мониторинга нарушений, связанных с деятельностьСМИ РФ. – Москва, 1996.

Диспут: общественно-политический и историко-просветительский альманах. – № 13, 2002.

Электронный ресурс: http://www.fom.ru/reports/frames/of19974802.html

Электронный ресурс: www.regions.ru

Summary. A Report from Altai and the Greater Altai Region. (translated by Jamey Gambrell). By Boris Ustyugov. – Электронный ресурс: WWW.gdf.ru

Источники

Российская газета. – 8.05. 2000.

ЦДНИОО, опись № 3, фонд 9618.

Раздел 4
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ

С.М. Антонова

ПРОТОКОЛ КАК ПАСПОРТ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: ОПЫТ ДВУХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Когда человек говорит, что сквозь ткань его собственных слов всегда проскальзывают «другие», «чужие» слова, всегда имеется в виду, что сама материальная структура языка позволяет, чтобы в линейности речевой цепочки слышалась непредумышленная полифония всякого дискурса, через которую анализ и может пытаться выявить следы бессознательного.

Ж. Отье-Ревю.

В кажущемся единстве знака кристалл значения играет всеми гранями – полисемия, омонимия, омография, анаграммы, каламбуры… – которые придаёт ему язык, понимаемый как «поразительный способ создания двусмысленности».

J.-C. Milner

Текст как воплощение индивидуального личностного опыта проживания жизни в социуме предстаёт в протоколе во всём богатстве своих способностей диагностировать и уникальность каждого языкового сознания, и социальную принадлежность личности, этим сознанием обладающей. И в этом плане каждый протокол допроса свидетеля есть текст, созданный сознанием следователя под воздействием речемыслительной и мыслеречевой деятельности как минимум двух языковых сознаний: следователя и свидетеля. В процессе анализа текстов протоколов[21] нами исследовались общие, индивидуальные и уникальные показатели языкового сознания, эксплицирующие авторов свидетельских показаний. Исследование осуществлялось с помощью современных методов когнитивной интерпретации текста, как то: статистическая обработка данных частотности языковых фактов, анализ формальной и смысловой структуры языковых элементов и текстообразующих категорий.

[21] Объектом экспертизы, по материалам которой осуществлено данное исследование, были 62 протокола (ксерокопии) допросов свидетелей по двум делам N и NN, составленные двумя следователями по важнейшим делам прокуратуры Гродненской области – № 1 (ксерокопии 20 и 34 протоколов соответственно) и № 2 (ксерокопии трёх и пяти протоколов). Цель экспертизы текстов состояла в установления соответствия языка протоколов языковому сознанию и поведению участников допросов – выпускниц педагогического факультета и юристов .

Самым первым проявлением самостоятельности языкового сознания личности в современном психоанализе текста и речи считают **бессознательную избыточность говоримого**, которая даёт читателю и слушателю говоримого возможность проникать в моделирование мыслью и словом говорящего онтологии говоримого – реально происходивших событий и ситуаций со всеми подробностями обстоятельств участия в них всех субъектов и объектов.

Жанровая специфика диалога, запечатлеваемая текстом протокола допроса со времён пытошных речей Московского государства, как и в целом делового языка со времён обычного права и «Русской правды», предполагает близость языка протокола разговорному языку говорящих сторон и моменты специфичности языкового сознания каждой из сторон, за исключением случаев, когда собеседники принадлежат к одной и той же языковой культуре в силу принадлежности к одной и той же социальной и профессиональной среде. Это позволяет читателю в восприятии даже современного текста протокола легко отыскивать границы языковых сознаний и картин мира допрашиваемого и следователя, а также по неповторимым чертам речи свидетеля устанавливать естественность и непринуждённость его слов, либо обнаруживать их противоестественность, искусственность, сконструированность с помощью другого человека.

Сохранение живых признаков языкового сознания и в***и***дения мира каждым из участников диалога при этом не исключаются даже необходимостью перевода слова звучащего в письменное и жанрово адаптированное к мотивации и канону протокола. Сами же показания и вопросы, их стимулировавшие, как текст фиксируют и коммуникативно-информационную роль участников протоколируемой ситуации: интенции говорящих, оговорки и проговариваемое случайно, специально или по эмпирической ограниченности в в***и***дении картины происходящего, отклонение от действительного положения дел, т.е. налицо всегда **коммуникативно-информационная избыточность говоримого** сторонами. И это тоже признак документальности и правдивости показаний, например, как и документ коммуникативной ситуации допроса, который, кстати, позволяет по протоколу как тексту восстанавливать и интерпретировать события, о которых идёт диалог, и коммуникативно-информационные роли сторон. Существовавшая когда-то на Руси систематика свидетелей – *сведетель* (с *ять* в корне, как и в слове *ведати* – тот, кто знал о произошедшем), *свидетель* (тот, кто видел происходившее) и *слухач* (тот, кто слышал о происходившем или происходившее) – актуальна и сегодня, ибо обнаруживает специфические контуры моделируемой картины мира и конкретной ситуации на уровне дискурсивной (живого звучания, жизни) организации слова и текста. Анализируемые нами тексты, как показал наш анализ их языка, представляют показания *сведетелей*, но ещё в большей степени – *слухачей.*

Адресатом и слушателем свидетельских показаний всегда является следователь. Однако это не простой пассивный объект, а субъект –

говорящий и мыслящий, самостоятельная языковая личность, влиятельная в риторическом понимании. Более того: это коммуникативный лидер, владеющей всей жанровой партитурой диалога, ведущий диалоговое развитие темы и определяющий своей языковой личностью – мыслительной, языковой, речевой и коммуникативной компетентностью – и информированностью регистр текстового воплощения мыслей и слов своего собеседника. Иначе говоря, ведущая роль следователя как субъекта диалога-допроса в языковом и собственно текстовом отношении материализуется во вторичном тексте протокола, единственным автором которого и становится следователь. Т.е. следователь управляет языковым сознанием и личностью свидетеля с помощью своего языкового сознания и языковой личностью, а на этапе протоколирования допроса свидетеля сам же и фиксирует эту вед***о***мость и доведённость языковыми средствами: выбором слов, их сочетаемостью, порядком следования, смысловыми акцентами, степенью конкретизованности информации и т.д. Например, не может студент и даже выпускник педагогического факультета в непринуждённой обстановке говорить *В сентябре 2001 года мы выбрали старосту, одну из девушек нашей группы*; *Более по существу заданных вопросов ничего конкретного пояснить не могу*; *сессию 2002 г. мы сдавали в общем порядке*; *собрать деньги для передачи преподавателям за благоприятное к нам отношение*; *Обучение я проходила совместно с группой по учебной программе*; *Возможно, об этом больше осведомлена наша бывшая студентка, которая более тесно общалась со старостой*; *поступила в общем порядке*, как и не может называть *весенне-летней* летнюю сессию.

Вед***о***мость свидетеля как субъекта в диалоге со следователем сохраняется по положению, всегда, даже если протокол отражает вопросно-ответную структуру этого диалога. Если же и текст протокола приобретает монологическую форму, удостоверить границы двух языковых сознаний – протоколирующего ведущего сознания и ответствующего ведомого – можно только по вариативности языкового воплощения говоримого. В нашем случае имеет место инвариант, сохраняемый в любом из 48 протоколов (вплоть до особенностей пунктуации, средств синтаксической связи и порядка следования однородных членов предложения, тогда как написать 18 человек одинаково, скажем, такой фрагмент предложения, как *решили собрать с каждой студентки по 100 тысяч белорусских рублей для покупки цветов, подарков, а также передачи наличных денег преподавателям-членам государственной экзаменационной комиссии за благоприятное отношение к нашей группе при сдаче экзаменов*, могут только при условии, что текст им диктовали или предложили списать с шаблона), фиксирующих диалог свидетелей со следователем №1. Вариативные части протоколов относятся лишь к конкретике имени свидетеля и его биографических сведений, отражённых в текстовой и затекстовой частях протокольной записи.

В диалоге следователя и свидетеля лицом, ведущим и организующим диалог, т.е. **заинтересованным услышать ответы на свои вопросы**, является следователь. Он же становится и реальным автором самого текста

свидетельских показаний: упаковывает в словесную и жанрово-текстовую формы всё рассказанное свидетелем, поэтому единственно объективным показанием свидетельского сознания могло бы быть буквальное, с фонограммы, воспроизведение свидетельского слова, так как **по определению ведущий** в диалоге **ведёт говорящего** с ним до уровня моделирования фактов, событий и ситуаций бессознательно, даже не ставя перед собой этого в качестве цели. Однако в принципе не может быть одинаковых текстов, даже если об одном и том же событии рассказывают полные (с одинаковым образованием, взглядом на мир, одинаковой социализованностью) близнецы. Учёными подсчитано, что возможность **выразить одно и то же содержание мысли** в каждом конкретном пропозитивно-номинативном акте измеряется колоссальной величиной: **десятью с половиной миллионами предложений** можно выразить смысл, заключённый в одном предложении [Жолковский, Мельчук, 1967, с.117][22]. Однако говорящий всегда, выражая **себя, свой** взгляд, **своё** слово, стремится **быть понятым**. А это значит **быть** в своём слове **и «другим»** – таким, как собеседник, выразить понимание мира собеседником. Выбор каждого такого «неэкономного»[23] (равно как и каждого неленивого) творца, таким образом, велик настолько, что в принципе не может быть двух одинаковых – по объёму, логике и интерпретации фактов, порядку слов в предложении[24] текстов протоколов.

Очень точное определение этого положения адресанта и адресата и соотношения субъективного (творческого, индивидуального) и языкового (национального, объективного, системного, стандартного) даёт профессор В.М. Никитевич: «Даже в устной речи, где нет <…> условий для обдумывания высказывания, как в письменной, очень мало <..> или вообще нет "случайного". Не только в процессе номинации (которая в виде замедленной съёмки может быть представлена как поиск наиболее точного слова или его эквивалента), но и в самом построении высказывания **индивидуальное носит характер общего** /выделено нами. – *С.А.*/. Это не противоречит тому, что говорящий обычно передаёт одно и то же содержание "по-своему", важно то, что делает это он в нормальных условиях без опасения, что слушающий его не поймёт. И даже тогда, когда говорящий

---

[22] Графические акценты в тексте расставлены С.М.Антоновой.

[23] А в условиях, когда свидетель даёт показания и предупреждён об ответственности, каждый говорящий перестаёт быть «*экономным*» (и уж тем более *ленивым*) носителем языка, т.к. поставлен в позицию творца социально значимого ответственного слова, должен быть правдивым, а правду искажают не только заведомо ложные показания, но и недосказанности, неопределённости и умолчания. И нормально, трезво и здраво мыслящий человек, говорящий о чём-то столь **ответственны**, должен говорить **самостоятельно**, определённо, конкретно не только в датах поступления и сроках сессий, но и в субъектной, объектной и обстоятельственной представленности.

[24] В русском языке порядок слов абсолютно свободен, если не приводит к сбою логики, т.е. реальным пределом свободы порядка слов в русском языке является необходимость соответствия логике мысли и действительности и отсутствие неточности или двусмысленности, а неопределённость всех объектов, субъектов, обстоятельств и действий моделируемой свидетельскими показаниями действительности и в особенности ситуации инкриминируемой кому бы то ни было взятки является типовой: никто не видел, не давал сам и не знает, но, веря в порядочность одной из девушек группы, именуемой старостой, которая всё делала на своё усмотрение, без свидетелей, неизвестное количество раз и говорила, что всё в порядке, думает, что все так делают и иначе всем было хуже.

пересказывает услышанное «своими словами», он, как правило, использует готовые уже слова, а главное (обратим на это внимание!), более сложные, чем слова, отрезки высказывания, а также правила связей между ними. Для говорящего лишь остаётся известная свобода выбора готовых или производимых по существующим моделям номинаций – слов и словосочетаний. Свобода выбора основана на том, что одному и тому же означаемому <…> могут соответствовать по общему смыслу разные означающие <…>» [Никитевич, 1978].

Для объяснения этой грани феномена взаимопонимания между участниками речевого взаимодействия лингвистика (как научная система отражения когнитивных механизмов) располагает категориями изоморфизма – неизоморфизма и симметрии – асимметрии языкового знака. Эти же категории релевантны и при исследовании соотношения между индивидуальным, личностным, уникальным, творческим началом в дискретизации и интерпретации картины мира и социальным, надличностным, стереотипом, репродуктивным в порождении и понимании текста. Вообще личностное начало обнаруживается в том, как человек расчленяет мир на атомы мысли и какие этим атомам находит словесные соответствия. Всякая языковая личность структурирована на четырёх уровнях: мыслительном, языковом, речевом и коммуникативном. И каждый уровень отражается в любом тексте и жанре разнообразными языковыми единицами, следовательно, в принципе создавать абсолютно одинаковые тексты могут только роботы, либо один и тот же человек с одними и теми же целями в ограниченное время, не позволяющее ему измениться ни на одном из уровней, образующих языковую личность. В то же время каждая языковая личность уникальна и может воплощать свою уникальность языковыми средствами. В случае же сознательного управления сознанием собеседника ведущий может навязать своё видение мира, как и языковые средства, это видение обеспечивающее, вплоть до языкового оформления и содержания мысли на уровне текста.

Языковой особенностью, общей для анализируемых нами 54 протоколов, является и то, что вся фактография в них не имеет конкретики языкового оформления: сплошные безымянные действующие лица и события, бессубъектная информация (*это была как бы общая инициатива*; *предыдущие курсы*; *все*; *всегда*; *никто не возражал*; *одна из девушек, какая-то девушка*; *кто-то из преподавателей*; *говорили ещё о ком-то из преподавателей; говорили, но конкретных фамилий не помню*; *кто конкретно сообщил такую информацию, не знаю*), за исключением тех протоколов, которые фиксируют полную неинформированность о фактах взяток или говорят о неучастии свидетеля в каком-то конкретном деянии (протоколы следователя №2, например, сохраняют и конкретность, и индивидуальную речевую манеру ответствующих, и диалоговость допроса как диалога: есть фамилии участников событий, местоимение *я* и глагольные формы первого лица без снимающих определённость уточнителей и вводных слов типа *точно не*; *возможно*; *не знаю, что, кто и кому передавал*). В этих

протоколах имеются и неповторимые авторские способы и средства передачи информации.

Жанр протокола требует, при всей формализованности образующих его структур, **документальности в представлении содержания мысли** свидетеля, т.е. следователь в идеале должен принять на себя роль летописца, если не пишущего инструмента. На практике же личность протоколирующая всегда привносит в протокол себя, так как всегда находится в роли интерпретатора, который додумывает слово собеседника, уточняет и направляет его в нужное русло. В нашем случае мы фактически имеем модули одного и того же текста-шаблона, в котором различные собеседники автора узнали свои мысли. Исключение из этого представляет текст протокола свидетельских показаний № 19. Это самостоятельное не только по буквальности собственноручного воспроизведения сказанного и мысли, но и по языку этого сознания: лексика, сочетаемость и порядок слов и частей текста. Единство авторства всех остальных текстов позволяют констатировать лексика, терминология, сочетаемость слов, структура текста, логика, способы выражения персонализации. В ходе пословного сравнения протоколов нами был установлен текст-шаблон, предложенный свидетелям для опознания и модулирования[25]:

Набор этого инварианта текста протокола занял у эксперта около часа времени, следовательно, протоколировать допрос в присутствии свидетеля и вести его опрос, если на это всего тратится около часа, может либо вслепую печатающий сам же следователь, либо специально этим занимающийся секретарь, либо свидетель должен приходить с добровольно инициированным готовым текстом своих показаний. В противном случае за время допроса успеть бы познакомиться со свидетелем, объяснить ему его права (эта целая страница текста в протоколах), сформулировать и задать вопросы и выслушать ответы.

Если же этот инвариант по предложению сличить со всеми восемнадцатью текстами протоколов, то варьирование покажет доминирование инварианта и минимум отклонения от него, чего в свободном рассказе о существе дела не сможет ни один говорящий. Реальное соотношение вариативных мест во всех 18 текстах протоколов с инвариантом доказывает факт предварительного создания протоколов самим следователем №1, а роль, отводимую свидетелям, можно охарактеризовать как указание имён свидетелей и их анкетных данных и подтверждение того, что тексты записаны с их слов верно.

В 2001 году я поступила на заочное отделение педагогического факультета (8) ***УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,[26] на отделение «Педагогика и психология дошкольная»***. – 1, 2, 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10[27], 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17.

---

[25] По жанровым и этическим требованиям полный текст выявленной в ходе экспертизы «рыбы» протоколов допросов не приводим.

[26] ***В 2001 году я поступила на заочное отделение*** *педагогического факультета (6)* ***УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», на отделение «Педагогика и психология дошкольная»***. – В этом предложении запятая не просто факультативна, но даже избыточна и может рассматриваться лишь как авторский

Поступила *(поступала)* ***я после окончания*** *Гродненского (Лидского)* ***педагогического училища в … г.*** – 1, 2, 3, 4, 5, 6[28], 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17.

На момент поступления в университет я работала в (где) (кем) (5). – 1, 2, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17.

Обучение у меня было платным, поступила я после *сдачи экзаменов* (3) *(по конкурсу аттестатов* – 4)**.** – 1, 2, 3, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17.

При поступлении я никому не передавала взяток, подарков, поступила в общем порядке. – 1, 2 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17.

Оплату за обучение вносила через банк на счёт университета. – 1, 2, 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17.

Обучалась[29] (*училась* – 2) ***я в 4-й группе, всего у нас в группе было 28 студенток.*** – 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17.

Обучение я проходила совместно с группой по учебной программе, ко всем зачётам и экзаменам готовилась, посещала лекции и семинары[30] (7)**.** – 1, 2, 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17.

Поступила в университет в августе 2001 года (*по конкурсу аттестатов* – 5). – 2, 3, 3, 4, 5, 10.

знак. Закономерен вопрос: **кто его автор**, если знак стоит во всех протоколах, составленных ст. следователем №1, и только в двух, составленных следователем №2?

[27] В переданных для экспертизы материалах отчество свидетеля 3 отсутствует, как и первая страница протокола.

[28] ***Поступала я после окончания Гродненского педагогического училища в 1991 г. – записано со слов*** 4 ***верно.*** В такой формулировке не ясно даже, в каком году поступала в университет и в каком окончила педучилище 4. Думаю, такого двусмысленного ответа заместитель заведующего детским садом с высшим образованием могла бы избежать, не будь поставленной перед необходимостью заполнять пробелы в готовой форме, а не самостоятельно формулировать свою мысль. Несомненно, и все остальные свидетели самостоятельно не могли бы допустить одну и ту же двусмысленность – ведь нет такой ошибки ни у одного из свидетелей, допрошенных следователем № 2.

[29] Возвратная страдательного залога форма слова *обучалась* в данном значении '*училась'* тоже не из педагогической речи, во-первых, потому что в норме учение – это действие субъектное, производимое самим учеником, будь он просто школьник, а не студент во-вторых, потому, что педагоги это слово в такой форме употребляют его а в другом значении: *'быть обучаемым чему-то кем-то и в какой-то степени или как-то, иметь готовность и способность к обучению'*, например: *Она легко обучалась всему, что предлагала гимназическая система образования.*

[30] С логической точки зрения, как и точки зрения лингвистической, это предложение в целом не имеет никакой необходимости, т.к. даёт информацию о том, что неактуально ни для содержания текста, ни для оценки, идентификации или интерпретации особенностей поведения свидетеля, как не характеризует особенности обучения в университете или статуса обучаемого, т.е. предложение это просто информационный фантом типа *Волга впадает в Каспийское море, а лошади кушают овёс*. Кроме того, для выпускника педагогического факультета в принципе не может быть настолько характерным всё, что образует данное предложение, чтобы повторяться буквально в каждом протоколе. Во-первых, словосочетание *обучение проходила* представляет собою аналитический штамп, не характерный для студента или специалиста с педагогическим образованием, тем более для лиц женского пола: педагоги говорят *училась* или *учусь*. Зато данное словосочетание может характеризовать мужскую речь военного человека, т.к. реализует ту же высокочастотную сочетаемостную модель, что и *проходить службу*. Во-вторых, словосочетание *проходила совместно с группой*, являясь таким же в плане информационной новизны, что и предыдущее, в норме не может прийти в голову человеку не военному, женщине и педагогу в особенности для характеристики процесса обучения, так как в принципе отражает синтагматику всё того же (и исключительно только её!) военного человека, а в речи педагога в сочетании с винительным падежом даже словари русского языка фиксируют только значение (оно подаётся как одиннадцатое в структуре значения глагола *проходить* и с иллюстрациями именно из учительской и ученической речи: *проходить существительные, глаголы, творчество кого-л.; проходить по русскому языку, по литературе, по истории, по алгебре, по физике*, причём сами примеры подтверждают характерность этого словоупотребления для учителя и педагога любой специальности) '*изучать'* с пометой '*разговорное'* [Учебный словарь сочетаемости русского языка: Около 2500 словар. статей / Ин-т русского языка им. А.С.Пушкина: Под ред. П.Н.Денисова, В.В.Морковкина. – М.: Русский язык, 1978. – С.454]. Сочетание же глагола *проходить* со словами *совместно* и *с группой* в таком случае не только не соответствует типичному для речи педагога значению, но и формирует противоречащий ему контекст: изучают в группе, классе или дома *вместе с кем-то*, но не *совместно с группой* или *классом*. В-третьих, учатся всегда по программе, но не говорят при этом про учебную программу неспециалисты по проблемам вузовского образования, т.к. противопоставить учебной программе можно только рабочую, а это нюансы, студенту не открывающиеся даже на этапе выпускном, а вне такого противопоставления сочетание *обучаться по учебной программе* избыточно по смыслу (это одновременно тавтология и плеоназм) трижды, как *маслянистое масляное масло*. Это заставляет усомниться в том, что педагоги, дающие свидетельские показания, столь безответственны к языковой их форме, что не видят стилистического и смыслового несоответствия говоримого элементарным представлениям о норме языка и, одновременно, квалифицируют события **своей жизни** столь далёким от её реалий языком и стилем.

После поступления[31] *(3)* ***в конце сентября 2001 года была установочная сессия.*** *– 1, 2 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8,*

Затем сессии были в январе и июне 2002 и 2003 года, а также в январе и марте 2004года. – 1, 2 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17.

В июне 2004 года мы сдавали государственные экзамены. – 1, 2 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17.

В сентябре 2001 года мы выбрали старосту, одну из девушек нашей группы[32]**.** – 1, 2 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17.

Первую сессию 2002г. мы сдавали в общем порядке[33]***, никаких денег не собирали и никому из преподавателей каких-либо подарков или наличных денег не передавали.*** – 1, 2 3, 3, 4,, 5,., 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17

У нас был один экзамен и несколько зачётов[34]. – 1, 2 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17

Перед второй сессией я лично тоже никаких денег для преподавателей не сдавала. – 10,

Приезжала я только на сессии, со своей группой общалась мало, посещала все лекции. – 10,

Собирали ли девочки нашей группы какие-то деньги для преподавателей перед второй сессией на первом курсе, я не знаю. – 10,

(Затем, – 5 *)* ***Насколько я помню,*** *(уже перед первой сессией на 2-м курсе, хотя, возможно, и / не исключено, что и)* ***перед весенне-летней*** (*зимней* – 2) ***сессией 2002 г.*** *наша группа* (5) *(девчонки нашей группы решили 2)* ***решила, что для того, чтобы без проблем сдать сессию, нужно со всех собрать деньги (****для покупки цветов, (соков) минеральной воды на экзамены, а также)* ***для передачи (****решения вопросов с преподавателями)* ***преподавателям за благоприятное к нам отношение***[35]**.** – 1, 2, 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Инициатива в этом исходила от гродненских девушек, которые всё время проживали в Гродно и больше общались между собой. – 10,

---

[31] Этот уточнитель абсолютно информационно бессмысленный: уточняет, ничего не уточняя. Функционально он хорош в тексте как такой формальный модификатор инварианта текста, который формально варьирует текст, ничего в нём не меняя по существу. Он в равной степени плох и хорош и содержательно и как вариант без приращения смысла и отклонения в сторону от заданного информационного вектора ничего не добавляет к очередной информации типа *Лошади кушают овёс; Волга впадает в Каспийское море*.

[32] Самое уникальное по степени неопределённости содержания предложение: это прямо не собственно предложение, а его логическая схема, которую надо заполнить как любую бюрократическую форму-шаблон, но никто заполнять не стал. В самом деле, зачем говорить с уникально одинаковой точностью временн*о*й (разве что даты этого редкостного по судьбоносности события никто почему-то не называет!), если никто нигде не называет этого монстра-профессионала беззаконной деятельности, о которой все члены группы дают свидетельские показания: ***делала всё сама, на своё усмотрение***; ***сама решала вопросы (****как эти деньги потратить)* ***с преподавателями*** *(кому она покупала духи, какие-то подарки, возможно, спиртное, а кому передавала деньги)***, никого не ставила в известность** (*я точно не знаю, каким образом, мне не рассказывала*). И такое неназывание имени более чем противоестественно для женской речи о конкретном и хорошо известном человеке.

[33] ***Сдавали в общем порядке*** – выражение из той же неженской речи и военизированной и бюрократизированной терминосистемы, которая не характерна для педагога и студента, даже если он заочник: а какой ещё бывает порядок у сдачи сессии?

[34] В данном предложении противоестественным для речи студенток является и то, что никто из них не употребил форму *были* по принципу характерного для разговорной речи согласования по смыслу сказуемого и подлежащего, а также несоответствие логики слов логике событий действительности: всегда сначала сдают зачёты, а потом экзамены, и эта последовательность, актуальная и постоянная для сознания студента, тем более что большинство свидетелей учились до того ещё и в педагогических училищах, где та же структура учебного процесса, поэтому педагоги и студенты в норме преимущественно говорят *зачёты и экзамены сдали*.

[35] ***Для передачи*** *(решения вопросов с преподавателями)* ***преподавателям за благоприятное к нам отношение.*** Фраза такого рода, прошедшая с потрясающим всякое воображение единством по всем протоколам, не могла быть в принципе по своему составу и в целом генерирована сознанием студента, хотя подаётся как выстраданная свидетелями на втором курсе своего педагогического становления. Тем более противоестественна она для таких педагогов, которые о субъектах решения этого вопроса говорят *девчонки нашей группы решили*.

Кто (*конкретно* – 2) ***предложил собирать деньги, я пояснить*** *(точно не помню, мы обсуждали этот вопрос, деньги должна была собирать староста группы, она же возможно ещё девочки, которые с ней близко общались, и должны были решить вопрос конкретно с преподавателями –* 10*)* ***не могу, это была как бы общая инициатива*** *(Насколько я помню, данную тему подняла староста группы)****, также девочки, которые учились до нас (8), говорили, что нужно собирать деньги и передавать преподавателям, либо же покупать им подарки, чтобы они при приёме зачётов и экзаменов относились к нам лояльнее и строго не спрашивали*** (9). – 1, 2, 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10),

Кто конкретно сообщил такую информацию, я не помню, но речь об этом шла *и данные вопросы обсуждались (об этом говорили практически все студентки, учившиеся до нас –* 2*)*. – 1, 2, 3, 3, 4, 5, 7, 8,

Мы в своей группе решили поступить таким же образом. – 1, 2, 3, 3, 4, 5, 7, 8

Как я поняла, в университете уже существовала такая практика (5). – 1, 2, 4, 5, 7,

Далее *(затем)*,[36] *начиная с весенне-летней (зимней) сессии 2002 г.* (7), ***перед экзаменами*** *(сессиями)* ***мы все собирали*** *(я сдавала)* ***деньги для (****решения вопросов с преподавателями –* 10*)* ***преподавателей, а также для покупки на экзамены, зачёты цветов, соков, минеральной воды.*** – 1, 2, 3, 3, 4, 5, 6, 8, 9.

Деньги все, и я в том числе, (5) ***сдавали старосте, она отмечала в блокноте, кто сдал.*** – 1, 2, 3, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10.

Насколько мне известно (5) *(я знаю –*3***), сдавали все студентки нашей группы, никто не отказывался*** *и не возмущался* (3) *(т.к. никому не хотелось иметь проблем со сдачей экзаменов и зачётов) (однако всё происходило в добровольном порядке*[37] *–* 10*)* – 1, 2, 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Я, также как и мои одногруппницы Красковская и Надейко[38] *первоначально отговаривали всех собирать деньги, тем более при поступлении все говорили, что с этим очень строго*[39]. – 10.

Однако основная масса группы решила деньги всё-же сдавать, и я тоже сдавала. – 10.

Насколько мне известно, Красковская и Надейко также сдавали деньги. – 10.

Староста сама решала вопросы (*как эти деньги потратить)* ***с преподавателями*** *(кому она покупала духи, какие-то подарки, возможно, спиртное, а кому передавала деньги –* 5***),*** *я точно не знаю (каким образом,*

---

[36] ***Далее, перед экзаменами*** – Запятая, стоящая в текстах даже при отсутствии деепричастного оборота в этом предложении, например, в протоколе допроса 13 – ещё одно подтверждение единства текста всех пятнадцати протоколов следователя №1.

[37] Не ясно, в чём тут новая мысль по сравнению со сказанным уже и в чём противопоставление, вызвавшее союз *однако*: налицо совпадение двух по-разному выраженных мыслей: *никто не отказывался* естественно предполагает, что *всё происходило в добровольном порядке*.

[38] В данном случае, имеет место та же мнимая субъектная конкретность описываемых поступков, что в случае с указанием фамилии *19* признательные показания самих названных субъектов действий отсутствуют.

[39] Налицо в данном случае взаимоисключающие утверждения, аннулирующие всеобщность и массовость университетской непреодолимой традиции: не может одновременно иметь место то, что является взаимоисключающим, в чём, собственно, и состоит актуализация подлинного «веса» бессубъектного представления неконтролируемой фатальности происходящего с помощью неопределённо-личных формулировок типа *в университете уже существовала такая практика, говорили все студентки, учившиеся до нас* – и рядом *тем более при поступлении все говорили, что с этим очень строго.*

*мне не рассказывала) (я просто сдавала деньги, отчёта у старосты не требовала)***.** – 1, 2, 3, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9,

Для этих целей (4) *(Для решения вопросов с преподавателями* (2) *за благоприятное к нам отношение. А также для покупки цветов, соков, минеральной воды)* ***мы перед каждой сессией сдавали старосте*** *(деньги, конкретные суммы я в настоящее время не помню, я сдавала в белорусских рублях)* ***примерно по 10 долларов или в белорусских рублях, я лично сдавала рублями, примерно по 15-20 тысяч, в зависимости от количества предметов и конкретных преподавателей (5).*** – 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

В настоящее время я уже точно не помню, каким конкретно преподавателям *(Староста лично мне не рассказывала, кому и)* ***что передавалось за благоприятное к нам отношение при сдаче зачётов и экзаменов, однако деньги мы собирали регулярно и староста сама решала, к кому подойти и что передать*** (5). – 5, 8, 9.

Лично мне староста (Мне лично староста) (каких-либо подробностей на эту тему) не рассказывала (кому и что она покупала). – 9, 10.

Староста сначала рассказывала, кому и что она покупала, также говорила, что некоторым преподавателям просто передавала деньги. – 8, 9.

Потом уже на эти темы практически не разговаривали, сдавали старосте деньги и она решала все вопросы.– 8.

(Вместе с тем) Могу пояснить, что, со слов нашей старосты, она передавала деньги преподавателю по дошкольной педагогике А, преподавателю по общей педагогике Б, (преподавателю по методике ознакомления с природой В, возможно, ещё каким-либо преподавателям, фамилий их в настоящее время не помню, нужно было передать деньги за благоприятное к нашей группе отношение при приёме экзаменов и зачётов / которых) других фамилий преподавателей не помню, хотя им также передавались перед сессиями подарки или деньги. – 5, 9.

О А и Б была информация, что они берут постоянно и довольно крупными суммами наличными деньгами. – 9.

Всем этим занималась староста, мы же просто сдавали для этих целей деньги. – 9.

По имеющейся у нас информации, за зачёт А нужно было передать 50 долларов, за экзамен – 100 долларов, такая же ситуация была и с Б. – 9.

Староста говорила нам, что подходила к преподавателям перед экзаменами или зачётами и что всё будет нормально, при этом, по крайней мере, мне, не рассказывала, кому и что она покупала или передавала деньги. – 4.

*Перед экзаменами староста говорила что подходила к преподавателям и что всё будет нормально***.** – 9.

При каких обстоятельствах передавались деньги или подарки, я точно пояснить не могу, *всем* ***этим занималась староста, сама я лично при этом не присутствовала (****мы же просто сдавали для этих целей деньги –3) (возможно, ей кто-то помогал, но лично я в передаче взяток никогда не участвовала* – 3*).* – 1, 2 3, 3, 4, 5, 8, 9.

Что, кому, при каких обстоятельствах староста передавала, я конкретно пояснить не могу.– 9.

(Вообще) Вопрос о сборе и передаче денег преподавателям в качестве взяток мы старались держать в секрете, понимали, что всё это незаконно,

также была информация, что какие-то преподаватели уже за это пострадали. – 1, 4, 8, 9.

Как я уже сказала, кому какие конкретные подарки или денежные суммы передавались, я не знаю. – 3.

В июне 2004 г. у нас были государственные *выпускные* (5) ***экзамены.*** – 1, 3 (нет следующей страницы), 3, 4, 5,. 6, 7, 8, 9.

Перед экзаменами мы все собрались и решили собрать с каждой студентки по 100 тысяч белорусских рублей для покупки цветов, подарков, а также передачи наличных денег преподавателям-членам государственной экзаменационной комиссии за благоприятное отношение к нашей группе при сдаче экзаменов. – 1, 2, 3 (нет следующей страницы), 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

Я сдавала в два приёма по 50 тысяч рублей, у меня сразу не было таких денег. – 9.

(Если я не ошибаюсь, то) ***Деньги (****все, и я в том числе) (я сдавала старосте группы, насколько помню, сдавала в несколько приёмов –* 2*) (в два приёма)****,* ***как всегда****,* ***сдали (****сдавали –* 2*)* ***старосте группы, а она решала (****староста сама знала/решала –3)****,* ***когда, как и к кому подойти и что передать, я конкретно пояснить не могу****.* – 1, 2, 4, 3 (нет следующей страницы), 3, 5, 6, 7, 8, 9.

Я сдавала только один госэкзамен, вместо сдачи второго экзамена я писала дипломную работу у Б, поэтому я сдала старосте только 50 тысяч рублей. – 8.

Второй раз собирали, т.к. собранные деньги заканчивались и их не хватало. – 5, 6.

Я лично сдавала два раза по 50 тысяч рублей старосте группы. – 5, 6.

Староста сама решала, как их тратить, я во всё это не вмешивалась, все сдавали и я сдавала. – 6, 8.

С её слов, она передавала преподавателям-членам ГЭК и подарки, и деньги. – 5, 8.

Конкретных преподавателей, к кому подходила староста, я назвать не могу, староста мне подробностей не говорила. – 1, 2, 4.

При фиксации чужого слова ещё в большей степени, чем в процессе говорения всякого слова, всегда имеет место скрываемое или явленное остальным носителям языка **постоянное *со*-творчество другого** – адресата говоримого. Замечательно нюансированы все мыслимые грани этого вида креативности французскими дискурсивистами в духе лакановского прочтения Фрейда в категориях психоанализа и именно двойной концепции **принципиальной неоднородности речи** и **разделённости субъекта** Жаклин Отье-Ревю, доктором филологических наук, преподающим французскую лингвистику [Отье-Ревю, 1999, с. 80]. Таким образом, когда мы говорим, «всегда говорится что-нибудь дополнительно и испрошенное» (ibid.), и не только в случаях оговорок, когда «другое слово» занимает в цепочке место запланированного, а постоянно, за счёт избытка смысла по сравнению с тем, что мы хотели сказать, так что «ни одно говорящее существо не может похвастаться, будто имеет власть над многочисленными отзвуками того, что оно говорит» (ibid.), и это свойство акта речи можно считать «неизбежным и позитивным»: «Говорить больше, чем знаешь, не знать, что говоришь,

говорить не то, что говоришь» [Miller, 1975, с. 16−34]. Эта концепция пронизанности дискурса бессознательным базируется на концепции субъекта как однородной сущности, внешней по отношению к речевой деятельности, но комплексной структуры, порождаемой ею: субъект **децентрализован**, разделён – неважно, какой термин мы употребим, лишь бы подчеркнуть **структурный**, **конституирующий** характер этой **разделённости**[40] и исключить мысль о том, что раздвоение или разделённость субъекта – всего лишь следствие его столкновения с внешним миром, ибо такую разделённость можно было бы преодолеть в ходе работы по восстановлению единства личности[41].

И в этом же смысле творцом говоримого является и содержание говорения как самостоятельная текстуализованная форма существования моделируемого говоримым фрагментом мира и эмпирическим проживанием этого фрагмента.

В нашем случае имеет место единство говоримого, уникальное для такого количества субъектов, мыслящих самостоятельно и говорящих спонтанно в ответ на чужие вопросы профессионально не однородного с ними собеседника. Причём это единство не только по содержанию, одинаково неопределённо представляющему интерпретируемые в свидетельских показаниях события, но и по форме текстового воплощения этого содержания. Единство языковой формы обнаруживается во всех 54 свидетельских показаниях, отражённых в протоколах ст. следователем №1 и рассмотренных нами: на уровне лексики, которой оперируют свидетели, сочетаемости слов, порядка слов в предложениях, типов синтаксических конструкций, используемых авторами, текстовой структуры показаний, логики причинно-следственных отношений и мотивации поступков, степени точности, субъектной, объектной и обстоятельственной определённости и неопределённости воспроизводимых в показаниях событий и фактов, социолингвистической характеристики говорящих (личность, пол, возраст, профессиональная осведомлённость в вопросах образования и права).

Такое единство, даже уникальное, можно было бы объяснить единством ситуации, проживаемой и прожитой свидетелями, их половой и профессиональной общностью, хотя и это не исключает своеобразия языкового сознания личности. Однако все протоколы обнаруживают и единство языковой личности свидетелей и ст. следователя на уровнях мысли,

---

[40] Выделено автором цитируемой работы. – *С.А.*

[41] Именно в этом и заключается суть «ущемлённости нарциссова комплекса», приписанного Фрейдом после открытия бессознательного субъекту, который больше не хозяин в своём доме», и именно это, вследствие данного факта, постоянно находится на грани забвения. Несмотря на противоположную политическую ориентацию, антипсихиатрия Р. Лэнга, который осуждает порабощающую роль социального окружения в происхождении «разделённого Я», и, с другой стороны, адаптационная эгопсихология, стремящаяся построить автономное «сильное Я», которое бы «вытеснило Эго», в действительности объединяются в непонимании фрейдовского бессознательного и децентрализованного субъекта, которого оно структурирует.

В действительности Фрейд утверждает, что для субъекта **нет центра** за пределами иллюзий и вымыслов, но что функция этой **реализации субъекта, которым является Я**, – быть носительницей этой необходимой иллюзии, **функции непонимания Я**, которая восстанавливает образ автономного субъекта, преодолевая в воображении разделённость.

В разрыве с Я, основой классической субъектности, понимаемой как внутреннее пространство в противоположность внешнему миру, здесь основа субъекта смещена, вытеснена «в сферу множественного, принципиально разнородного, где внешний мир находится внутри субъекта» [Clement, 1972, с. 172−175].

языка, речи и коммуникации: сняты половые и профессиональные различия во взгляде и интерпретации описываемых событиях, и все свидетели говорят не языком педагогов или бывших студентов, а языком хорошо осведомлённых в тонкостях юридического дела человека, который знает об ответственности за дачу взятки, за соучастие в ней, за использование в расчётах иностранной валюты, за клевету, за укрывательство.

Вместе с тем всё говоримое в единстве и запечатлённое как инвариант текста, повторённый в усечённом или развёрнутом варианте всеми допрошенными, не демонстрирует отсутствия круговой поруки, а на уровне информативности не представляет ничего конкретного, кроме того, что является отражением географии и истории движения свидетелей к искомому образованию.

Как гипертекст (текст всего полученного в процессе протоколирования свидетельских показаний знания и сумма всех текстов индивидуального знания каждого свидетеля) все протоколы оказались бедны информационно, мало отличаются от инварианта формы и содержания искомой ведущим субъектом информации, вариативны в тех частях, которые либо ставят под сомнение сказанное всеми в инварианте, либо вообще сказанное опровергают. Читатель этого гипертекста остаётся явно информационно не удовлетворённым: картины происходящего не воссоздаются из-за отсутствия конкретных эмпирических подробностей событий, а предлагаемые в показаниях подробности есть не что иное, как информационные мифы и фантомы: никто не видел ни подарков, ни вручаемых кому бы то ни было денег, хотя говорят свидетели о суммах; никто не знает имён преподавателей, которые принимали у них оплаченные экзамены и зачёты, хотя при определённом цифрой до 20 зачётов и экзаменов, за вычетом принятых пятью названными в протоколах преподавателей, как минимум 10 имён или оплаченных зачётов и экзаменов такой коллектив должен был вспомнить, если образующие этот коллектив люди были реальными участниками описываемых событий[42].

Сказанное обнаруживает противоестественность текстового представления диалогов следователя и свидетелей, тем более что в текстах нет и противопоставленности двух сторон диалога по полу, возрасту, социальному и коммуникативному статусу и профессиональной принадлежности, что позволило эксперту делать заключение о

---

[42] Заметим, что в кратковременной памяти среднестатистического нормального, без психических отклонений, человека хранится и при необходимости воспроизводится не менее 70% эмпирически прожитого – события, имена, действия, обстоятельства входят в объекты такой памяти. Причём происходит такое воспроизведение, даже если отделён момент воспроизведения информации от самого события сроком б*о*льшим, чем два года или, как в нашем случае, полгода – год. Сессии же каждый студент помнит, как известно, всю жизнь и во всех эмпирических подробностях и деталях обстоятельств в силу экстремальных психо-эмоциональных и интеллектуальных нагрузок, приходящихся во время сессии на человека. Т.е. в норме это объект хранения в долговременной памяти, не спонтанной, а систематизированной сохранности. Естественно и закономерно ожидать такого же и от заочников, если не сказать *в особенности от заочников*, поскольку их студенческая жизнь, измеряемая в нашей ситуации всего четырьмя месяцами и полутора десятками имён преподавателей, спрессована в лаконичнейшие, но незабываемые отрезки сознательного бытия. При этом индивидуальность воспоминаний и эмпирического опыта позволяют ожидать, что имена всех преподавателей коллективным сознанием были бы восстановлены в памяти либо следователь при желании достучаться до реальных обстоятельств дела – мог бы помочь свидетелям это сделать с помощью простого привлечения выписки из любой зачётной книжки любого из них. Простая же математическая обработка (сложение, умножение и деление) фигурирующих в показаниях сумм не позволяет получить цифры, эквивалентные указанным таксам за зачёты и экзамены, что тоже не убеждает конкретикой текстов в истинности описываемых событий.

сфабрикованности протоколов, а лингвисту, описывающими научные результаты экспертизы, – рассматривать тексты протоколов допросов как своеобразный когнитивный паспорт следовательского и свидетельского языковых сознаний, отражающий специфику субъектной и социальной категоризации и концептуализации внеязыковой действительности.

Библиографический список

Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. – 1967. – № 19.

Никитевич В.М. Словообразование и номинативная деривационная грамматика (Часть I): Словообразование и номинативная деривация (Спецкурс по общему языкознанию для студентов-филологов). – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1978.

Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме *другого* в дискурсе // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М., 1999.

Clement C. «Le moi et la deconstruction du sujet» article «Moi». Enciclopedia Universalis, ed. 2, 1972, t. 11.

Miller J.-C. Language et langue (rudiment). – Ornicar, 1975. – № 1.

Н.М. Басай, Г.Л. Дырин

СУДЕБНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ПИСЬМЕННЫХ И УСТНЫХ ТЕКСТОВ

Судебные лингвистические экспертизы письменных и устных текстов – новый род судебных речеведческих экспертиз. Необходимость производства подобных экспертиз в гражданском, арбитражном, уголовном процессе, административном производстве связана с тем, что в современных социально-экономических условиях множатся судебные иски по защите чести, достоинства и деловой репутации, авторских и других смежных прав. Без использования специальных лингвистических познаний, как правило, невозможно разрешение дел о плагиате, производстве и распространении контрафактной книгопечатной продукции. Весьма востребованы экспертизы этого рода при расследовании и судебном рассмотрении дел об оскорблениях и клевете, возбуждении национальной, расовой и религиозной вражды, призывах к свержению конституционного строя.

Предметом судебной лингвистической экспертизы являются факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования закономерностей существования и функционирования естественного или искусственного языка.

Объектами судебных лингвистических экспертиз являются речевые проявления в форме письменного текста или устного высказывания.

Результаты лингвистического анализа содержательно-смысловой и формальной стороны речевого произведения – основной источник доказательственной информации как при разрешении гражданско-правовых споров, так и при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, дел об административных правонарушениях. Следует подчеркнуть, что никаких других источников доказательств по делам этих категорий обычно не существует.

Ниже мы приводим примерный перечень вопросов диагностического характера, выносимых на разрешение судебных лингвистических экспертиз письменных и устных текстов.

Вопросы общего характера:

1. Является ли данный язык родным для автора текста, если нет, то какой язык предположительно является для него родным?
2. Носителем какого наречия (диалекта, говора) является автор текста?
3. Является ли творчески-самобытным название, коммерческое имя, товарный знак, слоган, доменное имя?
4. Содержатся ли в данной статье негативные сведения об определенном лице (лицах), его деятельности и о его личных деловых и моральных качествах? В каких конкретно высказываниях содержится негативная информация? Если в вышеуказанных фразах имеются негативные сведения о нем, то в какой форме они выражены: утверждения, предположения, вопроса?
5. Если в представленных материалах содержится негативная информация об указанных лицах, то воспринимается ли эта информация как чернящая доброе имя, задевающая честь и достоинство этого лица, других руководителей данной организации, как умаляющая деловую репутацию указанных лиц?
6. Подтверждает лингвостилистический анализ выделенных фраз, что в них содержатся сведения в форме утверждений о нарушении г-ном (ФИО) действующего законодательства, моральных норм и принципов, а также утверждения, позорящие его производственно-хозяйственную и общественную деятельность, умаляющие его деловую и общественную репутацию?
7. Содержит ли данное предложение (цитата) сведения, унижающие честь и умаляющие достоинство, задевающие, чернящие деловую репутацию физического или юридического лица?
8. В каких фрагментах данной статьи (радиопередачи, видеосюжета) содержится информация о деловой репутации данного юридического лица (общественной организации, организации, фирмы)?
9. Если сведения, изложенные в статье (радиопередаче, видеосюжете), не соответствуют действительности, то можно ли их квалифицировать как очерняющие деловую репутацию истца (гражданина, организации)?

10. Являются ли сведения, изложенные в данном абзаце (цитата), утверждениями о фактах (если да, то каких) или мнением автора (журналиста, редакции) статьи (радиопередачи, видеосюжета)?

Вопросы, возникающие в связи с обвинением в клевете (ст. 129 УК).

1. Имеются ли в тексте высказывания в форме утверждения о каких-либо конкретных фактах нарушения г-ном (ФИО) действующего законодательства или моральных принципов (о совершении уголовно или административно наказуемого деяния, неправильном поведении в трудовом коллективе, в быту), иные сведения, унижающие честь и умаляющие достоинство, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию данного гражданина?

2. Есть ли в тексте высказывания о фактах, не имевших места в действительности, но формирующих о г-не (ФИО) ложное, не соответствующее действительности представление?

3. Имеются ли высказывания, позорящие г-на (ФИО), содержащие измышления о конкретных фактах, поддающихся проверке и касающихся именно данного лица?

4. Имеются ли в тексте высказывания в форме утверждения, приписывающие г-ну (ФИО) незаконные или аморальные действия, вызывающие явное или неявное осуждение со стороны окружающих?

5. Содержатся ли в исследуемых текстах высказывания в форме утверждения о совершении г-ном (ФИО) деяний, предусмотренных УК?

Вопросы, возникающие в связи с обвинением в оскорблении (ст. 130 УК).

1. Какие типы лексики современного русского языка относятся к оскорбительной лексике?

2. Содержатся ли в предложении (цитате) слова, словосочетания или фразы, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?

3. Носят ли высказывания (цитата), относящиеся к г-ну (ФИО), оскорбительный характер?

4. Имеется ли в высказываниях (цитате) отрицательная оценка личности г-на (ФИО), подрывающая его престиж в глазах окружающих, наносящая ущерб уважению к самому себе? Если имеется, то выражена ли такая отрицательная оценка в циничной, неприличной форме, противоречащей правилам поведения, принятым в обществе?

5. Идет ли речь в высказывании, содержащем отрицательную оценку личности в неприличной форме, несомненно и именно о г-не (ФИО)?

6. Имеется ли в тексте выраженная в неприличной форме отрицательная оценка личности г-на (ФИО), имеющая обобщенный характер и унижающая его честь и достоинство?

7. Имеются ли в тексте фразы, направленные на унижение личного достоинства г-на (ФИО), высказанные в позорящей его, неприличной форме?

Вопросы, возникающие по спорным текстам СМИ в связи с уголовными делами по обвинению в экстремизме (ст. 282 УК), в возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства.

1. Имеются ли в сюжетах, показанных данной телекомпанией (воспроизведенных радиостанцией, текстах, опубликованных в прессе), слова, выражения или высказывания, содержащие негативные оценки в адрес какой-либо одной национальной, конфессиональной или социальной группы по сравнению с другими социальными категориями?

2. Имеются ли высказывания, содержащие резкую негативную оценку или выражающие неприязненное, враждебное отношение по отношению не к отдельным представителям, а ко всей этнической группе? Если да, то в какой форме они выражены: утверждения, мнения, эмоционально-экспрессивной оценки, субъективного оценочного суждения и т.п.?

3. Является ли автором высказываний, содержащих негативную оценку, высказываемую в адрес какой-либо этнической, конфессиональной или социальной группы, редакционная коллегия, или высказывания с отрицательной оценкой даны в виде цитат, персональных мнений респондентов, личного мнения комментатора, корреспондента или каких-либо официальных лиц?

4. Имеются ли высказывания, содержащие пропаганду неполноценности граждан какой-либо национальности, конфессии или социальной группы по сравнению с другой нацией или группой?

5. Имеются ли высказывания, содержащие призывы к осуществлению каких-либо враждебных или насильственных действий по отношению к лицам какой-либо национальности, конфессии, расы?

6. Имеются ли высказывания уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической, конфессиональной или социальной группы?

7. Имеются ли высказывания побудительного характера или фразы в форме директивного предписания к действиям в пользу одной социальной группы за счет другой?

8. Имеются ли высказывания, которые с точки зрения современного носителя русского языка можно истолковать как приписывание всем представителям одной этнической группы следования древним обычаям, верованиям, традициям действий, негативно оцениваемых современной российской культурой?

9. Есть ли высказывания в форма утверждения о природном превосходстве одной нации, расы и неполноценности, порочности другой?

10. Есть ли высказывания, содержащие утверждения о возложении ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую группу?

11. Есть ли высказывания побудительного характера, содержащие призывы к враждебным или насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, одной социальной группы против другой?

12. Есть ли высказывания об изначальной враждебности, о враждебных намерениях какой-либо нации в целом?

13. Есть ли высказывания о полярной противоположности, антагонизме, принципиальной несовместимости интересов одной этнической группы по отношению к какой-либо другой?

14. Есть ли высказывания, где бедствия, неблагополучие в прошлом, настоящем и будущем одной социальной, этнической или конфессиональной группы объясняются существованием и целенаправленной деятельностью (действиями) другой нации, народности, социальной, конфессиональной или этнической группы?

15. Имеются ли высказывания, содержащие положительные оценки, восхваление геноцида, депортации, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, конфессии, этнической группы?

16. Имеются ли высказывания, содержащие требования, призывы к ограничению конституционных прав и свобод граждан каких-либо этнических, конфессиональных или социальных групп?

17. Имеются ли высказывания с призывами дать привилегии отдельным гражданам или группам лиц, объединенных по национальному, конфессиональному или иному социальному признаку?

Вопросы, относящиеся исключительно к судебной экспертизе письменных текстов:

1. Составлен ли данный документ лицом, обладающим навыками научного (публицистического, делового и пр.) стиля письменной речи?

2. В каком значении употреблено слово (цитата) в контексте данного абзаца или предложения (цитата) в статье, опубликованной в печатном издании (название)?

3. Каковы наиболее существенные и значимые жанровые, психолингвистические и стилистические особенности текста публикации (название)?

4. Какова композиционная структура текста статей (статьи), какие художественные приемы использует автор и как они характеризуют героев публикации?

Судебные лингвистические экспертизы письменных и устных текстов, несмотря на их большую распространенность, не производятся в государственных экспертных учреждениях. Их осуществляют частные эксперты и некоторые негосударственные судебно-экспертные учреждения. Одним из лучших в России коллективов экспертов, обладающих значительным опытом составления экспертных заключений по гражданским и уголовным делам, является Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), которая осуществляет эффективное сотрудничество с широким кругом юридических и физических лиц. Экспертизы (судебные и несудебные) выполняются членами Гильдии на договорной основе по официальным запросам судов, следственных органов, адвокатов, редакций СМИ и иных хозяйствующих

субъектов, отдельных граждан. В соответствии с регламентом Гильдии средний срок проведения исследований и подготовки заключения составляет 30 календарных дней. По некоторым запросам экспертные работы и составление заключения могут (в порядке исключения) выполняться безвозмездно.

Проиллюстрируем возможности судебной лингвистической экспертизы устных текстов примером.

Прокурор Нижегородской области в интересах Российской Федерации и общества обратился в суд с заявлением об установлении признаков экстремизма в материале видеосюжета о переселении в Нижегородскую область чеченских беженцев, распространенном телекомпанией «Волга» в программах «Новости» и «Послесловие».

Указанный сюжет и комментарии к нему были продемонстрированы в эфире телеканала «Волга» неоднократно. 6 августа 2002 г. ведущая программы «Новости» сообщила о том, что в почтовых ящиках жителей города появились агитационные материалы кандидата на должность Главы города Нижнего Новгорода, содержащие «Обращение к народу». После демонстрации данного материала следовал монолог Зарифы Г. о планах по реализации проекта по переселению в Нижний Новгород 15 тыс. чеченцев и его поддержке вышеуказанным депутатом Государственной Думы. Второе сообщение о данном проекте в эфире телеканала «Волга» содержалось в выпуске программы «Новости» 15 августа 2002 г, В начале программы «Новости» ведущая сообщила, что «*подготовка к переселению в г. Нижний Новгород беженцев из Чечни уже началась*», и предложила зрителям выразить свое отношение к данному проекту в системе интерактивного телевидения. После ряда информационных сюжетов ведущая подробнее остановилась на вопросе переселения беженцев из Чечни. Далее были показаны видеосюжеты: в кадре военная техника, выстрелы из автоматического оружия, разрушенные здания и сооружения, появились титры: «Материал оплачен из избирательного фонда зарегистрированного кандидата Б.». Далее следовал сюжет, который был продемонстрирован и в программе «Послесловие» 18 августа 2002 г.

Прокурор указал, что в данных сюжетах о переселении в Нижегородскую область чеченских беженцев присутствуют признаки пропаганды национальной нетерпимости, исключительности и вражды. Так, формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, образа нации присутствуют в таких высказываниях, прозвучавших в видеосюжете: «*Может, у них там месть начнется, русских всех будут убивать*», «*Если вселятся, уже не выгонишь их*», «*Гарантий нет, что вместе с ними не придут боевики*», «*Найдут они сто путей, как временную прописку сменить на постоянную*». Высказывание «*Может, у них там месть начнется, русских всех будут убивать*», по мнению прокурора, приписывает всем представителям этнической группы следование древним обычаям верованиям, традициям, негативно оцениваемым современной культурой, враждебные действия и опасные намерения одной нации против другой.

Высказывание: «*Гарантий нет, что вместе с ними не придут боевики*» приписывает враждебные действия и опасные намерения одной нации против другой и возлагает вину и ответственность за деяния отдельных представителей на всю этническую группу. Высказывания «*Я считаю, это прежде всего представляет угрозу для национальных интересов самой России, в частности Нижегородской области… если только колючей проволокой обнести их... дома. Потому что все-таки народ неспокойный*» содержат утверждения об изначальной враждебности определенной нации, а также поощрение, оправдание геноцида, депортации, репрессий в отношении представителей какой-либо нации.

Прокурор Нижегородской области считает, что агитационный материал кандидата на должность Главы города Нижнего Новгорода Б. имеет признаки экстремистского материала, предусмотренные ч.1 ст.1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», а неоднократный показ данного материала в эфире телеканала «Волга» указывает на наличие в деятельности телеканала признаков экстремизма. Представитель Приволжского окружного межрегионального территориального управления Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций поддержала требование прокурора.

Представители ООО «Телекомпания «Волга» не признали требование прокурора, заявив ходатайство о назначении судебной комиссионной лингвистической экспертизы, которая и была назначена экспертам ГЛЭДИС определением Советского районного суда г. Нижнего Новгорода, при рассмотрении гражданского дела.

На разрешение судебной лингвистической экспертизы были поставлены следующие вопросы.

1. Имеются ли в сюжетах, показанных телекомпанией «Волга», слова, выражения или высказывания, содержащие негативные оценки в адрес какой-либо одной национальной, конфессиональной или социальной группы по сравнению с другими социальными категориями?

2. Имеются ли высказывания, содержащие резкую негативную оценку или выражающие неприязненное, враждебное отношение по отношению не к отдельным представителям, а ко всей этнической группе? Если есть, то в какой форме они выражены: утверждения, мнения, эмоционально-экспрессивной оценки, субъективного оценочного суждения и т.п.?

3. Является ли автором высказываний, содержащих негативную оценку, высказываемую в адрес какой-либо этнической, социальной группы, редакционная коллегия, или высказывания с отрицательной оценкой даны в виде цитат, персональных мнений респондентов, личного мнения комментатора, корреспондента или официальных лиц?

4. Имеются ли высказывания, содержащие пропаганду неполноценности граждан какой-либо национальности или социальной группы по сравнению с другой нацией или группой?

5. Имеются ли высказывания, содержащие призывы к осуществлению каких-либо враждебных или насильственных действий по отношению к лицам какой-либо национальности?

6. Имеются ли высказывания, которые, с точки зрения современного носителя русского языка, можно истолковать как приписывание всем представителям одной этнической группы следования древним обычаям, верованиям, традициям действий, негативно оцениваемых современной российской культурой?

7. Есть ли высказывания об изначальной враждебности какой-либо нации?

8. Выражают ли использованные в данном материале словесные (изобразительные) средства унизительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении чеченской этнической группы или отдельных лиц как ее представителей?

9. Содержится ли в данном материале информация, побуждающая к действиям против чеченской этнической группы или отдельных лиц как ее представителей?

10. Использованы ли в данном материале специальные языковые или иные средства (какие именно) для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок и побуждений к действиям против чеченской нации или отдельных ее лиц как ее представителей?

В распоряжение экспертов были предоставлены три видеокассеты с записями видеоматериалов и стенограмма видеоматериалов. В результате производства судебной экспертизы установлено:

1. В сюжетах, показанных телекомпанией «Волга», имеются слова, выражения и высказывания, содержащие негативные оценки в адрес чеченской национальной группы без сравнения с другими социальными категориями. Полное содержание таких высказываний приведено в исследовательской части заключения комиссии экспертов.

2. В тексте выявлены высказывания, содержащие негативную оценку и выражающие отрицательное отношение не ко всей нации, а к группе лиц, называемых «чеченские беженцы (переселенцы из Чечни)». Эти высказывания выражены в форме некатегорических суждений, персональных мнений и субъективных личных оценочных суждений интервьюируемых граждан (респондентов).

3. Авторами высказываний, содержащих негативную оценку социальной группы, называемой «чеченские беженцы (переселенцы)», являются респонденты. Высказывания в адрес чеченских переселенцев, содержащие отрицательную субъективную оценку, даны в виде персональных мнений респондентов.

4. Высказываний, содержащих пропаганду неполноценности граждан какой-либо национальности или социальной группы по сравнению с другой нацией или группой, не обнаружено.

5. Высказываний, содержащих призывы к осуществлению каких-либо враждебных или насильственных действий по отношению к лицам какой-либо национальности, не обнаружено.

6. В видеосюжете 2 есть отдельные высказывания, которые, с точки зрения современного носителя русского языка, можно истолковать как приписывание представителям одной этнической группы (чеченцам) действий, негативно оцениваемых в любом цивилизованном, культурном сообществе, в том числе и в современном российском обществе. А именно, это реплика респондента (не текст журналиста): «*Народ-то уж очень... нельзя им доверять. По природе... головорезы*», где содержится высказывание в форме личного мнения говорящего об изначальной враждебности чеченцев.

7. Словесных (изобразительных) средств, выражающих и дающих в исследованном видеоматериале унизительные характеристики в отношении чеченской этнической группы или отдельных лиц как ее представителей, не обнаружено. Имеются отдельные высказывания, приведенные в исследовательской части заключения, которые содержат отрицательные эмоциональные оценки и негативные персональные (личное мнение) установки граждан (респондентов), высказываемые как в отношении всех чеченцев, так и в отношении идеи (инициативного предложения) по переселению отдельной группы лиц, проживающей на территории Чечни, в Нижегородскую область. При этом следует подчеркнуть, что в видеоматериале все говорящие не проводят четкой грани между чеченским этносом (чеченским народом), жителями Чечни (там живут не только чеченцы) и беженцами из Чечни. Поэтому невозможно четко разграничить высказывания об этих трех группах лиц. К тому же в высказываниях не респондентов, а других лиц (то есть в речи корреспондентов, ведущих, комментаторов и др.) не просматривается четкой установки, позволяющей; отвечающим на вопросы и комментирующим информацию о планируемом переселении проводить такое разграничение между тремя группами указанных выше лиц – чеченским этносом, жителями Чечни и беженцами из Чечни. Поэтому в исследуемом контексте видеоматериалов не представляется возможным разграничить, о какой конкретно из этих трех групп лиц точно идет речь (кого говорящий имеет в виду).

8. В исследованном материале информация, побуждающая к действиям против чеченской этнической группы или отдельных лиц как ее представителей, не содержится.

9. В исследованном материале специальные языковые или иные средства для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок и побуждений к действиям против чеченской нации или отдельных ее лиц как ее представителей не использованы.

Судебные лингвистические экспертизы устных и письменных текстов часто назначаются в комплексе с судебными фоноскопическими экспертизами и судебными автороведческими экспертизами.

К.И. Бринев

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ЮРИДИЧЕСКОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Лингвистическая экспертология[43] как область юридической лингвистики и как область практических лингвистических исследований стимулировала постановку определенного вида проблем, без решения которых дальнейшие исследования в этой области, по нашему мнению, могут оказаться неэффективными. Настоящее сообщение направлено на выявление этих проблем и выдвижение предположений по их возможному решению.

1. Центральной проблемой, которая следует из того, что лингвистическая экспертология представляет собой прикладную область лингвистики, является проблема статуса лингвистической теории, с одной стороны, в аспекте ее соответствия / несоответствия действительности, а с другой стороны, в аспекте ее применения для объяснения конкретных ситуаций. Остановимся на комментарии второго выделенного нами аспекта.

В настоящее время в лингвистике, по нашему мнению, неявно доминирует взгляд, согласно которому теоретические знания – это сорт знаний «для-себя» и «в-себе», и они не имеют никакого значения для решения прикладных задач или, по крайней мере, весьма слабо с ними связаны.

Думаем, необходимо рассмотреть противоположную презумпцию, согласно которой не существует ни одной прикладной задачи, которая не решалась бы при помощи какой-либо теории, включая теорию, основанную на обыденных представлениях о предмете исследования. Естественно, мы не считаем, что прикладное и теоретическое – это одно и то же, но их объединяет достаточно важная вещь – факт[44]. Любая теория предназначена

---

[43] Термином «лингвистическая экспертология» мы обозначаем один из разделов юридической лингвистики (юрислингвистики), целью которого является теоретическое и методическое обеспечение лингво-экспертной деятельности.

[44] Решая конкретные экспертные задачи в рамках лингвистических экспертиз спорных речевых произведений, автор пришел к выводу, что в лингвистике практически отсутствует такая научная категория, как категория «факт»; в ней (лингвистике) есть материал, но нет фактов, всегда, например, относительно лингвистического исследования мы можем услышать вопрос: «На каком материале вы выполнили исследование?», но практически никогда: «Какие факты позволяют вам делать такие-то утверждения, и почему вы думаете, что эти факты позволяют вам утверждать то-то и то-то?». Юридическая лингвистика (а точнее, ее подотрасль – лингвистическая экспертология) «выявила» проблему факта недвусмысленным образом – с одной стороны, это глобальная проблема фактических описаний продуктов речевой деятельности, которая возникает в экспертных исследованиях. Эта проблема ясно может быть сформулирована, по нашему мнению, следующим образом: «Каковы те факты, которые могут быть установлены в результате лингвистического исследования?» или – с несколько другой стороны – «Как мы используем наши объяснения для того, чтобы утверждать, что в мире происходило (происходит) то-то и то-то?».

Вторая, на первый взгляд, сугубо техническая проблема, касающаяся разграничения фактов и мнений, событий и оценок, которая возникает в экспертной практике по делам о распространении не соответствующих действительности порочащих сведений и клевете, поставила вопрос об

для описания и, что более важно, для объяснения существующих фактов, прикладные же исследования, по крайней мере, в лингвистической экспертизе, направлены на ситуационное объяснение фактов[45]. При этом конкретное ситуационное объяснение не может обойтись без какой-либо теории.

Таким образом, мы исходим из «примата теоретического», считая, что в прикладных исследованиях обязательно применяются существующие лингвистические теории (в том числе и неполные, и внутренне противоречивые, и ad hoc теории) к описанию и объяснению ситуаций или событий, которые происходят в конкретное время в конкретном месте. Эта позиция может быть обоснована тезисом о невозможности чистого индуктивного познания как научно-теоретического, так и обыденно-ориентационного [Поппер, 2002]. Поэтому для того, чтобы описывать какие-то конкретные ситуации, необходимо выяснить, какие лингвистические теории в настоящее время кладутся в основание объяснений конкретных фактов. Анализ этого вопроса привел нас к утверждению о том, что существующие лингвистические теории, которые доминируют как в классической теоретической лингвистике, так и в одной из ее прикладных областей – лингвистической экспертизе – построены, с одной стороны, на субъективной теории истины, а с другой стороны, они являются реалистическими (=эссенциалистическими) теориями. Эти два признака логически не предполагают друг друга, хотя в существующей лингвистической методологии образуют определенное единство в том смысле, что принятые лингвистические теории ведут к субъективизации и релятивизации лингвистических описаний.

Для того чтобы высказанные утверждения были максимально ясными, кратко рассмотрим эти две концепции и следствия, которые они влекут.

2. **Субъективистская теория истины в теоретической лингвистике.**

Категория субъективного и объективного долгое время принималась в качестве инструмента (быть может, даже основного) описания языка, при этом, будучи заимствованной из философии, была принята лингвистикой некритически и в настоящее время используется в лингвистике и лингвистической экспертизе также достаточно некритически (напомним о весьма популярных сегодня тезисах современной антрополингвистки и когнитивной лингвистики). В разное время эта категория «работала» в различных направлениях: в период расцвета диалектического материализма, она вводилась для того, чтобы подчеркнуть диалектическое единство субъекта и объективного мира, связь языка и речи как инструментов и видов человеческой деятельности с объективными отношениями – отношениями в реальной действительности. Считалось, например, что категории языка

интерсубъективности естественного языка, который удовлетворительно можно сформулировать следующим образом: «Высказываем ли мы при помощи языка утверждения о реальности или все наши утверждения – это только интерпретации, которые на самом деле только **наши** интерпретации, и они не соотносятся с миром?»

[45] Мы не комментируем здесь прикладные исследования в естественных науках, которые связаны и с управлением событиями.

обусловлены объективными отношениями в том смысле, что они (языковые категории) эти объективные отношения отражают. В настоящее же время очевиден субъективистский подход к решению данной антиномии. Язык и речь интерпретативны: в мире нет истины и лжи, кроватей, кошек и собак, отношений «слева» и «справа» и т.п. – все это суть человеческие категории (в терминологии Ф. Бэкона – «идолы рода»), от которых нельзя избавиться, так что человек обречен интерпретировать мир, то есть приписывать ему свои человеческие категории, видеть его через призму этих категорий, в результате чего действительное положение дел, естественно, искажается, и поэтому мы никогда не узнаем, как обстоят дела на самом деле. Можно использовать и терминологию И. Канта: «Мы никогда не узнаем, какова на самом деле вещь в себе».

Мы исходим из иного теоретического допущения, которое восходит к разработкам К. Поппера. Согласно этому допущению категории и суждения действительно являются человеческими в том смысле, что человек накладывает (как это понимал, например, И. Кант) эти категории на мир, но тот факт, что при этом человек способен ошибаться и фактически ошибается, говорит о том, что утверждения, несмотря на то что они человеческие, это утверждения о мире в том смысле, что они могут соответствовать и могут не соответствовать реальному положению дел. Таким образом, из факта потенциальной ложности вытекает другой факт: наши утверждения не произвольны относительно того, что называется реальностью, наши утверждения принимаются и отбрасываются в рамках принципа их соответствия действительности, но не в рамках принципа договоренности (конвенционализм) или практической их целесообразности (прагматизм). А отсюда – оппозиция субъективного и объективного в том виде, в котором она представлена в современной лингвистике, не является продуктивной как для описания свойств естественного языка, так и на уровне лингвистической методологии. С методологической точки зрения следствием субъективизации является, как мы уже отметили, безграничный интерпретационизм лингвистических теорий, фактически «узаконенный» в лингвистике как науке. Традиционная формула «Каждый прав со своей точки зрения» есть не что иное, как форма субъективизма, которая вырастает, в том числе, и из свойств языка, при помощи которого одно и то же можно назвать по-разному тем самым, придавая ему (одному и тому же) различной степени оттенки смысла от неуловимых до противоположных.

Поясним суть концепции интерпретационизма. Можно выделить две формы интерпретационизма – методологическую и фактическую. Методологический интепретационизм присутствует на металингвистическом уровне, то есть интерпретационизм является одним из принципов построения научной лингвистической теории. Мы уже указали, что его основная формула «Каждый прав со своей точки зрения». Лингвистические работы, как правило, начинаются с перечисления различных точек зрения, относительно которых утверждается, что исследователю удалось описать какой-то аспект реальности и со своей позиции (или с позиции этого аспекта)

он прав. Очевидно, что такой методологический интерпретационизм ведет к теории субъективной истины, где истина – это результат интерпретации ученым какого-то явления. В формулировке «все правы со своих точек зрения» этот субъективизм виден отчетливо и не требует усилий по доказательству. Если все истинно и ничего не ложно, то тогда, безусловно, что истина – это продукт ментальных состояний субъекта (ученого), но так же верно, что такая истина ничего не говорит о мире, а только о ментальных состояниях породившего торию в том смысле, что он (ученый) **так видит** это положение дел, тогда как другой может **видеть** его совершенно **по-иному** и тоже будет по-своему прав. Время от времени возникающие в лингвистике дискуссии (мы думаем, что выражение «время от времени» очень точно отражает состояние критического обсуждения проблем в лингвистике) порождены только тем, что ученые не понимают друг друга, а не различными позициями по поводу решения вопросов относительно реального положения дел, и если они друг друга поймут (а это считается безусловно возможным), когда, например, договорятся в значении терминов, то проблема исчезнет сама собой.

Второй принцип объяснения различия точек зрения – через объективную категорию «аспект» – не так очевидно связан с субъективистским характером истины в лингвистике, но все же не перестает быть от этого субъективистским. Поясним данный тезис. Мы всегда можем употребить объективное слово «аспект» по отношению к новой интерпретации явления, более того, мы всегда можем придумать, если очень захотим, *что* это за аспект, поэтому в данном случае мы спасаем «субъективистский плюрализм» при помощи введения объективного слова. Если бы мы хотели, чтобы наши исследования являлись не только спасением субъективной теории истины, но и претендовали бы на статус описания фактов, то мы должны были бы иметь ответ на вопрос, каковы те ситуации, когда точка зрения не отражает никакого аспекта реального положения дел. Очевидно, что в лингвистике так вопрос попросту не ставится, а потому и относительно теории аспектов наличие противоречивых позиций объясняется субъективно – как тот факт, что люди просто говорят о разных вещах и не понимают друг друга. Если бы они поняли, о каких вещах они говорят, то проблема бы «ушла сама собой», так как все бы, очевидно, согласились друг с другом. Отметим, что в каждом случае мы всегда можем придумать (и даже в некотором отношении – хотеть придумать) эти разные вещи, чтобы спасти истинность всех утверждений. Так что методологический интерпретационизм (или «субъективистский плюрализм») является весьма «слабой» теорией истины в том смысле, что вся теоретическая деятельность сводится к признанию истинности любых утверждений, и этот факт определяет, что ученый, который отстаивает такую ценность, вынужден любыми способами спасать эти представления, когда они начинают противоречить фактам. Такая концепция защищает истинность, поэтому под то, что считается истинным (а истинным считается, как мы отметили, что все является истинным), «подстраивают» все остальные факты, которые в

различной степени соответствуют исходному «истинному» утверждению, вплоть до фактов, которые противоречат этому утверждению. Самый удобный, кстати, способ спасения – попросту «не замечать» противоречащие факты, ссылаясь, например, на то, что любая теория неизбежно огрубляет действительность, а потому мы придумаем сначала теорию для той группы фактов, которые хорошо объясняются, а уж потом подумаем, как объяснить остальные (такие теории называются ad hoc теориями). Но необходимо отметить, что отбрасываются теории, факты не могут быть отброшены, факты таковы, каковы они есть, и если теория не объясняет всех известных фактов, то именно она должна быть отброшена, но не отброшены те факты, для которых выдвинутое объяснение не является удовлетворительным.

Методологический интерпретационизм тесно связан с интерпретационизмом фактическим. Последний вытекает, по нашему мнению, из того факта, что при декодировании реальных речевых сообщений всегда остается возможность для индивидуального понимания этих сообщений. Фактический и методологический интерпретационизм связаны между собой, вероятно, как причина и следствие, и второй – проекция первого (хотя мы в этом не уверены) в сферу построения научных теорий. С фактическим интерпретационизмом мы встречаемся при преподавании практически всех лингвистических дисциплин, а более всего в тех курсах, которые посвящены интерпретации текста. Он заключается в том, что понимание текста зависит исключительно от субъекта декодирования, так что мы можем дойти до утверждений что текст, понимаемый Х-ом в 13.00, отличается от текста, понимаемого тем же А в 21.00. Или предположим, что Х каждый день, просыпаясь, видит перед своими глазами один и тот же текст, естественно вывести, что Х понимает этот текст каждый раз по-разному и у А нет ни одной тождественной интерпретации этого текста, потому что интерпретация субъективна и зависит, например, от психологического состояния Х-а. Когда разговор пойдет о двух людях, то очевидно, что субъективность ситуации еще более усилится, так как Х и У – это разные люди, а потому перед ними разный текст в том смысле, что он у них вызывает различные интерпретации. Не стоит говорить о том, что при таком подходе вопрос о том, каков этот текст на самом деле, излишен в том плане, что на него не может быть дан ответ (текст это непознаваемая вещь в себе). Следствием признания фактического интерпретационизма является, в частности, положение о том, что все высказывания русского языка – это субъективные мнения говорящего и не существует фактических высказываний[46]. Если это так, то встает вопрос: «Если лингвист-эксперт знает об этом, но в своем экспертном заключении все-таки выделяет утверждения о фактах, то должны ли его действия квалифицироваться по статье 307 УК РФ?».

[46] Напомним, что различие фактов и мнений (или оценок) значимо по делам о клевете и распространении не соответствующих действительности сведений.

3. **Принцип реализма (=эссенциализма) в теоретической лингвистике.** Второй принцип, на котором основана лингвистическая наука,– это **принцип реализма** в объяснениях, который, на наш взгляд, в теоретической лингвистике занимает центральное место. Напомним, что реализм как философское течение решал спор об универсалиях в пользу существования абстрактных сущностей, таких например, как «благо», «дерево» и т.п. Вопрос о том, как возможно употребление общих слов по отношению к чему-то различному и одновременно чему-то тождественному (например, предметам) решался при помощи введения категории сущности вещи, которую Платон, например, выносил за пределы чувственного мира, а Аристотель помещал в саму вещь. К таким решениям можно относиться, по-разному, но очевидно, что реализм как тип методологической установки породил значимость вопросов «Что есть собака на самом деле?», вопросов, которые носят сугубо словесный характер. В лингвистике такие вопросы пока стоят в центре исследования. Вопросы «Что такое жанр, концепт, фрейм, лексическое значение» относятся к разряду принципиальных, несмотря на то, что с какой-то стороны они не имеют никакого значения. Эти вопросы осложняются проблемой точности определения терминов (а скорее, слов), решение которой, по мнению ученых, является ключом к познанию явлений языка и речи. Отсюда главным признается вопрос: «Как понимается то-то и то-то?» или «Как нам понимать то-то и то-то?» Этот вопрос считается важным всерьез, но очевидно, что при таком подходе лингвистика из науки о фактах превращается в науку об употреблении терминов. Эту проблему очень рельефно высветила юридико-лингвистическая проблема квалификации оскорбления, где реалистическая постановка вопроса в форме: «Что есть оскорбление?» и его реалистическое решение породили парадоксальное следствие – **эксперт в заключении не может употреблять термин «оскорбление», так как это термин юридический**.

Естественно, что данное положение не способствует фактическому описанию и объяснению оскорбления, где оскорбление «кусок» реальной действительности, который не зависит от своего названия, и тем более не принадлежит лингвистике или юриспруденции, более того, он не «нуждается» и в существовании этих наук. Потому вряд ли эффективно искать ответ на вопрос, что значит слово «оскорбление» в обыденном ли языке или языке юридическом (или сетовать при проведении экспертизы на то, что этот термин плохо определен), экспертный подход как раз предполагает другое – эксперт знает (или не знает) все (или не все) истинные предложения об оскорблении и умеет (или не умеет) ими пользоваться при ответе на вопрос, был ли факт оскорбления в данной конкретной ситуации, ситуации, которая является предметом судебного разбирательства. Такая номиналистическая переформулировка проблемы кажется нам продуктивной и ясной.

Таким образом, развиваемая нами концепция методологически основывается на принципе соответствия / несоответствия высказывания действительности, который в философии, например, именуется

корреспондентной теорией истины. Согласно этому принципу истинным является утверждение, которое соответствует фактам, ложным соответственно, которое не соответствует фактам. В работе развивается идея о том, что языковые явления существуют объективно и независимо от юридических определений и юридических конструкций, частью которых являются эти явления, а также положение о том, что познание этих явлений не зависит от качества их определений в лингвистике как науке. Отсутствие четких определений этих явлений в лингвистике не способно оказать заметного влияния на познание фактов этих явлений, скорее, сами определения их ясность и четкость могут быть поставлены в зависимость от качества их (объективных явлений) познания. Таким образом, основной единицей анализа и описания языковых явлений является научное описательное высказывание и его основное свойство – способность соответствовать и не соответствовать фактам, факт – это базовая категория лингвистической экспертизы, экспертное исследование назначается для установления фактов, значимых для рассмотрения того или иного дела по существу. Категория факта подчиняет себе все исследовательские параметры лингвистической экспертизы: мы устанавливаем факты и мы их объясняем, но не даем определения явлениям или терминам. Таким образом, оказывается неважным вопрос о том, что такое, например, «угроза», но очень важен вопрос, какими свойствами обладает и в каких отношениях находится тот фрагмент действительности, который мы условились (а в другом аспекте фактически называем) называть «угрозой», с другими фрагментами языко-речевой действительности. Определениям в экспертных исследованиях отводится вспомогательная роль, с одной стороны, они вводятся в коммуникативных целях и обеспечивают возможность взаимопонимания, с другой стороны, они сокращают научный текст. С этой точки зрения угроза, например, – это все известные в лингвистике как науке к конкретному моменту истинные высказывания об угрозе, и слово «угроза» заменяет эти истинные высказывания в научном тексте или в тексте лингвистической экспертизы, мы в принципе могли бы не пользоваться словом «угроза», а всегда говорить вместо «угроза», фразы, построенные по такому образцу: «То, что обладает свойствами X, У, Z…Zn» лишь бы относительно такого употребления соблюдался закон тождества (этот принцип полно и ясно изложен в работах [Поппер, 2002; Поппер, 1992; Поппер, 1993]).

4. Таким образом, принимается следующая позиция относительно собственно лингвистического и юридического слоев в лингвистическом экспертном исследовании. Целью лингвистической экспертизы является описание и объяснение определенных фрагментов реального мира, событий и фактов, при этом описание производится в рамках категорий истина / ложь[47]. В юридическом аспекте происходит квалификация описанных событий на шкале «запрещено / разрешено» и производных от этой шкалы категориях

[47] Может возникнуть словесная проблема: «Что такое истина?», чтобы предупредить ее, отметим, что можем не употреблять этих терминов в принципе, а всегда говорить «соответствие и несоответствие действительности» [Поппер, 2002].

санкции, отягчающих или смягчающих обстоятельств и т.п., еще раз подчеркнем, что в **рамках юриспруденции происходит не переопределение понятий и терминов, а юридическая квалификация (=юридическая оценка) установленных событий и фактов**, которые способны за собой влечь определенные юридические последствия.

Такое представление является важным на фоне существующей позиции, в которой приняты следующие формулировки: «С юридической точки зрения оскорбление это то-то, тогда как с лингвистической оскорбление совсем другое». Мы предполагаем, что в каком-то отношении (по крайней мере, если мы хотим оставить за лингвистической экспертизой право на истинное описание действительности, то есть не отрицать за лингвистикой способности описывать свойства и отношения, которые существуют в реальном мире) для лингвистики и юриспруденции оскорбление должно быть одним и тем же предметом, который ими рассматривается с точки зрения своих целей. Цель лингвистики – установить и объяснить все истинные высказывания об оскорблении, цель юриспруденции – установить имело ли место такое деяние, как оскорбление и если имело, то дать его юридическую оценку. Таким образом, противопоставление юридической и лингвистической точек зрения, скажем, на то же оскорбление не имеет какого-либо значения, так как с какой-то стороны лингвисты и юристы обязаны иметь одну точку зрения на оскорбление, оскорбление – это фрагмент реальности, свойства и отношения которого с другими фрагментами не зависят от того, какие слова мы употребляем или как мы выражаем свои мысли.

В данном случае необходимо пояснить, почему мы употребили слова «вынуждены» и «должны». Этими словами мы хотим сказать, что тот факт, что мы выбираем описывать реальное положение дел является нашим решением, которое не сводимо к фактическому положению дел. То есть, другими словами, это наше решение, что экспертиза как процессуальное действие помогает установить объективную истину по делу и то, что юридическая квалификация должна основываться на дескриптивных утверждениях, это тоже наше решение, оно может быть эмпирически обосновано, но не может быть логически выведено из какого-либо положения дел. Вполне можно представить себе ситуацию другим образом, когда экспертиза бы основывалась на авторитете ученого (что иногда имеет место в лингвистических экспертных исследованиях) или экспертный вывод принимался бы б*о*льшим числом голосов. Например, нет ничего логически противоречивого в идее, чтобы по каждому делу экспертизу проводили все эксперты в данной области, а затем обсуждали бы расхождения в выводах и путем голосования решали бы, какой из экспертных выводов необходимо считать истинным. Такой принцип организации экспертизы породил бы свои проблемы и свои следствия для юриспруденции, и он возможен теоретически, а потому принцип соответствия действительности не является принципом, который вытекает из какого-то положения вещей в реальной действительности, скорее, он подчинен нашим решениям и ценностям в том

смысле, что мы признаем в юридической деятельности и науке в качестве ценности – поиск ответа на вопрос об истинности или ложности определенных утверждений о фактах.

5. Из приведенных выше тезисов, по нашему мнению вытекает следующий вопрос: «Зачем необходима лингвистическая экспертиза, которая была бы основана на принципе соответствия высказываний действительности?»[48].

В общем, вопрос о необходимости лингвистической экспертизы и любой экспертизы решается, как правило, таким образом. Если мы не будем принимать решения при разрешении конфликтов, основываясь на реальном положении дел, например, на том, как реально устроен объект (скажем, язык), то рано или поздно право перестанет быть эффективным в том смысле, что его решения не будут совпадать с реальным положением дел, что приведет к нелегитимности права. (Оно, например, перестанет выполняться). Мы думаем, что теоретически такая формула неверна. Поясним это. С точки зрения фактической для права, чтобы быть эффективным, необходимо, чтобы поведение людей, которое оно регулирует, было вариантным, чтобы относительно какой-то ситуации было минимум два варианта поведения, в противном случае правовая норма остается попросту декларацией и она ничего не регулирует, то есть не выполняет своей функции. Действительно, нет никакой возможности предписывать или запрещать дыхание, но как только появится вариант поведения без дыхания, сразу же появится возможность его предписывать или запрещать. (Эту ситуацию легко вообразить, более того, прогнозируема подоплека такого запрета или предписания, эта подоплека будет, вероятно, связана с теорией неполноценности одной из форм поведения, например, формы поведения с обязательным дыханием). Все остальное не является важным для права, так как право – это не фактическая действительность, но решения по поводу фактов. Создавая норму, мы принимаем решение о том, как мы будем себя вести в некоторой фактической ситуации, и это решение никогда не сводимо и не выводимо из тех фактов, относительно которых оно принято. Так, мы приняли решение о том, что необходимо установление истины по делу. Это решение – **наше** решение, его необходимость нельзя объяснить никакими фактами, так что оно не вытекает логически и теоретически из фактов, и когда мы говорим о том, что если право не будет опираться на теорию истины, то станет нелегитимным, мы утверждаем не факт, а ценность, а именно мы утверждаем, что не хотим, чтобы право не опиралось на принцип соответствия действительности.

Почему такое утверждение не является фактом? Во-первых, любое решение, каким бы оно несправедливым ни казалось, может быть обеспечено силой. То есть мы способны принуждать кого-то поступать определенным образом, вопреки его желанию, тезис о том, что такие системы долго не

---

[48] Думаем, что недалеко от истины утверждение о том, что лингвистическая экспертиза в настоящее время достаточно успешно функционирует, используя как конвенциональную теорию истины, так и концепцию истины как авторитетного мнения о чем-либо.

живут, не может оказать на этот факт никакого воздействия, эти системы были и, возможно, есть, они называются словом «тоталитаризм». Таким образом, принцип соответствия действительности или принцип соответствия массовым ценностям для права не является и эмпирически необходимым.

Во-вторых, так как право – это решения о поведении, то оно может всегда оставаться легитимным на том уровне, что эти решения могут изменяться. Относительно принципа соответствия действительности это значит, что право не нуждается в истине как соответствии, а может обходиться конвенциональной истиной и ad hoc теорией. Например, неприличные формы в праве могут запрещаться списком, и то, что не входит в этот список, будет считаться приличным. В этот список всегда могут быть внесены изменения (если например, много людей недовольны[49] этим списком), он может быть расширен или наоборот сужен, понятно, что это предполагает договоренность, но не предполагает истинности (тот факт, что теоретически возможна такая ситуация, когда договоренность и истинность совпадут друг с другом, не имеет никакого значения).

Таким образом, когда мы утверждаем необходимость истинных описаний явлений, то мы, прежде всего, отстаиваем ценности, а не описываем какую-то фактическую необходимость, заложенную в природе права, но очень важно, что мы сами выбираем эту ценность и полагаем, что фактическое описание является ценным, тем самым мы косвенно решаем вопрос о том, **каким должно быть право**, которому мы хотим подчиняться в том смысле, что считаем целесообразным, чтобы оно определяло наше поведение.

Библиографический список

Поппер К.Р. Историческое объяснение / К.Р. Поппер // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – С. 330–340.

Поппер К.Р. Логика и рост научного знания / К.Р. Поппер. – М., 1983.

Поппер К. Нищета историцизма / К.Р. Поппер. – М., 1993.

Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. / К.Р. Поппер. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384с.

Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / К.Р. Поппер. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528с.

М.А. Грачёв

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИКИ

[49] Еще раз подчеркнем, что мы можем игнорировать это недовольство, не меняя список, для этого нужна только сила принуждения.

В настоящее время наблюдается реформирование суда и языковеды-эксперты, которые вносят существенный вклад в это дело, должны решить конкретные проблемы, стоящие перед лингвокриминалистикой.

В ряде правоохранительных органов существует мнение, что основная её задача – исключительно судебные лингвистические экспертизы или идентификация личности по её лингвистическим особенностям. Но было бы ошибочно полагать, что круг данных экспертиз этим и ограничивается. Практически все спорные вопросы, связанные с языком, могут быть предметом лингвиста-эксперта. Это могут быть и досудебные экспертизы, и установление авторства (например, идентификация по голосу), и переговоры с террористами.

Несомненно, судебные лингвистические экспертизы занимают основную часть при подготовке лингвокриминалистов. Наиболее распространённые судебные лингвистические экспертизы связаны с оскорблением и негативной информацией (защите чести и достоинства), установлением авторства, содержание понятия товарного знака.

Не будет откровением то, что самым главным в судебных делах об оскорблении является перечень и характер оскорбительных слов. Какие лексемы входят в их состав, в каких случаях они могут быть оскорбительными, а в каких – нет, как относится к жаргонно-арготическим словам оскорбительного характера с точки зрения определённых социальных групп – вот вопросы, на которые должен ответить лингвокриминалист. В книгах «Цена слова» и «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» уже сделана попытка классификации оскорбительных слов, но она нуждается в расширении и уточнении. Как показывает практика работы с правоохранительными органами, последние крайне нуждаются в методических рекомендациях по определению вербального оскорбления, защите чести и достоинства. Им нужны конкретные примеры. Некоторые исследователи-лингвисты предлагают составить словарь, где «должна быть разработана новая система лексикографических помет (к примеру, оскорбительное, неприличное, негативно-оценочное и пр.), отражающая градацию инвективности» [Матвеева, 2002, с. 55]. Несомненно, такой словарь можно составить. Но тут же возникнет вопрос о реализации данных лексем в контексте и речевой ситуации. Как пишет известный лингвист В.И. Жельвис, «в юридической практике полезно учитывать, что часть оскорблений может время от времени использоваться в прямо противоположном смысле, как выражение восхищения или дружеского расположения: «Как он, собака, хорошо танцует!»… [Жельвис, 2004, с. 297].

Рассуждения выше не означают, что автор статьи против создания словаря инвективной лексики и фразеологии. Наоборот, данный словарь необходим как языковедам, так и юристам, он облегчит работу судопроизводства и написание лингвистических экспертиз. Трудность заключается в приведении к каждой инвективе большого количества примеров, т.е. нужны конкретные иллюстрации, где в одном случае слово

может быть оскорблением, а где выступит в другой функции. Однако эта преграда преодолима: можно использовать наиболее распространённые случаи.

В своей работе В.И. Жельвис акцентирует внимание на проблеме «бранного веса слов», «так как понятие оскорбительности ориентировано на слушающего», т.е. в разных социальных группах одинаковые слова могут восприниматься по-разному [Жельвис, 2004, с. 293]. Несомненно, в этом случае нужно учитывать и субкультуру, и мораль определённых социумов. В то же время мы должны руководствоваться нормами литературного языка. Например, если уголовник назвал другого *помойкой* или *шваброй,* − это будет оскорблением и в законопослушном обществе. Но в уголовном мире данные лексемы являются очень сильными инвективами, т.е. говорящий, произносящий их, ставит оппонента на низшую ступень криминальной лестницы, наносит ему страшное оскорбление. Этот факт должен принимать во внимание лингвокриминалист и пояснять при необходимости следователю мотив преступления, однако, если дело касается оскорбления, он должен учитывать, что общество живёт по правилам законопослушных граждан, а не по законам криминальных групп. Поэтому он, на наш взгляд, может игнорировать утверждения истца о «смертельном оскорблении». В то же время известно, что ряд арготизмов перешёл в общенародный язык, см. примеры: *лох, козёл, козырной фрайер, шестёрка* и проч. Мы должны учитывать, как воспринимает эти слова законопослушное население. Действительно, в общенародном языке данные лексемы имеют пейоративную окраску.

Трудность может возникнуть при определении характера оскорбительных слов, которые связаны с восприятием и неумышленным употреблением арготизмов / общенародных слов. К примеру, законопослушный гражданин назвал профессионального уголовника *голубком* (от *голубой* – гомосексуалист), *акробатом* – пассивным гомосексуалистом, *парафином* – человеком, стоящим на низшей ступени криминальной лестницы, *опарафиненным.* В уголовной среде данные лексемы считаются явными оскорблениями, а в законопослушной они будут либо непонятными в определённом контексте, либо восприняты как общенародные.

Нередко сотрудники правоохранительных органов ставят перед экспертом следующий вопрос: «Выражены ли оскорбительные слова в неприличной форме?». Эта проблема до сих пор не изучена и лингвокриминалистами. Нам кажется, что неприличными можно назвать матерные слова или лексемы, связаннные с человеческими экскрементами (см.: *говно, срать, ссать*); с другой стороны, все оскорбительные слова являются неприличными, так как они оскорбляют человека, задевают его честь и достоинство.

Оскорбительные слова нередко связаны с негативной информацией. Однако последняя часто используется и без инвектив. Известно, что негативная информация используется в газетах, предвыборных листовках,

причём подача текста газетной статьи журналистом осуществляется изобретательно: он ссылается на непроверенные факты, на мнение народа, на слухи и пр. Например, «по непроверенным фактам мэр г. Сибирска имеет любовницу», «по мнению народа, в мэрии процветает махровое взяточничество», «по слухам, начальник РОВД Иванов убил задержанного», «как говорят в народе, градоначальника-вора Петрова лишь могила исправит».

Перед лингвистом-экспертом стоит ряд нерешённых задач, связанных с характером оскорбительных слов. Например, как относиться к лексемам, имеющим уменьшительный суффикс, и к неполным именам?

Рассмотрим на примере фразы *депутатишка Андрюшка Исаев.*

Депутатишка. В этом слове суффикс -ИШК- придаёт пренебрежительно-уменьшительный оттенок, умаляет значимость А.К. Исаева как депутата. Лексема является оскорбительной, так как в данном контексте подразумевается её использование в значении «плохой депутат» (см. похожие слова: *лекаришка* – плохой лекарь, *токаришка* – плохой токарь и т.п.).

Андрюшка (Андрюшка Исаев) – неполное имя (полуимя) является в данном контексте оскорбительным словом. «Уничижительная форма имени с суффиксом –К-*а* по традиции сохранила, − как считают исследователи русских имён, − до настоящего времени оттенок пренебрежения к человеку, умаления его достоинства…» [Суслова, Суперанская, 1991,с. 120]. В данном контексте, направленном против А.К. Исаева как депутата, слово **Андрюшка** приобретает пейоративное значение (оно становится пейоративным именем). Несомненно, в этом случае следует учитывать и ментально-исторический аспект: в России полуименами обычно называли крепостных, слуг, лакеев. Использование же пейоративного имени **Андрюшка** в областной газете имеет явно выраженное намерение унизить и оскорбить адресата. И в сочетании со словом **депутатишка** оно ещё в большей степени умаляет значимость А. Исаева как депутата и как взрослого человека.

Имеются вопросы и чисто типологического характера. Например, к какому типу экспертиз относится судебно-лингвистическая экспертиза − криминалистической, искусствоведческой и психофизиологической? Современная криминалистика относит к собственно криминалистическим экспертизам, но думается, что её следует выделить как особую форму экспертиз.

При написании ряда лингвистических экспертиз следует использовать исторический аспект. Например, исследователи-эксперты при анализе оскорбительных слов нередко игнорируют диахронию, однако известно, что уже до революции многие слова юристы считали оскорбительными, например, профессионал-инвективы, интеллект-инвективы, социоморальные инвективы, каламбур-инвективы, полит-инвективы.

Лингвисты-эксперты констатируют тот факт, что группы инвективной лексики могут с течением времени меняться. Например, в середине XIX-начале XX вв. лексемы *безбожник, неверующий* были инвективами, но после

20-х гг. вплоть до 90-х гг. XX века они перестали быть оскорбительными словами (во всяком случае, суд их не считал оскорбительными). Сейчас же, в связи с совершенно новым отношением государства к религии и церкви, эти тео-инвективы снова стали приобретать отрицательную коннотацию.

Эксперт-лингвист должен учитывать градацию оскорбительных слов. Особенно это касается национал-инвектив. Несомненно, будут оскорбительными такие лексемы, как *чурка, чурбан* – коренной житель Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Севера. А как быть с такими лексемами, как *кацап* – русский или *хохол* – украинец? Во всяком случае, проблема степени оскорбления существует.

Существуют ещё многочисленные проблемы, связанные с использованием нецензурных слов. М.В. Горбаневский пишет о проблеме их использования в СМИ, считая, что их употребление на полосах газет, на телевидении или радио должно рассматриваться как хулиганство [Горбаневский, 2007, с. 72]. И с этим нельзя не согласиться.

Конечно, нецензурные слова являются оскорбительными по своей сути, и если они направлены в чей-то адрес, то они явно оскорбляют. Однако нужно учитывать, что обсценная лексика может менять при определённых речевых ситуациях свою направленность.

К сожалению, далеко не все лингвисты-эксперты учитывают антураж письменных источников – статей, заметок, рекламных текстов. А ведь его анализ может дать очень и очень многое для лингвиста-эксперта. Конечно, часто он является добавочным средством, но иногда он может сыграть решающую роль в лингвистической экспертизе.

При судебных лингвистических экспертизах возникают вопросы, связанные с уточнением языкового характера товарного знака. Например, перед исследователем был поставлен вопрос: *вошло ли обозначение «Советское шампанское» во всеобщее употребление как обозначение товара определённого вида (вина) на дату 12 марта 1969 года?* Какие источники следовало бы проанализировать, чтобы дать ответ? Ответ находим в заключительной фразе экспертизы: **анализ основных толковых словарей, художественных кинофильмов, научной, документальной и художественной литературы, устной речи жителей Российской Федерации показал, что обозначение *Советское шампанское* вошло во всеобщее употребление как обозначение товара определённого вида (вина) на дату 12 марта 1969 года.**

В статье мы затронули только часть проблем, стоящих перед лингвокриминалистами, хотя для многих из них нужно специальное фундаментальное исследование.

Библиографический список

Горбаневский М.В. Об ответственности за слово // Русская речь. – 2007. – №1. – С. 69–73.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд.2-е, перераб. и доп./ под ред. А.К. Симонова и М.В. Гобаневского. – М.: Медея, 2004. – С. 289–298.

Матвеева О.Н. Юрислингвистическое экспертное исследование: перспективы и пути совершенствования // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Материалы межрегионального научно-практического семинара. Москва, 7-8 декабря 2002 г. Часть 1/ под ред. проф. М.В. Горбаневского – М.: Галерея, 2002.

Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Изд. 2-е, испр. и доп. – Л.: Лениздат, 1991. – 220с.

Г.С. Иваненко

ОБЪЕКТИВНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОЦЕССАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА

При проведении лингвистического исследования в целях разрешения правовой проблемы о защите чести и достоинства в рамках гражданского судопроизводства (статья 152 ГК РФ) возникает ряд вопросов, на настоящий момент не имеющих однозначных и методически апробированных путей решения. Одна из таких проблем, и, пожалуй, самая острая – дифференциация распространенной информации на «объективную» и «субъективную». Помещение приведенных понятий в кавычки в данном случае обозначает условность номинаций, специфику использования терминов из общенаучного инструментария.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», **порочащими** считаются «сведения, содержащие **утверждения о нарушении** гражданином или юридическим лицом действующего **законодательства**, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина или юридического лица». В этом же Постановлении обозначены различия правовых последствий, вызванных распространением двух противопоставленных типов информации: «…следует различать имеющие место **утверждения о фактах**, соответствие действительности которых можно проверить, и **оценочные суждения, мнения, убеждения**…, которые,

являясь выражением **субъективного** мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности». Сведения первого типа проверяются, потенциально вероятно признаются порочащими и опровергаются. Сведения второго типа не могут быть признаны порочащими; их рассмотрение прекращается судом в том случае, если лингвист в своем заключении убедительно отнесет их к категории «оценочных суждений, мнений, убеждений». Поэтому вокруг вопроса о дифференциации информационной природы сведений разворачивается дискуссия.

Попытаемся определить дефиниционные признаки коррелирующих категорий информации (под информацией понимается любое новое знание, независимо от его отношения к действительности). Сначала представим характеристики самые общие и никем не оспариваемые.

Сведения первой группы – событийные (их называют также фактологическими, фактуальными, описательными) – сообщают о событиях, процессах, явлениях, произошедших в конкретных условиях места и времени. Такая событийная, фактуальная информация либо соответствует, либо не соответствует действительности, подвергается верификации и в случае недоказанности считается порочащей. Вопрос о соответствии сведений действительности в компетенцию лингвиста не входит, его задача ограничивается самим вычленением из текста этой информации.

Вторая группа сведений представляет собой мнения, оценки, концепции, выражение отношения к событиям, явлениям. Такие суждения являются средством авторского самовыражения и потому не подвергаются идентификации действительности, а соответственно, не могут быть признаны ни лживыми, ни порочащими. Мнения и оценки не опровергаются, а оспариваются в печати в порядке полемики.

Вполне оправданным представляются для обозначения данных групп использовать термины «объективная» и «субъективная» информация. Конечно, речь не идет об объективности как адекватном отражении явлений действительности в произведении речи. Тезис о всепроникающей субъективности любого текста, проявляющейся в отборе и материала, и языковых средств, не оспаривается. Речь идет о заявляемой объективности или субъективности, о представлении распространяемой информации как отражающей реальные события или как отражающей субъективное мнение автора об этих событиях.

Передача сведений о реалиях действительности (или якобы о реалиях) – это констатация факта (или псевдофакта) о совершении лицом поступка (*украл, убил, не платит налоги*), об осуществлении деятельности (*подкупает, использует служебное положение в личных целях*), о каком-либо положении вещей (*при производстве не соблюдается ГОСТ, продукция поддельная*).

Субъективные сведения – группа чрезвычайно неоднородная. В ее составе можно выделить две принципиально различные категории. Во-первых, это предположения о возможном, на взгляд автора текста, варианте развития событий. То есть по сути это сведения событийные, фактуальные,

но с показателями субъективности (*возможно, это он и устранил партнера*). Во-вторых, это оценки, мнения, прогнозы, характеристики, то есть собственно проявление субъективизма на глубинном, содержательном уровне. Очевидно, что эти две группы совершенно различны по своей природе и объединены только в силу выстроенной в тексте закона единичной корреляции: ***«утверждения о фактах»*** противопоставлены «***оценочным суждениям, мнениям, убеждениям».***

Представляется убедительным выделение в рамках рассматриваемой проблемы двух пар коррелятов, характеризующих информацию: **фактуальная – нефактуальная; утверждение – предположение.** Это две пары разноуровневых категорий. Фактуальность, или событийность, является внутренним семантическим свойством высказывания. Вторая пара коррелятов отражает внешнюю форму преподнесения сообщения. Фактуальная по своей природе информация может быть выражена и как утверждение, и как предположение: *А когда дела пошли, он просто физически устранил своего партнера по бизнесу – А когда дела пошли, он, по-видимому, сам и устранил своего партнера по бизнесу*. Нельзя не отметить, что последнее предположение способно сформировать крайне негативное отношение к действующему лицу текста, но включение показателя предположительности выводит высказывание из разряда утверждений, что влечет за собой, в соответсвии с нормами закона, снятие его с обсуждения в качестве предмета иска о защите чести и достоинства. Очевидно, однако, что включение вводного слова «по-видимому», как и любого другого показателя субъективной модальности, не способно перечеркнуть базовую фактуальную природу приведенного сообщения. Некто X либо устранил, либо не устранил своего партнера; доказательства его вины либо существуют, либо нет. Сообщение такого рода, не основанное на конкретном знании, – это не субъективное восприятие факта, а субъективное мнение о существование факта, возможно, проявляющееся в неосведомленности автора. Вероятно также, что распространитель информации использовал дискредитационную технологию, технически включив показатель субъективной модальности в целях ухода от правовой ответственности. В лингвистическом аспекте существенно, что и с вводным словом, и без него информация является событийной по своей природе, то есть она отражает конкретные явления действительности, которые могут быть выражены в физических показателях (место, время, характер действия).
Субъективная информация также может быть представлена как утверждение и как предположение: *Такой стиль руководства непрофессионален и несостоятелен и обязательно приведет предприятие к краху – Думаю, что такой стиль руководства непрофессионален и несостоятелен и, скорее всего, приведет предприятие к краху*. Во втором примере присутствуют и показатель субъективной модальности, подчеркивающий личностный характер высказывания (*думаю* – глагол семантической группы мыслительной деятельности в первом лице), и показатель субъективной модальности, формирующий семантику предположительности (вводная

конструкция «*скорее всего»* со значением высокой степени вероятности). И хотя все эти признаки субъективности отсутствуют в первом предложении из приведенной пары, по своей информационной природе оно субъективно. Есть такие номинации, денотаты которых не могут быть определены однозначно. Н.Д. Арутюнова говорит о субъективно окрашенных предикатах типа *быть прогрессивным, реакционным, хорошим, плохим, умным, глупым* и т.п., которые имеют диффузные денотаты с нежесткими границами, в отличие от так называемых таксономических предикатов типа *быть лимоном* [Арутюнова, 1980].

Действительно, какие конкретные признаки стиля руководства должны быть констатированы, для того чтобы можно было однозначно соотнести их с понятиями «непрофессиональный» и «несостоятельный»? Определение этим словам дать нетрудно, и оно, вероятнее всего, будет принято оппонентами; неразрешимую дискуссию вызовет соотнесение этого определения с реальными признаками характеризуемой деятельности. Референциальная соотнесенность таких диффузных денотатов изначально субъективна, поэтому любые сопроводительные маркеры субъективности имеют факультативный характер применительно к разрешаемой проблеме.

В приведенном примере субъективность высказывания выражается также формой будущего времени глагола-сказуемого: *приведет предприятие к краху.* Несмотря на то, что в соответствии с классической концепцией В.В. Виноградова реальная модальность формируется всеми тремя временами глаголов в изъявительном наклонении, отражение действительности глаголами в форме будущего времени отличается от отражения действительности глаголами настоящего и прошедшего времени в аспекте их «реалистичности». Язык антропоцентричен, а потому глаголы в форме будущего времени априори не могут восприниматься как абсолютно адекватное отражение реальности. Весь человеческий опыт подсказывает, что будущее время можно воспринимать как планируемые реалии, но ни в коем случае не как стопроцентно включенные в событийную структуру действительности. Это пресуппозитивно признается говорящим коллективом, поэтому даже фактульная по свей природе событийная информация, отнесенная к плану будущего, воспринимается как прогноз, намерение, угроза, но не как констатация факта: *Такая политика приведет к разорению, Он просто повысит себе зарплату, Он потом уберет со своего пути ненужных свидетелей. Директор положит эти деньги себе в карман…* Однако нельзя считать форму будущего времени глагола-сказуемого стопроцентным гарантом субъективности высказывания. Другие компоненты предложения могут внести в смысловую структуру предложения такие компоненты, которые будут позиционировать информацию как объективную: *Такая политика приведет к разорению,* ***как это уже было****; Он просто* ***опять*** *повысит себе зарплату; Он,* ***памятуя прошлый удачный опыт****, потом уберет со своего пути ненужных свидетелей*; *Директор положит* ***и*** *эти деньги себе в карман…* Не затрагивая другие аспекты определения информационной природы приведенных высказываний,

обратим внимание на тот факт, что из субъективных прогнозов в утверждения о реальных событиях эти информационные фрагменты превратили самые различные языковые единицы синтаксического и лексико-морфологического уровней. Это и придаточное предложение со сравнительно-сопоставительной семантикой, и обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом с семантикой причины, и обстоятельство, выраженное одиночным наречием со значением повторения действия, и даже союз-частица «и», которая в данном случае (*и эти деньги*) устанавливает связь с неким затекстовым компонентом, формируя пресуппозицию: была некая иная ситуация и некие иные деньги, и вот их-то директор уже положил в карман. При различии использованных для перестройки предложений грамматических средств, приведенные трансформеры объединяет прагматический эффект: создается второй информационный план, и помимо прогноза, который по-прежнему остается субъективным, возникает констатация уже свершившегося события, и она представлена как объективная.

Дифференциация фактуальной и нефактуальной информации в каждом конкретном случае требует тщательного анализа каждого компонента высказывания в контексте и в дискурсе. Так, например, иск о защите чести, достоинств и деловой репутации вызвала статья, содержащая следующие высказывания: *«Губернатор довел город до нищеты ... Областные чиновники,* ***образно говоря****, из года в год грабят Челябинск, забирая львиную долю его доходов…* ***Складывается ощущение****, что Сумин всеми силами пытается нейтрализовать Вячеслава Тарасова – своего потенциального конкурента на грядущих губернаторских выборах…* ***Как считают некоторые наблюдатели****, сейчас основная задача губернатора и его команды – довести город до полнейшей нищеты. Задушить городскую администрацию с помощью нищего бюджета.*

Оставим в стороне технологию ответа на вопрос: содержатся ли в тексте сведения негативного характера о губернаторе Челябинской области и об областной администрации? Ответ будет, конечно, положительным. Выясним: содержатся ли в тексте сведения фактуального характера, представленные как утверждения, то есть можно ли из этого текста выделить информацию, которую можно подвергнуть проверке в ходе судебного разбирательства и в случае недоказанности признать порочащей?

Довести город до нищеты – из трех знаменательных слов только одно имеет вполне определенный денотат, однозначно соотносимый с референтом. Это слово «город». *Нищета* и *доводить до* – слова с размытыми денотатами. Какое материальное положение отдельного лица или города считать «нищетой»? Каковы признаки этого состояния применительно к городу? Такие конкретные признаки и показатели отсутствуют, поэтому можно с уверенностью сказать, что денотат слова «нищета» имеет настолько сильную субъективную составляющую, что подвергнуть проверке наличие названного словом состояния не представляется возможным. *Доводить до* – словоформа со значением действия, семантика которой содержит мощный компонент

негатива. В семную структуру лексемы входят также компоненты «осознанность», «целенаправленность», «планомерность». Но какие конкретно действия можно подвести под категорию «довел»? Принял решение, неправильное с точки зрения автора? Не то утвердил, не то запретил? Не так спланировал? Выстраивается цепочка действий, отбор и оценка которых с обеих сторон будет субъективными. Критерии «доведения города до нищеты» нигде не зафиксированы как норма, а потому проверить справедливость высказывания в судебном порядке невозможно. Такие высказывания не опровергаются, а оспариваются в порядке полемики.

…Областные чиновники, ***образно говоря****, из года в год грабят Челябинск, забирая львиную долю его доходов…* Пояснение автора материала исключает понимание слова «грабят» в прямом значении. Очевидно, что здесь оно использовано как метафора, значение которой тут же и раскрывается в обособленном обстоятельстве: грабят = забирают львиную долю доходов. Львиная доля – большая доля. Что значит большая? Конкретно ответить на этот вопрос трудно. Но в данном случае возможно хотя бы увидеть приблизительно наличие хоть каких-то оснований для установления пусть не объективности, но как минимум обоснованности или сравнив долю доходов Челябинска, забираемых областной администрацией, с аналогичными отчислениями в других регионах, если такое сравнение возможно. Но и в этом случае мнение о том, велика или мала эта доля, остается субъективным сообщением.

Складывается ощущение*, что Сумин всеми силами пытается нейтрализовать Вячеслава Тарасова – своего потенциального конкурента на грядущих губернаторских выборах…* Субъективизм высказывания подчеркнут вводящей фразой – главным предложением с предикатом со значением восприятия. Неприятный для объекта критики вывод представлен как мнение автора. Кроме того, и предикат придаточного предложения содержит признаки субъективизма, правда, иной природы – внутренней. *Нейтрализовать* – вновь слово с диффузным денотатом. Какие действия подвести под эту характеристику? Комплекс каких-либо мер, поступков может быть назван так только при признании их целенаправленности – такова составляющая семантики слова «нейтрализовать». Но цели и мотивы недоказуемы и непроверяемы. Поэтому рассматриваемое слово изначально не несет фактуальной информации.

Как считают некоторые наблюдатели*, сейчас основная задача губернатора и его команды – довести город до полнейшей нищеты. Задушить городскую администрацию с помощью нищего бюджета.* Часть высказывания составляет уже рассмотренный фрагмент. Автор статьи внес дополнительный показатель субъективизма – вводное предложение, содержащее ссылку на «некоторых наблюдателей». Этот манипулятивный прием широко применяется в публицистике с целью, во-первых, усилить в глазах читателей авторитетность суждения (не я, журналист, говорю, а некие «наблюдатели»), во-вторых, с целью снять с себя ответственность за распространенную информацию. Обсуждение удачности и обоснованности

этого приема – предмет другого материала. В данном случае он ничего принципиально не добавляет. Слово «*задача»* в качестве подлежащего сразу относит всю группу сказуемого (а в ней и содержится негатив) к категории субъективной информации. Задачи, цели, мотивы, намерения как проявление внутренней психической деятельности не могут быть проверены на предмет соответствия действительности.

Таким образом, анализ материала позволяет считать оправданным противопоставление фактуальной, событийной информации нефактуальной, а утверждение – предположению. Позиционируются как объективные только фактульные сообщения без показателей предположительности. К категории субъективных относятся как нефактуальные сведения, с маркерами субъективности и без таковых, так и фактуальные, сопровожденные показателями субъективной модальности – маркерами предположения.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Е.С. Кара-Мурза

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПАРАДИГМЫ «ДИРЕКТИВЫ» И «ЭВАЛЮАТИВЫ» КАК ПРИЗНАКИ РЕЧЕВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КАК ОБУЧАЮЩИЕ ЕДИНИЦЫ ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИИ

Лингвистические параметры речевых преступлений можно анализировать и в аспекте производства экспертизы, и в аспекте вузовского обучения основам и азам юрислингвистического анализа текстов. Встает вопрос, как их преподать будущим экспертам, как организовать разнородный материал, релевантный для таких правонарушений, как унижение чести, достоинства и деловой репутации (alias диффамация) и оскорбление, как словесный экстремизм и др.

Эти речевые преступления столь разные – и в то же время есть несколько параметров, по одним из которых проходят демаркационные линии между типами преступлений, а по другим идут линии сопряжения. Таковы оппозиции **фактология** versus **мнение** versus **оценка** в диффамационных процессах и взаимодополнительные показатели **призыв, оправдание и объяснение** в делах по словесному экстремизму. Именно в такой перспективе формируются две важнейшие юрислингвистические категории – ОЦЕНКА и ПРИЗЫВ. На их примерах особенно ярко видно, как юридизация неких наивно-лингвистических понятий ставит на следующем этапе, в целях лингвоэкспертного анализа, задачу их наполнения собственно лингвистическим содержанием. И инвективы, и призывы как речевые акты и как компоненты в составе экстремистских текстов надо изучать – с целью

создать «сетку» понятий, налагая которую на конфликтогенные тексты, можно с высокой степенью объективности и воспроизводимости результатов истолковывать их и предлагать суду однозначные интерпретации, которые не могли бы интерпретироваться неадекватно, манипулятивно.

«Нерв» данной методической проблемы недавно выразила моя студентка из ИСЭ. Она эмоционально задала симптоматичный вопрос относительно курсовой работы о признаках речевых преступлений в предвыборной агитации: «Е.С., вот как, по каким показателям определить, где **уже** правонарушение, а где **еще нет**, где **еще** агитация в рамках закона?». В моем понимании, она выразила идею **градации** конфликтов **и градуирования средств** совершения **речевых преступлений**, иными словами – **системной, полевой организации речевых конфликтогенов**.

В самой этой идее нет ничего нового ни для лингвистов, ни для юристов. Она давно применяется в ортологии, где существует градация отклонений от нормы – от помарок и описок до грубых правописательных и грамматических **ошибок**. А изучение речевого общения на основе его собственной нормативности, конвенциональности привело к шкалированию **коммуникативных неудач** – от небольших, исправляемых переспросом или извинением [Ермакова, Земская, 1993], до серьезных − **языковых конфликтов** [Муравьева, 2002]. Их юридизация закономерно приводит участников в зал суда, где они разрешаются в судебном порядке уже как **речевые преступления**. В подобных наблюдениях и зарождалась лингвоконфликтология. Не случайно в типологии конфликтов одним из ключевых понятий является понятие их **уровня** [Голев, 2008].

С правовой точки зрения, конфликты тоже градуируются по тяжести – от административных правонарушений вроде сквернословия как словесного хулиганства по гражданскому (диффамация) до уголовных преступлений против прав личности (угроз, клеветы, оскорбления), против безопасности бизнеса, общества и государства (вымогательства, экстремизма). В основе судебного решения лежит дизъюнкция: автор виновен/не виновен в речевом преступлении, текст представляет собой деликт – или не представляет; но решение может быть оспорено и переменено на противоположное. Лингвоправовые аргументы для того или иного вывода колеблют чашу весов Фемиды, шкалируясь от однозначно свидетельствующих до сомнительных и неоднозначных.

Такова идея полевой системности: **1) градуирования конфликтности** и **2) жанрово-дискурсивной релевантности** разноуровневых **языковых ресурсов и риторических приемов** − применительно к экспертизе конфликтогенных текстов. Этот тип лингвистической системности в оптимальном, на мой взгляд, виде излагается в ТФГ − теории функциональной грамматики, которая разработана в научной школе А.В. Бондарко. Применяясь очень широко − от типологических исследований до описания идиолектов, в высшем образовании она распространена преимущественно в преподавании иностранных языков, в том числе в РКИ [Формановская, 2007]. Именно в терминах ТФГ методически продуктивно

предъявлять будущим экспертам-речеведам средства выражения ОЦЕНКИ и ПРИЗЫВА/ПОБУЖДЕНИЯ.

Начнем с ОЦЕНКИ. Биполярная оценочная семантика изначально изучалась через призму функциональности [Вольф, 1985; Арутюнова, 1988]; оба автора обращали внимание на неоднозначность истинностного характера оценочной семантики: дескриптивный компонент поддается верификации, собственно аксиологический − нет. Это имеет принципиальное значение для лингвистической экспертизы. Негативная оценка (в ее инвективной функции) будет подробнее рассмотрена ниже, а относительно позитивного значения коротко скажем, что оно окрашивает все сферы коммуникации: повседневное общение, политический дискурс, особенно предвыборную агитацию «за своего» (тогда как в текстах «против конкурента» активизируются негативные смыслы: выдвигаются обвинения, звучит критика, вплоть до брани), журналистику и рекламу.

Еще одно измерение оценочности в целом − ее содержательная типология. С опорой на логико-философскую концепцию [Ивин, 1970] общая оценка (хорошо − плохо) дополнена частнооценочными значениями: перцептивным, утилитарным, этическим, эстетическим [Арутюнова, 1988]. Принципиальное значение имеет концепция социальной оценочности, выдвинутая в рамках функциональной стилистики публицистической речи [Солганик, 1983; Кара-Мурза, 2003]. Идея утилитарной оценочности выдвинута для рекламы [Кара-Мурза, 2008, с. 162−174]. Для этих дискурсов оценочность является диагностикумом при проведении лингвистической эспертизы.

Тропеистический подход позволяет в пределах оценочной семантики различать оценку автологическую (*молодец* / *поганец*) и металогическую – иронию (антифразис: *«Этот вундеркинд завалил очередной экзамен!»* и астеизм: *«Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»*) или оксюморон (рекламный слоган: *«Дико вкусно! Батончик ФИНТ!»*).

Особый этап изучения ОЦЕНКИ – текстовый: это продвижение от типа РА (речевого акта) к типологии оценочных текстов, к их жанровым моделям, где среди жанрообразующих параметров важнейшим является целеустановка – в данном случае оценочная. Например, в журналистике это хвалебная VS критическая рецензия или статья, филиппика, полемика, фельетон. Аксиологическая − как правило, политически обусловленная – позиция журналиста заложена в комментарии или в расследовательской публикации. Насквозь хвалебны рекламные тексты.

Специфика ОЦЕНКИ как ФСК (функционально-семантической категории) состоит в том, что это не собственно грамматическое, а скорее прагматическое явление, соотнесенное, с одной стороны, с миром ценностей, а с другой – с миром интенций. Ее полицентричное функционально-семантическое поле (ФСП) уже описано в терминах ТФГ: «Доминирующим языковым способом выражения оценочной деятельности сознания является синтаксический в его взаимодействии с лексическим. Единицей этого взаимодействия выступает оценочное высказывание. Коммуникативная цель

субъекта-говорящего – одобрение, похвала, восхищение в положительной зоне, неодобрение, порицание, осуждение в отрицательной – взаимосвязана с мыслительным содержанием оценочного суждения, определяемого внеязыковой действительностью, и учитывает эмоциональную природу ценностного отношения к объекту оценки» [Маркелова, 1996, с. 25]. Интенсивность оценки как важный аспект значения рассмотрена автором на обеих (позитивной и негативной) сторонах шкалы. В центре ФСП, по мнению автора, расположены предложения с эксплицитным модусом оценки, оценочные перформативы (*«Я одобряю / критикую X»*) и с оценочными именными предикатами (*«X хороший / плохой, молодец / негодяй»*). А периферия поля – метафорические, местоименные и тавтологичные высказывания.

Членение ФСП ОЦЕНКИ при лингвоэкспертном подходе несколько иное − оно вторично и моделируется в соответствии с тем, в каких правонарушениях оценочная семантика предстает в виде лингвоправовых признаков. Это 1) оскорбление (как обобщенная оценка личности в неприличной форме) [Жельвис, 2000, с. 223–235; Баранов, 2007, с. 537–552; Бринев, 2009, с. 73–107]; 2) диффамация (как порочащие сведения) [Понятия чести и достоинства, 1997; Баранов, 2007; Бринев, 2009, с. 107–136] и нек. др. А их юрислингвистическая расшифровка отражается в заключениях экспертов 1) как инвективное высказывание, формирующееся вокруг соответствующей предикатной лексемы или фраземы, и как 2) негативная фактологическая информация (о нарушениях истцом законов, правил деловой или производственной этики, бытовой морали), поданная в форме утверждения. Начнем с признаков ОСКОРБЛЕНИЯ.

(1) В «Независимой газете» от 22.02.08 был опубликован комментарий под названием ***«Непарламентский диалог»***

«Экс-лидер коммунистов Кадочников собрал пресс-конференцию и обрушился на бывших коллег за то, что во главе предвыборного списка они поставили предпринимателей. <…> Депутат облдумы /от КПРФ/ Георгий Перский публично назвал Кадочникова «розовым медвежонком» и даже таким грубым словом, как «чмо». Объясняя свою резкость, он сказал «НГ», что его возмутила двуличность Кадочникова. … Сам Кадочников посчитал себя оскорбленным и обратился с заявлением в суд».

С анализа неприличной формы оценки начиналась разработка теории ЛЭ [Понятия чести и достоинства…, 1997]. Инвектива и инвективность («сквернословие как социальная проблема») были исследованы в [Жельвис, 1997] и [Галяшина, Горбаневский, Стернин, 2003]. Шкалированность пейоративной оценки была отмечена в [Голев, 2000, с. 31], а о необходимости разработки шкалы инвективности на текстовом уровне см. у [Сыпченко, 2000, с. 252]. Градация инвективности легко понимается и в студенческой аудитории, и всеми сторонами в суде: у рядовых носителей русского языка есть и «стилистическое чутьё», и «наивная этика», опирающаяся на русскую лингвокультуру.

Если представить себе шкалу в горизонтальной развертке, то инвективный экстремум, который локализован на ее левом, дисфемистическом крае, будет задан матерщиной − словами, заведомо оскорбительными для русского человека, хотя и повсеместно и разнообразно употребляемыми (см. дискуссию в экспертном сообществе относительно решения проф. А.Н. Баранова по делу «Ароян против Киркорова»). В ее середине – «специализированные» бранные слова (*подлец, ублюдок, урод*) и ругательные зооморфные метафоры (*сука, гад, животное*).

Представляется, что следующий отрезок (вследствие аксиологической неоднозначности) занимают имена одиозных личностей − исторических, литературных, мифологических (*Сталин, Гитлер, Иуда* – см. пример ниже). А на крайнем правом крае шкалы, видимо, локализуются выражения, в которых коммуниканты, во-первых, сознательно используют минимум ругательной силы, − это эвфемизмы; а во-вторых, где они с теми или иными целями выражаются фигурально, – это тропы. Согласно традициям диффамационных процессов, тропы неподсудны, и в их числе ирония.

(2) Мне довелось участвовать в экспертизе, когда иск против Г. Н-вой, журналистки городской газеты «В-ски вести», был вчинен местной бизнесвумен Н. З-вой – нечистоплотной (судя по всему) риелтершей и одновременно неудачливой кандидаткой в мэры города. В числе инкриминированных фраз из критической статьи была, например, такая: *«Все 470 тысяч осели в «закромах» благодетельницы, которая искренне хотела помочь больному человеку преклонного возраста. Воистину, недрогнувшие руки горячему сердцу и холодной голове покоя не дают!»*. Из 17 инкриминированных по этому делу фраз верификации поддались только 2. Экспертиза способствовала тому, что суд журналистку оправдал.

Что же касается «социальной» метафоры (*палач, бандит*), то она популярна в политической полемике и болезненно воспринимается носителями языка. В своем дескриптивном аспекте она верифицируема и может проходить по двум уголовным преступлениям (как клевета и оскорбление) и/или по гражданскому (диффамация).

(3) ***ГАРРИ КАСПАРОВУ УГРОЖАЮТ СУДОМ И «ДРУГИМИ МЕРАМИ»***

Чеченцы обиделись за своего президента

В Грозном вчера состоялось внеочередное заседание парламента, где обсуждался только один вопрос. Депутаты единогласно решили подать в суд на одного из лидеров оппозиционной коалиции «Другая Россия» Гарри Каспарова, назвавшего президента Чечни Рамзана Кадырова «бандитом». А уполномоченный по делам человека в Чечне Нурди Нухажиев не исключил, что г-н Каспаров может быть наказан и с помощью «других мер, которые допускает Кавказ». Экс-чемпион мира по шахматам в ответ пообещал обратиться в прокуратуру по факту угрозы ему убийством («Ъ», 26.09.07).

Словесные инвективы отмечены в словарях не только яркими стилистическими красками (*разг.-сниж., прост., вульг.*), но и определенным коммуникативным предназначением (*бран.* – для инвектив, а *пренебр., презр.*

– скорее для экспрессивов). Отметим, что из лексикографических источников ближе всего к целям ЛЭ – «Русский семантический словарь» (т. 1, под ред. акад. Н.Ю.Шведовой): среди функциональных разрядов личных существительных есть «Собственно оценка», а в ней выделен подразряд, выражающий негативную оценку человека: БРАНЬ, ХУЛА.

Предикатный характер большинства разрядов инвективной лексики легко переключает описание ФСП с лексического на синтаксический аспект. С точки зрения совокупной семантики высказывания, оценка охватывает и пропозитивную, и иллокутивную ее составляющую. ИНВЕКТИВНОЙ, оскорбительной иллокутивной силой обладают высказывания, во-первых, с особым распределением коммуникативных ролей, а во-вторых, нескольких синтаксических конструкций.

Итак, оскорбление – это адресованный речевой акт [Баранов ,2007, с. 537–551; Бринев, 2009 с. 95–103]. ИНВЕКТУМ (лицо − объект оценки) обязательно узнаёт, как его обозвали, либо непосредственно из уст собеседника-ИНВЕКТОРА, либо из уст «вестника»-ПОСРЕДНИКА. Первый случай − это прямое оскорбление. Если пейоративная фраза говорится инвектором собеседнику для того, чтобы он передал ее инвектуму, − это косвенный речевой акт – оскорбление «за глаза» [Ростова, Калинина, 2007, с. 251–257). Особая ситуация – публичное оскорбление. В свете вышесказаного его стоит понимать как именно адресованную прилюдную инвективу, которая реализуется, например, на предвыборном мероприятии – на уличном митинге или в теледебатах при обмене репликами между политическими соперниками.

(4) ***ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ ПОЛЕЗ В ПЕРВУЮ ДРАКУ нынешней предвыборной кампании*** **–** озаглавил «Ъ» заметку от 27.02.08, а сначала напомнил, как в ноябре 2003 г., во время думской кампании, *«представитель блока «Родина» Андрей Савельев напомнил Жириновскому, что тот еще якобы в период перестройки говорил об Израиле как о своей родине. В ответ г-н Жириновский назвал г-на Савельева подлецом и пообещал набить ему морду. Активист «Родины» вызов принял, дебаты были прерваны, а г-н Савельев метким ударом в ухо свалил лидера ЛДПР в руки подоспевших охранников».*

И совершенно по-иному, с точки зрения ТРА, должны трактоваться инвективные высказывания в текстах, предназначенных не для речевой агрессии в непосредственном диалоге, а для характеристики поведения и деятельности лица и/или организации, в которую он входит (см. пример 1). Здесь для автора на первый план выходит задача транслировать аудитории негативную оценку объекта, а доведение оценки до самого этого объекта для автора менее важно или вообще безразлично. При этом текст может обладать доброкачественной целеустановкой разоблачения и социальной критики или, наоборот, недобросовестной целестановкой дискредитации, критики «на уничтожение». Именно такого рода тексты вызывают наибольшее количество исков: отрицательные персонажи, будучи «вторичными» адресатами, прогнозируют разрушительный для своей репутации эффект в

общественном мнении, провоцирующий неблагоприятные последствия в деятельностной сфере (в политике, бизнесе, в личных отношениях) и прокламируют тяжелые психологические последствия для себя. Мишенью истцов уже неоднократно становился такой жанр деловой письменности, как жалоба в официальные инстанции [Баранов, 2007, с. 160–173]. Не зря же запрещается спускать жалобу в нижестоящие инстанции тому лицу, на которого она написана. В стандартном случае интенции авторов этих жалоб направлены не на оскорбление лица, поведение и действия которого доводятся до сведения инстанций, критикуются или разоблачаются, и не на распространение порочащих сведений о нем, в чем тоже истцы обвиняют авторов жалоб, а на восстановление порядка, закона или справедливости, как себе их представляют авторы жалоб. Наоборот, именно поведение истцов (отрицательных персонажей жалобы) следует признать недоброкачественным − типичной местью за критику.

Синтаксически инвективы=оскорбления воплощаются несколькими вариантами. Ядерный – типовая модель предложения со значением квалификативного признака [Всеволодова, 2000, с. 266]. Это предложения с инвективным сказуемым, в то время как подлежащим обозначается объект инвективы. Кроме того, инвектива может быть использована в качестве обращения к инвектуму как собеседнику в пределах высказывания иной иллокутивной силы. Для примера на оба случая – старый «детский» анекдот. Пьяный мужик в автобусе требует от интеллигента: *«Ну ты, г-но, подвинься! … Ну ты, г-но, дай газету почитать»*. Выполнив требования и сходя на своей остановке, интеллигент говорит мужику: «*А вы – какашечка!*» Отметим, что инвективная интенция интеллигента не способна воплотиться в равносильную лексему: по справедливому мнению Л.П. Крысина, социолект интеллигенции – это литературный язык. Судя по судебной практике, считается оскорбительной оценкой и СРАВНЕНИЕ как полупредикативный второстепенный член предложения, если в нем локализована инвективная лексема. Эти три конструкции, предположительно, и составляют собственно языковую материю речевой агрессии со стороны говорящего [Саржина, 2007, с. 257–267], юрислингвистически – настоящую ИНВЕКТИВУ, а с правовой точки зрения – ОСКОРБЛЕНИЕ.

Локализация инвективной лексемы в других второстепенных членах предложения, равно как создание текста с пейоративами не для передачи тому, кто в нем негативно оценен, как правило, знаменуют не собственно инвективную функцию, а какую-либо из экспрессивно осложненных разновидностей фактологического СООБЩЕНИЯ (например, социально окрашенного ОСУЖДЕНИЯ или личностного УПРЕКА) или ОЦЕНОЧНОГО СУЖДЕНИЯ, характеристики.

(5) Сравним два контекста употребления одиозного имени ИУДА.

№ 1 – пример из моей экспертной практики. Летом 2005 г. после выборов мэра одна жительница районного города Т., престарелая С-ва, обвинила другую жительницу, пожилую Г., в том, что та вела незаконную агитацию в пользу своего сына – независимого кандидата Г. Дело об

административном правонарушении было рассмотрено и закрыто за отсутствием такового, и безосновательно обвиненная Г. прямо на заседании суда обратилась к С-вой. со словами: *«Не знаю, за сколько сребреников вы продались. Иуда за тридцать, а вы не знаю, за сколько».* С-ва тут же подала иск об оскорблении; были выполнены две экспертизы. Одну по просьбе стороны ответчика выполнила я, определив эту конфликтогенную реплику в пределах судебного полилога как косвенный упрек Г. в адрес С., который прозвучал как эмоциональный отклик Г. на стрессовую ситуацию. На поверхностном уровне это сообщение о содержании сознания (с эпистемическим предикатом «знать»). На мой взгляд, поскольку одиозная номинация не является метафорическим предикатом при субъекте-агенсе, обозначающем истицу С. (тогда было бы *«Вы, С., Иуда»*), а также не формирует сравнительный оборот или сравнительное придаточное (*«Вы ведете себя / продались, как (продался) Иуда»*), постольку вся эта фраза не является непосредственным сравнением С-вой с Иудой. А ведь традиционно (если я не ошибаюсь) только предикативное сравнение или сравнительный оборот делает обидную фразу деликтом − ОСКОРБЛЕНИЕМ. Но моя экспертиза на сомнительных основаниях была отведена как ненадлежащая. Другую экспертизу по определению суда апелляционной инстанции сделали местные эксперты из МВД – и в ней высказывание признано оскорблением: эксперты сочли, что в нем истица сравнивается с одиозной личностью – Иудой. В феврале 2006г. мировой суд признал фразу оскорблением и постановил, чтобы Г. выплатила С-вой 5тыс. руб. в возмещение морального ущерба и 2тыс. руб. судебных расходов. Апелляционный, а затем кассационный суды оставили приговор без изменения. И только суд надзорной инстанции в апреле 2009г. отменил приговор, признав правомочность моей экспертизы и ее результаты.

№ 2. Газета «Время новостей» (15.12.08) рассказала, что в России учреждено оппозиционное демократическое движение «Солидарность». На учредительный съезд пришла известная правозащитница и журналистка Н-ская: *«Страна должна быть уверена, что, если вам предложат место губернатора, вице-премьера, наследника, преемника, вы это место не возьмете,* − обратилась г-жа Н-ская к делегатам съезда. – *В отличие от Иуды Юрьевича Белых»* (экс-лидер СПС Никита Юрьевич Белых был среди инициаторов движения «Солидарность», а в то время по предложению президента Д.А. Медведева был выдвинут на должность губернатора Кировской области, которую вскоре и занял, – *Е.С.К.-М.*). Какова была интенция автора, судя по лексико-грамматическим приметам фразы и исходя из контекста? Это высказывание (модализованное сообщение, констатив), на мой взгляд, сформулировано как поведенческая максима для молодых оппозиционных политиков, риторически – с оглядкой на общественное мнение (*страна должна быть уверена…*). Каузальная пропозиция *если вам предложат место губернатора <…>, вы это место не возьмете* выражена в форме буд. времени индикатива − грамматически это самая мягкая форма ДИРЕКТИВА, подобная заклинанию. С несколько большей побудительной

силой эта мысль звучит в деонтическом суждении вида *«Вы не должны брать посты из рук нынешней власти»,* имеющем иллокутивную силу предостережения. Какую роль играет в этом фрагменте инвектива в адрес Н.Ю. Белых? Сугубо вспомогательную – эта презрительная характеристика дана a propos, походя, хотя и с размаху. Риторическая роль персонажа Белых – выступить в качестве «отрицательного примера» в скрытой полемике оппозиционеров – тех, кто не сотрудничает с властью, и тех, кто готов идти во власть. Так что во фразе Н-ской можно отметить инвективность как иллокуцию именно второстепенную, не находящуюся в воздействующем, перлокутивном фокусе фразы, но не косвенную, т.е. не намеренно смягченную или замаскированную. Так что эта фраза вряд ли могла бы инкриминироваться публицистке Н-ской как ОСКОРБЛЕНИЕ политика Н.Ю. Белых.

Эксплицитный эмоциональный модус в высказывании с инвективой говорит, что это, скорее всего, РА /речевой акт. – *Ред.*/ ЭКСПРЕССИВ.

(6) Одна из ключевых фраз в комментарии блогера Саввы Терентьева, осужденного в 2008г. по ст. 282 УК РФ за разжигание вражды в адрес социальной группы «милиционеры, работники МВД», − *«Ненавижу ментов, сцуконах…».* При этом в [Русский семантический словарь, 1998, с. 273) оценочное значение слова *«мент»*, равно как слова *«мильтон»*, вообще не выявлено. Оба они локализуются в разряде, обозначающем людей по роду войск, силовых структур и обладают стилистической пометой *просторечное*. В [Квеселевич, 2003, с. 425–426] стилистический характер этого слова отмечен как жаргонный, а для иллюстрации взят писательский рефлексив с «оправдательной установкой»: «Слово **мент** в современном разговорном русском языке утратило свой уничижительный оттенок и стало синонимом американского жаргонизма «коп» – полицейский. Многие оперативники себя сами называют **ментами**, причем с гордостью: *«Мы – настоящие **менты**»* (Константинов А. «Бандитский Петербург»).

Еще дальше от грамматического центра поля инвективности фразы, в которых пейоративная семантика номинализована – выражена абстрактным существительным.

(7) Летом 2006г. в подмосковном поселке Южное Бутово, подлежавшем сносу, сложилась острая ситуация. Некоторые жители не захотели выезжать, сочтя компенсацию (новые квартиры) недостаточной. По сообщению РИА «Новости» от 24.06.06, на пресс-конференции мэр Москвы Юрий Лужков сказал: *«Конфликтная ситуация будет разрешаться, считаю, нормальным хозяйственным способом. С каждой семьей будет вестись внимательная, кропотливая работа «в режиме справедливости» <…> Жлобства не допустим, так как оно касается других жителей города, которые стоят в очереди на получение жилья».* Информация агентства Лента.ру 25.06.06 звучала так: ***«Жителей Бутова оскорбило «жлобство» Лужкова**. Выступление Л-ва было воспринято жителями Б. как оскорбление, сказал председатель инициативной группы В. Жирнов. «Мы оскорблены, возмущены и будем подавать иск о защите чести и*

достоинства по заявлению Лужкова – то, что он обвинил нас в жлобстве». С иском к мэру о защите чести и достоинства обратилась, однако, не эта группа, а одна Ю. Прокофьева, потребовав опровергнуть информацию о том, что просила дополнительно выплатить ей и сыну по 100 тыс. $. В интерпретации газеты «Коммерсантъ» (19.12.06), ***ТВЕРСКОЙ СУД ПРИЗНАЛ ЖИТЕЛЕЙ ЮЖНОГО БУТОВА ЖЛОБАМИ***

18.12.06. Тверской суд отказался удовлетворить иск жительницы Ю. Бутова Юлии Прокофьевой к мэру Москвы Юрию Лужкову…)».

Иск вряд ли имел перспективу: инвектива была сугубо косвенная – через дериват ЖЛОБСТВО, не получивший референтной «привязки». Фраза имела, на наш взгляд, иллокутивную силу обещания-воспрещения со стороны московских властей (инклюзивного перволичного субъекта). Обратим внимание на то, как синтаксическая трансформация в заголовке заметки из «Коммерсанта» позволила журналистам рефреймировать ситуацию судебного разбирательства, представив и ее как конфликтогенную.

Все эти прагматические и синтаксические параметры имеют решающее, на мой взгляд, значение для ЛЭ при квалификации фразы как инвективной/оскорбительной или как не имеющей такой иллокутивной силы, с тем чтобы суд впоследствии принял решение о ее преступной сущности как оскорбления или о ее невиновном характере.

Итак, наличие взаимодополнительных семантических параметров и разнообразных средств вербализации обнаруживают у оценочных единиц русского языка (номинативных и коммуникативных) полицентрическую полевую организацию с противопоставлением ядра и периферии. В лингвоправовом варианте ФСП «Оценка» его пейоративная «половина» будет условно полицентрична – будет группироваться вокруг инвективной лексики, которая в свою очередь конституирует синтаксический центр – высказывания с прямой инвективной иллокуцией благодаря именному или глагольному пейоративному предикату, реже – пейоративному субъекту. Частеречная доминанта – оценочные существительные. Можно заметить, что так формируется МИКРОПОЛЕ ОСКОРБЛЕНИЯ. Его периферией являются высказывания, где оценочная иллокуция вторична. Синтаксическая периферия – предложения с инвективной лексемой не в грамматическом центре высказывания. Морфологическая периферия этого микрополя − это номинализации**, а лексическая – эвфемизмы и тропы.**

Лингвоправовым ядром МИКРОПОЛЯ ДИФФАМАЦИИ является понятие **порочащих сведений**, которые с лингвоэкспертной точки зрения коррелируют с негативной информацией о нарушениях законов, производственной или деловой этики, норм бытовой морали, не соответствующей действительности. Они означиваются **сообщениями** − **фактологическими высказываниями**, в той или иной степени оценочными. Морфологически они опираются на глаголы, акциональные и статальные (плюс фазисные), обычно – на стилистически маркированные (например, *крысить* в значении *воровать*). Пропозиции с этими глаголами верифицируемы. Отдаленная часть микрополя диффамации – высказывания

о внутреннем мире персонажа, рисующие его в неприглядном виде, металогические высказывания с негативной коннотацией. А другие группы предикатов коррелируют с конструкциями **мнения**: глаголы каузальные, интерпретирующие, релятивные, модальные сказуемые – это его периферия. С лингвоправовой точки зрения всё это глаголы, формирующие неверифицируемую пропозицию

При всей важности в человеческом общении оценочных смыслов, они не получили отчетливого речеведческого статуса. Оценочный тип речевых актов не был, насколько мне известно, внесен в классификацию РА ни в одной из признанных западных [Остин, 1986; Серль, 1986] или отечественных систем [Богданов, 1990]. В то же время разные оценки упоминаются в перечислениях среди бехабитивов (брань или, наоборот, похвала) или вердиктивов (судебные обвинения) [Остин, 1986, с. 119–120] и среди экспрессивов [Богданов. 1990, с. 55]. Дж. Лич выявил такой РА, как конфликтив (иллокутивные цели − угроза, обвинение, выговор, проклятие) (цит. по: [Богданов, 1990, с. 43]). В типологии текстовых единиц в ценнейшей «Коммуникативной грамматике» (Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998) оценочный регистр специальным образом не выявляется, хотя есть реактивный (скорее диалогической природы). Что касается юрислингвистики, то оценочность, инвективность, оскорбительность не раз были предметом исследования на страницах межвузовского сборника научных трудов «Юрислингвистика» и в изданиях ГЛЭДИС. В предметном указателе основательного труда «Лингвистическая экспертиза текста» есть указание на инвективное употребление бранной и обсценной лексики, но какие-либо оценочные РА отсутствуют [Баранов, 2007].

Примем здесь как гипотезу существование оценочного класса РА (с разными видами) под названием ЭВАЛЮАТИВ (ОЦЕНКА), зарезервировав для него термины, извлеченные из русской «наивной лингвистики» и сконструированные по образцу остиновских-серлевских. Очевидно, что его стоит рассматривать как специфическое «ответвление» ЭКСПРЕССИВОВ. Ведь этот макрокласс/тип РА не характеризуется обязательным параметром истинность/ложность (в отличие от репрезентативов Дж. Остина или ассертивов Дж. Серля), – в лингвоэкспертном плане это принципиально важное свойство! Термином ЭВАЛЮАТИВ в «Системном семантическом словаре русского языка» [Васильев, 2000] обозначены оценочные предикаты. Автор, предположительно, взял его из книги Дж. Остина, в ремарке противопоставившего фактическим суждениям нормативные и оценочные [Остин, 1986, с. 120]. За термином ИНВЕКТИВА (кстати, в логике номинаций ТРА лучше было бы ИНВЕКТИВ) фактически закреплен крайний – именно ОСКОРБИТЕЛЬНЫЙ − негативнооценочный фланг «поля» оценки. Тогда позитивно-оценочный подкласс РА можно было бы назвать МЕЛИОРАТИВ. А для видовых понятий удобно использовать русские речеактные глаголы [Гловинская, 1993].

Итак, в данном исследовании я старалась показать применимость в юрислингвистике функционально-грамматического подхода. Он нацелен на

описание совокупностей разноуровневых, но изофункциональных средств выражения конфликтогенной семантики – функционально-семантических полей (ФСП). Данный подход продуктивен как в преподавании, так и в лингвоэкспертных штудиях. В практике вынесения приговоров мне видятся (хотя, может быть, это сугубо субъективное впечатление) прямо противоположные тенденции относительно сбора и оценки доказательств по речевым преступлениям. Эти тенденции (скажем так: расширительная и «сократительная») соотнесены с признанием большей или меньшей воздействующей силы тропов или прямых бранных выражений, конструкций мнения или знания, императивов или модализованных индикативов, т. е. их более или менее выраженного перлокутивного эффекта − оскорбления, дискредитации, призыва к экстремистской деятельности [Доронина, 2002; 2008; Осадчий, 2007]. Логично предположить, что тяжести речевого конфликта соответствует интенсивность средств речевого воздействия и что, если в экспертном заключении продемонстрировать суду, при установлении им факта речевого преступления, **градуированность конфликтогенов**, это повлияет на приговор в сторону его справедливого смягчения или ужесточения.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.

Баранов А.Н.Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2007.

Богданов В.В. Теория речевого общения. – Л., 1990.

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и лингвистическая экспертиза. – Барнаул, 2009.

Васильев 2000 Л.М. Системный семантический словарь русского языка (словарь предикатов). – Вып.1 – Уфа, 2000.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – Изд.2. – М., 2003.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М., 2000.

Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизм. В помощь судьям, следователям, экспертам. – М., 2006.

Галяшина Е.И., Горбаневский М.В., Стернин И.А. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспериз // Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. – М., 2005. – № 1 (6). – С. 24–39.

Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.,1993. –. С. 158–218.

Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2000. – С. 9–45.

Голев Н.Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии // Юрис-лингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. ст. / под ред Н.Д. Голева. – Барнаул, 2000. Барнаул, 2008. – С. 136–155.

Доронина С.В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки // Юрислингвистика-3. Проблемы юрислингвистической экспертизы: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2002. – С. 77–85.

Доронина С.В. Сведение и мнение: проблемы экспертной оценки переносных и экспрессивных значений // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2008. – С. 266–275.

Ермакова О.П., Земская Е.А. К типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 30–64.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. – М., 2001.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.

Ивин А.А. Основания логики оценок. – М., 1970.

Кара-Мурза Е.С.В помощь редакторам: эксперты-лингвисты о предвыборной информации и агитации //Обреченные на немоту? СМИ в период выборов: законы, комментарии, рекомендации. – М., 2003.

Кара-Мурза Е.С. Лингвосемиотические аспекты законодательной и деонтологической регуляции рекламы // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2008. – С. 162–174.

Квеселевич Д. Толковый словарь ненормативных слов русского языка. – М., 2003

Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дисс….докт. филол.н. – М., 1996.

Муравьева Н.В. Язык конфликта. – М., 2002.

Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора. – М., 2007.

Остин Дж. Слово как дело // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII: Теория речевых актов. – М., 1986.

Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и массовой информации. – М.,1997.

Ростова А.Н., Калинина Г.Н. Прагматико-ситуативные типы реализации речевого акта оскорбления в молодежном общении // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2007. – С. 251–257.

Русский семантический словарь // под ред. Н.Ю. Шведовой. – Т.1. – М., 1998.

Саржина О.В. Оскорбление словом (инвектива) как агрессивный дискурс // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское

право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2007. – С. 257–267.

Серль Дж. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII: Теория речевых актов. – М., 1986.

Солганик Г.Я. Лексика газеты. – М., 1983.

Сыпченко С.В. О типах инвективных текстов как объекте лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2000. – С. 244–252.

Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М., 2007.

В.А. Мишланов

К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ПРАВОВЫХ КВАЛИФИКАЦИЙ РЕЧЕВЫХ КОНФЛИКТОВ[50]

К важнейшим теоретическим задачам судебной (или юридической) лингвистики относятся разработка методологических основ и базовых понятий (таких, как *нормы и конвенции речевого общения, речевой конфликт и речевое правонарушение, конфликтогенный текст, экология языка, языковые манипуляции, недобросовестная реклама, понятие чести и достоинства личности* и многие др.), исследования в области типологии речевых правонарушений и конфликтогенных текстов, «юридизация речевых конфликтов» [Голев, 2003, с. 67], требующая взаимодействия усилий лингвистов и правоведов, а также разработка принципов и методов судебно-лингвистической экспертизы конфликтного текста.

Весьма актуальной теоретической проблемой является осмысление сущности судебно-лингвистической экспертизы (на фоне иных судебных экспертиз и с учетом положений общей судебной экспертологии), четкое определение ее границ, компетенций и возможностей [Россинская, 2005].

Особой теоретической и прикладной значимостью обладают исследования направленные на решение проблем оптимизации смыслового (логико-семантического и дискурсивного) и лингвопрагматического анализа конфликтного текста, включающего выявление эмоционально-волевой подоплеки речевой деятельности, определение явных и подспудных мотивов и коммуникативных целеустановок. Немаловажное значение имеет логико-семантическая характеристика отдельных фрагментов текста как отвечающих или не отвечающих условиям истинности.

Чтобы квалифицировать реализованное в некотором тексте деяние как правонарушение («нарушение такой нормы права, которая содержит

[50] Работа издается при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 08-04-82406 а/У.

санкцию», т.е. предусматривает юридическую ответственность [Юридическая энциклопедия, 2001, с. 814]), в большинстве случаев необходимо лингвистическое обоснование. Юрист выносит правовую оценку, но анализ формы и содержания текста – удел и прерогатива лингвиста.

Как показывает практика судебной лингвистической экспертизы, чаще всего лингвистический анализ конфликтного текста требуется при рассмотрении уголовных дел по ст. 130 (оскорбление). При расследовании дел по другим «речевым» статьям УК РФ – 129-й (клевета), и 207-й, предусматривающей наказание за заведомо ложное сообщение о террористическом акте, – лингвистические экспертизы назначаются относительно редко: считается, что эти преступления к судебной лингвистике прямого отношения не имеет, поскольку, как известно, у лжи нет языковых примет [Вендлер, 1985]. В то же время прежде чем квалифицировать какой-то текст как клеветнический, необходимо определить, допускают ли вызвавшие конфликт языковые выражения истинностную оценку. А это относится уже к компетенции языковеда.

Сошлюсь здесь на один показательный пример из судебно-лингвистической практики. В 2008г. в одном из пермских судов был вынесен обвинительный приговор по ст. 207 (заведомо ложное сообщение об акте терроризма) некоему гр. Ш-ну, который разместил в Интернете текст с угрозами в адрес неопределенных лиц. Вот этот текст:

Я вчера... купил пистолет. Старый ТТ с затертыми номерами. Коробку на 150 патронов. Патроны старые, на донышке выбит 64-й год, но сохранились хорошо, «маслята». Пистолет в промасленой бумаге, сегодня утром его почистил, смазал жидким оружейным маслом, проверил механизм. Заряжал магазин, но стрелять не пробовал – я уверен, что и так сработает хорошо. У кого купил, не скажу. Но у продавца были еще пистолет Макарова – две штуки. Я не взял, плохо из него стреляю, да и мощность не та. ТТ – самое то.

Я вас всех ненавижу, я ненавижу Путина, ненавижу Каспарова, ненавижу Макдональдс, ненавижу Дом-2, ненавижу метро, ненавижу российскую провинцию. Я заберу с собой два-три десятка душ.

Я пока не решил, в какой ВУЗ города я пойду. Наверное, все-таки, в политех. Я его ненавижу. Хотя одинаково ненавижу и остальные «типа университеты». Я ненавижу людей. Вы у меня попляшете. На раскаленной сковородке.

В отношении автора этого текста было возбуждено уголовное дело. В ходе нескольких судебных разбирательств выносились определения о назначении лингвистических экспертиз. В первом определении суда на разрешение эксперта был поставлен один вопрос: *Может ли данный текст рассматриваться как заведомо ложное сообщение о террористическом акте?*

Отрицательный ответ, данный в экспертном заключении автором этой статьи, судебного заседателя не удовлетворил, и была назначена повторная

экспертиза (ее провели специалисты из Уральского РСЦЭ), на разрешение которой были вынесены следующие вопросы:

1) *Может ли текст при прочтении оказать психологическое влияние на человека?*

2) *Связано ли содержание текста с событиями в Америке, в шт. Вирджиния, при расстреле американским студентом лицом корейской национальности* [?]*?*

3) *Исполнен ли данный текст в ироничной, иносказательной манере?*

4) *Может ли данный текст рассматриваться как угроза, представляющая опасность гибели людей?*

5) *Несет ли смысловое содержание текста от 21.04.2007 г. наступление каких-либо опасных последствий для людей?*

6) *С какой целью автором указанного текста 17.05.2007 г. было сделано дополнение следующего содержания: «Надеюсь, всем понятно, что данный текст – художественное произведение, вымысел автора, не имеющий отношения к действительности, злой памфлет против действий маньяков, расстреливающих людей»?*

7*) Является ли текст художественным произведением?*

К компетенции лингвиста (точнее, филолога) были отнесены 3-й и 7-й вопросы, остальные были предметом психологической экспертизы. Я не психолог и не юрист, но, признаюсь, мне не очень понятны мотивы вынесения на экспертизу именно этих вопросов и невключения в их число вопроса, прямо касающегося ст. 207 УК РФ, а именно: *Может ли данный текст в целом или какие-либо его фрагменты рассматриваться как заведомо ложное сообщение о террористическом акте*? А ведь, подчеркну, без ответа на этот вопрос юридически грамотное решение по данному делу невозможно.

Между прочим, анализируемый случай интересен и в том отношении, что показывает, насколько важно мотивированно и правильно формулировать вопросы, требующие экспертного исследования. Например, 5-й вопрос некорректен по модальности. Текст (перформатив), являющийся угрозой, несет лишь **потенциальную** опасность для людей, и то только в том случае, когда угроза не притворная, не вымышленная. Доказать, что этот текст является реальной угрозой (искренним намерением автора текста) нельзя. На некорректно поставленный вопрос трудно дать логичный, убедительный ответ. Так, эксперт, отвечая на этот вопрос, заключает: *Представленный на экспертизу текст от 21.04.2007 г. несет по смысловому содержание наступление опасных последствий для людей (в частности: возможность осуществления угроз схожими с автором текста индивидами).* Но «возможность осуществления угроз схожими с автором текста индивидами» существует всегда. Может ли, однако, быть осужден человек, угрожавший сжечь чей-либо дом, если в действительности дом сожжет кто-то другой (и при этом не будет доказано, что имел место сговор)?

Не очень ясна цель «филологических» вопросов (3-его и 7-го), но какова бы она ни была, возможность получить определенный обоснованный и

убедительный ответ на 7-й вопрос (а только такой может удовлетворить суд) представляется совершенно эфемерной. Выводы эксперта-лингвиста о том, что в анализируемом тексте «налицо непродуманное развитие неотчетливо понимаемой темы «текста», что в нем «отсутствуют все признаки смысловой цельности – и на содержательно-логическом и содержательно-коммуникативном уровнях», что «анализируемые материалы не являются текстом (в лингвистическом понимании этого слова) [?] и нельзя говорить о наличии в них авторского замысла» [?], что «ни одним из свойств художественного произведения исследуемый текст не обладает», – выводы эти весьма субъективны, неубедительны и, кстати, противоречат выводам эксперта-психолога (о том, что текст оказывает психологическое влияние на читателей и несет опасные последствия).

Оценивая композицию, речевые особенности, стиль анализируемого текста, эксперт заключает: «Это очень неграмотное решение текста [?], свидетельствующее о непродуманности авторской позиции и авторского замысла (это тоже характеристика смысловой цельности текста). Автор только что буквально кокетничал с читателем – теперь он его ненавидит». Это суждение вполне может быть опровергнуто как необоснованное – такими же, впрочем, субъективными суждениями; например: «Резкое изменение в эмоциональной окраске текста, начиная с 12-го предложения, само построение этого фрагмента с использованием синтаксического параллелизма и семикратным повтором слова «ненавидеть» являются очень грамотным решением автора текста, свидетельствующим о четкости авторского замысла, продуманности композиции» и т.п.

Ни лингвистическими, ни искусствоведческими методами нельзя обосновать мнение, что анализируемый текст не является художественным произведением, вымыслом, фантазией автора. Если автор текста утверждает, что его текст – вымысел, который он считает художественным произведением, можно выразить мнение относительно эстетических достоинств, степени художественности и т.п., но нельзя опровергнуть утверждение самого говорящего, что его слова являются вымыслом и он считает этот вымысел художественным произведением.

Ничего удивительного, что суд не смог прийти к определенному решению, была назначена третья лингвистическая экспертиза, имевшая целью осветить единственный вопрос: *Является ли текст в целом или какие-либо его фрагменты сообщением о готовящихся действиях, создающих опасность гибели людей*?

Полагаю, что вопрос этот с юридической и лингвистической точек зрения сформулирован некорректно. Любой ответ него, что называется, бьет мимо цели, т.е. не дает оснований для юридически грамотного и справедливого решения. Ведь для обвинительного приговора по ст. 207 УК нужно убедиться в том, что имело место **событие преступления**, а именно: **заведомо ложное сообщение** об акте терроризма**,** иначе говоря, сообщение о готовящемся событии, облеченное в такое языковое выражение, которое удовлетворяет условиям истинности, т.е. в

принципе может быть расценено как истинное (соответствующее действительности) или ложное.

Истинностной оценке, как известно, подлежат только сообщения, соотнесенные с внешними по отношению к говорящему субъекту событиями и фактами, т.е. утверждения о чем-либо или отрицание чего-либо. В то же время существует обширный класс высказываний (сообщений), которые не отвечают условиям истинности. В частности, не могут быть определены как истинные или ложные высказывания, выражающие оценку (*Этот дом не слишком удобен*), отношение говорящего к чему-либо (*Я сожалею, что Иван не приехал; Я ненавижу Петра*).

Логики и лингвисты выделяют различные виды высказываний, входящих в широкий класс так называемых **перформативов**, или высказываний-действий, относительно которых бессмысленно ставить вопрос об их истинности или ложности. Такие высказывания (сообщения) отвечают условиям искренности, успешности, справедливости и др., но не истинности. К таковым относятся, например, комиссивы, т.е. разного рода намерения, обещания (*Я обещаю больше не опаздывать*), директивы (*Прошу не опаздывать; Умоляю, не верь Петру*), вердиктивы, в том числе оценки (*Виновен*; *Назначаю штрафной удар; Он негодяй!*) и др. [Остин, 1986, с. 117–129; Серль, 1986]. В этот класс языковых выражений (сообщений) входят разного рода предупреждения (*Я не потерплю, если ты будешь опаздывать*) и угрозы (*Я сожгу твой дом; Лучше не попадайся мне на пути; Ты у меня попляшешь; Я убью тебя, если ты не отстанешь от моей жены* и т.п.)

Яркая особенность сообщений-перформативов заключается в том, что они обязательно включают сказуемые в форме 1-го л. (обычно ед. числа) настоящего времени. Так, сообщение о вердикте присяжных может быть истинным или ложным (*Вчера суд присяжных признал гр. N виновным*), но сам вердикт есть высказывание, в перформативной рамке которого имеется сказуемое, представленное глаголом в 1-м л. наст. вр. (*Виновен!* = ‘**Я считаю,** что N виновен’); вердикт может быть справедливым или несправедливым, необоснованным, но никак не истинным или ложным.

Между прочим, высказывание с глаголом-сказуемым в 1-м л. буд. времени ([*Я говорю, что*] *Я приду завтра утром*) формально не может быть отделено от типичного комиссива (*Я обещаю прийти завтра утром*), а потому также не может быть определено как ложное или истинное.

Далее, необходимо различать собственно угрозу (*Я сожгу дачу Петра*) и сообщение об угрозе (ср.: *Иван во всеуслышание заявил, что сожжет дачу Петра*). Понятно, что только последнее (сообщение об угрозе со стороны кого-либо) может быть истинным или ложным, но никак не сама угроза, т.е. соответствующего содержания высказывание **от первого лица**. Конечно, собственно угроза может быть в действительности притворной, мнимой. **Но нет средств, с помощью которых можно было бы по языковой форме определить степень ее реальности**.

В анализируемом тексте истинными или ложными могут быть определены следующие высказывания (исключая выражения в квадратных скобках):

Я вчера... купил пистолет. Старый ТТ с затертыми номерами. Коробку на 150 патронов. Патроны старые, на донышке выбит 64-й год, но сохранились хорошо, «маслята». Пистолет в промасленой бумаге, сегодня утром его почистил, смазал жидким оружейным маслом, проверил механизм. Заряжал магазин, но стрелять не пробовал – [я уверен, что и так сработает хорошо].[У кого купил, не скажу]. Но у продавца были еще пистолет Макарова – две штуки. Я не взял, плохо из него стреляю, [да и мощность не та. ТТ – самое то].

Все другие высказывания текста (*Я вас всех ненавижу, я ненавижу Путина, ненавижу Каспарова, ненавижу Макдональдс, ненавижу Дом-2, ненавижу метро, ненавижу российскую провинцию. Я заберу с собой два-три десятка душ. Я пока не решил, в какой ВУЗ города я пойду. Наверное, все-таки, в политех. Я его ненавижу. Хотя одинаково ненавижу и остальные «типа университеты». Я ненавижу людей. Вы у меня попляшете. На раскаленной сковородке*) не являются сообщениями, которые можно определить как ложные или истинные, так как они либо выражают отношение к чему-либо субъекта речи, либо являются перформативами (угрозами).

Реальность или мнимость угрозы не может быть установлена процедурами логического анализа, можно лишь верить в реальность угрозы или сомневаться в ней. Поэтому угроза (не сообщение о ней!) ни при каких обстоятельствах не может быть приравнена к ложному сообщению.

В анализируем тексте нет высказываний, которые могут быть осмыслены как истинные или ложные сообщения о готовящемся террористическом акте. Из этого со всей очевидностью следует, что за текстом, написанным и распространенным гр. Ш-ым, **нет события преступления**, предусмотренного статьей 207 УК РФ.

Библиографический список

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 238–250.

Голев Н.Д. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: сб. мат-лов науч.-практ. семинара. Москва, 7-8 декабря 2002г. – Ч. 2. / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М., 2003. – С. 64–73.

Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 22–129.

Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: «Норма», 2005.

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 170–194.

Юридическая энциклопедия /под общей ред. Б.Н. Топорнина. – М., 2001.

А.В. Морозов

ДЕНОТАТИВНЫЕ И КОННОТАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СЕМАНТИКИ ИНВЕКТИВНОГО СЛОВА

Анализ современной литературы по юрислингвистике приводит к мысли о том, что термин «инвективная лексика» понимается в наши дни, как минимум, двояко, притом что он не отграничен от смежных с ним терминов «ненормативная лексика», «бранная лексика» и «просторечная лексика». С одной стороны, термин «инвективная лексика» применяется для обозначения того слоя, разряда слов и выражений, употребление которых в речи (устных и печатных текстах) нарушает нормы общественной морали, общепринятые в данном социуме представления о приличии/неприличии. В этот разряд слов и выражений входят, с одной стороны, лексико-фразеологические единицы из «внелитературной» сферы русского национального языка: из просторечия, жаргонов, территориальных диалектов, например: *растащиловка, козел, вертухай*..., с другой стороны, слова и выражения, принадлежащие литературному языку, т.е. нормированные, например: *негодяй, подлец, мерзавец, врун* и др.

Уже из такой обобщенной характеристики ненормативной лексики ясно, что и в самой этой лексике, и в соответствующей области словоупотребления много неопределенного. В реальной повседневной речевой коммуникации отражается дробная дифференциация социально-культурных групп населения, микрогрупп, разного рода социальных коллективов. Соответственно наблюдается пестрая мозаика речевых манер, способов выражения мыслей и эмоций, тактик и стратегий диалогов, построения письменных и устных текстов, употребления слов. Во всем этом океане речи находят, в свою очередь, отражение специфические, «свои» узуальные нормы речевого поведения каждой из социально-культурных групп населения и микрогрупп, в том числе и способы выражения приличия/неприличия. Очевидно при этом, что эти нормы зачастую резко расходятся (в силу расхождения с общепринятыми в данном обществе нормами речевого поведения) с нормами литературного языка.

В сферу книжной речи (письменных и устных текстов) литературного языка – речи нормированной, неспонтанной, совершающейся в условиях официальности – мощным потоком вливается значительная масса речевых явлений (в том числе, конечно, и инвективного характера), традиционно – до

примерно 80-х гг. – функционировавших на периферии русской речевой коммуникации, исключительно в ее устной сфере: в рамках городского просторечия, в узких рамках таких жаргонов, как лагерно-тюремный и жаргон уголовников, в территориальных рамках диалектов, а также в рамках достаточно распространенного так называемого «молодежного жаргона». Обычно отдельные элементы этих речевых сфер эпизодически попадали в тексты детективов, художественных произведений о молодежи, звучали с экранов фильмов, прежде всего детективных, немного чаще фигурировали в прессе, в основном молодежной, и достаточно широко − в авторской песне. Как показывает анализ иллюстраций употребления такого рода языковых единиц в специализированных словарях и справочниках [Флегон, 1993; Колесников, Корнилов, 1996; Квеселевич, 2005 и др.], эти процессы берут начало в 60-х гг., они связаны с публикацией в годы хрущевской «оттепели» художественных произведений и мемуарной литературы, посвященной сталинским лагерям.

Широкая экспансия ненормированной русской речевой стихии, наблюдаемая в годы перестройки и в постсоветское время, да еще в условиях фактической монополизации в языковой жизни общества звучащей радио- и телевизионной речи, представляет серьезную опасность для стабильности литературного языка, расшатывает сложившуюся систему литературных норм. Подобная, разделяемая большинством специалистов оценка ситуации, сложившейся в современном русском языке, в современной речевой коммуникации, убеждает в том, что проблема квалификации употребления слов и выражений инвективного характера как оскорбления значительно осложняется в связи с усиливающейся размытостью границ и состава самой инвективной лексики.

Наряду с таким пониманием инвективной лексики, широко распространено и другое, восходящее к внутренней форме данного заимствованного термина. Прилагательное «инвективный» − производное от существительного «инвектива». Это существительное, означающее «резкое выступление против кого-, чего-либо; оскорбительная речь; брань, выпад», восходит к лат. invectiva oratio (бранная речь). Инвективную лексику и фразеологию составляют слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унизить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речи (или объекта оскорбления), обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме (реже прибегают к «приличной» форме − эвфемизмам, вполне литературным).

Основная часть инвективной лексики и фразеологии составляется из лексики бранной, относящейся отчасти к диалектам, но главным образом к просторечию, а также к жаргонам, и характеризуется грубо вульгарной экспрессивной окраской, резко негативной оценкой, чаще всего циничного характера, например: *говнюк, гад ползучий, дерьмо, засранец, лахудра, падла, обалдуй, сука сраная*. Значительное место в инвективной лексике занимает та

часть бранной лексики, которая относится к табуированным словам и словосочетаниям, к мату. Среди инвективной лексики есть и известная часть бранных слов и словосочетаний, входящих в литературный язык. Они относятся к разговорной речи, к разным ее пластам. В основном это слова и словосочетания, принадлежащие периферийным пластам разговорной речи, граничащим с просторечием и жаргонами. Такого рода слова и словосочетания в своем большинстве образуют так называемую грубо просторечную лексику – «нижний» разряд разговорной лексики литературного языка. Например: *девка* (о распутной женщине, проститутке), *гад* (перен.), *гаденыш* (перен.), *подлый, подлюга, сволочь, скотина* (перен.), *стерва, сукин сын, старый хрен, хамово отродье*... Все эти и подобные слова в современных толковых словарях характеризуются как «бранные», «грубые» или «презрительные». Единичные лексические единицы, в которых резко негативная оценка человека, его поведения содержится в их значении, имеют констатирующий характер, например: *гадкий, негодяй, подлец, подличать, подло, подлость, хамелеон* (перен.).

Таким образом, входя значительной своей частью в состав бранной лексики, инвективная лексика, в свою очередь, состоит в основной массе из лексики «внелитературной» сферы современного русского языка: слов и фразеологии просторечия, жаргонов, отчасти диалектов. Из сферы литературного языка в ее состав включаются лексико-фразеологические единицы преимущественно разговорной речи, главным образом лексики «грубо просторечной» (или «грубо фамильярной», «вульгарной»), а также из сферы обиходно-бытовой речи. Фигурируют также некоторые разряды книжной лексики, связанные с квалификационными и оценочными (негативными) характеристиками кого-, чего-либо, в том числе и адресата речи. В состав инвективной лексики входит и известная часть обсценной лексики, целиком находящейся за рамками литературного языка. Обсценная лексика наделена в русской речевой коммуникации рядом функций, из которых в рамках инвективной лексики реализуется, по крайней мере, одна − оскорбить, унизить, опорочить адресата речи. В этом случае коммуникация является всегда адресной, имеет место персонализация обсценной и вообще инвективной лексики и фразеологии.

Употребление обсценной лексики во многих других ее функциях не предполагает интенции оскорбления со стороны говорящего. Между тем, перед экспертом, как правило, ставятся судом вопросы, направленные на квалификацию тех или иных слов или речевых актов именно как оскорбительных. Практика показывает, что основные два типа вопросов, фигурирующих в судебных постановлениях о назначении лингвистической экспертизы, – это 1) Являются ли данные слова или высказывания оскорбительными? и 2) Содержится ли в них негативная характеристика того лица, которому они были адресованы. Раньше первый вопрос часто встречался и в такой формулировке: «Содержатся ли в тексте слова (фразы, высказывания, выражения), оскорбляющие честь (достоинство) такого-то?» Сейчас это происходит реже, поскольку, регулярно отвергая подобную

формулировку, лингвистам все же удалось постепенно донести до сознания юристов то, что подобный вопрос находится вне компетенции лингвистики. Для констатации факта оскорбления нужно установить адекватность – неадекватность содержания и формы текста (его фрагментов, отдельных слов) объективной действительности. Анализ же фактуальной информации текста с точки зрения ее достоверности, объективности, достаточности требует исследования всех обстоятельств дела судом. Лингвист может установить в тексте наличие отрицательных характеристик, уничижительных именований того или иного лица; квалифицировать их как инвективные – в компетенции юристов.

Вопросы 2-го типа сводятся по сути к толкованию значений, такие вопросы нередки в постановлениях о назначении судебной экспертизы и более правомерны, так как толкование семантики может служить отправным моментом для анализа фактуального содержания текста юристами или одним из аргументов его правовой оценки. Вполне закономерными представляются вопросы к лингвистической экспертизе типа: «Несет ли слово... в данном контексте отрицательную оценку, характеристику (деятельности, качеств и т.д.) личности?». Иначе его можно было бы сформулировать: «Является то или иное слово в русском языке уничижительным?». Но на практике юристы к такой формулировке пока прибегают редко.

Как нам представляется, разграничение денотативных и коннотативных компонентов семантики слов, потенциально инвективных, могло бы иметь не только теоретическое значение в лексикологии и семасиологии, но и способствовать разработке методических основ юрислингвистической экспертизы. Под денотативным компонентом значения понимается часть знака, отражающая в обобщенной форме предметы и явления внеязыковой действительности. Денотативный компонент в своей основе понятие, которое характеризует внеязыковой объект [Стернин, 1985, с. 48]. Коннотацию можно рассматривать как дополнительную информацию по отношению к денотативному компоненту значения, как совокупность семантических наслоений, включающих в себя оценочный, экспрессивный, эмоциональный и функционально-стилистический компоненты.

Таким образом, в структуре значения выделяются макрокомпоненты, отражающие структурацию значения по типам передаваемой информации, они могут быть изолированы в структуре значения и выделены через семантические оппозиции лексических единиц. Если для большинства слов в целом в языке основным выступает денотативный макрокомпонент, передающий предметно-понятийную информацию, связанную с отражением внеязыковой действительности, объективной или субъективной, то для значительной части инвективной лексики основным выступает коннотативный макрокомпонент, выражающий отношение говорящего к предмету номинации в форме эмоции и оценки денотата. Оценка и эмоция, две основных составляющих коннотативного макрокомпонента, выступают в виде семантических признаков, конкретизируемых соответствующими семными конкретизаторами, хотя эмоциональный и оценочный компоненты

в структуре значения тесно связаны и иногда их трудно разграничить. В словарях оба компонента фиксируются практически одними и теми же пометами – *бран., неодобр., презр., шутл., ирон., фам., груб., пренебрежит.* и т.д., в то время как оценка может сопровождаться нулевым эмоциональным компонентом, эмоциональный компонент не может появиться в слове без оценки, ибо любая эмоция носит оценочный характер, хотя не всякая оценка обязательно эмоциональна.

Коннотативные семы вносят в значение дополнительные по отношению к денотации смыслы. Оценочность может быть выражена в денотативном компоненте значения, ибо оценочной может быть вся номинация в целом. К примеру, слово *негодяй* называет плохого человека, и неодобрительный признак будет входить в денотативный компонент, так как денотатом данного знака является именно плохой человек в целом, а не человек + его отрицательная оценка, выраженная дополнительно.

Разграничение коннотативных и денотативных оценок часто вызывает трудности. Разграничить эти оценки можно приемом трансформации дефиниции значения в условную фразу, завершающуюся компонентом «и это хорошо/плохо». Если значение данного слова можно сформулировать так, чтобы в него не входили оценочные слова, и при этом значение допускает завершение условной фразой «и это хорошо/плохо», то такая оценка будет коннотативной, дополнительной, а денотативный компонент будет содержать объективную характеристику денотата. Если же объективное толкование значения оказывается невозможным, то оценка входит в денотативный компонент значения и оценочной является вся номинация в целом. Например, *анонимщик* — лицо, пишущее анонимные письма −«и это плохо»: оценка коннотативна; *верхогляд* − человек, отличающийся неглубоким, поверхностным взглядом на что-либо: оценка денотативна. Коннотативные компоненты структурно необходимы, по ним многие слова противопоставлены в системе языка, выстраиваются в парадигмы. Эмоциональные и оценочные компоненты могут быть системными, узуальными, а могут быть окказиональными, наводиться в конкретном коммуникативном акте.

Как было показано выше, коннотативный макрокомпонент может занимать настолько большое место в структуре значения инвективного слова, что денотативный компонент в нем вообще отчетливо не просматривается. Объектом юрислингвистической экспертизы часто становятся выражения, цель которых заключается не в передаче какой-либо информации, а в провокации у слушающего немедленной отрицательной реакции (то есть в своего рода эмоциональном ударе). В этом случае вопрос типа «Содержится ли в высказываниях отрицательная характеристика такого-то лица?», объективно направленный на выявление денотативного содержания использованных при «обзывании» оппонента слов и сочетаний, не может быть раскрыт экспертом при всем желании, и он вынужден сосредоточить усилия на квалификации предъявленных высказываний с точки зрения приличной-неприличной формы, то есть на коннотативном

макрокомпоненте. И здесь он неизбежно сталкивается с большими трудностями, поскольку если денотативно-сигнификативное содержание семантики слов более или менее раскрывается в дефинициях общетолковых и специализированных словарей, то коннотативное содержание, которое должно передаваться посредством системы помет, вряд ли может служить надежным источником лингвистической экспертизы.

Если экспертизе предлагается определить инвективность определенных слов (оскорбление, оскорбление в особо неприличной форме и т.п.), то лингвист вынужден, делая заключение, ссылаться на словарные пометы и оценочные компоненты значений слов, опосредованно характеризующие лексику как инвективную (грубое, просторечное, уничижительное, снисходительное и др.). Отсутствие прагматических инвективных помет в лексикографических источниках вызывает трудности в обосновании заключений экспертизы.

Рассмотрим в качестве примера слово *сука*, часто фигурирующее в уголовных делах по ст. 130 УК РФ. Утвердительный ответ на вопрос о том, является ли данное слово неприличным и оскорбительным, как правило, не вызывает сомнений. Слово *сука* представлено в общем Словаре русского языка в 4-х тт. в двух значениях: «1. Самка домашней собаки, а также других животных семейства собачьих. 2. *Груб. прост.* Употребляется как бранное слово». В инвективных контекстах говорящим обычно подразумевается значение 2, представляющее собой простое ругательство и не заключающее в себе никакого конкретного смысла. Пометы, которыми снабжено данное значение в толковом словаре, указывают на его грубую эмоционально-экспрессивную окраску и принадлежность к просторечной лексике.

Слово *сука* содержится во всех специализированных словарях инвективной и нецензурной лексики. К примеру, словарь «Поле русской брани» определяет его значение как «самка собаки; *перен.* бесчестный, подлый человек; женщина легкого поведения». Словарь А. Флегона «За пределами русских словарей» приводит шесть значений данного слова: «1. Самка собаки; 2. Женщина легкого поведения; 3. Бранное слово; 4. Работник милиции или КГБ; 5. Бывший вор, который сотрудничает с милицией, стукач; 6. Толстый канат». Иллюстрации употребления, содержащиеся в словарных статьях, показывают, что в последние десятилетия это слово в разных значениях стало допустимым в публицистическом стиле: *Лейтенант-охранник, не мудрствуя лукаво, называл журналистов «**суками**» и лупил их дубинкой по рукам* («Известия», 6 октября 1993г.). В художественной литературе слово активно употребляется с начала XX в.: *Пей со мной, паршивая **сука**, Пей со мной* (С. Есенин); – *Алка **сука**, − продолжал Герка* (В. Козлов); *И вдруг отец говорит: «Тащи ее, **суку**, она рожает»* (Н. Никитин); *Ах ты, старая **сука**!* (В. Шугаев); *Да и Люсинда, видно, помогла… **Сука** бесхвостая!* (В. Шефнер). Однако все это ни в коей мере не снижает степень оскорбительности этого слова для адресата речи, в особенности для женщины, поскольку наряду с общим бранным значением оно в этом случае может подразумевать указание на ее сексуальное поведение.

Таким образом, как видно из приведенных цитат, слово *сука* не является нецензурным. Имея прямое значение, относящееся к литературному языку, слово как таковое, с точки зрения своей звуковой и графической оболочки, допустимо в печатных изданиях и тем более в бытовом общении. Однако в переносном значении, принадлежащем к широкому кругу так называемых зоосемантических метафор в русском языке, слово «сука» становится неприличным, и его употребление нарушает нормы речевого этикета.

Ответ на вопрос, содержит ли слово *сука*, высказанное в адрес конкретной потерпевшей (потерпевшего), отрицательную, негативную оценку ее (его) личности, не столь однозначен. Данное слово может быть простым ругательством, не подразумевающим какого-либо конкретного предметного смысла, может быть даже междометием, как, к примеру, в высказывании *Вот в какую я попал непонятную,* ***сука****, историю!* (Юз Алешковский). Подобное употребление является достаточно частотным в просторечии и характерным для лиц мужского пола (а в последние годы и женского), не достигших высокого культурного и образовательного уровня. Слово может употребляться по отношению к неодушевленному предмету, который по каким-то причинам является источником раздражения для говорящего, и последний тем самым использует его для выхода отрицательной энергии и преодоления психологического дискомфорта.

Однако в некоторых случаях при номинации лица женского пола могут актуализироваться такие компоненты значения слова *сука*, как «бесчестная», «подлая», «стервозная», «женщина легкого поведения». Это явно обнаруживается в следующих цитатах из произведений современной беллетристики: *Так ведь то* ***сука*** *поганая, а не скромная, привлекательная девушка* (Чириков Е.Н. «Девьи горы»); *Анна Матвеевна (надо же быть такой* ***сукой****!) подняла трубочку телефона* (Кунин В. «Интердевочка»); *В своем воображении я иногда представлял, как вбегаю, ударом ноги растворив двери, вытянув перед собой револьвер, и кричу «****Сука****!», а она лежит в кровати, и я стреляю в них* (Лимонов Э. «Это я – Эдичка»). При подобном употреблении слово *сука* содержит отрицательную, негативную оценку личности женщины, в адрес которой оно было высказано.

Таким образом, если коннотативный компонент семантики слова *сука* является более или менее постоянной величиной, то денотативный компонент в одних речевых актах реализуется, а в других остается на уровне потенциального, что требует от эксперта в каждом случае тщательного анализа контекста употребления и речевой ситуации.

Библиографический список

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. – М., 2005.

Колесников Н.П., Корнилов Е.А. Поле русской брани: Словарь бранных слов и выражений. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Мурат В.Г. Стилистическая система современного русского языка по данным словаря С.И. Ожегова // Словарные категории / под ред. Ю.Н. Караулова. – М., Наука, 1988.

СтернинИ.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985.

Флегон А. За пределами русских словарей: словарь-справочник. – М.: Рике, 1993.

Я.В. Олзоева

ПРЕДВЫБОРНЫЕ ДИСКРЕДИТИРУЮЩИЕ ТЕКСТЫ КАК ОБЪЕКТ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ: НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Процесс текстообразования стремится к получению конкретного и осязаемого результата (ср.: [Карцевский, 2000, с. 223]), т.е. текста – продукта речемыслительной деятельности человека, законченного сообщения, творимого с определенным коммуникативным намерением. Коммуникативное намерение (интенция, цель), порождающее текст, формируется, как известно, причинами и мотивами, лежащими за пределами языка, а именно, в данном случае, предвыборными кампаниями, борьбой кандидатов за голоса избирателей. Коммуникативное намерение в качестве составляющей текста представляет собой его виртуальное содержание (О.С. Ахманова). Текст создается конкретной личностью (личностями) – в рамках проведения предвыборных кампаний нравственно-правовые проблемы связаны с текстами, вопрос об атрибуции которых является открытым. Анонимность автора вполне объяснима в силу очевидности коммуникативного намерения: дискредитация личности, нанесение ущерба репутации, имиджу. Для юрислингвистики представляют интерес предвыборные тексты как цель и результат речевого действия.

С типологической точки зрения, рассматриваемые тексты определяются, по В. Шмидту, как активирующие – побуждающие адресата к определенным действиям. Сфера использования активирующих текстов – агитация, педагогика, научная область, художественная литература (цит. по: [Гончарова, Шишкина, 2005, с. 48]). Дискредитация предпринимается с целью убедить адресата голосовать за соперничающего кандидата или, по крайней мере, воздержаться от поддержки дискредитируемого кандидата. Создание дискредитирующего агитационного текста, как и любого другого текста, является формой действия [Язык и наука…, 1995, с. 27]. В действии, наряду с другими сущностными (содержательными) компонентами, выделяются цель и результат [Сильдмяэ, 1987, с. 27; Степанов, 2001, с. 314], которые, по А.Н. Леонтьеву, суть одно и то же. Дискредитируюшие агитационные тексты представляют собой единство цели и результата.

Безусловно, что подрыв доверия к тому или иному человеку еще не составляет объект юридической оценки – ведению юриспруденции принадлежат дискредитирующие агитационные тексты, содержащие

инвективы и оскорбляющие честь и достоинство (закономерны поэтому анонимность и письменная форма таких текстов, обеспечивающие дистанцированность адресанта и адресата).

Политическая стабильность, характеризующая современное состояние российского общества, не может не сказаться на содержании дискредитирующих агитационных текстов. Это проявляется, в частности, в том, что инвективы «вкрапляются» в текст; практически отсутствуют тексты, насыщенные обсценной лексикой. К инвективам в анализируемых текстах относится, прежде всего, оценочная лексика пейоративного характера типа *тупой, чинуша,* окказиональные словообразования с прозрачной мотивацией *Фекалин – фекалии, кивала* – по аналогией с *кидалой,* оценочно-интерпретационные глаголы *хамить, грубить, нарушать закон.* Общий инвективный фон поддерживается грубо-фамильярной лексикой: *забавный старикан, Айдай* (образование на базе фамилии); фразеологизмами: *пролил (немало) слез*; употребление слов в переносном значении: *давить на народ, плевать им на законы, для хана* (т.е. мэра) *воздвиг огромный дом.* В результате разрушения в имени *хан* прямого номинативного значения актуализируются вторичные признаки (Б.В. Томашевский) – самодурство, произвол, унижение достоинства других, что порождает соответствующее ассоциативно-семантическое поле: (хан, т.е. мэр) *топает ногами, хамит, глядит на всех свысока, плюется, грубит.*

Дискредитация достигается также с помощью высказываний об отклонениях от нормы. Из нормативной картины мира, как известно, исключается отрицательное: человек, в норме, должен быть опрятным, трезвым и т.п., а претендующий на выборную должность депутата – обладать определенным уровнем компетенции. Высказывания типа *попахивает калом, всегда немного пьян, учился в школе плохо, по комсомольской линии поднялся, хоть и туп*, сигнализирующие об отступлении от нормы, усиливают общую инвективную направленность дискредитирующих агитационных текстов. Знания о фактах из жизни дискредитируемого кандидата входят в пресуппозицию адресанта: в объективное содержание (диктум) таких высказываний «встроена» оценка со знаком «–». Оценка, не имеющая, как известно, своего денотата, корректирует объективное содержание высказывания с позиций адресанта [Лопатин, 1992, с. 70]. Ценностная коррекция в интересах субъекта речи «гармонизируется» с общей дискредитационной направленностью текста.

Коммуникативно-прагматические условия порождения дискредитирующих агитационных текстов, а именно проведение предвыборных кампаний в ограниченные сроки, влияют на такое свойство текста, как энергичность, с которой реализуется коммуникативное намерение адресанта (см.: [Серль, 1986, с. 172–177]): чем текст энергичнее, тем вероятнее успешность перлокутивного эффекта. Данным обстоятельством, на наш взгляд, объясняется высока степень насыщенности дискредитирующих агитационных текстов инвективной, пейоративной лексикой, а также оценочными лексемами со знаком «–».

Предвыборные дискредитирующие агитационные тексты, включающие инвективную и пейоративную оценочную лексику, ориентированы, вне самого сомнения, не только на дискредитацию, умаление доверия к кандидату, но и оскорбление его чести и достоинства.

К корпусу дискредитирующих агитационных текстов, которые создаются в период предвыборных кампаний, относятся письменные тексты с указанием имени автора, характеризующиеся отсутствием инвективов. Как правило, они интерпретируют те или иные события в жизни дискредитируемого кандидата: адресант «вычленяет фрагмент действительности, а в нем определенный аспект, концептуализирует его, структурирует по модели суждения… верифицирует и… получает факт» [Арутюнова, 1988, с. 153]. Факты – это область эпистемологии, а не онтологии; они зависят от человека, который так или иначе воспринимает действительность, видит ее под тем или иным углом зрения и интерпретирует. Поэтому дискредитация «с помощью» фактов – это, скорее, область стилистики и риторики как научных дисциплин, связанных с рассмотрением наиболее целесообразного использования языковых ресурсов с целью убеждения (аргументации).

Иное дело − дискредитирующие агитационные тексты, включающие инвективы. Такие тексты могут вызвать последствия (незапланированные эффекты результата действия, по Г.Х. фон Вригту), тяжесть которых трудно предвидеть. Однако приходится с сожалением констатировать: практика создания таких текстов в предвыборных кампаниях продолжается, несмотря на очевидность нарушений нравственно-правовых норм.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.

Гончарова Е.А., Шишкина И.П. Интерпретация текста. – М., 2005.

Карцевский С.О. Из лингвистического наследия. – М., 2000.

Лопатин В.В. Оценка как объект грамматики //Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. – М., 1992. – С.70–75.

Серль Дж.Л. Классификация иллокутивных актов //Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.17. – М, 1986. – С.170–194.

Сильдмяэ И. Знание (когитология). – Таллинн, 1987.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001.

Язык и наука конца XX века. – М., 1995.

Т.А. Сидорова

ЮРИДИЗАЦИЯ ДЕРИВАЦИОННЫХ СРЕДСТВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается проблема актуализации речевых стратегий дискредитации и дискриминации посредством деривационных средств в публицистическом тексте. Описывается механизм юридизации деривационных средств, маркирующих такие когнитивные категории, как позиция, точка зрения, взгляд, мотив и др., формирующие прагматический аспект текста.

Под юридизацией деривационных средств нами понимается их способность маркировать возникающие в тексте смыслы, релевантные для юридической практики. При этом деривационные средства, к которым мы относим морфемы, морфемные синтагмы, производные слова, словообразовательные модели, мотивационные признаки, деривационные парадигмы, могут лишь сигнализировать о тех или иных текстовых смыслах.

Материалом для исследования послужили публицистические статьи региональных газет.

Особую значимость в тексте приобретают производные слова, используемые в сильных текстовых позициях: заголовке, подзаголовке, врезке, лиде, начале текста, концовке и т.п. Например, в подзаголовке статьи «По следам мухи» («Правда Северо-Запада» от 22 марта 2006 года, №11), написанной в жанре журналистского расследования, используется лексема «охотиться». Ср.: *За руководством «Бобровского рейда» охотятся люди криминального авторитета по кличке Крупа.* Учитывая анализ содержания статьи, подзаголовок следует воспринимать как утверждение. Прямой смысл слова «охотиться» затушёван и актуализируется переносный приращённый смысл – «преследовать, совершать покушения, нападать» (контекстуальный смысл). В тексте актуализируется образная мотивация. Однако приращённый смысл не переводит высказывание в разряд оценочных, так как за словом стоят конкретные действия, соотносимые с действительностью (=покушения). В подтекстовой форме дана информация о том, кто есть Крупа. Сам автор в сноске даёт пояснение: *кличка криминального авторитета.* В русской лингвокультуре под кличкой подразумевается прозвище, которое традиционно образуется от фамилий. Поскольку в статье достаточно чётко актуализируется связь между Крупчаком и покушениями, читатели понимают, что кличка Крупа образована от фамилии Крупчак (очевидна связь внутренней формы фамилии и клички). Поэтому подзаголовок можно трансформировать так: *За руководством «Бобровского рейда» охотятся (=преследуют, выслеживая, совершают покушения, нападают) люди криминального авторитета по кличке Крупа.*

В пресуппозитивной форме представлено утверждение о том, что «*криминальным авторитетом по кличке Крупа является Крупчак»*. Используя известную логическую формулу «если…, то…», можно вывести следующую информацию: *Если люди Крупчака преследуют руководство «Бобровского рейда», то и сам Крупчак причастен к покушению на руководство «Бобровского рейда».* Эта информация дана в форме утверждения. Слово «люди» в данном контексте означает «профессиональные преступники, соблюдающие старые законы и

подчиняющиеся авторитету» [Грачёв, 2003]. Таким образом, согласно подзаголовку «следы "мухи" ведут к Крупчаку». Это основное содержание статьи, реализующее интенции автора **представить Крупчака как криминального авторитета, инициирующего покушения, названные «серией преступлений в ЛПК».**

Имплицитно может быть представлена не только информация фактологическая, но и оценочная. Проанализируем, например, высказывание «*Даже уголовник (Крупчак, например, фигурирует в десятке уголовных дел) может быть в руководстве»* (статья «Словесный кошмар», газета «Правда Северо-Запада» от 24 августа 2005 года, №35). В языке сочетания «быть уголовником» и «фигурировать в десятке уголовных дел» не являются тождественными по смыслу. «Уголовник» – это ‘уголовный преступник, тот, кто совершил (совершает) уголовное преступление’ [Ожегов, Шведова, 2004]. «Фигурировать в уголовных делах» – ‘быть объектом внимания или обсуждения в делах, связанных с уголовным преступлением’. «Фигурировать», конечно, можно в разном качестве, равно как в статусе преступника, так и в статусе потерпевшего, свидетеля и т.п. Но в контексте возникают окказиональные (авторские) мотивационные связи между однокоренными словами «уголовник» и «уголовный». В результате формируется семантический сдвиг в метавставке, смысл которой можно сформулировать так: «*Крупчак, например, является уголовником*». Этот смысл актуализируется позицией вводного предложения (сразу после слова «уголовник»), а также принадлежностью слов «уголовник» и «уголовный» к одному словообразовательному гнезду. Текстовая окказиональная семантика слова «уголовник» (‘тот, кто фигурирует в уголовных делах’) не совпадает с узуальной (‘тот, кто совершил или совершает уголовное преступление’*)*. При соединении единиц, не находящихся в языке в мотивационных отношениях, возникает неординарная интерпретация их в контексте. При этом происходит взаимодействие концептуальных пространств слова «уголовник» и сочетания «уголовное дело». Зоной пересечения становится представление об уголовном преступлении. Это представление в обыденном сознании связано с нарушением действующего законодательства, что даёт основание для утверждения нового смысла предложения как результата взаимодействия слов и сочетаний в комбинаторике. Слово «уголовник» как доминирующий компонент высказывания не только реализует собственное (словарное) значение, но и актуализирует ситуацию в целом, влияет на значение вводной части, предсказывая её новый смысл: *Крупчак, например, является уголовником, так как фигурирует в десятке уголовных дел.* Этот смысл и формируется в обыденном сознании. Таким образом, рождение смысла контекста и его интерпретация происходят на уровне взаимодействия концептуальных сущностей, объективируемых словами и словосочетаниями. Смысл, выявленный когнитивно-дискурсивным методом, свидетельствует о стратегии речевой агрессии, имеющей адресную направленность. В целом приведённое высказывание толкуется так: *Даже уголовник, каким, например, является Крупчак, может быть в руководстве.*

Производные слова часто используются в качестве маркеров оценки. Ср., например, текстовый фрагмент из статьи «Что имеем – не храним, потерявши – плачем»: *Не случайно в конце лета он затеял негуманный, безрассудный эксперимент – впервые за много десятилетий в Кулойской больнице на время отпуска врача было закрыто хирургическое отделение. Раньше на этот период приезжал врач из другой железнодорожной больницы, но ему же нужно выплачивать зарплату, и главврач решил сэкономить! Но главное, он хотел доказать, что Кулой совершенно спокойно может обойтись без хирургического отделения. И сегодня Качковский в этом уверен. (Несмотря на то, что одна больная всё же погибла, и, скорее всего, её можно было спасти, окажись на месте хирург)* (газета «Вельские вести» от 22 сентября 2006г., №73).

Это структурно-смысловая конструкция, содержащая как открытые, вербально выраженные смыслы, так и скрытые. В центре – информация об одном событии. Дана негативная оценка действиям главврача: *Он затеял негуманный, безрассудный эксперимент.* Это оценочное суждение**,** что маркируется оценочными словами «негуманный» и «безрассудный». «Негуманный» значит ‘бесчеловечный’, ‘жестокий’. «Безрассудный» означает ‘неблагоразумный, не сдерживаемый доводами рассудка’ [Ожегов, Шведова, 2003]. Это негативная оценка самого действия главврача, которое называется *экспериментом* (моральная оценка действия как необдуманного и бесчеловечного). Данная моральная оценка характеризует главврача как человека, не способного выполнять возложенные на него обязанности. Ведь профессию врача называют самой гуманной, поэтому сам поступок противоречит сути профессии («негуманный»). Такая оценка, как «безрассудность поступка», характеризует главврача как не соответствующего занимаемой должности руководителя, поскольку руководитель обязан всё продумывать и здраво рассуждать. Негативная оценка умаляет деловые качества главврача. Высказывание *«Но "наследить" и "оставить след", Дмитрий Викторович, - не одно и то же!»* информационно связано с предшествующими. «Наследить» означает ‘оставить следы на полу, пачкая его’ и переносное значение ‘оставить неприятные воспоминания о себе или плохие дела, принесшие вред людям’. «Оставить след» означает переносно ‘оставить после себя хорошие дела, приятные воспоминания’ [там же]. Используя игру слов (каламбур), автор словно хочет предупредить героя публикации о том, что тот пока что лишь успел «наследить», закрыв хирургическое отделение, в результате чего погибла больная. Эта подтекстовая информация представлена в форме ***мнения-оценки***, что маркируется переносным значением сочетания («оставить след»). Прецедентное сочетание «оставить след» актуализирует прямую (рациональную) мотивацию глагола «наследить». Негативный характер информации обуслен тем, что в ней дана негативная оценка личности главврача Кулойской узловой больницы: он характеризуется как человек беспринципный, нарушающий клятву Гиппократа, действующий вопреки интересам жителей Кулоя (дана отрицательная оценка с позиции

морали). Для выражения своей позиции автор использует и окказиональные слова. Ср.: *Если стационар хирургического отделения в Кулое будет закрыт, то вскоре всё оборудование будет утрачено (как исчезнувшее имущество линейной амбулатории станции Вельск, линейной больницы станции Солга и пр.). Квалифицированные специалисты останутся без работы, а жители посёлка без экстренной хирургической помощи. И превратится некогда богатый посёлок Кулой в Кулойские Вымираты.*

Перед читателем снова встаёт единый структурно-смысловой комплекс. Форма подачи информации – мнение-прогноз. Это своеобразное предупреждение о тех последствиях, которые могут быть в случае закрытия хирургического отделения. Этому подчинены и языковые средства, такие, как языковая игра (используется окказионализм «Вымираты», который представляет собой контаминацию слов «Эмираты» и «вымирать»). В целом *мнение-прогноз* никак не задевает честь и достоинство главврача. Это информация не о нём, не о его поступках даже, а о возможных последствиях, грозящих посёлку, если главврач не будет защищать интересы жителей посёлка. Окказионализм становится маркером идейной концепции автора (вытекает из смысла всего текста) – **от позиции Качковского Д.В. зависит, превратится Кулой в «Кулойские Вымираты» или нет.** Концепция свидетельствуют об отсутствии намерения автора оскорбить или унизить Качковского.

Контекст может актуализировать приращённые смыслы, реализуемые производным словом. Ср.: «*На нынешних выборах главный идеолог «АрхЮгИнформа» снова отрабатывала свой "жирный кусок с маслом" (не секрет, что зарплата руководителей агентства значительно выше, чем у директоров иных "дочерних" предприятий), не гнушаясь ни ложью, ни клеветой*» (статья «Назло мамке?», газета «Ифо-Проспект», 2007, №3).

Производное «отрабатывала» является оценочным в данном контексте. Оно означает не только «возмещать трудом» [Ожегов, Шведова, 2003], но и «интенсивно, с рвением работать» [Ефремова, 2005]. В контексте возникают дополнительные компоненты содержания, которые формируются и благодаря раскодированию других единиц. Сочетание «жирный кусок с маслом» представляет собой семантическую трансформацию сочетания «жирный кусок *хлеба* с маслом» (опущен несущественный компонент, который легко восстанавливается на основе жизненного опыта и знания устойчивых выражений, содержащих компонент «хлеб»). Ср.: «Есть свой хлеб» (‘самому зарабатывать себе на жизнь’), «Зарабатывать себе на хлеб» (‘зарабатывать на жизнь’), «хлеб отбить» (‘лишить кого-то заработка’) и т.д. Лексема «хлеб» и сочетание «кусок хлеба» переносно означают ‘средство существования’, ‘заработок’ [Ожегов, Шведова, 2003].В языковом сознании носителей русской лингвокультуры существует некая градация достатка. Например, «перебиваться с хлеба на квас» − ‘жить очень бедно, иметь скудный заработок’; «едва зарабатывать на хлеб» − ‘жить тоже бедно’; «зарабатывать на хлеб с маслом» − ‘иметь хороший достаток, жить выше

среднего’; «зарабатывать на жирный кусок с маслом» − ‘жить богато, иметь очень высокий заработок’.

Таким образом, фраза *отрабатывала свой жирный кусок с маслом* в контексте содержит смысл: «с рвением работала за очень высокий заработок на своих работодателей». За производным словом «отрабатывать» стоят следующие пропозиции: 1) возмещала трудом (событийная пропозиция), 2) возмещала трудом интенсивно, с рвением (модальная пропозиция 1, 3) рвением оправдывала высокий заработок (модальная пропозиция 2, 4) негативное отношение к проявлению рвения, так как оно сопровождалось нарушением нравственных и правовых норм (модально-оценочная пропозиция). Модально-оценочная пропозиция актуализируется контекстом *не гнушалась ни ложью, ни клеветой.* Слово «отрабатывала» реализует в контексте приращённый смысл: «с рвением работала, нарушая при этом даже нравственные принципы, то есть, её работа включала ложь и клевету». Кстати, эта информация по смыслу соотносится с последующей: *Это крах идеологии, замешанной на оголтелой пропаганде***.** Слово «оголтелый» означает ‘потерявший всякое чувство меры, крайне разнузданный’ [Ожегов, Шведова, 2003]. Чаще это прилагательное сочетается именно со словами «клеветник» и «ложь» («оголтелый клеветник», «оголтелая ложь»).

Юридизации подвергаются и собственно правовые производные термины. Ср.: *«Всё происходящее – мошенничество чистой воды»* (ст. «Австрийцы свели АЦБК в могилу», газета «Правда Северо-Запада» от 31 мая 2006г., №21). Фраза представляет собой оценочное суждение, маркируемое оценочным словом «мошенничество» (‘обман, неблаговидные жульнические действия с корыстными целями’) [Ожегов, Шведова, 2003]. Негативность информации обусловлена отрицательной оценкой происходящего на комбинате. Таким образом, в форме оценочного суждения дана негативная правовая оценка не конкретного лица, а ситуации, сложившейся на комбинате. Однако ситуацию создают люди, составляющие компонент ситуации. Именно их действия можно оценить словом «мошенничество». Поэтому в этой фразе в *пресуппозитивной* форме дана негативная правовая оценка действиям руководителей АЦБК, а именно: команды Циннера. Но если действия команды Циннера квалифицируются как мошенничество, то в подтекстовой форме передаётся негативная оценка самих членов команды: *они являются мошенниками*. Это обобщённая негативная оценка, маркирующая один из лингвистических признаков диффамации. Негативный характер информации объективируется и последующим высказыванием, указывающим на причину намерений гендиректора Белоглазова: «*Рабочие-гости "хорошо" себя показали на ДПЦ-4: целуют ручку, получая копеечную зарплату, о своих правах помалкивают, техника безопасности рядом не ночевала»*. Высказывание актуализирует характеристики гастарбайтеров: концептуализируются признаки *раболепие*, *низкая оплата труда*, *примирение с бесправием* и *отсутствием техники безопасности*. В подтекстовой форме формируется смысл: «Если гендиректора Белоглазова устраивают рабочие с рабской психологией, с

низкой зарплатой, не требующие соблюдения техники безопасности, то этот человек аморален и по своим деловым качествам не соответствует занимаемой должности». Производный глагол «помалкивать» означает ‘молчать, уклоняясь от беседы’ [Ожегов, Шведова, 2003]. Глагол актуализирует следующую модальную пропозицию: «молчать, чтобы избежать прямых требований». Другую модальную пропозицию можно сформулировать так: «молчат, так как не хотят говорить правду, проявлять неискренность».

Особую роль в публицистических текстах играют окказиональные образования. Ср., например, заголовок статьи «Эхо премининской АтРОИЖК» (газета «Правда Северо-Запада», №5 от 08.02.2006). Заголовок всегда находится в сильной (выдвиженческой) позиции, поэтому может реализовывать несколько смыслов. По форме это словосочетание, которое по своей природе не может образовать факта. Но прилагательное «*премининская»* образовано от фамилии, позволяющей идентифицировать объект речевой агрессии (Преминин – председатель совета директоров ОАО «АРОИЖК»). Слово «АтРОИЖКа» представляет собой контаминацию двух слов – «АРОИЖК» и «ОТРЫЖКА» (образовано в результате языковой игры путём вставки звуков «Т» и «А» в аббревиатуру). При восприятии данного слова в сознании возникают два смысла на основе звукового сходства этих слов (паронимическая аттракция). Слово «отрыжка» имеет переносное значение ‘проявление чего-нибудь отживающего’ [Ожегов, Шведова, 2003]. Однако в тексте данный смысл никак не реализуется. Слово используется как метафора, отождествляющая деятельность ОАО «АРОИЖК» с отходами жизнедеятельности человека. Этот смысл маркируется и прилагательным «премининская». Заголовком автор обозначает тему статьи: **отражение (результат) деятельности «АРОИЖК», оцениваемой как бесполезная и неприличная (=отрыжка считается в обществе неприличным актом).** Следует отметить, что группа слов, используемых для отождествления кого / чего с отходами жизнедеятельности, включена в лингвокультурную модель оскорбления [Кусов, 2001]. Таким образом, уже в заголовке представлена оценочная негативная информация об ОАО «АРОИЖК». Эта информация и задаёт ироническую тональность всей статье.

Таким образом, деривационные средства в публицистических текстах могут маркировать имплицитные смыслы, в том числе и личностные, детермирирующие мировидение автора. При этом актуализируются такие аспекты конфликных текстов, как функционально-прагматический и когнитивно-модальный, что особенно важно для экспертной деятельности.

Библиографический список

Грачёв М.А. Словарь тысячелетнего арго. – М., 2003.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. – 2-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2005.

Кусов Г.В. Оскорбление: вербальная агрессия как социально-правовая категория // Язык в мире и мир в языке. – Краснодар, 2001.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2003.

Е.А. Яковлева

ЖАНРОВЕДЕНИЕ, ИЛИ ГЕНРИСТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА, КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНФЛИКТНЫХ ТЕКСТОВ

За последние полтора-два десятка лет в правовой сфере происходили большие сдвиги, во многом предопределившие и научное юридическое мышление, связанное с поиском современных подходов к различным проблемам, базирующимся непосредственно на предметном языке. В конце концов правоведы согласились с тем, что группа явлений, вычленяемых в сфере юрисдикции, должна описываться с помощью терминов и понятий юрислингвистики (см.: [Голев, 2007, с. 7−13]). И в этом есть объективная причина. Лингвистическая составляющая оказалась весьма востребованной и результативной в том смысле, что характеризуемый ею метод исследования дает максимальный эффект при нередко ограниченном объеме информации, заключенном в конфликтном тексте, позволяя не только структурировать, но и расширять его «эмпирические» границы до определенного уровня абстракции. И если раньше текст зачастую рассматривали как «замкнутые цепочки предложений» или как «языковой материал» рангом выше предложения, то современная юрислингвистика, сопряженная с четко заданным хронотопом речевого события, переводит внимание ученых с «содружества синтаксических единиц» на текст как особое речевое произведение, как «высшую коммуникативную единицу, не поддающуюся однозначному определению в понятиях грамматики» [Белоусова, 1981, с. 152].

В этом плане весьма успешны достижения лингвопрагматики, включающей текст в режим ситуации связи (communicative situation) автора с аудиторией и оперирующей термином «дискурс». Как нам представляется, именно акцентирование внимания исследователей на видах связи между коммуникантами зачастую и способствует выяснению функциональной нагрузки конфликтного дискурса, а также описанию как речевого поведения адресанта, так и прогнозируемой им реакции аудитории.

Раздел лингвопрагматики жанроведение, или генристическая лингвистика, намечает новые пути изучения коммуникативных установок авторов конфликтогенных текстов. Мы считаем, что жанроведческий разбор спорного юридического материала весьма успешен и перспективен, так как позволяет выявить скрытое психолого-речевое взаимодействие адресанта и адресата как внешних участников диалога. Такой подход разрешает не только по-новому проанализировать конфликтный текст как некое коммуникативное целое (речевое событие), заключающее в себе в том числе

и различные речевые жанры (лозунги, призывы, угрозы, провокационные заявления, оценки, оскорбления и т.д.). Жанроведческая методика делает зримыми внутритекстовые связи, манифестирующие сложное, динамически напряженное и коммуникативно значимое речевое поведение автора, а также помогает осмыслить «раскручивание» содержания исследуемого материала, что весьма важно с юридических позиций.

Исходя из того, что стержневой категорией генристической лингвистики является речевой жанр, понимаемый в его целостно-объединительной функции, мы имеем возможность раскрыть сложную мозаику коммуникативных смыслов конфликтного текста с учетом их значимости и непосредственно описать режим общения адресанта и его аудитории. Не случайно, уточняя определение речевого жанра, ученые обращают внимание на его «социальную ценность» и на сопряженность с лингвокультурными концептами [Слышкин, 2004, с. 178]. Таким образом, для современной правовой сферы обращение к жанрам речи – это не очередной всплеск лингвистической моды, а насущная потребность.

Еще одно преимущество подобного анализа заключается в том, что обращение к генристической лингвистике позволяет уточнить и содержание термина автор (адресант), который в этом случае может рассматриваться как языковая личность, представляющая собой многослойную и многокомпонентную парадигму личностей речевых. В ракурсе языковой способности жанроведение дает возможность подвергнуть разбору специфические черты речевого поведения автора в исследуемом конфликтном дискурсе, выявить его коммуникативные цели по отношению к аудитории и «стратегические результаты», на которые и сориентирован коммуникативный акт.

Термин «речевое поведение» в этом случае трактуется как реализация языка в речи с учетом определенных психологических установок, поскольку на поведение говорящего оказывает влияние его внутренняя картина мира, включающая представление и о языковой сфере, и о правилах ведения речи. Мы считаем, что особенности речевого поведения автора напрямую связаны с используемым им репертуаром речевых жанров, так как «теория речевых жанров предполагает – хотя бы в потенции – именно универсальный подход к речевому поведению человека, механизмам порождения и интерпретации речи» [Дементьев, Фенина, 2005, с. 7]. Данная метода помогла нам не только подвергнуть разбору речевое поведение отдельных адресантов конфликтных текстов, но и позволила сделать определенные выводы, касающиеся коммуникативно-речевого сознания автора, его языковой личности и психофизиологического статуса, а также дать ответы на задаваемые эксперту вопросы [Иссерс, 1999; Карасик, 2003; Клюев, 2002; Седов, 2007].

Проиллюстрируем данное положение рядом примеров из наших лингвистических экспертиз. В течение ряда лет мы проводим исследование публицистических материалов (газет, брошюр, листовок и пр.) на предмет содержания в них экстремистских высказываний, призывов к осуществлению экстремистской деятельности. В частности, один из вопросов, поставленных

перед экспертом, чаще всего звучит так: *Использованы ли* (в газете «Майдан», публикации на сайте «Уфагубъ», в листовке и т.п.) *специальные языковые, графические материалы или иные средства (какие именно), обосновывающие, формирующие мнение о целесообразности, необходимости и побуждающие, подстрекающие к организации, подготовке и осуществлению активных действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации, захват или присвоение властных полномочий, неподчинение законным требованиям представителей власти, осуществление массовых беспорядков и хулиганских действий, актов вандализма по мотивам идеологической, политической, религиозной, национальной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной, национальной, религиозной группы или отдельных лиц как ее представителей?*

Как известно, российское законодательство предусматривает разнообразные формы борьбы со словесным экстремизмом (то есть таким деянием, которое совершается на почве национальной, религиозной, этнической неприязни в процессе речевой коммуникации) в словесной (текстовой) форме. Во-первых, это возможность уголовного преследования с учетом диспозиции ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») и ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Во-вторых, это применение Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» (УК РФ в ред. ФЗ от 08.12.2003, с. 50-58) и вынесение предупреждения с требованием ликвидации средств массовой информации (при неоднократных нарушениях) Министерством РФ по делам печати, телевидения и средств массовой коммуникации и его территориальными органами, в компетенцию которых входит контроль за соблюдением СМИ ст. 4 Закона «О СМИ».

Наиболее общественно опасными, влекущими уголовное преследование признаются два вида словесного экстремизма: 1. Призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); 2. Возбуждение ненависти и вражды, равно как унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

В целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации 27.06.2002 был принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. Федеральных законов от 27.07.2006 № 148-ФЗ, от 27.07.2006 № 153-ФЗ). Он определил основные положения, описывающие различные действия, попадающие под понятие «экстремизм» (Статья 1. Основные понятия). При этом на основании статьи 15 «автор печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных статьей 1 настоящего Федерального закона, признается лицом, осуществляющим

экстремистскую деятельность, и несет ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке» [Галяшина, 2006].

При анализе конфликтных текстов мы, как уже отмечалось, обращались к генристической лингвистике, поскольку в процессе общения говорящий (пишущий) намеренно выбирает ту или иную **жанровую форму** для реализации своего коммуникативного намерения, руководствуясь определенным **мотивом**, который, является первой инстанцией в порождении речи и «последней инстанцией в обратном процессе – процессе восприятия и понимания высказывания, ибо мы понимаем не речь и даже не замысел, а то, ради чего выражает наш собеседник ту или иную мысль, т.е. мотив» [Седов, 2007, с. 14].

Какие же речевые жанры чаще всего встречаются в предлагаемых для лингвистической экспертизы текстах?

Начнем с **речевого жанра «призыв»**. Словари отмечают: «**Призыв**: 1. Обращение с требованием, просьбой принять участие в каком-л. деле, в какой-л. деятельности. 2. Обращение, в краткой форме выражающее руководящую идею, лозунг» [Мокиенко, Никитина, 1998, с. 475−476]. По классификации А. Вежбицкой, речевой жанр призыва означает: «*хочу, чтобы ты сделал X / говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал / знаю, что ты это сделаешь, потому что ты знаешь, что ты обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал*» [Вежбицка, 1997, с. 104]. Для такого рода высказываний характерно использование глаголов в повелительном наклонении, образованных с помощью частиц ***пусть*** и ***да*** плюс глагол в форме изъявительного наклонения, настоящего времени, 3 лица, единственного числа. Языковым показателем **призыва** считается также наличие слов ***хватит, довольно, достаточно*** и пр. Кроме того, сюда же следует отнести восклицательные предложения без сказуемого, имеющие побудительный характер.

Среди исследуемых материалов (газета «Майдан», 2008, распространяемая в Республике Башкортостан частными организациями националистического толка) можно выделить следующие примеры: *«Старое правительство в отставку!»*; «*Хватит досужих рассуждений у печки о вселенском благе!»*; «*Встань с колен, сходи в сберкассу за углом и сделай денежный перевод»*; «*Я призываю всех своих братьев по вере и духу…подняться с колен*»; «*Пришло время нашего Возвращения!*»; «*Пусть освободится яростная мегатонная энергия освобожденного человеческого духа! Да здравствует всепобеждающая народная освободительная революция! И да ускорит Аллах ее приход! Амин*»; «*Мы за вооруженную самоорганизацию населения*».

Данные высказывания, бесспорно, попадают под категорию «призыв» и «лозунг», на чем настаивает и сам автор: «***Я пишу*** *об этом мире,* ***призываю к восстанию против*** *тирании и угнетения…*»; «***Авангарду*** *башкирского народа и всем субпассионариям народа Башкортостана* ***предлагаю другой лозунг-цель*** **−** *«Нация Ислама*».

В качестве высказывания, связанного с экстремизмом, мы квалифицируем также **речевой жанр «провокация».** Словарное значение слова **провокация** таково: «подстрекательство кого-н. к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия» [Лопатин, Лопатина, 1997, с. 527]. С помощью элементарных смысловых единиц А. Вежбицкой этот речевой жанр можно описать так: «*говорю: я хочу, чтобы ты знал, что X сделал тебе плохо / хочу, чтобы ты разозлился на X / думаю, ты выступишь против X, сделаешь ему плохо, а это мой враг и мне будет хорошо, хотя тебе - плохо».*

Например, таковым является провокационное высказывание о башкирах: «*Это не доверчивость и не наивность. Это тупость. Как можно верить москалям? Какая разница, какого они цвета? Какая разница, происходило это тогда, сегодня или 300 лет назад?*». Указанная фраза должна, по коммуникативному намерению автора, воздействовать на языковое сознание читателя-башкира, заставить его почувствовать свою «ущербность», разозлиться и увидеть в «москалях» внешних врагов своего народа, тем более что они «*врагами были и будут всегда*». Такой жанр особенно результативен еще и потому, что в газете проводится постоянная мысль: «*Аллах зовет воевать с врагами, неверными, кафирами, и в этом заключается истинная цель мусульманина»*.

Такими же провокационными можно считать и фразы, где «педалируется» идея унижения башкир «москалями»: «*Мой народ пребывает сегодня в униженнейшем состоянии. В состоянии безверия и тупого язычества*»; «*В каком месте политического, духовного, экономического развития или деградации пребывает наша нация, которую мы хотим видеть полноценной?*»; «*Башкиры снова признали над собой власть безбожников и в итоге, абсолютно закономерно выродились сами в язычников*». Сюда же можно отнести и провоцирование «хороших» русских на борьбу с «**гебней**»: «*Но не все русские мазохисты-москали, не все бараны, покорно идущие на убой языческим божкам. Были среди них и такие, кто с оружием в руках воевал против врагов России – коммунистической гебни. Конечно, их не так много по сравнению с маленьким литовским или украинским народом*».

Провокационными следует назвать и высказывания-оценки, касающиеся различных народов:

1. **Речевой жанр «комплимент»**: «*башкортостанский Ислам» – «духовная, идеологическая и политической платформа для всех думающих, действующих и дерзких людей»*; «*…но люди мыслящие, действующие и дерзкие, понимают они это или нет, уже вступили на Прямой путь, и рано или поздно, они поведут борьбу за возвышение Слова Аллаха*»; *«Рамзан Кадыров же, в свою очередь, демонстративно плюет на т.н. «гордость великороссов»;* «*Лишь 2 народа – украинцы и чеченцы сохранили на русских зонах человеческий и этнический облик*»; «*чеченский народ идет по пути Аллаха»; «Чечня сегодня де-факто – независимое государство»;* западные украинцы *«потрясли совок своим фанатизмом и сверхстойкостью*» и под.

2. **Речевой жанр «хула»**: *«Вся русская история – сплошной болезненный и запутанный геморрой. Каких-либо успехов ценой огромных потерь русские достигали, когда ими руководили варяги, чингизиды, немцы, евреи, грузин. Причем у русских всегда еще во всем виноваты евреи, кавказцы, бусурмане, нехристи, Запад и ЦРУ. Сами русские никогда ни в чем не виноваты – а это первейший признак язычества*»; «*Военные победы русского оружия ….оказываются либо поражениями с большим количеством трупов, либо же полностью выдуманными, как например, т.н. Куликовская битва*» и под.

3. **Речевой жанр «угроза»** также употребляется в качестве провокационного приема, ведущего к экстремизму. По А. Вежбицкой, угроза означает: «*говорю: я хочу, чтоб ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое / думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал / говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X*» [Вежбицка, 1977, с. 104]. Этот жанр относится к конфликтным и воплощает в себе вербальную агрессию. В «Словаре современного русского языка» [1988] **угроза** в одном из своих значений определяется как «обещание причинить какое-либо зло, неприятность». Именно угрозами и являются следующие высказывания: *«…курбангалеевцы заплатили за свои пацифистские заблуждения дорогую цену: они оказались на обочине борьбы за Республику, они сражались на стороне кафиров и за их идеалы, подверглись унижениям и издевательствам с их же стороны, пережили воистину коранические сюжеты – исход, изгнание, эпидемии, скитания, чужбину, нищету, тюрьмы и забвение своего народа. Курбангалеевцев практически никто не помнит. Я их помню и пишу, чтобы другим неповадно было*».

Особенно часто этот речевой жанр автор статьи использует, когда говорит о грядущей революции: «*Новая народная революция в России неизбежна. Она надвигается неумолимо.<…> Новоявленных офигевших господ развелось немерено. Офицерья всякого, новым хозяевам служащих, карательных, вертухайских и стукаческих структур и в Башкирии много развелось. Очень много чего нуждается в тотальной зачистке. Но судить мы будем не именем революции, а именем Аллаха – единственного господина*»; «*Народная освободительная революция, о которой так долго говорили «экстремисты», окажется суровой реальностью, причем, как это еще бывает в России, реальность превзойдет самые смелые прогнозы…, все похоже будет разворачиваться гораздо раньше!*»; «*Россию ждет горькое похмелье*»; «*Революция надвигается. Это милость Аллаха. Всевышний дает нам шанс*»; «*Но скоро придет время, когда понятие «башкирский национализм» обретет полно-кровное насыщение, а именно – полно-кровная реализация священного права полноценного народа на собственное определение*»; «*Полрайона уже скуплено челябинцами, а простые башкиры не могут получить и делянки в лесу, пора прекращать это безобразие! Иначе это добром для челябинцев не кончится*».

4. **Речевой жанр «угроза»** может сочетаться с **речевым жанром «распоряжение»**, который трактуется следующим образом: «*говорю: я хочу, чтобы каждый, кто принадлежит к группе X, делал Z /думаю, что каждый,*

кто принадлежит к группе X, понимает, что должен делать то, что я хочу, чтобы он делал» [Вежбицка, 1997, с. 108].

Глагол **распорядиться** описывается в русском языке так: «Распорядиться, -яжусь, -ишься; *сов.* 1. Отдать распоряжение. 2. Позаботиться об устройстве, проведении чего-л.» [Лопатин, Лопатина, 1997, с. 579]. «**Распоряжение**, -я, ср. 2. Указание, требование органа власти, руководителя, обязательное для исполнения» [там же]. На то, что данное высказывание является распоряжением, указывают также грамматические показатели, в частности слово **«следует»** в значении – «7. безл., обычно с неопр. или придаточным дополнительным. ***Нужно, должно, полагается»*** [Словарь русского языка, 1988, с. 134]; синонимично «**надо (нужно)**, в знач. сказ. Трудно или нельзя обойтись без того, чтобы…» [Лопатин, Лопатина, 1997, с. 354]. Например: «*Парламент должен стать парламентом!»* (с. 2); «*…все министры старого правительства должны уйти в отставку!*»; «*Неовалидовцы должны подойти к этой милости Всевышнего во всеоружии и не повторять роковых ошибок предков. Наша история – и есть наша политика*»; «*Мы же должны быть свободны и от москалей, и от собственных чинуш, неважно каковы их фамилии и национальности*»; «*А мне мою нацию готовить надо к часу «Икс»*»; «*…Соответственно, активным представителям народа, если только они не хотят остаться на окраине политического процесса, следует объединить и институтализировать свои разрозненные и малочисленные образования. И, разумеется, не только не отказываться, а наоборот, усиливать уличные протестные акции»; Следует помнить, что любые войны в России всегда и неизбежно приводили либо к реформам, либо к революции…*»; «*Нам надо изменить самих себя! Встать с колен, расправить плечи, сплотиться во имя свободы и справедливости!*».

Особое место в подобных конфликтных текстах отдано также **речевому жанру «план»**, совмещаемому с распоряжениями и призывами. Согласно словарям, **план** означает «заранее намеченную систему действий, предусматривающую порядок, распределение во времени и сроки осуществления» [Лопатин, Лопатина, 1997, с. 445]. В терминах А. Вежбицкой этот жанр мы попробовали описать так: *«говорю (пишу), чтобы ты представил себе, что, как и когда я хочу сделать, / говорю (пишу) это, потому что хочу, чтобы ты знал содержание действий и сроки их выполнения*». В качестве иллюстраций приведем следующие высказывания: *«ИСЛ ставит задачу отобрать предмет политики у бюрократического государства в пользу людей*»; *«Именно люди Духа, носители пассионарности и воинского образа жизни и должны получить власть в обществе, причем явочным путем, путем самоназначения в период революции… Власть эта захватывается пассионариями*»; *«Скачок из "царства необходимости" в "царство свободы" происходит не в будущем…., а осуществляется здесь и сейчас, конкретным отрицанием тиранического миропорядка, волей воинов-пассионариев к смерти, которая является не чем иным, как оборотной стороной воли к власти*»; *«Это означает ликвидацию люмпен-*

бюрократического режима, признание его исполнительных инструментов преступными, его юридической базы нелегитимной, роспуск и объявление вне закона всех организаций, санкционированных режимом».

Обращает на себя внимание использование глаголов ***отобрать, получить (власть), захватить (власть), ставить задачу, ликвидировать, осуществить (-ся),*** отглагольных существительных ***ликвидация (режима), отрицание (тиранического миропорядка), роспуск, объявление, самоназначение*** и пр., которые входят в лексико-семантическую группу, напрямую связанную с концептом «**революция**». Например: *«захват власти пролетариатом – не завершение социальной революции, но лишь ее начало, начало периода войн, борьбы и переворотов»;* «*всемирная насильственная борьба пролетариата за власть – это не что иное, как всемирная классовая борьба»* и пр.

Именно такие высказывания и помогли выявить намеренные коммуникативные ходы автора, запланированные заранее с целью воздействия на языковое сознание адресата. Такой психический прессинг более эффективен, поскольку ученые отмечают «некритическое» восприятие читателями (зрителями) информационных текстов.

Мы описали в данной статье речевые жанры только тех конфликтных текстов, которые требовали экспертизы на предмет квалификации их в качестве экстремистских материалов (то есть «предназначенных для обнародования документов или информации на иных носителях, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности…»). Лингвистическая экспертиза смогла доказать, что описанные нами речевые жанры можно считать примером словесного экстремизма, поскольку они: «призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка; оправдывают или обосновывают их». [Галяшина, 2006, с. 32].

Библиографический список

Белоусова А.С. Хроникальная заметка о XII Виноградовских чтениях // Вопросы языкознания. – 1981. № 5. – С. 152–154.

Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006. – 96с.

Голев Н.Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2007. – 531с.

Дементьев В.В. Фенина В.В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности // Жанры речи: сб. науч. ст. – Вып.4: Жанр и концепт. – Саратов: Изд. ГосУНЦ «Колледж», 2005. – С. 5–34.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999.

Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс: сб. науч. тр. / под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. – М.: Азбуковник, 2003.

Клюев Е.В. Речевая коммуникация. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: Изд-во «Русский язык», 1997.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб: Фолио-Пресс, 1998.

Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. С. 7–39.

Словарь русского языка: в четырех томах / под ред. А.П. Евгеньевой. – Т.4. – М.: «Русский язык», 1988.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дисс. …докт. филол. наук. – Волгоград, 2004.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88−98.

Раздел 5
ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

5.1. Теоретические и методические проблемы лингвистического образования

Н.В. Артыкуца

ОБ ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЮРИСТОВ

Среди профессиональных требований к представителям юридических специальностей важное место занимают знания, умения и практические навыки лингвистического характера, владение которыми необходимо для выполнения весьма сложных и разнообразных профессиональных функций, обязанностей, задач на уровне современных требований и профессиональных стандартов для юристов.

Ведь право, его понятийно-категориальный аппарат, правовые нормы, законодательные предписания, судебные решения, научно-правовые идеи репрезентируются в форме языковых знаков, точнее, совокупности знаков естественного языка, расположенных в определенной последовательности, в соответствии со смыслом и логикой правовой мысли. Нет на сегодня более универсального и совершенного инструмента для передачи правового содержания, правовых знаний и правовых предписаний, чем языковые знаки и языковые конструкции. Вот почему язык, его ресурсы и коммуникативные возможности являются исключительно важными для права, его развития и функционирования.

В юридической литературе язык часто сравнивают со строительным материалом, из которого создаются правовые нормы. Такое сравнение существенно упрощает понимание сущности языка, преуменьшает роль и значение его как в правотворчестве, так и других сферах юридической деятельности. Язык в праве должен рассматриваться прежде всего как сложный полифункциональный инструмент для эффективного регулирования социальных отношений, а степень владения этим сложным инструментом для вербализации правовых норм, решений и предписаний является показателем уровня общей профессиональной подготовки юриста. Качество законодательных и других юридических документов в значительной степени определяется профессионализмом тех, кто их составляет, эффективность правоприменения, в свою очередь, зависит от качества нормативно-правовых актов и т. д.

Сегодня спектр необходимых в юридической деятельности лингвистических знаний, умений и навыков достаточно широк: составление разнообразных документов в сфере юридической практики; толкование и комментирование правовых норм; формулирование и обоснование юридических решений и выводов; анализ и экспертиза документа (текста);

разработка и написание проекта нормативно-правового акта, предложений по его усовершенствованию или внесения в него изменений; деловая переписка; перевод и редактирование письменного правового текста; владение навыками устной юридической речи с соблюдением норм делового этикета и культуры профессионального общения (интервьюирование и консультирование клиента, переговоры, дискуссии, публичное выступление в суде и др.).

При этом ныне юрист должен уметь постоянно пополнять и обновлять свои знания, приобретать новые умения и навыки, чтобы самостоятельно и квалифицированно выполнять сложные профессиональные задачи, разрешать возникающие в практической деятельности проблемы, в частности лингвистического характера.

Об исключительно важной роли языка в юридической деятельности говорят материалы многочисленных научных конференций и других научно-практических мероприятий (Рабочая группа Всемирного социологического конгресса в Упсале «Язык в правоприменительной деятельности» (1978), Первый конгресс Европейской ассоциации способствования законодательству (1993), Европейский симпозиум «Язык для профессиональных потребностей» (1999), «Язык и право» (2001), «Право и лингвистика» (2003), деятельность государственных и международных органов (комиссий, групп) (Комиссия по вопросам ясности языка, 1979), Группа простого шведского языка (1993), (Отдел лингвистической экспертизы законопроектов, 1994), Гильдия лингвистов-экспертов в документационных и информационных спорах (2001), лаборатории и кафедры юрислингвистики в университетах и др.

Проблемы языка, терминологии, семиотики и логики права также систематически освещаются в научных изданиях, например: "International Journal for the semiotics of the law", "Forensic Linguistics", "Rechtslinguistik – Studien zu Text und Kommunikation", "Forum fur Fachsprachen-Forschung", "Recht und Ubersetzen", «Юрислингвистика» и др.

В связи с этим в научной и научно-методической литературе последних десятилетий актуализировался и вопрос о пересмотре сложившейся системы лингвистической подготовки юристов, ее обновлении и модернизации с позиций возросших профессиональных требований, новых социальных потребностей, результатов научных исследований.

Научно-теоретическую, методологическую и научно-методическую основу для создания комплекса специализированных лингвистических дисциплин для юристов в разных странах составили междисциплинарные разработки на стыке юриспруденции, лингвистики, герменевтики, логики, юридической техники и других смежных областей. Среди них – разработки таких ученых из Западной Европы и США, как А. Подлех, Дж. Холл, Г. Ландквист, Г. Торнтон, Р. Бержерон, Я. Энгберг, П. Сандрини, В. Отто, Ж.-Р. де Гроот, Л. Эриксен, М. Катц, Ф. Мюллер, Б. Эренберг-Сундин и др.; труды российских исследователей – А. Ушакова, Д. Керимова, А. Пиголкина, А. Черданцева, Н. Голева, В. Баранова, Н. Власенко, Е. Галяшиной, Г. Матвеевой, Н. Ивакиной, Т. Губаевой, К. Шугриной, А. Александрова, Н.

Калининой, Е. Крюковой, Н. Хабибулиной и др.; украинских авторов: М. Брицина, А. Сербенской, Д. Баранника, В. Калюжной, А. Мараховой, Л. Симоненко, Ю. Зайцева, С. Головатого, И. Усенко, И. Сойко, М. Антонович, Н. Присяжнюк, О. Юрчук, Г. Онуфриенко, Л. Чулинды, Е. Доценко, Ю. Прадеда, А. Красницкой, А. Токарской, Е. Шаблий и др. [Артыкуца, 2004, с. 104−126; 140−141; 143−144; 188−196; 231−236].

Появились новые по содержанию и формам учебники и пособия для изучения языка юристами, ориентированные на их профессиональные потребности [Ивакина, 1997; Губаева, 2004; Власенко, 1997; Шугрина, 2001; Токарская, 2003], благодаря которым лингвистическая подготовка юристов стала более глубокой и разносторонней.

Автором данной статьи разработана (1998) и внедрена в учебный процесс инновационная модель профессионально ориентированной языковой подготовки юристов, которая сегодня находит применение на юридических факультетах ряда ведущих украинских вузов. Наиболее полно эта модель реализована на факультете правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская академия» (НаУКМА), где студентам предлагается целостный комплекс взаимосвязанных учебных дисциплин: «Юридическая терминология» (бакалаврат) ---> «Язык права» (специалист) ---> «Юридическая лингвистика» (магистр) с современным научно-методологическим, учебно-методическим, дидактическим и техническим обеспечением.

Первая ступень обучения − пропедевтический курс «Юридическая терминология», в котором внимание студентов фокусируется на лексическом уровне языка права. Фактически студенты знакомятся с основами юридического терминоведения и терминографии, овладевают теми исходными понятиями и категориями юридической лингвистики, которые необходимы для дальнейшей работы, уже на уровне текста, в процессе обучения последующих дисциплин – «Язык права» и «Юридическая лингвистика». Студенты постепенно обогащают свой лингвистический инструментарий стилистическими понятиями и категориями, разнообразными методиками лингвистического анализа на материале юридических текстов разных стилей, подстилей, жанров, а также приобретают и усовершенствуют практические навыки редактирования, перевода, экспертизы текста.

Курс «Язык права» в системе комплексной профессионально-языковой подготовке юристов занимает центральное место, потому что дает целостное научное представление о языке права, его функциях, специфике, функционально-стилистических разновидностях, требованиях, предъявляемым к правовым текстам. Среди ключевых тем: «Язык и стиль законодательных актов», «Язык международно-правовых актов и проблемы их перевода», «Язык судебно-процессуальных документов», «Язык юридической науки», «Язык правовой публицистики» и др. Структура курса отражает стилистически дифференцированный подход к изучению юридического языка и его функционирования.

Магистерский курс «Юридическая лингвистика» посвящен лингвистическим аспектам законотворческой, правоприменительной и научно-правовой деятельности. Главная цель состоит в том, чтобы изучить систему языковой репрезентации правовых понятий и категорий в нормативно-правовых актах, научно-правовых и лексикографических трудах, исследовать языковые единицы разных уровней в юридических текстах по разным параметрам, подготовив будущих магистров к нормотворческой и юрислингвистической экспертной деятельности.

В центре внимания − правовая норма во всех ее основных разновидностях (императивная, диспозитивная, бланкетная, отсылочная) и ее языковая репрезентация. Текстуальный анализ правовых норм разных типов позволяет определить общую композицию, структурные элементы и типовой языковой арсенал для каждой из них. Например, создание реестра лексико-грамматических моделей для репрезентации разных типов поведения в правовых нормах (разрешенной, желательной, обязательной, запрещенной и др.) позволяет избрать правильную языковую конструкцию для регламентации прав и обязанностей субъектов права в такой части правовой нормы, как диспозиция. Прорабатываются также специальные схемы для текстуального анализа законодательных актов, лингвистической экспертизы законопроектов, лингвистической экспертизы в документационных и информационных спорах, конфликтных текстов в средствах массовой информации и др.

Практическая составляющая обучения на основе синтеза классических и инновационных методик преподавания состоит в том, чтобы научить будущих юристов правильно применять современный лингвистический инструментарий в соответствии требованиями и правилами юридической техники, юридической лингвистики, юридического терминоведения и терминографии, вооружив алгоритмами последовательных действий для разрешения терминологических проблем, методикой комплексного текстуального анализа, методическими рекомендациями по составлению юридических текстов разных стилей и жанров, а также практическими советами по соблюдению требований к юридическому тексту в целом и его жанрово-стилистическим разновидностям.

Представленная модель расширяет сферу профессиональной реализации юристов, вовлекая их в такие виды юридической деятельности, как нормопроектирование, юрислингвистическая экспертиза, юридическая лексикография, перевод юридической литературы, редактирование юридической литературы, правовая журналистика и др.

Библиографический список

Артикуца Н. Мова права і юридична термінологія. – Киев, 2004.
Власенко Н. Язык права. – Иркутск, 1997.
Губаева Т. Язык и право. – М., 2003.
Ивакина Н. Профессиональная речь юриста. – М., 1997.

Токарська А. и др. Культура фахового мовлення правника. – Львів, 2003.

Шугрина Е. Техника юридического письма. – М., 2001.

Б.Я. Бляхман

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРАВОСОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРА

Присоединение России к Болонскому соглашению выводит на первый план общеевропейские стандарты образовательных систем, отвечающие целям создания единого европейского пространства высшего образования. Целью модернизации системы высшего профессионального образования является реализация возможности быстрой и эффективной адаптации основных образовательных программ, учебно-методических разработок и научно-исследовательской работы к меняющимся условиям современного российского общества.

Основным направлением модернизации высшего профессионального образования, повышения привлекательности и конкурентоспособности в мировом масштабе является эффективное использование человеческого потенциала в процессе повышения качества образования. На уровне вуза данный потенциал состоит из преподавателей и обучающихся. Поэтому уровень образовательного процесса в наибольшей степени зависит от степени профессионализма преподавательской деятельности одних и стремления к познанию и аккумулированию максимального объема знаний других.

Обеспечение нормального функционирования и поступательного развития демократического правового социального государства объективно предполагает активное участие в этом процессе юристов как социально-профессиональной группы. Эффективность правового регулирования правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности во многом зависит от состояния этой социально-профессиональной группы, от тех качеств, которыми располагают входящие в нее юристы. Это диктует необходимость постоянного исследования путей формирования, реального состояния и тенденций развития общих и специальных качеств юристов, что позволит вносить своевременные коррективы в практику юридического образования, систему повышения квалификации, соответствующую воспитательную работу.

Отсюда становятся понятными не только научное значение, но и практическая важность формирования четких представлений о том, какими качествами должны быть наделены современные юристы и насколько они ими реально обладают.

Вполне понятно, что различные аспекты мотивации поведения и профессионально-юридической деятельности юристов – предмет постоянного внимания ученых-юристов. Следует отметить, что до последнего времени проводимые в данном направлении исследования были

связаны с психологией представителей специализированных профессиональных групп: судей, следователей, адвокатов, нотариусов и др.

Между тем серьезное теоретическое изучение профессионального поведения и деятельности юристов имеет фундаментальное значение и представляет значительную методологическую ценность. [Соколов, 2008, с. 14]. Например, теоретические вопросы правового сознания, включая профессиональное. Традиционно, когда анализируют его структуру, в нем выделяют индивидуальное, групповое, общественное правовое сознание. Кроме того, выделяют обыденный, практический и теоретический уровни, идеологическую и психологическую сферы правосознания. При этом, как ни странно, не уделяется должного внимания мотивации, хотя именно последняя выступает непосредственной движущей силой поведения в целом. Поэтому описательный подход, выступающий в качестве методологической основы изучения правосознания, целесообразно дополнять конструктивным, который предполагает выделение в нем в качестве структурного элемента сферы мотивации. Соотношение между понятиями «описательный» и «конструктивный» подходы к исследованиям соответствуют соотношению между понятиями «структура» и «функции» при системном исследовании предметов и явлений. Выделение в структуре правосознания, включая профессиональное, сферы мотивации является результатом не только использования традиционных приемов и способов обработки полученных данных, но и активного применения метода моделирования.

Мотивация имеет для профессионального поведения побудительное, направляющее и организующее значение. Самым тесным образом мотивы связаны с потребностями, интересами, проблемными ситуациями и жизненными планами. Применительно к профессиональному правосознанию особенно важно подчеркнуть, что исходными мотивами поведения профессиональных юристов могут служить интересы и потребности не только их собственные, но социальных групп, ведомств, общества в целом.

Для правильного объяснения изменений в мотивации профессионально-юридической деятельности в советское и постсоветское время необходимо различать как социальный, так и функциональный аспекты содержания труда юристов. Функциональный аспект труда юристов не зависит от конкретно-исторических форм его организации и функционирования, его социального характера. В нем содержится и то общее, что присуще работе юристов с точки зрения ее содержания, независимо от того, в каком обществе (советском или же постсоветском) оно осуществляется. Вот почему такие мотивы, как профессиональное чувство ответственности, профессиональный интерес к работе, необходимость оказания помощи гражданам, привычка, сформировавшаяся за время работы, по-прежнему сохраняют свое ведущее значение. С позиций же социального аспекта труда юристов (т.е. его характера, социально-экономической направленности) произошли достаточно заметные изменения. Например, такой мотив, как чувство долга перед обществом и государством, переместился со второй позиции в советское время на шестую – в

постсоветское. Идейная убежденность, которую в значительной мере можно отождествить с политическими убеждениями, с четвертого места перешла на последнее. В то же время возможность получения личной выгоды поднялась с седьмого места на пятое. Несколько возросла роль общественного мнения.

С учетом сказанного, не только функциональный, но и социальный аспект труда должен привлекать к себе больше внимания со стороны ученых-юристов. Последний проявляется в целях, на которые в конечном счете он ориентирован, в приобщении юристов к тем или иным классам, защищаемым ими интересам, месте, которое они занимают в системе общественного производства, общественной и политической жизни.

Обычно оценка качеств специалистов осуществляется с помощью традиционных способов, характерных для социологической науки. Однако в данном случае необходимо было не только оценить степень значимости для поведения и деятельности юристов тех или иных мотивов, но и показать их взаимосвязь между собой, структуризацию в коллективном бессознательном, уровень значимости, положительные и отрицательные возможности [Соколов, 2008, с. 18].

Основу гражданско-правового образования составляют следующие сквозные содержательные линии курсов: общество, основные этапы его развития, эволюция основных сфер общественной жизни; власть в её историческом контексте, политические режимы; государство, его институты, формы государства; демократия, её исторические формы, формирование современной либеральной демократии; история зарождения и развития парламентаризма; формирование концепции и институтов гражданского общества, правового государства и конституционализма; примеры высокой гражданственности в деятельности выдающихся исторических личностей и др. Особое место занимают исторические аспекты проблемы прав человека, история борьбы за права человека, формирование механизмов защиты прав и свобод человека.

Содержание права создаётся, в том числе и изменчивыми экономическими и социальными условиями, оно прямо зависит и от самой государственной системы. Обратимся к XIX в., откуда, как утверждают многие историки, исходят корни нашего бесправия, потому что именно в этом веке развивалось право в Западной Европе и США. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, в 1861г. по-прежнему оставались самым бесправным слоём населения. А, к примеру, во Франции и Германии уже к концу XVIII столетия утвердилась философия права, всё население пользовалось свободами. Отсюда – низкий уровень правосознания русского народа, которое и останется таковым, если не просвещать население, не знакомить его со своими правами, не показывать ему, насколько легче и комфортнее живётся человеку в обществе, в котором соблюдаются законы. Российского человека, попадающего в Европу, поражает степень защищённости прав и свобод граждан. Студенты объясняют это тем, что механизмы защиты личности в Западной Европе и в Соединённых Штатах складывались на протяжении длительного времени. Этот процесс

сопровождался изменением государственных институтов в сторону правового государства и формирования гражданского общества – формы самоорганизации граждан.

Большое значение имеет актуализация знания, т.е. переход к анализу современных государственных актов, например, Конституции. Молодых людей нужно серьёзно учить распознавать свои социальные, политические и гражданские интересы, вырабатывать свою жизненную позицию в соразмерности со своими реальными возможностями. Общественные дисциплины способствуют избирательной активности. Российская культура традиционно гораздо большее внимание уделяла коллективным, общинным и государственным интересам. Традиционно индивидуальные права и свободы человека рассматривались как второстепенные и подчинённые государственным и групповым интересам. В России так и не получила развития в должной мере философия и идеология либерализма. В этой связи, необходимо не просто повышение культуры, а изменение отношения человека к самой культуре, к его правам и свободам.

В ходе изучения общественных дисциплин студенты приходят к выводу, что на соблюдение прав человека влияют следующие факторы; исторические традиции, веками складывающиеся в определённом обществе; уровень культуры и образования населения; тип политической системы, существующий в государстве; общая экономическая ситуация в стране; международный контроль над соблюдением прав человека. Одной из основных целей преподавания общественных дисциплин следует считать воспитание у студентов уважения к правам человека, чувства собственного достоинства, справедливости. Изучение этих предметов способствует формированию правовой культуры, культуры прав человека, общечеловеческих ценностей. Поэтому занятия необходимо построить так, чтобы вызвать у студентов желание обсудить проблемы, связанные с правами человека, помочь им осознать важность личной ответственности за своё поведение в обществе [Камаева, 2008, с. 70−71].

Какие же качества указаны в Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по специальности 021100-«Юриспруденция» (квалификация − юрист) [Юридическое образование…, 2000, с. 21–22]? Они разбиты в Госстандарте на три группы: общие качества юристов, профессиональные умения, уровень подготовки юристов, соответствующий их квалификации.

В первую группу входят следующие общие качества юриста:

1) гражданская зрелость и высокая общественная активность; 2) профессиональная этика; 3) профессиональная культура; 4) глубокое уважение к закону и бережное отношение к социальным ценностям правового государства, чести и достоинству граждан; 5) высокое нравственное сознание; 6) гуманность; 7) твердость моральных убеждений; 8) чувство долга; 9) ответственность за судьбы людей; 10) ответственность за порученное дело; 11) принципиальность и независимость в обеспечении прав, свобод и законных интересов личности, ее охраны и социальной

защиты; 12) необходимая воля и настойчивость в исполнении принятых решений; 13) чувство непримиримости к любому нарушению закона в собственной профессиональной деятельности; 14) четкое представление сущности, характера и взаимодействия правовых явлений; 15) знание основных проблем дисциплин, определяющих конкретную область профессиональной деятельности, видение их взаимосвязи в целостной системе знаний и значения для реализации права.

Во вторую группу качеств юриста включены профессиональные умения:

1) правило толковать и применять законы и другие нормативные акты; 2) обеспечивать соблюдение законодательства в деятельности государственных органов, физических органов, физических и юридических лиц; 3) юридически правильно квалифицировать факты и обстоятельства; 4) разрабатывать документы правового характера; 5) осуществлять правовую экспертизу нормативных актов; 6) давать квалифицированные юридические заключения и консультации; 7) принимать правовые решения и совершать иные юридические действия в точном соответствии с законом; 8) вскрывать и устанавливать факты правонарушений; 9) определять меры ответственности и наказания виновных; 10) предпринимать необходимые меры к восстановлению нарушенных прав; 11) систематически повышать свою профессиональную квалификацию; 12) систематически изучать законодательство и практику его применения; 13) ориентироваться в специальной литературе.

И, наконец, в третью группу включены требования к уровню подготовки юриста, в зависимости от которых он должен решать задачи, соответствующие его квалификации. Среди них:

1) осуществление сбора нормативной и фактической информации, имеющей значение для реализации правовых норм; 2) обеспечение реализации актов применения права; 3) анализ юридических норм и правовых отношений; 4) анализ судебной и административной практики; 5) обоснование и принятие в пределах должностных обязанностей решений, а также совершение действий, связанных с реализацией правовых норм; 6) составление соответствующих юридических документов; 7) обеспечение законности и правопорядка; 8) осуществление правовой пропаганды и правового воспитания [Соколов, Леванский, 2008, с. 50−51].

Сегодня необходимо усилить внимание ученых-юристов к проблемам формирования и развития профессиональных качеств юристов, особенно в рамках образовательного процесса и с учетом его современного состояния. Как известно, образование включает в себя две составляющие – обучение и воспитание. Сферой воздействия обучения, носящего информационно-познавательный характер, является познавательно-рациональная составляющая правового сознания. Воспитание же влияет главным образом на эмоционально-волевую, ценностную и мировоззренческую сферы сознания. Обучающее содержание юридического образования вызывает в последние годы серьезную критику. Однако еще более серьезных

замечаний заслуживает состояние воспитательной работы в средних и высших учебных заведениях, включая юридические. Как в советское, так и в постсоветское время, как в «реале», так и в «идеале», на последних местах находятся идейность, гуманность, гражданское мужество.

В советское время такое качество, как справедливость, в «реале», заняло первое место по распространенности, тогда как в «идеале» в сознании юристов оно находилось лишь на четвертом месте. Это показывает, что юрист воспринимался другими юристами как носитель справедливости. Наличие этого качества рассматривалось как необходимое условие борьбы с коррупцией. Если же взять постсоветское время, то это качество занимает в «реале» седьмое место, а в «идеале» − шестое. Таким образом, мы наблюдаем падение значения этого качества.

Честность занимала в советской реальности второе место, а в «идеале» − даже первое. В постсоветское время это качество опустилось лишь на две ступеньки, но в реальной действительности оно опустилось на восьмое место. Такое резкое падение в «реале» обусловлено, прежде всего, общим падением уровня нравственных ценностей в российском обществе, связанным с реставрацией капитализма.

Добросовестность, имевшая достаточную распространенность в советское время в «реале», сохранило свою значимость и в постсоветское время, опустившись лишь на одну ступеньку. В «идеале» же это качество оказалось в середине списка, но в постсоветское время оно оказалось несколько более востребованным, поднявшись на одну ступеньку. В целом тенденция развития добросовестности как профессионального качества юристов несколько усилилась за счет повышения востребованности профессиональных качеств в период рыночных отношений, что обусловлено объективной необходимостью более широкого привлечения юристов к коммерческим операциям. Существовавший ранее заметный разрыв между реальным распространением этого качества среди юристов и их представлениями о его значении (пять позиций) заметно сократился (на две позиции).

Библиографический список

Камаева М.П. Обучение правам человека в процессе изучения общественных дисциплин // Право и государство: теория и практика. – 2008. – №3. – С. 70−71.

Соколов Н.Я. Мотивы профессионального поведения и деятельности юристов // Государство и право. – №11. – 2008. – С. 14.

Соколов Н.Я., Леванский В.А. Профессиональные качества юристов: желаемые и действительные (структурно-таксономическое моделирование) / Н.Я. Соколов, В.А. Леванский // Журнал российского права. – №5. – 2008. – С. 50−53.

Юридическое образование и наука. – №1. – 2000. – С.21–22.

А. Д. Васильев

ЯЗЫК РОССИЙСКОГО ПРАВА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Соотношение феноменов языка и права – именно в такой последовательности − символизирует их тесную взаимосвязь, ранжированность социальных ролей, а также гипотетическую последовательность возникновения (если, конечно, не учитывать наверняка более раннего, нежели язык, «права сильного», которое, впрочем, и по сей день успешно реализуется, в том числе – посредством законодательных актов: «Правильное течение дел изменяется силою оружия или политического шахрайства» [Потебня, 1976, с. 268]).

В широком лингвокультурологическом аспекте язык права[51] может быть рассмотрен в качестве одного из ярких примеров того, что называют «вербальной магией», т. е. – в самом общем смысле – применение языка для воздействия на индивидуальное и общественное сознание, иначе говоря – для манипуляции ими. Таким образом, юридические тексты можно представить как своеобразно сакральные (впрочем, иногда и без особенных преувеличений – ср. текст конституции государства, который, будучи основополагающим, можно при некоторых обстоятельствах считать некоей святыней, раз и навсегда установленной, константной и не нуждающейся в корректировках, могущих лишь профанировать ее, или, по крайней мере, за счет время от времени якобы целесообразно вносимых поправок заметно снизить её авторитет в глазах граждан того же государства). Эти сакральные тексты, как и положено таковым, творятся, толкуются и применяются своего рода жрецами (напомним по ассоциации, что в древнем Риме среди них были и авгуры). Результаты же герменевтических упражнений жрецов Фемиды оказывается далеко не менее значимыми, чем собственно храмовых ритуалов, поскольку оказывают иногда немедленные и кратковременные, а по большей части – отложенные и долговременные («пролонгированные») воздействия на судьбы не только отдельных людей, но и крупных социумов (например, народов и государств).

Как уже неоднократно отмечалось, по сравнению со многими (если не со всеми остальными) формами и сферами употребления языка, сегодня язык права обладает наиболее мощными манипулятивными потенциями: «в конце концов сам текст закона в каком-то отношении является узаконенным манипулятивным текстом» [Бринев, 2005, с. 158], – и при этом в высшей степени эффективным, ибо исполнение его предписаний обеспечивается всеми соответствующими ресурсами государства. Поэтому, сколь бы ни были значимы в культурных, духовных и прочих отношениях иные тексты

---

[51] Язык права обозначается также с помощью терминов «юридический язык», «правовой язык», «язык юридических документов», «язык юриспруденции», «официальный язык», «язык закона»; иногда говорят и о «языке юристов», хотя подразумевают при этом как раз «речь юристов», т. е. некие устойчивые профессиональные особенности использования русского языка

(до собственно сакральных включительно), именно текст закона наилучшим образом выполняет функцию регулирования отношений между государством и его гражданами, между гражданами и т. д. Причем обычно предполагается и декларируется, что соблюдение закона обязательно для всех (конечно, в идеале это несомненно – на практике же довольно избирательно: недаром сравнение оного с дышлом продолжает оставаться актуальным на самых разных этапах истории общества).

Не останавливаемся здесь подробно на многоаспектной характеристике языка права: об этом написано довольно много, но, что любопытно, написано преимущественно лингвистами. Надо сказать, что юристы довольно ревниво и последовательно оберегают свои ведомственные языковые заповедники от посторонних вторжений, по-своему резонно упрекая «браконьеров» (неугомонных лингвистов прежде всего) в том, что они не являются достаточно сведущими в юриспруденции. Отрицать этот очевидный факт было бы трудно, да и вряд ли нужно. И всё-таки следует еще раз вернуться к некоторым особенностям как языка права, так и профессиональной речи его носителей.

Можно вспомнить о таких (кажется, никем не оспариваемых) чертах юридического языка, как усложненность (и лексико-семантическая, и синтаксическая), кажущаяся иногда чуть ли не нарочитой, и проистекающая из неё неудобопонятность формулировок. Как правило, это оправдывают главным требованием к текстам права – критерием предельной точности, не допускающей разночтений и инотолкований, которые могут повлечь за собой произвольное применение закона (попросту говоря, произвол). Однако означает ли это, что текст закона изначально обречен на то, чтобы не быть понятным никому, за исключением сравнительно узкого круга специалистов, – даже с учетом непрерывно растущего в реформируемой (или уже отреформированной?) России числа счастливых обладателей дипломов о высшем юридическом образовании? Исходя из обыденной логики, скажем, что законодательный акт, предназначенный к неукоснительному исполнению, **должен быть** семантически прозрачен для тех, кому адресован, − т.е. для **всех** граждан данного государства, а не только для «символьной элиты общества», т. е. юристов (выражение Т.В. Губаевой). Впрочем, исходя из той же обыденной логики (а она же во многом предопределяет и присущую носителям языка так называемую «наивную картину мира» (Ю.Д. Апресян и др.), следует задаться столь же простодушным вопросом: а кому это надо? Кто, собственно, кроме упомянутых «всех граждан», настолько уж горячо заинтересован в юридическом просвещении? Может быть, государство – в целях воспитания правосознания и ликвидации вариативно трактуемого «правового нигилизма», что, с одной стороны, позволило бы помочь профилактике преступности (хотя бы: «Кто предупрежден, тот вооружен»). С другой же стороны (конечно, в высшей степени гипотетически!), государству не так уж выгоден поголовный юридический ликбез: ведь граждане, научившиеся грамотно читать, то есть адекватно интерпретировать тексты законов, могут иногда и усомниться в их

целесообразности, полезности (и, страшно подумать, усомниться в благодеяниях **власти** как таковой), а следовательно, утратить столь милые любому государству важнейшие свойства объекта манипуляций: внушаемость и управляемость. Вряд ли какая-либо конкретная власть (довольно произвольно определяемая то как тоталитарная, то как демократическая – возможны и иные варианты) сознательно решится рисковать собою по таким пустячным поводам. Многоликим жрецам Фемиды всеобщая юридическая грамотность населения тоже наверняка не вполне желательна (по крайней мере, не настолько необходима, как они иногда публично заявляют). Во-первых, это может повлечь за собой довольно предсказуемые затруднения в выполнении их повседневных служебных функций (с учетом, конечно, конкретных элементов профессионального диапазона); во-вторых, самым решительным образом способно отразиться на благосостоянии как жрецов-теоретиков, так и храмовых прислужников-практиков: услуги и тех, и других могут оказаться не так востребованы, как ныне. Тогда они рискуют оказаться в малозавидном положении якобы умевшего играть на граммофоне гимназиста из рассказа А. Аверченко «Кривые Углы».

Конечно, широкой общественности через СМИ становятся иногда известными случаи по-своему виртуозного осмысления юристами ресурсов языка.

Возникновение интересных коллизий происходит иногда вследствие неразличения (преднамеренного или непроизвольного) общелитературной и арготической семантики одной и той же лексемы. Так, в телерепортаже об уголовном процессе по делу об убийстве журналиста Д. Холодова сообщалось, в частности, что защита и обвинение разошлись в интерпретации слова *разобраться*, сказанного бывшим тогда министром обороны П.С. Грачевым командующему воздушно-десантными войсками Подколзину. Обвинение заявило, что слово было употреблено в значении «устранить» (т. е. убить Холодова), а защита − «выяснить» (получить информацию о Холодове), поскольку, по мнению адвоката экс-министра, в «терминологии» последнего *разобраться* – вовсе не значит «убить» (Новости. ТВ-6. 26.02.01).

В то же время языковая компетентность юристов вовсе не безупречна: свидетельств этого более чем достаточно (опять же скажем, что, приводимые в основном лингвистами, то есть профанами в юриспруденции, такие свидетельства самими юристами, вероятнее всего, игнорируются – а может быть, попросту остаются им по каким-то причинам недоступными). Упомянем здесь, в дополнение к уже известным, и такие.

Так, ч. 4 ст. 53 УК РФ гласит: «В случае злостного уклонения от отбывания наказания лицом, осужденным к ограничению свободы, оно заменяется лишением свободы на срок ограничения свободы, назначенного приговором суда». «Обыденное метаязыковое сознание (набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка о самом языке в его разных проявлениях)» [Голев, 2008, с. 5] подсказывает, что последний из

причастных оборотов данной формулировки логически должен всё-таки относиться не к существительному *ограничения*, но к существительному *срок* – и тогда падеж причастия должен быть винительным: «на срок, назначенн**ый** приговором суда».

Несколько иные примеры, демонстрирующие смысловую диффузность нормативно-правового акта, содержатся в КоАП РФ. В ч. 2 ст. 27.12 этого кодекса говорится: «Отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида и направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения осуществляются должностными лицами, которым предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспортного средства соответствующего вида». Иногда порядок слов в этой формулировке провоцирует вопросы о смысловом акценте высказывания: «право государственного надзора и контроля за безопасностью»; «право государственного надзора и контроля ... и эксплуатации»?

В другой статье того же кодекса, посвященной административному расследованию (ч. 5 ст. 28.7), сказано: «Срок проведения административного расследования не может превышать один месяц с момента возбуждения дела об административном правонарушении. В исключительных случаях указанный срок по письменному ходатайству должностного лица, в производстве которого находится дело, может быть продлен вышестоящим должностным лицом на срок не более одного месяца, а по делам о нарушении таможенных правил начальником вышестоящего таможенного органа на срок до шести месяцев». Некоторые правоприменители-практики, исходя из интересов службы, склонны трактовать эту часть по-разному: в одних случаях принимая за точку начального отсчета именно указанный момент возбуждения дела, в других – следующий за последним днем расследования, **уже** занявшего месяц.

Несколько иной, но, пожалуй, не менее актуальный для текстов современного российского права пример, иллюстрирующий тенденцию, которую можно квалифицировать по-разному. Некоторые специалисты считают это «изложением в стиле предельно широких обобщений оценочного характера (*опасное состояние личности, общенародное достояние, требования разумности*)», которое «неизбежно становится декларативным, потому что смысл правовых ценностей неясен и с ними можно произвольно связать любые действия, минуя интересы и цели субъектов, совершающих эти действия» [Губаева, 2004, с. 46−47]. Полагаем, что с достаточным основанием подобные номинации можно именовать и иначе – «семантическими пустышками», «лексическими фантомами» (Б.Ю. Норман), «лексическими симулякрами» (Л.Н. Синельникова), «словами-амебами» (С.Г. Кара-Мурза), «словами-мифогенами» (А.Д. Васильев). Последнее из приведенных именований выражает их роль в современном мифотворчестве и, как следствие, в манипуляциях сознанием индивида и социума (ср. перестроечно-реформаторский мифоген *общечеловеческие ценности*, использованный не только в агитационно-пропагандистских, но и

в сугубо правовых текстах: [Васильев, 2007, с. 52−59; Васильев, 2008, с. 52−61]).

В числе «предельно широких обобщений оценочного характера», попавших в поле зрения Т.В. Губаевой, доктора юридических наук (а до того – кандидата наук филологических) – и словосочетание *общепризнанные принципы и нормы международного права*, которое «обладает весьма широким понятийным содержанием, выраженным в абстрактно-оценочной форме. Поэтому в российском законодательстве в целом ряде случаев целесообразно не просто делать отсылки к международно-правовым признакам, а дать дефинитивную норму о содержании каждого из них применительно к юридической регламентации той или иной сферы общественной и государственной жизни» [Губаева, 2004, с. 46−47].

Наше внимание это словосочетание привлекло в связи с тем, что оно использовано в тексте Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации». В ст. 2 закона сообщается, в частности, что «законодательство Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права…». Представляется поучительным рассмотреть характеристики *норм международного права,* предлагаемые российскими юристами, причем в изданиях разных лет (далее цитаты из публикаций даются в их хронологической последовательности, что, с нашей точки зрения, позволяет увидеть некоторые быстротекущие эволюции суждений).

«Норма международного права – юридически обязательное правило поведения государств и других субъектов международного права в их международных отношениях» [Международное право, 1997, с. 187].

«Судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закреплённые в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах), и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Этой же конституционной нормой определено, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [Комментарий к Конституции Российской Федерации, 2000, с. 58].

«…**Особенности международного права**… 1)… Предметом регулирования международного права являются отношения суверенных и независимых друг от друга субъектов. 2)… Нормы международного права адресованы в непосредственном виде суверенным субъектам…, правовым параметром поведения государств и других субъектов международного права в межгосударственной системе являются общепризнанные стандарты должного поведения, устанавливаемые международным правом…4)…

Нормы международного права создаются субъектами международного права на основе свободного волеизъявления равноправных участников международных отношений… В современном международном праве следует считать уже /!/ состоявшейся **концепцию примата (преимущественного значения) норм международного права** в процессе взаимодействия с нормами внутригосударственного права» [Каламкарян, Мигачев, 2004, с. 5−6]. И хотя «международно-правовая позиция государства как часть его внешней политики отражает национальные интересы государства», но «в современном мире общие интересы, вытекающие из категорической /!/ необходимости решения глобальных проблем, оказывают всё большее влияние /!/ на внешнюю политику государств и, следовательно, на их международно-правовую позицию. Поэтому необходимо /!/ чтобы специфические интересы государства были согласованы с общими интересами человечества /!/» [Каламкарян, Мигачев, 2004, с. 17]. При этом оказывается, во-первых, что «для создания норм международного права не требуется идентичности воль /так. – *А.В.*/ государств, участвующих в их образовании. Для этого достаточно, чтобы они были согласованы в том, что касается правила поведения и признания его в качестве юридически обязательного» [там же] – видимо, к этому и сводится категория общепризнанности. Во-вторых, «нормы международного права – плод не новой, **единой высшей воли**, а результат согласования воли /так. – *А.В.*/ субъектов международного права» [там же].

Кроме любопытного разнобоя в оформлении грамматического числа существительного *воля* (у государств несколько «воль», а у субъектов международного права – хотя очевидно имеются в виду и государства [Каламкарян, Мигачев, 2004, с. 5] – она уже одна-единственная; впрочем, это можно отнести на счёт распространённых среди юристов представлений о языке и обращении с его законами и материей), вышеприведенные цитаты из [Каламкарян, Мигачев, 2004] содержат, конечно, ещё немало интересного и в других аспектах. Так, например, можно было бы уточнить, в каких формах и в какой степени разными государствами реализуется при проведении их внешней политики «уже состоявшаяся концепция примата международного права». Действительно ли у всего человечества имеются абсолютно общие интересы (т. е. вытекающие из совершенно единообразного понимания «глобальных проблем»); все ли государства можно считать без каких-либо исключений равноправными? Не преобладают ли в международных отношениях «специфические интересы» отдельных государств или их явно немногочисленных групп (вроде «большой семёрки» и т. п.)? Не могут ли выдаваться «национальные интересы» этих государств за единственно справедливые и законные − «общечеловеческие»? Не определяются ли упомянутым «приматом международного права» особенности не только внешней, но и внутренней политики правительств некоторых государств? Не применяются ли так называемые «двойные стандарты» (иначе говоря, индульгенция тем, кто использует для воплощения своих «специфических национальных интересов» такие методы, как вмешательство во внутренние

дела других – от поощрения искусственно создаваемых оппозиционных движений до инспирирования государственных переворотов и совершения открытой вооружённой агрессии – и, с другой стороны, суровая критика, включающая в себя применение жестких санкций и интервенции против тех стран, которые хоть в малейшей степени позволяют себе не разделять «специфические национальные интересы» экспансионистов и агрессоров) − и т. п.?

Наконец: действительно ли современные нормы международного права **не** являются «плодом новой, высшей воли» [Каламкарян, Мигачев, 2004, с. 17]? Ср.: «Оказывая влияние на все области социальной жизни, глобализация диктует необходимость переосмысления роли права и государства в современном мире… В современных условиях правовая аккультурация приобретает глобальное измерение, правовое развитие отдельно взятой страны подчиняется законам движения права в его планетарном масштабе. Заметным явлением можно, в частности, считать американизацию права» [Иванец, Червонюк, 2003, с. 87, 91].

При всём этом надо иметь в виду, что и ведущие специалисты в области юриспруденции, в том числе и те и из них, кто настаивает на широчайшем внедрении «норм международного права», не очень-то отчетливо представляют себе (а значит, ещё менее способны объяснить другим), каковы же эти нормы. Так, судья Конституционного Суда РФ, профессор, доктор юридических наук О.И. Тиунов заявляет: «Судебная система очень чувствительна ко всем происходящим процессам. Суд выбирает правовую позицию и только после этого он в состоянии сформулировать своё решение. И нередко ему приходится обращаться к международно-правовым стандартам. Но расшифровки этого понятия в научной литературе нет /!/. Надо хотя бы /!/ наметить ориентиры, для начала – классифицировать их» [Глобализация, 2003, с. 3]. Несмотря на указанное им же отсутствие основополагающих понятий и их общеприемлемых формулировок, цитируемый автор тут же провозглашает: «Внедрение международно-правовых стандартов в судебную практику должно /!/ расширяться» [там же]. Многое в этой почти нарочитой путанице становится гораздо понятнее с учетом более широкого контекста: «Тактика пропагандистской работы – это отдельная наука, обеспечивающая процесс самоуничтожения нации необходимыми правовыми актами. В случае информационной войны желательно, чтобы все действия происходили в правовом пространстве наиболее сильного» [Расторгуев, 2003, с. 272], то есть – конкретно – США.

Может быть, здесь следовало бы упомянуть и амбивалентно оцениваемые неюристами (в то же время составляющие предмет смутной и сомнительной гордости – очевидно, как символ корпоративной маркированности многих юристов) речевые неправильности. Имеются в виду прежде всего пресловутые *возбужденный/осужденный*. С точки зрения Н.Д. Голева, подобные проявления юридического профессионального языка (в сущности – действительно жаргона, но, что любопытно, довольно-таки

общего и для сотрудников правоохранительных органов, и для тех, к кому они испытывают служебный интерес), «такая отделенность создает сильную помеху коммуникативной эффективности... И культурно-языковая функция сомнительна... У формы с паронимическим смешением минусы явно доминируют над плюсами» [Голев, 2004, с. 54−55]. Задаваясь вопросом: «Надо ли кодифицировать профессиональные узуальные нормы /иначе говоря, нарушения норм общелитературных – *А.В.*/?», полагают, что «указание в словарях на допустимость такого произношения /т. е. вроде *осужден, возбуждено – А.В.*/ лицами определенной профессии сразу способствовало бы распространению неправильных ударений, и не только в профессиональной среде. Не надо профессиональные узуальные нормы кодифицировать, должно быть указано на широкое распространение у юристов... и т. д. неправильного ударения» [Сиротинина, 2006, с. 497].

Возможны поиски истоков предпочитаемых юристами *осужденный/возбужденный* и в орфографии – или, как полагают некоторые авторы, в преднамеренных либо неосознанных нарушениях её правил. Так, с точки зрения В.Т. Чумакова, председателя «Союза ёфикаторов России», «если бы такие слова, как *отведённый..., осуждённый...,* всегда печатались без ошибки, т. е. с «коронованной», увенчанной точками буквой Ё, то не смогли бы народиться вот эти нижеприведённые уродцы: отв**е**денный..., ос**у**жденный... [Чумаков, 2008, с. 8]. Конечно, авторитетное влияние письменного (печатного), особенно юридического текста следует учитывать (кстати, вполне возможно, что, по мнению юристов, профессионально основывающихся на «букве закона», это один из решающих аргументов в пользу *возбужденный / осужденный*: действительно, логично вроде бы: на гласный, обозначаемый буквой **ё**, обычно приходится ударение, а раз буквы ё в этих словах, присутствующих в текстах многих нормативно-правовых актов, нет, то и произносить их надо с ударением на втором слоге – нам приходилось уже слышать подобные суждения из уст юристов). Однако вряд ли такое своеобразное проявление орфографоцентризма в данном случае можно считать решающим.

С другой стороны, известными фактами может быть отчасти оправдано по этому поводу и следующее суждение – с учетом внелингвистических факторов: «Когда с экранов телевизоров наши прокуроры сообщают, что уголовные дела *возбуждены*, а проходящие по ним лица *осуждены*, то не вполне ясно, следует ли считать неправильными и эти ударения. Смысл слов *возбуждены* и *осуждены* может и не совпадать со смыслом слов *возбужден**ы*** и *осужден**ы***, а включать в себя некую специфику правоприменения (злопыхатели называют эту специфику басманной)» [Успенский, 2006, с. 544] (напомним всё же, что согласно ст. 17 УПК РФ и судьи также «оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью»; впрочем, данный кодекс не содержит дефиниций слов и словосочетаний, выделенных разбивкой).

Считать ли средний уровень языковой компетентности юристов (не забывая, однако, о том, что под этим гиперонимом сегодня объединены представители разных профессионально ориентированных ведомств и сообществ, выполняющих различные, подчас диаметрально противоположные задачи) вполне удовлетворительным, − вопрос, пожалуй, риторический. Однако надо помнить при этом, что, во-первых, культура речи сегодняшних юристов – одновременно и частный пример культуры речи российского социума (то есть какие-то ярко выраженные отличия, за исключением, может быть, познаний в специальной терминологии, обнаружить весьма затруднительно). Во-вторых, надо учитывать факторы, формирующие отношение к обучению русскому языку в вузе юридического профиля.

Начнем с причины, вынесенной нами на первое место по значимости. Уместно напомнить, что всеобъемлющее российское реформаторство, происходящее на протяжении уже более двух десятилетий, вполне закономерно (и не лучшим образом) сказалось на культурно-речевой ситуации, ознаменовавшись, например, заметным падением общего уровня грамотности (особенно – орфографической), неряшливостью публичной коммуникации, экспансией заимствований (в первую очередь – из американского английского) при довольно ощутимом сокращении элементов синонимических рядов (ср. хотя бы всё меньшее число глаголов речи при универсализации использования *пояснить* и *признаться*, или почти общераспространенное обозначение самых разных эмоциональных состояний с помощью *быть в шоке,* что конечно, свидетельствует не только о словарном запасе говорящих и пишущих), размыванием границ функциональных стилей и четко обозначившейся вульгаризацией массового словоупотребления.

Это сопровождается уменьшением количества учебных часов, отводимых школьными программами на изучение русского языка и русской литературы. Результат легко можно прогнозировать: школьники всё меньше читают литературно-художественные произведения; зрительная память учащихся, будучи нетренированной, ослабевает, а средства массовой информации, судя хотя бы по степени владения русским языком постоянных телеперсонажей, способны только усугубить ситуацию.

Снизился престиж полноценного гуманитарного образования, поскольку наличие формальной образованности не является более обязательной предпосылкой и важным критерием жизненного успеха (любой желающий – и имеющий для этого материальные возможности – без особых усилий может стать обладателем диплома платного образовательного учреждения). Экстренно насажденные нововведения вроде ЕГЭ или двухуровневого /!/ высшего образования вряд ли нацелены именно на получение учащимися глубоких фундаментальных знаний. Сузился круг чтения молодежи: если какие-то литературно-художественные тексты какая-то (статистически незначительная) часть молодых людей и читает, то, как правило, не русскую классику, а низкопробные окололитературные поделки,

либо, в большинстве случаев, роль чтива выполняет периодика, которую раньше назвали «бульварной» или «желтой» прессой (то же относится и к увлечению материалами Интернета). В основном же источником духовной пищи оказываются телевизионные передачи, обычно сомнительного качества, а самым распространенным способом удовлетворения культурных запросов стали посещения дискотек и аналогичных увеселительных заведений. В качестве образцов высокой культуры теперь предлагаются выступления так называемых юмористов и исполнителей «приблатненных» песенок. Единичные попытки официальной власти обозначить свое участие в формировании языковой ситуации остаются почти неизвестными и потому малопонятными «уважаемым россиянам», т. е. огромному большинству населения РФ (ср. «Закон о государственном языке Российской Федерации», федеральные целевые программы «Русский язык», провозглашение 2007 года «Годом русского языка» и т. п. (см.: [Васильев, 2007, 2008]).

Поскольку же языковая политика является составной частью государственной политики в целом, то было бы наивным ожидать кардинальных решений важных задач, от чего в значительной степени зависит дальнейшая эволюция российской языковой (и не только) ситуации.

Естественно, что учащиеся юридических факультетов и вузов, в том числе ведомственных, как и их сверстники, находятся под сильным влиянием происходящих в стране культурно-речевых процессов (кстати, следует заметить, что вряд ли многие из будущих юристов гораздо менее грамотны, чем студенты других специальностей: названные процессы имеют почти всеобщий характер, и мы сталкиваемся лишь с частными, хотя иногда и довольно впечатляющими примерами их результатов). Поэтому на занятиях по русскому языку преподаватель вынужден не столько развивать и совершенствовать знания, полученные ранее в средних учебных заведениях, сколько учить тому, чем обучаемый должен был бы овладеть значительно раньше (и научился, если судить по аттестату о среднем образовании и результатам ЕГЭ). На практике же оказывается, что преподаватель за 40 часов аудиторных занятий должен научить пользоваться теми правилами, на изучение которых в средней школе отводится почти на 1000 часов больше.

Государственный образовательный стандарт по специальности 021100 – юриспруденция многими своими формулировками заметно отличается от предыдущего, ст. 9 которого, например, предусматривала среди минимальных требований к содержанию и уровню подготовки выпускника свободное владение русским языком. Всё же в общей характеристике специалиста сейчас говорится о том, что юрист должен уметь разрабатывать документы правового характера, осуществлять правовую экспертизу нормативных актов, давать квалифицированные юридические заключения и консультации, принимать правовые решения и совершать иные юридические действия в точном соответствии с законом (п. 1.3), для чего, на наш взгляд, познания в области русского языка также необходимы. ГОС в разделе «Русский язык и культура речи» (ГСЭ. Ф. 07) призван существенно расширить сведения учащихся в указанной сфере, в частности, сюда

включаются элементы риторической подготовки, знание языка и стиля коммерческой корреспонденции, инструктивно-методических, распорядительных документов.

Впрочем, далеко не все части указанного раздела имеют строгий и однозначный характер.

Например, если сопоставить именования подразделов «Языковые формулы официальных документов» и «Приемы унификации языка служебных документов», то трудно обнаружить сколько-нибудь заметную разницу между ними: именно использование «языковых формул» (т. е., по-видимому, клише, характерных для правомерно стандартизованных текстов официально-делового стиля) и является одним из самых эффективных «приемов унификации языка» тех же текстов. Кроме того, непонятно, в чем разница между «официальными» и «служебными» документами: по нашему скромному предположению, вторые из них – всего лишь частная разновидность первых.

Небезынтересно, что далее, почему-то только через пять пунктов, следуют разделы «Правила оформления документов» и «Речевой этикет в документе», которые также вряд ли могут быть строго разграничены.

Довольно трудно уяснить, что такое «интернациональные свойства русской официально-деловой письменной речи»; можно лишь догадываться (с какой-то долей вероятности), что речь здесь идет о заимствованной лексике, или, может быть, о так называемых *интерлексемах*, т. е. одних и тех же словах, генетически близких, – например, заимствованиях из современных романских и германских либо древних языков, – функционирующих сегодня в разных языках (впрочем, при этом ведь приходится сталкиваться с проблемой «ложных друзей переводчика»).

Вполне возможно, что (особенно – в современных условиях) будущему юристу чрезвычайно необходимы познания в области «Реклама в деловой речи»; хотелось бы, впрочем, хоть как-то прояснить эту формулировку. А вот в названии раздела «Понятливость, информативность и выразительность публичной речи» большие сомнения вызывает целесообразность употребления существительного *понятливость*. Согласно Словарю русского языка в четырех томах под ред. А.П. Евгеньевой (т. III, М., 1983, с. 291), *понятливость* – свойство по знач. прил. *понятливый*. «Акулина выучилась азбуке удивительно скоро. Алексей не мог надивиться ее понятливости» (Пушкин. Барышня-крестьянка); здесь же приводится толкование значения прилагательного *понятливый* – «быстро и легко понимающий, усваивающий что-либо». По всей вероятности, авторы-составители раздела, посвященного интересующей нас дисциплине, предполагали употребить существительное *понятность* (согласно цитируемому нами словарю, «свойство по прил. *понятный* в 1 знач'. «Понятность объяснения»; *понятный* – 1) «доступный пониманию; ясный, вразумительный»), но по каким-то причинам этого не сделали.

В то же время в разделе ГОС, посвященном дисциплине «Русский язык и культура речи», отсутствуют указания на такие проблемы, находящиеся в

равной степени в сфере интересов и лингвистики, и юриспруденции, как «Современный статус русского языка», «Языковая ситуация и языковая политика». Поэтому, возможно, данный раздел нуждается в некотором дальнейшем совершенствовании, и крайне желательно – при активном участии лингвистов-профессионалов.

То, что для юриста хорошее владение государственным языком – один из самых значительных компонентов достижения профессионального успеха, понимают и многие учащиеся, исходя, правда, в ряде случаев из довольно разных предпосылок.

С целью выявить факторы, предопределяющие мотивацию изучения русского языка, нами было проведено анкетирование студентов факультета общеюридической подготовки (набор 2006 г.), которым было предложено в письменной форме ответить на вопрос: «Зачем нужно учить русский язык?». Всего был опрошен 81 первокурсник; получено 200 ответов (некоторые респонденты указывали одновременно несколько мотивов). После определенной стандартизации ответов и их классификации обнаружились следующие результаты:

1) для повышения собственного уровня грамотности – 22 %;
2) для оптимизации речевого общения – 16, 5 %;
3) для познания русского языка как национального – 12 %;
4) для овладения русским языком как государственным – 12 %;
5) для достижения успеха в будущей профессии – 11 %;
6) для приобретения имиджа культурного человека – 9 %;
7) для развития своей личности – 7 %;
8) для постижения русской национальной культуры – 6 %;
9) для успешного изучения других дисциплин – 4, 5 %.

Можно полагать, что каждый из вышеперечисленных мотивов по-своему логичен и оправдан. Следует отдать должное тем респондентам, которые искренне стремятся повысить свою грамотность, хотя, судя по количеству орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок, допущенных в абсолютном большинстве ответов, число критически оценивающих собственное знание русского языка явно невелико.

Таким образом, потребность в изучении курса «Русский язык и культура речи» у учащихся наличествует. Однако осознание ее очевидно запоздало: серьёзно заниматься русским языком (и литературой – тоже) им надо было бы еще в школе, теперь же это весьма проблематично – в том числе из-за сравнительно скромного объема времени, отведенного данной дисциплине.

Практическое решение такой задачи может быть обеспечено гипотетически разными путями. Например, использованием методик, позволяющих за считанные недели (не за «школьные годы чудесные») достичь оптимального состояния орфографической грамотности; надо сказать, что такие чудодейственные методики нам пока неизвестны. Возможно, исходя из сложившейся обстановки, следовало бы пересмотреть нормативы оценки письменных работ учащихся в сторону их либерализации,

то есть «снижения планки»; однако это не входит в компетенцию преподавателя. Полезным могло бы стать хотя бы выборочное возобновление единого орфографического режима (когда при оценке письменной работы по любому предмету, выполненной на русском языке, учитывалась и грамотность автора); можно заранее усомниться в согласии коллег-нефилологов с таким нововведением. Впрочем, ведь и ГОС специальности 02. 11. 00 – юриспруденция в разделе 7.2 «Требования к итоговой государственной аттестации юриста» вовсе не исключает наличия орфографических, пунктуационных, стилистических и грамматических ошибок в выпускной квалификационной работе юриста; п. 7.2.2 предусматривает лишь, что она должна быть «правильно оформлена (четкая структура, завершенность, правильное оформление библиографических ссылок, списка литературы и нормативно-правовых актов, аккуратность исполнения)»; только при очень большом желании и острой служебной необходимости можно попытаться доказать, что «аккуратность» - это еще и грамотность, причем такие попытки наверняка будут оспорены с позиций того же ГОС, если работа выполнена технически безупречно (без помарок, то есть «аккуратно»). Таким образом, есть определенные основания предполагать, что и в дальнейшем как преподаватели русского языка, так и их учащиеся останутся заложниками не вполне удовлетворительных директив и соответствующих им паллиативных решений, принимаемых в конкретных ситуациях.

В заключение напомним, что Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2002-2005 гг. (раздел 7) декларировала: «будет внедрена методика тестового контроля за уровнем владения русским языком государственными служащими»; Федеральная целевая программа «Русский язык (2006-2010 гг.)» синтаксически изощренно констатировала: «Отсутствие нормативной правовой базы функционирования национальной системы оценки качества владения русским языком российскими гражданами приводит, в частности, к снижению профессионального уровня работников во всех сферах народного хозяйства». Однако и по сей день неизвестно, внедрена ли вышеупомянутая «методика тестового контроля» государственных служащих (кажется, несколько лет назад подобное тестирование было применено лишь по отношению к чиновникам администрации Ульяновской области). Для претендентов же на должность федерального судьи проверка знаний ими русского языка как государственного, насколько нам известно, так и не введена в число квалификационных испытаний. Впрочем, может быть, так обстоят дела только в Красноярском крае?

Библиографический список

Бринев К.И. Манипулятивное функционирование языка в юрислингвистическом и собственно лингвистическом аспектах//

Юрислингвистика – 6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка /под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2005.

Васильев А.Д. Современное российское языковое законодательство: юрислингвистический анализ и комментарии. – Красноярск, 2007.

Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. – Красноярск, 2008.

Глобализация, государство, право, XXI век // Журнал российского права. – № 2. – 2003.

Голев Н.Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования // Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2004.

Голев Н.Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филологические науки. – 2008. – № 3 (4). – Томск, 2008.

Губаева Т.В. Язык и право. – М., 2004.

Иванец Г.И., Червонюк В. И. Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003, № 8.

Каламкарян Р.А., Мигачев Ю. И. Международное право. – М., 2004.

Комментарий к Конституции Российской Федерации: 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1996.

Международное право: словарь-справочник / сост. В.Н. Додонов и др. – М., 1997.

Потебня А.А. Язык и народность // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М., 1976.

Расторгуев С.П. Философия информационной войны. – М., 2003.

Сиротинина О.Б. Узуальная норма и её роль в развитии языка // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. – М., 2006.

Успенский В.А. Субъективные заметки о неправильной норме // Русский язык сегодня. – Вып. 4: Проблемы языковой нормы. – М., 2006.

Чумаков В.Т. Вопросы и курьёзы русского ударения // Язык, литература, история, культура. – № 76.

Л.Г. Кыркунова

СУДЕБНАЯ РЕЧЬ: МЕТОДИКА РАБОТЫ НАД КОМПОЗИЦИЕЙ

Судебная речь в настоящее время является предметом изучения юристов, психологов, лингвистов, специалистов в области риторики. В работах последних лет всесторонне рассматривается практика выступления в

суде [Красовская, 2008, Петров, 2008], аргументативная сторона судебной речи [Шуйская, 2008], стратегии и тактики судебной деятельности [Шиханцов, 1998]. При этом вопросы композиционной организации текста обвинительной и защитительной речи отходят, как показывает анализ учебной и учебно-методической литературы по судебной риторике, на второй план. Нам же представляется, что изучение композиционной структуры современной судебной речи имеет большое теоретическое и, что особенно важно, практическое значение. С вопросами организации текста так или иначе оказываются связанными проблемы расположения аргументов в тексте, введение в речь общих мест, использование в том или ином составе «цветов красноречия».

Оставляя за пределами данной статьи интереснейший вопрос об истории становления композиции судебной речи, остановимся на характеристике самой композиционной структуры в ее современном виде.

Нами исследовалась композиционная структура обвинительных и защитительных речей, прочитанных в Краевом суде Пермского края (по уголовным делам, приговор по которым вступил в законную силу). Общее количество текстов – 68.

Понимая под композицией последовательное расположение материала, мы вынуждены констатировать, что традиционный подход к определению составных частей композиции, включающих в себя вступление, основную часть и заключение, оказывается недостаточен для формирования у студентов-юристов представления о том, как писать текст судебной речи.

Судебная речь, будучи в значительно меньшей степени формализованным текстом (в отличие, например, от текста обвинительного заключения или приговора, составные «элементы» которого регламентированы статьями УПК РФ), предполагает определенную степень свободы и творчества. Причем свобода автора и творческое его отношение к тексту как раз и проявляются не в вольной интерпретации фактов, уже изложенных в материалах дела, а именно в способе их подачи, в мастерстве освещения. Следовательно, одной из центральных задач «Судебной риторики» как учебного предмета должно стать формирование у студентов умений и навыков владения различными способами построения композиции судебной речи. Не случайно, как нам кажется, начиная с античных риторик, в классическом риторическом каноне выделялся отдельный этап риторической деятельности – «расположение» (disposition), который был разработан максимально подробно и тщательно.

В качестве «строительного элемента», минимальной текстовой единицы композиции мы предлагаем рассматривать коммуникативно-прагматические **блоки** [Крижановская, 2000]. По нашим наблюдениям, современные судебные ораторы используют в текстах судебных речей, как правило, не больше десяти-двенадцати коммуникативных блоков, что делает задачу освоения их студентами вполне достижимой.

По нашим наблюдениям, коммуникативно-прагматические блоки в современных судебных речах выполняют различные функции и поэтому могут быть сгруппированы следующим образом:

1. Блоки, выполняющие функцию передачи основной информации (условно их можно назвать информационными). Именно с помощью этих композиционных элементов текста оратор разворачивает перед слушателями полноценное рассуждение, выводом из которого является его предложение о мере наказания.

Фактографический. Этот общеобязательный блок содержит сведения о том, кем, где, когда, каким путем, с помощью каких средств, с какой целью совершены преступные действия и каковы их результаты и последствия. Например: *«15 февраля 2007г. около 20 часов в своем доме по адресу: Пермский р-н, ул. …д. …г. П-ов распивал спиртные напитки со своим другом К-вым. Около 23 часов, находясь в нетрезвом состоянии, на почве ссоры П-в нанес К-ву не менее 11 ударов ногой со значительной силой, отчего К-в вскоре скончался…».* Блок помогает восстановить в памяти присутствующих общую картину совершенного преступления, готовит к восприятию следующих частей текста.

Анализ и оценка собранных по делу доказательств. Оратор приводит в этой части текста данные протокола осмотра места происшествия, протокола осмотра вещественных доказательств, результаты экспертиз, данные, полученные в ходе опроса свидетелей, потерпевших, показания самого подсудимого. Вводится этот блок в текст различными способами: в частности, с помощью вопроса: *«Нашло ли обвинение, предъявленное Н., свое подтверждение в судебном заседании?»,* или побудительных конструкций типа: «*рассмотрим собранные по делу доказательства».*

Обоснование квалификации преступления. С помощью этого блока государственный обвинитель доказывает правильность юридической оценки вменяемых подсудимому действий. Например: «*Изложенные мной доказательства объективно свидетельствуют о вине М. и дают основания квалифицировать его действия по ст. … ч. …».*

Мнение государственного обвинителя о мере наказания – блок, который зачастую смыкается с предыдущим, образует с ним своеобразное «смысловое единство». Являясь обязательным в обвинительной речи, блок завершает собой логическую структуру рассуждения, выполняя в ней функцию вывода. В этом блоке указывается, как известно, вид, размер и срок наказания. Например: «*Учитывая все вышесказанное, прошу суд признать Г. виновным и назначить ему наказание в виде 4 лет лишения свободы с отбыванием …».*

Мнение государственного обвинителя о судьбе вещественных доказательств – блок факультативного характера. Встречается, например, в виде речевого шаблона «*собранные по делу доказательства прошу уничтожить».*

2. Блоки, выполняющие функцию установления и поддержания контакта с аудиторией (условное название – собственно коммуникативные)

Обращение. Этот блок используется с целью завладеть вниманием аудитории, продемонстрировать официальный, но в то же время полилогический характер общения. Например: *«Уважаемый суд, участники процесса и присутствующие граждане!»* В функции средства связности обращение выполняет роль «переходного мостика» от одного блока к другому. Например: *«Уважаемый суд! Помимо показаний потерпевшей и свидетелей имеется ряд других доказательств…»* В судебных речах используются прямые и косвенные обращения, в некоторых случаях обращения носят развернутый характер.

Социально-нравственная оценка преступления. Функция этого блока – указание на общественный резонанс, вызванный рассматриваемым делом. Блок может иметь развернутый характер и обязательно включает в свой состав оценочные компоненты: «*бесценна жизнь человека», «откровенное пренебрежение», «покусился на самое дорогое», «одна из самых строгих мер*» и т.д.

Задача (цель, программа). Блок обычно содержит прямое или косвенное перечисление задач, стоящих перед оратором. Например: *«Моя заключительная миссия как представителя государственного обвинения по настоящему делу состоит в том, чтобы дать общественную оценку преступлению, проанализировать имеющиеся в вашем распоряжении доказательства, высказать свои соображения о квалификации преступных действий…».* Иногда оратор ограничивается в этой части своей речи формулировкой цели выступления.

Концовка. Блок выполняет функцию подведения итогов сказанному в зале суда, поэтому достаточно часто включает в себя призывы, пожелания, этикетные формулы и т.п. Например: *«Я надеюсь, что вынесенный сегодня в зале суда приговор будет справедливым возмездием Г-ву и послужит уроком многим…».* Блок придает всему тексту логическую законченность и эмоциональную завершенность.

3. Блоки, выполняющие функцию передачи дополнительной информации по делу и косвенно способствующие формированию мнения присутствующих (условное название – блоки смешанного характера).

Типичность преступления. Функция этого блока – включение рассматриваемого уголовного дела в ряд подобных ему, а значит, формирование к нему соответствующего (отрицательного) отношения присутствующих. Например: «*Сегодня рассматривается уголовное дело по факту кражи медного провода с территории тяговой подстанции п. Л. Анализ преступности в районе по итогам II квартала 2006 г. показывает, что из 261 зарегистрированного преступления 161 преступление составляют кражи, в том числе цветных металлов…».* Блок состоит из двух структурных частей: 1) сообщаются общие сведения о преступлениях определенного рода 2) рассматриваемое дело вводится в ряд подобных правонарушений.

Причины и условия совершения преступления. Блок позволяет оратору в этой части выступления активно взаимодействовать с аудиторией, обратиться к аудитории с прямым утверждением: «*Я думаю, всем нам понятны причины совершения этого преступления!*». Иногда оратор открывает блок вопросом: «*Что же могло привести этих молодых людей на скамью подсудимых?*» Содержание этого блока носит ярко выраженный оценочный характер.

Характеристика личности подсудимого (потерпевших, свидетелей) строится с использованием данных об образе жизни, подсудимого, его поведении в семье и на работе, о личных качествах, чертах характера. В этой части выступления государственный обвинитель говорит о роли конкретного подсудимого в совершенном преступлении, проясняет мотивы его поведения. Часто характеристика личности подсудимого открывается прямым или косвенным вопросом: «Каковы данные, характеризующие этого человека? Что мы с вами знаем о нем?» Разумеется, при построении этой части выступления оратор не может обойтись без эмоционально-оценочных высказываний. В ряде случаев государственный обвинитель считает необходимым коснуться характеристики личности потерпевших и свидетелей, хотя такого рода блоки встречаются в обвинительных речах намного реже.

Отягчающие и смягчающие обстоятельства дела. Блок вводится в текст, как правило, с помощью прямой номинации: «*Позвольте обратить ваше внимание как на смягчающие, так и на отягчающие вину Г-ва … обстоятельства. Преступление совершено в состоянии алкогольного опьянения. Однако смягчающим ответственность обстоятельством является чистосердечное раскаяние в содеянном…*». Иногда оратор использует императивные конструкции: «*При назначении наказания А. прошу учесть отсутствие смягчающих вину обстоятельств*».

Приведенный в данной статье перечень блоков судебной речи, возможно, не является исчерпывающим. Однако наши наблюдения показывают, что в большинстве случаев текст современной обвинительной речи практически стопроцентно подразделяется на блоки. Это означает, что подход к анализу текста судебной речи с позиций лингвистики текста может дать хороший методический «ключ», позволяющий обучаемому использовать предлагаемый ему набор по собственному усмотрению, выстраивать композицию речи, сообразуясь с целью выступления и характером аудитории.

Особо отметим, что в современных защитительных речах состав коммуникативных блоков, которыми может воспользоваться судебный оратор, на первый взгляд, аналогичен приведенному выше. Однако в связи с тем, что процессуальная позиция защитника противоположна процессуальной позиции государственного обвинителя, некоторые блоки в текстах защитительных речей в значительной степени трансформируются, появляются новые.

Методика освоения композиции судебной речи в упрощенном виде может быть представлена следующим образом.

На первом этапе работы студенты знакомятся с теоретическим материалом, объяснение которого сопровождается анализом текста судебной речи. Особый этап работы составляет разбор типичных языковых средств, используемых оратором в границах отдельных блоков.

Параллельно проходит знакомство с речами судебных ораторов II половины XIX века. Оно убеждает студентов в том, что «блочная» структура судебной речи характерна для текстов и этого периода. Однако самостоятельный анализ композиционной структуры речей судебных ораторов прошлого показывает отличия в наборе блоков, используемых ораторами прошлого.

Затем студенты переходят к самостоятельному составлению текстов судебных речей по предложенной фабуле дела. Составление обязательно должно дополняться этапом литературной правки текста и завершаться выступлениями.

Заслушать речи можно на практическом занятии. Разумеется, необходимо проанализировать выступления с учетом требований, предъявляемых к композиции любого текста:

- вес, значимость аргументов должны нарастать к концу выступления,
- начало и конец выступления должны привлекать внимание слушателей, быть запоминающимися и т.д.

Кроме того, необходимо обращать внимание на невербальные компоненты выступления.

При работе со студентами заочной формы обучения можно предложить им проанализировать тексты, составленные другими студентами, для того чтобы составить представление о целесообразности использования того или иного варианта расположения блоков в тексте.

Библиографический список

Красовская О.В. О речевой коммуникации в судебной практике. – М.: Флинта: Наука, 2008.

Крижановская Е.М. Коммуникативно-прагматическая структура научного текста: дисс. канд. филол. наук. – Пермь, 2000.

Петров О.В. Основы судебного красноречия. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. – М., 1998.

Шуйская Ю.В. Аргументация в судебной риторике. – М.: Добросвет, 2008.

А.А. Скорофатова

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА КУРСАНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УКРАИНЫ

Для современной лингвистики понятие *языкового сознания* является ключевым. Осмысление сознания как способности отражать действительность в лингвистическом преломлении связано с традиционным вопросом «язык и мышление» и ориентировано на процесс «мышление на языке». По мнению А.А. Леонтьева, наряду с индивидуальными вариантами существуют инвариантные образы мира, понимаемые как совокупность «абстрактных моделей», описывающих общие черты в видении мира различными людьми. Такой инвариантный образ мира непосредственно соотнесен со значениями и другими социально выработанными опорами, а не с личностно-смысловыми образованиями как таковыми. С теоретической точки зрения таких инвариантных образов мира может быть сколько угодно – все зависит от социальной структуры социума, культурных и языковых различий в нем и т.д. В последнее время возникло даже понятие *профессионального образа мира*, формирование которого является одной из задач обучения специальности. Вообще процесс обучения может быть понят как «процесс формирования инвариантного образа мира, социально и когнитивно адекватного реальностям этого мира и способного служить ориентировочной основой для эффективной деятельности человека в нем» [Леонтьев, 1997, с. 273]. Таким образом, если придерживаться деятельностного подхода к общению, можно сказать, что наряду с традиционным для лингвистов изучением языка как орудия деятельности необходимо исследовать языковое сознание субъектов деятельности.

Специфика общения при взаимодействии людей разных профессий состоит 1) в специфике выбора речевых стереотипов, осуществляемого в соответствии со стратегиями действий, которые формируются в профессиональном сознании; 2) в специфике образов сознания, отображающих предметы конкретной корпоративной культуры [Харченко, 2000, с. 208].

Е.А. Климов подчеркивает важную роль языкового сознания (хотя не использует данный термин): «Чтобы ориентироваться в какой-то предметной области, то есть, чтобы заметить возникающие впечатления, переживания, да еще и не путать их друг с другом и сохранить в сознании, в опыте, надо располагать некоторыми специальными средствами. К числу средств такого рода относятся, прежде всего, слова-названия… Скажем, стекольщик смотрит на стекло и видит там "мадежи", столяр видит в древесине "крень", "метики", "отлупы", ткачиха в своем предмете труда – "близны" и многое другое и т.д. А для исследователя, исходящего из общеязыковых эталонов, этого всего может и не быть; в результате – идея переоценки невербальных составляющих сознания профессионала» [Климов, 1995, с. 26–27].

Таким образом, профессиональное *языковое сознание* – психолингвистическая модель, реконструирующая систему основных образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью профессионально ориентированных языковых средств [Алферова, 2007, с. 16]. Изучение структур языкового сознания людей определенной

профессиональной группы наиболее эффективно может быть осуществлено на примере исследования концептов, представляющих основные категории в сфере их профессиональной деятельности. Специфика языкового сознания будущих правоохранителей такова, что его центральной частью должно быть сознание правовое.

Правосознание – явление, требующее изучения в качестве особого объекта правовой теории, через которое теория права «выходит» на такие важные вопросы, как сущность права, его генезис, культурная специфика юридического регулирования в рамках той или иной цивилизации, деформации правового поведения, источники и причины преступности и иной социальной патологии и т.д. Правосознание наиболее полно и разносторонне отражает идеальную, духовную сущность права как элемента культуры, своеобразной архетипической инварианты жизненного уклада данного народа. Замечено, что в разных типах цивилизации, различных культурно-исторических сообществах существуют весьма неоднозначные представления о нормах поведения, о должном, о способах регулирования тех или иных ситуаций и т.д.

Выявление элементов правосознания в структуре языковой личности правоохранителя нам представляется возможным на основании реконструирования концептов, представляющих специфические правовые категории и понятия: *права и обязанности, закон и законность, суд, правосудие, преступление, наказание* и др. С этой целью был применен **метод ассоциативного эксперимента**. З. Фрейд и его последователи предполагали, что неконтролируемые ассоциации – это символическая или иногда даже прямая проекция внутреннего, часто неосознаваемого содержания сознания. Сэр Френсис Гальтон, английский учёный и двоюродный брат Чарльза Дарвина, первым попробовал провести ассоциативный эксперимент в 1879 году. Он выбрал 75 слов, написал каждое из них на отдельной карточке. Затем он брал карточки по одной и смотрел на них. Он записал эти мысли для каждого слова из списка, но отказался публиковать результаты. «Они обнажают, – писал Гальтон, – сущность человеческой мысли с удивительной отчетливостью».

Для массового эксперимента испытуемым (курсантам 3-го курса факультета подготовки следователей Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко) был роздан стимульный материал в виде анкет, содержащих список слов-стимулов: *закон, законность, суд, правосудие, преступление, преступник, наказание, право, обязанность, конституция, государственный язык*. В ходе эксперимента испытуемые в течение нескольких минут рядом с каждым словом-стимулом анкеты писали слово(фразу)-реакцию, которое первым пришло в голову испытуемого по прочтении слова-стимула. Результаты ассоциативного эксперимента отражают универсальные когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, и индивидуальные особенности испытуемых, содержание их личностных смыслов, т.е.

позволяют получать знание о специфике языкового сознания будущих правоохранителей.

Цель эксперимента заключается в выявлении когнитивных структур, связанных с профессионально маркированными языковыми знаками, их места и роли в языковом сознании будущих правоохранителей.

Нами была реконструирована модель концепта, репрезентированного лексемой ЗАКОН, были выявлены актуальные смыслы данного концепта для языкового сознания будущих правоохранителей. Ассоциативное поле ЗАКОН в профессиональном сознании представлено следующими основными компонентами: 1) лексемы, отображающие определяющие признаки правового общества: *правопорядок, справедливость, защита, нормативный акт, законодательство Украины, власть* (58,0%); 2) латинские и украинские речевые стереотипы: *dura lex sed lex; закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло.* Причем украинские речевые стереотипы выражают иронично-негативное отношение будущих правоохранителей к закону (17,0%); 3) лексемы, акцентирующие форму объекта без учета его содержания (ироничный эффект): *книги* ʻсшитые в один переплет листы бумаги, заполняемые документальными официальными учетными данными’ (8,0%); 4) лексемы, обозначающие тот или иной вид насилия: *давление* ʻпринуждение, насилие над чьей-н. волей, убеждениями’, *ограничение* (17,0%). Ядро ассоциативного поля ЗАКОН в профессиональном языковом сознании составляют лексемы, отображающие определяющие признаки правового общества.

Ассоциативное поле ЗАКОННОСТЬ в языковом сознании будущих правоохранителей формируется такими компонентами: 1) лексемы, отображающие определяющие признаки правового общества: *справедливость, порядок, соблюдение порядка, соблюдение закона, правопорядок*. Некоторые из них содержат номены, обозначающие тот или иной вид насилия: *правовой режим* ʻгосударственный строй (обычно об антинародном антидемократическом строе)’ (50,0%); 2) общенаучная лексика: *идеализм* ʻидеализация действительности’ (ироничный эффект), *принцип* ʻосновное исходное положение’ (17,0%); 3) оценочная лексика: *неопределенность* ʻнеопределенное положение’ (8,0%); 4) лексемы, обозначающие тот или иной вид насилия: *требование* ʻправило, условие, обязательное для выполнения’ (8,0%); 5) лексемы, обозначающие атрибуты правонарушений и преступлений: *обман* ʻложное представление о чем-н., заблуждение’, *деньги* (атрибут взяточничества) (17,0%). Ядро ассоциативного поля ЗАКОННОСТЬ также составляют лексемы, отображающие определяющие признаки правового общества.

Ассоциативное поле СУД представлено такими элементами: 1) лексемы, отображающие определяющие признаки правового общества: *интересы граждан, независимость, ответственность* ʻнеобходимость, обязанность отдавать кому-н. отчет в своих действиях, поступках’ (25,0%); 2) оценочная лексика: *дерзость* (*наглость*), *немощность, Бог на Земле* (с ироничным эффектом) (25,0%); 3) лексемы, обозначающие родовые понятия:

государственный орган, власть, ветвь власти (34,0%); 4) лексемы, обозначающие атрибуты правонарушений и преступлений: *продажность* (8,0%); 5) лексемы, отображающие суть, атрибуты, процессуальные действия и т.д. судебного процесса: *защита и наказание* (8,0%). Ядром ассоциативного поля СУД являются лексемы, обозначающие родовые понятия.

Ассоциативное поле ПРАВОСУДИЕ состоит из таких компонентов: 1) общенаучная лексика: *принцип* ‘основное, исходное положение’ (8,0%); 2) оценочная лексика: *нереальность* ‘несуществующий в действительности, воображаемый’; *казнить, нельзя помиловать* (в значении неопределенности) (17,0%); 3) лексемы, обозначающие атрибуты правонарушений и преступлений: *взяточничество, халатность, вымогательство* (25,0%); 4) лексемы, отображающие определяющие признаки правового общества: *справедливость, правопорядок, объективность и всесторонность* (33,0%); 5) лексемы, отображающие суть, атрибуты, процессуальные действия и т.д. судебного процесса: *трактовка законов, вывод* (17,0%). Ядро ассоциативного поля ПРАВОСУДИЕ составляют лексемы, отображающие определяющие признаки правового общества.

Ассоциативное поле ПРЕСТУПЛЕНИЕ формируется такими составляющими: 1) лексемы, обозначающие родовые понятия: *незаконное деяние, способ достижения цели, противоправное деяние, посягательство, явление государства, действие или бездействие* (58,0%); 2) лексемы, обозначающие видовые понятия: *правонарушение, ошибка, вред, убийство, халатность* (42,0%). Ядром ассоциативного поля ПРЕСТУПЛЕНИЕ являются лексемы, обозначающие родовые понятия.

Ассоциативное поле ПРЕСТУПНИК представлено такими элементами: 1) лексемы, обозначающие чувства, эмоции, состояние, связанные с общением с преступником: *опасность, угроза* (*обществу*) (17,0%); 2) оценочная лексика: *личность* (позитивная оценка, героизация); *выродок, сволочь, мерзавец, негодяй, враг общества* (негативная оценка) (50,0%); 3) лексика, отображающая содержание нормативно-правовых актов: *правонарушитель, нарушитель закона* (25,0%); 4) лексика, конкретизирующая личность преступника: *государственные деятели* (8,0%). Ядро ассоциативного поля ПРЕСТУПНИК составляет оценочная лексика негативной коннотации.

Ассоциативное поле НАКАЗАНИЕ в языковом сознании будущих правоохранителей формируется такими компонентами: 1) лексемы, обозначающие родовые понятия: *способ достижения справедливости* (8,0%); 2) лексемы, отображающие определяющие признаки правового общества: *действие закона, применение закона* (25,0%); 3) лексемы, отображающие суть, атрибуты, процессуальные действия и т.д. судебного процесса: *приговор, решение* (*суда, уполномоченных органов*) (25,0%); 4) лексемы, отображающие атрибуты исполнения наказания: *оружие, лишение прав* (17,0%); 5) оценочная лексика: *заслуга* (укр. *катюзі по заслузі*), *карма, следствие* ‘то, что следует, вытекает из чего-н., результат чего-н.,

вывод’ (25,0%). Ядро ассоциативного поля НАКАЗАНИЕ составляют лексемы, отображающие определяющие признаки правового общества, суть, атрибуты, процессуальные действия и т.д. судебного процесса, оценочная лексика.

Ассоциативное поле ПРАВА представлено такими компонентами: 1) оценочная лексика: *необходимость; права, как вода: сегодня есть – завтра нема; незыблемость* (33,0%); 2) лексемы, обозначающие тот или иной вид насилия: *ограничение* (8,0%); 3) лексемы, акцентирующие выгодность (результат) применения прав: *состоятельность, возможность, богатство, клад, имущество* (42,0%); 4) лексемы со значением действия, необходимого для существования прав: *защита, помощь* (17,0%). Ядром ассоциативного поля ПРАВА являются лексемы, акцентирующие выгодность (результат) применения прав.

Ассоциативное поле ОБЯЗАННОСТИ в языковом сознании будущих правоохранителей имеет такие составляющие: 1) лексемы, обозначающие тот или иной вид насилия: *зависимость, ноша, мера ограничения, тяжесть, принуждение* (67,0%); 2) лексемы, отображающие определяющие признаки правового общества: *соблюдение, полномочность, сохранность* (25,0%); 3) лексемы, акцентирующие коррелятивную парную лексему: *вспомогательные права* (8,0%). Ядро ассоциативного поля ОБЯЗАННОСТИ составляют лексемы, обозначающие тот или иной вид насилия.

Ассоциативное поле КОНСТИТУЦИЯ формируют такие компоненты: 1) лексемы, отображающие определяющие признаки правового общества: *независимость, главный закон* (17,0%); 2) лексемы, оттеняющие форму объекта без учета его содержания (ироничный эффект): *книга с листами, бумажка* (17,0%); 3) оценочная лексика: *хлам, книга жалоб и предложений, проституция* (негативная коннотация)*, ствол дерева* (метафора с позитивной коннотацией) (33,0%); 4) лексемы, обозначающие родовые понятия: *закон* (25,0%); 5) лексика, отображающая содержание нормативно-правовых актов: *гражданские права и обязанности* (8,0%). Ядром ассоциативного поля КОНСТИТУЦИЯ является оценочная лексика.

Ассоциативное поле ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК в языковом сознании будущих правоохранителей формируется такими компонентами: 1) лексемы, отображающие определяющие признаки правового общества: *реквизит независимого государства, единство, единый язык единого народа* (25,0%); 2) лексемы, акцентирующие аутентичность и идентичность языка: *родной язык; то, что отделяет нас от других; символ государства* (42,0%); 3) оценочная лексика: *негативность, брутальность, неопределенность, враг государства* (33,0%). Ядро ассоциативного поля ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК составляют лексемы, акцентирующие аутентичность и идентичность языка.

На основе проведенных ассоциативных экспериментов можно утверждать, что процент терминоориентированных языковых единиц в языковом сознании будущего правоохранителя (61,5%) указывает на недостаточную сформированность профессиональной личности в курсантах

3-го курса. Тем не менее, есть доказательства того, что в сознании будущего правоохранителя имеются профессионально маркированные когнитивные структуры. В ассоциативных полях, реконструированных на основе данных эксперимента, актуализируются связи правовых концептов с определяющими признаками правового общества (24,0%), обобщающими (родовыми) и конкретизирующими видовыми правовыми понятиями (11,0% и 3,8%), правоприменительной деятельностью (13,7%), аутентичностью государственного языка (3,8%), нормативно-правовыми актами (3,0%), общенаучной сферой (2,2%). Однако эмоционально-оценочные компоненты исследуемых концептов для профессионального языкового сознания курсантов также оказались актуальными (38,5%).

Высокий уровень стереотипности ассоциаций курсантов указывает на наличие стабильных компонентов в профессиональном языковом сознании, обусловленных содержанием изучаемых ими дисциплин. Для языкового сознания курсантов преимущественным является формирование предметно-понятийного компонента концепта [Алферова, 2007, с. 19], связанного с профессиональной деятельностью правоохранителя. Таким образом, ассоциативные поля, представляющие фрагменты языкового сознания будущего правоохранителя, формируются в соответствие с актуальностью компонентов концепта, определяемой характером правоохранительной деятельности.

Библиографический список

Алферова Ю.И. Профессионально маркированные компоненты языкового сознания будущего юриста и элементы правосознания в языковом сознании неюриста // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. труд. / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово-Барнаул, 2007.

Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. – М., 1995.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997.

Харченко Е.В. Языковое сознание профессионала как предмет психолингвистики // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000.

5.2. Учебные программы

С.Е. Кузьмина

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ:

рабочая программа курса для студентов, обучающихся по специальности «Филология», специализация – «Лингвокриминалистика»

Пояснительная записка

1. Цель курса «Языковая интерференция» – дать студентам представление об основных понятиях языковой интерференции, методах исследования явления интерференции, условиях и причинах его возникновения; сформировать умение выявлять и классифицировать разнообразные проявления языковой интерференции; показать возможные пути использования этих знаний и умений в лингвокриминалистической практике. Курс способствует расширению лингвистического и культурного кругозора студентов и позволяет улучшить качество речи студентов на иностранном языке.

2. Данный курс предназначен для студентов пятого курса филологического факультета и читается в 10 семестре. Программа рассчитана на 44 часа (лекции – 14 часов, семинарские занятия – 10 часов, самостоятельная работа – 20 часов); форма контроля – зачет.

3. Курс включает 7 тем. К программе курса прилагаются перечни примерных контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы по каждой теме, списки основной и дополнительной литературы.

Содержание курса

ТЕМА 1. Понятие языковой интерференции

История изучения языковой интерференции. Определение языковой интерференции. Существующие подходы к толкованию понятия интерференции. Объем понятия «языковая интерференция». Межъязыковая и внутриязыковая интерференция. Продуктивная и перцептивная интерференция. Направление интерференции. Сфера проявления интерференции.

ТЕМА 2. Методы изучения языковой интерференции

Методы изучения языковой интерференции. Методы, применяемые при сборе материала исследования: наблюдение, устные интервью, анализ письменных и устных источников, эксперимент, тестирование и др. Методы обработки и исследования материала: статистические методы, анализ типичных ошибок, сопоставительный анализ, психолингвистические и нейролингвистические методы и др.

ТЕМА 3. Условия и предпосылки возникновения языковой интерференции

Условия возникновения языковой интерференции. Понятие языкового контакта. Билингвизм. Разновидности языковых контактов и типы билингвизма. Понятие родного и иностранного языка. Лингвистические предпосылки для межъязыковой интерференции. Недодифференциация, сверхдифференциация и реинтерпретация типологических различий как формы проявления межъязыковой интерференции. Предпосылки для внутриязыковой интерференции.

ТЕМА 4. Причины языковой интерференции

Психологический механизм языковой интерференции. Интерференция как процесс переноса навыков. Интерференция навыков как результат наличия установки. Продуктивная и перцептивная интерференция и этапы процесса порождения и восприятия высказывания.

ТЕМА 5. Разновидности явлений собственно языковой интерференции

Проблема классификации явлений языковой интерференции. Графическая интерференция. Звуковая интерференция: фонетическая и фонологическая интерференция. Лексическая интерференция: собственно лексическая и лексико-семантическая интерференция. Фразеологическая интерференция. Грамматическая интерференция: морфологическая, синтаксическая, пунктуационная интерференция. Стилистическая интерференция.

ТЕМА 6. Разновидности явлений лингвокультурной интерференции

Явления лингвокультурной интерференции при восприятии и употреблении единиц разных языковых уровней. Интерференция, вызванная культурно-обусловленными различиями в значении, коннотациях, особенностях употребления языковых единиц разных уровней. Прагматическая лингвокультурная интерференция. Лингвокультурная интерференция в коммуникативном поведении билингвов. Интерференция в выборе темы общения, языковых средств оформления разных типов речевых актов, в выборе невербальных средств общения, использовании паралингвистических средств и т.п. Интерференция в сфере речевого этикета. Интерференция на уровне речевых стереотипов, стилей общения и др.

ТЕМА 7. Использование данных о языковой интерференции в лингвокриминалистической практике

Учет явления языковой интерференции в процессе коммуникации в юридической сфере. Применение данных о языковой интерференции в рамках лингвокриминалистической экспертизы речи. Использование знаний

о языковой интерференции в процессе идентификационной и диагностической экспертизы речи. Применение знаний о языковой интерференции в экспертизе конфликтогенных текстов.

Перечень примерных контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы

ТЕМА 1. Понятие языковой интерференции

1. Чем можно объяснить возросший интерес к проблеме языковой интерференции?
2. Расскажите о происхождении термина «интерференция».
3. Каковы основные подходы к определению понятия языковой интерференции? Прокомментируйте имеющиеся между ними различия.
4. Чем обусловливается противоречивость подходов к определению понятия языковой интерференции?
5. Какие виды интерференции выделяются при широком понимании этого явления?
6. Что служит материалом для исследования проблемы языковой интерференции? С чем это связано?
7. Подготовьте сообщение на тему «История изучения проблемы языковой интерференции в отечественном и зарубежном языкознании» (см. список литературы).

ТЕМА 2. Методы изучения языковой интерференции

1. Методы каких наук могут быть использованы для исследования явления языковой интерференции? Чем можно объяснить разнообразие применяемых методов и приемов?
2. Охарактеризуйте основные методы сбора материала для исследования явления интерференции.
3. С какой целью проводится анализ письменных и устных источников?
4. Для чего может быть использовано тестирование?
5. Каким способом можно получить материал, характеризующий спонтанное речевое поведение билингвов?
6. Назовите основные методы, используемые в процессе обработки и исследования материала, содержащего интерферентные явления.
7. Какова роль метода сопоставительного анализа в исследовании языковой интерференции и предотвращении ее актуализации в речи билингвов?
8. Какие методы преобладают в изучении психологического механизма интерференции?
9. Подготовьте сообщение о нейролингвистических методах исследования языка и, в частности проблемы билингвизма и интерференции (см. список литературы).

ТЕМА 3. Условия и предпосылки возникновения языковой интерференции

1. Что является необходимым условием проявления языковой интерференции?
2. Как традиционно определяются понятия «языковой контакт» и «билингвизм»?
3. Охарактеризуйте основные виды языковых контактов и назовите соответствующие типы билингвизма.
4. Что можно считать частным случаем языкового контакта?
5. Назовите основные виды типологических различий и предопределяемые ими формы проявления межъязыковой интерференции.
6. Чем объясняется неизбежность интерференции в речи билингвов, владеющих несколькими близкородственными языками?
7. Каковы лингвистические предпосылки для возникновения внутриязыковой интерференции?

ТЕМА 4. Причины языковой интерференции

1. Какой механизм лежит в основе процесса языковой интерференции?
2. Опишите суть психологического механизма межъязыковой интерференции.
3. Какова психологическая природа внутриязыковой интерференции?
4. Чем, по мнению ряда психологов, определяется процесс интерференции навыков?
5. На каких этапах процесса порождения и восприятия высказывания предположительно имеет место межъязыковая интерференция?
6. Чем объясняется сложность изучения психологического механизма языковой интерференции?
7. Подготовьте доклад на тему «Модели порождения и восприятия речи в отечественной и зарубежной психолингвистике» (см. список литературы).

ТЕМА 5. Разновидности явлений собственно языковой интерференции

1. По какому основанию проводится традиционная классификация явлений языковой интерференции?
2. Проиллюстрируйте примерами случаи проявления графической, звуковой, лексической, фразеологической, грамматической и стилистической интерференции. Охарактеризуйте приведенные интерферентные явления с точки зрения их принадлежности к результатам межъязыковой или внутриязыковой, продуктивной или перцептивной интерференции.

3. Подберите примеры интерферирующего воздействия иностранного языка на речь билингва на родном языке в области графики языка, лексики и фразеологии.

4. Как можно объяснить частотность проникновения иноязычных элементов в речь билингва на родном языке?

5. В чем выражается языковая интерференции в сфере узуальной нормы? Приведите примеры.

6. Подготовьте доклад на тему «"Ложные друзья переводчика" и проблема межъязыковой интерференции» (см. список литературы).

ТЕМА 6. Разновидности явлений лингвокультурной интерференции

1. Для каких наук явления лингвокультурной интерференции представляют интерес?

2. Каковы основные сферы реализации лингвокультурной интерференции?

3. Приведите примеры интерференции, вызванной культурно-обусловленными различиями в значении, коннотациях, особенностях употребления языковых единиц разных уровней. Классифицируйте описываемые интерферентные явления с точки зрения их принадлежности к результатам продуктивной или перцептивной лингвокультурной интерференции.

4. В чем выражаются наиболее типичные случаи лингвокультурной интерференции в коммуникативном поведении билингвов?

5. Подберите собственные примеры нарушений правил выбора темы общения, языковых средств оформления разных типов речевых актов, использования невербальных, паралингвистических средств, употребления речевых стереотипов, этикетных формул и др.

6. Чем можно объяснить сложность предотвращения коммуникативных ошибок?

7. Подготовьте доклад на тему «Речевой этикет в русской и английской лингвокультурах: проблемы интерференции» (см. список литературы).

ТЕМА 7. Использование данных о языковой интерференции в лингвокриминалистической практике

1. В каких областях лингвокриминалистической практики могут быть использованы данные о языковой интерференции?

2. Каким образом учет явления интерференции может способствовать эффективности коммуникации в юридической сфере?

3. Приведите примеры искажений изначального смысла текста автором, его неправильного понимания или непонимания адресатом, вызванных действием продуктивной или перцептивной языковой интерференции.

4. С какими целями могут быть использованы сведения о языковой интерференции в практике лингвокриминалистической экспертизы?

5. Чем может объясняться употребление автором текста единиц с негативной окраской?

6. Что такое лингвистический шок? Проиллюстрируйте данное понятие собственными примерами.

7. Охарактеризуйте проявления лингвокультурной интерференции в сфере коммуникативного поведения с точки зрения их потенциальных возможностей спровоцировать конфликт.

8. Проявления какого вида интерференции в речи билингвов – собственно языковой или лингвокультурной – чаще вызывают негативную реакцию носителей языка? Обоснуйте свой ответ.

9. Где еще, по вашему мнению, знания о языковой интерференции могут быть применены лингвокриминалистами?

Рекомендуемая литература (основная)

Алимов В.В. Интерференция в переводе: учеб. Пособие. – М.: КомКнига, 2005.

Будренюк Г. М., Григоревский В. М. Языковая интерференция и методы ее выявления. – Кишинев: Штиинца, 1978.

Кузьмина С.Е. Языковая интерференция: Учебное пособие. – Н.Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2008.

Рекомендуемая литература (дополнительная)

Акуленко В.В. О «ложных друзьях переводчика» // Акуленко В.В. и др. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика». – М.: «Сов. Энциклопедия», 1969. С.371-384.

Алейникова Н.В. Межкультурная коммуникация и национальные стереотипы мышления // Динамика педагогического образования: от института к университету. – Тула, 1998. С. 285−287.

Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально-ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): автореферат дисс. … докт. филол. наук. – М., 2005.

Алимов В.В. Специальный перевод и лингвистическая интерференция: Монография. – М., МОСУ, 2003.

Балиашвили Т. Интерференция как проблема двуязычия. – Тбилиси, 1988.

Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблема двуязычия и многоязычия. – М., 1972

Батырева Л.П. Обманутые ожидания. О нарушении языкового узуса в речи иностранцев. – Электронный ресурс: http://www.mapryal.org/vestnik/vestnik41/problems.shtml

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: Учебник для вузов. – М, 2001.

Белл Р. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. – М., 1980.

Белянин В.П. Введение в психолингвистику. – М.: ЧеРо, 1999.

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика. III: Пер. с англ., нем., фр. / общ. ред. В.Ю. Розенцвейга, В.А. Звегинцева, Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1999. С. 7–42.

Вайнрайх У. Языковые контакты. – Киев: Вища школа, 1979.

Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. – М.: Изд-во МГУ, 1969.

Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990.

Вященко В.С. Лексическая интерференция. – Л., 1980

Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. – М. – С. 54–68.

Городецкая Л.А. Культурно обусловленные ритуалы общения: обязательность соблюдения и возможность нарушения // Вестник Московского университета. – Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – №2. – С. 49–59.

Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. – 2-е изд., доп. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 2004.

Дешериева Ю.Ю. О внутриязыковой интерференции // Филологические науки. – 1976. – №4. – С. 101–104.

Дешериева Ю.Ю. Проблема лингвистической интерференции в современном языкознании // Теоретические проблемы социальной лингвистики. – М., 1981. – С. 240–254.

Дешериева Ю.Ю. Проблемы интерференции и языкового дефицита: дисс. … канд. филол. наук. – М., 1976.

Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия. – Киев: Вища школа, 1974.

Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. – Тверь, 1996.

Затовканюк М. Классификация явлений языковой интерференции (на материале лексики и грамматики) // Русский язык за рубежом. – 1973. – №2. – С. 74–77.

Интерференция звуковых систем: сб. ст. – Л., 1987.

Илиева Д.И. Взаимосвязь межъязыковой омонимии, паронимии, аналогии и др. с явлениями интерференции // Русский язык за рубежом. – С. 41–44.

Калинина Е.Н. Проблемы интерференции и языкового дефицита (на материале русской речи носителей английского языка): автореферат дисс. … канд. филол. наук. – М., 1976.

Каракотов М.Д., Каракотов З.М. Язык, мышление и культура как совокупность формирования билингвальной и поликультурной личности // Университетские чтения 2006 (Симпозиум 1. Сек. № 1–20. Актуальные проблемы языкознания и литературоведения). – Электронный ресурс: <pn.pglu.ru/index.php?module=subjects&func=printpage&pageid=1857&scope=page>

Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: автореф. дисс. … докт. филол. наук. – Киев, 1980.

Комиссаров В.Н. Переводческие аспекты межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. – Вып. 444. – М., 1999. – С. 68–75.

Кондакова М.Ф. Языковой контакт и смежные явления // Актуальные проблемы лингвистики. – Екатеринбург, 2002. – С. 57–59.

Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. – М.: ПЕРСЭ, 2002.

Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Кузнецова И.Н. Теория лексической интерференции: (на материале фр. яз.): автореф. дисс. ... докт. филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1998.

Кузьменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – М.: Изд. доп. ГУВШЭ, 2005.

Кулешова В.В. Межъязыковая интерференция и обучение языку // Лингводидактические исследования. М., 1987. С. 157-166.

Ладченко М.М. Просодическая интерференция в условиях искусственного билингвизма (экспериментально-фонетическое исследование): дисс. … канд. филол. наук. – Киев, 1987.

Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: монография. – М.: Изд-во РУДН, 2003.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969.

Леонтьев А.А., Рябова Т.В. Фазовая структура речевого акта и природа планов // Планы и модели будущего в речи (материалы и обсуждения). – Тбилиси, 1970.

Любимова Н.А. Фонетическая интерференция: учебное пособие. – Л.: ЛЖ ЛГУ, 1985.

Михайлов М.М. Двуязычие в современном мире: Учебное пособие. Чебоксары, 1988.

Михайлов М.М. Двуязычие и взаимовлияние языков // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., Наука, 1972. – С. 197–203.

Мучник А.И. Типовые явления речевого переноса // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. – М., 1972.

Невмержицкий И.С. Грамматическая интерференция в условиях искусственного билингвизма: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Киев, 1987.

Николаева Т.М. Металингвистический иконизм и социолингвистическая дистрибуция этикетных речевых стереотипов // Язык и культура. Факты и ценности. – М., 2001. – С. 225–234.

Петровский Д. «Русише шпрахе – наш фатерлянд!» // «Русская Германия» от 22.11.2006.

Пономарев С.Ю. О понятиях «билингвизм», «языковой контакт», «интерференция» и «письменная речь» в зарубежной и советской лингвистике // Редкол. журн.: Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та. Сер.: История. Языкознание. Литература. – СПб., 1992.

Попкова Е.А. Психолингвистические особенности языкового сознания билингвов (на материале русско-английского учебного билингвизма): дисс. … канд. филол. наук. – М., 2002.

Рабинович А.И. Типы звуковой интерференции // Русское и зарубежное языкознание. – Вып. 3. – Алма-Ата, 1970. – С. 224–228.

Рогозная Н.Н. К вопросу о графической интерференции при обучении русскому языку иностранцев // Вопросы филологии. – 2003. – № 1. – С. 89–97.

Рогозная Н.Н. Типология лингвистической интерференции в русской речи и речи иностранцев. – М., 1994.

Розенцвейг В.Ю. Проблемы языковой интерференции: автореф. дисс. … докт. филол. наук. – М., 1975.

Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. – Л., 1972.

Розова Л.Н. Об интерференции при изучении второго иностранного языка // Лингвистика и методика в высшей школе. – Вып. IV. – М.: 1ый МГПИИЯ, 1967. – С. 203–226.

Самуйлова Н.И. Фонетическая интерференция и обучение произношению // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. – М., 1972.

Сдобников В.В. Лингвоэтнический барьер в межкультурной коммуникации // Проблемы литературы, языка и перевода: сб. науч. тр. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. – С.254–260.

Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. – М.: Наука, 1968.

Сигуан М., Макки У.Ф. Образование и двуязычие. – М.: Педагогика, 1990.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: «Слово», 2000.

Уман Л.М. Проблема грамматической интерференции: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 1964.

Фомиченко Л.Г. Когнитивные основы просодической интерференции: автореф. дисс. … докт. филол. наук. – М., 1998.

Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. – Вып. VI. Языковые контакты. – М.: Прогресс, 1972. – С. 61–80.

Черемисин В.И. Лексико-семантическая интерференция при переводе. – М., 1992.

Черничкина Е.К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: дисс. докт. филол. наук. – Волгоград, 2007.

Шухард Г.К вопросу о языковом смешении // Избранные статьи по языкознанию. – М., 1950.

Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. I. – Л., 1958. – С. 40–53.

Этническая психология: учебное пособие. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2006.

Языковые контакты и интерференция: сб. статей. – Алма-Ата, 1984.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Clyne M.G. Some (German-English) Language Contact Phenomena at the Discourse Level // Studies for E. Haugen. – The Hague-Paris, 1972.

Haugen E. Language Contact // Reports for the Eighth International Congress of Linguists. – Oslo, 1957. – P. 253–261.

Jakobovits L. Second Language Learning and Transfer Theory: a Theoretical Assessment // Language Learning. – Vol. 19. – № ½, 1969.

Plaff Carol W. Cross Language Reference in Bilingual Discourse. Language Use and the Uses of Language. – Washington, 1980.

Rindler Schjerve R. Zum Phanomen der Interferenz im Prozess des Sprachwechsels: Ein Beitrag zur empirischen Sprachkontaktforschung // Gegenwartige Tendenzen der Kontaktlinguistik. – Bonn, 1983. – Bd. 1. – S. 81–91.

Weinreich U. Languages in Contact. – he Hague, Mouton&Co., 1963.

Т.Н. Синеокова

ЛИНГВИСТИКА ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ:

рабочая программа курса для студентов, обучающихся по специальности «Филология», специализация – «Лингвокриминалистика»

Пояснительная записка

1. Цель и задачи курса – ознакомить студентов с принципами, понятийно-терминологической системой и методологией лингвистики измененных состояний сознания; показать связь лингвистики измененных состояний сознания с разнообразными юридическими аспектами; обеспечить знание основных алгоритмов идентификации психофизиологического состояния человека по вербальным и невербальным компонентам деятельности; сформировать способность к оптимальному выбору языковых и неязыковых средств в соответствии с речевой ситуацией и целью коммуникации. Курс способствует углублению языковой компетенции студентов, а также улучшению навыков лингвистического и психолингвистического анализа текста.

2. Данный курс читается на пятом году обучения студентов-филологов (9-й семестр), поскольку в его основе лежит знание теоретического и практического материала, приобретаемого на предшествующих курсах, и определенный уровень восприятия. Программа рассчитана на 80 часов (лекции – 20 часов, семинарские занятия – 20 часов, самостоятельная работа – 40 часов); форма контроля – экзамен.

3. Курс состоит из 9 разделов. К программе курса прилагаются перечни примерных контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы, списки основной и дополнительной литературы.

Содержание курса

ТЕМА 1. Лингвистика измененных состояний сознания: теоретические и прикладные аспекты исследований

Предмет, задачи, методологическая основа лингвистики измененных состояний сознания (ЛИСС). Связь ЛИСС с другими науками антропологического плана. Социальные и биологические факторы, обусловливающее возникновение ИСС, и их роль в жизни современного общества. Связь общественного бытия, сознания и языкового мышления. Место ЛИСС в общетеоретических и прикладных лингвистических исследованиях. Специфика текстов, ориентированных на определенные слои сознания. Сферы практического применения ЛИСС. ЛИСС и юрислингвистика: основные аспекты взаимодействия.

ТЕМА 2. Психофизиологические и нейролингвистические аспекты изучения языка и мышления

Концепция двух сигнальных систем И.П. Павлова и проблема взаимосвязи языка и мышления. Уровни внутренней речи. Периферические системы обеспечения речи. Речевые зоны мозга, функциональная асимметрия мозга и мышление, развитие речи и специализация полушарий в онтогенезе. Механизмы восприятия речи. Организация речевого ответа. Электрофизиологические корреляты речевых процессов (нейронные корреляты восприятия слов, пространственная синхронизация биопотенциалов, вызванные потенциалы). Психофизиология мыслительной деятельности (нейронные корреляты мышления, нейронные коды, нейронные корреляты мыслительных операций); электроэнцефалографические корреляты мышления (ритмы ЭЭГ, пространственно-временная организация ЭЭГ). Психофизиологические аспекты принятия решения (понятие «принятие решения» в теории функциональных систем, корреляты и механизмы принятия решения). Психофизиологический подход к изучению интеллекта.

ТЕМА 3. Психофизиология измененных состояний сознания

Базовые типы ИСС. Нелингвистические методы диагностики ИСС. Аффект как форма проявления ИСС. Квалификация состояния аффекта в

практике судебно-психологических экспертиз: цели, задачи, методики диагностики. Типы аффективных состояний (ИСС), определяющих специфику протекания речемыслительных процессов и невербального поведения (состояние дистресса, эвстресса и поисковое состояние). Механизмы реализации аффективных состояний (торможение действий и движений, регресс деятельности, «охранительное торможение», «охранительное бегство», хаотическая модель поведения; ориентировочная реакция, превентивная адаптация («защитный колпак адаптации»); собственно реакция адаптации, активно-оборонительная реакция (агрессия), демонстративная модель поведения, контактообусловленная модель поведения.

ТЕМА 4. Паралингвистические корреляты измененных состояний сознания

Паралингвистические средства передачи информации о говорящем. Комплекс невербальных поведенческих характеристик как основа идентификации типа измененного состояния сознания (ИСС). Специфика мимики, позы, жеста, локомоций, голосовых характеристик, тактильного и визуального контакта, манипуляций с предметами при ИСС; прогностический потенциал классификации невербальных компонентов коммуникации (НКК) при идентификации типа ИСС. Психотехники профессионального использования НКК в работе правоохранительных органов (ведение допроса, переговоры с террористами/похитителями и др.). Психологический аспект невербального поведения человека, захваченного в качестве заложника.

ТЕМА 5. Языковая типология измененных состояний сознания

Лингвистические корреляты измененных функциональных состояний на фонологическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом, смысловом уровнях. Особенности восприятия речи при ИСС. Метод свободных ассоциаций как инструмент исследования вербальных характеристик при ИСС. Методика идентификации адаптивных способностей при ИСС.

ТЕМА 6. Базовые синтаксические деформации при измененных состояниях сознания

Синтагматические и парадигматические отношения между элементами языка. Принципы классифицирования структурных форм речи при ИСС. Экспликация и импликация как универсальные количественные характеристики синтаксических трансформаций. Алгоритм идентификации базовых модификаций аффективного синтаксиса.

ТЕМА 7. Первичные структурные признаки как основа идентификации типов измененного состояния сознания

Классификация первичных структурно-семантических признаков аффективной речи: дифференциация базовых модификаций. Алгоритмы идентификации типов ИСС по доминантным признакам и комбинациям признаков.

ТЕМА 8. Статистические характеристики речи как основа идентификации типа измененного состояния сознания

Уникальные сочетания первичных признаков и уникальные структурные группы высказываний. Информативность параметров разнообразия, частотности и сложности структур, реализуемых в состоянии стресса, эвстресса и поисковом состоянии.

ТЕМА 9. Аффективные средства языка как инструмент идентификации и прогнозирования глубинных параметров текста

Фильтрующая роль ИСС при дифференциации факторов социального и биологического характера (пол, возраст, социальный статус, ситуация общения, индивидуальные особенности личности и др.). Манипулятивные и суггестивные аспекты анализа текста (этапы процесса убеждения; роль полушарий головного мозга в восприятии суггестивных текстов; языковые уровни суггестивно-лингвистического анализа).

Перечень примерных контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы

ТЕМА 1. Лингвистика измененных состояний сознания: теоретические и прикладные аспекты исследований

1. Что изучает лингвистика измененных состояний сознания?
2. Перечислите причины, вызывающие непроизвольное изменение обыденного состояния сознания.
3. Чем можно объяснить растущий интерес к результатам, полученным в рамках лингвистики измененных состояний сознания?
4. Каков вклад лингвистики измененных состояний сознания в решение общетеоретических и прикладных лингвистических проблем?
5. Перечислите практические потребности, стимулирующие изучение вербальных и невербальных характеристик при измененных состояниях сознания.
6. Объясните принцип организации и функциональные возможности послойных текстов.
7. Какие задачи лежат на стыке лингвистики измененных состояний сознания и правоведения?
8. Где и с какой целью могут использоваться суггестивные и манипулятивные языковые средства?
9. Подготовьте доклад о технологии изменения сознания в деструктивных культурах (см. список рекомендуемой литературы).

10. Подготовьте доклад о коммуникативных стратегиях в адвокатской практике (см. список рекомендуемой литературы).

ТЕМА 2. Психофизиологические и нейролингвистические аспекты изучения языка и мышления

1. Что дает теория двух сигнальных систем И.П. Павлова для понимания соотношения языка и мышления?
2. Охарактеризуйте речевые зоны мозга и их функции.
3. Ранжируйте речевые зоны мозга по важности для человека. Объясните, почему это так.
4. Охарактеризуйте вклад А.Р. Лурии в изучение механизмов мозга.
5. Объясните разницу между моторной и сенсорной афазией.
6. Что такое функциональная асимметрия полушарий головного мозга?
7. Охарактеризуйте функции левого полушария.
8. Дайте характеристику функциям правого полушария.
9. Каким образом осуществляется обработка информации в полушариях головного мозга?
10. Сопоставьте особенности функционирования левого и правого полушарий при выполнении схожих задач. Составьте таблицу. Используйте дополнительный материал (см. список рекомендуемой литературы).
11. Каковы механизмы восприятия речи?
12. Расскажите о механизмах организации речевого ответа.
13. Опишите основные электрофизиологические корреляты речевых процессов.
14. Расскажите о психофизиологических основах и электроэнцефалографических коррелятах мыслительной деятельности.
15. Опишите психофизиологические механизмы принятия решения.
16. Расскажите о видах интеллекта и методиках его тестирования.

ТЕМА 3. Психофизиология измененных состояний сознания

1. Перечислите базовые типы ИСС. Найдите дополнительный материал о таких ИСС, как сон, кома, состояние сознания при гипнозе и др. (см. список рекомендуемой литературы).
2. Какие параметры ИСС можно измерить с помощью специальной аппаратуры?
3. Подготовьте доклад о диагностических метода регистрации и анализа ИСС с помощью специальной аппаратуры (см. список рекомендуемой литературы).
4. Какие сведения могут служить источником информации о внешне наблюдаемых особенностях поведения человека?
5. Чем отличается аффективное состояние от других проявлений эмоциональной сферы?
6. Какова специфика патологического и физиологического аффекта?

7. Какие задачи стоят перед экспертом в ходе СПЭ физиологического аффекта? Каковы особенности экспертного заключения?

8. Расскажите о методике реконструкции состояния подэкспертного. Чем она отличается от клинической беседы с подэкспертным?

9. Какие типы аффективных состояний оказывают воздействие на речемыслительные процессы? Какова специфика этого воздействия?

10. Какие психофизиологические механизмы регулируют жизнедеятельность человека: а) в диссоциативном состоянии; б) в поисковом состоянии, в) в состоянии эвстресса?

11. Подготовьте доклад о предмете и задачах судебной патопсихологии (см. список рекомендуемой литературы).

ТЕМА 4. Паралингвистические корреляты измененных состояний сознания

1. Какие параметры ИСС можно измерить с помощью специальной аппаратуры?

2. Какие голосовые характеристики связаны с психофизиологическим состоянием человека, а не с деятельностью сознания, выражаемой системой языковых средств?

3. Расскажите о характере влияния основных механизмов реализации аффективных состояний (см. тему 3) на специфику мимики, позы, жеста, локомоций, голосовых характеристик, тактильного и визуального контакта, манипуляций с предметами.

4. Проиллюстрируйте примерами из художественной литературы особенности невербального поведения человека в разных типах ИСС. Объясните механизмы реализации специфических невербальных компонентов коммуникации. Обратите внимание на особенности комбинаторики рассматриваемых кинем. Сделайте выводы о возможности использования художественных произведений как источника для изучения особенностей реализации невербальных компонентов коммуникации при ИСС.

5. Подготовьте доклад по статье А.Р. Лурии «Проблема дезорганизации поведения».

6. Подготовьте доклад о тактике использования невербальных средств коммуникации сотрудниками ОВД в конфликтных ситуациях (см. в списке рекомендуемой литературы: Доспулов Г.Г., Мажитов Ш.М.; Олейник А.Н. и др.).

7. Ознакомьтесь с разработанными ФБР правилами установления физического контакта с террористами. Какие правила и каким образом связаны с невербальным поведением переговорщиков?

1) Прежде договоритесь, что вам не причинят вреда.

2) Не говорите с ним, если он держит вас на мушке, настаивайте, чтобы он опустил пистолет.

3) Лицом к лицу можно говорить тогда, когда время прошло, установлен контакт и достигнуто доверие.

4) Никогда не ведите беседы лицом к лицу больше чем с одним террористом.

5) Поддерживайте прямой контакт глазами.

6) Всегда имейте план по спасению.

7) Никогда не поворачивайтесь спиной.

8) Следите за пространством, от степени вашего приближения к собеседнику зависит уровень психологического давления.

8. Расскажите об использовании невербальных компонентов коммуникации в юридической практике (см. в списке рекомендуемой литературы: «Прикладная юридическая психология»).

9. Какие элементы невербального поведения являются составной частью нейролингвистического программирования (см. в списке рекомендуемой литературы: О'Коннор Дж., Сеймор Дж.)?

10. Расскажите об использовании невербальных компонентов в технологии изменения сознания в деструктивных культах (см. в списке рекомендуемой литературы: Лири Т., Стюарт М.).

11. Сделайте доклад о невербальном аспекте поведения человека, захваченного в качестве заложника (см. в списке рекомендуемой литературы: Криворучко С.И.).

ТЕМА 5. Языковая типология измененных состояний сознания

1. Расскажите о лингвистических коррелятах измененных состояний сознания на фонологическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом, смысловом уровнях.

2. Каковы особенности восприятия речи при ИСС?

3. Подготовьте доклад на тему «Методика диагностики психологических характеристик личности и прогнозирования поведения человека в экстремальных ситуациях» (см. в списке рекомендуемой литературы: Леонгард К.).

4. Подготовьте доклад на тему «Метод свободных ассоциаций как инструмент исследования вербальных характеристик при ИСС» (см. в списке рекомендуемой литературы: Сухих С.А.).

ТЕМА 6. Базовые синтаксические деформации при измененных состояниях сознания

1. Почему в основе классификации структурных форм аффективной речи лежит парадигматический, а не синтагматический подход?

2. Дайте собственно лингвистическое и психологическое объяснение причин, лежащих в основе экспликационной и импликационной тенденций реализации значения.

3. Проанализируйте таблицу 1 в учебном пособии Т.Н. Синеоковой «Лингвистика измененных состояний сознания».

4. Воспроизведите примеры наиболее сложных случаев дифференциации экспликативных и импликативных трансформаций. Составьте или найдите в художественных произведениях аналогичные высказывания.

5. Перечислите признаки ядерного предложения. Расскажите о модификациях, реализующихся в результате деформации данных признаков.

6. Соотнесите модификации ядерного предложения с типами трансформаций (экспликационных и импликационных). Прокомментируйте таблицу 3 (см. там же).

7. Сопоставьте таблицы 1 и 4, сделайте выводы (см. там же).

8. Пошагово воспроизведите алгоритм идентификации трансформаций и модификаций ядерного предложения.

9. Найдите в художественной литературе 5 высказываний персонажей, находящихся в ИСС. Используйте алгоритм для идентификации содержащихся в примерах модификаций. Запишите каждое высказывание, используя кодовые обозначения признаков.

ТЕМА 7. Первичные структурные признаки как основа идентификации типов измененного состояния сознания

1. Расскажите о первичных структурно-семантических признаках модификации «Повтор». Приведите собственные примеры.

2. Расскажите о первичных структурно-семантических признаках модификации «Материально избыточные элементы». Приведите собственные примеры.

3. Расскажите о первичных структурно-семантических признаках модификации «Разрывы потенциального синтаксического целого». Приведите собственные примеры.

4. Расскажите о первичных структурно-семантических признаках модификации «Расшифровка». Приведите собственные примеры.

5. Расскажите о первичных структурно-семантических признаках модификации «Инверсия». Приведите собственные примеры.

6. Расскажите о первичных структурно-семантических признаках модификации «Транспозиция». Приведите собственные примеры.

7. Расскажите о первичных структурно-семантических признаках модификации «Эллипсис». Приведите собственные примеры.

8. Расскажите о первичных структурно-семантических признаках модификации «Изолированные элементы». Приведите собственные примеры.

9. Идентифицируйте тип ИСС персонажей художественного произведения, используя алгоритм, основанный на доминантных структурно-семантических признаках. Сравните полученные результаты с результатами, полученными при прогнозировании состояния по авторским ремаркам.

10. Идентифицируйте тип ИСС персонажей художественного произведения, используя интегральный алгоритм, базирующийся на доминантных признаках и комбинациях признаков. Сравните полученные результаты с результатами, полученными при прогнозировании состояния по авторским ремаркам.

ТЕМА 8. Статистические характеристики речи как основа идентификации типа измененного состояния сознания

1. Дайте определения понятий «уникальные сочетания первичных признаков» и «уникальные структурные группы высказываний».
2. Расскажите о разнообразии и частотности употребления структурных форм как дифференциальном признаке ИСС.
3. Расскажите о сложности и частотности употребления структурных форм как дифференциальном признаке ИСС.
4. Постройте гипотезу о прогностической информативности параметра «разнообразие и сложность структур», основываясь на полученных знаниях о механизмах речеобразования в различных типах ИСС.
5. Докажите целесообразность включения представлений о разнообразии, сложности и частотности реализации уникальных структур в алгоритм прогнозирования ИСС.

ТЕМА 9. Аффективные средства языка как инструмент идентификации и прогнозирования глубинных параметров текста

1. В силу каких причин ИСС можно считать состоянием, в значительной степени нивелирующим воздействие социокультурных факторов?
2. Расскажите о доминантных структурных признаках в мужской и женской речи.
3. Дайте характеристику этапов процесса убеждения.
4. Какие функции выполняют правое и левое полушария при суггестивном воздействии?
5. Охарактеризуйте следующие уровни суггестивно-лингвистического анализа:
   - фонологический,
   - просодический,
   - лексико-стилистический,
   - лексико-грамматический,
   - морфо-синтаксический.
6. Подготовьте доклад на тему «Концепция возникновения суггестии в трудах Б.Ф. Поршнева» (см. сайты: <http://www.porshnev.ru>; <http://psylib.kiev.ua/books/porsh01/index.htm>).

7. Подготовьте доклад о мифологической ориентированности суггестивных текстов (см. в списке рекомендуемой литературы: Надирашвили Ш.А., Почепцов Г.Г. и др.).

8. Подготовьте доклад на тему «Модель коммуникации с точки зрения паблик рилейшнз, рекламы и пропаганды» (см. в списке рекомендуемой литературы: Почепцов Г.Г. и др.).

9. Подготовьте доклад на тему «Теория переговоров» (см. в списке рекомендуемой литературы: Почепцов Г.Г. и др.).

Рекомендуемая литература (основная)

Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи: Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. – Ярославль, 1990.

Синеокова Т.Н. Лингвистика измененных состояний сознания: учебное пособие. – Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.А. Добролюбова, 2008.

Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. – СПб.: Ювента, 2000.

Рекомендуемая литература (дополнительная)

Аврамцев В.В. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе (лекция). – Н. Новгород, 2002.

Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. – Нижний Новгород, 2003.

Александров А.С. Характеристика вопросов, употребляемых в ходе судебного допроса // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2004. – С. 169–180.

Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. – Л., 1985.

Алексеева Л.В. Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1996.

Андреева Е.С. Судебно-психиатрическая оценка аффективных состояний с учетом ст. 22 УК РФ // Практика судебно-психиатрической экспертизы: сб. № 38. – М., 2000. – С. 160–168.

Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. – М.: Изд-во Моск. ун-та. 1989.

Баркалова О., Сидорова Л. Судебная речь в социолингвистических и психолингвистических исследованиях // Структуры языкового сознания. – М., 1990. – С.235–243.

Безруков В.А. Средства номинации измененных состояний сознания в драматургических ремарках (на материале английского языка): диск. … канд. филой. наук. – Н. Новгород, 2007.

Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. – М., 1988.

Бехтерева Н.П., Голицин Ю.Л., Кропотов Ю.Д., Медведев С.В. Нейрофизиологические механизмы мышления. – Л., 1985.

Бурлаков Ю.А. Механизмы речи и мышления. – М., 1995.

Васильев В.Л. Юридическая психология. – СПб.: Питер, 1997.

Васильева О.И. Взаимосвязь агрессивного побуждения и отношения к телевизионной рекламе. – М., 2001.

Васильева Н.В., Горьковая И.Г. Судебная экспертиза и ее клинико-психологические основания: практич. руководство. – СПб, 1997.

Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. – СПб., 2000.

Волков А.А. Риторика для юристов (Теория аргументации) – М., 1996.

Вялова М.М. Диагностическое и прогностическое значение экстралингвистических параметров речи в клинике психогенных депрессий: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. – Томск, 1996.

Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения: монография. – М.: Стэнси, 2003.

Ганина В.В. Невербальные компоненты коммуникации, отражающие эмоциональные реакции человека: гендерный аспект (на материале англоязычных художественных текстов): автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Иваново, 2005.

Гельгорн Э., Луфборроу Дж. Эмоции и эмоциональные расстройства. Нейрофизиологические исследования. – М., 1966.

Гольдинер В.Д. Защитительная речь. – М., 1970.

Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М., 2003.

Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения: (Психолингвистический анализ): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1996.

Грэхэм Л., Коген И. С., Шмавониан В. М. Некоторые методологические приемы исследования психофизиологических коррелятов поведения // Эмоциональный стресс. – Л.: Медицина, 1970. – С. 209–224.

Датий А.В. Судебная медицина и психиатрия: учеб. пособие. – М.: Изд-во РИОР, 2005.

Дремов С.В., Семин И.Р. Измененные состояния сознания: психологическая и философская проблема в психиатрии. – Новосибирск: СО РАН, 2001. – Электронный ресурс: http://hpsy.ru/public/public/x304.htm>

Доспулов Г.Г., Мажитов Ш. М. Психология показаний свидетелей и потерпевших. – Алма-Ата, 1975.

Ермолаев А.К. Моделирование личности по тексту: обобщение опыта оперативно-розыскной работы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999.

Жариков Н.М., Морозов Г.В., Христинин Д.Ф. Судебная психиатрия. – М.: НОРМА ИНФА, 1999.

Ивакина Н.Н Культура судебной речи: учеб. пособие. – М., 1995.

Илюхин В.А. Нейрофизиология функциональных состояний человека. – Л.: Наука, 1986.

Калашник Я.М. Патологический аффект // Психология эмоции. Тексты. – М.: Изд. МГУ, 1993. – С. 232–240.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2000.

Катышев П.А. Ортология судебной речи // Русистика сегодня. – Томск, 2001.

Конева Е.В., Орел В.Е. Судебно-психологическая экспертиза. – Ярославль, 1998.

Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. – М., 1980. – Гл. 6. Судебно-психологическая экспертиза аффекта.

Креславская Г.А. Восприятие и представление эмоционально окрашенной речи в норме и при депрессивных состояниях: дисс. ... канд. псих. наук. – Л., 1968.

Криворучко С.И. Психологический аспект поведения человека, захваченного в качестве заложника. – Электронный ресурс: <http://www.bumerang.nnov.ru/ articles/psychology/behaviourofthehostage/>

Лазарева В.А. Теория судебной речи: учеб. пособие. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2001.

Ларин А. М. Нетрадиционные методы раскрытия преступлений // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 60–66.

Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. – М., 1989.

Лебедева М. М. Классификация тактических приемов, используемых при ведении переговоров. – М.: МГИМО. Центр международных исследований, 1990.

Леонгард К. Человеческая индивидуальность и акцентуированные личности. – Электронный ресурс: <http://www.terpsy.ru/page/491.shtml>

Леонтьев А.А. Психология общения. М., 1997.

Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. – М., 1977.

Лири Т., Стюарт М. и др. Технологии изменения сознания в деструктивных культах. – СПб: «Экслибрис», 2002.

Лисенкова О.А. Синтаксическая транспозиция в мужской и женской аффективной речи (на материале английского языка): дисс. … канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2007.

Лоренц К.Л Агрессия. – М: «Прогресс», 1994. – Электронный ресурс: <http://seismic.geol. msu.ru/travels/>

Лурия А.Р. Диагностика следов аффекта // Психология эмоций: тексты. – М., 1984. – С. 228–234.

Лурия А.Р. Исследование объективных симптомов аффективных реакций // Мир психологии. – 2003. – № 2. – С. 176–214.

Майданова Л.М., Амиров В.М., Федотовских Т.Г. Агитационные тексты // Речевая агрессия и гуманизация общения. – Екатеринбург, 1997.

Мартыненко Н.Г. Речевое манипулирование в политическом дискурсе // Вестник Якутского государственного университета. Филология. Журналистика. – Якутск, 2001. – № 1.

Матвиенко Е.М. Судебная речь. – Минск: Вышейшая школа, 1967.

Медведев В.И. Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов. – М.: Наука, 1982.

Михайловская Н.Г., Одинцов В.В. Искусство судебного оратора. – М.: Юридическая литература, 1981.

Надирашвили Ш.А. Психология пропаганды. – Тбилиси: Мецниерба, 1978.

Наенко Н.И., Овчинникова О.В. О различии состояний психической напряженности // Психологические исследования / ред. Леонтьев А.Н. – М.: МГУ, 1970. – Вып. 2. – С. 40–46.

Недашковская С.И. Оценочное воздействие в судебной речи // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2004. – С. 156–164.

Непряхина Т.В. Юридическая риторика. – М., 2000.

Носенко Э.Л. Эмоциональное состояние и речь. – Киев: Вища школа, 1981.

Носков Б.А. Психотехника общения. – Нижний Новгород, 1997.

О'Коннор Дж., Сеймор Дж. Введение в нейролингвистическое программирование. Новейшая психология личного мастерства. – Электронный ресурс: <www.psycho.all.ru>

Олейник А.Н. Основы конфликтологии. Психологические средства деятельности сотрудников органов внутренних дел в ситуации конфликтов. – М., 1992.

Ольшанникова А.Е., Семенов В.В. Смирнов Л.М. Оценка методик, диагностирующих эмоциональность. Опыт использования статистических закономерностей распределения показателей // Вопросы психологии. – 1976. – № 5. – С. 103–113.

Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: практическое руководство. – М., Изд. Института психотерапии, 2001.

Панченко Н.Н. Симуляция эмоций и ее декодирование // Эмотивный код языка и его реализация: колл. монография / ВПГУ. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 71–76.

Печерникова Т.П. Судебно-психиатрическая экспертиза лиц, совершивших правонарушения в состоянии аффекта // Современное уголовное законодательство и судебная психиатрия: пособие для врачей. – М., 1998. – С. 71–81.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002.

Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М., 2001.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – Электронный ресурс: <http://lib.socio.msu.ru/l/library>

Прикладная юридическая психология / под ред. А.М.Столяренко. – М., 2000.

Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь, 1998.

Россохин А.В., Измагурова В.Л. Личность в измененных состояниях сознания. – М.: Смысл, 2004.

Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза обвиняемых в криминально-агрессивных действиях: дисс. ... докт. псих. наук. – М., 2001.

Свидерская Н.Е. В поисках нейрофизиологических признаков измененных состояний сознания // Журн. высш. нерв. деят. – 2002. – Т. 52. – С. 513–530.

Сергеич П. Искусство речи на суде. – 3-е изд. – Тула: «Автограф», 2000.

Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. – М., 2000.

Солошенко А.Д. Некоторые психолингвистические аспекты процесса рекламного взаимодействия. – Львов, 2002.

Сорокотягин И.Н. Юридическая психология. – Свердловск,1986.

Столяренко А.М. Прикладная юридическая психология. – Электронный ресурс: <http://kazref.narod.ru/lib/legal_psychology>

Сухих С.А. Языковая репрезентация измененных состояний сознания // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. – С. 78–93.

Тарт Ч. Измененные состояния сознания. – М.: Эксмо, 2003.

Черепанова И.Ю. Заговор народа. – Электронный ресурс: <http://www.library.cjes.ru/online/>

Якобсон Р. Язык и бессознательное. (Работы разных лет). – М., 1996.

И.В. Чернов

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ:

Программа учебной дисциплины

Организационно-методический раздел

1. Цель курса. Дать магистрантам развернутое представление о роли и значении языка как социокультурного феномена, коммуникативного средства во внутриполитическом и внешнеполитическом пространстве, о его функции регулятора политических процессов. Продемонстрировать присутствие языкового аспекта во всех сторонах политической жизни как национально-государственной, так и международной.

2. Задачи курса. Предполагается, что магистранты освоят необходимую для их профессиональной деятельности информацию, которая поможет сформулировать у них развернутое представление о лингвистических процессах, вовлеченных в развитие международных отношений.

3. Место курса в профессиональной подготовке выпускника. Магистерская программа, дисциплина по направлению.

4. Требования к уровню освоения содержания курса. Студентам необходимо иметь базовые знания по теории международных отношений и политической философии, а также английскому языку.

Форма текущего, промежуточного и итогового контроля

Текущий контроль за успеваемостью осуществляется по участию в каждом семинаре (за исключением первого).

Промежуточный контроль – написание контрольных работ и тестов.

Итоговый контроль за первый семестр осуществляется в устной форме на русском языке (зачет). При выставлении зачета учитывается посещаемость семинаров и работа на них, а также чтение обязательной литературы.

Итоговый контроль за второй семестр:

1) письменный экзамен (80% оценки).
2) один балл (20%) выставляется по итогам работы на семинарах (доклады).

Содержание курса

1. Разделы курса

Часть I. Язык и человек, язык и общество, язык и политика: междисциплинарный подход.

Часть II. Лингвистическое измерение мировой политики: лингвистическая политика государств.

Часть III. Лингвистическое измерение мировой политики: международные организации.

Часть IV. Языковое проявление конфликтов в современном мире.

2. Темы и краткое содержание

Часть I. Язык и человек, язык и общество, язык и политика: междисциплинарный подход

Тема I. Вводное занятие: общее представление о курсе

Роль языка в историческом развитии. Лингвистическое измерение мировой политики. Развитие лингвистики. Универсальные, коммуникативные и искусственные языковые системы. Языки наций и этнических групп. Нормативные языки. Местные диалекты и варианты языка. Заимствования. Ассимиляция заимствований. Международная лексика. Языковые конфликты. Языковой фактор в современных международных отношениях: «языковая» модификация концепции С. Хантингтона.

Тема 2. Философия и язык

Философский подход к изучению роли языка. Философские проблемы современного языкознания. Логический позитивизм. Л. Витгенштейн о языке. М. Хайдеггер о языке. «Философия имени» С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева. Семиотика (Ч.У. Моррис, Р. Якобсон, Р. Барт). Лингвистический детерминизм: В. Гумбольдт, Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б. Уорф. Универсалистский подход: Н. Хомски.

Тема 3. Язык и общество. Социолингвистика

Язык и общество. Возникновение социолингвистики. Современность и развитие. Роль языка в общественном устройстве. Новые подходы к проблеме этнических меньшинств и их языков. Двуязычие (диглоссия). Языковая политика. Национальный характер и язык.

Тема 4. Язык и политика. Международная политическая коммуникация. Политические речи. Анализ речи

Язык как инструмент социальной власти. Народ, нация и культура в политической философии. Раса и этнос. Политическая институциализация этнических групп. Культурная идентичность. Язык. Национальность. Нация как гражданский и этнический феномен. Теории и проблемы. Язык и власть. Язык политики (политическая лингвистика). Средства массовой информации как политический фактор. Международная политическая коммуникация и проблемы перевода. Политическая риторика. Лингвистический и политический анализ речей политических деятелей.

Тема 5. Язык и мировая политика: лингвистический подход

Определение термина мировая политика: различные подходы. Влияние лингвистического фактора на современную мировую политику: общая характеристика. Роль лингвистики в изучении современной мировой политики.

Тема 6. Обзор основных языковых семей и основных языков

Языковая карта современного мира. Языковые семьи. Индоевропейские языки. Другие европейские и азиатские языки. Африканские языки. Афро-азиатские языки. Американские языки. Австранезийские языки. Изолированные языки. Происхождение и развитие языков. Письменные и бесписьменные языки. Региональные системы. Паннационализм.

Тема 7. Коммуникативные ранги языков

Факторы, определяющие коммуникативный ранг языка. Мировые языки. Международные языки. Государственные языки. Региональные языки. Местные языки. Роль в коммуникации и столкновение языков. Искусственные языки. Английский язык как язык международного общения.

Тема 8. История и язык. Эколингвистика

Роль языка в истории этноса. История языка как отражение исторического развития народа. Факторы, способствующие распространению языка. «Смерть» языка. Этноязыковые сообщества и этапные моменты культурного развития. Эколингвистика. Концепции Э.Хаугена и Ж.-Л. Кальве. Языковая экология и языковое многообразие. «Гравитационная модель» языков мира. Центральные, суперцентральные и гиперцентральные языки**.**

Тема 9. Мультикультурализм и мультилингвизм

Мультикультурализм и мультилингвизм. Гражданство, иммиграция и коренные народы. Образование и меньшинства. Изучение второго языка. Государственное гражданство. Политические объединения и иммигранты. Коренные народы. Права, связанные с культурой. Ассимиляция, интеграция, плюрализм и культурная автономия. Задачи детского образования для меньшинств и титульных наций. Культурные и социально-политические аспекты проблемы обучения второму языку.

Часть II. Лингвистическое измерение мировой политики: лингвистическая политика государств

Тема 10. Язык и мировая политика: политический подход Национализм и язык Язык как политический фактор интеграции и дезинтеграции

Национализм и язык. Язык как политический фактор интеграции и дезинтеграции. Язык − национализм − государство. Язык и роль политической элиты. Язык как элемент политической системы. Культурно-языковая и политическая системы ценностей. Борьба языков на международной арене: английский против французского.

Тема 11 Лингвистическое соперничество в современном мире. Соотношение «лингвистических сил» на мировой арене

Корпус и статус языка. Определение «корпуса» ведущих языков: количество носителей, количество стран, экономические показатели, военно-политические показатели. Определение статуса: использование языка в ведущих международных организациях, в мировой торговле, в глобальных средствах массовой информации, количество изучающих язык, «внешний имидж» языка. Соотношение корпуса и статуса. Неизбежность корректировки статуса в зависимости от изменения корпуса.

Тема 12. Английский как глобальный и его возможные альтернативы

Некоторые аспекты истории английского языка. Английский язык как язык международного общения. Английский язык как глобальный? Угроза «всемирного пиджина». Искусственные альтернативы (сольресоль, волапюк, эсперанто и т.д.). Языковое многообразие по гуманистической модели ООН.

Олигархия языков. Возможности технического прогресса. Английский язык как язык глобализации.

Тема 13. Лингвистическая политика отдельных государств внутри страны и на мировом уровне: теоретический анализ

Лингвистическая политика: определение. История развития лингвистической политики. Границы возможного волюнтаристского влияния на форму языка и на статус языка. Ключевые проблемы языковой политики. Языковая политика в постколониальном мире. Язык как мобилизующая сила в культурном процессе. Постнационализм и наднациональные тенденции в языковой политике. Языковое доминирование. Территория и языки. Язык и идентичность.

Тема 14. Лингвистическая политика США и Великобритании

Язык и этноидентичность коренного населения США. Взгляды отцов основателей США. Попытки стандартизировать американский английский. Первоначальные традиции двуязычия. Насильственная языковая ассимиляция: расизм в языковой политике. Высокий уровень иммиграции и перегрев Плавильного котла. Остракизм иммигрантов и языковые запреты в 20 веке. Освоение языка и расовая неполноценность. Иммигранты Нового времени: новые трещины в Плавильном котле. Основные меры по защите языковых меньшинств федеральным законодательством. Языковые права и юридический статус законов об исключительном применении английского. Современные языковые ограничения. Афро-американский диалект английского. Лингвистическая политика Великобритании. «Британский совет», BBC. Этническое возрождение кельтских народов. Шотландия. Уэльс. Разработка языковой политики относительно Валлийского языка. Британия и Ирландия: разная степень значимости языка для национализма.

Тема 15. Лингвистическая политика Франции

История лингвистической политики во Франции. Лингвистическая политика по «защите французского языка» в современной Франции. Организационная система по проведению лингвистической политики. Теоретическая база современной французской лингвистической политики. Лингвистическая политика Франции в Европейском союзе и других международных организациях. «Французский альянс».

Тема 16. Лингвистическая политика Германии

Исторические корни германской лингвистической политики. «Дранг нах остен», славяне и народы Прибалтики. Язык и национализм. Немецкий язык как международный. Немецкий язык во времена нацизма. Современная языковая политика в Федеративной Республике Германия. Проекты языковой реформы. «Гете-институт».

Тема 17. Лингвистическая политика России: проблемы и перспективы

Российская Империя – СССР – Российская Федерация: язык и политика. «Русификация» как средство укрепления Российской империи. Ленин, Сталин и национальная политика СССР. Реформы русского языка. СНГ. Язык и национализм в России и странах СНГ. Языковая политика и законы Российской федерации. Совет по русскому языку. Перспективы развития лингвистической политики России.

Часть III. Лингвистическое измерение мировой политики: международные организации

Тема 18. «Языковые» международные организации как воплощение лингвистического измерения мировой политики

Роль международных организаций в современной мировой политики: различные теоретические подходы. Появление первых международных «языковых» организаций. Их цели и задачи. Перспективы сотрудничества друг с другом и с «неязыковыми» международными организациями.

Тема 19. Международная организация Франкофонии. Франкофония как глобальный проект

Термин «франкофония». Франкофония «со строчной буквы». Франкофония «с заглавной буквы». История движения франкофонии. Современная организационная система Международной организации Франкофонии (МОФ). Роль Франции в МОФ. МОФ как мировой политический актор. Дискурс и реальность. Сотрудничество МОФ с другими «культурно-лингвистическими пространствами». МОФ и Россия. Споры о франкофонии.

Тема 20. «Британское» Содружество. Культурно-языковые организации испаноязычного, португалоязычного и арабоязычного миров

История возникновения «Британского» Содружества. Содружество в современном мире: противник или партнер МОФ? «Латинский союз». Культурно-языковые организации испаноязычного (испанофония), португалоязычного (лузофония) и арабоязычного миров.

Тема 21. Роль языкового фактора в неязыковых международных организациях. Лингвистические проблемы ООН, Европейского Союза

Политика Европейского Союза в области языка. Хартия Европейского Союза о региональных языках или языках меньшинств и Директива Совета по поводу образования среди рабочих-мигрантов. ЕС после расширения 2004 г.: обострение лингвистических проблем. Лингвистические проблемы в ООН и других глобальных международных организациях.

Часть IV. Языковое проявление конфликтов в современном мире

Тема 22. Языковое проявление региональных конфликтов в современном мире

Природа конфликтов в современном мире. Возможность «снятия» конфликтов. Лингвистические аспекты глобальных и региональных конфликтов. Конфликты на постсоветском пространстве: роль языкового фактора. Конфликты на африканском континенте. Конфликт в регионе африканских великих озер: лингвистическое проявление.

Тема 23. Внутригосударственные конфликты: лингвистическое измерение

Природа внутригосударственного конфликта: лингвистические аспекты. Швейцария как «образец» языкового сосуществования. Канада: франкофоны и англофоны. Пиренейский полуостров: конфликтующие языковые национализмы. Подъем испанского национализма и национальные языки. Каталония. Баски. Галиция. Язык и идентичность в Нидерландах и Бельгии. Языковые проблемы в государствах Прибалтики, на Украине, в Молдавии. Языковые проблемы в Российской Федерации. Борьба за статус языков как причина конфликта.

Тема 24. Создание новых форм международного культурно-лингвистического права

Международные организации и создание новых форм международного культурно-лингвистического права. Роль Совета Европы в защите миноритарных европейских языков. Роль ЮНЕСКО в защите лингвистического многообразия. Декларация ЮНЕСКО о культурном многообразии. Борьба за «культурное исключение» в ВТО.

Тема 25. Виртуальное пространство и языки

Роль информационных и коммуникационных технологий для развития современных языков. Борьба за виртуальное пространство. Информационные технологии на пространстве франкофонии. Русский язык в Интернете.

Тема 26. Итоговый симпозиум: роль языкового фактора в международных отношениях XXI века

1. Перечень примерных контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы, семинаров

2. Вопросы к зачету совпадают с вопросами семинаров

3. Задания для самостоятельной работы:

Чтение дополнительной литературы

Анализ политической речи на выбор студента (1 семестр, 2 часа)

4. Задания для подготовки к дискуссиям:

Задания для подготовки к дискуссиям совпадают с темами семинаров.

Вопросы к экзамену:

1. В чем важность междисциплинарного подхода к изучению лингвистического измерения международных отношений?
2. Роль языка в историческом развитии.
3. Языковой фактор в современных международных отношениях: «языковая» модификация концепции С. Хантингтона.
4. Философские проблемы современного языкознания.
5. Логический позитивизм.
6. Семиотика о роли языка (Ч.У. Моррис, Р. Якобсон, Р. Барт).
7. Л. Витгенштейн о языке.
8. М. Хайдеггер о языке.
9. «Философия имени» С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева.
10. Лингвистический детерминизм: В. Гумбольдт, Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б. Уорф. Универсалистский подход: Н. Хомски.
11. Язык и общество. Возникновение социолингвистики.
12. Национальный характер и язык: существует ли взаимозависимость?
13. Язык как инструмент социальной власти (концепция Р. Блакара).
14. Язык политики (политическая лингвистика): основные подходы к изучению.
15. Международная политическая коммуникация и проблемы перевода.
16. Дискурс и речь.
17. Влияние лингвистического фактора на современную мировую политику: общая характеристика. Может ли лингвистика помочь в изучении современной мировой политики?
18. Языковая карта современного мира. Языковые семьи. Индоевропейские языки.
19. Языковая карта современного мира. Другие европейские и азиатские языки.
20. Языковая карта современного мира. Африканские языки. Афро-азиатские языки. Американские языки. Австранезийские языки. Изолированные языки.
21. Коммуникативные ранги языков. Факторы, определяющие коммуникативный ранг языка.
22. История языка как отражение исторического развития народа. Факторы, способствующие распространению языка. «Смерть» языка.
23. Эколингвистика. Концепции Э. Хаугена и Ж.-Л. Кальве.
24. Языковая экология и языковое многообразие.
25. «Гравитационная модель» языков мира. Центральные, суперцентральные и гиперцентральные языки.
26. Мультикультурализм и мультилингвизм в современном мире.
27. Национализм и язык.
28. Язык как элемент политической системы.

29. Культурно-языковая и политическая системы ценностей.

30. Борьба языков на международной арене: английский против французского.

31. Корпус и статус языка. Определение «корпуса» ведущих языков. Соотношение корпуса и статуса. Неизбежность корректировки статуса в зависимости от изменения корпуса.

32. Английский язык как язык международного общения. Может ли английский язык рассматриваться как глобальный?

33. Искусственные альтернативы доминированию английского (сольресоль, волапюк, эсперанто и т.д.).

34. Языковое многообразие по гуманистической модели ООН.

35. Английский язык как язык глобализации.

36. Что такое лингвистическая политика? История развития лингвистической политики. Границы возможного волюнтаристского влияния на форму языка и на статус языка.

37. Ключевые проблемы языковой политики.

38. Лингвистическая политика США.

39. Лингвистическая политика Великобритании.

40. Лингвистическая политика Франции.

41. Теоретическая база современной французской лингвистической политики. Лингвистическая политика Франции в Европейском союзе и других международных организациях.

42. Лингвистическая политика Германии.

43. Лингвистическая политика России: проблемы и перспективы.

44. «Языковые» международные организации как воплощение лингвистического измерения мировой политики.

45. Международная организация Франкофонии (МОФ). Франкофония как глобальный проект.

46. История движения франкофонии.

47. Роль Франции в МОФ.

48. МОФ как мировой политический актор. Дискурс и реальность.

49. Сотрудничество МОФ с другими «культурно-лингвистическими пространствами». МОФ и Россия.

50. «Британское» Содружество в современном мире: противник или партнер МОФ?

51. Культурно-языковые организации испаноязычного (испанофония), португалоязычного (лузофония) и арабоязычного миров.

52. Роль языкового фактора в неязыковых международных организациях.

53. Политика Европейского Союза в области языка. Хартия Европейского Союза о региональных языках или языках меньшинств и Директива Совета по поводу образования среди рабочих-мигрантов.

54. ЕС после расширения 2004г.: обострение лингвистических проблем.

55. Лингвистические проблемы в ООН и других глобальных международных организациях.

56. Лингвистические аспекты глобальных и региональных конфликтов. Конфликты на постсоветском пространстве: роль языкового фактора.

57. Лингвистические аспекты глобальных и региональных конфликтов. Конфликты на африканском континенте.

58. Внутригосударственные конфликты: лингвистическое измерение. Канада: франкофоны и англофоны.

59. Внутригосударственные конфликты: лингвистическое измерение. Пиренейский полуостров: конфликтующие языковые национализмы.

60. Внутригосударственные конфликты: лингвистическое измерение. Языковые проблемы в государствах Прибалтики, на Украине, в Молдавии.

61. Внутригосударственные конфликты: лингвистическое измерение. Языковые проблемы в Российской Федерации.

62. Международные организации и создание новых форм международного культурно-лингвистического права. Роль Совета Европы в защите миноритарных европейских языков.

63. Роль ЮНЕСКО в защите лингвистического многообразия. Декларация ЮНЕСКО о культурном многообразии.

64. Борьба за «культурное исключение» в ВТО.

65. Роль информационных и коммуникационных технологий для развития современных языков. Борьба за виртуальное пространство. Информационные технологии на пространстве франкофонии. Русский язык в Интернете.

Учебно-методическое обеспечение курса

1. Активные методы обучения. Устное тестирование по темам.
2. Материальное обеспечение курса, технические средства обучения и контроля.
3. Мультимедийный проектор. Компьютер.
4. Методические рекомендации (материалы) преподавателю.
5. Методические указания студентам.
6. Рекомендация по использованию информационных технологий.

Рекомендуемая литература (основная)

Брайт У. Введение: параметры социолингвистики // Зарубежная лингвистика. – Т.1. «Новое в лингвистике». Избранное. – М., 1999.

Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб, 2001.

Дробот Г.А. Роль международных организаций в мировой политике: основные теоретические подходы. //Вестник Московского университета. – №1, 1999. – Серия 18 «Социология и политология».

Европейкие лингвисты XX века (сборник обзоров). – М, 2001.

Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. – М., 2003.

Илишев И.Г. Язык и политика в многонациональном государстве. – Уфа, 2000.

Какуридис Т., Манян М. Глобальный английский: взгляд европейца. – Электронный ресурс: www.mnemo.ru/study/01/01_10.htm

Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. – М, 2002.

Кристал Д. Английский язык как глобальный. – М., 2001.

Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. – М., 2001.

Почепцов Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М., 1999.

21 мая – Всемирный день культурного разнообразия во имя диалога и развития. // Курьер ЮНЕСКО. 26 мая 2003.

Розенау Дж. Новые измерения безопасности: взаимодействие глобальных и локальных динамик. – Электронный ресурс: www.auditorium.ru/books/723/17.htm

Серио П. Анализ дискурса во французской школе // Семиотика. Антология / ред. Ю.С. Степанов. – М., 2001.

Спиридонова С. Крепнущий голос франкофонии // Азия и Африка сегодня. – №5. – 2003.

Уорф Б. Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) //Зарубежная лингвистика. – Т.1: «Новое в лингвистике». Избранное. – М., 1999.

Чернов И.В. «Столкновение языков», Преобразование модели С. Хантингтона // Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах. – №6. – Ч. 2. – СПб, 2004.

Чернов И.В. Учет национальных особенностей в процессе многосторонних переговоров // Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах. – №5. – Ч. 1. – СПб, 2003.

Ягья В.С. Язык как фактор во внешней политике государства // Россия в глобальном мире. Социально-теоретический альманах. – №4. – СПб, 2003.

Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.

Языки как образ мира. – М., СПб, 2003.

Якобсон Р. В поисках сущности языка.// Семиотика. Антология / ред. Ю.С. Степанов. – М., 2001.

Barbopur S. and Carmichael C. (eds.). Language and Nationalism in Europe. – Oxford: Oxford University Press, 2000.

Cauquelin J., Lim P. and Mayer-Konig B. (eds). Asian Values. Encounter with Diversity. – Richmond, Surrey. Curzon, 2000.

Crystal D. English as a Global Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Dark K.R. The Waves of Time. Long-term Change and International Relations. – London. Pinter,1998.

Devonish H. Language and Liberation. Creole Language Policies in the Caribbean. – London. Karia Press, 1986.

Fischer S.R. A Hisory of Language. – London. Reaktion Books Ltd, 1999.

Fishman J.A. (ed.). Handbook of Language and Ethnic Identity. – New York. Oxford University Press, 1999.

Gilbert P. Peoples, Cultures and Nations in Political Philosophy. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000.

Graddol, David. Where is English going? – Электронный ресурс: //sfep.org.uk/conference/1998.htm#

Hofstede G. Culture and Organizations. Software of the Mind. – London: McGraw-Hill Company, 1992.

Meunier, Sophie. The French exception.// Foreign Affairs. July-August 2000.

Schmid C.L. The Politics of Language. Conflict, Identity, and Cultural Pluralism in Comparative Perspective. – Oxford: Oxford University Press, 2001.

Thomson O. Easily Led. A History of Propaganda. – Guildford. Sutton Publishing, 1999.

Yaacov Y.I. Vertzberger. The World in Their Minds. Information Processing, Cognition and Perception in Foreign Policy Decision making. – Stanford. Stanford University Press, 1990.

Schiffman, Harold. French language policy: centrism, orwellian dirigism or economic determinism? – Электронный ресурс: ccat.sas.upenn.edu/~harolds/540/handouts/french/dirigism/DIRIGISM.html

Woshinsky O.H. Culture and Politics. Prentice Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 1995.

Рекомендуемая литература (дополнительная)

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 2000.

Декомб В. Современная французская философия. – М., 2000.

Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. – М., 2001.

Елизарова Г.В. Культурологическая лингвистика. Опыт исследования понятия в методических целях. – СПб.: Бельведер, 2000.

Клоков В.Т. Языковая политика в франкоязычных странах Африки. – Саратов: Изд-во Сар. ун-та, 1992.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М,. 2003.

Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 1990.

Москалев А.А. Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949-1978). – М., 1981.

Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны / ред.-сост. Бахнян К.В. – М., 1990.

Никитин С.В. Национально-языковая политика в республиках Российской Федерации (1992-1993гг.): информационно-аналитический обзор. – М.: ИНПО, 1995.

Никольский Л.Б. Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. – М.: Наука, 1986.

Осипов Б.И. Языковая проблема права и правовые проблемы языка.// Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы /под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 1999.

Пассмор Дж. Сто лет философии. – М., 1998.

Политический дискурс в России. – М.: Диалог-МГУ, 1998.

Ставенхаген Р. Этнические конфликты и их воздействие на международное сообщество // Международный журнал социальных наук. – М., 1999. – № 24.

Тер-Минасова С.Г. Язык как зеркало культуры. – М. 1999.

Тер-Минасова С.Г. Язык как инструмент культуры. – М. 1999.

Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков, 2003.

Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестник Московского Университета. Серия «Филология». – №4. – 1995.

Шагаль В.Э. Арабские страны; язык и общество. – М.: Восточная литература, 1998.

Шагаль В.Э. Языковой аспект национальных процессов в арабских странах. – М.: Наука, 1987.

Weinstein, Brian. Francophonie: a language-based movement in world politics. //International Organization. – 1976.

Adegbija E. Language Attitude in Sub-Saharan Africa: A Sociolinguistic Overview. – Clevedon, England: Multilingual Matters, 1994.

Amonoo R. F. Language and Nationhood: Reflections on Language Situations with Particular Reference to Ghana. Accra. Ghana Academy of Arts and Sciencies. – 1989.

Amstrong J.A. Nations before Nationalism. – Chapel Hill: Universoity of North Carolina Press, 1982.

Anderson B. Imagined Communities. – London: Verso, 1991.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London. Verso. 1983.

Bakhtin M.M. The Problem of Speech Genres. //Speech Genres and Other Late Essays. – Eds: C. Emerson and M. Holquist. 1986. – Pp.6–102.

Banac I. The National Question in Yugoslavia: Origin, History, Politics. – Ithaca: NY. Cornell University Press, 1994.

Bourhis R.Y. Conflict and Language Planning in Quiebec. – Clevedon, England. Multilingual Matters, 1984.

Bremmer I. The Politics of Ethnicity: Russians in the New Ukraine. – P. 262 //Europe-Asia Studies. – 1994. – 46. – Pp. 261–84.

Chinn Y., Kaiser R. Russians as the New Minority: Ethnicity and Nationalism in the Soviet Successor states. – Westview Press, 1996.

Cooper R. Language Planning and Social Change. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Coulmas F. (ed.). A Language Policy for European Community. Prospects and Quandaries. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.

Crawford J. (ed.). Language Loyalties: A Source Book on the Official English Controversy. – London: University of Chicago Press, 1992.

Cummins J. and Tove Skutnabb-Kangas (eds.). – Clevedon, England: Multilingual Matters, 1988 / Minority education: From Shame to Struggle.

Edwards J. Language, Society and Identity. – New York: Blackwell, 1985.

Extra G. and L. Verhoeven (eds). Immigrant Languages in Europe. – Clevedon, England: Multilingual Matters, 1993.

Fergusson C. Socio-linguistic Perspective: Papers on Language in Society. – New York: Oxford University Press, 1996.

Giles H.and Jonson P. Ethnolinguistic Identity Theory: A Social Psychological Approach to Language Maintenance. //International Journal of the Sociology of Language. – 1987. – 68. (Pp. 256–269).

Harshav B. Language in Time of Revolution. – Berkeley: University of California Press, 1993.

Haugen E. The Scandinavian Languages: An Introduction to their History. – London: Faber & Faber, 1976.

Hermans T. (ed.) The Flemish Movement: A Documentary History, 1780-1990. – London: Athlone, 1992.

Huntington S. American Politics: The Politics of Disharmony. – Cambridge: Harvard Univesity Press, 1981.

Jenkins R. Rethinking Ethnicity. – London: Sage, 1997.

Katz J.J. Semantic Theory. – N.Y., 1972.

Lado R. Linguistics across Cultures. – The University of Michigan, 1957.

Lenkova M. (ed.). ’Hate speech’ in the Balkans. //The Intern. Helsinki Federation for Human Rights (IHF). – Athens: ETEPE, 1998.

Maher J. and Kyoko Yashiro (eds.) Multilingual Japan. – Clevedon, England: Multilingual Matters, 1995.

Melvin. N. Russians beyond Russia: The Politics of National Identity. – London; New York: Pinter, 1995.

Milroy James and Lesley Milroy. Authority in Language: Investigating Language Prescription and Standardiztion. – London: Routledge & Kegan Paul, 1991.

Multilinguisme et multiculturalisme en Amerique du Nord. – Paris: Didier, 1974.

Newman E. Strictly Speaking: Will America Be the Death of English? – Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1974.

Norris P. Global Communications and Cultural Identities. //Haward International Journal of Press/Politics. – Cambridge, 1999. – Vol. 4. – No. 4.

Riagáin P. Language Policy and Social Reproduction: Ireland 1893-1993. – Oxford: Clarendon Press, 1997.

Pattanayak D.P. Multilingualism and Mother-Tongue Education. – Delhi: Oxford University Press, 1981.

Penny R. A History of the Spanish Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Perez A.Q. et al. (eds). Conference on the Standardization of Asian Languages. – Manila, 1974. – Canberra: Australian National University, 1978.

Phillipson R. Linguistic Impreialism. – Oxford: Oxford University Press, 1992.

Shapiro M.J. Language and Political Undestanding: The Politics of Discursive Practice. – New Haven, London: Yale University Press, 1981.

Sonntag S.K. Competition and Compromise amongst Elites in Belguim. Language Politics. – Bonn: Dummler, 1991.

Thomas L., Wareing S. (eds). Language, society and power. An introduction. Ed. – London, New York: Routledge, 1999.

Ullmann St. Language and Style. – N.Y.: Barnec and Noble, 1964.

Weinstein B.(ed). Language Policy and Political Development. – Norwood: NJ. Ablex, 1990.

Williams G. French Discourse Analysis: The Method of Poststructuralism. – London: Routledge, 1998.

Wilson A. Ukrainian Nationalism in the 1990s: A Minority Faith. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Wright S., Hantrasis L. and Howorth J. (eds.). Language, Politics and Society. – Clevedon: Multilingual Matters Ltd., 2000.

Young C. (ed.) The Rising Tide of Cultural Pluralism: The Nation-State at Bay? – Madison: University of Wisconsin Press, 1993.

Zapp F. J. Foreign Language Policy in Europe: An Outline of the Problem. – Brussels: European coop. Fund, 1979.

(на французском языке):

Beacco, Jean-Claude. Les ideologie linguistique et le plurilinguisme. – Mars-avril, 2001. – N°314.

Calvet, Jean-Louis. Casse-tete linguistique. – Mars-avril, 2003. – N°326.

Calvet, Jean-Louis. Pour une écologie des langues du monde (Plon, Paris), 1999.

Calvet, Jean-Louis. Mondialisation, langues et politiques linguistiques. Le versant linguistique de la mondialisation. – Электронный ресурс: www.usenghor-francophonie.org/textintegral/conferences/conf_pdf/calve.pdf

Deniau, Xavier. La francophonie. – Paris, 1992.

Duvernois, Louis. L’enjeu de la francophonie au 21e siecle. – Электронный ресурс: www.csfe.org/a_lire/0900ra0101.htm

Foucart, Stephane. Un comite d’experts s’alarme du nivellement linguistique mondial // Le Monde. 02. 04. 2003.

Foucart, Stephane. L’UNESCO, derniere tribune d’une langue oubliee// Le Monde. 02. 04. 2003.

Francophonie et russophonie: deux aires linguistiques a l'heure de la mondialisation. – Электронный ресурс: /www.francophonie.org/documents/pdf/actes/Actes_Francophonie-ussophonie.pdf.

Genèse et développement de la Francophonie. – Электронный ресурс: www.ladocumentationfrancaise.fr/dossier_actualite/francophonie

Hagege, Claude. Halte a la morte des langues. – Paris, 2001.

Haugen, Einar. The Ecology of Language (Stanford University Press, Stanford). – Californie, 1972.

Herbillon, Michel. La diversite linguistique dans l'Union europeenne. Assamblée nationale: juin 2003.

Judge, Anne. La francophonie: mithes, masques et realites/ Francophonie: mithes, masques et realites. Enjeux politiques et culturels. Sous la direction de B. Jones, A. Miguet et P. Corcoran. – Paris, 1996.

Kolboom, Ingo. Francophonie internationale: plaidoyer pour une reflexion et une reflex franco-allemand // Politique etrangere. – 1/2001.

Le Scouarnec, Francois-Pierre. La Francophonie. – Boreal (Quebec), 1997.

Le sommet de Moncton. – Электронный ресурс: www.geocities.com/~csfe/csfeinfo/38

Massart-Pierard, Francoise. Presentation du nomero. /Politique et science. – Vol. 16. – N1. – Prismes nationaux de la francophonie (1997). – Электронный ресурс: www.unites.uqam.ca/sqsp/RSCPOL/31/presentation

Mondialisation: le defi francophone // Valeurs Actuelles. 18 octobre 2002.

Mondialisation: Jacques Chirac appelle a une alliance des pays de tradition latine. – Электронный ресурс: www.voxlatina.com

Salon, Albert. Beyrout, et apres? – St.-Fort, Hugues. Petite bibliographie de la creolistique. – Электронный ресурс: hometoun.aol.com/CreolCH/HSF-PBS.htm

Boutros-Ghali, Boutros. Francophonie: vers un espace de cooperations politiques et economiques // Revue francaise de Geoeconomie. – №10, ete. – 1999.

Boutros-Ghali, Boutros. La francophonie doit etre un lien entre l'Europe et le monde arabe. // l'Express. 17.10.2002.

La Charte de la Francophonie. VIIe Conférence des chefs d'Etat et de gouvernement des pays ayant le français en partage, Hanoi (Vietnam), le 15 novembre 1997. – Электронный ресурс: www.francophonie.org/publications/textes

Discours de Jacques Chirac, dimanche 2 février 2003, à l'Elysée, à l'occasion des deuxièmes Rencontres internationales de la culture. – Электронный ресурс: listes.rezo.net/archives/cip-idf/2003-07/msg00054.html

Declaration de Beyrouth. 20 octobre 2002. – Электронный ресурс: www.francophonie.org/documents/word/declarations/Declaration_de_Beyrouth.doc

Déclaration sur la diversité culturelle. – Электронный ресурс: www.francophonie.org/nouvelles/Declaration_diversite_Mexico.doc.

Decret n 2002-951 du 3 juillet 2002 relatif aux attributions delegues au ministre delegue a la cooperation et a la francophonie. – Электронный ресурс: admi.net/cgi-bin/affiche__page.pl?lien=./20…/COPX0205673DD.html

Diouf, Abdou. Le continent africain doit devinir une confederation // l'Express. 16.01.2003

Discours de Monsieur Pierre-Andre Wiltzer, ministre delegue a la Cooperation et a la Francophonie – 1er Symposium sur Developpment de la Regulation au sein de l'Espace francophone/Paris, 26 juin 2002-UNESCO. – Электронный ресурс: www.art-telecom.fr/communiques/discours/wiltzer-symposium.htm

Intervention du Premier ministre a l'occasion de l'installation du Conseil superieur de la langue francaise (Paris, 16 novembre 1999). – Электронный ресурс: www.archives.premier-ministre.gouv.fr/jospin_version2/PM

Plan d'action de Beyrouth. 20 octobre 2002. – Электронный ресурс: //www.francophonie.org/documents/word/declarations/Plan_action_Beyrouth.doc

Le dispositif institutionnel francaise. – Электронный ресурс: www.diplomatie.gouv.fr/instfr / Официальный сайт министерства иностранных дел Франции.

Wiltzer, Pierre-Andre. Internet, une chance pour leur developpement. – Электронный ресурс: www.diplomatie.gouv.fr/actu/bulletin

Т.В. Чернышова

МЕТОДЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ

Рабочая программа учебной дисциплины

1. Цели и задачи дисциплины

Дисциплина «Методы филологического исследования коммуникации» имеет своей **целью** дать обучаемым (студентам магистратуры) целостное представление о совокупности методов и приемов анализа языка и созданных посредством языка текстов, разработанных в отечественной и зарубежной филологии.

В **задачи** дисциплины входит:

1) представление системы методологических принципов и методических приемов филологического исследования;

2) ознакомление студентов с основными методами и приемами анализа продуктов речевой коммуникации;

3) характеристика особенностей различных методов и приемов, применяемых в современной отечественной и зарубежной филологической науке.

2. Требования к уровню освоения содержания дисциплины

В результате освоения дисциплины студент должен:

- Иметь представление о системе методов и приемов филологического анализа, используемых в науке о языке;

- Знать основные методы и приемы самостоятельного исследования продуктов речевой деятельности человека в синхроническом и диахроническом аспектах;
- Уметь квалифицированно анализировать, комментировать, реферировать и обобщать результаты научных исследований, проведенных иными специалистами, с использованием современных методик и методологий, передового отечественного и зарубежного опыта; производить анализ языкового и литературного материала для обеспечения преподавания и популяризации филологических знаний;
- Демонстрировать способность и готовность квалифицированной интерпретации различных типов текстов, в том числе раскрытие их смысла и связей с породившей их эпохой.
- Создавать и анализировать тексты разной стилистической направленности с учетом современных методик и методологий.

3. Разделы дисциплин и виды занятий

№ п/п	Раздел дисциплины	Лекции (кол-во часов)	С	ПЗ, ЛР
1.	Введение в дисциплину. Филологический анализ как инструмент русской словесности.	2	-	-
2.	Основные направления современной филологии, участвующие в разработке методов анализа речевой коммуникации и продуктов речемыслительной деятельности человека	4	-	-
3.	Методы анализа речевых актов (ТРА).	4	-	2
4.	Смысловой анализ	2	-	2
5.	Интерпретационный анализ	2		2
6.	Дискурсивный анализ: истоки и становление. Современные методики дискурсивного анализа	4	-	2
7.	Экспериментальные методики исследования речевой коммуникации	-	-	4
	Итого:	18	-	12

4. Содержание разделов дисциплины

Тема 1. Цели и задачи дисциплины

Требования к уровню освоения содержания дисциплины. Филологический анализ как инструмент русской словесности. О двух путях исследования содержания текстов (И.П. Сусов). «Текстоцентризм» и антропоцентризм как пути анализа речевой коммуникации.

Тема 2. Разнообразие коммуникативных подходов к изучению социокультурного пространства коммуникативных взаимодействий

Риторическое направление. Структурно-лингвистическое направление изучения текстов литературного творчества писателей (русские формалисты). Семиотический подход к анализу коммуникаций в культуре и социуме (труды тартуско-московской семиотической школы и Ю.М. Лотмана). Герменевтическая традиция. Семиосоциопсихология (Т.М. Дридзе) внутрисоциологических проблем анализа общества. Информационное направление. Философско-методологическое направление. Актуальные направления современной лингвистики (неориторические, прагматические, когнитивные, личностные подходы).

Тема3. Методы изучения информационных процессов в обществе

«Теория речевых актов»: общая характеристика (И.М. Кобозева, Дж. Серль, Д. Вандервекен и др.). Классификация речевых актов (А. Вежбицка, В.В. Богданов, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, М.Я. Гловинская). Использование семантических примитивов А. Вежбицкой в ходе анализа коммуникативной речевой ситуации.

Тема 4. Смысловой анализ продуктов речевой деятельности человека

Общая схема коммуникации. Понятие коммуникативной ситуации. Анализ и синтез текста (Е.В. Падучева). Понимание и порождение. Прагматическая и эстетическая установки. Проблема понимания. Восприятие текста. Лингвистические «сигналы». Виды сигналов. Прогнозирование. Установка. Эффект обманутого ожидания. «Вычерпывание смысла». Анализ скрытой информации. Понятие подтекста. Пресуппозиции и «скважины». Отслеживание информации и ее удержание. «Сцепления» в разных видах текстов. Монтаж. Контент-анализ как простейший вид смыслового анализа. Методики смыслового анализа в аспекте коммуникации (Л.М. Мурзин, А.С. Штерн, О.А. Андреев, Л.Н. Хромов, Т.М. Дридзе, М.Я. Дымарский, Л.А. Черняховская (и др.). Стилистический анализ текста (В.В. Одинцов). Комплексный анализ текстов речевой коммуникации.

Тема 5. Интерпретационный анализ и его разновидности

Интерпретация морфологическая, семантическая, прагматическая. Понимание и интерпретация. Смысл и значение. Смысл высказывания как основная значимая единица речи; параметры смысла (референция, модальность, фоновость, интенция). Контекст и виды контекста. Филологический интерпретационизм (интерпретирующий подход) и его разновидности (В.З. Демьянков). Операциональный аспект интерпретации

продуктов речевой коммуникации. Интерпретация как инструмент лингвистики. Виды интерпретации. Интерпретация как когнитивный процесс. Интерпретация и модули понимания.

Тема 6. Исследование информационного потока

Когнитивная функциональная грамматика. Исследования дискурса в русистике (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев, Н.Д. Арутюнова). Истоки и становление дискурсивного анализа (Ф. Боас, В. Матезиус, З. Харрис, Т. ван Дейк, В. Дресслер, Я. Петефи, У. Лабов, Дж. Граймс, Р. Лонгейкр, Т. Гивон, У. Чейф, М. Фуко и др.). Структурализм, семиотика, нарартивный анализ и этнография. Анализ речевого общения. Прагматика и социолингвистика. Психолингвистика, когнитивная психология и искусственный интеллект. Лингвистика текста. Истоки и становление дискурсивного анализа. Дискурс-анализ как парадигма в изучении языкового общения. Дискурсивный анализ Т.А. ван Дейка как реализация междисциплинарного подхода. Виды дискурсивного анализа. Интегративный дискурсивный анализ. Критический дискурсивный анализ. Методы и приемы дискурсивного анализа. Метод интроспекции. Метод статистических тестов. Метод транскрибирования устного дискурса. Дискурс-анализ продуктов речевой коммуникации.

Тема 7. Экспериментальные методики в изучение продуктов речевой коммуникации как предмет эмпирической лингвистики

Эксперимент в гуманитарных науках (Р.М. Фрумкина). Понятие лингвистического эксперимента (Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, Ю.Н. Караулов, А. Мустайоки) и «отрицательный» языковой материал. Метод интроспекции (интроспективная лингвистика). Метод эксперимента и его разновидности: полевая лингвистика; инструментальная лингвистика; нейролингвистика. Филологические методы сбора материала. Психолингвистический эксперимент (ассоциативный). Прагмалингвистический эксперимент.

5. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

5.1. Литература по теме (обязательная):

Алпатов В.М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3.

Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999.

Дейк ван Т.А. Язык, познание, коммуникация. – М., 1989.

Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М., 2003.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985/ Изд. 4-е, стереот., 2004.

Сергеев В.М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.

Сусов И.П. О двух путях исследования содержания текста // Значение и смысл речевых образований: межвуз. тематич. сб. – Калинин, 1979.

Фрумкина Р. М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // Изв. АН. – Сер. лит. и яз. – Т. 58. – № 4. – 1999.

Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: монография. – М., 2009.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Литература по теме (дополнительная):

Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. – М., 1995. – С. 7–118.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Арутюнова Н.Д. О работе группы «Логический анализ языка» Института языкознания РАН // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – М., 2003.

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М., 1985.

Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (модели мира в литературе). – М., 2000.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л., 1978.

Брайт У. Введение: параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. – Вып. VII: Социолингвистика. – М., 1975.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Идентификация события: онтология, аспектология, лексикография // Логический анализ языка: Модели действия. – М., 1992.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М., 1994.

Гак В.Г. Человек в языке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999.

Гипотеза в современной лингвистике. – М., 1980.

Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003.

Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – М., 1983. – № 6.

Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 40. – 1981. – № 4.

Дымарский М.Я. Фрагмент характеристики смысловой структуры текста // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. научн. тр. – Пермь, 2001.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. – М., 1981.

Караулов Ю.Н. Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах // Язык: система и функционирование. – М., 1988.

Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.

Кибрик А. Е., Методика полевых исследований. – М.. 1972.

Матвеева Г.Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. – Ростов-на-Дону: ДЮИ – 1999.

Паршин П.Б. Об использовании лингвистических методов при анализе политической концепции автора текста // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. – М., 1986.

Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века.// Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19–42.

Прогноз в речевой деятельности. – М., 1974.

Рус. язык по данным массового обследования. – М., 1974.

Фрумкина Р.М. Лингвистическая гипотеза и эксперимент (о специфике гипотез в психолингвистике).// Гипотеза в современной лингвистике. – М.,1980. – С. 183–216.

Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996.

Чернышова Т.В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект): учебное пособие. – Барнаул, 2003. – 178с.

Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6.

Шевченко А.Ю. Дискурсивный анализ материалов массовой коммуникации // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. – Вып.1 / под общей редакцией И.Н. Розиной. – Ростов н/Д, 2002. – С. 185–192.

Шенк Р. Обработка концептуальной информации. – М., 1980.

5.2. Задания к практическим и семинарским занятиям

5.2.1 Примерная тематика письменных работ по дисциплине

1. На основе изучения главы 4 книги Почепцов Г.Г. «Теория массовой коммуникации» (М., 2006) дайте характеристику контент-анализа как метода коммуникативистики.
2. На основе статьи К.Ф. Седова «Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации» (Антология речевых жанров: повседневная

коммуникация. - М., 2007) дайте сопоставительную характеристику понятий жанр (стиль) – текст – дискурс.

3. Опираясь на работу Стернина И.А. «Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века» (Воронеж, Пермь, 1998), дайте характеристику различным типам русского дискурса (политический, публицистический, коммерческий, рекламный и др.).

4. Используя разные источники (см. список литературы), сопоставьте различные определения понятия «дискурс». Охарактеризуйте подходы, в рамках которых рассматривается это понятие.

5. На основе анализа книги «Язык и моделирование социального взаимодействия» (М., 1987) напишите эссе на тему: «Когнитивные методы исследования в разных сферах».

6. Изучите раздел «Анализ новостей как дискурса» в книге Т.А. ван Дейка «Язык. Познание. Коммуникация» (М., 1989, с. 111–119) и опишите основные этапы становления дискурсивного анализа.

7. Используя материал своей научной работы, опишите основные методы исследования, на которые вы опирались при анализе материала.

5.2.2. Литература для реферирования:

1. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. – М., 1992.
2. Белл Роджер Т. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. – М., 1980.
3. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (модели мира в литературе). – М., 2000.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М., 1994.
5. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М., 1985.
6. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988.
7. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы: (Обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. С.223–235.
8. Дридзе Т.М. Текст как иерархия коммуникативных программ (информационно-целевой подход) // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М., 1976.
9. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5.
10. Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII: Теория речевых актов. – М., 1986.

11. Кронгауз М.А. Текст и взаимодействие участников в речевом акте // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М., 1994.
12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1999.
13. Мустайоки А. О лингвистических экспериментах // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сб. ст. / Институт русского языка РАН. – М., 1995.
14. Основы теории речевой деятельности / под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1974.
15. Салимовский В.А. Лингвоидеологический анализ дискурса и его место в теории речевой коммуникации // Политический дискурс в России-5. – М., 2001.
16. Скрэгг Г. Семантические сети как модели памяти // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.12. – М., Прогресс, 1983. – С. 228–271.
17. Шенк Р., Лейбовиц Л., Бирнбаум Л. Интегральная понимающая система // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XII. – М., 1983.

5.3. Примерный перечень вопросов для зачета

1. Разнообразие коммуникативных подходов к изучению социокультурного пространства коммуникативного взаимодействия в разных типах дискурса.
2. Методы изучения информационных процессов в обществе. О двух путях исследования содержания текстов (И.П. Сусов).
3. «Теория речевых актов»: общая характеристика. Разновидности речевых актов.
4. Семантические примитивы А. Вежбицкой и их использование в ходе анализа коммуникативной речевой ситуации.
5. Смысловой анализ продуктов речевой деятельности человека: структурный и коммуникативный подходы. Виды смыслового анализа.
6. Стилистический анализ продуктов речевой деятельности человека.
7. Контент-анализ как метод коммуникативистики: сферы применения, единицы и задачи.
8. Филологический интерпретационизм (интерпретирующий подход) и его разновидности.
9. Операциональный аспект интерпретации продуктов речевой коммуникации.
10. Исследования дискурса в русистике. Истоки и становление дискурсивного анализа.
11. Дискурсивный анализ Т.А. ван Дейка как реализация междисциплинарного подхода. Виды дискурсивного анализа.
12. Дискурсивный анализ: методы и приемы исследования.
13. Экспериментальные методики в изучение продуктов речевой коммуникации.

14. Комплексные методики анализа текстов речевой коммуникации.

Раздел 6
ЛИНГВОЭКСПЕРТНАЯ ПРАКТИКА

ЭКСПЕРТИЗЫ ПО СПОРНЫМ РЕЧЕВЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ В СВЯЗИ С УГОЛОВНЫМИ ДЕЛАМИ ПО ОБВИНЕНИЮ В ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, А ТАКЖЕ ПО ОБВИНЕНИЮ В ВОЗБУЖДЕНИИ РАСОВОЙ, РЕЛИГИОЗНОЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ НЕНАВИСТИ И ВРАЖДЫ

А.В. Морозов

«ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВИНОВНЫЕ ДОЛЖНЫ ПОНЕСТИ НАКАЗАНИЕ»

Для исследования предоставлены следующие материалы:

- Запрос о проведении лингвистической экспертизы;
- Ксерокопии статей «Понесут ли убийцы наказание?» и «Действительно виновные должны понести наказание», опубликованных в газете «Риск транзит» за 5-11 августа 2009 года.

На разрешение эксперта поставлены следующие вопросы:

1. Содержится ли в статьях «Понесут ли убийцы наказание?» и «Действительно виновные должны понести наказание» газеты «Риск транзит» № 30 за 5-11 августа 2009 года материал, содержащий публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности, а также пропаганда культа насилия и жестокости, злоупотребления правом, то есть сознательного поведения, влекущего нарушение норм и принципов законодательства?
2. Содержится ли в статье «Действительно виновные должны понести наказание» газеты «Риск транзит» № 30 за 05-11 августа 2009 года агитация к разжиганию социальной вражды и ненависти, а также публичное оправдание экстремизма?

Методы исследования:

В исследовании применен метод стилистического и лексико-семантического анализа слов, предложений и текста в целом, а также метод коммуникативно-синтаксического анализа высказывания и актуального смысла текста.

Источники исследования

Понятия чести, достоинства и деловой репутации в текстах права и СМИ: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. – М., 2004.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – М., 2001.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей и др. / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М., 2004.

Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста. Изд. 2 / под. ред. М.В. Горбаневского. – М., 2006.

Комлев Ю.Ю., Демидов В.Н., Толчинский Л.Г. Средства массовой информации и формирование общественного мнения о правоохранительной деятельности // Государство и право. – 1996. – № 8.

Сыпченко С.В. Из опыта судебной лингвистической экспертизы публицистических произведений (о проблемах лингвистической экспертизы как прикладного направления юрислингвистики) // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, АГУ, 1999.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Вопрос 1.

По первому вопросу – Содержится ли в статьях «Понесут ли убийцы наказание?» и «Действительно виновные должны понести наказание» газеты «Риск транзит» № 30 за 5-11 августа 2009 года материал, содержащий публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности, а также пропаганда культа насилия и жестокости, злоупотребления правом, то есть сознательного поведения, влекущего нарушение норм и принципов законодательства? – проведенное исследование показало следующее.

1. Статья «Действительно виновные должны понести наказание» выдержана в информативном стиле. Коллективный автор, обозначенный как «редакция», сообщает читателям о конкретном событии – убийстве Александра Конвиза и о том, как идет расследование данного преступления. Эмоциональный тон текста ровный, каких-либо особенно ярких выразительных средств или риторических приемов, призванных эмоционально воздействовать на читателя, в статье немного. Соответственно, никаких призывов в ней не просматривается. Как имплицитный (завуалированный) призыв может быть расценено лишь название статьи – «Действительно виновные должны понести наказание». Из содержания статьи очевидно, что адресат данного призыва – правоохранительные органы, расследующие преступление, о котором идет речь. Таким образом, если в рассматриваемой статье и можно усмотреть какой-то призыв, то это только призыв к правоохранительным органам приложить все усилия к скорейшему раскрытию убийства, вызвавшего большой резонанс в республике. Причем автор выражает уверенность, что «преступление будет

раскрыто. По крайней мере, милицейские силы делают все от них зависящее». Следовательно, к какой-либо экстремистской, противоправной деятельности автор никоим образом не призывает.

Пропаганды культа насилия и жестокости в тексте данной статьи также невозможно увидеть. Автор осуждает убийство А. Конвиза: «Он был простым скромным парнем в расцвете своих 29 лет, был любящим отцом, мужем, сыном и внуком. Его злодейски убили». В конце этого абзаца еще раз употреблен эпитет «злодейский»: «Злодейское убийство всколыхнуло город». Ясно, что негодующий пафос направлен против преступников, исповедующих этот самый культ насилия и жестокости.

Что касается пропаганды «злоупотребления правом», то данный термин, несмотря на высокую частотность употребления в юридической литературе последнего времени, остается неопределенным и вызывает оживленные дискуссии в юридической науке. Некоторые авторитетные юристы считают, что термин «злоупотребление правом» некорректен, поскольку он соединяет исключающие друг друга понятия. Основной аргумент сторонников этой позиции – осуществление права не может быть противоправным. «Те действия, которые называют злоупотреблением правом, на самом деле совершены за пределами права». (Злоупотребление гражданским правом в российском законодательстве и судебной практике. – Электронный ресурс: http://averh.narod.ru). Другая группа ученых, напротив, отмечает, что термин «злоупотребление правом» может быть использован в действующем законодательстве, несмотря на некоторые его недостатки. При всем разнообразии определений, которые даются данными исследователями «злоупотреблению правом», можно выделить некоторый набор признаков, характеризующих данный вид правого поведения: а) наличие у лица субъективных прав; б) деятельность по реализации этих прав; в) использование прав в противоречие их социальному назначению или причинение этим ущерба общественным либо личным интересам; г) отсутствие нарушения конкретных юридических запретов, или обязанностей; д) установление факта злоупотребления компетентным правоприменительным органом; е) наступление юридических последствий.

Итак, злоупотребление правом – это употребление права во зло в тех случаях, когда управомоченный субъект обладает субъективным правом, действует в его пределах, но наносит какой-либо ущерб правам других лиц или обществу в целом. Исходя из этого, пропаганду злоупотребления правом вообще трудно представить, пропагандировать можно лишь конкретные формы правового поведения, которые предположительно могут быть квалифицированы как злоупотребление правом. Ничего подобного в статье не пропагандируется. Если же попытаться применить квалификацию «злоупотребление правом» к самой публикации, имея в виду злоупотребление правом на распространение информации, то явно выраженных признаков такого явления в ней не просматривается, но точный ответ на этот вопрос выходит за пределы компетенции лингвистической экспертизы.

Таким образом, коммуникативный замысел автора статьи «Действительно виновные должны понести наказание» направлен на информирование читателя о преступлении и ходе следствия, какое-либо воздействие на читателя, призыв его к каким-либо действиям, пропаганда чего бы то ни было в задачи автора явно не входили.

2. Статья «Понесут ли убийцы наказание?» несколько более эмоциональна. Хотя основная ее часть также освещает убийство Александра Конвиза и ход расследования, выдвигает версии преступления и т.д., но последний абзац действительно может быть расценен как призыв. Констатируя рост преступности в республике, автор В. Тарбеевский, высказывает мнение, что одной из причин этого является отмена смертной казни. Тем самым, чтобы пресечь «дерзкие и самые жестокие преступления», необходимо снова ввести смертную казнь: «Таких людей надо уничтожать». Любому читателю должно быть совершенно понятно, что автор призывает к ужесточению действующего уголовного законодательства, а не к внесудебной расправе над преступниками: «Пожизненное заключение, которое дается тоже в редких случаях, и не за убийство одного человека, а нескольких, их не пугает». По мысли автора, наличие в уголовном кодексе смертной казни как высшей меры наказания за особо тяжкие преступления против личности, может остановить даже «нелюдей, намного страшнее фашистов».

С высказанными автором взглядами на смертную казнь как средство обуздания разгула преступности можно соглашаться или не соглашаться. Однако ничего экстремистского в них, по всей видимости, нет. Согласно Федеральному закону РФ «О противодействии экстремистской деятельности», экстремистская деятельность (экстремизм) – это а) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо редакций средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности Российской Федерации; захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, избирательных комиссий, а также законной

деятельности должностных лиц указанных органов, комиссий, соединенное с насилием или угрозой его применения; публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, соединенную с обвинением указанного лица в совершении деяний, указанных в настоящей статье, при условии, что факт клеветы установлен в судебном порядке; применение насилия в отношении представителя государственной власти либо на угрозу применения насилия в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением; создание и (или) распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных настоящей статьей; б) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; в) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности, а также публичные призывы и выступления, побуждающие к осуществлению указанной деятельности, обосновывающие либо оправдывающие совершение деяний, указанных в настоящей статье; г) финансирование указанной деятельности либо иное содействие в планировании, организации, подготовке и совершении указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

Вполне очевидно, что ни к одному из перечисленных видов противоправной деятельности автор рассматриваемой статьи не призывает. Призывы к применению смертной казни высказываются не только представителями крайних политических течений, но и абсолютно респектабельными политиками. Смертная казнь действует в уголовных законодательствах многих государств с развитыми демократическими институтами. Выступать за введение смертной казни легитимным путем – законное право любого гражданина, публичное исповедование подобных взглядов не означает приверженности к политическому экстремизму. Более того, вызывает сомнение отнесенность выраженной автором статьи позиции к политике вообще, скорее она относится к сфере гражданского

правосознания, которое напрямую ни с каким конкретным политическим течением не связано.

Таким образом, в статье «Понесут ли убийцы наказание?» не содержится публичного призыва к осуществлению экстремистской деятельности. Нет в ней и пропаганды культа насилия и жестокости, поскольку расценивать таким образом требование жестоких мер по отношению к преступникам, совершающим еще более жестокие преступления, абсурдно.

Вопрос 2.

По второму вопросу – Содержится ли в статье «Действительно виновные должны понести наказание» газеты «Риск транзит» № 30 за 5–11 августа 2009 года агитация к разжиганию социальной вражды и ненависти, а также публичное оправдание экстремизма? − проведенное исследование показало следующее.

Как показано в ответе на вопрос 1, статья «Действительно виновные должны понести наказание» носит информационный, а не агитационный характер. В ней не содержится никакой агитации, тем более агитации к разжиганию социальной вражды и ненависти. Негативное отношение к преступникам, совершившим убийство, а также к предполагаемым коррумпированным чиновникам, заказавшим это убийство, не может быть расценено как разжигание социальной вражды и ненависти, поскольку данные категории лиц не являются классами или слоями общества. Публичного оправдания экстремизма в статье не содержится, так как ни один из видов деятельности, относимых законодательством к экстремизму, в ней не затрагивается. В статье вообще не упоминается ни о каком другом виде деятельности, кроме официального расследования убийства, осуществляемого правоохранительными органами.

ВЫВОДЫ

1. В статьях «Понесут ли убийцы наказание?» и «Действительно виновные должны понести наказание» газеты «Риск транзит» № 30 за 5-11 августа 2009 года не содержится никакого материала, содержащего публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности. В ней нет пропаганды культа насилия и жестокости, а также злоупотребления правом.
2. В статье «Действительно виновные должны понести наказание» газеты «Риск транзит» № 30 за 05 – 11 августа 2009 года не содержится агитации к разжиганию социальной вражды и ненависти, а также публичного оправдания экстремизма.

Н.В. Осколкова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕСЕННОЙ ЛИРИКИ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Перед специалистом поставлены **следующие вопросы** (приводятся дословно из запроса с сохранением орфографии и пунктуации оригинала):

Содержат ли тексты песен, исполненных 17.02.2007 г., признаки экстремисткой направленности, предусмотренные ст. 1 ФЗ №114-ФЗ от 25.07.2002 г. «О противодействии экстремисткой деятельности», а именно:

1. Выражают ли использованные в текстах песен, исполнены 17.02.2007 г., отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении какой-либо этнической, расовой, религиозной группы или отдельных лиц как ее представителей?
2. Содержится ли в настоящих материалах информация, побуждающая к действиям против какой-либо нации, расы, религии или отдельных лиц как ее представителей?
3. Содержатся ли в текстах песен, исполненных 17.02.2007 г. высказывания, направленные на возбуждение в обществе религиозной или национальной вражды либо пропагандирующие неполноценность граждан по признаку их отношения к определенной национальности или религии?
4. Содержатся ли в текстах песен, исполненных 17.02.2007 г. высказывания, побуждающие к осуществлению массовых беспорядков, хулиганских действий по мотивам национальной ненависти, либо вражды, обосновывающие, либо оправдывающие совершение вышеуказанных действий?

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Исходя из существа вопросов, поставленных в определении о назначении исследования, в настоящем заключении отражены результаты исследовательских работ по анализу материала, проведенных на основе специальных лингвистических познаний в пределах компетенции специалиста-лингвиста.

Установление объектов исследования и их описание

Для установления объектов исследования специалистом было проведено многократное прослушивание представленной на CD-RW-дисках записи концерта в СКЦ «Луч». Общее время звучания 1 час 21 минута 47 секунд. На уровне аудитивного восприятия установлено, что концерт включал 19 песен, исполнявшихся в следующей последовательности:

1) «Дмитрий Донской»; 2) название исполнителем не указано, «посвящается всем тем, у кого в груди бьется храброе сердце»; 3) «Мы здесь не зря»; 4) название исполнителем не указано, «всем тем, кто был частью Белого движения» (в тексте Приложения под названием «Белому движению»); 5) «Мой народ»; 6) «Клич»; 7) название исполнителем не указано, «походная песня казаков, воевавших все прекрасно знают где»; 8) «Скажи России»; 9) «Тяжелые времена»; 10) «Косовский фронт»; 11) "Blood&Honor"; 12) "The Snow FellV; 13) "Diamonds in the Dust"; 14) "Hail victory"; 15) «Честь и кровь»; 16) название исполнителем не указано, начало текста «Сколько братьев наших томится в неволе»; 17) «Кровь патриотов»; 18) «Герои РОА»; 19) «Честь и кровь». Тексты песен №№ 3, 4, 5, 6, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19 исследуются по печатным вариантам, представленным в приложении к запросу о проведении исследования. Предварительно было проведено сопоставление письменного текста песен и содержания звучащей речи на звуковой дорожке представленных CD-RW-дисков. По результатам сравнения не обнаружено значимых для проводимого исследования расхождений. Тексты песен №№ 1, 2, 7, 8, 9, 16 анализируются в варианте, установленном специалистом на уровне аудитивного восприятия (знаки расставлены по принципу разделения синтагм в слитной речи, а не по правилам пунктуации; неустановленные слова (фразы) обозначены многоточием; слова, установленные предположительно по созвучию, приводятся в круглых скобках).

Установленный текст песни № 1 «Дмитрий Донской»: Разрывалась усобицами Русь / рвалось русское сердце /от корысти в думах князей и набегов татар // каждый к власти стремился предавая других иноверцу / верность / честь и отвагу людей превращая в товар // но на русской земле поднималась глава золотая / крепла / ширилась первопрестольная наша Москва // Дмитрий-князь / волю предков своих воедино сбирая / возрождал единства Руси славные времена // ты продолжил дело отцов / возрождая мощь древней державы / души грел свободы огонь / возженный тобой // и сегодня вспоминая тебя / поднимаются воинов главы // ты всегда будешь с нами / славный Дмитрий Донской // пробил час сбросить рабские цепи монгольского гнета / кинул клич по Руси ты / сзывая героев на бой // рати витязей / ради свободы родного народа / воевать за Отечество двинулись вместе с тобой // ты продолжил дело отцов / возрождая мощь древней державы / души грел свободы огонь / возженный тобой // и сегодня вспоминая тебя / поднимаются воинов главы // ты всегда будешь с нами / славный Дмитрий Донской // было сброшено иго и родина стала свободной /а начало империи положил подвиг воинский твой // но сегодня в восьмой день сентября лишь немногие вспомнят / как их предки в крови возвращались с победой домой// ты продолжил дело отцов / возрождая мощь древней державы / души грел свободы огонь / возженный тобой // и сегодня вспоминая тебя / поднимаются воинов главы // ты всегда будешь с нами / славный Дмитрий Донской // ты продолжил дело отцов / возрождая мощь

древней державы / души грел свободы огонь / возженный тобой // и сегодня вспоминая тебя / поднимаются воинов главы // ты всегда будешь с нами / славный витязь Донской.

Установленный текст песни № 2: Вспомни как стоя / пред тем полотном / где бьется русская рать / сердце звало тебя / голосом крови / край от врага отстоять // были и сказки / вспомнились вновь / слава преданий веков / где славянский витязь / за честь и за кровь / сражался с тьмами врагов // где ныне гордость / и где ныне честь // где память о предках своих // низость / невежество / подлость и лесть / стали заменой для них // люди забыли / кто они есть / ложь и смятение кругом // неужто участью наших детей / будет жизнь серым рабом // судьба отчизны лишь в наших руках / вспомни о корнях народ // встать за свободу / отринувши страх / храброе сердце зовет.

Установленный текст песни № 7: Под свободные знамена / добровольческих полков / от Кубани и до Дона / шли отряды казаков // не за власть кремлевской клики / тунеядцев и жидов / за народ казачьи пики / будут бить большевиков // за поруганные земли / за расстрелянных отцов / за погибших в тридцать третьем / всех кубанцев и донцов // за спаленный край казачий / за станицы хутора / за детей и женщин плачи / отомстить пришла пора.

Установленный текст песни № 8 «Скажи России»: Где пробегал по лесу волк / и пролетал в выси орел / там в ратном деле зная толк / на сечу русский воин шел // Перуна сын неустрашим / и гордый взгляд не притупляем / и я пошел во след за ним / и дух наш вместе несгибаем // скажи России / я люблю ее // скажи моей земле / что я ее солдат // скажи России / плохо без нее // мы за ее свободу встали вместе / брат // и в битве той наш воин пал / но перед смертью в руки дал мне // свой острый меч / тяжелый щит / и воином он меня назвал // давить врага железом / кровью / мне старый воин завещал / и крик из уст его последний / родной земле принадлежал // скажи России / я люблю ее // скажи моей земле / что я ее солдат // скажи России / плохо без нее // мы за ее свободу встали вместе / брат // и с той поры я меч сжимаю / и к битвам я всегда готов / и песню эту посвящаю / тому кто будет бить врагов // у нас с тобой одна дорога / в обитель бога нас ведет / и войнов будет очень много / сынов своих (Вальхала) ждет // скажи России / я люблю ее // скажи моей земле / что я ее солдат // скажи России / плохо без нее // мы за ее свободу встали вместе / брат.

Установленный текст песни № 9 «Тяжелые времена»: Тяжкое время / белое горе / камнем на сердце легло // белые земли / белое море / кровью арийской полно // и в той крови как в вине утопая / и от победы пьяна // черных ублюдков подлая стая / в мире пирует одна // тяжелые времена / но восстанет из пепла наша страна // тяжелые времена / Россия пробудится от сна // тяжелые времена / но восстанет из пепла наша страна // тяжелые времена / Россия пробудится от сна // и в эту мрачную пору / нас заставляют молчать / но нашу белую гордость / мы не можем / продать // белые воины / встаньте снова / нет больше силы ждать // будем бороться за нашу расу /

время пришло побеждать // тяжелые времена / но восстанет из пепла наша страна // тяжелые времена / Россия пробудится от сна.

Установленный текст песни № 16: Сколько расовых братьев / томится в неволе / гремит кандалами в казематах … // день за днем в этом царстве / скорби и боли / и ночами им снится / далекий родимый порог // правосудие здесь / это продажная шлюха / по приказу режима … притесняет закон // но мы воины / полные белого духа / палачу никогда не услышать наш сдавленный стон // узники совести / вы без вины виноваты лишь в том / что арийская честь / дороже свободы // узники совести / близок день / когда мы победим // и рассыпятся прахом тюремные своды // узники совести / посвятить свою жизнь пути белой борьбы / вот высший долг патриота // а сатрапам им не сковать никогда вашей пламенной мысли на волю полета // за решеткой / в цепях тяжело сохранять верность делу / там система террором дробит волю честных людей // сбереги в себе истины свет / докажи правоту нашей веры / чтобы знали враги и предатели силу идей // затхлый мрак карцеров / холод нар и бесчинство конвоя / даже стены и те давят серым бетоном тебя // ты простой заключенный теперь / часть уныло бредущего строя / тело взаперти / разум свободен / ты гибнешь горя // узники совести / вы без вины виноваты лишь в том / что арийская честь / дороже свободы // узники совести / близок день / когда мы победим // и рассыпятся прахом тюремные своды // узники совести / посвятить свою жизнь пути белой борьбы / вот высший долг патриота // а сатрапам им не сковать никогда вашей пламенной мысли на волю полета // впереди у вас все еще долгие годы страданий / это участь жертв политрепрессий здесь в порабощенной стране // душу греет у сердца из дома письмо да порою минуты недолгих свиданий / с теми кто приезжает за тысячи верст навестить своих братьев в тюрьме // пусть немногим известны сегодня имена заточенных / тирания скрывает своих преступлений следы / но однажды спадет пелена и не будет прощенных / когда в бой зашагают расистов стальные ряды.

Методика исследования

Исследование текста песен проводилось в соответствии с методиками производства логико-грамматического, лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа текста, рекомендованными к практическому использованию решением экспертно-консультативного совета при председателе правления Общественного объединения «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)» г. Москва. Кроме того, учитывались положения, содержащиеся в Методических рекомендациях «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Российской Федерации (№ 27–19–19 от 29.06.1999 г.) в части

использования специальных познаний для решения вопросов, относящихся к компетенции лингвистов.

Исследование проводилось в следующем порядке.

1. Методом контент-анализа в тексте выявлялись слова, фразы или высказывания, содержащие семантический компонент, относящийся к какой-либо этнической, расовой, религиозной группе.
2. Методами семантико-синтаксического и лингвостилистического анализа устанавливалось наличие положительной или отрицательной семантической компоненты в структуре семантического содержания высказывания, относящегося к той или иной этнической, расовой, религиозной группе.
3. Методом логико-грамматического анализа предложений, входящих в семантико-синтаксическую структуру высказывания, относящихся к той или иной этнической, расовой, религиозной группе, устанавливался тип пропозиции и интерпретировалось ее семантическое содержание и грамматическая форма.
4. Методом комплексного семантико-синтаксического и лингвостилистического анализа устанавливался характер эмоциональной оценки.
5. Методом семантического анализа содержания высказывания проводилась интерпретация смысла и толкование значений фраз, относящихся к той или иной этнической, расовой, религиозной группе.
6. По результатам исследования проводилась оценка полученных данных, осуществлялось формулирование выводов по каждому из вопросов, поставленных в запросе о проведении исследования.

ВЫВОДЫ

По вопросу 1. Использованные в анализируемых текстах песен языковые средства не содержат отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении какой-либо этнической, расовой, религиозной группы или отдельных лиц как ее представителей.

В текстах имеются высказывания с отрицательными оценочными компонентами, в том числе эмоционально окрашенные, однако они не используются для характеристики какой-либо этнической, расовой, религиозной группы или отдельных лиц как ее представителей.

В основном отрицательные оценочные высказывания соотносятся с абстрактными образами врага (например, «враг», «оккупант», «чужаки» – текст № 10; «darkness», «the beast», «enemies», «traitors» – текст № 12; «палач», «сатрапы» – текст № 16; «подонки», «зло» – текст № 18; или обобщенно характеризуют современников, забывших «заветы предков» (например, «низость, невежество, подлость и лесть», «серый раб» – текст № 2; «наказанный раб», «под ярмом чужим жалок и слаб», «безволье твое патологией род наш гнобит» – текст № 5). Наиболее эмоциональные оценочные высказывания характеризуют власть большевиков в песнях с

исторической / псевдоисторической, в том числе художественно переосмысленной, направленностью («красный зверь», «красная чума» – текст № 4; «не за власть кремлевской клики / тунеядцев и жидов / за народ казачьи пики / будут бить большевиков» – текст № 7; «масонская чума», «мать-Европа во власти жида», «красный террор с еврейским лицом» – текст № 18) и власть не конкретизированного государства («правосудие здесь – это продажная шлюха, по приказу режима (НС) притесняет закон», «система террором дробит волю честных людей» – текст № 16). Данные объекты эмоциональной отрицательной оценки не являются этнической, расовой или религиозной группой.

По вопросу 2. Нет, в настоящих материалах не содержится информация, побуждающая к действиям против какой-либо нации, расы, религии или отдельных лиц как ее представителей.

Под **информацией**, **побуждающей к действиям**, понимаем информацию, которая нацелена на формирование у читателя убеждения в необходимости действовать определенным образом (ср. толкование значений слов «побудить» и «склонить» в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова: «побудить – (*несов. вид* побуждать) – склонить к какому-нибудь действию»; «склонить – *перен.* убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения»).

Анализируемые тексты содержат образы, связанные с выделением и обособлением «нашей / своей» расы и национальности: «Все ради свободы **нации родной**, Кто ее унизит, смерть тому!», «Что ты, Европа, прячешь глаза, Видишь, твоею рукой убивают **славян**», «Враг не получит ни метра **славянской** земли» – текст № 10; «Сколько **расовых братьев** / томится в неволе / гремит кандалами в казематах … // день за днем в этом царстве / скорби и боли», «когда в бой зашагают **расистов** стальные ряды» – текст № 16; «Льётся рекою безвинная кровь патриотов, Кровь **нашей расы** и ее лучших сынов», «**русский**, вставай же скорей», «тонут в **арийской** крови европейские страны» – текст № 17. Подобные образы формируют у слушателей представления о страданиях, испытываемых «нашей / своей» расой и национальностью, и о необходимости ее защиты. Установка на конкретные действия против какой-либо нации, расы, религии не формируется в связи с предельно обобщенным образом «врага» (см. ответ на 1 вопрос).

По вопросу 3. Нет, в анализируемых текстах не содержатся высказывания, направленные на возбуждение в обществе религиозной или национальной вражды.

Высказываний, пропагандирующих неполноценность граждан по признаку их отношения к определенной национальности или религии, в представленных материалах не обнаружено.

По вопросу 4. Высказываний, побуждающих к осуществлению массовых беспорядков, хулиганских действий по мотивам национальной

ненависти либо вражды, обосновывающих или оправдывающих совершение подобных действий, в тексте нет.

В анализируемых текстах имеются многочисленные упоминания абстрактных для современного человека орудий и методов борьбы: «**казачьи пики** / будут **бить**» – текст № 7; “Take a **big brush**, **sweep** the dirt **out**” (буквально: «Возьми большую щетку, вымети грязь вон») – текст № 14; «острый **меч**», «тяжелый **щит**», «**давить** врага **железом**» – текст № 8; «встанем как стена», «вскинем сотни правых кулаков», «смерч пронесется, ударит гроза», «**Меч** возьми скорее и зло покарай, Не жалей разящего **свинца**» – текст № 10; «будем **биться**, Око за око, **молот и меч** на врага» – текст № 17).

Анализируемые тексты относятся к числу поэтических произведений (а именно к песенной лирике). На это указывают такие признаки, как наличие рифмы, исполнение под музыкальное сопровождение, типичные для поэтической речи слова и выражения – поэтизмы (*рать, клич, Отчизна, сеча, битва, уста, обитель* и др.), формы, использующиеся в высоком стиле (*отринувши, глава златая, голос крови,*), поэтические образы (*рвалось сердце, кровью залито сердце, душа кричит, заблудшие во тьме сердца, солнечный луч разорвет тяжкий мрак поражений, кровь патриотов – чистая словно роса, You are the light in the darkness, You are the diamond in the dust* – букв. «Ты – свет во тьме, ты – бриллиант в пыли» и пр.). Обобщенные призывы к борьбе с абстрактным «врагом» с упоминанием абстрактных орудий борьбы типичны для поэтической речи, к примеру: ***Вперед, борцы, на бой*** *жестокий / За свет великий и святой / Со мглой…* (С. Надсон); *Оковы тяжкие падут, / Темницы рухнут – и свобода / Вас примет радостно у входа, / И братья* ***меч*** *вам отдадут* (А. Пушкин); *Будет ворогу не сладко / От мужицкого* ***меча!*** (Н. Клюев); *Крепи /* ***у мира на горле*** */ пролетариата пальцы!* (В. Маяковский).

Литература

Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. – М., 2006.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2000.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: в 2 т. – М., 1999.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. М.В. Горбаневского. – М., 2004.

Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: в 2 ч. – М., 2002–2003.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чети, достоинства и деловой репутации. – М., 2002.

Г.В. Садыкова

ЧЕМ ОПАСЕН ПРИЗЫВ УБИВАТЬ ЧЕРНЫХ
(социолингвистическое, культурологическое и психолингвистическое исследование)

На исследование представлены:

- светокопии протоколов осмотров мест происшествия на 17 листах;
- один магнитно-оптический диск с файлами фотографий мест происшествий.

Перед специалистом поставлены вопросы:

1. Какое значение и смысловую нагрузку (с учётом современного исторического периода) несет слово «черный», употребляемое в текстах, представленных на исследование?
2. Являются ли фразы, использованные в текстах, обнаруженных на памятнике «Скорбящая мать»: «OP SKINHEAD-FOREVER УБЕЙ ЧЁРНАВА!!!» и рисунки, похожие на фашистскую свастику, а также две зиг-руны; на мемориале, посвященном городам-героям и прилегающим к памятнику «Скорбящая мать», обнаружена надпись: «СМЕРТЬ ЧЁРНЫМ», на бетонном заборе НГЧ ВВ 5 (дистанции гражданских сооружений и водоотведения), обращенном в сторону здания ОВД, обнаружена надпись: «SKIN'S» и рисунок, похожий на фашистскую свастику, публичными призывами к насилию – убийству и причинению различного вреда здоровью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Если да, то какие языковые, в том числе специальные или иные средства использованы для целенаправленного формирования побуждения к насилию –убийству и причинению различного вреда здоровью?
3. Допускают ли данные тексты неоднозначное восприятие и толкование с точки зрения их содержания и смысла?

Литература

1. Булыгина Е.Ю. и др. Признаки экстремистского текста: квалификация «конфликтоопасных» языковых средств и авторских приемов // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право /под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. – С. 113, 115.
2. Быкова Г.В. Лакунарность в лексической системе русского языка. – Благовещенск, 1998. – С. 5, 130.
3. Матвеева О.Н. К вопросу о юридизации конфликтного текста // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права /под ред. Н.Д. Голева. –Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997.
5. Результаты психолингвистической экспертной системы ВААЛ (R)/ – М., 2002г. и Психолингвистической экспертной системы «Словодел».
6. Российская социологическая энциклопедия / под общей ред. академика РАН Г.В. Осипова. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – С. 103.
7. Русский толковый словарь /Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. – М.: Издательство «Русский язык», 1997. – С. 128, 243.
8. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 65.
9. Стернин И.А. О понятиях «неприличная форма высказывания» и «нецензурная речь» // Стернин И.А. Избранные работы. – Воронеж, 2008. – С. 234.
10. Семенов Ю. Этносы, нации, расы. – Электронный ресурс: scepsis.ru//library lid_75.html
11. Яньшин П.В. Психосемантика цвета. – СПб., 2006. – С. 150, 151, 197–198, 203.

Заключение специалиста

1. В современный исторический период большое значение приобретает проблема суггестии (воздействия) на массы, направленной на разжигание национальной и расовой ненависти или вражды, которые определяют уровень противостояния между гражданами разных национальностей, а также противостояние на почве принадлежности людей к той или иной расе.

Национальность – общность, объединяющая людей через их культуру и историю.

Расы, как они понимаются в антропологической науке, суть совокупности людей, каждая из которых обладает особым набором передающихся по наследству телесных (морфологических признаков). Этот набор роднит всех людей, принадлежащих к той или иной расе, и одновременно отличает их от всех людей, относящихся к иным расам.

Человеческие расы подразделяются на три вида:

- черную, или негроидную;
- желтую, или монголоидную;
- белую, или европеоидную.

В число телесных наследственных признаков, отличающих одну расу от другой, входят цвет кожи, форма волос, степень развития волосяного покрова на теле, особенности лицевого скелета, а также формы и строения мягких частей лица (нос, губы):

- **негроидам** присущи темная кожа, курчавые волосы, среднее развитие волосяного покрова на теле, прогнатизм (выступание верхней челюсти вперед), умеренно выступающие скулы, широкий нос и толстые губы;

- **монголоидам** свойственны желтоватая кожа, прямые жесткие волосы, слабый волосяной покров на теле, сильно выступающие скулы, умеренно толстые губы, наличие монгольской складки верхнего века (эпикантуса);

- **европеоидам** присущи светлая кожа, волнистые волосы, сильный волосяной покров на теле, ортогнатизм (отсутствие прогнатизма), слабое выступание скул, узкий нос, тонкие губы.

Через социальную интеракцию – то есть коммуникативное взаимодействие, осуществляемое с помощью знаковых систем («кодов»), **стигмацию** – «наклеивание ярлыков», по которым мы распознаем членство в группе, оформившееся в социальный гештальт (сформировавшийся образ в массовом сознании) – стиль жизни данной группы; **идентификацию** – отождествление индивидом себя с данной группой через противопоставление «мы – другие» с установлением социальных границ и фильтров на «входе–выходе»; **хаббитуализацию** – то есть «опривычивание», освоение индивидом данной социальной позиции и формирование у него установок, стереотипов, присущих данной группе, можно сделать вывод о том, что слово «чёрный», обозначает и объединяет лиц по национальному признаку. Однако слово «черный» по семантике (смыслу и содержанию) шире, так как включает в себя лиц и по расовому признаку, а именно по морфологическим и физиологическим особенностям человека.

Слова **«чёрный», «черные»** использованные в представленных на исследование материалах, идентифицируются в современном обществе как оскорбительные слова с ярко выраженным инвективным содержанием, как неодобрительные, презрительные, пренебрежительные, уничижительные, унизительные характеристики, выражающие отрицательные эмоциональные оценки в отношении:

- лиц кавказского происхождения («чёрный»);
- лиц среднеазиатского происхождения («чёрный»);
- лиц негроидной и монголоидной рас («чёрные»).

Следует отметить, что семантика (смысл и содержание) слова «чёрный» («чёрные») более широкое, так как слово «чёрный» используется как нарицательное и включает представителей не только негроидной, но и монголоидной рас, а также для обозначения представителей национальностей Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Звуковой комплекс понятий (концептов) «чёрный» как обозначение представителей национальностей Кавказа, Закавказья и Средней Азии, а также представителей негроидной и монголоидной рас, на уровне подсознания производит впечатление чего-то отталкивающего, страшного, шероховатого, угловатого, темного, низменного, грубого и т.д., то есть, формирует эмоциональные (фоностилистические) ассоциации (впечатления) с отрицательной окраской. В фоносемантике слова «чёрный» средствами русского языка передана негативная эмоциональная оценка к лицам, являющимся представителями национальностей Кавказа, Закавказья и Средней Азии, а также представителей негроидной и монголоидной рас.

2. Под призывом понимается обращение, в котором выражается стремление оказать руководящее, направляющее, активное и объединяющее воздействие на подсознание, сознание, волю и поведение людей с целью побудить (склонить) их к совершению определенных массовых действий или воздержанию от таковых.

Смысл любого призыва состоит в активизации и объединении воли граждан, с целью вызвать в конечном итоге массовые действия, то есть в любом призыве преследуется конкретная цель и осуществляется активное воздействие на сознание, волю и поведение людей (побуждающая цель).

Своей целенаправленностью призывы отличаются от различного рода высказываний, мнений, которыми лицо делится с другими, в ответ на вопрос или в порядке преодоления собственных сомнений, поиска ответов и выработки личной позиции, то есть не имеющих побуждающей цели.

Формы призывов бывают разными:

- устными;
- письменными;
- изобразительными (наглядно-изобразительными);
- с применением технических средств;
- с использованием средств массовой информации и т.п.

В призывах используются приемы (средства) открытого и скрытого воздействия на механизмы сознания, воли и поведения тех, кому они адресуются:

- вербальные (языковые);
- невербальные (неязыковые).

Через вербальные (языковые) и невербальные (неязыковые) приемы (средства) происходит усиление восприятия, поступающей информации на уровне подсознания (сознания) и, как следствие, формируется соответствующий эмоциональный фон (положительные, отрицательные и нейтральные эмоции), воздействующий на волю и поведение человека, побуждающий его к совершению определенных действий или воздержанию от таковых.

Призывы не несут конкретных сведений о месте, времени и способах совершения определенных действий или воздержания от таковых.

2.1. Материалы, представленные на исследование, содержат вербальные (языковые) и невербальные (неязыковые) приемы (средства) воздействия на механизмы подсознания, сознания, воли и поведения тех, кому адресуются обращения.

Вербальные (языковые) средства передачи информации, ориентированной на сознание:

а) В материалах представленных на исследование, содержатся следующие вербальные (языковые) средства – словесные средства:

- «Убей чёрнава»;
- «Смерть чёрным».

Словесное средство: «Убей чёрнава» состоит из повелительной формы глагола совершенного вида – глаголов убей.

Глаголы совершенного вида, в данном случае глагол «Убей», обозначают действие, которое обязательно совершится, то есть обладают более высоким потенциалом возможного совершения, возможной вероятности и долженствования.

Повелительная форма глагола – «Убей» призывает и побуждает к крайним мерам – от физического насилия до физического уничтожения, то есть побои, причинение вреда здоровью, лишение жизни, уничтожение физически, умерщвление).

Словесное средство: «Смерть чёрным» семантически (по смыслу и содержанию) эквивалентно словам: «Убить», «уничтожить физически», «умертвить», «лишить жизни».

Таким образом, в словесных средствах: «Убей чёрнава» и «Смерть чёрным» прямо, то есть отчетливо и недвусмысленно, указан конечный результат призывов – побуждающая цель:

- «Убей чёрнава» и «Смерть чёрным» – призывают и побуждают к крайним мерам – совершить убийство, то есть физически уничтожить, убить, лишить жизни, умертвить по национальному и расовому признакам определенную категорию людей, которые в обыденном массовом сознании подразумеваются как представители национальностей Кавказа, Закавказья и Средней Азии, а также как представители негроидной и монголоидной расы.

Семантика (смысл и содержание) словесных средств: «Убей чёрнава», «Смерть чёрным» позволяет определить побуждающий мотив совершения насильственных мер – расовая и национальная ненависть и вражда к определенной категории людей, которые в обыденном массовом сознании подразумеваются как представители национальностей Кавказа, Закавказья («черный») и Средней Азии («черный»), а также как представители негроидной и монголоидной расы («чёрный»).

Невербальные (неязыковые) средства передачи информации, ориентированной на подсознание:

а) В материалах (текстах): «Убей чёрнава», «Смерть чёрным», **воплощена стратегия конфронтации** (непримиримого противостояния), посредством содержащегося в них призыва. Конечным результатом и целью конфронтации является значительное повышение агрессивности в обществе в отношении представителей какой-либо из коренных национальностей Кавказа, Закавказья и Средней Азии, а также представителей негроидной и монголоидной рас.

б) В двух материалах (текстах), представленных на исследование, в качестве изобразительного средства передачи информации включены символы, поддающиеся толкованию и объяснению, исходя из способов их нанесения: на памятнике «Скорбящая мать» наряду с текстом: «OP» «SKINHEAD-FOREVER», «УБЕЙ ЧЁРНАВА!!!», нанесены обратная (правосторонняя) **свастика** и **две зиг-руны**; на бетонном заборе НГЧ ВВ 5 (дистанции гражданских сооружений и водоотведения), обращенном в сторону здания ОВД, наряду с текстом: «SKIN'S», «СМЕРТЬ ЧЕРНЫМ» нанесена обратная (правосторонняя) **свастика**.

Свастика. В 1921 году символ свастики впервые появился на публичном выступлении Адольфа Гитлера, а с его приходом к власти стал отождествляться с Третьим Рейхом и идеологией нацизма, а также с подготовкой и разжиганием Второй мировой войны, агрессией фашистской Германии против СССР, в том числе и против России, предпринятой в 1941-1945 гг. Германией и ее союзниками под руководством партии НСДАП.

Свастика в текстах представленных материалов является нацистской, так как стоит на ребре в 45°, с концами, направленными в правую сторону. Именно такой знак находился на государственном знамени национал-социалистической Германии с 1933 по 1945 гг., а также на эмблемах гражданских и военных служб этой страны. Многие справочники последовательно проводят различие между «нацистской свастикой» и традиционными видами свастики, которые стоят на поверхности под углом в 90°.

Две зиг – руны. Подразделения войск «СС» (Schutzstaffel – нем. «элитная охрана») были созданы в 30-е годы для охраны Гитлера. В 1933 г. штурмгауптфюрер СС Вальтер Хек объединил две зиг – руны и получил всем известную эмблему СС – (знаки, похожие на разряд молнии). Позднее подразделения войск «СС» имели специальные нашивки в виде стилизованных под зиг руны букв.

Словесные средства «SKINHEAD-FOREVER» и «SKIN'S» в переводе с английского языка обозначают движение (субкультуру) скинхед (SKINHEAD-FOREVER – перевод с английского языка: скинхэд навсегда; SKIN'S – перевод с английского языка скин). Данная субкультура зародилась в 60-е гг. в Англии. Сейчас это движение переживает новый бум, имеет несколько направлений в разных областях жизни. При этом в сочетании с нацистской символикой (нацистской свастикой и двумя зиг-рунами (сдвоенный знак в виде разряда молнии) - обозначение подразделений войск «СС») словесные средства «SKINHEAD-FOREVER» и «SKIN'S» указывают на движение НС-скинхедов – движение, которое придерживается и активно пропагандирует национал-социалистическую идеологию. Это радикальные националисты и расисты, выступают за идею расового сепаратизма и превосходства белой расы (White Power), культивируют насилие, идеализируют Третий Рейх.

Таким образом, знаки являются заменителем реального объекта, который обобщает и усиливает некоторые черты этого объекта. В вышеуказанных материалах – текстах, представленных на исследование, использованы словесные и изобразительные средства передачи информации, при этом содержание и воздействие словесных средств передачи информации дополнено и усилено изобразительными средствами, которые передаются знаками, представленными в текстах символами.

в) Все объекты, на которые нанесены тексты, расположены в центральной части города Сковородино Амурской области, так рядом имеют место площадь Победы, административные и жилые здания. Таким образом, указанные тексты рассчитаны на массы неопределенного круга лиц.

г) Все материалы (тексты): «Убей чёрнава», «Смерть чёрным» не несут конкретных сведений о месте, времени и способах совершения насильственных мер.

2.2. Публичность призывов означает, что побуждающее обращение совершено открыто, в условиях восприятия его неопределенным (широким) кругом лиц.

Анализ документальных и фотографических материалов (протоколы осмотров мест происшествий и фотографии мест происшествий) позволяет сделать вывод о том, что призывы «Убей чёрнава», «Смерть чёрным», содержащиеся в материалах (текстах), представленных на исследование, носят публичный характер на основании того, что:

а) тексты призывов размещены в общественных местах, расположенных в центрально-административной части города – на памятнике «Скорбящая мать», мемориале, посвященном городам-героям, на бетонном заборе, обращенном в сторону здания ОВД;

б) к объектам, на которые нанесены тексты призывов, прилегают площадь Победы, административные и жилые здания;

в) тексты призывов нанесены белой, а также яркой синей и зеленой красками, на светлых поверхностях, свободных от рекламных щитов и объявлений;

г) тексты призывов нанесены на расстоянии, достаточном для свободного прочтения;

д) тексты призывов хорошо просматриваются со стороны пешеходных дорожек и со стороны проезжей части по ул. Победа.

Указанные способы выбора мест и обстановки нанесения текстов свидетельствуют о том, что призывы «Убей чёрнава», «Смерть чёрным» воплощены открыто, в условиях восприятия их неопределенным (широким) кругом лиц, то есть при данных обстоятельствах авторы предназначали этот текст для максимального количества людей.

3. Семантический, грамматический, стилистический, психолингвистический и культурологический анализ свидетельствует о том, что все материалы (тексты), представленные на исследование:

- «OP SKINHEAD-FOREVER (перевод с английского языка: *скинхед навсегда*) УБЕЙ ЧЁРНАВА!!!» в сочетании с нацистской символикой (нацистской свастикой и двумя зиг-рунами как отличительные знаки подразделений войск «СС»);

- «СМЕРТЬ ЧЁРНЫМ»;

- «SKIN'S (перевод с английского языка: скин) СМЕРТЬ ЧЕРНЫМ» в сочетании с нацистской свастикой

не допускают неоднозначного восприятия и толкования с точки зрения их содержания и смысла.

В призывах «Убей чёрнава» и «Смерть чёрным» прямо, то есть отчетливо и недвусмысленно, указан конечный результат – совершить убийство и причинить вред здоровью по национальному и расовому признаку определенной категории людей, которые в обыденном массовом

сознании подразумеваются как представители национальностей Кавказа, Закавказья («чёрный») и Средней Азии («чёрный»), а также представители негроидной и монголоидной расы («черный»).

ВЫВОДЫ

1. В представленных на исследование материалах (текстах):

- «УБЕЙ ЧЁРНАВА!!!»;
- «СМЕРТЬ ЧЁРНЫМ»,

слово «чёрный», с учетом социальных проявлений в обществе, выражает в сознании граждан России унизительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки, а также целенаправленно по национальным и расовым признакам указывают на объекты насилия, в которые включены представители национальностей Кавказа, Закавказья («чёрный») и Средней Азии («чёрный»), а также представителей негроидной и монголоидной расы («чёрный»).

2. Семантический, грамматический, стилистический, психолингвистический и культурологический анализ свидетельствует о том, что в представленных на исследование материалах (текстах) содержатся публичные призывы: «Убей чёрнава» и «Смерть чёрным», совершенные в открытой письменной форме в условиях восприятия их неопределенным (широким) кругом лиц, в которых отражено осознанное стремление исполнителей текстов через вербальные и невербальные средства передачи информации оказать руководящее, направляющее, объединяющее и активное воздействие на подсознание, сознание, волю и поведение людей, их воспринимающих, с целью сформировать у них чувство расовой и национальной ненависти и вражды, протеста, психологической и физической агрессии и побудить (склонить) их к совершению насилия – убийству и причинению различного вреда здоровью в отношении представителей национальностей Кавказа, Закавказья («чёрный») и Средней Азии («чёрный»), а также представителей негроидной и монголоидной расы («чёрный»).

3. Таким образом, исходя из содержания представленных на исследование материалов (текстов), смысл призывов «Убей чёрнава», «Смерть чёрным» передан кратко, четко, открыто и прямо и не допускает неоднозначного восприятия и толкования, кроме как совершение насилия – убийства и причинения различного вреда здоровью в отношении представителей национальностей Кавказа, Закавказья («чёрный») и Средней Азии («чёрный»), а также представителей негроидной и монголоидной расы («чёрный»).

ЭКСПЕРТИЗЫ ПО СПОРНЫМ РЕЧЕВЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ В СВЯЗИ С ГРАЖДАНСКИМИ ДЕЛАМИ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ И КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Н.А. Бикейкина

«ВЫХОД – СТАТЬ ХОЗЯЕВАМИ»

На разрешение эксперта поставлены следующие вопросы:

1. В какой форме – утверждение (сведение) или оценочное суждение (мнение) дана информация, размещенная под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – «Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств»?
2. Имеется ли в тексте под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – «Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств» негативная информация о руководителе УК ООО «Взаимопомощь – Регион»?
3. Имеется ли в тексте под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – «Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств» негативная оценка личности руководителя УК ООО «Взаимопомощь – Регион»?
4. Можно ли из текста под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – «Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств» определить, какую цель преследует часть статьи под заголовком «Выход – стать хозяевами»?

Методы исследования:

В исследовании применен метод лингвистического анализа, включающий приемы смыслового, интерпретационного и концептуального анализа текста; стилистический и лексико-семантический анализ слов и выражений, а также метод контекстуального анализа.

Источники исследования:

Дридзе Т.М. Текст как объект смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М., 1976.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии / под ред Н.Д. Голева. – Барнаул, 2000.

Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста. Изд. 2 / под ред. М.В. Горбаневского. – М., 2006.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск, 1991.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации в текстах права и СМИ: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. – М., 2004.

Русский семантический словарь. – М., 2000.

Словарь русского языка в 4-х тт. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981–1986.

Современный толковый словарь русского языка. – СПб., 2001.

Солганик Г.Я. Стилистика текста. – М., 1997.

Одинцов В.В. Стилистика текста. – М., 1980.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – М., 2001.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Вопрос 1.

По первому вопросу – В какой форме – утверждение (сведение) или оценочное суждение (мнение) дана информация, размещенная под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите...», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – *«Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств»*? – проведенное исследование показало следующее.

Согласно «Памятке для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов», утверждение – «высказывание (мнение, суждение), в котором утверждается что-либо и в котором отображается связь предмета и его признаков,<…> утверждения могут быть истинными (соответствуют действительности) или ложными (не соответствуют действительности)» (2006, с. 53). Оценочное суждение – «суждение, содержащее субъективное мнение в определенной форме; выражение оценки распознается в тексте по наличию определенных оценочных слов и конструкций; <…> оценочное суждение не может быть проверено на соответствие действительности (в отличие от утверждений, содержащих сведения о фактах» (там же, с. 52).

Представленный для анализа фрагмент составляет содержание второго абзаца четвертой части текста статьи «Прошли все инстанции, помогите…». Первая часть данного текста является вводной, остальные части представляют собой запись телефонных разговоров – вопросов, задаваемых председателю комитета ЖКХ администрации города А.В. Казакову и ответов на них.

В ходе анализа выявлено, что представленный на анализ фрагмент *«Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств»* содержит следующие суждения:

1. *«Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей»* − в данном суждении представлена фактологическая информация, которая может быть проверена на соответствие действительности и на основании которой утверждается, что:

а) *недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию* - данное суждение может быть проверено на соответствие действительности, поскольку в нем есть указание на субъект действия – *руководитель данной УК*; на время, в которое руководитель УК приглашен в администрацию – *недавно*; указание на место, в которое был приглашен руководитель УК – *администрация*;

б) *много вопросов к нему накопилось у властей* – данный фрагмент содержит указание на субъект действия – *власти* (администрация).

2. *«Однако он сослался на занятость и не пришел»* – данное суждение содержит два утверждения о фактах, которые могут быть проверены на соответствие действительности:

а) *он сослался на занятость* – ссылка на слова руководителя УК «Взаимопомощь – Регион»;

б) */он/ не пришел* – указание на действие (его отсутствие).

3. *«В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств»*

представлено три суждения в форме утверждений о фактах, которые могут быть проверены на соответствие действительности:

а) *в рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух* – указано основание, на котором он взял деньги – *ФЗ № 185*; действие – взял деньги, цель действия – *ремонт двух домов*;

б) *но не сделал его* – указание на несовершенные действия – *не сделал ремонт;*

в) не представил документов по расходу средств – также указание на несовершенные действия.

Таким образом, информация, размещенная под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите...», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – *«Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств»,* представлена в форме утверждений о фактах, которые можно проверить на соответствие действительности.

Вопрос 2.

По второму вопросу – Имеется ли в тексте под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите...», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – *«Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств»* негативная информация о руководителе УК ООО «Взаимопомощь – Регион»? – исследование показало следующее.

Негативная (отрицательная) информация – «информация (сведения), которая содержит отрицательные характеристики лица – юридического или физического, поступков физического лица с точки зрения здравого смысла, морали («неписаного закона») или с правовой точки зрения» (2004, с. 27). Произведенный смысловой и интерпретационный анализ текста, основанный на выделении из текста логико-фактологических цепочек, отражающих его содержание, показал, что основным содержанием фрагмента текста под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите...», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – *«Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств»* является информация о том, что к руководителю УК у администрации накопилось много вопросов, что он был

приглашен в администрацию, но не явился, сославшись на занятость; что им были взяты деньги на ремонт двух домов, но ремонт не был сделан и документы по расходу денежных средств, взятых на ремонт домов, представлены не были. Содержится указание на отрицательные поступки: *не явился по приглашению в администрацию, взял деньги, но ремонт не сделал, не представил документы*.

Таким образом, в анализируемом фрагменте текста имеется негативная информация о руководителе УК ООО «Взаимопомощь – Регион».

Вопрос 3.

По третьему вопросу – Имеется ли в тексте под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите...», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – «недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств» негативная оценка личности руководителя УК ООО «Взаимопомощь – Регион»? – проведенное исследование показало следующее.

Согласно словарному значению, личность – это «1) совокупность свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность; 2) отдельный человек в обществе; индивидуумт Т. 2, с. 192). Оценка личности определяется как «отражение качеств лица в общественном сознании» и связывается с действиями личности «в соответствии с принятыми в обществе моральными нормами, правилами и требованиями».

Смысловой и интерпретационный анализ текста, произведенный для ответа на вопрос 2, показал, что представленный на анализ фрагмент текста не содержит негативной оценки личности руководителя УК ООО «Взаимопомощь – Регион».

Вопрос 4.

По четвертому вопросу – Можно ли из текста под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите...», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – «Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств» определить, какую цель преследует часть статьи под заголовком «Выход – стать хозяевами»? – проведенное исследование показало следующее.

Цель, преследуемая автором статьи, определяется в лингвистике как речевое намерение. Речевое намерение автора не всегда можно прямо вывести из анализа текста, поскольку автор может скрывать свое речевое намерение, зачастую автор сам не очень точно его формулирует, текст может не передавать речевое намерение автора в силу его некомпетентности и т.д. Поэтому вывод цели, преследуемой автором статьи, носит, как правило, вероятностный характер.

Для ответа на данный вопрос был произведен анализ текста всей статьи «Прошли все инстанции, помогите...», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г.

Основной темой анализируемой статьи является управление домами. Статья содержит вступительную часть, где автор статьи Т. Елизарьева очерчивает круг проблем, которым посвящена статья, – вопросам управления домами в свете развития новых реформ ЖКХ, а также указывается, где, когда и с кем проходила прямая линия. Основным содержанием трех последующих частей являются *«наиболее часто повторяющиеся вопросы»*[52] читателей, задаваемые председателю комитета ЖКХ администрации города А.В. Казакову по телефону прямой линии и ответы на них. Таким образом, основной целью данных частей, в том числе части статьи под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите», является *«компетентное разъяснение»* вопросов, возникающих у *«рядовых горожан»* в связи с развитием новых форм управления домами, в частности, в анализируемом фрагменте это разъяснение вопроса по поводу реализации ФЗ № 185 в отношении дома *«на пр. Ленина, 87»*.

ВЫВОДЫ

1. Информация, размещенная под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите...», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – «Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств» дана в форме – утверждений (сведений).

2. В тексте под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите...», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – «Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его,

[52]Здесь и далее курсивом выделены цитаты из статьи Т. Елизарьевой «Прошли все инстанции, помогите», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г.

не представил документов по расходу средств» имеется негативная информация о руководителе УК ООО «Взаимопомощь – Регион».

3. В тексте под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите...», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – *«Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств»* не содержится негативной оценки личности руководителя УК ООО «Взаимопомощь – Регион».

4. Основной целью текста под заголовком «Выход – стать хозяевами» в статье «Прошли все инстанции, помогите...», опубликованной в газете «Вечерний Барнаул» № 67 от 13 мая 2009 г., – *«Недавно руководитель данной УК был приглашен в администрацию, поскольку много вопросов к нему накопилось у властей. Однако он сослался на занятость и не пришел. В рамках реализации ФЗ № 185 он взял деньги на ремонт двух домов, но не сделал его, не представил документов по расходу средств»* является «компетентное разъяснение» вопросов, возникающих у рядовых граждан в связи с развитием новых форм управления домами.

К.И. Бринев, М.И. Парасуцкая

«ТО ЯВЛЯТСЯ, ТО РАСТВОРЯТСЯ», ИЛИ «НЕОБЪЯСНИМЫЕ» МЕТАМОРФОЗЫ ДОКУМЕНТОВ В ГОРОДСКОЙ СЛУЖБЕ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ»

На разрешение эксперта поставлены следующие вопросы:

1. Являются ли нижеследующие сведения, в контексте статьи «То явятся, то растворятся», или «Необъяснимые» метаморфозы документов в городской службе судебных приставов», автором которой является Д., опубликованной в газете «Листок в Усть-Коксе» от 07.08.2008г.:

«…а далее привлекать к ответственности старшего пристава по г. Горно-Алтайску Т. за халатное отношение к своим прямым обязанностям»;

«…старший пристав Т. отказался предоставлять мне этот документ, сославшись на то, что в архиве этого документа нет»;

«Если в дальнейшем выяснится подлог с оформлением постановления о наложении ареста, то старшего судебного пристава отдела УФССП по г. Горно-Алтайску надо не только увольнять с работы, но и привлекать к уголовной ответственности».

1.1. Личным мнением либо оценочными суждениями автора вышеназванной статьи?

1.2. Утверждением о конкретных фактах?

1.3.Являются ли вышеизложенные сведения, порочащими личность гражданина Т.?

1.4. Содержится ли в вышеуказанных высказываниях негативная информация о Т., в том числе отрицательная оценка его личности, поступков, поведения, трудовой деятельности, личных, деловых и моральных качеств? Если да, то в каких именно высказываниях? В какой форме они выражены: предположения или утверждения?

1.5. Если в указанных фрагментах текста статьи содержится оценка личности Т., то в какой форме она выражена: допустимой или недопустимой (оскорбительной)?

2. Каковы наиболее существенные и значимые жанровые, психолингвистические и стилистические особенности текста, исследуемой газетной статьи?

Источники исследования

Понятия чести, достоинства и деловой репутации в текстах права и СМИ: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. – М., 2004.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – М., 2001.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей и др. / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М., 2004

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии /под ред Н.Д. Голева. – Барнаул, 2000.

Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. – М., 1999.

Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 263с.

Исследовательская часть

Вопрос 1.1.

В лингвистике противопоставляются утверждения о фактах и директивные высказывания (другими словами, высказывания-нормы). Основное отличие первых от вторых заключается в том, что первые могут быть истинными или ложными, вторые – не обладают такими свойствами (то есть не могут быть ни истинными, ни ложными)[53]. Приведем примеры:

---

[53] В терминологии Дж. Остина нормативные высказывания называются экзерситивами. Экзерситив – это «решение, касающееся того, что нечто должно быть, в противоположность суждению, что оно является

А) Когда кто-то утверждает, что Х украл кошелек, это является утверждением о факте кражи, это утверждение может быть ложным, когда Х не делал того, что называется «украсть кошелек».

Б) Когда кто-то утверждает «Нужно воровать», это является директивным высказыванием, которое не может быть истинным и ложным, это высказывание, безусловно, противоречит принятым в обществе нормам, но от этого оно не становится в данном случае ложным, оно просто утверждает иную ценность, нежели та, которая принята в обществе к конкретному моменту времени.

Особенностью директивных высказываний является то, что они оценивают какие-либо факты. Например, утверждение «Нужно воровать» поощряет такую форму поведения, как воровство, а именно содержанием этого утверждения является поощрение такого поведения: «Некто берет нечто у лица, причем это лицо не знает и не хочет, чтобы у него это брали».

Первый фрагмент. Фраза «…а далее привлекать к ответственности старшего пристава по г. Горно-Алтайску Т. за халатное отношение к своим прямым обязанностям» относится к типу директивных (= оценочных), она сообщает о должном «состоянии мира» в противоположность существующему состоянию мира, поэтому не может быть истинной и ложной.

1. Должное состояние мира «Старший пристав Т. привлечен к ответственности за халатное отношение к своим обязанностям».

2. Существующее состояние «Старший пристав не привлечен к ответственности».

Данная директива оценивает следующие факты:

А) Судебный пристав исполнитель Б. нарушил закон, когда не направил стороне исполнительного производства копию постановления о возбуждении исполнительного производства…

Б) Т., будучи старшим приставом по г. Горно-Алтайску, не принял мер по факту нарушения закона Б.

В) В обязанности старшего пристава входит то, что он должен принимать такие меры (=существует такая норма, согласно которой старший пристав должен что-то предпринять, если его подчиненный нарушил закон).

Второй фрагмент. «…Старший пристав Т. отказался предоставлять мне этот документ, сославшись на то, что в архиве этого документа нет») представляет собой утверждение о фактах. Высказывания, которые выражены в этом фрагменте могут быть истинными или ложными.

Так, например, условиями ложности данного высказывания являются следующие условия:

А) Д. не обращалась к старшему приставу Т. с целью получения документа (копии постановления пристава-исполнителя З. от 10 сентября 2007г.).

таким-то: это защита того, как должно быть, в противоположность оценке, как есть на самом деле» [Остин, 1999, с. 128].

Б) Т. предоставил документ.

В) Т. не отказывался предоставить документ, ссылаясь на то, что его нет в архиве, и т.п.

Третий фрагмент. Фраза «Если в дальнейшем выяснится подлог с оформлением постановления о наложении ареста, то старшего судебного пристава отдела УФССП по г. Горно-Алтайску надо не только увольнять с работы, но и привлекать к уголовной ответственности» является директивой, не может быть истинной или ложной. Данная фраза оценивает возможный факт подлога, о существовании которого автор предполагает исходя из наличия других фактов: отсутствия в постановлении о наложении ареста на 1/3 долю квартиры подписи должника и даты получения должником документа, исчезновения дела из архива, вручения дела должнику через год после вынесения постановления.

Вопрос 1.2.

Среди представленных во фрагментах сведений содержатся утверждения о следующих фактах: Д. обращалась к старшему приставу Т. с целью получения документа (копии постановления пристава-исполнителя З. от 10 сентября 2007г.); Т. не предоставил документ, объяснив это отсутствием в архиве данного дела (см. ответ на вопрос 1.1.).

Вопрос 1.3.

Вопрос о том, являются ли сведения порочащими личность, не входит в компетенцию лингвиста.

Вопрос 1.4.

В указанных высказываниях содержится следующая негативная информация о Т.:

Т. халатно относится к своим прямым обязанностям («…а далее привлекать к ответственности старшего пристава по г. Горно-Алтайску Т. за халатное отношение к своим прямым обязанностям»).

Пропозиция «Т. халатно относится к своим обязанностям» является утверждением, которое входит в состав оценочного высказывания (см. ответ на вопрос 1.1.).

Во фразе «…старший пристав Т. отказался предоставлять мне этот документ, сославшись на то, что в архиве этого документа нет», взятой вне контекста, негативная информация отсутствует.

Во фразе: «Если в дальнейшем выяснится подлог с оформлением постановления о наложении ареста, то старшего судебного пристава отдела УФССП по г. Горно-Алтайску надо не только увольнять с работы, но и привлекать к уголовной ответственности» присутствует следующая негативная информация о Т.: а) Т. имел отношение к подлогу документов (выражено в форме предположения); б) Т. необходимо привлекать к уголовной ответственности и увольнять с работы (выражено в форме утверждения, которое является оценочным суждением).

Вопрос о том, как данная информация характеризует Т. как личность, его поступки, поведение, трудовую деятельность, личные, деловые и моральные качества, не входит в компетенцию лингвиста.

Вопрос 1.5.

В указанных фрагментах текста статьи отсутствуют речевые акты оскорбления.

Вопрос 2.

Текст исследуемой газетной статьи относится к публицистическому стилю, тематика предлагаемого текста заявлена в названии рубрики: «Право и права». В первой части статьи (жирным шрифтом) обозначено событие («Горожанка … обратилась в прокуратуру … с заявлением о привлечении к ответственности судебного пристава-исполнителя…, который по исполнительному листу … возбудил исполнительное производство, а постановление о возбуждении данного исполнительного производства ей не направил»), вокруг которого построено последующее повествование. Говоря о данном случае, автор статьи отмечает неэффективность работы данного структурного подразделения: «Федеральным законом …одним из полномочий прокурора определен надзор за исполнением законов судебными приставами… Но прокуратура города при расследовании дела пришла к выводу, что привлекать к ответственности некого, поскольку из архива службы судебных приставов УФССП РФ по РА документы …исчезли». Далее автор статьи указывает на «неединственность» подобного случая: «Я бы не стала писать об этой истории, если бы сама «не столкнулась» с проблемой, связанной с утерей документов из архива отдела судебных приставов по г. Горно-Алтайску УФССП по РА».

Автор описывает обстоятельства другого дела, излагая некоторые факты («судья … вынесла определение об обеспечении иска на одну из квартир»), оценивая и поясняя события («…, и как я считаю, сделал он все правильно»), выражая благодарность («за что ему спасибо») и свою точку зрения на происходящее («если в дальнейшем выяснится подлог с оформлением постановления…»). В заключении, автор говорит о своем намерении прояснить ситуацию («С помощью суда я все-таки намерена прояснить ситуацию, связанную с фальсификацией документа…», «Хотелось бы узнать правду о том, почему…»).

В тексте статьи автор неоднократно ссылается на конкретные юридические нормы, регулирующие, например, обязанности и полномочия работников прокуратуры, службы судебных приставов и т.п., объясняя рядовому читателю, что и в какой последовательности должно протекать, какие меры должны предприниматься. Это вытекает из следующих фрагментов текста: «Федеральным законом …одним из полномочий прокурора определен надзор за исполнением законов судебными приставами…», «Должностные лица прокуратуры г. Горно-Алтайска обязаны были тщательно проверить обоснованность заявления…», «должностное

лицо прокуратуры обязано было выяснить и разобраться по существу, далее – привлекать к ответственности старшего пристава…», «Если его подчиненный нарушает закон, то за это несет ответственность руководитель», «Если в дальнейшем выяснится подлог с оформлением постановления о наложении ареста, то старшего судебного пристава отдела УФССП по г. Горно-Алтайску надо не только увольнять с работы, но и привлекать к уголовной ответственности».

Таким образом, текст статьи представляет собой аналитический комментарий событий, которые носят юридический характер.

ВЫВОДЫ

Вопрос 1.1.

Фраза «…а далее привлекать к ответственности старшего пристава по г. Горно-Алтайску Т. за халатное отношение к своим прямым обязанностям» является оценочным суждением, факты, которые являются предметом оценки, перечислены в исследовательской части.

Фраза: «…Старший пристав Т. отказался предоставлять мне этот документ, сославшись на то, что в архиве этого документа нет» представляет собой утверждение о фактах.

Фраза «Если в дальнейшем выяснится подлог с оформлением постановления о наложении ареста, то старшего судебного пристава отдела УФССП по г. Горно-Алтайску надо не только увольнять с работы, но и привлекать к уголовной ответственности» является оценочным суждением, факты, которые являются предметом оценки, перечислены в исследовательской части.

Вопрос 1.2.

В представленных фрагментах содержатся утверждения о следующих фактах: Д. обращалась к старшему приставу Т. с целью получения документа (копии постановления пристава-исполнителя З. от 10 сентября 2007 г.); Т. не предоставил документ, объяснив это отсутствием в архиве данного дела (см. ответ на вопрос 1.1.).

Вопрос 1.3.

Не входит в компетенцию лингвиста.

Вопрос 1.4.

В представленных к экспертизе высказываниях содержится негативная информация о Т. Негативная информация выражена в форме предположения и утверждений, которые являются оценочными высказываниями. Вопросы о том, как данная информация характеризует Т. как личность, как данная информация характеризует его поступки, поведение, трудовую деятельность, личные, деловые и моральные качества, не входит в компетенцию лингвиста.

Вопрос 1.5.

В указанных фрагментах текста статьи отсутствуют речевые акты оскорбления.

Вопрос 2.

Текст композиционно организован относительно следующего содержательного противопоставления: существующее положение дел / должное (в силу закона) положение дел. Автор статьи выражает свое неудовлетворение по поводу юридической оценки некоторых событий, которые имели место (данные ситуации отмечены в исследовательской части), давая этим ситуациям свою собственную юридическую оценку.

ЭКСПЕРТИЗЫ ПО СПОРНЫМ РЕЧЕВЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ В СВЯЗИ С УГОЛОВНЫМИ ДЕЛАМИ ПО ОБВИНЕНИЮ В ОСКОРБЛЕНИИ, НЕУВАЖЕНИИ К СУДУ, ОСКОРБЛЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ и др.

Ш.А. Махмудов

«НОСИТ ЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЕ ОСКОРБИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР?»

На разрешение экспертизы поставлены вопросы:

1. Носит ли высказывание в отношении А. и В., имеющееся на аудиокассете ТДК с 20 по 22 минуту, оскорбительный характер?
2. Имеются ли в речи данного лица слова-паразиты и влияют ли они на характер высказывания?
3. Является ли высказывание в отношении В. и А. вопросительным, либо утвердительным? Если высказывание имеет и утвердительный, и вопросительный характер, то какая часть высказывания является утвердительной и какая – вопросительной?

В распоряжение эксперта предоставлены:

1. Постановление следователя прокуратуры о назначении экспертизы, не заверенное печатью.
2. Пакет с надписью «В прокуратуру нарочным посыл».
3. Пакет с надписью «Кассета, представленная В.».
4. Папка с надписью «Прокуратура. Дело №000. Начато 00.00.00. окончено 00.00.00.» с материалами проверки в одном томе на 000 листах.

1. Описание материалов исследования.

Вещественные доказательства и материалы проверки получены мною от (имярек). Упаковки вещественных доказательств - два стандартных почтовых конверта из белой бумаги. Оба конверта заклеены и имеют надпись черного

цвета «0000», контрольные штампы с одним общим текстом: по кругу «МВД РФ * …*», в центре «Для пакетов № 00». В пакете с надписью «Кассета, представленная В.» имелась аудиокассета ТДК в пластмассовом футляре с записью; в пакете с надписью «В районную прокуратуру Нарочным посыл» имелась аудиокассета SAMSUNG в пластмассовом футляре с записью.

Папка с материалами проверки содержит письменные тексты, позволяющие провести достаточно полное лингвистическое исследование.

2. Методы исследования. Использовались лингво-семасиологический, лингвопрагматический (функциональный, социолингвистический), психолингвистический (лингвистика текста и речевой деятельности), лингвостилистический (культура речи) и лексикографический (изучение словарей) методы.

3. Научные источники

Большой энциклопедический словарь: Языкознание. – М., 1998.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997.

Словарь русского языка // АН СССР / под ред. А.П. Евгеньевой. – В 4 т. – М., 1981–1984.

4. Технические средства

1. Магнитофон FIRST Austria бытовой.

5. Установление материалов исследования

Для установления материалов исследования были просмотрены:

- листы дела «Отказной материал №000 по заявлению В. на высказывание со стороны С.» и прослушаны аудиозаписи на обеих представленных кассетах, в результате чего определились тексты, наиболее отвечающие требованиям цели исследования. Это текст, идентичный в целом содержанию раздела «Установленный текст спорной фонограммы» из «Заключения эксперта № 0000 ЭКЦ при ГУВД … области» (лист дела 00);
- текст статьи «На собрании» за подписью «И» в газете «…», № 000 (0000) от 00.00.00. (лист дела 00);
- ксерокопии статьи «1» за подписью «К» из газеты «1», №000 от 00.00.00. (лист дела 000); статьи «2» за подписью «2» под рубрикой «По следам наших выступлений» из газеты «2» – полные выходные данные издания отсутствуют (лист дела 000); статьи «3» за подписью «3» под рубрикой «По следам наших выступлений» из газеты «3», выходные данные издания не обнаружены (лист дела 000); статьи «4» за подписью «4» из газеты «4», №0 (000) от 00.00.00. (листы дела 000, 000); статьи «5», фамилия

автора не прочитывается, выходные данные издания отсутствуют (лист дела 000).

6. Установление объектов исследования

Для установления объектов исследования был проведен лингвистический анализ установленного текста спорной фразы из «Заключения эксперта №0000»: определено ключевое выражение, имеющее отношение к истцу. Это – высказывание-предложение «Что, значит, два жулика, В. с (А – не прослушивается ясно) украли из районного бюджета шестьсот тысяч», являющееся спорным высказыванием, далее именуемым для удобства СВ.

В результате актуального членения СВ определены ключевые слова. Это словосочетание «два жулика» и слово «украли», являющиеся актуализаторами словосочетания – объекта высказывания - «В. с (А)»: слова «два жулика», «украли» сообщают новую информацию об известном – «В. с (А.). Для удобства объект высказывания – «В. с (А.)» далее обозначается «В. с А.», автор **спорного высказывания** (СВ) обозначается как «субъект речи».

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Для ответа на вопросы был проведен комплексный лингвистический анализ.

Лексикографическое изучение позволило выявить значения слов «жулик» и «украсть». Словарь русского языка Академии наук СССР объясняет:

Жулик – «Вор, занимающийся мелкими кражами» (т. 4, с. 488);

Украсть –« *Совершенный вид*/ к красть (в 1 знач.) и воровать (в 1 знач.)» (т. 4, с. 482);

Красть – «1. Присваивать чужое; воровать, похищать» (т. 2, с.123);

Воровать – «1. Похищать принадлежащее другим; красть» (т. 1, с. 212).

Словарь С.И. Ожегова предоставляет следующие толкования:

Жулик – «Вор, мелкий мошенник» (с.196);

Украсть – см. красть (с. 830);

Красть – «Присваивать чужое, воровать// *сов*. **Украсть**» (с. 304);

Воровать – «Преступно присваивать, похищать чужое» (с.97).

Лингвопрагматика требует, согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», исследовать предмет изучения как речевой акт, т.е. «целенаправленное речевое действие, совершенное в соответствие с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемого в рамках прагматической ситуации» (с. 412).

Спорная фраза рассмотрена со следующих позиций: в связи с пресуппозицией (объемом фоновых знаний участников общения), с ситуацией общения, в связи с адресатом и в связи с субъектом речи.

Пресуппозиция: в СВ не учтено (сознательно или по недомыслию субъекта речи) того, что субъект речи находится в личных неприязненных отношениях с «Б. с В.» и об этом должно быть известно жителям района, тем более участникам собрания. Неприязненность их отношений утверждается содержанием неоднократных публикаций в нескольких изданиях (листы дела 164, 188, 189, 190, 192, 193). СВ не содержит признаков попыток субъектом речи нейтрализовать, предотвратить ожидаемую по сути высказывания и в высокой степени возможную негативную реакцию «Б. с В.» на высказывание.

В связи с субъектом речи СВ имеет следующие признаки:

- *целенаправленность*; внешняя цель: фрагментом «Что, значит, ...» в сочетании с аргументами сообщить участникам собрания свою оценку деятельности адресата, возможная скрытая цель: информацию «два жулика, Б. с (В.), украли» утвердить в сознании аудитории; вероятная коммуникативная перспектива: вызвать у аудитории, а через них в общественном сознании района негативное отношение к «Б. с В.»;

- *коммуникативная тактика*; использование фрагмента «два жулика, Б. с (В.)» в качестве аргумента для подтверждения своей оценки предмета обсуждения;

- *правила разговора*, подчиненные так называемому принципу сотрудничества, в части максимы количества: смысловая информация «Два жулика, Б. с (В.) украли» – представлена без оговорок о субъективности этого мнения; в части максимы качества: смысловая информация не отвечает требованиям истинности и обоснованности; максима отношения: формально – грамматически и содержательно – СВ имеет прямое отношение к теме обсуждения (реагирование РУВД на письма); максима манеры речи: СВ ясно, последовательно, недвусмысленно;

- *установка говорящего:* иносказания, обиняки отсутствуют, возможный намек, косвенный смысл СВ – соответствие содержания СВ действительности не подлежит сомнению;

- *убежденность:* говорящий может быть убежден в том, что смысл, содержание СВ соответствует действительности;

- *прагматическая пресуппозиция*: говорящий не сомневается в профессиональной компетентности и информированности адресата о предмете СВ, в заинтересованности начальника РУВД в положительной оценке; в собственном праве и, возможно, привычке давать оценку деятельности других, СВ не отражает оценки субъектом речи психологического состояния адресата – идет «отчитывание провинившегося»;

- *оценка субъектом речи содержания СВ*: а) истинность, серьёзность аргументов в доказательстве неудовлетворительности работы РУВД в части реагирования на письма администрации и жителей района субъектом речи оценивается положительно; б) в фокус внимания аудитории вводится отрицательная оценка общественно-социального статуса «Б. с В.»; в) СВ в организации высказывания выполняет роль аргумента, содержание которого преподносится как аксиома, посыл, не подвергаемый сомнению.

В связи с отношениями между участниками коммуникации СВ имеет следующие признаки, характеристики:

1) *форма речевого общения* – категоричная оценка, СВ используется в качестве аргумента для доказательства неправомерности самооценки работы РУВД адресатом;

2) *социально-этикетная сторона речи*: экспрессивная речь с повышениями голоса; небрежность в оформлении речи; обращение на «Вы» – официально-деловое, нарушается использованием местоимения «Ты», что может быть всплеском эмоции или риторическим приемом в форме всплеска эмоции, либо проявлением привычки игнорировать деловой этикет;

3) *соотношение между участниками общения* – официально-деловое, субординированное, где субъект речи – руководитель высшей в районном масштабе инстанции (и на законодательном, и на исполнительном уровнях), аудитория – его подчиненные.

В связи с ситуацией общения СВ имеет следующие характеристики:

1) *дейктические знаки* «здесь», «сейчас», «эти»: смысл может быть расценен как утверждение, что «Б. с В.» являются преступниками «сейчас», субъектом речи приписывается им преступление, свершившееся в действительности, что оно совершено «здесь». В этом убеждает слово «жулики» в качестве определения в положительной форме, а также форма совершенного вида глагола «украли». В тексте отсутствуют вводные слова, указывающие на выражение субъективности (типа «по-моему», «уверен», «я уверен», «не сомневаюсь» и т.п.) высказывания. Преступление приписывается «этим» конкретным людям, в чем призваны убедить и произнесенные личные фамилии (Б. с В.);

2) речевая ситуация *соответствует теме*: деяния, обозначенные в СВ, входят в повестку дня; обсуждение административно-официальное, не научное, не бытовое.

В связи с адресатом речи, в качестве которого напрямую выступают все присутствующие на собрании (в прямой форме), а через них, косвенно, – общество района в целом, характеристики следующие:

1) СВ как *прямое высказывание* имеет смысл утверждения, которое аудитория, в соответствии со статусом подчиненного, скорее должна принять в качестве доказанного и узаконенного;

2) СВ может иметь *воздействующее свойство* на убеждения и эмоции участников собрания, а через них – и на общественность района.

ВЫВОДЫ

1. Высказывание в отношении Б. может быть расценено как носящее оскорбительный характер; в отношении В. предположить что-либо возможности не имеется, так как точная формулировка фамилии не установлена.

2. В речи данного лица имеется частое употребление слова «значит», которое на характер высказывания может влиять как усилитель смысла высказывания.

3. Утвердительный и вопросительный характер высказывания проявляется в различных уровнях. Высказывание в отношении Б. является утвердительным по интонационно-смысловому содержанию. Форма высказывания имеет вопросительный характер и используется как риторический прием.

Т.В. Чернышова

ХАМЛО, ТРЕПЛО ПОГАНОЕ, БАБА БАЗАРНАЯ И ПР. КАК ПУБЛИЧНАЯ ИНВЕКТИВА

На разрешение специалиста поставлены следующие вопросы:

- Являются ли слова: «г**но», «хамло», «базарная баба», «тряпка», «падла», «трепло поганое» – непристойными, грубыми, неприличными и носящими характер оскорбления личности, унижающими честь и достоинство человека?

В распоряжение специалиста предоставлены следующие материалы:

1) Копия письма дознавателя отдела дознания УФССП по Республике Бурятия о проведении судебно-лингвистического исследования высказываний гр. П. в адрес гр. С.

2) копия протокола судебного заседания.

Методы исследования: в исследовании применен метод стилистического и лексико-семантического анализа слов и выражений, а также метод контекстуального анализа.

Источники исследования

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии / под ред Н.Д. Голева. – Барнаул, 2000.

Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста. – Изд. 2 /под. ред. М.В. Горбаневского. – М., 2006.

Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. – М., 1999.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: для судей и др. / под ред. М.В. Горбаневского. – М., 2004.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации в текстах права и СМИ: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. – М., 2004.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб., 2004.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – М., 2001.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

1. Слово «г**но» входит в группу слов **экспрессивного русского просторечия** (Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб., 2004. – С. 10), выходящего за пределы литературного языка, которое специально предназначено для выражения низкого, насмешливого, грубо-фамильярного, бранного и вульгарного, а именно к наиболее грубым единицам экспрессивного просторечия – единицам **вульгарного сквернословия.** К сквернословию относятся два подслоя языковых единиц: 1) грубые вульгарные единицы первичной физиологической номинации (*ссать, старый пердун* и др.), сопровождаемые в словарях пометой «вульгарное» (до крайности сниженное и упрощенное); 2) матизмы, или единицы русского мата (*х*й, е**ть* и др.), представляющие собой наиболее грубые единицы, открытое, публичное употребление которых в русской культуре сопровождается полным запретом или жестким ограничением.

Слово «г**но» относится к первой группе слов – **грубым, вульгарным** единицам первичной физиологической номинации, употребление которых недопустимо в ситуации публичного общения. Будучи обращенным к конкретному лицу, слово «г**но» используется как **бранное** слово, обладающее **оскорбительным** потенциалом. Оно содержит отрицательную оценку поведения подсудимого С., выраженную **грубой бранной вульгарной** форме.

2. Слово «хамло» относится к **разноворно-сниженным, бранным** единицам языка, усиленным по отношению к слову «хам». Оно используется для называния «грубого, наглого человека, того, кто ведет себя разнузданно», то есть дает отрицательную оценку поведения человека в **презрительной** форме (с. 113). Данное слово безусловно обладает **оскорбительным** потенциалом.

3. Словосочетание «баба базарная» представляет собой разговорно-**сниженный** оборот речи, используемый для обозначения «крикливой, грубой женщины с вульгарными манерами, склонной к скандалам, склокам» (с. 29). Данный оборот сопровождается в словаре пометой **презрительное. Бранный презрительный** характер данного словосочетания усиливается и приобретает **грубую уничижительную** окраску при его использовании по отношению к лицу мужского пола, поскольку при этом актуализируется значение «слабый, безвольный или трусливый мужчина, утративший

мужские качества и уподобившийся БАБЕ – низкому по сравнению с мужчиной существу» (с. 28–29). Словосочетание «баба базарная» в анализируемой конфликтной ситуации безусловно является **оскорбительным**.

4. Разговорное слово «тряпка», будучи употребленным по отношению к человеку, актуализирует переносное значение «бесхарактерный, слабовольный человек» и имеет помету **пренебрежительное** (Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986. – С. 707). Данное слово дает отрицательную характеристику поведения человека и выражает ее в **пренебрежительной** (то есть **высокомерной** по отношению к субъекту речи) форме. Слово также обладает **оскорбительным** потенциалом. Кроме того, как следует из копии Протокола судебного заседания по уголовному делу № ***, слово «тряпка» было произнесено П. в составе следующего высказывания: «Ты не баба, ты **тряпка.** Трепло поганое», что еще более усиливает его оскорбительный потенциал, поскольку говорящий считает, что даже «бабой» С. называться недостоин, поскольку он «бесхарактерный и слабовольный», т.е. «тряпка».

5. Слово «падла» относится к **грубым** словам **жаргонного** происхождения, выходящим за пределы литературного языка. Оно содержит **резко отрицательную** характеристику человека, вызывающего негативные эмоции говорящего, и, безусловно, обладает **оскорбительным** потенциалом. Данное слово в криминальном жаргоне имеет значение «осведомитель, доносчик» (Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб., 2004. – С. 419). Употребление подобных слов в ситуации публичного общения недопустимо.

6. Словосочетание «трепло поганое» представляет собой **разговорно-сниженный** оборот, в состав которого входит **грубое презрительное** слово «трепло», обозначающее «того, кто много и без умолку говорит, болтает; кто не умеет хранить секреты» (там же, с. 618), и **просторечное** прилагательное «поганое» в значении «очень плохой, отвратительный» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986. – С. 456), усиливающее негативный оценочный потенциал слова «трепло». Данное словосочетание в силу своего **просторечно-бранного** характера недопустимо в ситуации публичного общения и обладает **оскорбительным** потенциалом.

ВЫВОДЫ

Таким образом, все слова и словосочетания, произнесенные гр. П. и содержащиеся в протоколе судебного заседания от 17 апреля 2009г.,

Во-первых, обращены непосредственно к С., о чем свидетельствует использование говорящим личного местоимения «ты», ср.:

- Хамло **ты!**

-Трепло **ты,** падла.

- **Ты** баба базарная, г**но, **ты** не мужик.

- **Ты** не баба, **ты** тряпка. Трепло поганое;

Во-вторых, содержат отрицательную (**презрительную и пренебрежительную**) оценку личности и поведения С., выраженную в **грубой разговорно-сниженной, просторечно-бранной и вульгарно-жаргонной** форме;

В-третьих, произнесены в ситуации речевого акта «оскорбление» и направлены на понижение статуса слушающего, т.е. обладают оскорбительным потенциалом. Оскорбительная направленность данных слов не теряется ими ни в каком контексте, то есть в любом типе контекстов данные слова употребляются с целью реализации установок речевого акта оскорбления.

В-четвертых, все слова и словосочетания, употребленные П. в адрес С., выходят за пределы литературного языка, поскольку обладают **бранным, разговорно-сниженным, просторечным и жаргонным** характером. Употребление этих оценочных языковых единиц в условиях публичного общения недопустимо. К числу наиболее грубых единиц языка – **единицам сквернословия** (непристойным языковым единицам) – относится **грубое вульгарное** слово первичной физиологической номинации «г**но» и **грубое** слово **жаргонного** происхождения «падла». Употребление этих слов недопустимо независимо от ситуации общения.

ЭКСПЕРТИЗЫ ПО СПОРНЫМ РЕЧЕВЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НАРУШЕНИЕМ АВТОРСКИХ ПРАВ И ЗАКОНОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ РЕКЛАМНУЮ И ПРЕДВЫБОРНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ НЕКОРРЕКТНЫМ СРАВНЕНИЕ В СЛОГАНЕ «TELE2 – ВСЕГДА ДЕШЕВЛЕ!»?

В заявке заказчика лингвистического исследования имеется пояснение: «В соответствии с п. 2 ст. 5 ФЗ «О рекламе» недобросовестной признаётся реклама, которая содержит некорректные сравнения рекламируемого товара с находящимися в обороте аналогичными товарами. В нашем случае стоит вопрос: является ли слоган «TELE2 – всегда дешевле!» некорректным сравнением услуг Теле2 с услугами других операторов?».

Для вынесения лингвистического заключения по данному тексту были заданы следующие вопросы:

1. Присутствуют ли в слогане признаки сравнения вообще?
2. Если «да», то что с чем сравнивается?
3. Что означает «некорректное сравнение»?

4. Возможно ли толковать слоган «TELE2 – всегда дешевле!» как сравнение существующих услуг TELE2 с предыдущими услугами TELE2.

5. Возможно ли слоган «TELE2 – всегда дешевле!» однозначно (как единственно возможный вариант) толковать как сравнение именно с другими операторами связи?

6. Как воспринимается слоган «TELE2 – всегда дешевле!» населением в плане наличия в нем сравнения?

Исходные установки исследования:

В исследовании вопросы рассматриваются только в контексте представленных материалов.

Анализируется письменный текст, а не его устный первоисточник.

Выводы делаются только в пределах лингвистической составляющей материалов.

Состав и содержание вопросов не расширяются и не изменяются.

Методы исследования:

В исследовании применены семантико-прагматический, контекстуальный и стилистический методики анализа текста слогана. Предметом анализа выступали смыслы отдельных единиц и выражений в их взаимодействии со смыслом всего контекста. Данный анализ был дополнен анализом восприятия смысла данного текста рядовыми носителями русского языка, осуществленным в виде психолингвистического эксперимента.

Источники исследования

Ловчиков Д.С. Юридическая безопасность рекламодателя // Проблемы рекламного законодательства. 2006. – Электронный ресурс: http://www.metroreklama.ru

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2000 (сокращ. ТСРЯ).

Пирогова Ю.К. Скрытое и явное сравнение // Реклама и жизнь. – №5. – 1998.

Русская грамматика. – Т. 1–2. – М.: Наука, 1980.

Словарь рекламных терминов. – Электронный ресурс: http://www.advesti.ru/glossary/

Словарь русского языка в четырех томах / под ред. А.П. Евгеньева. – М.: Изд-во Ин-та русского языка АН СССР, 1982– 1984.

Современный толковый словарь русского языка. – СПб., 2001 (сокращ. СТСРЯ).

Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – М.: Галерия, 2002 (сокращ. Цена слова).

Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы / под ред Н.Д. Голева. – Барнаул, 1999.

Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы / под ред Н.Д. Голева. – Барнаул, 2002.

ПРЕДВАРЯЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ,
содержащие общие характеристики исследуемого объекта

А. Исследованный текст представляет собой речевое произведение, относящееся к речевому жанру «слоган». Данный термин определяется в словаре рекламных терминов как «рекламный лозунг: четкая, ясная и сжатая формулировка рекламной идеи, которая легко воспринимается и запоминается». Принадлежа к рекламному дискурсу, слоган необходимо выполняет суггестивную функцию, воздействуя на потенциальных покупателей путем создания привлекательного образа товара или услуг. Информативная функция в нем подчинена суггестивной, логические аспекты – эстетическим. Это имеет отношение и к сравнению – одному из эстетических приемов создания суггестии. Сравнение, даже если оно с логической точки зрения несовершенно и в информационном отношении «пусто», позволяет создавать эффект преимущества, уникальности или отличительной особенности товара.

Б. Анализируемый слоган представляет собой простое высказывание, в котором темой (то, о чем говорится) выступает компонент *TELE2*, а ремой (то, что о нем говорится) – *всегда дешевле.* Со структурной точки зрения слоган представляет собой двусоставное предложение с составным неглагольным сказуемым с нулевой связкой (ср.: *ум – хорошо, а два - лучше*; пропозиция: «ум есть хорошо….»). Данная конструкция является нетиповой для литературного русского языка, поскольку наречие редко выступает в литературном языке в качестве сказуемого в личных предложениях. Поэтому при трактовке таких конструкций возникает конкуренция смыслов: обстоятельственного и атрибутивного, что проявляется, например, в возможности постановки разных вопросов к сказуемому и получению: а) TELE2 – какой? (ответ: TELE2 – всегда дешевый, TELE2 – всегда дешевле), б) TELE2 – (скрытый предикат, называющий действие или состояние) как? (ответ: TELE2 – всегда дешево, TELE2 – всегда дешевле). Оба вопроса и оба ответа в равной мере возможны и правомерны.

В «Русской грамматике» (т. 2, с. 307–308) такие конструкции трактуются как предложения из разговорной речи с пропущенной связочной частицей «это», например, *Ложь – [это] непростительно*; *Простои – [это] невыгодно*. Следовательно, исходная конструкция, на основе которой следует восстанавливать нормативную семантику конструкции «*TELE2 – всегда дешевле!*», является конструкция «*TELE2 – [это] всегда дешевле!».* Что касается самой семантики таких конструкций, то они определяются в «Русской грамматике» (с. 308) следующим образом: «Имя называет тот конкретный предмет, который репрезентирует действие или состояние

(*Галстук – это модно* значит: «носить галстук – модно»; *Валенки – тепло и удобно* значит «ходить в валенках тепло и удобно». Таким образом, конструкция «TELE2 – всегда дешевле*!»* в соответствии с такими нормами следует трактовать по смыслу как «[пользоваться услугами] TELE2 – всегда дешевле».

В. Сказуемое *всегда дешевле* представляет собой сочетание наречия *дешевле* и примыкающего к нему местоименного наречия *всегда*; это хотя и не ядерная, но достаточно распространенная в современном русском языке форма сказуемого, например: *здесь – весело, у нас – интересно, там всегда дешево, на губернском рынке все и всегда дешевле.*

Г. Наречие *дешевый* (в сравнительной степени – *дешевле*) является по своим синтаксическим свойствам предикативным (Русская грамматика, т.1, с. 705), то есть выступает в функции главного члена односоставного (безличного) предложения. Основная особенность предикативных слов такого рода является сочетаемость с существительными (и местоимениями существительными) в дательном падеже, обозначающими субъекта состояния, например: *Мне стыдно, Пете здесь удобно, а Васе еще удобнее.* Слово, обозначающее субъект, может отсутствовать, в этом случае предложение имеет смысл обобщенного состояния. *На море хорошо* (подразумевается: всем), *а здесь поинтереснее будет* (подразумевается: всем нам) и т.п. Проблема субъекта в анализируемом слогане является предметом лингвистической экспертизы.

Д. Наречие *дешево* является по своей лексической семантике качественным, что предполагает наличие у него форм сравнительной степени и сочетаемость с наречиями меры и степени: *дешево – дешевле, очень дешево*.

Е. Качественное наречие *дешевле* в анализируемом слогане «стоит» в форме сравнительной степени (*дешево* – положительная степень, *дешевле* – сравнительная степень).

Ж. Главная особенность синтаксического употребления сравнительной степени в русском языке является обязательность указания на объект управления, или, другими словами, сравнительная степень наречия является информативно восполняющей (Русская грамматика, 1980, т.2, с. 77-78). Она требует, чтобы после нее было имя существительное, обозначающее тот предмет, с которым сравнивается данный предмет, при этом сравнительный оборот, как правило, присоединяется союзом *чем*, например, *здесь веселее, чем там, мне еще более стыдно, чем ему.* В анализируемом слогане при наречии отсутствуют информативно восполняющие слова, что некоторым образом нарушает синтактико-смысловые нормы литературного русского языка, для него такое употребление является нетипичным и стилистически окрашенным. Данная особенность – один из главных предметов лингвистического исследования слогана «TELE2 – всегда дешевле!»

З. Лингвистический анализ семантики сравнительной степени предполагает оценку следующих моментов:

3.1. Степень проявленности компаративной семы (насколько сильно или слабо проявляется сравнение в данном слове, данном контексте). В частности, существует противопоставление суперлативного и элативного употребления форм сравнительной и особенно превосходной степени, например, в контекстах *наш хлеб наивкуснейший; Аня – милейший человек; чаще всего (=очень часто) он сидел в кресле.* Ослабление компаративности в определенных контекстах наблюдается и при употреблении сравнительной степени прилагательных и наречий, например, *Лучше нету чувства, чем любовь.*

3.2. Является ли компаративная сема внешней, направленной на сравнение данного предмета с другими, или внутренней, направленной на сравнение различных состояний одного предмета (с каждым днем на улице *теплее*, цены становились все *дешевле* и т. п.)

И. Определенное значение для лингвистической оценки анализируемого слогана является способ его пунктуационно-графического оформления, а именно тире между подлежащим и сказуемым.

Далее в тексте экспертного заключения при отсылке к разделу «Предваряющие положения» будут использоваться примененные здесь обозначения отдельных пунктов.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Вопрос 1. Присутствуют ли в слогане признаки сравнения вообще?

Да, признаки сравнения в слогане присутствуют, но это присутствие в существенной мере ослабленное.

Следует предварительно подчеркнуть, что сравнение присутствует всегда при употреблении качественных наречий и прилагательных. Нельзя сказать *наши горы высокие*, не подразумевая, что есть горы ниже (сема компаративности усиливается, если логическое ударение делается на слове *наши*), нельзя сказать *в том магазине овощи дорогие*, не подразумевая, что где-то в других магазинах они дешевле (или, напротив, сверхдорогие); если бы цены были везде одинаковые, то такие фразы теряли бы смысл, как, например, фразы типа *этот шар круглый (?), этот покойник мертвый (?)*. Но в обычном употреблении качественных прилагательных сравнение не актуализируется, оно обычно остается «за кадром». Даже при усилении интенсивности признака: супердешевый, ультрасовременный, сверхвыгодный. Актуализация осуществляется разными способами, из них использование сравнительной степени – наиболее регулярный способ, например, *В гостях хорошо, а дома лучше.*

Лингвистический анализ показывает, что в тексте слогана признак сравнительности актуализирован слабо. Его актуализация носит вероятностный характер. В чем проявляется ослабление признака сравнения?

1.1. В тексте слогана отсутствуют указания на объект или объекты, с которыми произведено сравнение. Отсутствие таковых самым существенным образом ослабляет признак компаративности (сравнительности). Например, в

предложениях *Петр умнее всех в своей студенческой группе; Петр самый умный из своей студентов группы; Петр умнейший среди студентов своей группы* прямо представлены объекты сравнения – студенты группы, которым противопоставляется Петр по признаку ума. Но в предложении *Петр – умнейший студент, и то не мог решить задачу* нет указания на объект сравнения, и признак компаративности нейтрализуется, *умнейший* в данном предложении имеет элативное значение – «очень умный», семантика сравнения, превосходства ослабляется; ср.: *в нашей группе все парни – умнейшие ребята* (см. Предваряющие положения, п. 3.1). Данное обстоятельство принципиально важно в юридико-лингвистическом аспекте, поскольку отсутствие указания на объект сравнения создает ситуацию неопределенности пострадавшего от некорректного сравнения субъекта, даже в том случае, если некорректность сравнения будет доказана по другим признакам.

1.2. В тексте слогана ослаблено значение предмета, характеризуемого признаком (в данном случае признаком «дешевый», «дешевле»). Предмет не назван определенно, поэтому в нормативно-семантическом отношении за слоганом «*TELE2 – всегда дешевле!*» могут стоять любые продукты, любые услуги, любые объекты, связанные с фирмой «TELE2», в том числе сама эта фирма. Это означает, что продукты, услуги, объекты TELE2, подразумеваемые данной рекламой, могут быть установлены только вероятностным путем. Так, наиболее вероятно, что слоганом подразумевается основная услуга данной фирмы – мобильная связь, предоставляемая ею, но данное утверждение вытекает не из текста рекламы, а из знания реалий.

1.3. Недостаточно определенно разведены в рекламе такие смыслы, как сравнение с другими объектами, и внутреннее сравнение (3.2.). Слоган можно трактовать и как сопоставление разных временных состояний TELE2 по признаку дешевизны: «TELE2 – всегда сейчас дешевле, чем было раньше». Поэтому внешнее сравнение устанавливается только вероятностным путем.

1.4. Неопределенный смысл возникает и при трактовке слогана с позиций субъекта оценки по признаку «дешевый». На вопрос «Кому дешевле?» ответ с нормативно-смысловой точки зрения может быть самым разнообразным, а ответ – «потребителям услуг» – является одним из возможных, хотя он имеет, как можно предположить, достаточно высокую вероятность при смысловом восприятии данной фразы носителями русского языка.

Таким образом, в рассмотренной конструкции «TELE2 – всегда дешевле!», являющейся в значительной мере редуцированной, содержащей имплицитные (невыраженные) компоненты, признаки сравнения присутствуют, но актуализированы они в слабой мере, трактовка данной конструкции как однозначно сравнительной не соответствует смысловым и сочетаемостным нормам русского языка, допускающим другие трактовки.

Дополнительные аргументы к данному выводу содержатся в ответе на вопрос 2.

1.5. Абстрактное слово *всегда* также ослабляет конкретность значения всего высказывания, придавая ему неопределенный оттенок: *всегда – это летом и зимой…, всегда – это утром и вечером…, всегда – это вчера, сегодня, завтра…* Конкретизировать временной параметр исходя из крайне редуцированного контекста не представляется возможным.

1.6. Достаточно существенным моментом является и возможность различного логического ударения во фразе «TELE2 – всегда дешевле!». Так, логическое ударение на слово «ВСЕГДА» ослабляет основные смысловые признаки наречия «дешевле», в том числе и признак сравнения.

Вопрос 2. Если «да», то что с чем сравнивается?

В анализируемом слогане признак сравнения присутствует, но конструкция допускает различное толкование сравнения в разных параметрах, в том числе в параметре «субъекты и объекты сравнения». Ответ на вопрос 2 является продолжением ответа на предыдущий вопрос (1.1., 1.3.).

2.1. Об объекте сравнения. Толкование данной конструкции (редуцированной, содержащей нестандартную и нетипичную грамматическую структуру, см. об этом Предваряющие положение Б) может быть различным. В слогане прямо не сказано, с чем (с кем) сравнивается TELE2 по признаку дешевизны. Особенно важен в качестве юридического обстоятельства тот факт, что в слогане не называются конкретные фирмы, с которыми осуществляется сравнение по признаку «дешевый». Например, сравнение с «обычным» порошком стало некорректным в юридическом смысле лишь при появлении конкретной марки – порошка «Обычный», производимого конкретной фирмой, выступившей в роли истца, защищающего свои права). Специалист по рекламоведению Д.С. Ловчиков, обсуждая проблемы рекламного законодательства, приводит пример: «Типичный случай из этой серии – реклама сигарет «Новый дукат»: «Новый дукат. Все остальное – только дым!», формально закон соблюден, и в то же время создается впечатление о том, что он нарушен! Многие считают эту фразу оскорбительной для других сигарет. Однако сравнение безадресно, хоть и некорректно. В итоге к этой рекламе очень сложно придраться...» (Ловчиков, 2006).

Не выражено прямо в анализируемом слогане и то, по какому продукту сравнивается TELE2 с другими фирмами.

2.2. О субъекте сравнения. Также не проявлен и исходный член сравнения и его семантика. Во-первых, не исключена трактовка падежной формы компонента TELE2 как дательного падежа (кому? – TELE2), что уводит смысл слогана в другую плоскость; во-вторых, не проявлен статус TELE2: не ясно, идет ли речь о том, что TELE2 – субъект (юридическое лицо) коммерческих сделок, предлагающих те или иные услуги населению по дешевым ценам, или само предмет этих сделок, или наконец, TELE2 – не субъект, а учреждение, локус, в котором что-либо или все всегда дешевле.

2.3. О параметре сравнения. В слогане не выражен прямо параметр сравнения: внутренний или внешний (Предваряющие положения, 3.2.) В частности, никаких языковых препятствий нет для интерпретации конструкции слогана «TELE2 − всегда дешевле!» как актуализация внутреннего параметра: цены на услуги в TELE2 постоянно дешевеют.

Таким образом, на вопрос о том, что и с чем сравнивается, исходя из языковых свойств анализируемого текста и смысловых норм русского языка, можно дать лишь вероятностный ответ. Вопрос о степени вероятности предполагает отдельное исследование, таковой вопрос перед специалистом не ставился.

Вопрос 3. Что означает некорректное сравнение?

Выражение «некорректное сравнение» в общенародном смысле означает сравнение, нарушающее этические нормы и нормы этикета, ср. «НЕКОРРЕКТНЫЙ – нетактичный в обращении с людьми, невежливый, неучтивый *Некорректный человек*. // Свойственный такому человеку. *Некорректное обращение. Некорректный поступок* (Словарь русского языка, т.2, с. 450).

Помимо этого, выражение «некорректное сравнение» является специальным юридическим термином, которым обозначается один из признаков недобросовестной конкуренции, проявляющейся чаще всего в рекламе. В юридической литературе этот термин определен недостаточно четко и по его содержанию часто ведутся дискуссии в теории и практике осуществления закона о рекламе. К некорректному сравнению обычно относят сравнение, в котором неправомерно возвеличиваются качества товара или услуг рекламируемого предприятия и принижаются качества товара или услуг предприятия (предприятий) конкурента. Так, в статье 7 Федерального закона «О рекламе» недостоверной признается реклама, в которой присутствуют не соответствующие действительности сведения в отношении сравнений с другим товаром (товарами), а также использования терминов в превосходной степени, в том числе путем употребления слов «самый», «только», «лучший», «абсолютный», «единственный» и тому подобных, если их невозможно подтвердить документально; а также с правами и положением иных юридических или физических лиц. Таким образом, юридический смысл термина «некорректное сравнение» заключается в недостоверности содержательной части сравнения, то есть тех сведений, которые в нем содержатся. Этот признак не является лингвистическим и не подлежит лингвистической оценке.

Лингвистическим предметом является лишь дифференциация сведений или мнений, утверждений или оценок, содержащихся в речевом произведении. Такого вопроса перед специалистом не ставилось, поэтому выскажу лишь общую оценку слогана «TELE2 – всегда дешевле!». Она заключается в том, что данная фраза является таким высказыванием, которое не подлежит верификации (проверке на достоверность), так как его содержание слишком общо и неопределенно, что показано в ответах на

предыдущие вопросы. К примеру, такое общее высказывание, как «Продукция фирмы ABC всегда лучше других» не может быть однозначно ни подтверждено, ни опровергнуто, поскольку всегда могут найтись параметры, в котором она «лучше», те потребители, для которых она «лучше» в этом параметре, и те «другие фирмы», по отношению к которым фирма ABC «лучше» в этом или, возможно, уже в другом параметре. Данная особенность такого рода общих высказываний весьма типична в рекламной деятельности, хотя в теории и юридической практике до сих пор остается открытым вопрос, насколько этически и юридически допустимы такие приемы рекламирования. В некоторых случаях логически некорректное сравнение используется лишь как риторический прием, позволяющий акцентировать достоинства товара; в других случаях, напротив, оно вводит в заблуждение, порождая более сильное утверждение о свойствах товара, расходящееся с действительностью. Вопрос о критериях дифференциации подобных случаев подлежит научной разработке и легитимизации в юридической практике.

Вопрос 4. Возможно ли толковать слоган «TELE2 - всегда дешевле!» как сравнение существующих услуг TELE2 с предыдущими услугами Теле2?

Да, возможно. Данный вытекает из ответа на вопрос 2 (см. 2.3.). Слоган «TELE2 – всегда дешевле!» не содержит явных языковых противопоказаний для интерпретации его сравнительного смысла как сравнения существующих услуг TELE2 с предыдущими услугами TELE2 в параметре «дешевле / дороже». Возможность такой интерпретации усиливается тем фактом, что предикат «дешевле» распространяется обстоятельством времени «всегда». Слово *всегда* в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова определяется следующим образом: «Во всякое время, постоянно» *Всегда готов.* (с. 96). Замена слова «всегда» на синонимическое слово «постоянно» подчеркивает наличие внутреннего сравнения: выражение «TELE2 – постоянно дешевле!» его отчетливо проявляет. Это выражение означает именно то, что услуги в Теле2 постоянно дешевеют.

Какова степень вероятности такого понимания – вопрос специального исследования, который не ставился перед специалистом, проводящим данное исследование.

Вопрос 5. Возможно ли слоган «TELE2 - всегда дешевле!» однозначно (как единственно возможный вариант) толковать как сравнение именно с другими операторами связи?

Нет, нельзя. Толкование сравнительного оборота, содержащегося в слогане «TELE2 – всегда дешевле!», как сравнение именно с другими операторами связи не является единственно возможным. Возможны и другие толкования, что раскрыто в ответах на вопрос 1 (1.1.) и вопрос 2 (2.1.). Многовариантность интерпретации текста слогана в аспекте наличия в нем

сравнения и его качества подтверждают показания языкового сознания носителей русского языка, отраженные в ответе на следующий вопрос.

Вопрос 6. Как воспринимается населением слоган «Теле2 – всегда дешевле!» в плане наличия в нем сравнения?

Для ответа на этот вопрос было проведено специальное психолингвистическое исследование интерпретации жителями г. Кемерова и Кемеровской области текста слогана, имеющего аналогичную структуру со слоганом «TELE2 – всегда дешевле!». Данное исследование представляло собой направленный эксперимент, имеющий целью, поставив испытуемых в позицию потребителей рекламной продукции, выявить их интерпретационные реакции на текст-стимул. Для этой цели был разработан специальный комплекс вопросов и заданий. Реципиентами выступали студенты 1-4 курсов заочного отделения филологического и юридического факультетов Кемеровского государственного университета. Основная установка перед заданием: участники эксперимента выступают как рядовые носители языка и рядовые покупатели, которые в своих ответах должны опираться не на специальные знания, а на здравый смысл и языковое чувство. Всего в эксперименте участвовало 200 испытуемых, которым был предложен **следующий комплекс вопросов и заданий:**

1. Прочитайте рекламный текст и ответьте на заданные вопросы

В нашей гостинице вы найдете ультрасовременное обслуживание, прекраснейшие виды из окна, наилучшие номера, самую дешевую телефонную связь.

1) Воспринимаете ли вы слова в превосходной степени как выражение превосходства над другими гостиницами? ДА \ НЕТ.

2) Расположите слова из данного предложения: а) *ультрасовременный*, б) *прекраснейший*, в) *наилучший*, г) *самый дешевый* – по степени их способности выражать превосходство.

3) Принижает ли данная реклама репутацию других гостиниц? ДА \ НЕТ.

2. Прочитайте предложенные четыре рекламных текста и ответьте на заданные вопросы

а) «*Элекс-2» – всегда супердешевые цены*!», б) «*Элекс-2» – всегда обалденно низкие цены!»,* в) *«Элекс-2» - всегда дешевле!»,* г) *«Элекс-2» – всегда дешево!».*

4) Воспринимаете ли вы данные рекламные тексты как выражение превосходства над другими фирмами? ДА / НЕТ. Подчеркните тот из приведенных рекламных текстов, который, на Ваш взгляд, наиболее подчеркивает превосходство «Элекс-2».

5) Расположите четыре приведенных текста рекламы по степени (начиная с наиболее низкой) их способности принизить репутацию других фирм.

6) Какое значение имеет слово *всегда* в данных рекламах?

7. Сравните две последние рекламы. Стираются ли различия между ними при их восприятии? ДА / НЕТ (Если «нет», то как Вы воспринимаете их различие?).

Вопросы первой группы выполняли функцию активизации языкового сознания участников эксперимента и включения их в парадигму, соответствующую моделируемой ситуации (ситуации восприятия текста слогана в аспекте наличия / отсутствия сравнительного смысла и его качественного содержания). Вопросы второй группы непосредственно направлены на получение данных по интерпретации аналога анализируемого слогана *«Элекс-2» – всегда дешевле!»* в заданном аспекте.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Ответы на вопрос №4. Ответов «нет» − 140 (70 %), ответов «да» − 40 (20%).

Комментарий. Несомненно, на результаты опроса влияет тот фактор, что в современном российском обществе рекламный дискурс сформировался, молодое поколение к нему привыкло и приняло те «правила игры», которые он им навязывает. Поэтому в оценках отражается то обстоятельство, что они делаются не столько по формальным основаниям (грамматическая форма или семантика компонентов слогана), сколько по тому, что подобные слоганы заполняют в рекламе огромное пространство и к ним привыкли как к некоторой условности, – таковы правила рекламной игры. По этой же причине внутреннее членение четырех слоганов по степени превосходства показало, что они мало различаются по этому признаку: первые три слогана набрали соответственно 26%, 28% и 28%, несколько уступает им четвертый слоган («*Элекс-2 – всегда дешево!»*) – 22%.

Ответы на задание №5. Ответы показывают большую пестроту интерпретаций предложенных слоганов с точки зрения их способности подчеркивать преимущества одной фирмы и принижать достоинства других. Испытуемые предлагали самые разнообразные комбинации букв, обозначающих четыре слогана. Можно, однако, отметить тенденции. Наиболее «слабым» слоганом чаще всего признается слоган «г» – «*Элекс-2» – всегда дешево!*» (31%), наиболее «сильным» признается слоган «б» – *«Элекс-2» – всегда обалденно низкие цены!»* (26%). Наиболее интересующий нас слоган *«Элекс-2» – всегда дешевле!»* занимает примерно равные позиции со слоганом *«Элекс-2» – всегда супердешевые цены!»* (соответственно 20% и 21%).

Ответы на задание и вопрос №7. Сравните две последние рекламы. Стираются ли различия между ними при их восприятии? ДА / НЕТ (Если «нет», то как Вы воспринимаете их различие?).

Ответы полностью подтверждают закономерности и выводы, отраженные в ответах на вопрос 4 и 5. 65% испытуемых не видят различий между слоганами в) *«Элекс-2» - всегда дешевле!»*, г) *«Элекс-2» - всегда дешево!»*, полагая, что их смыслы примерно равны, 30% указали, что различие между ними не стерты, из них около 20 человек (10%) отметили, что слоган «в» сильнее подчеркивает превосходство фирмы «Элекс-2» над другими фирмами.

Ответы на вопрос №6. Какое значение имеет слово *всегда* в данных рекламах?

Имеющиеся ответы: *всегда значит всегда* (в разных вариантах) – 40, постоянно – 35, *постоянство* – 6, *в любое время* – 7, *стабильность* – 4, *уверенность* – 3, *независимо ни от чего* – 2, *обман* – 3, *безразлично* - 2, *болтовня* – 1 и др. Многие из таких ответов косвенно подтверждают, что элативное значение формы превосходной и сравнительной степени в данных рекламах имеет достаточно сильные позиции, и это не позволяет однозначно квалифицировать их оценку рядовыми носителями русского языка и рядовыми покупателями как выражение превосходства одних товаров и услуг перед другими.

ОБЩИЙ ВЫВОД

Лингвистическое исследование выражения «TELE2 – всегда дешевле!», используемого в качестве рекламного слогана ЗАО «Кемеровская мобильная связь», показало следующее. Анализируемое выражение представляет собой краткую, максимально редуцированную конструкцию, имеющую по этой причине некоторые отклонения от стилистических и грамматических норм русского литературного языка. Отсутствие многих конкретизирующих указателей позволяет по смысловым нормам русского литературного языка интерпретировать данный слоган различным образом в самых разных аспектах, в том числе в аспекте наличия / отсутствия сравнительного смысла и его (смысла) качественного наполнения. Проведенный эксперимент подтверждает данный вывод. Сравнительный смысл подобных слоганов рядовыми носителями русского языка распределяется в широком диапазоне, в том числе сильна тенденция к ослаблению восприятия сравнительного компонента как нарушающего языковые и этические нормы. Косвенным образом это свидетельствует о том, что исследуемый слоган не выделяется по данному компоненту из массива других активно функционирующих в российском информационном пространстве рекламных текстов.

ЭКСПЕРТИЗЫ ПО СПОРНЫМ РЕЧЕВЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ИДЕНТИФИКАЦИИЕЙ ЛИЧНОСТИ ПО ТЕКСТУ

Н.Д. Голев

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И АВТОРОВЕДЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРЕХ ТЕКСТОВ

В распоряжение эксперта были предоставлены следующие материалы:

- заявка на проведение лингвистической экспертизы;
- копия листовки «Обращение к жителям города рядовых рабочих промышленных предприятий и железной дороги» на 1 листе;
- копия «Вестника депутата В.» с текстом, озаглавленным «Собрание, обреченное на четырехлетнее противостояние, или не вытирайте о нас ноги»;
- копия листовки общественного движения «Медведь» в поддержку кандидата в депутаты А.

На разрешение эксперта поставлены следующие вопросы:

1. Одним или разными лицами составлялся текст в листовке «Обращение к жителям города рядовых рабочих промышленных предприятий и железной дороги» и в «Вестнике депутата В»?
2. Одним или разными лицами составлялся текст в листовке «Обращение к жителям города рядовых рабочих промышленных предприятий и железной дороги» и в листовке общественного движения «Медведь»?

Использованная литература

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: УРСС, 2000.

Баранов А.Н. Авторизация текста: пример экспертизы // Цена слова. – М., 2002.

Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. – М., 1963.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. – М., 2001.

Юрислингвистиика-9: Истина в языке и праве /под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул-Кемерово, 2008.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

По характеру заданий выполняемая экспертиза относится к числу идентификационных. **«Идентификационная** судебно-авторoведческая

экспертиза ставит своей целью установление авторства текста. В этом случае типичным заданием для экспертной комиссии являются вопросы о том, единственный ли автор у данного текста, либо текст создан группой лиц, идентично ли авторство текстов, представленных для лингвистической экспертизы, может ли конкретный человек быть автором представленного текста и т. п.?» (Юрислингвистика-9: истина в языке и праве. – Барнаул, Кемерово, 2008. – С. 183).

Тексты, предложенные для осуществления автороведческой экспертизы, не достаточны по объему для получения результата с высокой степенью вероятности, поскольку существующие методики такой экспертизы строятся в основном на количественных показателях и предполагают анализ больших массивов текстового материала.

В силу сказанного, в качестве основного метода нами был использован лингвоперсонологический метод, то есть метод реконструкции типа языковой личности, стоящего за данным текстом. Тексты позволяют реконструировать образ автора исследуемого текста и отнести языковую личность, стоящую за ним, к определенному ментально-языковому и психо-языковому типу. Этот параметр дополняется культурно-языковым параметром. «В этом случае тактика экспертного доказывания идентичности / неидентичности личности автора произведения и его распространителя будет сводиться к установлению творческой способности (неспособности) распространителя создать распространяемый им текст. Означенная творческая способность складывается из таких характеристик, как культурный уровень, языковая компетенция, социально-культурная принадлежность, а также личностная оригинальность. Следовательно, автороведческое исследование призвано охарактеризовать автора не как человеческого индивида (относящегося к определенному полу, говорящего на определенном диалекте), но как личности, находящейся на определенной стадии своего социально-культурного развития» (там же, с. 191).

Вопрос 1. Рассматриваемые тексты относятся к одному речевому жанру (предвыборные обращения), у них примерно одинаковая целевая установка – настроить избирателей не голосовать за определенных кандидатов в депутаты Новоалтайского городского собрания депутатов, что повышает корректность сопоставления текстов по признаку их принадлежности к одному или разным типам языковой личности.

Анализ предложенных текстов с очерченных позиций позволяет утверждать, что тексты «Обращение к жителям города рядовых рабочих промышленных предприятий и железной дороги» (далее «Обращение») и «Собрание, обреченное на четырехлетнее противостояние, или не вытирайте о нас ноги», опубликованный в «Вестник депутата В.» (далее «Собрание») написаны авторами, относящимися к разным типам языковой личности.

Ментально-языковой и психо-языковой параметры показывают, что авторы сравниваемых текстов достаточно контрастно отличаются друг от друга.

Из текста «Обращения» реконструируется языковая личность эмоционального типа, из текста «Собрание» – рационального. Текст «Обращения» построен на тактике внушения, текст «Собрания» – на тактике убеждения, логического доказывания. «Обращение» в модусе прямой агрессии в адрес определенных людей, настраивающем читателей против них. «Собрание» выстроено в первую очередь как формирование сознания единомышленников. Текст «Обращение к жителям города рядовых рабочих промышленных предприятий и железной дороги» принадлежит к публицистическому стилю, агитационному подстилю, а «Вестник депутата В. Бычкова» заявлен как «информационно-аналитическое издание», его характеризует информационно-аналитический подстиль. В тексте «Собрания» информационная функция заявлена как одна из ведущих, что выражается в большей документальности, фактологичности, официальности изложения и сдержанности. Текст «Обращения» принадлежит к речевому жанру призыва, воззвания.

Отношение к логике у авторов анализируемых текстов полярно. Для автора «Обращения» логика не является инструментом достижения цели. Его главная задача – возбудить читателя путем создания образа крайне отрицательного персонажа (в данном случае кандидата в депутаты). Основная линия – нагнетание эмоций путем ассоциирования персонажа с концептами, имеющими в сознании россиян явный негативный смысл (наркотики, торговля людьми, чеченские боевики, Шамиль Басаев). Никакой доказательной стратегии в тексте не обнаруживается. Главный способ организации сюжета – **софистический**, сцепление фрагментов текста, обладающих общими словами. Для этой цели конструируются специальные фразы, позволяющие осуществить такое сцепление.

Развернем софистическую логику текста «Обращение». В первой части текста приводятся утверждения о цели и средствах ее достижения руководителями города: «Им любой ценой нужен город»; «Они не жалеют денежных средств. Раздают их пенсионерам и инвалидам, ветеранам и гражданам города». «Логический» переход к следующей фразе обеспечивает фраза «Никто не задумывается и не знает происхождения этих денежных средств», позволяющая автору занять позицию осведомленного срывателя масок, который раскрывает происхождение этих денежных средств: за ними стоят различные преступления, в том числе торговля наркотиками, оружием, заказные убийства. Намекается, а по сути (утверждается), что гибель начальника ГОВД А. – пример таких заказных убийств. Риторический вопрос «откуда могли чеченские боевики знать про какого-то офицера из какого-то там г. Н-ска?» дает автору псевдологические основания для ответа: «Ответ прост – наводчики. Спрашивается, какие наводчики в городе Н-ске?». Такая фраза из арсенала софистики позволяет автору назвать «наводчиков» – это те, кто «стоит за спиной блока Х.». Далее по этой же логике называется группа, стоящая за спиной Х., финансирующая его, – группа акционеров ОАО «Алтайкокс», в числе акционеров называются чеченские боевики. В заключении листовки осуществляется увязка криминальной обстановки в

городе Н-ске с действиями данных руководителей, внушение жителям мысли о том, что с приходом данных руководителей к власти в городе «одни будут задурманивать мозги населению наркотиками, а другие, используя данную ситуацию, выуживать у них деньги».

В тексте «Собрание» также есть элементы нагнетания эмоций, но они носят периферийный характер и органически включены в аргументативную логику разворачивания текста. Автор озабочен логическими доводами и связками, доказательными аргументами, обосновывающими негативный (по мнению автора) характер. Текст организован как рассуждение, имеющее последовательный сюжет, раскрывающий негативный процесс подковерных игр, который, по мнению автора, начался с первых дней работы Н-ского городского Собрания депутатов. Автор поэтапно описывает процесс и дает ему негативные оценки, стараясь их обосновать фактами. В тексте приводится масса фамилий, дат, названий организаций и должностей лиц, упоминаемых в тексте. Если в тексте «Обращения» наблюдается прямое давление на эмоционально-психологическую сферу читателя, то в тексте «Собрания» такое давление, хотя и присутствует, но является более мягким. Образцы эмоциональной лексики и фразеологии «Обращения»: «нас пытаются втянуть в грязную авантюру», «им плевать на рядовых граждан», избиратели «не знают, что это грязные деньги, полученные от продажи наркотиков и оружия, от выкупа пленных российских солдат, томящихся в погребах горных аулов Чечни». В тексте «Собрание» отрицательные характеристики более корректны. Например, «К ним, не без помощи заместителя губернатора края …, оказалась втянута краевая администрация». Даже заключительная фраза не выходит за рамки литературного стиля: «Призываю всех здравомыслящих депутатов проголосовать против навязываемых краевой администрацией кандидатур».

Эмоциональная лексика и фразеология, в которой, как правило, личность проявляет себя непосредственно, в сравниваемых текстах различна. Для текста «Обращение» характерны такие фразы: «на память о котором им наплевать», «задурманивают мозги», «выуживать деньги», «грязная авантюра». Подобных выражений нет в тексте «Собрания», здесь другой словарь: «вызывающее поведение», «грубое давление», «привели к срыву», «подковерные игры», «навязать свою волю», «ничего, кроме презрения, не вызывает» и т.п. Пересечений в способах выражения негативных эмоций в тексте не обнаружено, хотя тематически, ситуативно и тактически они близки друг другу. Весьма характерный для «Обращения» прием эмоционального нагнетания – риторический вопрос (например, «не от того ли наш город является крупной перевалочной базой наркодельцов?») практически отсутствует в системе разворачивания текста «Собрание».

В сравниваемых текстах обнаружены лишь три компонента, которые можно оценить как совпадающие. В обоих текстах есть обвинение объекта критики в подкупе избирателей и вписывание предвыборной ситуации в г. Н-ске в более широкий контекст: в «Обращении» – в современную

криминальную ситуацию, в «Собрании» – в советское прошлое. Но способ построения и логика использования этих компонентов не дают основания рассматривать эти апелляции к истории как один из аргументов в доказательстве принадлежности сравниваемых текстов одному лицу. Автор «Обращения» приводит исторические аргументы как голословные утверждения или эмоциональные пассажи, автор «Собрания» стремится дать развернутое объяснение своим историческим аналогиям. Наконец, авторы обоих текстов указывают на негласные источники некоторых сведений, что не является системным признаком, а представляет собой простое совпадение.

Культурный уровень образа автора, выводимый из двух сравниваемых текстов, также различается. В текстах «Собрания» автор выступает как носитель литературного языка, склонный ко многим формам, характеризующим его как культурно-речевую личность достаточно высокого уровня, способным выразить тонкие смысловые и стилистические оттенки. Стилистические фигуры, используемые им, свидетельствуют о владении им книжным и публицистическим стилями. Образ автора «Обращения» формируется из более прямолинейных средств воздействия на адресата. В нем также присутствуют различные показатели книжности, но она носит на научно-аналитический, а публицистический характер, характеризуется намеренным использованием сниженных средств.

Укажем характерные приемы речевого стиля автора «Собрания», сопоставив их с аналогичными приемами в тексте «Обращения»:

1) активное использование причастных оборотов; **в тексте «Обращения» нет причастных оборотов;**

2) в заголовке использован союз «или» с пояснительным значением, имеющим книжное употребление; **в тексте «Обращения» нет разделительных союзов;**

3) многочисленнее использование реплик в скобках с разными функциями (пояснительной, усиливающей, комментирующей). Особого внимания заслуживает заключение в скобки больших фрагментов текста, что также говорит о креативном отношении автора к тексту; **в тексте «Обращения» одна реплика в скобках;**

4) параграфемное использование средств письменного текста (разные шрифты, подчеркивания, курсив); среди этих средств следует особо подчеркнуть выделение жирным шрифтом логического ударения – прием, которым редко пользуются рядовые носители языка; **в тексте «Обращения» нет параграфемных средств**;

5) автор не избегает сложных синтаксических конструкций, в том числе подчинительных; **в тексте «Обращения» имеются сложные конструкции преимущественно сочинительного типа, особенно при перечислении фраз, нагнетающих эмоции**;

6) автор владеет приемами оформления модальных установок и логических нюансов переходов («возможно», «в том числе», «тем более», «вплоть до», «подобными методами», «кроме», «однако» (особенно

частотное); **в тексте «Обращения» такие вводные слова встречаются эпизодически;**

7) использование стилистических фигур, например, градацию («страх приучил людей говорить одно, думать другое, делать третье»); **в тексте «Обращения» стилистические фигуры также имеют место, среди них доминирует риторический вопрос, нередко выступающий серией (как однородные члены)**;

8) несобственно прямая речь с оформлением ее в кавычках («Страх приучил «не высовываться»), что также свидетельствует о языковом чутье и культуре автора; **в тексте «Обращения» такой прием не обнаружен**.

Сравнение текстов в нормативном аспекте показывает, что имеющиеся в обоих текстах ошибки (орфографические, пунктуационные, стилистические) носят несистемный характер и не могут служить основанием для выводов о тождестве или различии авторов сравниваемых текстов. В частности, в тексте «Вестника» допущены следующие пунктуационные ошибки: Непостановка одной из запятых при обособлении причастного оборота (3), вводного слова (4) и придаточного предложения (1); а так же излишнее (1) и недостающее (1) двоеточие. В тексте «Обращения» обнаружены излишние запятые (3), а также непостановка запятой при обособлении вводного слова (1) и придаточного предложения (2).

Ответ на вопрос 1. Проведенное сравнение языковых особенностей двух текстов («Обращение» и «Собрание») показало, что признаки, различающие данные тексты, носят системный характер, а общие признаки являются эпизодическими и случайными. Это дает основание для вывода о высокой степени вероятности того, что эти тексты, написаны языковыми личностями, относящимися к разным ментально-языковым типам.

Вопрос № 2. Текст «Общественное движение МЕДВЕДЬ» имеет другие целевые установки, чем текст «Обращение». Цель данного текста – представить А. как достойного кандидата в депутаты (в тексте не указано, в какой орган баллотируется А.). В соответствии с этой установкой в тексте представлена только позитивная речевая стратегия и тактика, что затрудняет сравнение данного текста с текстом «Обращения», построенном на актуализации негативных процессов и организации противодействия кандидатам в депутаты, с которыми эти негативные процессы связываются.

Текст «Общественное движение МЕДВЕДЬ», как и текст «Обращения», принадлежит к агитационному подстилю, но и воздействующая, и информационная функции реализуются в нём иначе, что отражается на стиле текста. Текст «Общественного движения» характеризуется большей разговорностью, что выражается в устойчивых выражениях разговорного стиля «не обойти, не объехать», «а воз и ныне там», «всё по-тихому», а так же более простым синтаксисом, свойственным

разговорной речи, и гораздо большей эмоциональностью, чем в тексте «Обращения».

Синтаксические особенности. Разговорная стихия характеризует и синтаксис текста «Общественного движения». Текст «Общественное движение» построен на кратких, последовательно соединённых предложениях, что позволяет автору переходить с одной темы на другую, для этого он разбивает текст на несколько абзацев. Эта особенность отличает его от текста «Обращения», в котором связь предложений и структура текста представлена совершенно иначе.

В тексте «Общественного движения» присутствуют предложения, начинающиеся с подчинительных союзов («И для того…»; «Но А.…»), но в контексте синтаксиса, принципиально отличающегося от синтаксиса «Обращения», эта черта не является схожей для данных текстов.

Отличие заключается в том, что этом тексте нет сложных синтаксических целых, состоящих из нескольких самостоятельных предложений, как в тексте «Обращения». Наоборот, этот текст отличает высокая степень эмоциональности. В нём активно используются тире и восклицательные знаки, в то время как в «Обращении» их нет вообще.

Характерны разговорные конструкции с опущенным сказуемым: «Проблема оставалась не решенной, одни обещания! Жители этого дома предложили **А.** – прояви себя! В сентябре обратились к нему – в настоящее время проблема решена! **Крыльца отремонтированы**! **РЕЗУЛЬТАТ!».** (Шрифтовые выделения даны по первоисточнику).

Стилистические особенности. Разговорный характер текста подчеркивает стилистика. Несколько примеров: «Более 25 лет перед жильцами этих домов стояла проблема огромнейшей лужи». Такое лексико-семантическое наполнение фразы не могло появиться в тексте «Обращения», имеющего другую – пафосно-публицистическую, абстрактно-назидательную – стилистику. Отметим также форму множественного числа именительного падежа «крыльца», также являющуюся разговорным нарушением стилистических норм. Подобных ошибок нет в тексте «Обращения».

Орфографические особенности. В тексте «Общественного движения» допущена ошибка в выборе частицы (*не* вместо *ни*). Во фразе «проблема оставалась не решенной» по правилам – написание причастия с НЕ должно быть слитным. В целом орфография не позволяет сделать выводов о сходстве или различии текстов.

Особенности пунктуации. В тексте «Общественное движение» имеются пунктуационные ошибки. В его 1-й части обнаружены излишние тире (3), лишние запятые (2), недостающие запятые при обособлении оборотов (3) и придаточных (1). Лишние знаки препинания не обусловлены

паузацией, свойственной устной речи, как это происходит в тексте «Обращения».

Во 2-й части текста «Общественного движения» («Моя депутатская программа») обнаружены две ничем не мотивированные лишние запятые, а также не хватает запятой при обособлении деепричастного оборота (1). Помимо этого, имеется ошибка в согласовании главной и придаточной части предложения с оборотом *если…, то…* (пропущено *если*).

Лексико-фразеологические особенности. Текст «Общественного движения» отличают разговорные элементы («не обойти, не объехать!», «а воз и ныне там») и устойчивые выражения из городского просторечия («причём, всё по-тихому»).

В тексте «Обращения», наоборот, встречаются только те обороты, которые свойственны публицистическому стилю («втянуть в грязную авантюру»), обладающие оценочностью, но стилистически не сниженные.

Лексико-фразеологический уровень текста «Общественное движение» принципиально отличается от текста «Обращения».

Графические особенности. В тексте «Общественное движение» используются параграфемные средства (высокий и низкий регистр, выделения жирным шрифтом, разбивка текста). Эти средства отсутствуют в тексте «Обращения».

Ответ на вопрос 2. Проведенное сравнение языковых особенностей двух текстов («Обращение» и «Общественное движение») показало, что признаки, **различающие** данные тексты, носят системный характер, а **общие** признаки являются эпизодическими и случайными. Это дает основание для вывода о высокой степени вероятности того, что **эти тексты написаны различными лицами.**

ЭКСПЕРТИЗЫ ПО СПОРНЫМ РЕЧЕВЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ В СВЯЗИ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, В ОСНОВНОЙ ИЛИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ СОСТАВ КОТОРЫХ ВХОДИТ УГРОЗА

С.В. Сыпченко, В.Г. Наумов

«ИЗ ФОНОГРАММ РАЗГОВОРОВ СЛЕДУЕТ…»

Перед экспертами были поставлены следующие вопросы:

1. Каково смысловое содержание разговоров, зафиксированных на фонограммах №1, №2, №3 аудиозаписи и фонограммах №1 и №2 видеозаписи (текст приведен в приложениях 1 и 2 к заключениям экспертов №141 от 29.12.2004 и №2093 от 08.09.2005)? Изменяется ли смысловое

содержание данных разговоров, если у одного из его участников родным языком является китайский?

2. С учетом содержания и интонации следует ли из разговоров, зафиксированных на указанных фонограммах, что речь между участниками разговоров идет о лишении жизни человека? Если да, то следует ли из смысла разговоров, каковы условия и способы причинения смерти? Какова позиция в этих разговорах объекта М1 и Х (при этом М1 – в приложении к заключению эксперта №2093 и Х – в приложении к заключению эксперта №141)?

3. В общем контексте каково значение фраз: «Чтобы его здесь не было. Всё». «У меня деньги тоже, он, может быть, еще живой один день, мешай мне один день, согласится?». «Он еще живой. Он мне мешается» (фонограмма №2, стр. 3, 6 приложения №1 к заключению эксперта № 2093)?

4. Соответствуют ли ответы объекта М1 (Х) задаваемым вопросам, репликам другого участника разговоров, зафиксированных на фонограммах №1, №2, №3 аудиозаписи и №1 и №2 видеозаписи?

5. Имеются ли смысловые логические несоответствия фраз (реплик) участников разговоров фонограмм №1, №2, №3 аудиозаписи? Если да, то в чем они заключаются и чем могут быть объяснены?

6. Имеется ли смысловая взаимосвязь между разговорами, зафиксированными на фонограммах №1, №2, №3 аудиозаписи и №1 и №2 видеозаписи?

7. Следует ли из фонограмм разговоров №1, №2, №3 аудиозаписи и №1 и №2 видеозаписи, что речь между объектами М1 (Х), М2 и М3 ведется о деньгах? Каково смысловое значение переговоров в этой части и какую позицию, исходя из контекста, занимал объект М1 (Х)?

Список источников

Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. – М., 2003.

Галяшина Е.И. Судебная фоноскопическая экспертиза. – М., 2001.

Галяшина Е.И., Горбаневский М.В., Пантелеев Б.Н., Сафонова Ю.А. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004.

Словарь русского языка в четырех томах / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: «Русский язык», 1981–1984.

Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. – Ч. I. – М., 2002. – Ч. II. – М., 2003.

Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – Изд.3. – М., 2002.

Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.

Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: межвуз. сб. науч. статей / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Для ответа на поставленные вопросы, научного обоснования выводов экспертами были проведены аудивное и визуальное исследования представленных на экспертизу аудио- и видеозаписей и контекстологический анализ устных текстов (диалогов) и стенограмм этих диалогов.

Аудиальная и визуальная части исследования заключались в многократном прослушивании и просмотре фонограмм и видеофонограмм с целями определения особенностей интонационного оформления реплик участников диалогов, формально-смыслового анализа ключевых слов и фраз, выявления основного смысла диалогов, их связности и целостности как коммуникативных единиц, поиска языковых признаков коммуникативной целенаправленности диалогов и коммуникативных намерений каждого из участников переговоров, определения результативности коммуникативного процесса (т.е. взаимопонимания коммуникантов и достижения коммуникативной цели).

Контекстологический анализ устной речи и ее стенограмм был также направлен на достижение вышеперечисленных целей и заключался в соотнесении семантики ключевых слов и фраз с содержанием и формой отдельных разговоров и текста переговоров в целом.

Толкование смысла слов, фраз, фрагментов текста давалось с опорой на нормативный толковый словарь русского языка и анализ парадигматико-синтагаматических связей языковых единиц в тексте.

ВЫВОДЫ

1. Смысл разговоров в проанализированных диалогах – сговор об «устранении» некоего человека за деньги (по найму). По законам речевой коммуникации для более точного истолкования смысла диалогов необходимо знание внеязыковой ситуации, которое у лингвиста-эксперта ограничено доступными материалами дела: в его компетенции и в доступе – конкретные **речевые события**.

Разное понимание смысла высказываний у «разноязыких» участников разговора теоретически возможно и в практике общения вероятно, но в анализируемых диалогах не обнаружено лингвистических признаков иного понимания содержания переговоров участником, для которого родным является китайский язык, чем у русскоязычных участников. Общение происходит на русском языке, и цель коммуникации (договоренность об услуге и ее цене) достигается. Русскоязычные участники диалогов (М2 и М3) неоднократно поясняют свою мысль, добиваясь понимания сказанного. Не русскоязычный участник (М1 (Х)) достаточно уверенно владеет русской

лексикой и практически всегда понимает смысл сказанного собеседниками. Грамматическая оформленность реплик М1 ненормативна, но смысл его высказываний понятен: устранить того, кто ему «мешает», кто ему «не нужен». Таким образом, можно утверждать, что смысловое содержание данных разговоров, с учетом того, что у одного из его участников родным языком является китайский, не меняется. Неясность, многозначность некоторых слов, словосочетаний, фраз не меняет общего содержания разговоров.

2. Содержание диалога №1 составляют переговоры о стоимости услуги, которая заключается в том, чтобы «убрать» некое лицо. М1: «Я на который собирать деньги, чтобы убирать здесь». То, что здесь речь идет о человеке, представляется однозначным. Это подтверждают и реплики М2: «А он кто, кидает там?», «А чё он тебе сделал?», «А ему сколько лет?» (И ответ М1: «Тридцать четыре»), «Вот ты давай про этого человека. Он сам живет здесь, в городе?».

Смысл глагола «убирать» в диалоге №1 недостаточно определенен. Слово «убирать» (несовершенный вид глагола «убрать») является многозначным. В контексте рассматриваемого диалога оно может означать: 1. «устранить, заставить удалиться», 2. «устранить кого-л., убив; уничтожить физически» (значения 2 и 2//) (Словарь русского языка в четырех томах. – М.: «Русский язык», 1981–1984. – Т.4. – С.446 – далее МАС). Затемненность смысла, многозначность возникает в связи с тем, что в начале разговора речь идет о «фирме». М2 уточняет причину и цель заказа, М1 отвечает: «(Вот эту(?)) фирму я хочу (собирать(?))».– М2: «Убирать?» – М1: (нрзб.). – М2: «А, закрывать фирму что ли? А чё?». – М1: «На меня фирма, это (нрзб.)». – М2: «А, открыть хочешь?» – М1: «(Нрзб.) ну как, просто помешать (нрзб.)». – М2: «А, чтобы они, они тебе не мешали?». – М1: «(нрзб.) вообще другое место работать». Согласно грамматической норме русского языка, последняя фраза означает «в другом месте работать». Тогда словосочетание «убирать здесь» можно интерпретировать как «устранить, заставить удалиться (уехать) отсюда, так как человек не нужен, чье присутствие нежелательно» (МАС, т. 2, с. 457, 193).

Из диалога №1 также неясно, чем мешает М1 человек, о котором идет речь. Во второй части диалога от слов М2 «А он человек большой, нет?» выясняется, что к «фирме» человек, которого надо «убрать», отношения не имеет: М2: «Нет, у него фирма есть, чё-нибудь?». – М1: «Нет, ничего нет…[…] всё там (нрзб.) Ну, как говнюк». В таком случае разговор о данных, фотографии, адресе направляет интерпретацию смысла переговоров в другое русло: «убрать» может толковаться как «уничтожить физически по каким-либо личным мотивам.

Итогом диалога является договоренность о том, что М2 найдет исполнителя, который будет «браться» за работу за 100000 каких-либо единиц оплаты.

В диалоге №2 тема физического уничтожения человека звучит более определенно. М2 предлагает варианты: исчезновение с сокрытием трупа,

инсценировка несчастного случая со смертельным исходом и убийство без сокрытия трупа (М2: «…не будет человека, но он труп будет. Ну, лежать будет, где-то найдут его…»).

Позиция М1 на этот счет выражена неоднозначно в репликах «Чтобы его здесь не было, всё», «Нет, разницы нету», «Нету, делай твои дела и всё». Высказывание «Чтобы его здесь не было» может предполагать не только физическое устранение путем умерщвления, но и изгнание откуда-либо, так как «быть» (как самостоятельный глагол) имеет несколько значений: «1. Существовать, 2. Находиться, присутствовать» (МАС, т. 1, с. 130), и в контексте эта многозначность не снята. М1 реагирует на предложение разных способов убийства междометиями «ну», «но», «угу», которые могут выражать либо согласие, либо употребляются для поддержания процесса коммуникации, как побуждение собеседника продолжать беседу дальше, однако об условиях и способах причинения смерти сам прямо не говорит. На предложение обсудить способы физического устранения (от слов «Тебе с лицом нужно...» до слов «Или третье еще можно») М1 реагирует однозначно: он уже не хочет это обсуждать, перебивает собеседника словами: «Мне хочется чё... Чтобы его здесь не было. Всё». М1 на фразу «Ты хочешь, чтобы его вообще не было или трупа не было...» реагирует вопросом «Как (не было) трупа?» Это может быть расценено как реакция на не оговоренное заранее условие осуществления заказа, на новое для М1 условие. С данной точки зрения, его не интересуют это и другие условия исполнения заказа. Он прерывает тему обсуждения условий словами: «Я это, знаете (нрзб.) вот эти дела, честно сказать, надо заранее сказать, вы какой услугой занимаетесь. Мы бы обговорили, если вот это, договорились, и всё. А сейчас начнется там это то, другое, там чё там, второе, там чё там это». Данные слова могут свидетельствовать как о том, что М1 не исключает убийство («…вот эти дела…Мы бы обговорили, если вот это, договорились, и всё»), так и о том, что об убийстве до этого речи не было («…надо заранее сказать, вы какой услугой занимаетесь. Мы бы обговорили, если вот это, договорились, и всё»). Однако и другие способы устранения человека, помимо лишения жизни, в этом фрагменте переговоров не упоминаются и не обговариваются. Иначе говоря, судя по тексту, М1 безразлично, каким образом осуществится устранение и что за устранение это будет. Это дело исполнителя. М1 лишь возмущается затягиванием срока осуществления заказа: он повторяет слова «срочно», «срочно».

3. В общем контексте фраза «Чтобы его здесь не было. Всё» неоднозначна. Речь может идти как о нахождении в данном месте, так и о физическом существовании живого человека (см. выше ссылку на словарные толкования глагола «быть»). Более определенными выглядят фразы «У меня деньги тоже, он, может быть, еще живой один день, мешай мне один день, согласится?» и «Он еще живой. Он мне мешается». Однако и здесь употреблено многозначное слово «живой». Оно, помимо прямого номинативного значения «1. Такой, который живет, противоп. «мертвый»», имеет ряд производных значений, в том числе «3. Полный жизненных сил»

(МАС, т.1, с. 481) (т.е. деятельный, активный). Контекст фраз, в которых М1 употребляет это слово, не позволяет однозначно истолковать его актуальный смысл. Это может быть значение «мешает тем, что живет, не мертв» либо значение «мешает тем, что еще остается деятельным, как-то активно себя проявляет». Для уточнения необходим анализ всей ситуации текущего и предшествующего общения, а не только речевого контекста.

4. Ответы объекта М1 (Х) задаваемым вопросам, репликам другого участника разговоров, зафиксированных на фонограммах №1, №2, №3 аудиозаписи и №1 и №2 видеозаписи логически соответствуют.

5. Смысловых логических несоответствий фраз (реплик) в анализируемых диалогах не наблюдается. Диалоги соответствуют законам построения спонтанной устной разговорной речи, когда собеседники время от времени отвлекаются от основной темы, переспрашивают друг друга, вставляют реплики, не имеющие отношения к данной теме т.д.

6. Смысловая взаимосвязь между разговорами, зафиксированными на фонограммах №1, №2, №3 аудиозаписи и №1 и №2 видеозаписи, имеется. Связь заключается в том, что диалоги №2 и №3 являются развитием темы диалога №1. Диалог №1 – это обсуждение стоимости «заказа» и сведений об «объекте» «устранения», во втором диалоге речь идет об уточнении способа «устранения» и несоблюдении исполнителем договоренности о времени исполнения и об изменении порядка оплаты. Во время диалога №3 происходит расчет между заказчиком и посредником с исполнителем. Текст аудиозаписи №3 полностью совпадает с текстом видеозаписи №2.

7. Из фонограмм разговоров №1, №2, №3 аудиозаписи и №1 и №2 видеозаписи следует, что речь между объектами М1 (Х), М2 и М3 ведется о деньгах. Смысл переговоров – оплата «услуги». Начальная договоренность такова: М1 платит 100000 за «устранение» (неясно какое) человека (диалог №1), а из диалога №2 ясно, что М1 выплатил вначале 30000 (30%) и 70000 (70%) должен отдать после исполнения заказа. Но посредник (М2) в диалоге №2 просит добавить к первоначально выданной сумме еще некоторую (10000, 20000), так как истратил выданные деньги и материально нуждается в данное время. М1 отказывает, заняв твердую позицию: окончательный расчет только после исполнения заказа. В момент диалога №3 М1 передает 70000, затем идет спор, поскольку при окончательном расчете исполнитель требует добавить 17000, так как до него из 30000 первого взноса дошло лишь 13000. Поспорив, М1 соглашается отдать еще 17000 в условленное время.

ЭКСПЕРТИЗЫ ПО СПОРНЫМ РЕЧЕВЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ В СФЕРЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т.В. Чернышова

ЦЕНА КОНТРАКТА

На разрешение специалиста поставлены следующие вопросы:

1. Вытекает ли из п. 2.1 Статьи 2 «Цена контракта» Государственного контракта № 000 на выполнение подрядных и строительных работ для государственных нужд от _ _____ 200_г., что оплата командировочных расходов подрядной организации входит в цену контракта?
2. Вытекает ли из содержания п. 11.4 Статьи 11, с учетом содержания п. 2.1, что увеличение объема работ и первоначальной цены контракта на 10% включает в себя и стоимость командировочных расходов?
3. Вытекает ли из содержания п. 11.4, что увеличение цены контракта на 10% обусловлено только увеличением объема работ и не распространяется на командировочные и прочие расходы, предусмотренные пунктом 2 Дополнительного соглашения №1?
4. Вытекает ли из содержания п. 2 Дополнительного соглашения №1, что командировочные расходы в пределах утвержденного лимита в сумме 000 тыс. руб. входят в цену контракта, предусмотренную первым абзацем п. 2.1, после его увеличения на 10% в соответствии с п. 11.4?

Методы исследования:

Лингвистический анализ текста, включающий в себя:

а) метод смыслового анализа, направленный на полное и глубокое понимание основной мысли речевого произведения (Одинцов В.В., Дымарский М.Я., Черняховская Л.А., Чернышова Т.В.), осуществляемый с помощью приемов выделения из текста логико-фактологических цепочек, приема интерпретации смысла и толкования значений фраз текста (Дридзе Т.М.), приемов свертывания, перефразирования (Мурзин Л.Н., Штерн А.С.), с помощью которых выявлялась логика текста текста анализируемого джоговора;

б) метод концептуального анализа, направленный на выявление наиболее важных для анализируемого текста договора понятий, актуализируемых в тексте высказывания (Чернышова Т.В.);

в) метод лингвостилистического анализа, направленный на выяснение контекстуального значения языковых единиц, используемых в тексте речевого произведения, и их стилистической функции;

Источники исследования

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2007.

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. – Барнаул, 2009.

Валгина Н.С. Современный русский язык. Пунктуация. – М., 1989.

Дридзе Т.М. Текст как объект смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М., 1976.

Дымарский М.Я. Фрагмент характеристики смысловой структуры текста // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2001.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск, 1991.

Одинцов В.В. Стилистика текста. – М., 1980.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1986.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. – М., 1996.

Чернышова Т.В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика- 2: русский язык в его естественном и юридической бытии / под ред. Н.Д. Голева: межвуз. сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, , 2000. – С. 236–243.

Чернышова Т.В. Интерпретация конфликтного текста и комплексный лингвистический анализ (из опыта лингвистических экспертиз) // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сб. мат-лов науч.-практ. семинара. Москва, 7–8декабря 2002 г. – Ч.2/ под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М., 2003. – С. 231–240.

Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Текст анализируемого Государственного контракта № 000 на выполнение подрядных и строительных работ для государственных нужд от 0000г. содержит несколько смысловых частей в соответствии с речевым жанром «контракт» (договор, соглашение двух или более лиц, устанавливающее, изменяющее или прекращающее их права и обязанности).

Предложенные специалисту вопросы касаются трех разделов данного контракта:

1. Дополнительное соглашение №1 к Государственному контракту № 000 на выполнение подрядных и строительных работ для государственных нужд от 0000г.;
2. Статья 2 – «Цена контракта» (страница 2);
3. Пункт 11.4 Статьи 11 – «Изменение в объеме работ (страницы 11).

Для ответа на поставленные вопросы произведем смысловой анализ указанных разделов, направленный на полное и глубокое их понимание.

1. Дополнительное соглашение №1 к Государственному контракту № 000 на выполнение подрядных и строительных работ для государственных нужд от 0000г.

Пункт 2 Дополнительного соглашения содержит новую редакцию абзаца три пункта 2.1 Статьи 2 Контракта: «Кроме того, прочие затраты и командировочные расходы подрядной организации оплачиваются по фактическим затратам в пределах утвержденного лимита в сумме 000 тыс. руб. (Приложение 1)». Данный пункт содержит следующую информацию:

-«**Кроме того**, прочие затраты и командировочные расходы подрядной организации оплачиваются по фактическим затратам в пределах утвержденного лимита»;

- утвержденный лимит – «в сумме 000 тыс. руб. (Приложение 1)».

Оборот «кроме того», которым начинается третий абзац пункта 2.1. Статьи 2 Контракта, представляет собой **вводную конструкцию**, основное назначение которой – упорядочить, расчленить и отграничить одну мысль от другой. На **частный, добавочный или иллюстративный** характер отдельных высказываний указывают вводные выражения *к примеру, например, так, в частности, кстати сказать,* ***кроме того*** и др.[54] В абзаце три пункта 2.1. Статьи 2 Контракта вводная конструкция «Кроме того» указывает на то, что передаваемая с ее помощью информация имеет **добавочный** характер по отношению к информации, которая содержится в первом абзаце пункта 2.1. Статьи 2 «Цена контракта» (см. ниже анализ первого абзаца пункта 2.1. Статьи 2 – «Цена контракта»).

2. Статья 2 – «Цена контракта» (страница 2).

Данная статья, начинающаяся п. 2.1, состоит из четырех абзацев:

а) В **первом абзаце** содержится следующая информация:

- «Цена контракта составляет 0000 тыс. руб., в т. ч. НДС 18% 000 тыс. руб.»;

- Цена контракта «соответствует Протоколу согласования твердой договорной цены (Приложение № 1)»;

- Протокол согласования твердой договорной цены (Приложение № 1) «является неотъемлемой частью настоящего контракта».

б) Во **втором абзаце** указывается, что «Цена контракта учитывает прогнозный уровень инфляции на период выполнения работ по настоящему контракту».

в) Новая редакция третьего абзаца содержится в **Дополнительном соглашении №1** к Государственному контракту № 000 на выполнение подрядных и строительных работ для государственных нужд от 0000г.: «**Кроме того**, прочие затраты и командировочные расходы подрядной организации оплачиваются по фактическим затратам в пределах утвержденного лимита в сумме 0000 тыс. руб. (Приложение 1)». Вводная конструкция «Кроме того», как указывалось ранее, имеет **добавочный**

---

[54] Валгина Н.С. Современный русский язык. Пунктуация. – М., 1989. – С. 101-103; Розенталь Д.Э. по правописанию и литературной правке. – М., 1996. – С. 125; О вводных словах, словосочетаниях и предложениях// Интернет-ресурс: Культура письменной речи. – Электронный ресурс: http://www.gramma.ru/RUS/?id=13.36.

характер по отношению к информации, которая содержится в предыдущих абзацах пункта 2.1. Статьи 2 и непосредственно в смысловом отношении связана с **первым абзацем** пункта 2.1. Статьи 2 «Цена контракта»: «Цена контракта составляет 0000 тыс. руб., в т. ч. НДС 18% 0000 тыс. руб.»; «**Кроме того**, прочие затраты и командировочные расходы подрядной организации оплачиваются по фактическим затратам в пределах утвержденного лимита в сумме 000 тыс. руб. (Приложение 1)». Таким образом, благодаря вводной конструкции «кроме того» «прочие затраты и командировочные расходы подрядной организации» **выводятся за пределы суммы цены контракта**, составляющей «0000 тыс. руб., в т. ч. НДС 18% 0000 тыс. руб.» и должны быть оплачены отдельно «по фактическим затратам в пределах утвержденного лимита в сумме 000 тыс. руб. (Приложение 1)».

г) В **четвертом абзаце** содержится информация о том, что:

- «цена государственного контракта является твердой»;
- цена «не может меняться в ходе его исполнения»;
- Исключение составляют случаи, «предусмотренные настоящим контрактом и действующим законодательством».

3. Пункт 11.4 Статьи 11 – «Изменение в объеме работ (стр. 11).

В указанном пункте содержится следующая информация:

- «Государственный заказчик вправе при исполнении настоящего контракта изменить объем работ и первоначальную цену контракта не более чем на 10% от установленных в контракте »; при этом первоначальная Цена контракта, как следует из первого абзаца пункта 2.1. Статьи 2, составляет «0000 тыс. руб., в т. ч. НДС 18% 000 тыс. руб.». В эту сумму, в соответствии с абзацем 3 Дополнительного соглашения 1, не входят «прочие затраты и командировочные расходы подрядной организации»;
- об этом « стороны подписывают дополнительное соглашение».

Вопрос 1

По первому вопросу – Вытекает ли из п. 2.1 Статьи 2 «Цена контракта» Государственного контракта № 000 на выполнение подрядных и строительных работ для государственных нужд от 0000г., что оплата командировочных расходов подрядной организации входит в цену контракта? – проведенное исследование показало следующее.

Смысловой анализ п. 2.1 Статьи 2 «Цена контракта» Государственного контракта № 000 на выполнение подрядных и строительных работ для государственных нужд от 0000г., представленный в исследовательской части, позволяет утверждать, что из п. 2.1 Статьи 2 «Цена контракта» Государственного контракта № 000 на выполнение подрядных и строительных работ для государственных нужд от 0000г., **не вытекает**, что оплата командировочных расходов подрядной организации входит в цену

контракта. Свидетельством этого является вводная конструкция «Кроме того», выполняющая добавочную функцию (функцию введения дополнительной информации) по отношению к первому абзацу. Таким образом, благодаря вводной конструкции «кроме того» «прочие затраты и командировочные расходы подрядной организации» **выводятся за пределы суммы цены контракта** и должны быть оплачены отдельно «по фактическим затратам в пределах утвержденного лимита (Приложение 1)».

ВЫВОД по первому вопросу: Из п. 2.1 Статьи 2 «Цена контракта» Государственного контракта № 000 на выполнение подрядных и строительных работ для государственных нужд от 0000г. не вытекает, что оплата командировочных расходов подрядной организации входит в цену контракта.

Вопрос 2

По второму вопросу – Вытекает ли из содержания п. 11.4 Статьи 11, с учетом содержания п. 2.1, что увеличение объема работ и первоначальной цены контракта на 10% включает в себя и стоимость командировочных расходов? – проведенное исследование показало следующее.

В пункте 11.4. Статьи 11 указывается, что «Государственный заказчик вправе при исполнении настоящего контракта изменить объем работ и первоначальную цену контракта не более чем на 10% от установленных в контракте »;

Пункт 2.1, как указывалось ранее, состоит из четырех абзацев, причем первый абзац связан с третьим при помощи вводного слова «Кроме того»:

1) «Цена контракта составляет 000 тыс. руб., в т. ч. НДС 18% 0000 тыс. руб. в соответствии с Протоколом согласования твердой договорной цены (Приложение № 1)», являющимся неотъемлемой частью настоящего контракта».

3) «**Кроме того**, прочие затраты и командировочные расходы подрядной организации оплачиваются по фактическим затратам в пределах утвержденного лимита в сумме 0000 тыс. руб. (Приложение 1)».

Вводная конструкция «Кроме того», как указывалось ранее, имеет **добавочный** характер по отношению к информации, которая содержится в **первом абзаце** пункта 2.1. Статьи 2 «Цена контракта»: «Цена контракта составляет 0000 тыс. руб., в т. ч. НДС 18% 0000 тыс. руб.», и выводит «прочие затраты и командировочные расходы подрядной организации» за пределы суммы цены контракта, делая их новой статьей расходов.

Таким образом, как следует из ответа на вопрос 1, поскольку «прочие затраты и командировочные расходы подрядной организации» не входят в цену контракта, указанную в первом абзаце пункта 2.1., то из содержания п. 11.4 Статьи 11, с учетом содержания п. 2.1, **не вытекает**, что увеличение объема работ и первоначальной цены контракта на 10% включает в себя и стоимость командировочных расходов.

ВЫВОД по второму вопросу: Из содержания п. 11.4 Статьи 11, с учетом содержания п. 2.1, не вытекает, что увеличение объема работ и первоначальной цены контракта на 10% включает в себя и стоимость командировочных расходов.

Вопрос 3

По третьему вопросу – Вытекает ли из содержания п. 11.4, что увеличение цены контракта на 10% обусловлено только увеличением объема работ и не распространяется на командировочные и прочие расходы, предусмотренные пунктом 2 Дополнительного соглашения №1? – проведенное исследование показало следующее.

Как следует из ответа на вопрос 1 и 2, поскольку «прочие затраты и командировочные расходы подрядной организации» не входят в Цену контракта, указанную в первом абзаце пункта 2.1., то увеличение цены контракта на 10% должно распространяться не только на увеличение объема работ, но и на командировочные и прочие расходы, предусмотренные пунктом 2 Дополнительного соглашения №1.

ВЫВОД по третьему вопросу: Из содержания п. 11.4 не вытекает, что увеличение цены контракта на 10% обусловлено только увеличением объема работ и не распространяется на командировочные и прочие расходы, предусмотренные пунктом 2 Дополнительного соглашения №1.

Вопрос 4

По четвертому вопросу – Вытекает ли из содержания п.2 Дополнительного соглашения №1, что командировочные расходы в пределах утвержденного лимита в сумме 0000 тыс. руб. входят в цену контракта, предусмотренную первым абзацем п. 2.1, после его увеличения на 10% в соответствии с п. 11.4?– проведенное исследование показало следующее.

Пункт 2 Дополнительного соглашения содержит новую редакцию абзаца три пункта 2.1 Статьи 2 Контракта следующего содержания: «Кроме того, прочие затраты и командировочные расходы подрядной организации оплачиваются по фактическим затратам в пределах утвержденного лимита в сумме 16735, 68 тыс. руб. (Приложение 1)».

Из ответа на вопросы 1, 2, и 3 следует, что оплата командировочных расходов подрядной организации не входит в Цену контракта, а увеличение объема работ и первоначальной цены контракта на 10% не включает в себя стоимость командировочных расходов, поэтому увеличение цены контракта на 10% должно распространяться не только на увеличение объема работ, но и на командировочные и прочие расходы, предусмотренные пунктом 2 Дополнительного соглашения №1. Данные выводы позволяют утверждать, что командировочные расходы в пределах утвержденного лимита в сумме

000 тыс. руб. **не входят** в цену контракта, предусмотренную первым абзацем п. 2.1, после его увеличения на 10% в соответствии с п. 11.4.

ВЫВОД по четвертому вопросу: Из содержания п.2 Дополнительного соглашения №1, не вытекает, что командировочные расходы в пределах утвержденного лимита в сумме 0000 тыс. руб. входят в цену контракта, предусмотренную первым абзацем п. 2.1, после его увеличения на 10% в соответствии с п. 11.4.

Раздел 7
ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДЕБЮТЫ

7.1. Юрислингвистика

М. Е. Воробьева

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

1. Постановка проблемы

Правовая коммуникация наряду с обыденной является одной из разновидностей коммуникации вообще. Правовая коммуникация имеет «свою структуру, определяемую ее целевыми установками, свое социальное и ментально-психологическое пространство, свое своеобразие типов субъектов и адресатов коммуникации, свои специфические системы способов и средств осуществления целей» [Голев, 2006, с. 11–58]. В этом заключена антиномия: естественный язык используется для реализации специфического содержания правовой коммуникации. Это приводит к тому, что понимание правовых норм рядовыми носителями языка не всегда соответствует правовой идее, заложенной законодателем в тексте закона, вследствие этого возникает потенциал коммуникативной неудачи.

Вероятность и степень коммуникативной неудачи зависит от вида толкования, определяемого его местом в правовой коммуникации. По этому признаку можно выделить две разновидности: официальное и неофициальное толкование. Неофициальное толкование делится на **обыденное** (разъяснение правовой нормы, даваемое гражданами, в быту), профессиональное и доктринальное.

В нашем исследовании изучению подверглось обыденное толкование права, в частности − юридические термины. Предметом исследования выступили различные варианты интерпретации данных терминов рядовыми носителями языка.

Целью статьи является исследование закономерностей функционирования юридических терминов в обыденном сознании. Под **функционированием** понимается интерпретация юридических терминов. **Интерпретация** – это целенаправленная когнитивная деятельность и одновременно результат в установлении смысла речевых действий. Результат может быть воспринимаемым внешне – в виде воспроизведения, истолкования – или исключительно внутренним – как понимание (уяснение «для себя»). Итогом интерпретации является смысл выражения – актуализированное речевое значение в рамках сиюминутной ситуации.

В основе работы лежит **гипотеза** о неизбежной вариативности интерпретации юридических терминов рядовыми носителями языка. Множественность интерпретаций объясняется тем, что понимание юридических терминов включается в сферу обыденной герменевтики.

Онтологической проблемой исследования является противоречие между требованием юридической техники однозначности уяснения и толкования юридических текстов и неизбежным отсутствием однозначности в герменевтике естественной коммуникации.

Гносеологическая проблема – отсутствие в теории языка и права последовательного и системного изучения функционирования юридических текстов в обыденном сознании рядовых носителей языка.

2. Теоретическое обоснование проблемы

2.1 Научное освещение проблемы множественности интерпретаций

Конфликт интерпретаций законодателя и правоприменителя состоит в том, что законодатель изначально стремится к **максимальной однозначности текста**, правоприменитель же может усмотреть **несколько** достаточно обоснованных **вариантов толкования**. Одной из причин неоднозначности толкования права, по мнению Суслова В.А., является «предположение о двусмысленности (многосмысленности) любого, в том числе и правового, текста как знакового ряда» [Суслов, 2001, с. 7]. С этим связана проблема нетождественности образа и его символа, где «образ −это та правовая идея, то правило, которое имел в виду законодатель при написании правовой нормы, а символ − это текст, который читается правоприменителем в процессе реализации правовой нормы» [там же].

Применительно к рассматриваемой проблеме понимания закона это означает, что законодательные положения фиксируются в форме текста, т.е. посредством знакового ряда, который впоследствии дешифруется правоприменителем и применяются на практике.

Множественность смыслов однозначного по замыслу законодателя текста является подтверждением философской трактовки символизма. Так, о неоднозначности текста, о множественности интерпретаций говорит один из основоположников философской герменевтики, немецкий философ, Гадамер Г.Г. в своей работе «Актуальность прекрасного»: «… понимание может выходить за пределы субъективного замысла автора, более того, она всегда и неизбежно выходит за эти рамки…» [Гадамер, 1991, с. 19]. Далее говорится об отказе «от ложного идеала однозначности знака» [Гадамер, 1991, с. 61] и отмечается, что «…основу языка образует способность слов, вопреки определенности своих значений, быть неоднозначными, то есть способность слова располагать гибким веером значений…» [Гадамер, 1991, с. 58]. Таким образом, неоднозначность признается неотъемлемым свойством языка. Данная посылка является одной из теоретических установок нашего исследования.

Множественность интерпретаций как онтологическое свойство языкового знака многими нелингвистами отвергается. Так, стремление к однозначности толкования текстов нормативных правовых актов характерно для Васьковского Е.В., который разработал целый свод правил по преодолению неизбежной двусмысленности правовых норм, причем все способы устранения двусмысленности имеют экстралингвистический характер.

По нашему мнению, точки зрения таких исследователей не совсем обоснованы, т.к., стремясь к объективности в понимании законов, они используют довольно субъективные категории («справедливость», «целесообразность», «милостивость нормы») [Васьковский, 1997].

Следует отметить, что сторонники однозначного толкования текста закона ориентированы прежде всего на **законодателя**, на установление его воли, оформленной посредством текста правового акта. Исследователи говорят о том, каким **должен быть** язык текста закона, но мало кто обращается к **реальному** функционированию этого языка.

В данном исследовании будем ориентироваться в первую очередь на **рядовых носителей языка** и **реальное** функционирование языка правовых актов.

2. 2 Категория понимания, множественность интерпретаций и полисемия

Проблема разграничения понятий «множественность интерпретаций» и «полисемия» напрямую связана с существованием таких категорий, как «смысл» и «значение». Данные категории задают разные формы осуществления основной языковой связи «знак – означаемое» в процессах понимания и в системе языка.

В лингвистике распространен «треугольник Огдена-Ричардса», где понятие «значение» конкретизируется как лексическое значение слова (языковое употребление), а смысл – как субъективный образ, возникающий при понимании текста (речевое употребление). В отличие от значения, смысл всегда ситуативен, связан с процессом понимания, поэтому помимо нормативного содержания значения, он определяется множеством иных факторов: ситуацией, с которой связано понимание, самоопределением человека, его установками, ценностями и целями, знаниями, структурами деятельности и многим другим [Демьянков, 1983, с. 58–67].

Осмыслить языковые средства текста (т.е. понять их значения) еще не значит понять смысл текста. Поскольку за внешним значением скрываются определенные мотивы адресанта, которые не всегда однозначно поняты адресатом, существует конфликт между открытым текстом и внутренним смыслом. Процесс понимания общего смысла текста всецело связан с речемыслительной деятельностью читателя, в этом процессе именно он оказывается главным звеном в триаде «автор – текст – читатель» [Арутюнова, 1981, с. 360].

Что касается интерпретации, то она обозначает переход в восприятии текста на глубинный уровень понимания, связанный с процедурами логического вывода и получением выводных знаний; с соотнесением языковых знаний с неязыковыми. Таким образом, процесс интерпретации оказывается непосредственно связанным с процессом понимания.

3. Экспериментальное исследование обыденного толкования юридических терминов

В соответствии с положениями Энциклопедического юридического словаря юридические термины делятся на три разновидности по признаку «понятности» той или иной части населения: общезначимые термины, специальные юридические термины, специально-технические термины.

В данном исследовании будет проанализировано функционирование в обыденном сознании общезначимых терминов, функционирующих также в сфере общего употребления, и, следовательно, их юридический смысл соотносим с обыденным.

Испытуемым для интерпретации были предложены следующие слова: ***гражданин***, ***государство***, ***беженец***, ***таможня***, ***собственность***, после чего проводился семный анализ полученных толкований. Семы, выделенные при обыденном толковании, сопоставлялись с семами, присутствующими в определениях, зафиксированных в словаре юридических терминов. На основании полученных результатов были выявлены закономерности адаптации юридических терминов в обыденном сознании, представленные в таблице 1.

Таблица 1.

Толкование юридических терминов

Термин	**Юридическое толкование**	**Обыденное толкование (основные семы) и число студентов, их отметивших**	**Изменения в плане содержания**
ГРАЖДАНИН	1. (в конституционном и международном праве) 1.1 лицо, принадлежащее на правовой основе к определенному государству. 1.2 имеет определенную правоспособность 1.3 наделен правами,	1. человек, который проживает на территории какой-либо страны (14) 1.2. – 1.3. имеет	релевантными семами данного понятия для юридической интерпретации являются: 1, 3, 4, а для обыденной – 1, 5, 6; следует отметить, что в обыденном сознании отсутствует признак «участник гражданских правоотношений» и

	свободами 1.4 обременен обязанностями 2. (в гражданском праве) субъект гражданского права, один из видов участников гражданских правоотношений	определенные права (3) 1.4. обладает обязанностями (3) 1.5. имеющий гражданство (6) 1.6. имеющий паспорт (4) 2. –	наличие «определенной правоспособности», зато есть добавочные семы 5, 6
ГОСУДАРСТВО	1. (в теории права) 1.1 определенный способ организации общества 1.2 основной элемент политической системы 1.3 организация публичной политической власти 1.4. распространяющаяся на все общество 1.5. выступающая его официальным представителем 1.6. опирающаяся в необходимых случаях на средства и меры принуждения	1. территориально закрепленное общ-во (2) 1.2. орган политической власти (2) 1.3. – 1.4. – 1.5. – 1.6. имеет законы, порядок (6) 1.7. определенная территория (15) 1.8. объединение городов (1) 1.9. стадия развития общества (1) 1.10. имеющая (территория) границы (4) 1.11. суверенитет (3)	релевантные семы для юридического толкования: 1, 2, 6, 2.1, для обыденного – 6, 7, 10, 2.1; в обыденном сознании отсутствуют характеристики «организация публичной политической власти, распространяющейся на все общество, выступающая его официальным представителем», «участник международных отношений», но имеют место дополнительные семы 7, 8, 9, 10, 11, 12

	2. (в конституционном праве) совокупность официальных органов власти, действующих в масштабе страны или субъекта федерации либо территориального сообщества 3. (международное право) основной участник международных отношений	1.12. наличие символики (2) 2. наличие управляющих органов власти (8) 3. –	
Б Е Ж Е Н Е Ц	1. прибывшее или желающее прибыть на территорию РФ лицо 2. не имеющее гражданства РФ 3. вынужденное или имеющее намерение 4. покинуть место своего постоянного жительства на территории другого государства 5. вследствие совершенного в отношении него насилия или преследования в иных формах либо реальной опасности подвергнуться насилию или иному преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также принадлежности к определенной социальной группе или политическим убеждениям	1. человек (20), который въехал в чужую страну (8) 2. не имеющий гражданства (3) 3. который был вынужден (13) 4. покинуть свою страну (14) 5. из-за объективных причин/ обстоятельств (11) 6. отсутствие определенного	сущностные семы для юридической герменевтики: 1, 2, 3, 4, 5; для обыденной – 1, 3, 4, 5; в юридическом сознании отсутствуют семы 6, 7, 8, т.е. происходит расширение смысла в обыденном сознании

		места жительства (5) 7. нелегальность переезда (1) 8. потребность в помощи (1)	
ТАМОЖНЯ	1. государственный орган 2. через который должен ввозиться в страну и вывозиться с ее территории все импортируемые и экспортируемые товары, а также багаж, почтовые отправления и другие грузы	1. государственный орган, который контролирует пересечение границы (6) 2. место, через которое провозят какой-либо товар (5) 3. проверка (5) 4. граница государства (4) 5. взимание пошлины (1) 6. изъятие контрабанды (1)	релевантные семы для официального юридического толкования: 2, отчасти 1; для обыденного – 1, 2, 3, 4; расширение обыденного толкования за счет следующих сем: 3, 4, 5, 6
СОБСТВЕННОСТЬ	1. принадлежность определенным лицам, индивидам или коллективам 2. средств и продуктов производства 3. в определенных исторических условиях 4. отражающих конкретный тип отношений собственности (право владения, пользования и распоряжения)	1. принадлежащее конкретному человеку /организации (11) 2. какое-либо имущество/благо (13) 3. – 4. которое находится в личном пользовании (8), имеются определенные	сущностные семы для юридической герменевтики: 1, 2, 3, 4; для обыденной – 1, 2, 4; дополнительные семы в понимании рядовых носителей языка: 5. Также следует отметить подмену в обыденном сознании «средств и продуктов производства» «имуществом»

		права (7) 5. невозможность лишения (1)	

В результате проведенного исследования можно выделит следующие особенности функционирования юридических терминов в обыденном сознании:

1) использование неспециализированной, общеупотребительной лексики (*человек* вместо *лица, индивида*; *страна* вместо *государства; орган политической власти* вместо *элемента политической системы*);

2) употребление видовых понятий взамен родовых (*закон и порядок* взамен *средств и мер принуждения*; *имущество/благо* вместо *средств и продуктов производства*);

3) редукция специфических юридических понятий в обыденном сознании рядовых носителей языка (*правоспособность, правоотношений, публичная власть, международные отношения*);

4) способ представления информации в большей степени образный, а не понятийный, т.к. для понятийной формы (дефиниции) характерно отражение наиболее **существенных** признаков объекта, отличающих его от всех других;

5) степень сложности формальной организации при обыденном толковании выше, чем при толковании, данном в словаре юридических терминов, т. к. используются развернутые синтаксические конструкции вместо синтетических форм (человек, *который был вынужден* вместо человек, *вынужденный*).

Таким образом, для юридического толкования характерно воплощение в емкой структурной форме сложного содержания, поэтому преобладают емкие лаконичные синтаксические конструкции, что приводит к большей концентрированности и обобщенности информации в тексте, следовательно, к усложнению алгоритма понимания его смысла. При обыденном толковании происходит адаптация текста к условиям его восприятия менее осведомленным, чем сам законодатель, рядовым носителям языка, для этого используются развернутые, описательные синтаксические конструкции, отражающие каждый элемент семантики в отдельности. Отсюда следует, что для обыденного сознания характерен элементаристский способ уяснения и интерпретации юридических терминов, т.е. общий смысл выводится из простой суммы составляющих элементов (сем). Данный способ противопоставлен холистическому, который предполагает, что целое больше, чем сумма его частей.

Также следует отметить, что при интерпретации юридических терминов рядовыми носителями языка чувственная форма познания (образная) преобладает над рациональной (понятийной).

4. Выводы и перспективы

В результате проведенного исследования были выявлены дифференцирующие признаки обыденного сознания. На основе сопоставительного анализа толкования юридических терминов рядовыми носителями языка и их узуального толкования выделены и описаны основные особенности адаптации данных терминов в обыденном сознании. Сформулированы основные тенденции обыденизации юридических терминов: преобладание чувственной (образной) формы познания над рациональной (понятийной), элементаристского способа понимания смысла над холистическим, свернутых синтаксических конструкций, использование конкретной лексики.

В перспективе планируется исследование особенностей интерпретации не только терминов, но текстов отдельных статей закона в обыденном сознании. В качестве особого выхода исследуемой теме предполагается изучение конфликтов, возникающих вследствие неизбежной множественности интерпретаций юридических терминов и текстов закона при их функционировании в языковом сознании рядовых носителей русского языка.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1981. – № 4. – С. 356–367.

Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991.

Голев Н.Д. От редактора: Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика-7: Русский язык как феномен правовой коммуникации: Межвузовский сборник научных статей / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 8–38.Барнаул, 2000. –С. 8–40.

Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов. – М.: Юридическое бюро «Городец», 1997.

Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – М., 1983. – № 6. – С. 58–67.

Суслов В.А. Герменевтика права // Правоведение. – М., 2001. – №5. – С. 4–12.

Научный руководитель – д. филол. н., профессор Н.Д. Голев

Т.Ю. Кузнецова

КОММУНИКАТИВНАЯ НЕУДАЧА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АСИММЕТРИИ ФОРМЫ И ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ В. ШУКШИНА)

Проблема коммуникативного взаимодействия, обсуждению которой посвящена данная статья, предполагает рассмотрение языковых факторов,

детерминирующих разворачивание такого взаимодействия по сценарию коммуникативной неудачи. Одним из таких факторов мы считаем объективное свойство лексической единицы выступать объектом интерпретации в процессе его восприятия адресатом. Таким образом, проблема коммуникативной неудачи в аспекте ее лингвистического обсуждения тесным образом переплетается с проблемой толкования слова, с проблемой его функционирования в сознании реципиента.

Толкование лексического значения слова и связанная с ним теория интерпретации имеют своим объектом толкование или интерпретацию как некий процесс, под которым понимается «получение на основе одного, «исходного» текста другого, отличного от него, предлагаемого интерпретатором в качестве равносильного исходному на конкретном фоне ситуации, набора презумпций и знаний» [Демьянков, 1982, с. 334]. Следует отметить, что в процессе интерпретации может возникнуть не один смысловой вариант текста, а несколько. Это обусловлено, с одной стороны, «объективной неизбежностью, связанной с невозможностью совмещения двух сознаний (реального автора и реального адресата), а с другой стороны, целесообразной необходимостью, обусловленной стремлением интерпретатора реализовать свою цель, извлечь информацию, вписывая текст в общие жизненные установки, опыт и традиции» [Голев, Ким, 2007, с. 238]. В результате того, что на базе исходного текста формируется множество вариантов «прочтения» этого текста, возникает проблема успешного / неуспешного коммуникативного взаимодействия между автором и адресатом, между разными адресатами. В том случае, если при употреблении слова его лексическое значение соответствует конвенциональному смыслу (общеизвестному, распространенному, закрепленному в словаре), коммуникация может считаться успешной. Слушающий, понимая слово, устанавливает некое сходство своей интерпретации с речевым замыслом говорящего.

Если же семантизация лексического значения слова адресатом не соответствует содержанию, которое вкладывает в сообщение автор высказывания, такой акт коммуникации является неудачным. Недостижение определенной цели трактуется как коммуникативная неудача (далее КН).

Под КН понимается «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [Земская, 2004, с. 602]. Причины КН находятся в разных сферах человеческой жизнедеятельности: в фоновых знаниях участников общения, «в социально-культурных стереотипах, в различиях коммуникативной компетенции, в психологии пола, возраста, личности» [Виноградов, 2002, с. 27], а также в самой природе языка.

Земская Е.А. [2004] классифицирует причины, вызывающие КН, по трем основаниям:

1) порождаемые устройством языка;
2) порождаемые различиями говорящих в каком-либо отношении;

3) порождаемые прагматическими факторами.

Предлагаемая исследовательницей типология причин КН носит условный характер, поскольку до XX в. изучение КН проводилось на материале «искусственных построений и языка художественной литературы, при этом преимущественно на фактах английского языка» [Земская, 2004, с. 607].

Так или иначе, многими исследователями признаются следующие положения относительно КН в свете теории множественности интерпретации:

1) КН рассматривается как «следствие объективного свойства асимметрии формы и значения языкового знака, его бесконечной смысловой валентности, стремления языкового знака к обозначению широкого спектра смыслов» [Голев, Ким, 2007, с. 238];

2) «участники коммуникативного процесса являются активными и креативными субъектами» [Голев, Ким, 2007, с. 239].

Объектом настоящей статьи выступает КН. Предмет – языковые факторы, детерминирующие КН. Материалом статьи являются реплики персонажей рассказов В.Шукшина, в совокупности представляющие диалог.

Обращение к текстам В. Шукшина обусловлено возрастающим интересом к проблеме понимания/непонимания в ситуации общения персонажей в художественном тексте. Изучению данного феномена посвящено большое количество лингвистических исследований в современной литературе. Так, ряд исследователей (см., например: [Земская, 2004; Арутюнова, 1984]) ставят проблему речевого конфликта применительно к материалам естественного языка. В обычной, неподготовленной, естественной речи, считает Е.А. Земская, часты случаи непонимания коммуникативного намерения говорящего слушающим. Поэтому естественная диалогическая речь интересна в плане анализа для лингвиста.

Коммуникация персонажей как объект исследования в художественном тексте становится в работах Т.Г. Утробиной. Лингвистический анализ речевого конфликта в тексте В. Шукшина, описание личности автора и языка его произведений, становится целым направлением в исследованиях алтайских лингвистов [Чувакин, 1997; Козлова, 1992] и др.).

Несмотря на наличие в современной лингвистике исследований речевого конфликта в текстах рассказов В. Шукшина, актуальной остается проблема изучения данного феномена с позиции выявления, описания и систематизации типов речевых конфликтов, а также языковых факторов, обусловливающих развитие коммуникативного взаимодействия по сценарию коммуникативной неудачи. В. Шукшина, как нам представляется, интересовали сама тема конфликта и типы людей, склонных к конфликту, поэтому столь важное место в его рассказах занимает художественно-речевая форма реализации конфликтной ситуации. Ссора, зачастую спровоцированная, намеренная, становится центром развития речевого

конфликта. Все вышесказанное объясняет наш интерес к текстам рассказов В. Шукшина.

Применение теории изучения КН к материалам художественной литературы, прежде всего к диалогам героев, позволяет нам в наиболее репрезентативной форме выявить случаи возникновения КН.

В лингвистическом аспекте КН интересны прежде всего тем, что ярко характеризуют те черты, которые свойственны разговорной, непринужденной речи, «благодаря которым коммуникативные намерения говорящего и их прочтение слушающим не совпадают» [Земская, 2004, с. 602]. Именно в диалоге часто выражается взаимное непонимание, недопонимание партнеров по коммуникации. Одной из особенностей диалога является эксплицитно или имплицитно выраженная интерпретация реплики первого участника диалога вторым участником диалога.

КН возникают при общении «как незнакомых, так и знакомых, очень близко знакомых, вместе живущих, при одинаковых и разных коммуникативно значимых свойствах партнеров – одного и разного возраста, образования, социальной принадлежности и т.п.» [Земская, 2004, с. 603]. Как правило, в традиционном диалоге участвуют два человека. Говорящий, или автор высказывания, склонен как к типовым, стандартным формам выражения, так и к нестандартным. Слово же, точнее его лексическое значение, подвергается смысловому варьированию. Становится возможным «размывание» границ лексического значения. Это обусловлено природой языка, отсутствием жесткой закрепленности между языковой формой и значением.

Слушающий (тот, кто воспринимает информацию) извлекает из реплики первого участника диалога тот смысл, который соответствует его запасу знаний, информационной осведомленности, психологическому настрою. Слушающий не ставит перед собой цели понять так, как хотел бы этого говорящий. В процессе коммуникации адресат «прочитывает» языковое послание, опираясь на свои личные знания. Следовательно, языковая форма и значение могут не совпадать. Процесс восприятия слушающим информации заканчивается «коммуникативным удовлетворением», когда обеспечивается соответствие формы и содержания языкового знака или неудовлетворением, когда данное соответствие нарушено.

Исследуемый материал мы предлагаем рассматривать с точки зрения реализации/ нереализации коммуникативного намерения говорящего и адекватного/ неадекватного толкования слушающим лексических единиц текста. Далее представлены типы асимметрии, т.е. несоответствия содержания слова в речи говорящего и слушающего: 1) языковой, 2) речевой, 3) ситуативный типы.

1) Языковой тип, т.е. возникновение КН, объясняется свойствами языка. Контекст в ряде случаев допускает неоднозначное толкование, вследствие чего и омонимия, и полисемия становятся источником многочисленных КН. Чаще всего КН возникают, когда говорящий

употребляет многозначное слово в одном из значений, при этом нейтрализуется другое значение.

2) Речевой тип, т.е. КН возникают на уровне речи. При общении КН может вызвать «несовпадение набора единиц и их семантики в литературном языке и просторечии, других некодифицированных сферах языка» [Земская, 2004, с. 619].

3) Ситуативный тип, т.е. КН обусловлены ситуацией общения.

Проиллюстрируем типы КН конкретными примерами. К первому типу относится следующий фрагмент диалога персонажей:

- *Можно я вас буду* ***писать****? – спросила девушка.*
- *Как это? – не понял старик.*
- ***Рисовать*** *вас* («Солнце, старик и девушка»).

В данном примере КН порождается неоднозначностью языковых единиц. Контекст оказывается недостаточным, чтобы снять лексическую неоднозначность, вследствие чего полисемия становится источником КН. У адресата неоднозначное слово *писать* («1. изображать какие-н. графические знаки на чем-н.; 2. составлять текст, сочинять, создавать словесное произведение; 3. сообщать или выражать что-н. письменно; 4. создавать произведения живописи») актуализируется в переносном значении, а другие становятся менее важными.

Ко второму типу КН относится диалог персонажей из рассказа «Срезал».

- *В какой области* ***выявляете*** *себя? - спросил он.*
- *Где* ***работаю****, что ли?- не понял кандидат.*

КН возникает вследствие несоответствия формы и значения языковой единицы. Основное значение слова *выявить* («сделать явным, обнаружить, вскрыть») в сознании адресата не связано с такими понятиями, как «иметь где-нибудь какое-нибудь занятие, должность, служить». Вследствие этого возникает непонимание слушающим того смысла, который выражает говорящий. Авторская ремарка, отражающая реакцию на высказывание говорящего, – «*не понял»* – сопровождает реплику адресата.

Примером ситуативного типа асимметрии, детерминирующей КН, может явиться незнание одним участником коммуникации «формы, свойственной коду другого партнера коммуникации» [Земская, 2004, с. 619]. При общении это может быть несовпадение звукового облика слова в литературном и разговорном языке:

- *Простите, не подумал в тот момент…Я –* ***шизя****…*
- *Кто? – не понял милиционер.*
- ***Шизя.*** *На меня, знаете, находит…Теряю самоконтроль… - Фельдшер как бы в раздумье потрогал лоб, потом глаза – пальцами.*

Милиционер и председатель недоуменно переглянулись («Даешь сердце»).

Различие при совпадении семантики языковых единиц создают эффект ложного понимания.

Пример несоответствия между типом языковой единицы и контекстом ее употребления иллюстрирует диалог из рассказа «Чудик».

В аэропорту Чудик написал телеграмму жене: «Приземлились, ветка сирени упала на грудь, милая Груша меня не забудь. Васятка». Телеграфистка <…>, прочитав телеграмму, предложила: – Составьте иначе. – Почему? Я ей всегда так пишу в письмах. – В письмах можете писать что угодно, а телеграмма – это вид связи. Это открытый текст.

В некоторых ситуациях говорящий намеренно провоцирует возникновение неудачного общения с определенной целью.

– В какой области выявляете себя? - спросил он. – Где работаю, что ли? – не понял кандидат. – Да. – На филфаке. – Философия? – Не совсем... Ну, можно и так сказать. – Ну, и как насчет первичности? – Какой первичности?- опять не понял кандидат. – Первичности духа и материи. – Глеб бросил перчатку. Кандидат поднял перчатку. – Как всегда, – сказал он с улыбкой. – Материя первична... – А дух? – А дух – потом. А что? – Это входит в минимум? Вы извините, мы тут... далеко от общественных центров, поговорить хочется. Как сейчас философия определяет понятие невесомости? – Как всегда определяла. Почему – сейчас?

– Вопрос, конечно, не глобальный, но, с точки зрения нашего брата, было бы интересно узнать. – Да какой вопрос-то? – воскликнул кандидат. – Твое отношение к проблеме шаманизма. – Да нет такой проблемы! – опять сплеча рубанул кандидат.

Перечень типов диалогов, в которых КН возникает в результате разных рассогласований, не исчерпывается приведенными и может быть продолжен. Принципиально важным является утверждение, согласно которому, воспринимающий информацию не ставит перед собой цель предугадать намерение говорящего, а «применяет другие рецептивно-семантизирующие стратегии – интерпретирующие» [Голев, Ким, 2007, с. 242].

Сделанные наблюдения позволяют отметить, что любое языковое высказывание может вызвать конфликт говорящего и слушающего, обусловленный различными факторами: от собственно языковых (языковая система допускает расширение или сужение лексического значения) до индивидуальных, связанных непосредственно с различиями участников диалога (по многим основаниям – психологическим, возрастным, профессиональным).

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Стратегия и тактика речевого поведения // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. – Киев, 1984.

Виноградов С.И. Культура русской речи. – М., 2002.

Голев Н.Д., Ким Л.Г. Коммуникативная неудача в свете теории множественности интерпретации // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 2007. – Вып. 10. – С. 238–248.

Земская Е.А. Язык как деятельность // Языки славянской культуры. – М.: 2004. – 685с.

Козлова С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина. – Барнаул, 1992.

Словарь русского языка в 4-х тт. / под редакцией А.П. Евгеньевой. – М, 1982–1986.

Чувакин А.А. Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60-70-х годов. – Барнаул,1997.

Шукшин В.М. Рассказы. – М., 1980.

Научный руководитель – к. филол. н., доцент Л.Г. Ким.

Н.В. Обелюнас

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В СФЕРЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Обращение исследователей к изучению речевого поведения коммуникантов определяется особенностями современной языковой ситуации, которая сформировалась на рубеже веков, в период крупных социальных потрясений. Оптимальный способ речевого общения различные исследователи называют эффективным, успешным, гармоничным, корпоративным и т.п. Но что такое гармоничное общение? Его трудно описать, не сравнивая с дисгармоничным общением. Поэтому в поле внимания исследователей включаются такие явления, как коммуникативный сбой (Е.В. Падучева), коммуникативный провал (Т.В. Шмелева), коммуникативная неудача (Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И. Г. Сабурова, Е.А. Земская, О.П. Ермакова), коммуникативная помеха (Т.А. Ладыженская), языковой конфликт (С.Г. Ильенко), речевой конфликт и др. Эти явления маркируют отрицательное поле коммуникативного взаимодействия.

Понятием «конфликт» оперируют многие области знания – социология, психология, педагогика, юриспруденция, лингвистика, поскольку противоречия и столкновения возникают практически во всех сферах человеческой жизни: профессиональной, личной, бытовой. В каждой сфере – своя специфика конфликтов. Нас интересует коммуникация в СМИ (массовая коммуникация), её основные субъекты и особенности конфликтов.

Согласно теории конфликтологии, конфликт подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе общения по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения. Стоит заметить, что конфликтность лежит в самой природе языка, сотканного из противоречий. В конечном итоге они являются главным основанием его жизнеспособности. Множественность трактовок одних и тех же высказываний и даже их конфликт не являются недостатком или пороком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации.

Попытки классифицировать конфликты в сфере массовой коммуникации уже предпринимались. Например, О.В. Третьякова в своём учебно-методическом пособии по курсу «Конфликтология в СМИ» предлагает классификацию информационных конфликтов по форме причастности к ним редакций и журналистов: 1) СМИ − участник, 2) СМИ − зеркало, 3) СМИ − провокатор. Также исследователь выделяет конфликты с участием журналистов: внутренние (трудовые, с учредителями и рекламодателями, связанные с авторским правом, внутриличностные и межличностные) и внешние (при взаимодействии с властью, правоохранительными органами, с источниками информации, с аудиторией СМИ).

По мнению Н.Д. Голева, все языковые конфликты, в том числе и в СМИ, можно разделить по аспектам их возникновения, протекания и разрешения на системно-языковые (имманентные), к которым мы и относим конфликт интерпретаций, и функционально-речевые (непосредственно социальные) [Голев, 2008, с. 136–155. Основной вектор градуальности задают такие цепочки: потенциальная конфликтность – реализованные конфликты (степень реализованности), конфликты естественного языка – социальные конфликты (степень социализированности), потенциал юридизации – реальная юридизация (степень юридизированности) [там же].

Мы попытаемся дополнить этот список, воспользовавшись такими параметрами, как взгляд на языковой конфликт со стороны каждого из участников коммуникативного акта. Признаки конфликта, причины его возникновения со стороны участников коммуникации, формирующих информационную картину мира – это «коммуникатор – реципиент»; «автор – редактор – аудитория». Во время работы над исследованием мы сможем выделить и другие параметры, которые послужат основами для классификации речевых конфликтов.

Один из таких параметров предлагает О.А. Даниленко [Даниленко, 2006, с.89–98]. Она говорит о языке конфликта. Под ним она понимает определенную семиотическую систему, которая имеет свои нормы, непосредственно связанные с нормами и ценностями той социальной системы, применительно к которой он рассматривается. Взаимосвязь ценностных и речевых ориентаций позволяет измерять лингвистические характеристики языка конфликта через аксиоконфликтные индикаторы, обнаруживающие потенциальную деструктивную конфликтность путем соотнесения с ценностными характеристиками. Исследуя коммуникативные процессы в трансформирующемся обществе, исследовательница предлагает рассматривать систему «язык конфликта – язык согласия». В ней оказывается целый ряд лексических подсистем, отображающих два противоположных полюса (язык агрессии, сопротивления, революции и язык консенсуса, компромисса, солидарности) и характеристики, сопряженные с конфликтом и возможностью его разрешения: язык доверия/недоверия, язык толерантности/нетерпимости и т. д. Исследуя язык конфликта как систему знаков, передающих определенный уровень социальной напряженности или

согласия, можно выявить важнейшие характеристики различных социальных институтов общества [Даниленко, 2006, с.89–98]. Этот принцип можно применить при анализе конфликтов интерпретаций в сфере массовой коммуникации.

Истолкованием (интерпретацией) называют совокупность приёмов, применяемых непосредственно к текстам [Рикёр, akademy.narod.ru/riker1.html]. Такими приёмами могут быть разработка взаимосвязей между фактами (это позволяет установить журналисту причинно-следственную связь, выстроить в логической последовательности материал), интерпретация «текста в тексте» (разъяснение документов, отдельных слов и высказываний, перевод доводов оппонентов на понятный язык, чтобы они стали понятными и аудитории) и др.

Объектом интерпретаций могут быть как сами события, так и публикации в СМИ. Текст, рассчитанный на широкую, разнородную аудиторию, которая понимает его, исходя из различного жизненного опыта, системы ценностей, взглядов на мир, воспитания, уже содержит в себе потенциал множественности интерпретаций, которые могут противоречить друг другу, отсюда потенциал конфликтности автора и адресата (а также героя публикации, аудитории СМИ, редактора). Ведь их трактовки вполне могут столкнуться друг с другом. Текст – это всегда нечто большее, чем линейная последовательность фраз; он представляет собой структурированную целостность, которая всегда может быть образована несколькими различными способами. Публицист при описании жизни своего героя может, во-первых, подвергнуть факты собственному осмыслению; во-вторых, поделиться личными впечатлениями; в-третьих, выразить свое эмоциональное отношение к герою; в-четвертых, на основе имеющихся данных спрогнозировать развитие ситуации и т.д. Пропустив все факты сквозь авторское восприятие, публицист тем самым подвергает их художественной трансформации. В этом смысле автор, по мнению М.М. Бахтина, является «человеком, организующим формально-содержательный центр художественного видения». Именно благодаря авторскому видению читатель может проникнуть в суть события, получить детальные характеристики того или иного явления, на которые в обыденной жизни, возможно, никогда не обратил бы внимания. Но структурирует не только автор, но и читатель, исходя из своих представлений и пр. И именно благодаря этому видению, как следствие, возникает конфликт интерпретаций на разных уровнях восприятия и интерпретации текста: автор – аудитория, автор-редактор, автор – лингвист-эксперт.

Исходя из этого, многие тексты СМИ, особенно принадлежащие к аналитическим и художественно-публицистическим жанрам, можно назвать потенциально конфликтными (то есть они могут вступать в противоречие с установками аудитории, редактора и т.д.). Потенциально конфликтные тексты содержат провоцирующие конфликт-факторы, которые не обнаруживаются явно: нет нарушений культурно-коммуникативного сценария, нет маркеров, сигнализирующих об эмоциогенности ситуации, и

лишь известные некоторым читателям (в том числе редактору, героям публикации или автору текста) импликатуры свидетельствуют о наличии или угрозе возникновения напряженности.

Конфликт интерпретаций может возникнуть и в случае неправильного разграничения сведения и мнения в публикации. Мнения – оценочные суждения, которые вообще не могут быть верифицированы. Они оценивают либо само событие, либо факт, т. е. истинное суждение о событии. События оцениваются эмоционально, факты – как правило, рационально. Оценки событий и фактов могут быть независимы друг от друга. Для правильной квалификации суждений о том или ином событии важно учитывать целостную структуру этого события (реального факта, ситуации). Современные СМИ, как и в целом общественное сознание россиян, находятся в процессе формирования. Современная история российской журналистики показывает, что отечественные масс-медиа пытаются копировать западную схему работы СМИ, где журналисты чётко разграничивают факты и мнения, но специфика российского менталитета, неисполнение основных постулатов, на которых держится эта концепция, не позволяют говорить нам о полноценном разграничении факта и мнения в практике СМИ России.

Одной из главных задач лингвистической экспертизы, которая как раз призвана выяснять авторские установки при написании публицистического текста, является семиологический анализ текста с целью разграничения сведений, соотносимых с объективной действительностью, и мнений, носящих субъективный характер. Большое количество слов естественного языка имеет сложную структуру лексического значения, включающую денотативный компонент – информацию об окружающей действительности и коннотативный (экспрессивный) компонент – отношение говорящего к сообщаемому.

Приведем пример. Разведенная женщина, имеющая малолетнего ребенка, уезжает из дому на несколько недель, в отсутствие матери родители ее бывшего мужа без предварительной договоренности забирают мальчика к себе. Данная ситуация порождает следующее высказывание: *«Молодая женщина обвиняет семью крупного алтайского предпринимателя и политика ... в похищении ее сына»* (Обращение матери к делегатам конференции партии «Единая Россия» от 30 сентября 2005 года). Словарная дефиниция глагола «похитить» такова: «тайно завладеть, самовольно взять в свою собственность» [Ожегов, Шведова, 1997]. Описываемое в тексте событие неточно соответствует семантике глагола: в нем отсутствуют компоненты «присвоить чужое, то, что похитителю не принадлежит», «насильственно по отношению к похищаемому», «с целью обогащения или другой выгоды», «грубо нарушив закон». Глагол соответствует ситуации лишь значениями − «забрать вопреки желанию собственника», «вызвать страдания собственника». Безусловно, употребление глагола объясняется не столько реально случившимися событиями, сколько эмоциональным состоянием автора текста, вызванным этими обстоятельствами. Однако при

этом для обозначения ситуации используется глагол, не имеющий в структуре сигнификативного значения оценочных компонентов и потому обладающий конкретными референтными свойствами. Не случайно в последующих публикациях («Комсомольская правда на Алтае» от 22.08.2006, 05.09.2006, 23.09.2006) данное неосторожное выражение было заменено лексемами «*отняли», «забрали», «не дают встречаться»,* являющимися более точными обозначениями ситуации [Доронина, 2008, с. 269].

Этот пример демонстрирует процесс создания конфликта интерпретаций и субъективность журналиста. Субъективность выражается, прежде всего, при выборе языковых средств, масок и позиций при интерпретации. Из существующего набора терминов, клише и штампов выбираются наиболее «подходящие», уместные (с точки зрения данного автора!) в конкретном тексте. Во многом аналогична ситуация с отбором и интерпретацией фактов. Отбор и оценка последних осуществляется на основе личного опыта субъекта, в том числе и профессионального.

Мы не спрашиваем, можно ли в журналистском материале достичь объективного освещения события. Да и нужно ли? Для журналистов объективность означает не математическую или научную точность, а, скорее, такое освещение новостей, которое исключает эмоции и отделяет факты от мнений. Конфликт интерпретаций в этом случае часто является неизбежным следствием чрезмерной экспрессии и неоднозначности публицистического материала и причиной уже юридических конфликтов, связанных с такими уголовными преступлениями, как клевета и оскорбление. Все вышеперечисленные аспекты рассматриваемой проблемы позволяют нам говорить о том, что конфликт интерпретаций является одним из важнейших конфликтогенных факторов в сфере массовой коммуникации.

Библиографический список

Голев Н.Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии // Юрислингвистика – 9: истина в языке и праве / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2008. – С 136–155.

Даниленко О.А. Язык конфликта как объект лингвосоциологии // Социологические исследования. – 2006. – № 4. –С. 89–98.

Доронина С.В. Сведение и мнение: проблемы экспертной оценки переносных и экспрессивных значений // Юрислингвистика – 9: истина в языке и праве / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 269.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. – М. 1997.

Рикёр П. Герменевтика и метод социальных наук. – Электронный ресурс: akademy.narod.ru/riker1.html.

Научный руководитель – д. филол. н., профессор Н.Д Голев

О.А. Петрова

СВЕДЕНИЯ И МНЕНИЯ В ОЦЕНОЧНОЙ МЕТАФОРЕ

На данный момент высказывания с метафорическим употреблением слов вызывают большие экспертные затруднения, связанные с вопросом о том, может ли метафора называть конкретное действие и являться фактом или нужно всегда подходить к ней в ходе экспертизы как к чисто оценочной, выражающей субъективное мнение. Отсюда возникает проблема разграничения метафорических предикатов как выразителей объективной информации и информации, идущей от субъекта.

Наряду с экспрессивно-оценочным значением метафоры, которому посвящены труды многих учёных, дескриптивный компонент изучен недостаточно. Исследования метафорического значения преимущественно посвящены изучению его специфики в сравнении с прямым значением: механизм переноса, эмоциональность, оценочность, эстетические функции. Номинативные же свойства метафоры уходят на второй план.

Н.Д. Арутюнова в статье «Метафора» (1990) выделяет номинативную, когнитивную и образную метафору. В.Н. Телия в книге «Русская фразеология» (1996) предлагает выделять метафору концептуальную и образную, которая, в свою очередь, членится на оценочную и оценочно-экспрессивную. В основе этих классификаций лежат наблюдения за функционированием метафорических единиц. Однако развёрнутых наблюдений за дескриптивными свойствами переносных наименований не производится.

Предметом внимания в данной работе выступают метафорические предикаты. Именно их семантика предопределяет специфику значения целого высказывания. Поэтому из всей пропозиции важным является анализ именно семантической структуры предиката, возможности в том или ином контексте выражать дескриптивное или чисто оценочное значение. Ср.: «…Метонимические переходы и метонимические трансформации лежат в основе номинации глаголом целой ситуации… С одной стороны, предикат представляет как бы всю пропозицию и, отсюда, ситуацию в свёрнутом виде, ибо, зная предикат, мы знаем его валентности, – следовательно, и потенциальные аргументы (а применительно к ситуации – участников ситуации…). Именно поэтому и говорят, что предикат называет ситуацию…» [Лебедева, 1999, с. 12]. «…Семантика лексемы предопределяет свойство участников типовой ситуации, отношения участников друг к другу и происходящие с ними события. В конечном счёте, эти свойства и соотношения и составляют значения лексемы…» [Падучева, 2007, с. 36]

Предметом нашего исследования будет являться оценочная метафора, анализируя которую, мы попытаемся создать более дробную классификацию этой семантической группы: номинативная метафора лишена оценки и не может являться предметом экспертизы, экспрессивная метафора субъективна

по определению, а в оценочной метафоре субъективное и объективное соединяются.

В ходе работы мы проанализировали несколько оценочных глаголов в метафорическом значении, взятых из «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, и подобрали контексты их употребления на сайте «Национального корпуса русского языка».

Для анализа оценочных метафор применимы модели оценочных высказываний: оценка пропозиции в целом (de dicto) и внутрипропозитивная оценка (de re). В структуре de dicto модальный оператор приписывается предложению (суждению), в то время как в структуре de re модальность приписывает определённый признак вещи. Например: *Хорошо, что ты меня понимаешь* (de dicto); *Ты меня плохо понимаешь* (de re) (см.: [Вольф, 1985]).

Проекция указанных логических моделей на исследуемый материал позволяет выделить дескриптивно - оценочный тип метафоры, описывающий какое-либо действие, в частности, негативные события или поступки, и собственно оценочный тип, представляющий собой негативную оценку результата действия. В дескриптивно-оценочном типе значение организуется по модели оценочного суждения de dicto (X сделал что-то, что плохо), а в собственно оценочном типе – по модели de re. Проиллюстрируем эти положения искусственно созданными примерами: «Директор помнил о неуважении к нему сотрудника Р. и при первом же назначении премии подложил ему свинью» − de dicto; «Производительность труда в цехе возрастала с каждым месяцем, и только Иванов продолжал работать спустя рукава» − de re.

В свою очередь, внутри дескриптивного типа мы выделили конкретную метафору, в контексте употребления которой указывается, какое именно оцениваемое действие было совершено. Например:

...Погорел на рискованном деле…: «X разорился, потерпел неудачу, что плохо». Подобные предложения следует классифицировать как утверждения о факте.

Наряду с конкретной метафорой дескриптивного типа можно выделить и чисто оценочную метафору. Например, *...Поддал жару, довёл до полной истерики…»*: «X вывел У из состояния покоя, сделал ситуацию хуже, чем она была, что оценивается негативно». Подобные предложения следует классифицировать как мнения.

В разных контекстах одно и то же слово в переносном употреблении может выражать и объективное, и субъективное значение в зависимости от референтной ситуации, описываемой контекстом. Например: метафорическое значение глагола «поддать» в контексте *... В смысле, моё пьянство. Всегда любил поддать…* будет выражать сведение, а в контексте *«…И мне хотелось поддать еще жару, довести её до полной истерики, до крика…»* глагол уже будет являться выразителем мнения.

Таким образом, компонентный анализ (разложение значения слова на семантические элементы) может быть использован при анализе оценочных метафор на предмет отнесения их к сведениям или мнениям.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сб. ст. / под общ. ред. Арутюновой Н. Д. и Жирмунского М.А. – М., 1990.

Арутюнова Н.Д. Метафора// Лингвистический энциклопедический словарь. – М.,1990.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.

Доронина С.В. Сведение и мнение в текстах СМИ: проблемы экспертной оценки переносных значений слов// Юрислингвистика – 3 / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2002. – С. 77–85.

Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики. – Томск, 1999.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. – М., 2007.

Телия В. Н. Русская фразеология. – М., 1996.

Научный руководитель к. филол. н., доцент С.В. Доронина

7.2. Лингвоюристика

Р.С. Авдеев

ТОЛКОВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ РФ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Будучи «официальным стражем» и интерпретатором российской Конституции, Конституционный Суд РФ играет важную роль в обеспечении ее верховенства и прямого действия на всей территории РФ и, как следствие, в процессе становления в России подлинно демократического и правового государства.

Часть 5 ст. 125 Конституции РФ гласит: «Конституционный суд РФ по запросам Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, органов законодательной власти субъектов РФ дает толкование Конституции РФ».

Толкование Конституции РФ, данное Конституционным судом РФ, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений [О Конституционном суде РФ…, ст. 1447, ст. 106].

Что такое толкование, действующее федеральное законодательство не определяет. Очевидно, что толкование – это вид правовой деятельности Конституционного Суда, направленный на реализацию Конституции, повышение ее авторитета, охрану ее норм, предупреждение конституционных правонарушений (деликтов) [Лучин, Мазуров, 2001, с. 19].

В то же время, были предприняты попытки сформулировать легальное определение толкования на уровне субъекта федерации. Статья 1 Закона г. Москвы «О толковании законодательных актов города Москвы» от 18.10.2000 № 34 определяла толкование как – «правовое разъяснение действительного смысла правовой нормы толкуемого законодательного акта с целью исключения неправильного применения нормы законодательного акта либо разрешения споров о понимании действительного смысла нормы законодательного акта», однако этот закон утратил юридическую силу.

Цель толкования Конституции сформулирована самим Конституционным судом в его Определении от 5 ноября 1998 года № 134–О «По делу о толковании статьи 81 (часть 3) и пункта 3 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации» и заключается в том, чтобы *устранять неопределенности* в понимании конституционных положений, *обеспечивать* надлежащее их *соблюдение, применение и исполнение* [Собрание законодательства РФ…, 1998, ст. 5701].

ФКЗ «О Конституционном суде РФ» не дифференцирует толкование Конституции, даваемое Конституционным судом. Условно его можно подразделить на два вида – нормативное и казуальное. *Нормативное* толкование дается в порядке производства по делам о толковании отдельных положений Конституции. Чаще при разрешении Конституционным судом иных дел, отнесенных к его компетенции статьей 125 Конституции Российской Федерации, используется *казуальное* толкование.

Несомненно, что толкование Конституции выступает как альтернатива жесткой процедуре внесения в нее поправок, препятствует неправильному пониманию конституционных положений, обеспечивает их прямое действие на всей территории России. Однако не происходит ли при этом своеобразного пересмотра отдельных норм Основного закона РФ? Ведь важно помнить, что любое толкование Конституции производно от её положений. Конституционный суд не «дописывает» принятый многонациональным народом РФ текст Конституции, а лишь разъясняет его истинный смысл и содержание.

Так в ст. 81 Конституции, применительно к выборам Президента РФ, прямо закреплены принципы участия граждан в выборах – всеобщее равное прямое избирательное право при тайном голосовании. Как отметил Конституционный суд РФ в одном из своих постановлений, «в этой специальной норме о порядке выборов Президента РФ в то же время по смыслу ст. 1, 2, 3, 17, 19, 60 и 81 Конституции РФ выражены *общие принципы, лежащие в основе реализации конституционного права гражданина Российской Федерации избирать и быть избранным на подлинных свободных выборах.* Соответственно и образуемые в Российской Федерации путем свободных выборов органы народного представительства должны формироваться на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании» (по делу о проверке конституционности части второй статьи 69, части второй статьи 70 и статьи

90 Конституции республики Татарстан, а также пункта 2 статьи 4 и пункта 8 статьи 21 Закона республики Татарстан «О выборах народных депутатов республики Татарстан» в связи с жалобой гражданина М.М. Салямова: Постановление от 22 января 2002 г. № 2–П // [Собрание законодательства РФ, 2002, ст. 627].

В 1996 году Конституционный суд указал в качестве своей правовой позиции, что «из смысла ст. 3 (ч. 2) в ее взаимосвязи со ст. 32 Конституции РФ, закрепляющей права граждан избирать органы государственной власти, вытекает, что высшее должностное лицо, формирующее высший исполнительный орган государственной власти, получает свой мандат непосредственно от народа и перед ним ответственно». Исходя из этого, Конституционный суд РФ признал неконституционным положение Устава Алтайского края о том, что главу администрации избирает краевое Законодательное Собрание, указав, что, «тем самым, Законодательное Собрание превращено в своеобразную избирательную коллегию, решение которой подменяет прямое волеизъявление избирателей. Такой порядок избрания не соответствует Конституции… Избранный в таком порядке глава администрации не может считаться легитимным независимым представителем исполнительной власти…» (По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Алтайского края: [Постановление Конституционного суда РФ от 18 января 1996 г., 1996, ст. 409]).

Однако с принятием Федерального закона от 11.12.2004 № 159–ФЗ изменился порядок наделения полномочиями глав субъектов. Ныне «гражданин Российской Федерации наделяется полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) по представлению Президента РФ законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации в порядке, предусмотренном Федеральным законом и конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации» [О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Федеральный закон от 11.12.2004 г. № 159–ФЗ // Парламентская газета. – 2004. – 15 декабря. – Ст. 1]. Интересен тот факт, что Конституционный суд признал эти положения соответствующими Конституции (По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного суда РФ от 21.12.2005 № 13–П: [Собрание законодательства РФ, 2006, ст. 336]).

Существующий порядок наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта, несомненно, отличается от порядка, закрепленного в Уставе Алтайского края до 1996 года. Однако выводы, сделанные Конституционным судом ранее, ставят под сомнение признание конституционным Федерального закона от 11.12.2004 № 159–ФЗ.

Сравнив составы Конституционного суда в 1996, 2002 и 2005 годах, видим следующее: к 2002 году состав суда сменился лишь на одну треть, а к 2005 году, к моменту принятия Постановления от 21.12.2005 № 13–П, – не более чем наполовину. Что же заставило Конституционный суд РФ, при незыблемости конституционных ценностей (таких как, провозглашение единственным источником власти многонационального народа России, осуществляющего свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления, притом, что высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы) изменить свое решение? Ведь, как было показано выше, Конституционный суд ранее подчеркивал значимость прямых выборов глав субъектов, «получающих свой мандат непосредственно от народа» и, потому, «легитимных представителей исполнительной власти».

Более того, в постановлении Конституционного суда РФ от 14.07.2005 № 9–П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового Кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом федерального арбитражного суда Московского округа» указано, что «толкуя конституционные нормы и принципы, Конституционный суд РФ **учитывает их контекст и системные связи с другими положениями Конституции Российской Федерации**» [Собрание законодательства РФ, 2005 , ст. 3200]. В Постановлении от 10 апреля 2003 года также отмечено, что **толкование осуществляется «с учетом иерархической структуры правовых норм, предполагающей, что толкование норм более низкого уровня должно осуществляться в соответствии с нормами более высокого уровня**» (По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское»: Постановление Конституционного суда РФ от 10.04.2003 № 5–П [Собрание законодательства РФ, 2003 , ст. 1656]. А таковыми являются, прежде всего, положения Конституции, провозглашающие Россию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления, а также положения, закрепляющие принцип разделения властей:

1. Так, отчуждение народа от принятия государственно-властных решений не может не рассматриваться как ограничение народовластия, отход от демократических ценностей в угоду административного аппарата.

2. Введение существующего порядка наделения полномочиями глав субъектов фактически означает установление субординационных отношений между Президентом РФ и главами субъектов федерации, что начисто исключает самостоятельность исполнительной власти регионов.

3. Конституционно-закрепленный перечень полномочий Президента РФ не предполагает расширительного его толкования. Предоставление Главе государства дополнительных правомочий и рычагов давления на ветви власти противоречит идее правового государства и принципу разделения властей.

4. С учетом того, что половина членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ назначаются, как раз, исполнительной ветвью власти субъекта, контролируемой федеральным центром, – можно с уверенностью сказать, что они будут занимать позицию Главы государства, а не отстаивать интересы регионов.

Следует, на наш взгляд, также согласиться с точкой зрения судьи Конституционного суда РФ А.Л. Кононова, высказанной им в особом мнении к упомянутому Постановлению Конституционного суда РФ от 21.12.2005 № 13–П, что главным и фатальным противоречием является «упорное отрицание Конституционным Судом права каждого избирать и быть избранным главой исполнительной власти региона».

Важный аспект обеспечения самостоятельности и независимости Конституционного суда – положение Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», что **Конституционный суд решает исключительно вопросы права** (Ст. 3). Анализ же названных актов свидетельствует о том, что Конституционный суд РФ из органа конституционного контроля превратился в инструмент политической игры, беспрекословно легализующий результаты борьбы за власть.

Библиографический список

Нормативно-правовые акты

Конституция Российской федерации. Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

О Конституционном суде РФ: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 . – № 1–ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 г. – N 67-ФЗ // Российская газета. – 2002. – 12 июня.

О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Федеральный закон от 11.12.2004 г. – № 159–ФЗ // Парламентская газета. – 2004. – 15 декабря.

По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти

субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан: Постановление Конституционного суда РФ от 21.12.2005. – № 13–П // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 3. – Ст. 336.

По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового Кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом федерального арбитражного суда Московского округа: Постановление Конституционного суда РФ от 14.07.2005. – № 9–П // Собрание законодательства РФ. – 2005 – № 30 (ч. II). – Ст. 3200.

По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское»: Постановление Конституционного суда РФ от 10.04.2003. – № 5–П // Собрание законодательства РФ. – 2003 – № 17. – Ст. 1656.

По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Алтайского края: Постановление Конституционного суда РФ от 18 января 1996г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 4. – Ст. 409.

По делу о проверке конституционности части второй статьи 69, части второй статьи 70 и статьи 90 Конституции республики Татарстан, а также пункта 2 статьи 4 и пункта 8 статьи 21 Закона республики Татарстан «О выборах народных депутатов республики Татарстан» в связи с жалобой гражданина М.М. Салямова: Постановление от 22 января 2002 г. – № 2–П // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 6. – Ст. 627.

По делу о толковании статьи 81 (часть 3) и пункта 3 раздела второго «Заключительные и переходные положения»: Определение от 5 ноября 1998 года. – № 134–О // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 46. – Ст. 5701.

Литература

Алехина И.С. Правовые избирательные стандарты Российской Федерации и их реализация в субъектах Российской Федерации: на примере Северо-Западного Федерального округа: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – 44с.

Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». – М.: Юстицинформ, 2007. – 800с.

Варламова Н.В. Российская Конституция: опыт трехмерной интерпретации // Становление конституционного государства в посттоталитарной России. – Вып. 1. – М., 1996. – С. 31–44.

Веденеев Ю.А. Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институциализации // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 47–57.

Дубровина Е.П. Избирательное право субъектов Российской Федерации. // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 2. – С.13–17.

Князев С.Д. Принципы российского избирательного права // Правоведение. – 1998. – № 2. – С. 20–31.

Панкратов В. Основы избирательного права и Основной закон страны (опыт сдержанной критики Конституции Российской Федерации) // Российская юстиция. – М.: Юридическая литература, 2003. – № 12. – С. 13–15.

Слива А.Я. О конституционном судопроизводстве и стандартах избирательного права // Законодательство и экономика. – 2005. – № 6. – С. 4–6.

Научный руководитель – к. ю. н., доцент А.В. Молотов

П.Д. Иваненко

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Такое неимущественное благо, как честь, всегда считалось самым ценным, неотъемлемым правом человека.

Известно, что в XVIII веке честь защищалась преимущественно на дуэли. Для вызова порой достаточно было косого взгляда или неодобрительной реплики. Однако со временем дуэль как средство защиты доброго имени стала применяться гораздо реже и по более серьезным поводам.

Интересен тот факт, что уже в конце XVIII века самое малое расстояние между соперниками составляло 12 шагов, и то всего лишь один раз из имевших место 322. В основном же дуэли происходили на расстоянии 30 шагов. Это говорит о том, что ритуал дуэли стал отчасти символичен, и смертельный исход в дуэлях такого рода был практически невозможен: по статистике из 322 дуэлей смертью одного из участников закончилось лишь 15 [Лотман, 1998, с.164–180].

В СССР защита чести и достоинства не практиковалась, по-видимому, в силу определенного социально-политического устройства в обществе. Лишь в 90-е гг. XX века в судах начали появляться дела по защите чести, достоинства и деловой репутации. Сегодня данные нематериальные блага все чаще отстаивают в судебном порядке.

Защиту обеспечивает как гражданское, так и уголовное законодательство. В рамках гражданского судопроизводства требовать защиты чести, достоинства, деловой репутации можно в соответствии со ст.152 ГК РФ (распространение порочащих сведений). Реже умаление чести и достоинства рассматривается как уголовное деяние: ст.130 Уголовного Кодекса Российской Федерации (оскорбление), ст.129 УК РФ (клевета), ст.297 Уголовно-Процессуального Кодекса Российской Федерации (неуважение к суду).

Понятия чести и достоинства близки и всегда употребляются в паре. Если честь – это сопровождающееся положительной оценкой общества

отражение качеств лица в общественном сознании [Эрделевский, 1996, с. 16], то достоинство – аналогичная оценка лица в собственном сознании. Деловая репутация – та же честь, с тем лишь отличием, что включает в себя не просто качества лица, а деловые качества.

В ст. 130 Уголовного Кодекса Российской Федерации содержатся только два термина − «оскорбление» и «неприличная форма». Причем если первый термин еще как-то объяснен («умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме»), второй дан без всяких объяснений, что порождает немало вопросов. Представляется, что и само «оскорбление» определено в слишком общем виде, и вдобавок недостает еще целого ряда необходимых дефиниций [Жельвис, 2004, с. 289]. Подобное же определение дает «Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: оскорбление − выраженная в неприличной форме отрицательная оценка личности, унижающая честь и достоинство этой личности [Памятка..., 2004, с. 30].

Оба эти определения говорят, что:

1) при оскорблении имеет место умаление чести и достоинства;

2) умаление чести и достоинства имеет неприличную форму выражения.

Соответственно возникают вопросы: что такое умаление чести и достоинства? что такое неприличная форма выражения? Есть и еще один вопрос, который возникает при анализе реальных конфликтных текстов: как соотносятся первый и второй компоненты? Входят ли они в структуру оскорбления как рядоположенные, как А+В, или мы имеем дело с более сложной структурой, которую образно можно охарактеризовать как «два в одном»?

Законодатель не считает оскорбление производным от порочащих сведений (ст. 152 ГКРФ), напротив, подчеркивает в оскорблении зависимость от формы выражения. Юристы А.Л. Анисимов [Анисимов, 1994, с. 8] и А.М. Эрделевский [Эрделевский, 1996, с.16], рассматривающие проблему оскорбления с юридических позиций, также видят сущность оскорбления, в отличие от опорочения, в самой форме выражения высказывания, не исключая возможность совмещения в инвективе содержательного и формального компонентов. В «Цене слова» [2002, с. 115] выражается аналогичная позиция.

Таким образом, уточним классификационные признаки оскорбления:

1) к адресату оскорбления отнесена негативная характеристика или выражено негативное отношение;

2) высказывание имеет «неприличную» форму выражения, то есть выражено «в резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми».

Однако не ясно, что же такое «неприличная форма выражения». Никаких четких рамок приличного / неприличного нигде не дается.

Используемое в правовых документах понятие «неприличной формы» высказывания, на которой основывается понятие «оскорбления», нуждается в

тщательном рассмотрении и конкретизации. Какими критериями мы должны руководствоваться при квалификации приличной или неприличной формы выражения сведения?

Комментарий к УК РФ поясняет: *«Неприличная форма дискредитации потерпевшего означает, что отрицательная оценка его личности дается в явно циничной, а потому резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми. Это прежде всего нецензурные выражения, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами»* [Понятия чести, достоинства и деловой репутации, 2004, с. 15]. Все сказанное означает, что оскорбить можно не только обсценной лексикой (табуированной, или так называемым матом). Оскорбление – гораздо более сложное и глубокое понятие, чем языковая стилистическая помета «табуированное».

«Горожане уверены, что это бессовестный негодяй, ворующий без зазрения совести». Слово *«негодяй»,* использованное в тексте, – одно из наиболее оскорбительных литературных слов русского языка, является прямым и явным оскорблением. Отнесенность авторства этой характеристики к третьим лицам – «горожанам» – не имеет в данном случае никакого значения, поскольку несущественно, каким способом была введена в текст оскорбительная по отношению к лицу оценка.

Как показывает практика, иск может быть вызван и отраженным в комментарии к Уголовному Кодексу Российской Федерации «*сравнением с одиозными историческими и литературными персонажами»* [Цена слова, 2002, с. 328]. Но не ясно, какие исторические и литературные персонажи могут считаться одиозными: Сальери, Иван Грозный, Плюшкин или, может быть, Гарри Поттер? Нужно также помнить, что по Конституции Российской Федерации каждый, благодаря свободе слова, имеет право давать субъективную оценку событиям и людям (в том числе журналисты) [Закон о СМИ], используя различные стилистические приемы, в том числе прием сравнения с известными личностями и литературными персонажами. И предметом иска может стать не сам факт сравнения, а его параметр: передается ли при этом явно или скрыто информация о нарушении лицом правовых или моральных норм?

Сопоставление любого лица с героем литературной басни, на наш взгляд, также вполне допустимо, за исключением случаев, когда сопоставление указывает на такие реалии действительности (именно реалии, а не на оценки и характеристики), доказательство которых у распространителя отсутствует.

При оскорблении, хотя и не часто, но все же возникает вопрос отнесенности высказывания к истцу. Такая ситуация может возникнуть при устном оскорблении – репликах, произнесенных в ходе живого диалога. Желая остаться безнаказанным, ответчик может отрицать, что сказанное им было направлено в чей-то адрес. В таком случае нужно анализировать ход диалога, возможность «выключения» в этом месте беседы одного из участников из речевого взаимодействия и его «включения» в новый диалог с

другим лицом, возможность, оправданность и логичность в предлагаемых обстоятельствах «разговора с самим собой» и языковой игры. При разрешении данной проблемы возможно привлечение средств видеосъемки: направлен ли поворот головы говорящего в сторону объекта речи, наблюдается ли идентифицируемый голосовой посыл в определенном направлении?

Рассматривая конкретные дела по исследуемой теме, мы пришли к выводу, что дел с пометой «клевета» очень немного. Мы попытались найти причину данного факта.

В соответствии с текстом ст.129 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Клевета – распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию». Исходя и данного определения, понятие клеветы включает следующие признаки:

1) унижение (опорочение) чести и достоинства или подрыв репутации;
2) умышленность этого деяния;
3) заведомая ложность распространяемых сведений.

Вопрос возникает в последнем пункте. Что такое «заведомо ложные» сведения?

В Памятке по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы сказано, что заведомость ложных сведений означает осознание распространителя клеветы о несоответствии или возможности несоответствия действительности сообщаемых им о другом человеке сведений. Предположение о том, что распространяемые сведения могут оказаться правдивыми (а значит, возможно, и ложными), следует считать одним из проявлений заведомости. Ложные сведения должны быть конкретными, то есть содержать факты, поддающиеся проверке. В отличие от оскорбления клевета как обязательный элемент включает распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений о конкретных фактах, касающихся потерпевшего [Понятия чести, достоинства и деловой репутации, 2004, с. 26–27].

Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации трактует это выражение как осведомленность распространителя клеветнических сведений об их ложности. Но точного определения законодатель не дает. Фактически, клевета – это то же самое, что и распространение порочащих сведений в ст. 152 ГК РФ, только заведомо ложное, в соответствии с чем, подходит уже под УК РФ.

Получается, что только в том случае, если ответчик заранее знал о неправдивости распространяемой им информации, она будет признана клеветой. Но ведь любой здравомыслящий человек предпочтет привлечение к гражданской ответственности уголовной и, следовательно, всеми силами будет убеждать, что сам искренне верил в правдивость распространенных им сведений.

На практике очень сложно бывает доказать, что конкретное распространение информации является клеветой, поэтому и соответствующих решений суда не так много.

Библиографический список

Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. – М., 1994.

Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия/ Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп./ под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М.: Медея,2004.

Лотман Ю.М. Дуэль// Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – XIX века). – 2-е изд., доп. – СПб: Искусство-СПБ, 1998.

Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов /под ред. проф. М.В.Горбаневского. – М.: Медея, 2004.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004.

Уголовный Кодекс Российской Федерации (действующая редакция) – ст.129, ст.130, ст.297.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М.В. Горбаневского – 2 – е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.

Эрделевский А.М. Утверждение о факте и выражение мнения – понятия разного рода // Российская юстиция. – 1997. – №6.

Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. – М.,1996.

Научный руководитель – к. ю. н., доцент М.В. Радченко

Раздел 8
РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

РЕЦЕНЗИИ

Н.Д. Голев

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА, ПРАВА И ИСТИНЫ В МОНОГРАФИИ К.И. БРИНЕВА

Рец.: Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. Барнаул, 2009. – 252с.

Специфическая отрасль научного знания – юрислингвистика, возникающая в настоящее время в зоне взаимодействия языка и права, – приобрела в последнее десятилетие в отечественной науке исключительную актуальность. В центральных и региональных изданиях выходят статьи и монографии, защищаются диссертации, проводятся конференции разного статуса. Регулярный межвузовский сборник научных трудов «Юрислингвистика», издаваемый в Барнауле и Кемерове, превращается в фактически специализированный журнал-ежегодник. Общественный интерес к юрислингвистике отражает Интернет, в котором легко найти сайты, страницы, дискуссии по вопросам взаимоотношений языка и права. Регулярно поступают сообщения об открытии все новых лингво-экспертных сообществ. Высшее образование откликается на социальную востребованность в специалистах по юридической лингвистике открытием соответствующих специальностей и специализаций. Нет сомнения в том, что катализатором этих процессов стала потребность в развитии лингвистической экспертизы разного статуса и содержания; в первую очередь – судебной экспертизы спорных текстов и экспертизы документов (законопроектов, договоров) при их подготовке и интерпретации.

На этом фоне монография К.И. Бринева «Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза» – не рядовое издание, поскольку, обобщая накопленный опыт[55], она вводит его в новую парадигму, рассматривает взаимодействие языка и права с новых сторон и тем самым поднимает юрислингвистику на более высокий уровень.

Главную методологическую особенность исследования К.И. Бринева мы видим в совмещении в нем парадигм трех наук: лингвистики, юриспруденции и учения об истине. Лингвистическая экспертология составляет здесь особый аспект, выступая в роли своеобразной линзы, через которую рассматриваются и язык, и право, и истина. Одновременно лингвистические экспертизы играют роль материала, из анализа которого исследователь извлекает знания о языке. Впрочем, в разных разделах работы

[55] Особенно важно подчеркнуть, что это еще и большой и разнообразный личный опыт автора монографии. Это опыт своей исследовательской работы и опыт обобщения работ других лингвистов, юристов и экспертов, опыт теоретический и практической работы (научной, экспертной, образовательной и общественно-организационной).

лингвистическая теория и лингвистическая экспертиза (феномены, названия которых вынесены в заглавие работы) нередко меняются статусами объекта, предмета и материала исследования. Неоднозначен и ответ на вопрос (достаточно часто задаваемый юрислингвистам), в каком аспекте выполнено юрислингвистическое исследование: в аспекте «Лингвистика для экспертизы» (это направление обычно легко и охотно признается лингвистами, тем самым утверждается ее преимущественно прикладной характер) или в аспекте «Экспертиза для лингвистики» (такой аспект обычно приходится доказывать и доказательства не лежат на поверхности, поэтому до сих пор фундаментальное значение юрислингвистики для теории языка не раскрыто в достаточной мере). При всем понимании значимости научных результатов исследования К.И. Бринева для общей и лингвистической экспертологии, мы склонны видеть в центре его работы именно второй аспект. Впервые в отечественной юрислингвистике язык и отражающие его лингво-теоретические построения последовательно рассматриваются в аспекте параметров, задаваемых презумпциями судебной лингвистической экспертизы. Таковые презумпции определяются прежде всего тем обстоятельством, что в конечном итоге судебная экспертиза служит одним из важнейших способов доказывания истины.

Категория истины является одним из основных интегрирующих параметров исследования К.И. Бринева. Этот момент также является методологической чертой данной работы. Идея о потенциале проекции признаков истины на речевое высказывание (текст), способности речевых произведений объективировать истину и возможности человеческого сознания извлечь ее из речевого материала красной нитью проходит через всю книгу. Это, на наш взгляд, весьма важные для лингвистики моменты. Важные хотя бы потому, что до сих вопросы истины в языке и речи рассматривались в основном философами, логиками, лингвистами, работающими в смежных с формальной логикой областях, которые решали их преимущественно на материале формализованных языков или искусственно сконструированных фраз. Лингвистика естественного языка в связи с истиной затрагивалась лишь в основном в направлениях линвопрагматики и суггестивной лингвистики[56] и в лингвокогнитологии, в связи с концептами истины, лжи, обмана, справедливости. В монографии К.И. Бринева логическое направление «моделирования» истины органично соединяется с изучением отражения и выражения истины в естественном языке, средствами естественного языка. В гносеологическом плане это направление предстает в монографии как извлечение истины из естественных речевых произведений, заданное целевыми установками судебной лингвистической экспертизы как способа доказывания судебной истины. Понятие «судебной истины» также имеет свою специфику в парадигме ее многочисленных разновидностей и нередко становится

[56] Для аналогии важно отметить, что при наличии «лингвистики лжи» отсутствует «лингвистика истины» (так же, впрочем, отсутствует как целостная концепция и «этическая лингвистика»; отчасти поэтому понятие «языковая манипуляция» нередко трактуется как обычное воздействие, присутствующее в любом речевом акте).

предметом теоретической юриспруденции. В отличие от истины, отражаемой в естественном языке и в естественно-научном познании, судебная истина в большей мере конвенциональна, поскольку она в существенной мере детерминирована конвенциальной природой правовой системы.

Известно, что философия, теория общего и специального познания, логика и психология выработали разнообразные представления об истине. Считается, что философское понятие истины впервые введено Парменидом как противопоставление мнению, причем изначально в античной философии считалось, что критерием истины является тождество мышления и бытия. У Аристотеля учение об истине предстает как соответствие или несоответствие высказывания действительности. Мы говорим об этом по той причине, что в монографии К.И. Бринева актуализируется именно такое, аристотелевское, представление об истине. Из всех критериев истины К.И. Бринев отдает предпочтение критерию соответствия содержания высказывания действительности. С точки зрения автора, в лингвистике до сих пор доминирует реалистический (а не номиналистический) принцип объяснения, который почти всегда ведет к дискуссиям по поводу употребления лингвистических терминов и практически никогда не ведет к описанию того, каково положение дел в мире; например, вопрос о сущности текста при таком подходе способен привести только к определению того, как мы будем употреблять слово «текст» по отношению к фрагментам реальной действительности; все ищут истинный смысл слова «текст», называя это поисками сущности текста, тогда как такого смысла нет, равно как и сущности текста; таким образом, текст при таком подходе превращается в категорию смысловую, но не фактическую.

Отсюда, по К.И. Бриневу, вытекают соответствующие лингво-экспертные презумпции: лингвистическая экспертиза должна описывать реальные факты, а не определять, в каком смысле употребил законодатель то или иное слово, скажем, «оскорбление» или «неприличная форма» (это не более чем частная проблема юридико-лингвистической герменевтики). При этом то обстоятельство, что лингвистическая экспертиза **должна** делать истинные описания, не может быть выведено логически и теоретически из каких-либо фактов, но является просто нашим решением или ценностью, которую мы либо разделяем, либо нет. Этот тезис может быть спроецирован в область лингвистической этики. Если, например, полагает К.И. Бринев, мы знаем (= уверены), что все утверждения – это утверждения мнения (а такая точка зрения нередко высказывается в экспертном сообществе), то тогда, выполняя экспертизу и выделяя фактические утверждения, мы, в том числе, принимаем и решение о том, что даем заведомо ложное заключение. Мы, конечно, можем несерьезно относиться к нашей деятельности – лингвистической экспертизе – («играть в нее»), но в этом случае мы должны быть готовы, что когда-то нас привлекут по статье 307 УК РФ. Таким образом, в концепции К.И. Бринева тесно переплетены логика языковых значений и значимостей, логика научного познания истины и значимостей правовых и социальных отношений.

За «объективистским» подходом к лингвистической истине, реализуемым в монографии, стоит скрытая полемика с современными тенденциями в теоретической лингвистике, особенно с антропоцентрическими. В известной дискуссии, начатой Августом Шлейхером, который противопоставил лингвистический натурализм и филологию, и продолженной в 60-70-х годов в отечественном языкознании, где ставился вопрос о лингвистике как науке гуманитарной или естественной. Отдаление от полюса «гуманитарности» особенно значимо для судебных лингвистических экспертиз, поскольку нередко приходится слышать, что она, в отличие, скажем, от судебно-медицинской или трассологической экспертизы, не может быть «несубъективной» (= объективной). В этом аспекте автор обсуждаемой монографии последовательно отстаивает возможность приближения лингвистического исследования - вообще и экспертного в частности - к «объективистскому» полюсу. Антропоцентрическое изучение языка К.И. Бринев сближает с субъективным и интуитивным изучением.

В силу активизации антропоцентрического подхода в лингвистике в настоящее время доминирует субъективная теория истины в форме гносеологического плюрализма, который, по мнению К.И. Бринева, влечет за собой едва ли не снятие оппозиции между истиной и ложью: если ничего не может быть даже в воображении ложным, то тогда оно ничего не говорит о реальном положении дел. Это означает, что у него отсутствует содержание относительно фактов и реальной действительности. Вслед за К. Поппером, автор обсуждаемой монографии утверждает, что такие описания никогда не могут столкнуться с реальной действительностью, потому они являются описанием состояний уверенности того, кто является лингвистом. Редактор, являющийся автором ряда статей, в которых развиваются идеи субъективного плюрализма в лингвистике как гносеологической ценности и множественности интерпретации как реального механизма функционирования языка, считает себя обязанным высказать реплику-вопрос: «Разве сами слова-понятия «факт реальной действительности» и «соответствие таковым фактам» не являются ко всему прочему продуктом субъективной деятельности не только в их генезисе, но и в их непрерывном функционировании (= употреблении этих «слов»)? Отвечая положительно на этот вопрос, мы соглашаемся со следующим мнением:

«…Можно ли, как это обычно делается, противопоставлять друг другу факт и его оценку или суждение (мнение) о нем? Вообще: есть ли факт нечто совершенно объективное? А оценка или суждение о нем − наоборот, субъективное? Или: факт есть нечто первичное, а суждение о нем – нечто вторичное? Нет. Факт становится таковым и становится нам доступным только в форме суждения (высказывания, пропозиции). Реальность существует независимо от человека, а факт – нет: он, этот человек, выделяет в действительности какой-то фрагмент, а в нем – определенный аспект (событие); затем он «переводит» свое знание о действительности (событии) на «естественный» язык, строит в виде суждения о предмете, затем

проверяет, истинно ли данное суждение или ложно (как говорят, «верифицирует» его). И только тогда – если окажется, что суждение истинно − то, что описано в этом суждении, становится фактом!»[57]. И если это так, то отношения субъективной и объективной сторон истины, равно как и отношения интерпретации слов и реального положения вещей оказываются не в отношениях разделительных (или / или), а в отношениях дополнительности (и / и), даже в том случае, если они гносеологически (и логически) несовместимы.

К.И. Бринев попытался проанализировать данную ситуацию в разделе, посвященном делам о распространении не соответствующих действительности порочащих сведений (см. параграф 2.2.3.4), где выдвигается гипотеза, что разграничение фактов и событий (как это представлено в приведенной цитате) – это словесное разграничение и что принцип верификации не имеет здесь существенного значения, поскольку ни одно высказывание о факте или событии не может быть верифицировано опытным путем. Автор считает, что все высказывания о событиях и фактах – это гипотезы, которые мы принимаем, потому что они согласуются с другими фактами или событиями. Если они не согласуются с ними, то мы их отбрасываем. Поэтому наши интерпретации не произвольны относительно реального мира.

Позволим себе оставить этот вопрос открытым, но отметим, что его критическое обсуждение может быть весьма продуктивным.

Мы солидаризуемся со следующей мыслью К. И. Бринева, касающейся соотношения фундаментальных и прикладных аспектов лингвистики. Любое лингвистическое описание основано на какой-либо теории, включая бытовые теории, противоречивые и неполные теории. Тезис о том, что существует описание само по себе и соответственно прикладная наука, не предполагающая какую-либо теорию, – это ложный тезис. (И это, конечно, так, с той ремаркой, что наличие теории и означает присутствие субъективной стороны в любом описании). Тот факт, что в лингвистике классическая теория мало применяется в прикладных исследованиях, или то, что лингвисты не имеют представления о том, на каких теориях базируются прикладные исследования (а они могут быть основаны и не на классических теориях, а на теориях, например, основанных на здравом смысле), во-первых, не является необходимым, во-вторых, скорее, свидетельствует в пользу факта, что теоретическая лингвистика – «слабая» отрасль, что-то вроде игры. Поэтому если юридическая лингвистика «стремится» стать цельной дисциплиной, то тогда в каком-то смысле она должна быть основана на теории языка, то есть на истинностных описаниях структуры и функционирования языка, и если она будет вся описана через одну теорию, то только тогда она явит себя действительно цельной дисциплиной. Естественно, такая теория не является «окончательной», но является «лучшей» к данному моменту времени. Пафос цельности любой теории как

[57] Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. – М., 1997. – С. 17.

ее неоспоримой ценности особенно справедлив по отношению к юрислингвистике в ее лингвоэкспертной составляющей. Непосредственно обслуживая судебную истину, деятельность лингвиста-эксперта стремится иметь единые, непротиворечивые и даже устойчивые правила исследования (в том числе и в первую очередь его теоретико-методические правила). Именно эти свойства экспертного исследования функционально синонимизируются с такими важными свойствами судебных вердиктов, как легитимность, непредвзятость и справедливость. Думается, что во многом именно по этой причине в монографии К.И. Бринева «Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза» этот пафос стал основополагающим исследовательским принципом. Но все-таки экстраполяция тезиса об опоре экспертизы «на лучшую к данному моменту теорию» во все другие сферы научной деятельности, на наш взгляд, не может быть принята без существенных оговорок, связанных с невозможностью научной дефиниции понятия «лучшая теория» и с сомнительностью синонимизации таких определений теории, как «лучшая» и «современная». Так, сам К.И. Бринев достаточно убедительно показал, что актуальные сегодня антропоцентрические методики описания языка отнюдь не самые лучшие с точки зрения приближения к сущности языка.

Критика концепций, восходящих к учению о языке средневековых реалистов, реализована во второй главе, где лингвистическая экспертиза последовательно возводится к номиналистским концепциям, поскольку экспертиза, по убеждению К.И. Бринева, не должна решать (обсуждать?) вопросы о терминах и их понимании, а должна решать лишь вопросы о том, что происходит в реальной действительности. Автор в этой главе пользуется номиналистическим вариантом структурализма, согласно которому, например, речевой акт – это единица кода русского языка, тогда как такой единицы, как «неприличная форма» в русском языке не существует.

В заключении автор вновь возвращается к теории речевых актов, поставив вопрос о том, где границы применения гипотезы о речевых актах. Лингвисты, вероятно, не могут «эксплуатировать» эту гипотезу бесконечно, потому что рано или поздно на пути такой «бесконечности» лингвист придет к выделению совершенно конкретного речевого акта: «Петров Иван Андреевич сообщил (или, скажем, использовал то или иное слово) 11.10. 2008 г. в 13.57». В этом же духе объективизма и номинализма на материале конкретных экспертиз в третьей главе критически трактуются имеющиеся и активно используемые лингвистами в экспертной практике классификации инвективной лексики.

Таким образом, системное появление парадигмы истины в первой монографической работе по юрислингвистике знаменует, на наш взгляд, новый и серьезный шаг в развитии юрислингвистических и лингвоюридических знаний.

ХРОНИКА

Круглый стол
«Юрислингвистика: итоги и перспективы развития»
(Вторая Международная научно-практическая конференция «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации»
(Барнаул, Алтайский государственный университет, 14-18 апреля 2009г.)

Лингвистические аспекты правовой коммуникации стали предметом обсуждения участников одноименной секции и круглого стола «Юрислингвистика: итоги и перспективы развития» в рамках Второй Международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации», организованной лабораториями юрислингвистики и развития речи, коммуникативистики и риторики; кафедрами теории коммуникации, риторики и русского языка филологического факультета и теории и практики журналистики факультета журналистики Алтайского государственного университета. Конференция прошла в Барнауле14-18 апреля 2009г.

В работе секции «Лингвистические аспекты правовой коммуникации» (руководители доц. Е.С. Кара-Мурза и проф. Т.В. Чернышова) приняли участие преподаватели вузов г. Барнаула, Бийска, Горно-Алтайска, Москвы, других городов России и ближнего зарубежья, члены Региональной общественной организации Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис» (г. Барнаул), студенты Алтайского государственного университета и Алтайской государственной педагогической академии, представители государственных учреждений г. Барнаула.

Основное внимание выступавших было сосредоточено на разных аспектах лингвистического анализа в рамках лингвистической экспертизы, которые были рассмотрены в докладах к. филол. н., доц. АлтГПА Бринева К.И. «Судебная лингвистическая экспертиза по делам о возбуждении межнациональной, религиозной, социальной ненависти и вражды и призывам к экстремистской деятельности», к. филол. н., доц. АлтГУ Дорониной С.В. «Эпистемическое значение истинности и средства его выражения»; д. филол. н. проф. АлтГУ Чернышовой Т.В. «Способы подачи оценочной информации в современных медиатекстах», к. филол. н., доц. АлтГУ Морозова «Денотативные, сигнификативные и коннотативные компоненты семантики инвективного слова). Реализацию речевой агрессии в текстах некоторых жанровых разновидностей в докладе «Иллокутивные парадигмы «Директивы» и «Эвалютивы» как признаки словесного экстремизма» представила к. филол. н., доц. МГУ им. М.В. Ломоносова Е.С. Кара-Мурза. К особенностям юрислингвистического анализа текстов СМИ и правозащитной функции в коммуникативном взаимодействии СМИ и аудитории обратились в своих выступлениях к.фил.н., доц. Казахского национального университета

им. Аль-Фараби Р.Д. Карымсакова в докладе «Социальная оценочность в судебной лингвистической экспертизе» и к.фил.н., доц. АлтГУ Кирилин К.А. («Правозащитная функция в коммуникативном взаимодействии СМИ и аудитории»).

Дискуссия, возникшая в ходе обсуждения докладов, была продолжена на заседании круглого стола «Юрислингвистика: итоги и перспективы развития» (ведущие д. филол. н., проф. КемГУ Н.Д. Голев и к. филол. н., доц. АлтГПА К.И. Бринев), посвященного 10-летнему юбилею со дня открытия в Алтайском государственном университете Лаборатории юрислингвистики и развития речи, одну из задач деятельности которой ее основатель – проф. Н.Д. Голев – видит в системной разработке теоретических и практических вопросов, находящихся на стыке русского языка и российского права и образующих специфическую область научно-практических знаний, аккумулированных в развивающейся научной дисциплине, за которой закрепилось общее название «юрислингвистика».

Предметом рассмотрения участников круглого стола стали вопросы, связанные с развитием в рамках современной прикладной лингвистики нового направления – юрислингвистики, функционирующей на стыке языка и права. В выступлении д.ф.н., проф. Н.Д. Голева (КемГУ) отмечено, что интерес к функционированию языка в правовой сфере, существующий со времен античности, лишь в конце XX в., благодаря ряду факторов (социальных, политических и пр.) трансформировался в новое научное направление. Сильным толчком к оформлению юрислингвистики явилась потребность судебно-правовых органов в привлечении специалистов-филологов для анализа спорных текстов в ходе лингвистической экспертизы. В выступлениях д. филол. н., проф. Л.О. Бутаковой (ОмГУ, г. Омск), д. филол. н., проф. Т.В. Чернышовой (АлтГУ, Г. Барнаул), к. филол. н., доц. Е.С. Кара-Мурзы (МГУ им. М.В. Ломоносова), к. филол. н., доц. К.И. Бринева (АлтГПА, г. Барнаул), к. филол. н., доц. Р.Д. Карымсаковой (Казахский национальный университет им. Аль-Фараби) и др. были затронуты такие ключевые проблемы юрислингвистики как анализ основных тенденций в развитии научного направления, соотношение юридического и лингвистического аспектов в современной юрислингвистике и ее разделах (лингвистическая экспертология, лингвоконфликтология, герменевтика), характер и принципы взаимодействия лингвистов и юристов при решении проблем, возникающих при квалификации спорных текстов, разработка единых методологических основ лингвистической экспертизы и др.

В ходе работы секции и круглого стола были намечены перспективы развития юрислингвистики. В качестве основной задачи была признана необходимость разработки единой методологической основы анализа спорных текстов в рамках лингвистической экспертизы.

Участники секции и круглого стола положительно оценили вклад, который за 10 лет внесли в развитие новой лингвистической дисциплины коллективы Лаборатории юрислингвистики и развития речи АлтГУ (руководитель д. филол. н. проф. Чернышова Т.В.), Лаборатория

юрислингвистики и документоведения КемГУ (руководитель д. филол. н.,проф. Голев Н.Д.), Региональная общественная организации Алтайского края Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис».

Т.В. Чернышова

Международная научно-практическая конференция «Юрислингвистика и лингвоконфликтология» (Кемерово, 1-3 июля 2009г.)

1-3 июля 2009 г. в Кемеровском университете прошла вторая международная конференция по проблемам, возникающим на стыке языка и права. Ее название – «Юрислингвистика и лингвоконфликтология». Конференция вызвала немалый интерес у научной общественности, и количество заявок приближалось к 100. В числе участников – представители разных стран – России, Украины, Беларуси, Казахстана. Российскую Федерацию представляли участники из 15 городов, среди них – Барнаул, Кемерово, Красноярск, Москва, Нижний Новгород, Пермь, Пятигорск, Самара, Санкт-Петербург, Томск, Улан-Удэ, Уфа, Челябинск, Якутск. Формы участия различны – очные доклады, заочные стендовые доклады, выступления на круглом столе «Русский язык как феномен правовой коммуникации» и научно-практическом семинаре «Типы языковых конфликтов: способы предупреждения и разрешения». Подробнее о составе участников и программе конференции можно узнать на сайте КемГУ (http://conference.kemsu.ru/conf/ligv_09). Материалы конференции составили значительную часть настоящего сборника «Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция», и читатель имеет возможность непосредственного знакомства с ними.

В содержательном плане следует отметить широкий спектр юрислингвистических вопросов, обсуждаемых на конференции.

Ядерное положение среди них заняли проблемы **лингвистической конфликтологии**, обсуждаемые на секции «Лингвоконфликтология». Право существует как средство предупреждения и разрешения социальных конфликтов, и к ним несомненно относятся и конфликты, связанные с языком, поскольку язык конфликтен по своей природе. Несмотря на то, что лингвоконфликтология – «молодая» лингвистическая отрасль знания, ее проблематика все более актуализируется, обнаруживая как центробежные, так и центростремительные тенденции. Говоря о первых, имеем в виду разные источники, из которых вырастают языко-речевые конфликты, и разные лингвистические дисциплины, в которых они актуализируются и описывается. Так, в докладах участников раскрывается конфликтогенный потенциал русского языка в различных сферах коммуникации: СМИ (Т.А. Сидорова, Н.В. Обелюнас, А.И. Суханова, Н.Ю. Печетова), сфере имен собственных (Н.А. Бикейкина), молодежном жаргоне (М.Г. Чабаненко), художественных текстах (Т.Ю. Кузнецова, Н.Б. Лебедева, Осколкова Н.В.),

научных текстах (А.А. Успанова), при межъязыковом переводе текстов (И.И Булгакова, О.В. Саржина), в рекламе (М.И. Парасуцкая). Особенно широко были представлены коммуникативные аспекты речевых конфликтов (Е.Г. Гусар, Л.Г. Ким, А.В. Коряковцев, Н.А. Прокуденко, Т.Г. Рабенко, С.А. Упатова). Говоря о вторых, имеем в виду появление работ, в которых рассматриваются универсальные свойства языковых конфликтов (доклады В.С. Третьяковой, Б.Я. Шарифуллина, К.Ф. Седова и др.). С лингвокогнитологий тесно увязана проблематика доклада Е.В. Кишиной и Л.Х. Сарамотиной, проанализировавших конфликтный потенциал концептов «власть» и «преступник». Условия перехода языковых конфликтов в линво-правовую область обсуждались в докладах Е.С. Кара-Мурзы и Т.В. Чернышовой.

Проблемы судебного разбирательства речевых конфликтов **в экспертных исследованиях** были предметом обсуждения на секции «Лингвоэкспертология». Доклады показали, что данная отрасль юрислингвистики находится уже на достаточно «продвинутом» этапе развития. Во многих из них специальные вопросы экспертизы сущностно сочетаются в лингвоэкспертологии с общелингвистическими (доклады К.И. Бринева, В.А. Мишланова, М.А. Грачева, Н.Б. Лебедевой, Ш.А. Махмудова, М.С. Небольсиной, Г.С. Иваненко, Е.А. Яковлевой). Во многих докладах рассматриваются новые подходы и приемы к экспертному исследованию. Так, Т.И. Краснянская и Т.А. Лисицына подняли в своих докладах проблему «напряженности речи», приводящую речевое поведение к фазе судебного разбирательства. Манипулятивное функционирование языка стало предметом обсуждения в докладах К.Ф. Седова, М.Н. Парасуцкой, Я.В. Олзоевой, А.И. Сухановой и Н.Ю. Печетовой.

На секции **лингвоюристики** и на круглом столе **«Русский язык как феномен правовой коммуникации»** обсуждались вопросы юридического и официально-делового языка в его многочисленных разновидностях: языка закона (доклады Н.Д. Голева, Б.Я. Бляхмана, А.Б. Бушева, И.И. Василишина), судебной риторики (доклады П.А. Катышева и Н.В. Желтовой, Н.Г. Гордеевой, М.А. Ширинкиной, О.В. Красовской, Л.Г. Кыркуновой, Р.И. Монастырской, И.Н. Ткаченко, Р.С. Авдеева, О.Н. Бегезы).

Значительное место на конференции заняло обсуждение вопросов **юрислингвистического образования** и просвещения (доклады Н.В. Артыкуцы, А.Д. Васильева, А.А. Скорофатовой).

Языковая политика стала предметом анализа в докладах Д.А. Катунина, Т.А. Кадоло, О.Д. Павловой.

На заключительном пленарном заседании участники конференции отметили актуальность и продуктивность состоявшегося обмена мнениями и приняли решение о проведении следующей конференции в 2011 году.

Н.Д. Голев

О курсах ФПК В Алтайском государственном университете (2009г.)

В ноябре 2009 года в Центре переподготовки и повышения квалификации преподавателей высших и средних специальных учебных заведений при Алтайском государственном университете (г. Барнаул) была успешно реализована программа повышения квалификации научно-педагогических работников федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования «Современные проблемы русистики». Одно из направлений учебного плана программы – «Русский язык и современное российское право» – вызвало оживленный интерес слушателей вузов Москвы, Костромы, Новосибирска, Братска, Якутска, Ханты-Мансийска и других городов России. Программа данного направления разработана и внедрена в учебную практику д. филол. н., проф. Кемеровского государственного университета Н.Д. Голевым и д. филол. н., проф. Алтайского государственного университета Т.В. Чернышовой.

Курс вводных лекций, посвященных проблемам юрислингвистики, прочитан к. филол. н., доцентом Алтайской государственной педагогической академии К.И. Бриневым. В рамках блока, посвященного судебной лингвистической экспертизе, были рассмотрены следующие темы: «Лингвистическая экспертиза как исследование продуктов речевой деятельности», «Лингвистическая экспертиза в рамках различных категорий дел: оскорбление, призывы к экстремистским действиям, разжигание межнациональной, религиозной, социальной ненависти и вражды» и др.

Тематический блок «Лингвистическая конфликтология» (Т.В. Чернышова) был посвящен рассмотрению таких аспектов, как «Понятие и виды конфликтов», «Конфликтология и лингвоконфликтология», «Речевой конфликт и его структура», «Типологическая модель конфликтного текста (на примере речевого жанра «оскорбление»)» и др. По окончании лекционного курса были проведены практические занятия, на которых рассматривались конфликтные речевые ситуации по материалам лингвоэкспертной практики Региональной общественной организации Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис».

Тематика и содержание проведенных курсов вызвали положительный отклик у коллег, обсуждение проблем на занятиях носило оживленный характер, обусловленный интересом слушателей к изучению различных проблем, возникающих в процессе функционирования языка в юридической и судебной сферах.

Это позволяет надеяться, что специалисты в области юрилингвистики будут в дальнейшем систематически привлекаться к реализации образовательных программ повышения квалификации преподавателей высших учебных заведений России.

Т.В. Чернышова, К.И. Бринев

***

Специализация «Юридическая лингвистика» в КемГУ

В 2005 г. при кафедре русского языка Кемеровского государственного университета открылась новая дополнительная специализация, имеющая официальное название «Филологическое обеспечение современной коммуникации (юридическая лингвистика)». Инициатором ее открытия и руководителем специализации является д. филол. н., проф. Н. Д. Голев.

Специализация предполагает филологическое обеспечение юридической деятельности в широком диапазоне, включая работу с документами в законодательных, административных и юридических органах; лингвоэкспертную деятельность; обеспечение лингвистической подготовки на юридическом, экономическом и других факультетах вузов.

Срок обучения – 4 семестра**.**

Учебный план содержит такие дисциплины, как юридическая лингвистика, основы документоведения, конфликтологический анализ текста, юридическая герменевтика и правовая логика, юридическая риторика, основы теории государства и права, основы гражданского права, правосознание и дидактика права и ряд других дисциплин с юридико-лингвистическим содержанием.

Кроме изучения теоретических дисциплин, студенты проходят производственную практику в административных и законодательных учреждениях Кемеровской области: в Территориальном суде, Государственном архиве, Юридическом отделе Совета народных депутатов Кемеровской области, где закрепляют полученные знания и на практике выполняют работу лингвиста-эксперта, помощника секретаря суда.

Обучение завершается защитой выпускной работы, в которой студенты осуществляют, например, лингвоконфликтологический анализ текстов СМИ, исследуют обыденное толкование текстов закона, разрабатывают критерии разграничения факта и мнения и рассматривают их применение в практической деятельности эксперта, производят риторический анализ речи государственного обвинителя, анализируют документацию налоговой службы и решают ряд других проблем, имеющих важное практическое значение.

За время существования специализации было сделано два выпуска. Таким образом, 23 выпускника Кемеровского государственного университета, помимо основной специальности, имеют квалификацию лингвиста-эксперта.

Выпускники, имеющие дополнительное образование и прошедшие профессиональную переподготовку по программе «Юридическая лингвистика», трудоустраиваются в соответствии с этой квалификацией. Так, наши выпускники работают в Управлении Федеральной службы судебных приставов, Государственном архиве Кемеровской области, Экспертно-криминалистическом Центре при МВД, а также продолжают свое обучение в

аспирантуре, связывая тему научных изысканий с проблемами юридической лингвистики.

Более подробную информацию о нашей специализации можно получить на сайте «Юрислингвистика (http://www.nojuris.ru/index) в г. Кемерово» в рубрике «Специализация в КемГУ».

Куратор специализации Л.Г. Ким

***

22 мая 2009 года в диссертационном совете Кемеровского государственного университета (г. Кемерово) состоялась защита диссертации **Ольги Павловны Сологуб «Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект»**, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

В рамках данного исследования впервые реализован системный подход к официально-деловым текстам русского языка, на основе чего реконструирована функционально-генетическая модель официально-делового текста. В работе прослеживается на синхронном уровне становление официальности путем исследования взаимодействия текстов, находящихся на разных стадиях официализации: от ее минимальных проявлений, обнаруживающихся в процессах деофициализации, до максимальных проявлений (высшая стадия официализации). Впервые в практике научного исследования разработаны принципы детерминистского описания официально-делового текста, вскрываются детерминационные механизмы, определяющие характер его генезиса и функционирования. При этом динамика становления и функционирования официального начала рассматривается как в направлении «сверху вниз» – от официальной речи к неофициальной, так и в обратном направлении, когда происходит давление неофициального на официальное, что влечет за собой приспособление к требованиям, идущим снизу (до сих пор учитывалось лишь первое направление – кодифицирующая деятельность вышестоящих инстанций, заключающаяся в составлении ГОСТов, определении норм официально-деловой коммуникации и доведении их до пользователей делового языка). Таким образом, в диссертации выстраивается двусторонняя модель взаимодействия официального / неофициального, что способствует созданию полной детерминистской картины становления и функционирования официально-делового текста. В практику лингвистического анализа включен новый эмпирический материал – тексты обращений в официальную инстанцию, обладающих разной степенью официальности; обращение к подобного рода материалу позволило обосновать операциональную единицу анализа (ЕОФЯ), выявить состав ЕОФЯ, описать их функциональные признаки, представить их полевую структуру, определить понятие глубины официализации текста, разработать методику ее определения.

Официальными оппонентами, положительно оценившими работу

О.П. Сологуб, выступили доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета М.П. Котюрова; доктор филологических наук профессор кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета Т.В. Чернышова, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета П.А. Катышев; ведущая организация – ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Об автореферате О.П. Сологуб поступил ряд отзывов из ведущих вузов России, содержащих высокую положительную оценку проведенного исследования. Так, д. ф.н., проф. кафедры общего языкознания и стилистики ГОУ ВПО «Воронежский государственный университет» О.Н. Чарыкова отмечает, что диссертационное исследование О.П. Сологуб является актуальным в силу активизации деловой коммуникации в современном социуме, приобретения ею новых черт, что, несомненно, обусловливает необходимость исследования как прикладных, так и теоретических аспектов данного феномена с точки зрения новой научной парадигмы. До настоящего времени такие исследования носили по большей части фрагментарный характер, то есть изучались отдельные участки данного континуума без выхода на уровень системного описания.

Д.ф.н., проф. кафедры русского языка ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» Л.О. Бутакова указывает на новизну диссертации, состоящую в применении функционального подхода к системному рассмотрению генезиса официально-делового текста, в постановке акцентов на выявлении динамической картины формирования официально-деловой речи, начиная от этапа «предофициальной» речи, на котором текст только формируется как официальный, и заканчивая этапом его официального функционирования, на котором ему присуща та или иная степень «официализации». В диссертации предлагается иная модель официально-деловой речи, составляющая основной теоретический вклад работы. Для этой модели автором предложено соответствующее методологическое обеспечение, в котором важны категории генезиса, функционирования, деятельности, системы при явном доминировании генезиса. Кроме этого, теоретическая значимость определяется следующим: введение ряда понятий и терминов («официально-деловой текст», «официальность», «единица официального функционирования языка» и др.) позволяет создавать современные интерпретации данного типа дискурса с позиций теории текста и теории коммуникации; описание процессов официализации – деофициализации текста, определение системы детерминант, обусловливающих становление и развитие официальности текста, дают возможность оценивать важнейшие свойства таких типов текстов и вносят вклад в общую теорию текста.

Д. пед. н., проф. кафедры русского языка ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет» Л.А. Месеняшина считает, что новизна подхода в работе О.П. Сологуб связана с нетривиальным пониманием

категории генезиса, представленным как непрерывная градуальность. Совершенно необычным и новым является стремление диссертанта связать изучение официально-деловой речи с изучением естественной письменной речи. Официально-деловая речь впервые рассматривается в ее процессуальности, испытывающей воздействие антиномичных тенденций. Причем, при всей неожиданности, эта мысль автора убедительно обоснована как логически, так и эмпирически.

Д. филол. н., проф. кафедры русского языка ГОУ ВПО «Томский государственный университет» О.И. Блинова пишет, что работа О.П. Сологуб максимально включена в парадигмы современной лингвистики, автор использовал все продуктивные подходы, методы и методики анализа материала, привлек разноплановый фактический материал, что позволило поднять на новый уровень теорию официально-делового стиля, составной частью которой является созданная им функционально-генетическая модель русского официально-делового текста.

Как отмечает д. филол. н., проф. кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета Г.Г. Москальчук, большое внимание в работе уделено выработке метаязыка для комплексного описания деловых текстов, что может быть востребовано лингвистами и педагогами.

***

29 июня 2009 года в Кемеровском государственном университете состоялась защита диссертации **Андрея Валерьевича Коряковцева «Инвективность как функционально-семантическая категория русского языка»**, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01. – русский язык. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н.Д. Голев. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук, профессор А.Г. Фомин и кандидат филологических наук, доцент О.В. Саржина. Ведущая организация − ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского». Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

Об автореферате диссертации получен ряд отзывов из вузов России. В частности к. филол. н., доцент кафедры стилистики факультета журналистики МГУ, действительный член ГЛЭДИС Е.С. Кара-Мурза считает значимым, что А.В. Коряковцев предложил нестандартное описание ФСК инвективности, соединив полевое описание маркеров инвективности и фреймовое описание инвективной ситуации. В результате удалось создать содержательную модель структуры ФСК инвективности, в которой нашлось место и фрейму, и словарным дефинициям, и текстовому, и субъектному компоненту инвективной ситуации (инвектору и инвектуму), и полевому представлению средств инвективности. Д. филол. н., проф. кафедры русского языка, Лесосибирского педагогического института − филиала Сибирского федерального университета Б.Я. Шарифуллин отмечает, что в диссертации

ставятся и решаются действительно важные для инвективологии проблемы – соотношение понятий «инвектива» и «инвективность», вопрос об инвективной функции, классификация и градуирование понятий «инвективная лексика» и «инвективное использование лексики», «собственно инвективная лексика» и «потенциально инвективная лексика». Д. филол. н., проф. кафедры иностранных литератур и языков Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского В.И. Жельвис отметил, что диссертант вводит полезное понятие инвектемы, носителя потенциально оскорбительной информации. По мнению д. филол. н., проф. кафедры русского языка и теории языка Педагогического института Южного федерального университета И.А. Кудряшова, научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка изучения разноуровневых языковых средств выражения инвективности с учетом функционально-семантического аспекта в рамках антропологической, коммуникативно-дискурсивной, когнитивной парадигм исследования. Д. филол. н., проф. кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета Т.В. Чернышова также считает, что рассмотрение инвективности как функционально-семантической категории, обладающей системно-структурным характером и особым механизмом реализации в речи, представляется весьма актуальным и своевременным.

***

26 ноября 2009 г. на заседании диссертационного совета Тамбовского государственном университете имени Г.Р. Державина (г. Тамбов) состоялась защита диссертации **Евстафьевой Анны Владимировны «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования»**, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01. – русский язык. Официальными оппонентами, положительно оценившими работу А.В. Евстафьевой, выступили доктор филологических наук, профессор Горбаневский Михаил Викторович и кандидат филологических наук, доцент Каменская Наталия Викторовна, ведущая организация – ГОУВПО «Орловский государственный университет».

Диссертация посвящена исследованию лингвистических и экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на функционирование «языка вражды» в современных средствах массовой информации (в период с 1990-х гг. по настоящее время). Научная новизна диссертационного сочинения заключается в комплексном исследовании лингвистических основ функционирования «языка вражды» в современных средствах массовой информации в соотношении с экстралингвистическими основами. Теоретическая значимость работы состоит в том, что она позволяет внести определенный вклад в изучение лингвистических и

экстралингвистических факторов негативных высказываний, демонстрируя возможность их исследования на стыке нескольких научных дисциплин (лингвистики, конфликтологии, лингвокультурологии, социологии, этнологии, психологии, когнитивной психотерапии, юриспруденции и др.), что в настоящее время является востребованным при проведении мониторинга, лингвистической экспертизы и других видов исследований.

Специфика лингвистической природы «языка вражды» в современных СМИ в рамках данного исследования анализируется во взаимообусловленности составляющих его аспектов (прагма- и когнитивно-лингвистического, структурно-семантического и стилистического) с апеллированием к сведениям из смежных наук: юриспруденции, юридической лингвистики, психологии и когнитивной психотерапии.

НАШИ АВТОРЫ

Авдеев Роман, студент магистратуры юридического факультета Алтайского государственного университета.

Антонова Светлана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Беларусь.

Артыкуца Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Национального университета «Киево-Могилянская академия», г. Киев, Украина.

Баишева Зиля Вагизовна, профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Оренбургский государственный университет,

Басай Николай Михайлович, кандидат юридических наук, доцент Кемеровского государственного университета.

Бикейкина Наталья Андреевна, старший преподаватель кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета.

Бляхман Борис Яковлевич, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права Кемеровского государственного университета.

Бринев Константин Иванович, кандидат филологических наук, зав. кафедрой общего и русского языкознания Барнаульской государственной педагогической академии.

Бушев Александр Борисович, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в городе Твери.

Василишин Иван Иванович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин Московского государственного лингвистического университета.

Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор Сибирского юридического института МВД России, г. Красноярск.

Воробьева Марина, студентка Кемеровского государственного университета.

Голев Николай Данилович, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Кемеровского государственного университета.

Грачёв Михаил Александрович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Дубровская Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Пензенского филиала Международного независимого эколого-политологического университета.

Дырин Геннадий Леонтьевич, соискатель, Кемеровский государственный университет.

Зайцева Ирина Дмитриевна, аспирант кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

Иваненко Галина Сергеевна, докторант, Челябинский государственный педагогический университет.

Иваненко Полина, студентка Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск.

Кадоло Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан.

Кара-Мурза Елена Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член ГЛЭДИС

Катунин Дмитрий Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

Кишина Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Кемеровского государственного университета.

Краснянская Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, декан юридического факультета Западно-Уральского института экономики и права, г. Пермь.

Красовская Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Восточноукраинского национального университета, г. Луганск.

Кузнецова Татьяна Юрьевна, аспиранта кафедры русского языка Кемеровский государственный университет.

Кузьмина Светлана Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка переводческого факультета Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова**.**

Кыркунова Лариса Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного университета.

Лебедева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и славяно-русского языкознания Кемеровского государственного университета.

Махмудов Шамиль Ахмедович, доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара.

Мишланов Валерий Александрович, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного университета, заведующий лаборатории прикладной герменевтики и лингвокриминалистики.

Морозов Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета, г. Барнаул.

Наумов Валерий Геннадьевич, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

Обелюнас Нина Владимировна, аспирант кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

Олзоева Янина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Осколкова Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, доцент Северодвинского филиала Поморского государственного университета.

Павлова Ольга Дмитриевна, начальник отдела Управления образования администрации г. Лангепас, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

Парасуцкая Марина Ивановна, аспирант Барнаульской государственной педагогической академии.

Петрова Оксана, студентка филологического факультета Алтайского государственного университета.

Прокуденко Нина Алексеевна ,кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

Пыж Анна Михайловна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Самарского государственного университета.

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

Садыкова Гульчера Вахобовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, профессор кафедры китаеведения Благовещенского государственного педагогического университета.

Сарамотина Людмила Христофоровна, ст. преподаватель кафедры иностранных языков Кемеровского государственного университета.

Саржина Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Томского государственного университета.

Сидорова Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Поморского государственного университета, г. Архангельск.

Синеокова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка переводческого факультета Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова**.**

Скорофатова Анна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры юридической лингвистики и документоведения Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина.

Сыпченко Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент Томского государственного университета.

Третьякова Вера Степановна, доктор филологических наук, профессор Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург.

Чабаненко Марина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

Чернов Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Чернышова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета, зав. лабораторией юрислингвистики и развития речи, г. Барнаул.

Ширинкина Мария Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета.

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор руководитель юридического отделения Московского государственного лингвистического университета.

Южанинова Лариса Александровна, соискатель, Московский педагогический университет.

Яковлева Евгения Андреевна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Яковлева Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций Новосибирского государственного университета.